УРАЛЬСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

№ 13

2006

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Институт истории и археологии

УРАЛЬСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

№ 13

Ямальский выпуск

ЕКАТЕРИНБУРГ - САЛЕХАРД
ГОЩИЦКИЙ
2006

ББК 63.3(2)+63.4+63.5
У68
УДК 947(571.121)

АЛЕКСЕЕВА В.В.

У68 Уральский исторический вестник. № 13 (Ямальский выпуск). — Екатеринбург-Салехард: «Гощицкий», 2006. — 292 с.

ISBN 5-98829-006-X

Выпуск посвящен проблемам истории, археологии и этнографии Ямала, которые рассматриваются в теоретико-методологическом, историографическом и историческом аспектах. Проанализированы вопросы освоения и изучения края, взаимодействий государства с коренным населением, эволюции образа жизни, культуры и менталитета местных жителей, их культурного наследия.

Издание рассчитано на историков, регионоведов, этнологов, культурологов, политологов, краеведов.

Главный редактор

академик РАН В.В.Алексеев

Редакционная коллегия:

к.и.н. Е. Т. Артемов; д.и.н. В. С. Балакин;
чл.-корр. РАН А.В. Головнев; д.и.н. В. В. Запарий;
к.и.н. К. И. Зубков; д.и.н. Г. Е. Корнилов; д.и.н. К. И. Куликов;
к.и.н. И. Л. Манькова; к.и.н. М. Ю. Нечаева (ответственный секретарь);
к.и.н. И. В. Побережников (зам. главного редактора);
д.и.н. С. П. Постников; к.и.н. А. Ф. Сметанин;
д.и.н. А. В. Сперанский; д.и.н. В. П. Тимошенко;
д.и.н. Г. Н. Чагин; к.и.н. А. Т. Шашков; д.и.н. А. Ф. Шорин

Редакционная коллегия выпуска:

к.и.н. С. Е. Алексеев, к.с.н. А. В. Артеев,
д.ф.н. М. Б. Беков, д.и.н. В. Д. Камынин,
к.и.н. И. В. Побережников (ответственный редактор),
Ф. Г. Сайфитдинов, д.и.н. В. П. Тимошенко

ISBN 5-98829-006-X

© УрО РАН, Институт истории и археологии, 2006
© Оформление. Издательство «Гощицкий», 2006

ПРЕДСТАВЛЯЮ НОМЕР

Очередной выпуск Уральского исторического вестника, подготовленный историками, этнологами, археологами, философами, социологами, демографами Екатеринбурга, Салехарда, Тюмени, Тобольска, Новосибирска, Нефтюганска, Ижевска, Перми, Благовещенска, посвящен проблемам истории и современного развития крайнего севера Западной Сибири – региона Ямал.

Актуальность изучения регионального развития обусловлена уникальной обширностью территории России, удивительным природно-климатическим и цивилизационно-культурным разнообразием ее районов, особым характером и значимостью взаимоотношений центра и периферии.

В российской историографии региональные проблемы длительное время рассматривались преимущественно в трех ракурсах: экономическом, этнонациональном и краеведческом, что вело к их фрагментации, снижало комплексность и глубину их понимания. Между тем, регионализм представляет тугой узел взаимосвязанных проблем, немалое значение в котором играет историческое измерение. Сегодня перед социальными и гуманитарными науками встала неотложная задача глубокого осмысления исторических корней региональных проблем, обобщения опыта их позитивного и негативного развития и попыток решения в прошлом, создания нового научного направления – исторической регионалистики.

В России с незапамятных времен сложился высокомерный взгляд на окраины страны, где, по мнению правящей элиты и некоторых историков, господствовала склонная к протесту народная стихия стекавшихся сюда стрельцов, казаков, разбойников, староверов, осуществлявших их колонизацию. Между тем, на окраинах, которые зачастую представляли собой осколки соседних цивилизаций, формировалась своя специфическая социокультурная среда, которая незаметно для центра впитывалась в ткань великой державы и представляла ее неотъемлемый компонент. Особую роль в истории России сыграли восточные регионы, в частности, Сибирь, присоединение которой к Московской Руси предохранило последнюю от вытеснения на обочину мировой истории, сыграло впоследствии выдающуюся роль в модернизации страны.

Особое место в истории присоединения и освоения восточных территорий принадлежало и принадлежит крайнему северу Западной Сибири (ямальскому региону), который стал первым зауральским регионом России, долгое время служил коридором для продвижения русских далее на восток, вглубь сибирских просторов, наконец, во второй половине XX столетия, с открытием на сибирском Севере месторождений нефти и газа, превратился в значимый фактор экономического развития страны.

В журнале проанализирована роль российского Севера в геополитической динамике XV–XVII вв., дано обоснование концептуально-методологических рамок исторического исследования крайнего севера Западной Сибири в конце XV – начале XX в., существенное внимание уделено различным аспектом этнокультурного развития региона с древнейших времен до современности, влияния русской колонизации на местные аборигенные сообщества, роли транспортных коммуникаций в освоении Северного Урала и Нижнего Приобья, демографическому развитию Ямало-Ненецкого автономного округа, современным проблемам межнациональных отношений и межрегиональной интеграции.

В рубрике «Публикации» помещены уникальные источники по истории исследований и открытий крайнего севера Западной Сибири, в частности, по истории рудоискательства на Полярном Урале, а также Великой Северной экспедиции.

Главный редактор –
академик РАН В. В. Алексеев

К. И. Зубков

РОССИЙСКИЙ СЕВЕР В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ XV–XVII вв.

На рубеже XIX–XX вв. возникновение геополитики как особого типа социальной теории, исследующей взаимозависимость между политикой государств и фундаментальными свойствами их изменяющегося во времени географического базиса, знаменовало утверждение принципиально нового пространственного стратегического мышления, которое в основных чертах описывалось концептуальной метафорой «закрытого пространства». Исчерпание территорий «фронтира» и неосвоенных, «бесхозяйных» колониальных окраин в Старом и Новом Свете ознаменовало завершение «большого» экспансионистского тренда, порожденного эпохой Великих географических открытий XV–XVII вв., – тренда, который, поэтапно воссоздавая и в конечном итоге воссоздав непрерывное, связное единство мира, чрезвычайно актуализировал проблему внутренних функциональных и силовых членений этой самодовлеющей, замкнутой в самой себе мироцелостности. Этим, по существу, впервые в императивной форме перед человечеством была поставлен вопрос о том, как эта мироцелостность должна быть организована в политическом смысле, чтобы могла действительно управляться как единая система. Данный вопрос уже тогда – в начале XX в. имел более общую и фундаментальную теоретическую подоплеку, чем та, из которой исходила марксистско-ленинская теория империализма. Эта проблематика явно или подспудно лежала в основе самых известных, классических дефиниций геополитики, определявших круг ее исследовательских и прикладных задач. Можно усмотреть лишь обусловленные спецификой страны и исторической обстановки иносказательные различия в том, как определяли цели геополитики англичанин Х.Дж.Маккиндер («нахождение географической причинности во всемирной истории» с целью «перспективного понимания некоторых конкурирующих сил в текущей международной политике» и достижения баланса между ними) [1] и немец К.Хаусхофер («более справедливое и лучшее распределение мирового жизненного пространства и контроль над этим пространством» в соответствии «с численностью каждой группы и ее способностью к достижениям») [2]. В обоих случаях речь идет об оптимальной (конечно, с позиций каждого наблюдателя) политической организации мирового пространства.

Геополитика, обобщенно говоря, и является интегральным способом самоопределения государства или территории относительно функциональной и силовой структуры, которая лежит в основе системной организации глобального пространства. Это самоопр-

---

[1] Маккиндер Х. Дж. Круглый мир и достижение мира // Уральский исторический вестник. № 1. Екатеринбург, 1994. С. 153.

[2] Haushofer K. Das Ziel der Geopolitik // Zeitschrift für Geopolitik. 1944. 21 Jahrgang. S. 135.

ределение по своей природе носит стратегический и проективный характер, но покоится на гораздо более инерционном фундаменте — исторически осознаваемой и закрепляемой в коллективном опыте ценности того географического положения, которое занимает то или иное государство в глобальном пространстве. Однако тот факт, что географическая позиция в ее ценностных измерениях способна генерировать определенные стратегические импликации, превращает ее в динамический фактор истории и заставляет смотреть на нее как на позицию силы, с которой государство способно влиять на мировое развитие и изменять глобальные структурные зависимости.

П.Тэйлор убедительно доказывает, что все разнообразие идей и решений относительно принципов распределения силы в мировой системе можно свести лишь к двум исходным моделям определения ценности геопространства: стратегической и функциональной [3]. Первая оценивает геополитическую силу государства в категориях и величинах абсолютного географического положения — как природного базиса истории, взятого во всем многообразии его существенных характеристик — и, как следствие, в аспекте того, какое значение этот физико-географический базис государства может иметь для его безопасности и военной стратегии. Предполагается, что размеры государственной территории, их отношение к ширине возможных «коридоров» вторжения, морское или континентальное положение государства, характер топографии и наличие географических «барьеров», образующих естественный «защитный пояс» страны и т.п. могут не только оказывать существенное влияние на стратегический потенциал этого государства, но и определять доминантные векторы его территориального расширения и адаптации к факторам внешней угрозы. Вторая модель делает упор на относительное, или функциональное, положение государства в структурных взаимодействиях интегрирующей его в себя мировой системы, включая, прежде всего, его место в глобальном разделении труда, а, следовательно, на его ресурсный потенциал. Последний фактор в не меньшей степени, чем собственно стратегический, способен определять силу и влияние государства.

Разумеется, ценность этих моделей — исключительно аналитическая. Рассматривать их как типологически чистые отражения реальных процессов можно лишь теоретически; более того, даже на уровне теоретической констатации, если рассматривать соотношение физико-географических и функционально-экономических факторов, следует признать, что эти модели отдельными сегментами диалектически взаимопроникают друг в друга. Если же касаться реальных практик геополитического самоопределения государств, то водоразделы между систематизированным физико-географическим описанием государственной территории и структурным анализом глобального пространства, между факторами безопасности и измерением ресурсно-экономической силы государства могут вообще размываться. При всем этом моделирующее начало является абсолютно необходимым в тех случаях, когда возникает потребность более четко представить, с одной стороны, природу и динамику структурных зависимостей, детерминирующих геополитическое самоопределение государства, с другой, изменяющееся политическое значение самого географического базиса государства.

Обычно принято считать геополитический базис государств инвариантом, мало подверженным изменениям, а геополитические структуры — инерционными. В этом смысле геополитика часто приравнивается к постоянству судьбы. Но это далеко не так. Именно структурные сдвиги и перемены в действии основных мировых тенденций способны изменять роль и значение географической позиции страны, высвечивая каждый раз новые грани ее силы, влияния, ценности для самой себя и для человечества в целом. В то же время сами эти структурные сдвиги являются результатом исторического раз-

[3] Taylor P. Unity and Division in Global Political Geography // Companion Encyclopaedia of Geography. The Environment and Humankind. Ed. by J.Douglas, R.Haggett and M.Robinson. L.; N.Y., 1996. P. 332–333.

вития, которое неразрывно связано с прогрессом в освоении человеком разнообразных географических сред.

Эвристическое значение геополитического моделирования существенно расширяется благодаря двум его возможным проекциям во времени и пространстве. Во-первых, возникает возможность анализировать структурный аспект динамики развития и территориального роста государств ретроспективно, в историческую глубину, поскольку, как доказали И.Валлерстайн и Ф.Бродель, еще до того, как мир во всех его частях стал действительно представлять собой системное единство, структурные зависимости проявили себя и в рамках отдельных региональных «миров-экономик» [4], и в масштабе определившихся уже в XVI–XVII вв. очертаний «мира-системы», запечатленных во взаимоотношениях наиболее развитых государств Западной Европы и колониальной периферии мира [5]. Во-вторых, структурный и функциональный анализ может быть обращен на исследование внутренней региональной композиции государств, каждое из которых может в свою очередь рассматриваться как подсистема, в существенной части подчиненная структурным зависимостям становящейся глобальной системы и особым образом транслирующая их в свойствах своей внутренней политической организации.

Российский Север представляет собой ту историческую и географическую реальность, развитие которой, пожалуй, в наиболее полном виде демонстрирует применимость к его объяснению принципов и методов геополитического анализа. С одной стороны, на протяжении большей части своей истории российский Север подтверждал свою принадлежность к мировой циркумполярной зоне — глобальному «фронтиру», взаимодействия которого, как нераздельного достояния человечества, с развитым «ядром» мировой цивилизации всегда были в минимальной степени опосредованы отношениями национального суверенитета и принципами раздела колониальных сфер влияния. С другой же стороны, российский Север — интегральная часть национально-государственной территории России, важнейший компонент ее внутренней региональной структуры, без учета которого невозможно адекватно осмыслить общий ход истории страны, закономерности ее позиционирования в системе мировых отношений. В этом отношении российский Север в течение последних шести-семи столетий неизменно находился в силовом поле пересечения структурных зависимостей, имеющих глобальный и национальный масштаб проявления. В то же время периферийность Севера, его своеобразная, почти «островная» изолированность от основной арены глобального и национального развития, пронизанной сложными социальными взаимодействиями сетевой природы, позволяет видеть векторы этих структурных зависимостей в его развитии наиболее отчетливо.

О геополитической роли российского Севера, конечно, уместно говорить лишь применительно к той эпохе, когда его территория, преодолев определенный критический барьер изолированности, вошла в орбиту актуального политического развития Русского государства и Европы как зарождающегося «ядра» мировой системы. Важным индикатором, характеризующим эту переходную эпоху, может считаться постепенное вытеснение различных отвлеченно-фантастических представлений о Севере достоверными географическими отчетами и практически ценными сведениями о ресурсных богатствах северных окраин и их возможном значении для мировой торговли.

Начиная с XV–XVI вв., в развитии российского Севера можно выделить несколько характерных моделей его геополитического позиционирования как фактора россий-

---

[4] Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М., 1992. С. 14, 32.

[5] См.: Wallerstein, I. The Modern World-System: Capitalist Agriculture and the Origin of the European World-Economy in the Sixteenth Century. N.Y., 1974; Wallerstein, I. The Modern World-System II. N.Y., 1980; Wallestein, I. The Modern World-System III: The Second Era of Great Expansion of the Capitalist System, 1730–1840. San Diego, 1988.

ской и мировой истории — моделей, охарактеризовать которые мы можем здесь лишь в виде самого сжатого очерка.

Прежде всего, Север в самой существенной степени обусловил сам ***генезис русской государственности*** — по крайней мере, на этапе ее перехода в режим устойчивого территориально-политического роста и создания единого государства с централизованным управлением. Со времени вхождения Севера Евразии в орбиту непосредственного политического влияния Русского государства он играл в течение последующих двух-трех критических веков формирования европейской и международной системы роль одного из ключевых стабилизирующих факторов территориально-политического развития России. В конце XV — первой половине XVII вв. Русское государство последовательно расширялось преимущественно на северо-восток, по линии наименьшего сопротивления, т.е. на те пустынные, неосвоенные территории, принадлежность которых не могла быть оспорена другими державами [6]. В то же время это вектор экспансии в целом следовал той геополитической инерции, которая определилась уже с XII в. в виде перемещения основной области хозяйствования (еще сугубо натурального типа) с приднепровского юга в лесные районы Верхней Волги. Можно в основном соглашаться с мнением В.О.Ключевского, что это перемещение хозяйственного центра ослабляло значение внешней торговли для жизнедеятельности русских земель и предопределяло тем самым преимущественно самодовлеющий, «континентальный» тип их развития [7], однако нельзя не принимать во внимание и происходившего параллельно с угасанием пути «из варяг в греки» формирования новых маршрутов внешнего товарообмена — с Ганзой через Новгород и со Скандинавией через Белое море [8], которые еще больше усиливали северный геополитический градиент территориального роста России. В детерминирующей связи с этим движением на север находится и расширение ареала промыслового освоения (солеварение, железоделательный промысел, рыболовство и добыча морского зверя и др.), что разнообразило фундамент хозяйственной жизни страны и ее возможности в сфере внешнеторговых обменов.

Ситуация геополитического «ухода», в которой Московская Русь смогла превратиться в устойчивое «ядро» будущей евразийской державы [9], подчеркивает колоссальное значение окраин, прежде всего, северо-восточных, в этом процессе. Р.Коллинз усматривает в этом проявление одного из универсальных законов геополитической динамики, который для XV–XVII вв. можно интерпретировать таким образом, что в этой решающей с всемирно-исторической точки зрения фазе складывания национальных государств те из них, которые находились на международных «перекрестках», в зоне пересечения и конфликта геополитических интересов, имели тенденцию к распаду и дестабилизации (Польша, Германия). И, напротив, со всей силой в этот период выявляется преимущество ***окраинной позиции***. Окраинные территории не только становятся центрами «кристаллизации» устойчивых государственных образований, но и, образуя за «фасадом» этих государств своего рода «тыловую стену» и неисчерпаемый до времени ресурсный резервуар, создают возможность сосредоточивать превосходящие силы на ограниченном количестве географических направлений, способствуя дальнейшей территориальной экспансии [10].

---

[6] История Европы. Т. 3. От средневековья к Новому времени. М., 1993. С. 118–119.

[7] Ключевский В.О. Сочинения в 9-ти тт. Т. 1. Курс русской истории. Ч. 1. М., 1987. С. 310.

[8] Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. 2-е изд. Челябинск, 2004. С. 35–36.

[9] См.: Зубков К.И. Геополитический и цивилизационный прафеномен России // Региональная структура России в геополитической и цивилизационной динамике. Доклады. Екатеринбург, 1995. С. 36–38.

[10] Коллинз Р. Предсказание в макросоциологии: случай советского колланса // Время мира. Вып. 1. Новосибирск, 2000. С. 238.

Конкретизируя этот тезис, можно отчетливо выделить несколько геостратегических проекций роли Севера в становлении Русского государства и стабилизации его государственно-политической организации:

1) Вплоть до конца XVI в. Север сохраняет свою роль как ***стратегического тыла*** России — территории возможного отступления, в наименьшей степени подверженной геополитическим рискам и внешним нападениям. Геополитический тыл Московского государства долгое время описывался широтной «оборонительной дугой», выходящей из междуречья Оки и Верхней Волги на Русский Север и оттуда, огибая Вятку, спускавшейся через Великую Пермь на «строгановский» Урал и в земли Югры. Стратегическое оборонительное значение этой «конструкции» можно хорошо проследить через географию эвакуационных отходов, совершавшихся московскими правителями и населением в периоды наиболее крупных, достигавших Москвы и отдаленных русских земель, татарских набегов. Н.М.Карамзин, со ссылкой на норвежский источник, упоминает, например, о бегстве жителей Перми от вторгшихся «чрез Казанскую Болгарию» татар в норвежские пределы, где им «Королем Гаконом» (по-видимому, Хаконом V Магнуссоном, правившим в 1299–1319 гг.) были даны «земли для поселения» [11]. Отнесение этого события к периоду правления Хакона V позволяет предположить, что речь идет о северном побережье Кольского полуострова, которое Норвегия в то время активно оспаривала у новгородцев [12]. В 1382 г. во время нашествия Тохтамыша на Москву Дмитрий Донской спасается бегством в Переяславль, а затем Кострому; в 1408 г. этим же маршрутом вынужден был уходить от отрядов хана Едигея великий князь Василий Дмитриевич и его семья [13]. А в 1480 г., при подходе золотоордынского хана Ахмата к Угре, ситуация столетней давности была близка к повторению: сам еще склоняясь к тому, чтобы остаться в осаде в Москве, Иван III заблаговременно отсылает свою жену, «римлянку» Софью, вместе с казной в Белоозеро, «давши наказ ехать далее к морю и океану, если хан перейдет Оку и Москва будет взята». По-видимому, с этого времени, как о том свидетельствует духовная Ивана III, часть великокняжеской казны стала храниться «на Белоозере и на Вологде» [14]. Весной 1571 г., при опустошительном набеге крымского хана Девлет-Гирея на Москву, Иван Грозный спасался бегством в Александровскую слободу, а оттуда в Ростов. По сообщению «Вологодского Летописца», когда Москва была сожжена, Иван Грозный «был тогда на Вологде и помышляше в Поморские страны, и того ради строены лодьи и другия суды многия к путному шествию» [15]. Поразительное, наблюдаемое от века к веку, совпадение общего северного вектора этих оборонительных отступлений позволяет видеть в нем проявление геополитической структурированности процесса территориального роста России.

2) Север в эту эпоху русской истории выступает не только пространственным резервом, но и емким ***ресурсным тылом***, позволявшим, в конечном счете, преобразовать окраинное положение страны в «наступательную» позицию или, по крайней мере, компенсировать иные стратегические слабости и уязвимые места в геополитическом положении Русского государства. Лежащие к востоку от Печоры богатые пушниной и морским зверем северные территории стали мощным ***катализатором развития торговых и дипломатических связей*** России со странами Западной Европы, способствуя повышению международного престижа Русского государства и его включению в систему европейских отношений. Растущий спрос на пушнину северных районов Сиби-

---

[11] Карамзин Н.М. История государства Российского. В 12-ти тт. Т. IV. М., 1992. С. 56.

[12] См.: История Норвегии. М., 1980. С. 157.

[13] См. подробное описание этих эпизодов в: Соловьев С.М. Сочинения. Кн. II. История России с древнейших времен. Т. 3–4. М., 1988. С. 279, 361–362.

[14] Соловьев С.М. Сочинения. Кн. III. Т. 5–6. М., 1989. С. 75, 143.

[15] ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI – XVIII вв.

ри на рынках Запада и Востока дал значительный толчок сначала землепроходческой активности предприимчивых феодалов, купцов и промышленников, а затем и «предпринимательству» на этом поприще самого государства. Вступление его в прибыльное дело эксплуатации сибирских ресурсов с конца XVI в. дало, по словам С.В.Бахрушина, «новый оборот» всей политике захвата зауральских земель [16]. Товарные ресурсы, поступавшие в казну от непосредственной эксплуатации государством инородческого населения восточных территорий, в частности, сибирская пушнина, составлявшая своеобразный «валютный резерв» государства, активно использовались в торговле с Западом. Получаемые в итоге богатства расходовались не только на удовлетворение потребностей господствующего класса, но и на проведение в жизнь широкой программы общегосударственных мероприятий, включая военное строительство и реализацию целей внешней политики. Эту сторону сибирской пушной торговли особо отметил американский историк Н.Фрейшин-Чировски: «Доходы от пушной монополии и ясака не только финансировали содержание сибирской администрации, но и доставляли центральному правительству значительный избыток для оплаты других общественных начинаний» [17] Монопольное положение казны в развивающейся торговле с Западом отнюдь не отменяло большого значения последней для развития русского предпринимательства. Из доходов от «мягкой рухляди», в частности, кредитовалось московское купечество, торговавшее с Персией и Западной Европой [18]. Само открытие Русского государства Западной Европе и установление с ней прочных торгово-дипломатических связей находилось под мощным давлением коммерческого интереса европейцев к скупке мехов на русских рынках или достижению «соболиных» мест. Высокий спрос на пушнину позволял достаточно отсталой тогда по сравнению с Западной Европой России расширить свои международные экономические позиции, избегнув окончательного оттеснения на периферию европейской цивилизации, т.е. выполнить жизненно важную для ее государственного существования историческую задачу. В контексте русско-западноевропейских отношений земли Сибири и Севера уже к началу XVII в. фигурировали в числе наиболее доходных и стратегически ценных для Русского государства территорий. Голландец Исаак Масса сообщал, что после убийства Лжедмитрия в мае 1606 г. бояре, сторонники Василия Шуйского, объясняя народу причины низвержения самозванца, инкриминировали ему, среди прочего, заключение с «воеводой Сандомирским» Юрием Мнишеком договора, по которому он, самозванец, сыну воеводы, брату царицы, обещал «отдать всю землю Сибирь, а также Самоедскую и соседние земли» [19].

Для XVII в. можно констатировать уже как геополитическую реальность возникновение устойчивой структурной зависимости между функционированием западноевропейского «мира-экономики» и горизонтами территориальной экспансии России. П.В.Стегний, например, отмечает в царствование Алексея Михайловича заметную активизацию внешней политики России, связывая ее как раз с решительным разворотом прежде изолированного Московского царства в сторону Европы и с характерным для абсолютизма смыканием интересов государства и купечества. В этот период взаимоотношения России с Европой начинают подчиняться новой экономической логике — логике меркантилизма. Чем в большей степени в критических пунктах торговли России с Западной Европой — на Белом море (через Архангельск) и на Балтике — утверждалась фактическая монополия европейских государств — соответственно, Англии и Швеции, тем с большей энергией Россия должна была компенсировать проигрыш в торговых

[16] Бахрушин С. В. Научные труды. Т. IV. М., 1959. С. 9.

[17] Freishin-Chirovsky N. The Economic Factors in the Growth of Russia. An Economic-Historical Analysis. N.Y., 1957. P. 97–98.

[18] Бахрушин С. В. Указ. соч. С. 11.

[19] О начале войн и смут в Московии / Исаак Масса. Петр Петрей. М., 1997. С. 125.

доходах, наращивая темпы территориальной экспансии как условия продвижения к новым, почти недосягаемым для европейцев, рынкам – прежде всего, на северной периферии Евразии, где уже в 1648 г. Семен Дежнев открывает пролив между Азией и Америкой, прокладывая морской путь в Тихий океан [20]. Скорость же продвижения русских землепроходцев на Севере в очень сильной степени подчинялась темпам истощения пушных богатств на каждой вновь присоединяемой территории. В этой связи вполне объясним тот факт, что экспансия России на восток, шедшая особенно энергично по северной кромке Евразии, в среднем на 20–30 лет, если не на полстолетия, опережала закрепление за Россией более южных территорий Сибири, расположенных на сопоставимой долготе. При этом Север как бы создавал стратегический «навес» над южными территориями, предопределяя тем самым их дальнейшее вхождение в состав Русского государства. Сколь бы ни рискованны были такие аналогии, можно сказать, что в геополитическом смысле пушные ресурсы северных окраин Евразии играли в поддержании структур взаимозависимости в развитии России и Западной Европы роль, вполне подобную той, какую сегодня приобрели в этих отношениях топливно-энергетические ресурсы Сибирского Севера.

3) Освоение Севера следует также считать одним из важнейших факторов ***внутренней трансформации политической организации*** Русского государства. Как уже отмечалось, пушные ресурсы Севера, пополняя государственную казну, позволяли государству решать целый ряд задач модернизационного плана, которые в зачатке содержали в себе элементы «прото-» или «quasi-буржуазного» развития – если, конечно, рассматривать абсолютизм как политическую организацию, компенсирующую усилением самостоятельной роли государства отсутствие в обществе ощутимых импульсов в направлении буржуазной эволюции. Как нам уже приходилось писать, на этапе становления абсолютистской формы правления территориальный рост государства функционально предопределяет и его значительное политическое усиление. Присоединение к России обширных северных и восточных территорий происходило в основном в русле расширения собственности абсолютистского государства (поскольку эти территории, как правило, образовывали «государеву вотчину»), установления на этих землях различных видов его экономической и торговой монополии и системы бюрократического контроля. Все это усиливало могущество монарха, резко возвышая его над старой, феодальной структурой социальных и политических отношений [21].

По-видимому, уже в такой крупномасштабной социальной реконструкции, как начатая Иваном Грозным на рубеже 1564–1565 гг. опричнина, можно видеть в какой-то степени опережающую свое время и осуществляемую варварскими методами территориальную (а во многом и геополитическую) реорганизацию государства – реорганизацию «абсолютистского типа», которая безошибочно соотносила территориальный состав опричнины с богатством и геостратегическим положением отдельных русских земель. С.Ф.Платонов в свое время уделил значительное внимание именно территориальному аспекту этой политики Ивана Грозного. Он, в частности, отмечал: «Царь последовательно включал в опричнину, одну за другой, *внутренние области государства* (здесь и далее курсив мой – К.З.), производил в них пересмотр землевладения и учет землевладельцев, удалял на *окраины* или попросту истреблял людей, ему неугодных, и взамен их поселял людей надежных». И далее: «С развитием дела опричнина получила огромные размеры. Она охватила *добрую половину государства, все его центральные и*

---

[20] Стегний П.В. Геополитические императивы российской внешней политики: ретроспективные аспекты (1648–1991) // Десять лет внешней политики России: Материалы Первого Конвента Российской ассоциации международных исследований. М., 2003. С. 93–94.

[21] Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века. М., 2004. С. 545.

северные области, и оставила в старом порядке управления, «в земском», только *окраинные* (главным образом, на юге и западе — К.З.) уезды» [22]. В полной мере подведение под здание абсолютистской монархии соответствующего территориального фундамента происходило уже с присоединением Сибири, где государственная монополия коснулась не только землевладения, но и практически всех видов наиболее ценных ресурсов, находящихся на этой территории. По-видимому, становление имперского государства в России следует связывать не только с включением в ее состав ранее вполне «суверенных» иноэтничных компонентов, но и с принципиально новым, характерным для абсолютизма отношением власти к вновь приобретаемым территориям.

В этой политике нельзя видеть что-то исключительное. Нечто похожее, как отмечает норвежский историк У.Ристе, было характерно для датских королей Кристиана IV и Фредерика III, которые проявляли свой «имперский» инстинкт после проигранных войн со Швецией тем, что предпочитали делать территориальные уступки победителю за счет Дании, а не Норвегии, которая, являясь их наследственным владением, была для них гораздо ценнее как территориально-силовой ресурс, подкрепляющий «независимость» королевской власти перед лицом крупных феодалов — членов Государственного совета, владевших землями в основном на датской территории [23].

4) В XVI–XVII вв. российский Север переживал по-своему уникальный период в своем развитии, который, благодаря развернувшей эпопее ***Великих географических открытий***, отмечен его ранним, но весьма неустойчивым вхождением в формирующуюся глобальную структуру «мир-системных» отношений. Первоначальной и поразительной по силе мотивацией к тому, как известно, послужили настойчивые поиски западноевропейскими морскими державами «второго эшелона» (Голландия, Англия, Франция) т.н. Северо-восточного прохода в Индию, Китай и к легендарным Молуккским островам («Островам Пряностей») как альтернативы монопольному контролю португальцев и испанцев над важнейшими морскими подступами к азиатской континентальной массе. Это и предопределило стремительное по меркам того времени расширение географии этих поисков и следовавшей за ними колониальной торговли, что дает определенные основания считать эту волну активности «первой глобализацией». Подчеркнем, что речь в данном случае идет о действии структурных зависимостей глобального уровня, которые «управляли» активностью западноевропейцев безотносительно к тому историческому движению в северо-восточном направлении, которое до этого осуществляла Россия. Можно лишь, вслед за Х.Дж.Маккиндером, объяснить действием единого закона экспансии отдаленную «корреляцию» между первыми заморскими завоеваниями португальцев и испанцев и походом Ермака в Сибирь как двумя типами исторической мобильности — морской и сухопутной [24] или, вслед за Ф.Броделем, объяснить связь между «изобретением Америки» европейцами и «изобретением Сибири» русскими специфическим давлением на «окраины» Европы общих потребностей роста европейской экономики и расширения международной торговли [25]. Но и в том, и в другом случае речь идет скорее о параллельных усилиях, чем о чем-то, напоминающем совместное предприятие. Лишь на российском Севере эти два отдельных потока экспансии были приведены географией в непосредственное соприкосновение, а затем и в известный резонанс. С учетом этих обстоятельств рассказ русского посла в Риме Дмитрия Герасимова писателю Павлу Иовию о возможности пройти в Китай через «северное море» (1525 г.) можно считать скорее удачным «информационным поводом» к органи-

[22] Платонов С.Ф. Иван Грозный. Пг., 1923. С. 122–123.
[23] Ристе У. История внешней политики Норвегии. М., 2003. С. 50.
[24] Маккиндер Х.Дж. Указ. соч. С. 153.
[25] Бродель Ф. Указ. соч. С. 468.

зации первых западноевропейских экспедиций на поиски Северо-восточного прохода, чем их первопричиной.

Значение такой информации, конечно, не стоит недооценивать. Важно в этой связи подчеркнуть и другой момент, в какой-то степени объясняющий, почему негостеприимные, суровые окраины российского Севера на время стали довольно оживленной ***магистралью международных связей***. Исключительно функциональная природа зарождающихся «мир-системных» зависимостей в какой-то степени делала относительными реальные расстояния и географические препятствия, подменяя их на каждом шагу «ментальным картированием». Значение могла иметь только общая географическая конфигурация ойкумены. Известно, что расчетам европейских мореплавателей проникнуть к сокровищам Азии Северо-восточным путем были присущи те же судьбоносные ошибки, которые совершил Колумб, исчисляя расстояние до «Индии» западным путем. Упорство, с которым они искали северо-восточный путь в Китай, во многом объяснялась картографическим курьезом, убеждавшим в близости вожделенной цели: на многих западноевропейских картах середины — конца XVI в. широкая, полноводная Обь изображалась непосредственно вытекающей из мифического «Китайского озера», и у ее же истоков помещали город Канбалык (т.е. Пекин) [26]. Протяженный эстуарий Оби и значительная часть ее течения к тому же часто изображались на картах в виде глубоко вдающегося в континентальный массив «Тартарии» морского рукава. Г.Ф.Миллер, относя к числу таких же вожделенных для европейцев, но достоверно не подкрепленных целей поиска нанесенный на многие карты Анианский пролив, остроумно замечал, что «их старание о сыскании пути в Китай и в Индию по Ледовитому морю основано было наибольше на том, что объявленной пролив находится действительно», что должно было как-то помочь преодолеть парализующий страх перед неизвестностью [27] Это отчасти и объясняет, почему одного из наивысших пиков поисково-экономическая эксплуатация западного участка Северного морского пути (конечно, в пропорции к исторически определенному уровню развития экономики и накопления общественного богатства) достигла в XVI–XVII вв., когда плавания в суровых арктических водах могли опираться лишь на самую примитивную мореходную технику.

Поиски Северо-восточного прохода превратились в целую серию экспедиций по поиску альтернативного морского пути в Китай и Индию, которые в реальности имели мало шансов на достижение своей конечной цели. Исторический парадокс состоял, однако, в том, что побочные результаты поисков Северо-восточного прохода оказывались более важными с практической точки зрения, чем их главная цель. Стремясь в Китай, западноевропейские мореплаватели, на деле, открывали совершенно новый мир, частью которого для них являлась, в известной мере, и сама Россия. Это относилось в полной мере не только к Северу Сибири, но и к ее подступам, в частности, к малоизвестному тогда для европейцев побережью Белого моря и устью Северной Двины. В 1553 г. отправленная на поиски Северо-восточного прохода английская экспедиция Хью Уиллоуби и Ричарда Ченслера вынуждена была зазимовать у Лофотенских островов, однако в результате шторма плавание на восток смогло продолжить лишь судно «Эдвард Бонавентура» под командованием последнего. Прибыв в устье Северной Двины, Ченслер положил начало дипломатическим и торговым связям России и Англии. С этим событием, как известно, связаны основание Московской (Русской) компании в Лондоне и закладка Архангельска, являвшегося вплоть до последних лет царствования Петра I главным морским «окном» России в Европу. В 1556 г. экспедиция Стивена Барроу, от-

---

[26] См., напр., относящуюся к 1596 г. и в основном воспроизводящую сведения Сигизмунда Герберштейна карту Московии Йоханнеса Магинуса, опубликованную в: Bagrow L. A History of the Cartography of Russia Up to 1600. Wolfe Island (Ontario), 1975. P. 117.

[27] Миллер Г Ф Сочинения по истории России. Избранное. М., 1996. С. 19.

правившаяся к устью Оби, но достигшая лишь о. Вайгач, составила первую английскую карту северного побережья России до меридиана Уральских гор, а на составленной в 1562 г. Энтони Дженкинсоном карте России уже были указаны Обь, «область Самоедов» и город «Сибер» (Искер, столица Сибирского ханства) [28].

П.Н.Милюков за период с 1553 по 1625 г. насчитывает до полудюжины одних только английских исследовательских экспедиций по поиску Северо-восточного прохода [29]. Однако, хотя бы отчасти результативными — если таким результатом считать достижение устья Оби — были очень немногие из них. Информация о плавании в Обскую губу в 1580-х гг. английского торговца Фрэнсиса Черри (служившего одно время переводчиком у Ивана Грозного) опирается на крайне ненадежный источник. Гораздо больше доверия вызывает сообщение Джерома Горсея о том, что плененный русскими татарский «царь Сибири Чиглик Алот» (по одной из версий, это был царевич Маметкул, плененный на Вагае около 1582 г.) сообщал ему о его соотечественниках, захваченных вместе с кораблем, артиллерией, порохом и другими припасами при попытке отправиться вверх по Оби на поиски легендарного «Катая» [30]. (В исторической литературе это известие о гибели в устье Оби западноевропейского судна с вероятностью связывают только с английской экспедицией Чарльза Джэкмена, снаряженной в 1580 г. на разведку северо-восточного прохода в Китай, зимовавшей на судне «Уильям» на севере Норвегии и в следующем году пропавшей без вести на пути к Оби). Помимо англичан, путь к устью Оби прокладывали голландцы и скандинавы. Почти одновременно с сибирской экспедицией Ермака, в 1584 г., на поиски Северо-восточного прохода в Китай морем двинулся находившийся на службе у известных промышленников Строгановых фламандец Оливье Брунель, до этого уже посещавший (и, по-видимому, неоднократно) устье Оби [31]. Три собственно голландские экспедиции под руководством Корнелиуса Ная и Виллема Баренца (1594–1597 гг.), как известно, имели пределом своего продвижения на северо-востоке берега Новой Земли.

Трудно с определенностью сказать, насколько поиски Северо-восточного прохода заслоняли от европейцев их непосредственную заинтересованность в неконтролируемом доступе к богатствам Севера, прежде всего, к пушнине и морскому зверю. С.М.Соловьев, подробно освещая ход состоявшихся в 1616–1617 гг. переговоров с русским правительством английского посла Дж.У.Мерика, настойчиво просившего разрешения Москвы на отыскание «Обью рекой ходу в Индию и Китай», упоминает и о другой просьбе англичанина: отрядить из государевой «отчины» лопарей (саамов) для обучения морским промыслам и оленеводству англичан, уже успевших обосноваться на Новой Земле [32]. И.В.Щеглов, со ссылкой на сочинение французского врача и путешественника П.-М. де Ламартиньера, датировал одну из последних западноевропейских экспедиций (на этом раз датскую) по отысканию северо-восточного «прохода» 1653 годом. По его версии, экспедиция бесславно возвратилась домой, найдя пролив Югорский Шар забитым льдами [33]. Современный же датский историк М.Енсен относит к 1653 г. вполне успешную промысловую экспедицию датчан, которая уже вовсе не ставила перед собой каких-либо разведывательных или исследовательских задач: по мнению истори-

---

[28] Massey Stewart J. The British in Siberia: 1581–1978 // Asian Affairs. 1979, June. Vol. X, Part II. P. 132–133.

[29] Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3-х томах. Т. 1. М., 1993. С. 492.

[30] Джером Горсей. Записки о России. XVI – начало XVII в. М., 1990. С.106–107, 198.

[31] Bagrow L. A History of the Cartography of Russia Up to 1600. Wolfe Island (Ontario), 1975. P. 105.

[32] Соловьев С.М. Сочинения. Кн. V. История России с древнейших времен. Т. 9–10. М., 1990. С. 67, 88–89.

[33] См.: Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 гг. Сургут, 1993. С. 79.

ка, начиная с основания королем Кристианом IV Печорской компании (1619 г.), датчан забираться на далекий и пустынный северо-восток заставляло исключительно стремление пробиться к богатым ресурсам сибирской пушнины минуя русский таможенный контроль и русских посредников. Организованная этой экспедицией в устье Оби скупка мехов у местного населения за табак, водку, ткани и деньги отчетливо несла на себе характерную печать зарождающейся колониальной торговли [34]. К завершающей фазе западноевропейских плаваний, связанных с поисками северо-восточного «прохода» в Индию и Китай, можно отнести безуспешную голландскую экспедицию 1675 г. под руководством Сноббергера [35]. Самой последней экспедицией по отысканию «северного прохода в Индию» И.В.Щеглов считает английскую, состоявшуюся в 1676 г. под руководством «капитана Вуда» и сумевшую достичь лишь Новой Земли [36].

По-видимому, в тенденции цель достижения Индии и Китая северным путем все больше уступала место прагматическому стремлению европейцев получить контроль над торговлей с Россией через Белое море и найти прямой доступ к богатым ресурсам пушнины Севера Сибири. Активность европейских мореплавателей на Русском Севере была столь значительной, что уже Ивану Грозному приходилось до известной степени регулировать конкуренцию англичан, голландцев и французов в этом стратегически важном районе, приносившем внушительные прибыли от торговли с Россией [37]

Оживлению интереса западноевропейцев к разведке удобных путей к «соболиным» местам не могло не способствовать и общее состояние северных морских трасс. Устойчивость и относительную интенсивность русскому морскому пути на сибирский Север сообщало наличие опорного пункта русской пушной торговли — Мангазеи, возникшей в Тазовской губе, по-видимому, еще в 70-х гг. XVI в. «Златокипящая» Мангазея не только контролировала обширные промысловые территории, но и служила перевалочной базой для выхода к устью Енисея (через р. Туруханн), куда русские промышленники проникли уже к 1610 г. Обороты торговли пушниной в Мангазее, по некоторым данным, достигали нескольких сотен тысяч рублей (что по тем временам было колоссальной суммой). Условием процветания мангазейской торговли и связанного с ней морского пути на Сибирский Север во многом являлась как раз периферийность полярного побережья Сибири. Отсутствие здесь эффективного правительственного контроля довольно долго позволяло торговцам фактически беспошлинно осуществлять провоз пушнины на европейские рынки и, наоборот, ходить кочами «со всякими немецкими товары» в Мангазею [38]. Возникало нечто похожее на русско-западноевропейский торговый транзит. Сыграли в этом свою роль и естественные для рубежа XVI–XVII вв. пределы русской колонизации Сибири. До того, как русское правительство приступило к более или менее активной политике присоединения Сибири и прокладке волоковых (сухопутно-речных) дорог, ручейки русской колонизации неизбежно должны были тяготеть к ее полярным окраинам. Даже ограниченный периодом навигации, морской путь с короткими волоковыми переброскими и удобными переходами «море — река» мог в то время выдерживать конкуренцию с любой из сухопутных трасс, прокладываемых через глухие и неисследованные горно-таежные местности. Последовавшее в 1620 г. закрытие русским правительством «Мангазейского морского хода» уже явно свидетельствовало об обострении конкурентной борьбы за ресурсы пушнины и возросшей активности беспошлинной торговли ею на этом направлении. Смещение основных путей в Сибирь на юг и последующее исчерпание ресурсов пушнины постепенно стали

---

[34] См. об этом: Дания и Россия – 500 лет. М., 1996. С. 96.

[35] Уральская Советская Энциклопедия. Том первый. Ст. 578.

[36] Щеглов И. В. Указ. соч. С. 90.

[37] См. об этом подробнее: Малинин В. А. Русь и Запад. Калуга, 2000. С. 363–387.

[38] Всемирная история. В 10-ти томах. Т. IV. М., 1958. С. 99.

превращать Север в территорию «отложенного исторического спроса», которую государство охраняло от внешних притязаний, но которую оно само еще не было способно эффективно использовать.

Примененный метод геополитического моделирования позволил, таким образом, более или менее точно — на уровне крупных структур исторического действия — проанализировать начальный этап освоения российского Севера (XV–XVII вв.) как процесс, развивавшийся на пересечении масштабных глобальных зависимостей и системных особенностей формирования национально-государственной территории России. Это дало возможность проанализировать и оценить специфику воздействия каждого из названных структурных факторов на общую динамику процесса и в главных моментах определить вклад каждого из них в суммарный итог исторического развития северных окраин России на рубеже средневековья и Нового времени.

В. В. Алексеев, В. П. Тимошенко

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК РЕСУРС УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА

В современной зарубежной и отечественной гуманитарной науке принцип устойчивого развития служит основным критерием для любого социально ориентированного проекта и связывается с проблемой управления процессами.

В структуре государственной идеологии работы с Севером до недавнего времени доминировали соображения геостратегического и сырьевого характера. Соответственно этому строилось и управление социально-экономическим, социально-культурным и экологическим развитием северных территорий. В последнее время на фоне глобальных экономических проблем России в отдельных регионах наметилась тенденция возвращения к разработке планов социально-экономического развития, что в рыночной экономике представляет непростую задачу. Для более успешной реализации этой тенденции необходимо обратиться к изучению исторического опыта предшествующего развития, чтобы снова не оказаться в плену старых представлений.

Исходя из этого можно условно выделить наиболее острые проблемы развития современного Ямала, которые не возникли сегодня, а имеют глубокие исторические корни.

- регулирование жизнедеятельности коренного населения;

- управление условиями жизнедеятельности приезжего населения, его адаптацией к специфике Севера (прежде всего, природно-климатической, но также социальной и культурной), что, во многом, тождественно созданию здесь искусственной среды обитания;

- управление технологическими процессами, т.е. адаптация к северной специфике имеющихся в распоряжении общества технологий производства, связанная с решением ряда особых для этого региона проблем (каких – несколько ниже);

- регулирование процесса взаимодействия двух, во многом взаимоисключающих, стратегий территориального природопользования – традиционной для Севера и привнесенной извне.

В историографии ямальская проблематика представлена фрагментарно. Существует большой разброс мнений и оценок результатов длительного предшествующего развития территории. Тем не менее, в качестве постановки проблемы выделяется набор укрупненных тем, изучение которых может повлиять на современную социальную практику.

1. Формирование и развитие «северного социума»

Этностарожильческое сообщество Ямала является продуктом длительной (исчисляемой веками) этико-ментальной селекции, состоящим из аборигенов и переселенцев доиндустриального толка. Индустриальное население выступает уже совершенно иным социокультурным образованием. Между этими пластами существуют значительные различия в структурах сознания, жизнедеятельности, образа жизни. Эти различия требуют использования взвешенной политики по регулированию взаимодействия разных групп населения, разобщенных к тому же по этноконфессиональным признакам.

В прошлом регулирование жизнедеятельности коренного населения сводилось почти исключительно к внедрению в его образ жизни и социальную организацию принятых в государстве стандартов – социально-политических, социально-экономических и социально-культурных (замена традиционных форм социальной организации Родовыми управами, Советами народных депутатов, колхозами и совхозами; перевод на оседлый образ жизни; внедрение единых для всей страны принципов организации образования, гигиенических и ветеринарных мероприятий).

Регулирование условий жизнедеятельности приезжего населения сводилось либо к строительству городов с принятыми во всей стране стандартами градостроительства и организации жилой среды, либо и вовсе к созданию поселений, условия жизни в которых и не претендовали изначально на то, чтобы называться «поселением» или «жильем» в их традиционном понимании (отсутствие нормальных условий жизнедеятельности компенсировалось более высокой, чем в других регионах страны, оплатой труда).

Исследование исторического опыта призвано дать ответ на вопрос: «Где грань между использованием административных и либеральных методов регулирования жизнедеятельности столь сложного регионального сообщества?». В этом плане весьма поучителен полуторадесятилетний постсоветский опыт на Ямале.

С начала 1990-х гг. в русле демократизации общественно-политической жизни страны Салехард стал средоточием новых тенденций в сфере культуры: началось обращение к православным традициям, восстановление культуры коренных народов Обдорского Севера. Действующая в Салехарде с конца 1980-х гг. ассоциация по защите прав и интересов коренных жителей Севера «Ямал – потомкам» выработала стратегию сохранения самобытности северных народов, развития уникальной духовной и материальной культуры, когда в едином природно-ресурсном пространстве успешно сочетаются традиционный уклад жизни хозяев этих широт и мощное нефтегазовое производство. На местах начали функционировать центры национальных культур, построены новые школы-интернаты, в структурах власти трудятся национальные кадры.

2. Экономическое развитие Обского Севера: в поисках решения транспортных проблем

Издавна основной магистралью, связывавшей Обдорские окраины с внутренними рынками Сибири и страны, был водный путь по Оби и Иртышу до Тюмени, по которому с конца 1860-х гг. открылось пароходное сообщение, находившееся в руках крупного торгового капитала и обслуживавшее, как правило, рыбные промыслы. Однако между Обдорском, Тобольском и Тюменью не сформировалось «срочного», регулярного речного сообщения.

Развитие водных коммуникаций в рамках тобольского речного пароходства, наряду с использованием традиционного сухопутного пути на Русский Север, способствовало увеличению вывоза продукции обдорских промыслов на рынки Сибири и Севера Европейской России, но не могло обеспечить активное включение северной западносибирской окраины в общероссийскую торговлю. Для этого была необходима надежная транспортная магистраль, соединяющая речной путь в Сибирь с центром страны и способная справиться с растущим потоком грузов и пассажиров. К началу XX в. транспортные проблемы Обского Севера выявились очень четко и заставляли искать и разрабатывать варианты создания новых путей, должных обеспечивать торгово-экономические нужды всего региона Западной Сибири и, в частности, Обдорского края, связанные с выходом их продукции на европейские рынки.

С начала XIX в. дальнейшее хозяйственное освоение Обдорского Севера рассматривалось в рамках развития транспортных связей Европейского Поморья с Западной Сибирью. С 1860-х гг. полноценное торгово-промышленное развитие Обского Севера стало мыслиться в рамках организации «бесперегрузочного дешевого» водного сообщения между Западной и Восточной Сибирью с перспективами открытия в дальнейшем морского пути из Европейской России через Северный Ледовитый океан к устьям Оби и Енисея.

В 1880-е гг. в целях содействия развитию речного судоходства в Сибири в рамках образованного западносибирского округа путей сообщения было решено создать сплошной водный путь с запада Сибири на восток, прорыв канал между системами Оби и Енисея и затратив на это до 8 миллионов рублей. С середины XIX в. стала активно обсуждаться проблема открытия пути из Европы к устью Оби через Карское море и Северный Ледовитый океан в целях включения сибирской пушнины и хлеба в торговый обмен между Россией и Европой. Морской путь через Северный Ледовитый океан был очень важной и выгодной возможностью освободиться «от торгового рабства» тобольских промышленников, начать правильную торгово-промышленную эксплуатацию промыслов, вместо хищнического истребления рыбы и зверя, наладить дешевый вывоз добываемого сырья из края и ввоз готовой продукции с европейских рынков. Таким образом северный морской путь позволял резко ускорить промышленную колонизацию территорий Обского Севера.

Отсутствие в устье Оби оборудованного грузового порта, как и неисследованность самого устья, серьезно препятствовали развитию северного морского пути. Требовалось «точное исследование Обской губы» со стороны правительства. В 1896 г. Гидрографическая экспедиция для изучения устьев рек Оби, Енисея и части Карского моря под руководством А.И.Вилькицкого установила, что в Обь невозможен заход судов с осадкою до 12 фут и более, отыскав удобную бухту Находка на левобережье Обской губы.

Тем не менее, морской путь через Карское море был во многом не удобен и «сопряжен, благодаря частым скоплениям льдов, с большим риском», что требовало страхования судов и товаров. Однако «для ввозимых этим путем товаров никаких льгот при взимании пошлин» правительством не было предоставлено. В 1885 г. был разрешен беспошлинный ввоз морским путем всех английских товаров в течение 5 лет, но задачи успешного развития пути требовали введения порто-франко на продолжительный срок.

Прочные торговые отношения Западной Сибири с Европой по морю не удалось установить и в начале XX в., поскольку торгово-промышленная политика правительства, проводимая в интересах предпринимателей Европейской России, препятствовала учреждению в устьях сибирских рек порто-франко. В 1898 г. правительство отказалось от этой «системы поощрения северного судоходства», которая могла привлечь капиталы иностранных предпринимателей в пользу строящейся Сибирской железной дороги.

В конце XIX в. рассматривался еще один вариант осуществления северного пути – проведение полярной железной дороги по проекту инженера Гетте, который считал, что это будет более удобный торговый путь через Северный Ледовитый океан. Согласно проекту, предлагалось соединить «рельсовым путем протяжением в 360 верст Обь (несколько южнее Обдорска) с самоедским берегом Ледовитого оксана, именно с Белковской губой, где, благодаря влиянию Гольфстрима, море рано очищается от льдов, и где нет тех затруднений судоходства, какие присущи Карскому морю». Товары должны были идти по Оби до Обдорска, от устья Оби по железной дороге к Белковской губе, откуда уже морскими судами в Западную Европу. Однако возможность проведения железной дороги в условиях полярного климата, как и экономическая рентабельность эксплуатации дороги, были совершенно не исследованы.

Быстрое экономическое развитие Сибири, начавшееся со времени японской войны, все настойчивее требовало установления морского сообщения с Сибирью для вывоза из нее на внешние рынки сельскохозяйственных, лесных и других продуктов и товаров, не выдерживавших высоких железнодорожных тарифов. Проблема морского товарообмена Сибири с Европой встала во весь рост и требовала разрешения. Но специальной правительственной организации не было создано, а разрозненные попытки предпринимателей, бравшихся за это дело, ни к чему не вели.

В конце XIX-начале XX вв. транспортная проблема Западной Сибири была решена в ином территориальном аспекте: преимущество было отдано экономическому развитию южных западносибирских регионов. После проведения железной дороги Екатеринбург-Тюмень (1885 г.), строительства участка Транссибирской магистрали Челябинск-Курган-Омск (1896 г.) и Тюменско-Омской железной дороги (1912 г.) территории крайнего севера оказались в стороне от экономической жизни и как бы застыли в своем развитии.

3. Научные экспедиции по исследованию Арктики

Колоссальное воздействие на развитие Севера оказывали русские и иностранные экспедиции по исследованию полярных территорий крайнего севера Западной Сибири. Начавшись в XVIII в., они с особой интенсивностью проводились в XIX в. Арктические районы Обского Севера были для правительства страной практически неизвестной и неизученной. Нужды торгово-экономического развития страны заставляли государство и частных лиц обследовать как с моря, так и с суши арктическое побережье и устье Оби, осуществляя поиск транспортных возможностей с запада на восток, выдвигая идеи строительства различных каналов, соединяющих Обь и Приуралье, Обь и Енисей. Российская академия наук и Русское географическое общество инициировали изучение природных ресурсов, истории и этнографии Нижнего Приобья. «Обширное поле для исследований» представляли территории Обдорского края. В итоге многолетних экспедиционных исследований были накоплены обширные знания по географии, этнографии, экономике, истории Обского Севера.

Однако с 1730-х гг. вплоть до 60-х гг. XIX в. экспедиции через Карское море в устье Оби не снаряжались, поскольку море представлялось недоступным для плавания из-за массы льдов. Первым после достиг Обдорска со стороны моря П.П. Крузенштерн, возглавивший экспедицию, снаряженную для изучения морского пути в Западную Сибирь через р.Обь. В первое плавание 1860 г. Крузенштерн из Печоры дошел только до Карских

ворот, не входя в Карское море. Во второй раз летом 1862 г., направляясь на Енисей, экспедиция потерпела неудачу, будучи затерта льдами в 18 милях к западу от мыса Белужий Нос у Ямала. Крузенштерн с командой в 40 человек, бросив шхуну «Ермак», с огромными лишениями дошли до берега, и, встретив самоедов, добрались на оленях до Обдорска.

Экспедиционные исследования на Обском Севере особо активизировались во второй половине XIX в. В 1862-1864 гг. из Обдорска состоялись три экспедиции Ю.Кушелевского (с Оби на Енисей, с Оби на Печору, из Обской в Тазовскую губу).

Весной 1908 г. в Обдорск прибыла экспедиция под руководством профессора Московского университета Б.М.Житкова, снаряженная Русским географическим обществом для изучения Ямала. Экспедиция обследовала восточный Ямал до системы озер Ней-то и Ямбу-то, отыскала древний торговый путь в Мангазею, проследовала по тундре и морю от озера Яро-то до острова Белый и вернулась к Карскому побережью и озеру Ней-то, исследовала флору и фауну Заполярья, жизнь и быт оленеводов. Результаты были изложены в очерках «Полуостров Ямал» – фундаментальной работе по этому региону. Эта экспедиция имела наибольший успех.

В конце XIX-начале XX вв. Обдорск являлся базой различных научных исследований, проводимых в рамках научных обществ и музеев Западной Сибири, занимающихся краеведческими и историко-этнографическими исследованиями. В 1898-1904 гг. обширную экспедиционную деятельность в Березовском крае, в Обдорске в частности, вел А.А. Дунин-Горкавич, прибывший в 1890 г. на Тобольский Север и возглавивший Самаровское лесничество. Став членом Тобольского общества изучения края, Дунин-Горкавич совершал длительные экспедиции в северные его части, в тундру, проводил опросы жителей северных селений, изучал архивные документы и труды предшественников. В эти годы вышел первый том его сочинения «Тобольский Север», ставшего энциклопедией края. В 1908-1910 гг. исследователь возглавил экспедицию на пароходе «Тобольск», снаряженную Русским географическим обществом, обществом судоходства и Главным гидрографическим управлением для исследований низовий Оби и Обской губы. Направлявшаяся из Тобольска через Обдорск экспедиция изучила гидрологические особенности нижней Оби, обосновала возможность открытия порто-франко в районе Нового Порта для приема морских и речных судов. Одновременно были проведены экономические и этнографические исследования Ямальского Заполярья. В итоге исследователем были написаны следующие работы: «Географическое описание низовий р.Оби», «Условия судоходства в низовом крае», «Северный морской путь из Атлантического океана в Тихий океан». В 1910 г. был издан составленный Дуниным-Горкавичем «Русско-остяцко-самоедский практический словарь».

Экспедиционные научные исследования Обдорского Севера в XVIII-XIX вв. проводились бессистемно, и в большинстве своем носили маршрутный, рекогносцировочный характер. После Октября 1917 г. советским руководством малая исследованность Севера Западной Сибири была названа главным препятствием для эффективного хозяйственно-экономического развития региона. Многочисленные экспедиции, изучавшие Обдорск (Салехард) и его окрестности, имели практический подход к проблемам, связанным с народнохозяйственным освоением Обского Севера для выявления единой картины всех богатств края.

После Октября 1917 уже в годы Гражданской войны советское правительство осуществляло попытки изучения Арктики и освоения Северного морского пути. В 1920 г. Обь-Енисейским гидрографическим отрядом было начато гидрографическое исследование низовьев Оби от устья Иртыша до южной части Обской губы для проведения Карских товарообменных экспедиций. Сразу после окончания Гражданской войны в 1921 г. в Обдорск была направлена Гидрологическая экспедиция Главного управления государственных сооружений под руководством старейшего исследователя Севера, действительного члена Русского географического общества И.И.Эльпорта для изучения водных путей в

Туруханском крае и п-ове Ямал, способных соединить Обскую губу с Байдарацкой и нижнее течение Енисея с Обь-Иртышским бассейном. Это позволяло сократить дальность плавания по Карскому морю более чем на 2 тыс. км. Экспедиция была организована, «исходя из неотложной необходимости создания Великого Северного пути из Сибири в Европу и... северные порты для экспорта леса, хлеба, рыбы, мяса, пушнины, жировых продуктов, богатства недр и поверхности земли, принимая во внимание предстоящую колоссальную колонизацию Сибири и учитывая государственное значение Сибири».

В 1922-1925 гг. Объ-Енисейский отряд, реорганизованный в Управление по обеспечению безопасности кораблевождения в Карском море и устьях сибирских рек («Убекосибирь»), осуществлял съемку и промеры глубины Хаманельского рукава дельты Оби и Ямсальского бара в районе Обдорска. В 1930-е-1940-е гг. из Салехарда гидрографические исследования проводило управление Главсевморпути.

Помимо экспедиционного в 1920-е гг. проводилось систематическое обследование Обского Севера. В Салехарде возникли стационарные научно-исследовательские учреждения. В 1925 г. для изучения и выработки методов борьбы с эпизоотиями северных оленей в Обдорске был организован Ветеринарно-бактериологический институт, реорганизованный в 1930-е гг. в Салехардскую научно-исследовательскую ветеринарную опытную станцию, слившуюся затем с зональной станцией Института сельского хозяйства Крайнего Севера. В середине 1920-х гг. проектировалось создание в Обдорске ихтиологической станции. С 1927 по 1954 гг. Д.И. Чубынин проводил в Салехарде опыты по выращиванию овощных и зерновых культур. В 1936 г. открылась Салехардская зональная сельскохозяйственная опытная станция для выявления видов и сортов культурных растений, пригодных для выращивания в Приполярье, исследования местных кормовых ресурсов для развития животноводства. С 1955 г. к планомерным биологическим исследованиям промысловой фауны приступил Салехардский стационар Уральского филиала АН СССР (С.С. Шварц, В.Н. Павлинин , Л.Н. Добринский).

В 1930-е гг. в окрестностях Салехарда вели работы несколько научно-исследовательских экспедиций, изучающих природные ресурсы северного края. Ряд комплексных экспедиций Наркомзема РСФСР с участием многочисленных специалистов в течение нескольких лет проводил обследования на территории округа с целью земельно-водного устройства и уточнения границ сельсоветов и районов. Комплексная экспедиция Арктического института изучала рыбный промысел и зверобойное дело.

В 1935 г. экспедиция Академии наук, которую возглавлял В.А. Андрианов, в районе Салехарда обнаружила стоянку древнего человека, собрав большую коллекцию предметов быта и промыслов. В Ленинградский музей антропологии и этнографии было доставлено свыше десяти тысяч предметов, возраст которых специалисты определили в интервале от 25 до 27 веков. Находки в полуйском устье вызвали сенсацию в археологии. В этой науке укрепился термин «усть-полуйская культура», которым определяется эпоха времен неолита. Находки в районе Салехарда сравниваются с уникальными ценностями, найденными в скифо-сарматских курганах на юге России. В 1946 г. археологическая экспедиция профессора В.Н. Чернецова, занимавшаяся раскопками Мангазеи, провела работы на береговом склоне Полуя, обнаружив здесь городище эпохи раннего железа, относящееся к последним векам до нашей эры. Всего в черте Салехарда было обнаружено семь редких археологических комплексов. Активную деятельность вел Салехардский краеведческий музей

В конце 1930-х – 1940-х гг. в Салехарде базировались многочисленные геологические экспедиции по исследованию недр Ямала. Горно-геологическое управление Главсевморпути вело на Ямале активные поиски углеводородного сырья. В 1942 г. геологи выявили и описали Тазовскую горную структуру, перспективную на газ и нефть. В 1944-1945 гг. экспедиция Центральной торфяной опытной станции Наркомзема РСФСР, руководимая П.Е. Логиновым, обследовала залежи торфа на р. Полуй, близ Салехарда.

Изучение полезных ископаемых на Полярном и Приполярном Урале особенно интенсивно развернулось после Великой отечественной войны. В 1944-1957 гг. экспедиции Института геологических наук АН СССР вели поиски железа, марганца и редких металлов. С 1948 г. экспедиции Всесоюзного научно-исследовательского геолого-разведочного института, Научно-исследовательского института геологии Арктики, Западно-Сибирского и Уральского филиалов АН СССР, Западно-Сибирского и Уральского геологических управлений выясняли нефтегазоносность Обского Севера. В 1953-1957 гг. экспедиция Гидропроекта Министерства электростанций СССР осуществляла широкие инженерно-геологические, гидрологические исследования в районе Салехарда для составления генеральной схемы строительства Нижне-Обской ГЭС. В 1960-е гг. Салехард становится базой геологоразведочных экспедиций, осуществлявших активные поиски нефти и газа на территории Ямало-Ненецкого округа.

Благодаря советским экспедиционным и стационарным исследованиям отдаленные, ранее крайне труднодоступные территории Обского Севера перестали быть «белым пятном» на карте страны. Многочисленные обследования края были тесно связаны с практикой, ориентировались на решение задач, определявших развитие народного хозяйства страны.

4. Индустриальная и технико-технологическая среда

На рубеже XIX – XX веков представления о будущем хозяйственном значении дальнего Обского Севера основывались на осознании ценности его громадного, но почти не исследованного природно-ресурсного потенциала. Во многом это было связано с тем, что в части минеральных ресурсов, которые виделись важнейшей предпосылкой единственно прогрессивного, как тогда считалось, типа развития – индустриализации, богатства Дальнего Севера практически равнялись нулю. Позднее, в общем концептуальном русле советской региональной политики XX века можно отметить разработку ряда смелых идей и подходов стратегического уровня, в рамках которых проблема освоения Ямальского Севера мыслилась в качестве важного структурного компонента разрешения крупных народнохозяйственных задач, теснейшим образом смыкаясь с перспективами развития регионов Европейского Севера, Урала и Сибири. При этом предполагалось, что, как результат воздействия этого масштабного развития, и сам Ямальский Север получит важные импульсы интенсификации традиционных форм хозяйства, расширения круга отраслей и зон экономической активности, а в более отдаленной перспективе – и перехода к индустриальной организации местной экономики.

Эти соображения, в частности, сохраняют свою актуальность при осмыслении современного этапа развития Ямало-Ненецкого автономного округа, вступившего с 1960-х гг. в этап крупномасштабного индустриального освоения и сегодня определяющего рубежи экономического и социального прогресса всего российского Севера. Сегодня по многим признакам можно констатировать переход Ямальского Севера к качественно новому этапу своего развития – от узкоотраслевой специализации на добыче топливно-энергетических ресурсов (прежде всего, природного газа) к более сбалансированному, комплексному развитию, основанному на диверсификации отраслевой структуры регионального хозяйства, совершенствовании транспортной системы, стабилизации и повышении качества трудового потенциала, мобилизации научно-технологических и социально-культурных факторов прогресса. Эта трансформация региональной экономики, опирающаяся на результаты интенсивного индустриального освоения Ямала и создания в регионе важнейшей ресурсной базы страны, в то же время могла бы рассматриваться как известный возврат к концепциям комплексного регионального развития Севера, характерным для предшествующих эпох, но опередившим свое время.

5. Политико-административные отношения и региональная идентичность

Региональное самосознание не является новым феноменом в российской истории. Межрегиональные различия политико-культурного характера сглаживались и подавлялись в Российской империи и СССР, стирались в результате новейших миграционных процессов, но они не были уничтожены, и в провинции всегда существовали центры культурогенеза.

Туземное население Обского Севера было «чрезвычайно далеко от понимания даже элементарной разницы в смысле изменившегося государственного строя, и если..., различные государственные мероприятия, кровно затрагивавшие собственнические интересы туземного населения (разверстка, различные налоги и натуральные повинности), не встречали с их стороны отказа, то скорее это объясняется не пониманием с их стороны сущности и необходимости в налогах и повинностях, а его вековой привычкой повиноваться. «Царю платили и вам будем платить» - вот обычная формула туземных отношений с государством, независимо от его конструкции и цели».

Политико-административные и социально-экономические проблемы и перспективы Нижнего Приобья с 1920 г. обсуждались и разрабатывались Сибирским отделом по делам национальностей (Сибнац), преобразованным в августе 1921 г. в политическое представительство Наркомнаца при Сибревкоме. Сибнац проводил национализацию всех обдорских промыслов и предприятий. «Положение об инородцах» 1822 г. было отменено, и на территории Обского Севера были распространены общие нормы советского законодательства.

Для организации управления, охраны от всякой эксплуатации, снабжения необходимыми средствами, одеждой, продовольствием, регулирования пользованием охотничьими и рыболовными участками, а также для всестороннего изучения жизни и быта народностей Севера и приобщения их к новой культуре 13 марта 1922 г. в составе отдела Наркомнаца был организован Полярный подотдел по охране и управлению первобытных племен Севера России. В числе проектов административного устройства Обдорского края обсуждалось предложение известных ученых В.К.Арсеньева, В.Г.Богораза о выделении районов проживания аборигенов в закрытые, оберегаемые территории наподобие резерваций индейских племен в Канаде и США.

Однако в начале 1920-х гг. обдорской советской партийной и хозяйственной элитой была выдвинута национал-коммунистическая идея «автономизации» Обского Севера. Проект создания автономной республики народностей Севера – Полярной Федерации – активно обсуждался на первой конференции племен Полярного Севера, состоявшейся в июле 1922 г. в с.Самарово по инициативе Наркомнаца.

Но центральной и губернской властями план создания Полярной Федерации был категорически отвергнут. Губком РКП(б) в Тюмени осудил идею выделения Тобольского Севера в составе Березовского и Сургутского уездов «в автономную национальную административно-хозяйственную единицу», объявив ее результатом «домогательств со стороны представителей частного капитала».

В ноябре 1923 г. в ходе административно-территориальной реорганизации Тюменской области Обдорск стал административным центром одноименного района, образованного из прежней волости, и вошел в состав Тобольского округа Уральской области с центром в Екатеринбурге. При этом не учитывались издавна сложившиеся традиционные хозяйственные связи северного региона, который больше из политических соображений был административно прикреплен к крупному промышленному центру. Это нарушало логику всего предшествующего исторического развития Обдорского края.

Дальнейшей разработкой хозяйственно-экономических, административно-судебных и культурно-санитарных проблем Севера занимался созданный в июне 1924 г. вместо упраздненного Наркомнаца Комитет содействия народностям северных ок-

раин (Комитет Севера) при Президиуме ВЦИК, а также его местные органы – Уральский областной комитет Севера и Комитет Севера при Тобольском окружном совете рабочих и крестьянских депутатов. Центральный Комитет Севера сумел добиться выделения значительных средств на подъем хозяйства и культуры на Обском Севере.

В результате обследования края представительной комиссией Уралоблисполкома на Севере было решено создать систему управления и самоуправления, отвечающую условиям быта, традициям местных народов и принципам советского строительства. Поскольку у кочевого обдорского населения продолжал действовать институт родовых начальников и старшин, основанный на принципах и традициях обычного права и общественного самоуправления, комиссия выдвинула предложения, направленные на создание у хантов и ненцев родовых советов. На Обском Севере как переходная форма на пути к системе советов было введено временное административно-правовое устройство, включавшее двухуровневое местное национальное самоуправление: родовое собрание и родовой совет; районный туземный съезд и районный туземный совет, избиравший исполком взамен прежнего родового управления инородческих управ. Во время выборной кампании зимой 1925/1926 гг. начался переход к этой системе, а в октябре 1926 г. она была утверждена принятым ВЦИК и СНК РСФСР «Временным положением об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР». К осени 1930 г. в Обдорском районе действовали Кушеватский, Сынский, Тазовский, Шурышкарский туземные районные Советы, а также кочевые Уральский и Ямальский тузсоветы с резиденциями в местах зимних и летних кочевий и 34 юртовых, родовых, ватажных Советов ненцев и хантов. Формирование туземных советов было компромиссом между советской властью и родоплеменным устройством народностей Севера. Но они как органы власти на местах не сумели утвердиться, поскольку сохраняли традиционную социальную структуру обдорского населения. Туземное население «бессменно» избирало в местные советы «свою прежнюю власть — родовых старшин», решения которых составляли «высший закон для туземца». Комитеты Севера высказались за упразднение части туземных районов и укрупнение родовых советов.

«Первые, весьма скромные, результаты национального строительства побудили форсировать его темпы на качественно ином уровне». В 1928 г. центральный Комитет Севера поставил в качестве основной задачу «создания национальных округов, населенных туземцами определенной народности, объединенных под властью туземных советов, обладающих правом распределения хозяйственных участков, как между туземцами, так и между пришлыми колонистами». 10 декабря 1930 г. Президиум ВЦИК принял постановление «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера», что явилось переломным моментом в жизни Обдорска. Он стал административным центром Ямальского (Ненецкого) национального округа, образованного на части территории Тобольского и Енисейского Севера в составе пяти районов: Надымского, Нижне-Тазовского, Приуральского, Пуровского и Ямальского. В последующем округ пополнили Шурышкарский и Красноселькупский районы.

Поскольку подготовка образования Ямальского национального округа в конце 1920-х гг. шла очень быстрыми темпами, его внешние и внутренние границы не были четко определены, также не были решены вопросы материального обеспечения. Не было определенности в роли и статусе Обдорска. Северное село рассматривалось лишь как временный центр, в то время как «столицу» округа предполагалось образовать в районе Надыма. Из-за этого сроки образования округа сдвинулись практически на год. Только в начале января 1932 г. Президиум ВЦИК упразднил Тобольский округ и установил состав Ямальского национального округа с центром в Обдорске.

Из-за нечеткости установленных административных границ Ямальского округа в первой половине 1930-х гг. возникали территориальные споры между коми-зырянами Ямальского и Коми-Пермяцкого национальных округов и т.п., а также между некоторыми родами обдорских аборигенов. С образованием национального округа была прервана вековая административная связь Обдорска с Березовым, который вошел в состав Остяко-Вогульского округа с центром в с.Самарово.

На территории нового округа ликвидировались туземные советы, распространялась система советского судопроизводства, которая исключала нормы обычного права, что подрывало традиционный уклад жизни коренного населения. Подчинение Обского Севера общесоюзному законодательству через создание окружного, районных, сельских и кочевых Советов ставило стратегически важные территории под полный контроль властей. Со второй половины 1930-х гг. все большую силу на Ямале набирали органы внутренних дел и государственной безопасности, призванные охранять устои советского политического режима.

В январе 1934 г. в ходе ликвидации Уральской области Ямальский округ был включен в состав Обь-Иртышской с центром в Тюмени, а уже в декабре 1934 г. стал частью вновь организованной Омской области с центром в Омске. В августе 1944 г. Ямало-Ненецкий округ вошел в образованную Тюменскую область с центром в Тюмени. Салехард как окружной центр являлся проводником директивной политики Центра в регионе и фактически полностью контролировался тюменскими областными советскими и партийными структурами: политическая автономия национального округа была номинальной, хотя по Конституции СССР 1936 г. Ямало-Ненецкий округ имел прямое представительство в Верховном Совете СССР.

В конце 1950-х гг. с целью приблизить управление к производству и лучше использовать местные ресурсы было изменено управление промышленностью в стране. В 1957 г. Обский Север вошел в состав созданного Тюменского совнархоза, объединившего 157 предприятий. Но в начале 1960-х гг. Тюменская область была отнесена к Уральскому экономическому району, а промышленные предприятия края управлялись Среднеуральским совнархозом. В 1964 г. Ямало-Ненецкий национальный округ приобрел современное административно-территориальное устройство в составе Надымского, Приуральского, Пуровского, Селькупского, Тазовского, Шурышкарского, Ямальского районов. В 1977 г. округ получил автономный статус, граничa на западе с Коми АССР и Ненецким автономным округом Архангельской области, на востоке — с Таймырским (Долгано-Ненецким) автономным округом, на юге — с Ханты-Мансийским автономным округом. Северной границей Ямало-Ненецкого округа на протяжении 900 км являлся шельф Карского моря.

Итак, в советское время государство пошло на политические уступки «национальным окраинам», вводя институт национально-территориальной автономии и стимулируя развитие национального самосознания (многие народы России сложились только в XX в. после «априорного» создания автономий). В результате уже в первые годы существования СССР возникли своеобразные «политические плацдармы» для развития регионального самосознания. На территории РСФСР это были автономные республики, области и округа, в которых складывалась «матрешечная» идентичность - принадлежность к СССР, принадлежность к России и принадлежность к национально-территориальному образованию (в автономных областях и округах добавлялась еще и принадлежность к краю или области России). Значимость региональной идентификации оказывалась в целом небольшой, она была как бы скрыта под многими одеждами, но предпосылки для ее развития были заложены, поскольку политическая автономизация по определению предполагает особое самосознание ее субъекта.

Поэтому именно национально-территориальные автономии стали в современной России «пионерами» в деле развития региональной идентичности. Титульные народы

стали воспринимать свои политические образования как «государства в государстве», форму национальной государственности. Местные элиты всячески этому способствовали. *Таким образом, этноконфессиональный фактор стал основным для развития регионального самосознания. Многонациональность России и ее регионов стимулировала ее современную специфическую регионализацию.*

В эпоху глобализации Север как конгломерат разнообразных факторов резко усложнился, равно как и проблема регулирования здесь экономических, социальных и других процессов. Изучение факторов, условий реализации, итогов и последствий применения тех или иных вариантов региональной политики, несомненно является ресурсом устойчивого развития региона.

И.В. Побережников

КРАЙНИЙ СЕВЕР ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XV–НАЧАЛЕ XX в. (обоснование концептуально-методологических рамок исторического исследования)

Актуальность темы исследования

Актуальность изучения истории Ямала (Ямало-Ненецкого автономного округа), одного из российских регионов, обладающего значительной спецификой и играющего (и игравшего) существенную роль в обеспечении прогрессивного развитии страны, обусловлена как потребностями осмысления прошлого края, так и особой ролью пространственно-географических аспектов в истории страны, огромной вариативностью развития ее отдельных частей, специфическим характером взаимоотношений между центром и регионами, в связи с чем полного и адекватного представления об особенностях исторического пути страны в целом невозможно составить вне обращения к истории ее региональных компонентов.

Значимость темы исследования определяется уникальной природой сложившегося в регионе, благодаря усилиям коренных народов, локального варианта циркумполярной культуры (т.н. «арктической цивилизации») [1], специфическим характером развития края, той ролью, которую он играл в процессах освоения восточных территорий России, становления Российского государства и российской евразийской цивилизации.

История крайнего севера Западной Сибири (региона Ямала) в XV — начале XX вв. являлась неотъемлемой составляющей грандиозного процесса русского освоения Сиби-

---

[1] См.: Народы Севера России как часть циркумполярной цивилизации. Якутск, 1994; Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. Этнографическая реконструкция. М., 1976; Фитцхью В.В. В поисках Грааля: циркумполярная теория и реалии ямальской археологии // Древности Ямала. Екатеринбург-Салехард, 2000. Вып. 1. С. 25–53; Головнев А.В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург, 2004.

ри в целом. Крайний север Западной Сибири был первым зауральским регионом, с которым познакомились славяне. Именно здесь были проложены первые пути в Сибирь. Северо-Западная Сибирь длительное время служила каналом проникновения русских вглубь сибирских просторов, на Енисей и Лену.

Здесь же впервые вырабатывались модели хозяйственного освоения новых территорий и организации взаимоотношений с коренным населением, которые затем применялись по мере продвижения русских землепроходцев к Тихому океану.

При этом освоение северных территорий Западной Сибири имело свою существенную специфику, которая обусловливалась огромной площадью, крайне суровыми природно-климатическими условиями, малонаселенностью, малочисленностью населения по сравнению с более южными районами.

В частности, освоение данных территорий осуществлялось замедленными темпами. Если в более южных районах стадия промыслового освоения уже с начала XVII в. была дополнена аграрно-земледельческой колонизацией, а в XVIII в. — промышленной, то на севере Западной Сибири торгово-промысловая колонизация затянулась до первых десятилетий XX в.

Постоянное расширение территории Российского государства, присоединение и освоение новых пространств, постепенно интегрировавшихся в его состав, сыграли немаловажную роль в процессе складывания и развития российской евразийской цивилизации. Особенно значимой, поистине конститутивной для становления российской цивилизации была роль восточных регионов, в частности сибирского Севера.

Колоссальная территория крайнего севера Западной Сибири, в значительной степени неблагоприятная для ведения хозяйства, растянутость коммуникаций, природно-климатическое разнообразие, этнокультурная гетерогенность, положение на стыке разных культурных миров и частей света, неравномерность экономического и социокультурного развития усложняли природу российской цивилизации, усиливали ее пограничность, черты своеобразия присущей ей модели развития [2].

Ключевыми факторами складывания социокультурного ландшафта страны являлись миграции народов, их смешение и чересполосное расселение, образование гибридных этнокультурных групп и синкретических мировоззренческих комплексов, колонизация новых земель. В формирование политико-культурной «матрицы» страны вносили свой вклад различные региональные этноконфессиональные, социокультурные группы, каждая из которых обладала своим своеобразным, порой уникальным историческим опытом, своими приверженностями и предрассудками.

В целом этнокультурные взаимодействия способствовали аккумуляции различных культурных традиций, их синтезу, возникновению новых оригинальных культурных импульсов, поиску резервов саморазвития культур, их внутренней переориентации, более эффективному использованию внутренних ресурсов.

Рамки исследования

Территориальные рамки исследования охватывают крайний север Западной Сибири — регион Ямал, — включающий сегодня восточный склон Полярного Урала, Нижнее Приобье, полуостров Ямал, часть Гыданского полуострова, районы Обской и Тазовской губы с бассейнами рек Надым, Пур и Таз.

---

[2] Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX века. М.: Наука, 2004; Побережников И.В. Северные территории Зауралья и Западной Сибири в составе Российской цивилизации: проблемы интеграции // Урало-Сибирский Север в развитии российской цивилизации. Екатеринбург: Банк культурной информации, ИИиА УрО РАН, 2005.

Исторически внутренняя структура, функциональное наполнение, очертания региона (территории) неоднократно менялись, его пространство распределялось между различными территориально-административными единицами. Изучаемое пространство приобрело собственно региональную идентичность, видимо, лишь в XX столетии (в дальнейшем мы будем использовать понятие регион применительно к изучаемому объекту с известной долей условности).

Тем не менее, поскольку «реальный» регион существует лишь в динамике и сам является продуктом исторического развития, т.е. процесс регионоформирования обладает исторической природой, резонно использовать ретроспективный подход (взгляд в прошлое из настоящего) с целью выявления исторических корней и предпосылок, реконструкции факторов и динамики образования региона в историческом контексте.

В XVI в. земля Ямала делилась между двумя полулегендарными районами — «Обдорией» и «Мангазеей», тем не менее, попавшими на европейские карты того времени. Впоследствии, вплоть до 1930 г., пространство нынешнего региона было распределено между Березовским и Мангазейским (Туруханским) уездами, входившими на большем протяжении своего существования в различные разряды и губернии.

Управление Березовым и прилегавшей округой в XVII — начале XVIII вв. осуществляли воеводы, подчинявшиеся тобольским воеводам (а последние — Сибирскому приказу). В 1708 г. была учреждена Сибирская губерния, разделенная в 1719 г. на три провинции — Тобольскую, Иркутскую и Енисейскую; после 1736 г. провинции в свою очередь делились на воеводства и дистрикты. Одним из воеводств Тобольской провинции являлось Березовское. В 1782–1783 гг. в Сибири были учреждены три наместничества: в том числе Тобольское с центром в г. Тобольске (состоявшее из двух областей — Тобольской и Томской). Тобольская область включала 9 округов, в том числе Березовский (самостоятельные воеводство и округ в Сургуте исчезли, а его территория в 1804 г. вошла в Березовский округ). В 1822 г. Тобольская губерния стала частью новоучрежденного Западно-Сибирского генерал-губернаторства.

Административная структура Березовского округа в конце XVIII–XIX в. принципиально не отличалась от других округов Тобольской губернии (за исключением периода 1854–1860 гг., когда березовская администрация приобрела статус военно-окружного управления, а ее глава — военно-окружного начальника).

В 1803 г. в связи с большими пространствами и малонаселенностью сибирские округа были разделены на комиссарства во главе с частными земскими комиссарами. Березовский округ делился на три таких комиссарства, каждое из которых занимало не менее сотни тыс. квадратных верст — Обдорское, Кондинское и Сургутское. К 1840-м гг. комиссарства были переименованы в участки с теми же названиями, сохранившимися до конца XIX в.

В конце 90-х годов в Сибири была проведена очередная административная реформа. Вместо округов были учреждены уезды. При этом Березовский уезд значительно уменьшился в размерах, поскольку из округа выделился самостоятельный Сургутский уезд.

Внутри уезд делился на 11 волостей, сформированных по сословно-этническому признаку. Три волости именовались русскими, восемь — инородческими. Среди инородческих выделялись две вогульские (мансийские) — Ляпинская и Сосьвинская, 5 — остяцких (хантыйских) — Обдорская, Куноватская, Подгородная, Кодская и Казымская, одна самоедская (ненецкая) — Обдорская. Впоследствии в состав Ямало-Ненецкого национального округа вошли две Обдорские и Куноватская волости, а также часть Туруханского края Енисейской губернии [3]

[3] См.: Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. (Историко-этнографический очерк). Новосибирск, 1975. С. 217–223; Ямал — знакомый и неизвестный. Тюмень, 1995. С. 104–109; Ямал: грань веков и тысячелетий / Популярный иллюстрированный очерк истории края с

Выделение данного региона в качестве самостоятельного объекта исследования обусловлено рядом обстоятельств.

Во-первых, при определенном сходстве параметров хозяйственной деятельности, материальной и духовной культуры, этнических процессов крайний север Западной Сибири в силу специфики природно-климатических условий имел значительные отличия от остальных районов Сибири во всех областях жизни. Малочисленность, небольшая плотность расселения, отсутствие устойчивых внутренних связей — таковы некоторые из особенностей развития народов, населявших указанную территорию [4].

Во-вторых, специфика природно-климатических и демографических условий тормозила развитие экономических и социокультурных отношений, которые длительное время отличались консерватизмом, архаичностью, застойностью.

В-третьих, в подобных условиях возрастало значение природно-географических факторов в различных сферах жизнедеятельности, в частности, в хозяйственно-экономической. Пространственная дифференциация условий существования, формирование специфических экологических ниш оказывали решающее воздействие на производственные навыки, на длительное время закрепляя специфические локально-территориальные формы хозяйствования, что способствовало сохранению хозяйственной и социокультурной гетерогенности края, анклавности его развития, симбиозу разнообразных, разностадиальных хозяйственно-культурных моделей деятельности.

В-четвертых, определенным своеобразием отличались взаимоотношения русских и аборигенов, которые складывались на беспашенных территориях Северного Приобья, где не могла проявиться крестьянская колонизация. Соответственно, контакты колонистов и туземных народов не могли пойти по пути усвоения последними земледельческих навыков. Контакты же пришлого служилого, промыслового и торгового населения и аборигенов (охотников, рыболовов и оленеводов) изначально характеризовались обоюдными взаимополезными влияниями, способствуя, таким образом, созданию гибридных форм деятельности, причудливо соединявших туземные и импортированные традиции.

В качестве *нижней хронологической границы* следует принять последние десятилетия (конец) XV в. Именно в данный период начинается процесс политического включения региона в состав Московского государства. После похода московской рати в северное Зауралье в 1499 г. делегация югорской знати, прибывшая на оленях от устья Оби, заявила о своем желании принять русское подданство и выплачивать дань Москве. Жители «Югорской земли» были приведены «к роте по их вере» за великого князя. Иван III включил в свой титул звание князя Югорского, Обдорского и Кондийского, хотя, вероятно, зависимость обдорян, самого отдаленного и северного протогосударственного территориального объединения в Нижнем Приобье в данный период имела весьма абстрактный характер.

Итак, к концу XV в. угорские княжества Нижнего Приобья признали вассальную зависимость от Москвы, которая носила первоначально номинальный характер, ограничиваясь преимущественно нерегулярной выплатой дани «со всякого человека по соболю». Следует признать, что в результате зауральских походов 1465, 1483 и 1499 гг. были созданы лишь основы для политической инкорпорации Северного Зауралья, Югорской

древнейших времен. Салехард — СПб., 2000. С. 333–338; Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822–1941 гг.) / Сборник документов. Тюмень, 1994; Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX века): Сборник правовых актов и документов. Тюмень, 1999; Конев А. Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII – начало XX вв.). М., 1995.

[4] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь... С. 4.

земли, в состав Московского государства. Однако впоследствии степень ее интеграции непрерывно нарастала вплоть до XX столетия [5].

Не преуменьшая самоценности исследования исторических судеб и культур коренных народов, колоссальной значимости их вклада в освоение крайнего севера Западной Сибири, который несомненно имел пионерный и приоритетный, особенно в период ранней русской колонизации, характер, следует признать, что весь последующий период вплоть до XX в. прошел под знаком русского присутствия и влияния в крае, первоначально не слишком заметного, но затем все более расширявшегося. Русское присутствие оказало существенное воздействие буквально на все стороны жизни края — хозяйственно-экономическую, административно-политическую, социокультурную, подвергнув со временем трансформации даже духовно-мировоззренческие основы бытия его коренных насельников.

При этом мы можем сослаться на мнение авторитетного специалиста по проблемам российского Севера чл.-корр. РАН А.В. Головнева, который полагает, что история Сибири XVI–XIX (по сути дела – и начала XX в.) вв. была пронизана единой логикой, а именно логикой учреждения российской государственности, включавшей, по мнению автора, три последовательно сменявших друг друга этапа: военный, конфессиональный и правовой.

Период XVI–XVII вв. А.В. Головнев условно интерпретирует как стадию военного утверждения российской государственности (условно, это эпоха Ермака, по мнению автора), которая резюмировалась разгромом и включением в административную систему колониального управления основных военно-политических центров туземного населения, перемещением центра тяжести социальных отношений в сферу религии, трансляцией символа группового единства от реальных богатырей-защитников к их сакрализованным заместителям — идолам, а роли соционормативных лидеров — к духовным вождям — шаманам.

XVIII – начало XIX в., по мнению исследователя, представлял вторую (после военной) стадию нормативного натиска на аборигенов, содержанием которой стало распространение христианства («эпоха Лещинского»).

Наконец, XIX – начало XX вв. (после принятия Устава «Об управлении инородцев» 1822 г.) А.В. Головнев трактует как третью (правовую) стадию «захвата» туземного населения государством, в содержательном плане приведшую к еще большему усилению регламентации аборигенной жизни, превратившую инородные управы во главе с русскими писарями, уездные и губернские административные органы в реальные инстанции управления и судопроизводства при сохранении видимости народоправства («эпоха Сперанского») [6]. Естественно, данная схема нуждается в конкретизации и историзации применительно к параметрам объекта нашего анализа, тем не менее, использование ее в качестве гипотезы на предварительной стадии исследования представляется в высшей степени продуктивным.

Именно данным обстоятельством — наличием единой логики в истории края, обусловленной присутствием все более интенсивного взаимодействия между русским и аборигенным началом по широкому спектру отношений: военно-политических, институционально-правовых, экономических, социальных, культурно-бытовых, ментально-психологических, — мы руководствовались при выделении в качестве объекта исследования региона на протяжении длительного периода его истории — с конца XV до первых десятилетий XX вв.

---

[5] Бахрушин С.В. Бахрушин С В Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. // Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 1. С. 76–77; Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 85–86.

[6] См.: Головнев А.В. Русское влияние на культуру народов Северо-Западной Сибири в XVII–XIX вв. // Культурный потенциал Сибири в досоветский период. Новосибирск: НГПИ, 1992. С. 3–18; Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 90–91.

Весь изучаемый период отмечен нарастанием процессов интеграции территорий региона в многомерное — культурное, административно-политическое, экономическое — пространство российской (евразийской) цивилизации и Российского государства, что дополнительно придает определенную связанность, органичность объекту исследования.

Учитывалось также то, что развитие коренных жителей региона в XVI – начале XX вв. протекало довольно медленными темпами, в связи с чем излишне дробная периодизация при изучении их истории нецелесообразна — существенные вехи их истории могут быть определены лишь на хронологическом отрезке большой протяженности.

В качестве *верхней хронологической грани* принимаются первые десятилетия (начало) XX в. Несмотря на ускорение (с первой половины XIX в.) темпов социально-экономического развития на севере, постепенно нараставшую интенсификацию процессов взаимодействия русского и коренных народов, наступление инноваций на традиционные уклады и устои жизни, первые десятилетия XX в. (вплоть, вероятно, до рубежа 1920–1930-х гг., а при максималистском подходе — до 1960-х гг., начала активного индустриального освоения) демонстрируют видимую преемственную связь с предшествующей эпохой.

Тем не менее, учитывая то, что революционные события в стране и последовавшая за ними гражданская война разрушили устоявшуюся систему традиционного управления на территории проживания коренных народов сибирского севера, привели к попыткам советского правительства кардинальным образом изменить жизнь северных народов, мы полагаем, что включать период времени после революции 1917 г. в рамки данного исследования нецелесообразно.

Новая институционально-политическая и нормативно-идеологическая система, сконструированная после 1917 г., имела свою логику существования, базировалась на принципах, отличных от принципов предшествующего периода, характеризовалась тенденцией к тотальному охвату общества, в связи с чем изучение следующего за 1917 г. периода требует использования самостоятельных теоретических и методологических подходов и диктует необходимость исследования его в рамках специального труда.

Вновь сошлемся на мнение А.В. Головнева, полагающего, что после Октябрьской революции 1917 г. начинается новый цикл экспансии государственности, повторяющий в своем становлении все те этапы, которые проследовала российская государственность в Сибири в XVI – начале XX вв., но только в ускоренном режиме (1920–1930-е гг. — военный нажим; затем — конфессиональный (идеологически-коммунистический) натиск, выразившийся в кампаниях борьбы с суевериями (шаманством) и культурной революции, и, наконец, период правового «захвата», нашедший выражение в учреждении национальных округов, в фактической ликвидации местного туземного самоуправления; модификация цикла, по мнению автора, состояла в беспрецедентном усилении государственного контроля путем дополнительного подчинения себе тоталитарной системой в 1930–1950-е гг. экономической структуры туземных народов посредством политики раскулачивания, национализации земли, создания колхозов, а впоследствии, в 1960-е гг., дальнейшего ослабления этнического элемента — люмпенизации северян, утраты ими традиционных знаний, национального достоинства в процессе кампании индустриализации и массового наплыва пришлого населения в регион) [7]

Уровни исследования

Естественно, самостоятельный исследовательский интерес представляют исторические структуры и процессы различной природы — хозяйственно-экологической, социокультурной, административно-правовой и т.д., — которые локализовались и протекали в пространственных рамках изучаемого региона. История народов, их культур, хозяй-

[7] Головнев А. В. Говорящие культуры... С. 91–92.

ственных укладов, ими создаваемых, взаимодействий и взаимосвязей, между указанными объектами происходящих и возникающих в границах крайнего севера Западной Сибири, сами по себе обладают самодостаточной познавательной ценностью. Данный уровень исследования можно определить как мезо-уровень.

Однако, ограничение исследовательского фокуса только данным уровнем существенно сузило бы перспективы изучения крайнего севера Западной Сибири в историческом контексте. Дело в том, что локализованные на изучаемой территории объекты, да и территория региона в целом являлись частями и филиациями более обширных массивов различной природы, взаимосвязи и взаимодействия с которыми могли иметь существенное, а порой и определяющее значение для первых, т.е. для региона и внутрирегиональных объектов.

Так, населявшие и заселявшие край народы являлись частями более обширных этнолингвистических общностей, взаимодействие с которыми было необходимо для поддержания этнических идентичностей. Созданные на территории региона культуры представляли собой локальные вариации пространственно более масштабных культурных ареалов. Туземные культуры можно рассматривать как модификации так называемой циркумполярной культуры или «арктической цивилизации». Последняя трактуется как общее историко-культурное пространство, сформировавшееся в процессе многовекового проживания аборигенных народов в специфической природно-ландшафтной среде Севера, доминантой которого является максимальная реализация потенциальных возможностей человека в агрессивных условиях холода, которые оставляют ему минимальные возможности для поддержания жизненно важных источников: тепла, пищи и света. Народы крайнего Севера выработали уникальные способы сохранения здоровья, механизмы адаптации к экстремальной природной среде. Углубленное познание локальных вариантов аборигенных культур возможно только путем соотнесения их с обширной циркумполярной культурой, поскольку именно функционированием последней как некоторой целостности имело решающее значение для составляющих ее элементов.

Экспортированная колонистами на территорию крайнего севера Западной Сибири славяно-русская православная культура также, как часть целого, не может быть до конца понята без постоянного соотнесения ее с символами и ценностями целостного общерусского культурного массива.

Как территория крайний север Западной Сибири может рассматриваться в качестве компонента Северо-Западной Сибири, Сибири, российского Севера, России (Российского государства, страны, российской цивилизации). Взаимосвязи изучаемой территории с указанными массивами, интенсифицируясь со временем, осуществлялись по разным направлениям, каналам. Изучение этих взаимосвязей и взаимодействий, выступающих в данном случае в качестве способов их реализации, значимо как для понимания исторической динамики изучаемого региона (собственно, историческая динамика крайнего севера Западной Сибири может быть раскрыта только в соотнесении с теми целостностями, в которые он включается; например, в ракурсе экономическом — это определение степени хозяйственной специализации региона (или хозяйственных анклавов региона) и степени интеграции региональной экономики (или хозяйственных анклавов региона) в макрорегиональные и страновые хозяйственные структуры), так и для углубленного исследования тех целостностей, составной частью которых изучаемый регион является (имеем в виду, что и страна, и цивилизация в определенной степени являлись результатом взаимодействия своих составных частей). Данный уровень исследования можно определить как макро-уровень.

Однако, и этим процесс исследования прошлого региона не следует ограничивать. Остается еще обширная область познания, связанная с анализом на условно микроисторическом уровне. Дело в том, что процессы и явления, локализуемые на микроуровне, не могут быть раскрыты путем элементарной экстраполяции на них тенденций и зако-

номерностей, выявляемых в процессе познания, выполняемого в рамках макро— и мезомасштабов, поскольку они обладают собственными логиками, являющимися следствием реализации автономных механизмов.

В более общем методологическом контексте это видимое противоречие между макро-(мезо-) и микро-уровнями снимается самим историческим процессом, который осуществляется как структурирование социальных отношений во времени и пространстве в результате перманентной интеракции предшествующей структуры и индивидуальной воли (деятельности). Структура оказывает воздействие на человеческую деятельность и индивидуальную волю, а последняя, эксплуатируя непоследовательности и противоречия существующих структур, в состоянии модифицировать и даже трансформировать саму структуру. Унаследованная от прошлого структура является рамочным условием деятельности и одновременно ее результатом.

Итак, процессы и явления локального уровня, в пределе — уровня индивидуальных взаимодействий и индивидуальных стратегий жизни, — обусловлены действием специфических, автономных механизмов и требуют для исследования применения специфических познавательных инструментов, разработанных в рамках антропологически ориентированной историографии, связанной с распространением методов культурной антропологии, социальной психологии, лингвистики (прежде всего в изучении истории ментальностей и народной культуры), с формированием устойчивого интереса к микроистории, включением в орбиту исследовательского интереса, помимо внеличностных структур, отдельных персонажей и жизненных ситуаций.

Таким образом, если обращение к макро- и мезо-уровню выделенного объекта изучения ориентирует исследователя на выявление структурных, функциональных, причинно-следственных и т.д. зависимостей между имперсонализированными конструкциями — территориальными и поселенческими структурами, этнодемографическими потоками и общностями, культурными комплексами, нормативными системами, хозяйственными укладами и т.д., то микроисторический подход позволяет оживить региональную историю, населить ее историческими персонажами, рассмотреть их характеры и микроустановки в конкретных жизненных ситуациях, заполнить нижние (что отнюдь не обозначает — менее значимые, скорее означает — наиболее фундаментальные, выступающие в качестве базы по отношению к надындивидуальным — и в этом плане надстроечным конструкциям) этажи исследования историей повседневности, включающей разнообразные человеческие восприятия, касающиеся жизни и смерти, взаимоотношений полов, манер поведения в одежде, питании, общении друг с другом, хозяйственных навыков и привычек, семейных и родственных отношений, рутинных обычаев, верований, обрядов, ритуалов и т.п., т.е. всего того, что собственно и составляет самые мощные и глубинные течения исторического процесса.

Теоретико-методологические рамки

По истории России написано немало добротных исторических, историко-экономических, историко-географических работ. Однако в большинстве из них акцент делается на выявление общероссийских закономерностей развития, определение влияния природно-климатических условий на это развитие. В региональных же, краевых исследованиях научный поиск нередко сводится к иллюстрации действия общероссийских тенденций на пространственно ограниченном материале.

Предлагаемый нами подход, апробированный при подготовке и написании коллективной монографии «Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI—XX века» [8], ориентирован на рассмотрение региона в качестве самостоятельно-

[8] Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике

го центра «кристаллизации» российской исторической жизни, воспроизведенного не столько замыслами и стратегиями Центра, сколько принципиально новым — региональным — природным, этническим, геополитическим и цивилизационным окружением.

Такой подход позволяет исследовать не только общую логику процессов развития, но и воздействие на нее мест их протекания; устанавливать взаимосвязи между общей (страновой) динамикой развития и динамикой региональной структуры.

Данный подход предоставляет возможность выхода за границы макро-микроаналитической проблематики, для которой характерно стремление, с одной стороны, объяснять конкретные социальные события в понятиях широкой логики странового масштаба, а, с другой стороны, интерпретировать крупномасштабные исторические процессы путем простого агрегирования локальных событий.

Таким образом, лаконично очерченная перспектива позволяет по новому рассмотреть прошлое региона, дает новый фокус видения старых проблем. Не стоит долго убеждать, насколько важны исследования, проводимые в подобном ракурсе, для понимания проблем регионального развития современной России, поскольку они дают возможность извлекать исторический опыт, выявлять исторические корни современных проблем и противоречий регионального развития.

В этой связи следует сослаться на исследования академика РАН В.В. Алексеева, в которых разработана методология расширения общественного потенциала исторической науки, обоснованы возможности практического использования исторического опыта в современной социальной практике и социальном прогнозировании [9].

Методология реконструкции исторического опыта, согласно данному подходу, заключается не только в инвентаризации плюсов и минусов общественной деятельности, успехов и неудач в историческом прошлом, но и в проецировании проблем, поставленных современностью, на исторический материал с целью выявления альтернативных вариантов их решения и пределов эффективности последних. Подобный подход по существу превращает историческую науку в экспериментальную отрасль знания, имеющую, наряду с фундаментальной, прикладную, социальную значимость.

Концепт: анклавно-конгломеративный тип развития

История региона в изучаемый период представляет собой постоянное взаимодействие между этносоциальными группами, различными культурами и хозяйственными укладами, развивавшимися различными скоростями. Интеграция их в условиях XVI — начала XX вв. была невозможна как быстротечный процесс гомогенизации пространства, приведения его к каким-либо стандартам.

В процессе социальных взаимодействий неизбежно было становление очень сложной социальной реальности, адекватную модель для изучения которой дает концепция анклавно-конгломеративного типа развития [10].

Результатом подобного развития становятся конгломератные общества, которые характеризуются длительным сосуществованием и устойчивым воспроизводством пластов разнородных моделеобразующих элементов и основанных на них отношений; данные пласты образуют внутри общества анклавы, эффективность организованности

---

[9] Алексеев В.В. Общественный потенциал истории. Екатеринбург, 2004.

[10] См.: Богатуров А.Д., Виноградов А.В. Модель равноположенного развития: варианты «сберегающего» обновления // Полис. 1999. № 4. С. 60–69; Они же. Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории // Восток-Запад-Россия. М., 2002. С. 109–128; Побережников И.В. Проблема полиморфизма в современных теориях социального развития // Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX—XX вв.: К 90-летию со дня рождения В.В. Адамова / Сб. науч. ст. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. (Вопр. истории Урала. Вып. 18). С. 126–136.

которых дает возможность анклавам выживать в рамках обрамляющего общества-конгломерата.

Анклавы (которые могут представлять и новации) характеризуются как устойчивые структурные единицы конгломерата, относительная изолированность которых друг от друга не ведет автоматически ни к расцвету, ни к упадку.

Конгломератно-анклавный тип самоорганизации может быть инструментом успешного приспособления общества к средовому контексту. Анклавы не обречены раствориться в окружающей среде. Точно так же отдельным анклавам не гарантировано преобладание в масштабах всего общества. Среда может стремиться поглотить анклав через распространение на него присущих ей связей. Но анклав может успешно сопротивляться ей, попутно способствуя приобретению обществом более сложной («сдвоенной», «строенной») структуры.

Концепт социальной интеграции [11]

Акцент на проблемах социальной интеграции представляется в высшей степени актуальным. Старая историография концентрировала внимание на поиске социальных противоречий, антагонизмов, конфликтности, видя в этих явлениях источники исторического динамизма. Между тем, вероятно, более важны для существования человеческого общества механизмы, обеспечивающие социальную стабильность, социальную интеграцию, сплочение и упорядочивание.

Немаловажную роль в процессе складывания и развития российской цивилизации сыграло постоянное расширение ее территории, присоединение и освоение новых пространств, постепенно интегрировавшихся в ее состав.

При этом необходимо иметь в виду, что политическое присоединение новых территорий, приведение их населения в подданство российскому государству еще не исчерпывало содержания понятия интеграции, которым обозначается весьма длительный, трудный и противоречивый процесс.

Под понятием «интеграция» подразумевается совмещение частей социальной системы таким образом, чтобы система образовала единое целое. Имеется в виду унификация ценностных структур или образцов поведения, существование общих целей или усиление единства.

Интеграция понимается как наличие взаимных контактов, социального взаимовлияния, единства и контроля, в общем — как социальные связи. В этом смысле близкими к интеграции понятиями являются, в частности, понятия социальной сплоченности и социальной притягательности.

Социальная сплоченность *(cohesiveness)* означает внутреннее единство частей целого, добровольную социальную связь членов и достигнутую с помощью этой связи способность противостоять внешним воздействиям и давлениям. Наиболее наглядный пример — социальная сплоченность семьи.

Социальная притягательность *(attraction)* — это тяготение к другому человеку или группе. Социальная притягательность возникает по различным побудительным причинам, в частности, из-за привязанности, социальных контактов или стремления получить выгоду. От внутренней притягательности группы зависит ее социальная сплоченность.

Человеческое существование связано с постоянными взаимодействиями с другими людьми на регулярной основе. Регулярность социальных взаимодействий приводит к

---

[11] Подробнее см.: Побережников И. В. Интеграция крайнего севера Западной Сибири в пространство Российского государства (XVII — начало XX вв.): методологические аспекты // Уральский исторический вестник. 2005. № 12 (Ямальский выпуск). С. 47–60.

сплочению взаимодействующих в социальные единицы (отдельные целостности) с некоторыми общими социальными характеристиками. Социальные взаимодействия осуществляются в рамках сообществ типа семьи, групп, коммунальных структур, ассоциаций, организаций, государственных конструкций. Важным свойством социальных структур является усиление социальной сплоченности, связанной с интеграцией в результате социального общежития, соседства, взаимных контактов, социального взаимовлияния (что, конечно же, не отменяет конкуренции, конфликтности). При этом под интеграцией понимается совмещение социальных элементов таким образом, чтобы они образовывали единое целое (унификация ценностных структур и образцов поведения, разработка общих целей и механизмов социального контроля).

Понятно, что интеграция — понятие многоуровневое и многоаспектное. Применительно к регионам государства оно не может ограничиваться только институционально-политическим измерением, но включает и хозяйственно-экономические, и социокультурные аспекты.

Интеграция не исчерпывается моментом политического присоединения той или иной территории; напротив, данный момент служит зачастую лишь начальным рубежом длительного социоинтегративного процесса.

Широкомасштабное теоретико-методологическое и эмпирическое исследование разнообразных социоинтегративных механизмов различного уровня (семья, община, поселенческая общность, хозяйственная организация, субрегиональные и региональные общности, административные механизмы и т.д.) значимо не только с чисто научной, но и с практической, прикладной точки зрения. Исторический опыт социальной интеграции может быть востребован в условиях переосмысления цивилизационной идентичности России на современном этапе, поиска стратегии национального и регионального развития.

Концепт диффузии инноваций

Существенную роль в процессе развития пограничных регионов, интеграции новых территорий в состав российской (евразийской) цивилизации должны были играть механизмы диффузии, то есть распространения инноваций, в том числе их импорт в определенное общество извне [12].

Именно способность обществ заимствовать технологии, практики, институты, культурные модели выступает в качестве предпосылки ускорения социального прогресса и повышения их адаптивных ресурсов в процессе приспособления к новым реалиям.

Хорошо известно, что процесс диффузии получает дополнительные импульсы благодаря совершенствованию транспорта и средств коммуникации, которые облегчают интерсоциетальные контакты и взаимодействия внутри/между сообществами. Распространению инноваций способствуют торговля, миграции населения, путешествия и т.д.

Особо следует коснуться вопроса укоренения нововведений. Признавая огромную роль диффузии в процессе социальных изменений, мы не склонны понимать ее буквально, упрощенно, как простой механический перенос каких-либо явлений в пространстве.

Мы исходим из того, что в процессе адаптации к новым условиям происходят сложные взаимодействия (включающие обоюдные влияния) между импортированными технологиями, институтами, ценностями и т.д. и той средой, которая выступает их реципиентом.

---

[12] См.: Побережников И. В. Диффузионные механизмы как фактор модернизации власти и общества: теоретико-методологические аспекты // Уральский исторический вестник. 2005. № 10–11 (Власть и общество в российской провинции). С. 302–314.

Последствия диффузии одного и того же элемента или комплекса элементов для различных территорий могут быть совершенно различными (по меньшей мере, отличными). Заимствование явлений не всегда сопровождается переносом его системных признаков, т.е. места и роли, которыми они обладают в системе культуры-донора. Более того, возможны случаи отторжения внешних заимствований спустя некоторое время после их внедрения.

Модернизационный анализ

Особо следует остановиться на проблеме региональной модернизации. Очевидно, к региональной истории Ямала изучаемого периода невозможно применять классическую модель модернизации и безоговорочно переносить общестрановые тенденции модернизации на историю региона. Думается, что модернизационные процессы начинают проявлять себя на крайнем севере гораздо позднее, чем в России в целом, возможно, лишь в XIX в. — это развитие системы просвещения, нарастание тенденций социокультурной унификации, рационализация системы управления, нарастание хозяйственной специализации и товаризации экономики и т.д. Также очевидно, что модернизация не выкорчевала традиционные анклавы, сохранявшиеся на Ямале и в зрелом XX в. При этом данное обстоятельство вряд ли следует оценивать односторонне негативно, согласно логике классической теории модернизации. Указанные «несообразности» можно объяснить лишь на основе адаптированной усовершенствованной модернизационной теории [13].

В качестве таковой может быть использована регион-ориентированная модель модернизационного анализа. Кратко ее сущность можно свести к следующим тезисам:

1. Отказ от односторонней линеарной трактовки модернизации как движения в сторону единой универсальной цели (подобный подход сегодня трактуется как этноцентричный); признание возможностей собственных путей развития.

2. Признание вариативного, неоднозначного характера взаимодействия традиции и модернизации; необходимость дифференцированного подхода к системе традиций, обладающих способностью вариативно реагировать на вызовы современности.

3. Признание диффузии (распространение инноваций, в том числе их импорт в данное общество извне) в качестве значимого фактора модернизации, предпосылки ускорения социального прогресса; сложный характер процесса диффузии, включающий адаптацию к новым условиям, сложные взаимодействия (включающие обоюдные влияния) между импортированными технологиями, институтами, ценностями и т.д. и средой, где они должны укорениться; вариативность последствий диффузии одного и того же элемента или комплекса элементов для различных территорий.

4. Отказ от трактовки модернизации как единого процесса системной трансформации; признание возможности различного поведения сегментов конкретного общества в условиях модернизации, в том числе в рамках территориальных (региональных и субрегиональных) общностей.

5. Ограничение комплексности как измерения процесса модернизации исторически конкретными рамками; признание длительной возможности некомплексного развертывания модернизационного процесса как в социетальном, так и в пространственном плане.

---

[13] См.: Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006; Он же. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Обозрение / Под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 8. М., 2002. С. 146–168; Он же. Региональные аспекты модернизации: теоретико-методологические проблемы // Парадигмы исторического образования в контексте социального развития: Сб. науч. ст. / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2003. Ч. 1. С. 17–27.

6. Признание значимости природно-географических условий (размеры страны, природные ресурсы, степень однородности географического пространства, геополитическое и геоэкономическое положение, природа институционализированного взаимодействия между центром и периферией; пространственные условия диффузии новаций) как факторов модернизации. Процесс модернизации разворачивается в пространственно определенных условиях, которые обусловливают его возможности и ограничения, навязывают ему определенную пространственную форму (организацию). Страновая модель перехода от традиционности к современности, как и локально ограниченные деятельности, ее созидающие, несут отпечаток не только общей логики процесса модернизации (структурная дифференциация, рационализация, мобилизация и т.д.), но и места его протекания. Без исследования комплекса проблем, связанных с пространственной организацией и географическими детерминантами, невозможно адекватно и полно объяснять процессы модернизации, выявлять присущие ему общие и особенные черты.

7. Признание возможности вариативного (конвергенция и дивергенция; восходящая и нисходящая) поведения территориальных единиц (регионов и субрегионов) в процессе модернизации; установление взаимосвязей между общей динамикой (страновой) развития (модернизации) и динамикой региональной структуры.

8. Признание регионализации (пространственной специализации региона на определенных видах социальной деятельности) в качестве существенного аспекта модернизации. Использование для изучения данного феномена концепта структурно-функциональной дифференциации. Регионо-ориентированный подход (мезо-уровневый масштаб) как возможность выхода за границы макро-микроаналитической проблематики, для которой характерно стремление, с одной стороны, объяснять конкретные социальные результаты в терминах широкой структуралистской логики, а, с другой стороны, интерпретировать масштабные социальные процессы путем простого агрегирования микролокальных событий.

Данная модель, в отличие от подходов, применявшихся в рамках прежних модернизационных исследований, отличается большей гибкостью и эластичностью по отношению к изучаемой реальности, временным и пространственным ее измерениям; она более продуктивна при изучении субстрановой (региональной, субрегиональной) динамики модернизации, поскольку не требует рассматривать общество как однородное единое целое (монолит), функционирующее по одним и тем же механизмам в любой точке своего пространства и временной протяженности. Напротив, она позволяет рассматривать общество как реальное, живое, неоднородное, вариативно (в том числе и в пространственном плане) реагирующее на вызовы современности.

Историко-антропологический подход

Исследование не будет полным без реконструкции повседневной жизни насельников края, как аборигенов, так и переселенцев, что требует использования специфических познавательных инструментов, разработанных в рамках исторической антропологии [14], аналитический подход которой определяется намеренной качественностью, фокусированием внимания на особых случаях, символизме повседневной жизни, «микроскопичностью», необходимой для придания исследованию «большей глубины, большей красочности и жизненности», ориентированностью на «интерпретацию социального взаимодействия в данном обществе в терминах норм и категорий самого этого общества», на открытие инаковости прошедших эпох, непохожести их друг на друга и на современность.

[14] См.: Кром М. М. Историческая антропология. СПб., 2004.

Степень изученности темы [15]

История изучения прошлого Ямала представляет собой составную часть сибиреведения. Исследование Северо-Западной Сибири активно началось после присоединения края к Российскому государству, однако научный характер оно стало прибретать лишь в работах XVIII в. в контексте становления научной историографии.

Различные аспекты истории крайнего севера Западной Сибири получили освещение в фундаментальной «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера, основанной на огромном комплексе документов, собранных и скопированных в местных архивах во время поездок по Сибири в 1733–1743 гг. Миллер впервые дал хронологически связную картину процесса русской колонизации Сибири в первые десятилетия после похода Ермака, в частности, ввел в научный оборот документы по истории возникновения и развития Мангазеи, складывания Мангазейского уезда [16].

Важными направлениями исследования стали культура и быт, образ жизни, общественное устройство, обычаи и верования коренных народов крайнего севера Западной Сибири: хантов, ненцев, селькупов. В качестве одной из первых работ по данной проблематике может быть названо «Краткое описание о народе остяцком», составленное Г. Новицким на основе собственных наблюдений (1715 г.). Сведения о различных аспектах жизни ненцев нашли отражение в трудах участников Академической экспедиции 1768–1774 гг. П.С. Палласа и В.Ф. Зуева [17].

Ф. Белявский в своей книге «Поездка к Ледовитому морю» (1833 г.), написанной по результатам командировки в Обдорский край, привел любопытные сведения о русских и коренных жителях Обдорска, о селениях, сословном составе жителей, их хозяйстве [18].

Быт, материальная культура, условиях жизни, общественное устройство хантов и ненцев стали предметом исследования известного ученого-лингвиста М.А. Кастрена [19], который совершил в 1840-е годы путешествие по Северному Приобью с целью выяснения языкового родства финнов с другими народами севера.

Существенный вклад в изучение истории Северо-Западной Сибири внес краевед Н.А. Абрамов [20], служивший в Березове смотрителем уездного училища («Описание Березовского края», «О введении христианства у березовских остяков», «Проповедь евангелия сибирским вогулам», «Об остяцких князьях»). Исследования Н. Абрамова базировались, в отличие от предшественников, преимущественно не на собственных наблюдениях, а на архивных материалах и сведениях путешественников – П.С. Палласа, В.Ф. Зуева, Ф. Белявского, М.А. Кастрена.

---

[15] См. историографические обзоры: Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь... С. 6–19; Камынин В.Д. Основные этапы и проблемы изучения Ямало-Ненецкого национального округа // Ямал в панораме Российской истории. Материалы семинара «Теоретико-методологическое обеспечение исследований по истории Ямала». Г. Салехард. 19–22 декабря. 2004 г. Екатеринбург: Банк культурной информации. 2004. С. 3–20.

[16] Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1999, 2000, 2005. Т. 1–3.

[17] Путешествия по Обскому Северу: Краткое описание о народе остяцком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 году; Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов, сочиненное студентом Васильем Зуевым. Тюмень, 1999.

[18] Белявский Ф. Поездка к Ледовитому океану. М., 1833.

[19] Кастрен М.А. Сочинения: В 2 т. Тюмень, 1999.

[20] Абрамов Н.А. Описание Березовского края // Зап. РГО. СПб., 1857. Кн. 12; Он же. Об остяцких князьях // ТГВ. 1857. № 24; Он же. Описание Березовского края. Шадринск, 1992; Он же. Город Тюмень: Из истории Тобольской епархии. Тюмень, 1998.

Ценные сведения по хозяйству, материальной культуре, религиозным представлениям, семейным обычаям, обычному праву ненцев были собраны в работе Ю. Кушелевского «Северный полюс и земля Ялмал» (1868 г.) [21], который с 1852 по 1854 г. служил в Обдорске, а также участвовал в экспедициях 1862–1865 гг., предпринятых с целью открытия сухопутного и водного сообщения от Печоры до Енисея через Уральский хребет.

Плодотворные исследования по истории коренных народов Ямала велись в конце XIX – начале XX в. Богатейший материал по истории, хозяйству, этнографии и культуре народов крайнего севера Западной Сибири собрал лесничий Тобольской губернии А.А. Дунин-Горкавич, автор энциклопедического исследования в трех томах «Тобольский Север». Благодаря экспедиции на п-ов Ямал, направленной Российским Географическим обществом в начале XX в. под руководством Б.М. Житкова, была составлена подробная карта Ямала, изучены традиционные виды хозяйственной деятельности ненцев – оленеводство, рыболовство, охота [22].

В конце XIX в. вопросы ранней русской колонизации Сибири привлекли внимание профессора Харьковского университета П.Н. Буцинского, который опубликовал монографию о русском заселении Западной Сибири в первой половине XVII в., а также первую в историографии специальную работу о Мангазее, написанную на основе архивных материалов Сибирского приказа. Исследователь проследил проникновение русского населения на север Западной Сибири до похода Ермака, рассмотрел проблему складывания территории Мангазейского уезда, состав аборигенного населения, торгово-промысловую деятельность жителей Мангазеи. Проблема христианизации также привлекла внимание П.Н. Буцинского, опубликовавшего в 1893 г. работу «Крещение остяков и вогулов при Петре Великом». Христианизация народов Северо-Западной Сибири исследовалась также А. Сулоцким. Важный вклад в изучение крайнего северо-запада Сибири, христианизации аборигенов ямальского региона, миссионерской и просветительской деятельности в крае внес руководитель Обдорской духовной миссии И.С. Шемановский (после принятия духовного сана – отец Иринарх) [23].

В целом, дореволюционный период был отмечен накоплением значительного количества фактов, однако, он не дал обобщающих трудов по истории крайнего севера Западной Сибири.

В советский период, в 1920-е гг., изучением Ямала активно занимался Комитет Северного морского пути, созданный в 1919 г. (в 1932 г. преобразованный в Главное управление Северного морского пути), а также организованном в 1925 г. Институт по изучению Севера. В 1920-е гг. на Ямал была направлена экспедиция под руководством В.П. Евладова для изучения жизни и быта ненцев.

Заметный вклад в изучение истории Сибири внес С.В. Бахрушин, предметом исследования которого стали сухопутные и водные пути в Сибирь в XVI–XVII вв., торгово-промысловая колонизация, история Мангазеи, динамика социально-экономических отношений у коренных народов Зауралья, в частности Северного Приобья, проблема исторических судеб народов Сибири и их взаимоотношений с Русским государством. Автором было доказано огромное значение Мангазеи в процессе русской колонизации Сибири [24].

---

[21] Кушелевский Ю.И. Северный полюс и земля Ялмал. СПб., 1868.

[22] Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. М., 1995. Т. I; 1996. Т. II–III; Житков Б.М. Полуостров Ямал // Зап. ИРГО по общей географии. М., 1913. Т. 49.

[23] Буцинский П.Н. Соч. в двух томах. Тюмень, 1999; Сулоцкий А.И. Сочинения в трех томах. Тюмень, 2000. Т. 1–3; Шемановский И.С. Избранные труды / Сост. Л.Ф. Липатова. М., 2005; Иринарх, иером. История Обдорской духовной миссии. 1854–1904 гг. М., 1906.

[24] Бахрушин С.В. Избранные работы по истории Сибири ...; Он же. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 2.

Советских ученых вновь привлекла проблема христианизации народов Тобольского Севера, которой посвятили свои труды А.Г. Базанов, И.И. Огрызко, Н.А. Свешников. Общая черта указанных работ – одностороннее признание насилия в качестве ведущего метода крещения сибирских аборигенов [25].

Ряд работ, в частности, М.И. Белова, К.С. Бадигина, Л.С. Берга, М.С. Боднарского, В.Ю. Визе, В.И. Грекова, В.М. Пасецкого, Д.М. Пинхенсона, Г.В. Яникова, В.А. Есакова, А.И. Соловьева, был посвящен истории изучения арктических районов России, открытия и освоения Северного морского пути. Известный историк географических открытий в Сибири М.И. Белов совместно с археологами провел масштабное исследование Мангазеи, результаты которого нашли отражение в 2-х томной монографии, посвященной истории открытия и функционирования мангазейского морского «хода», а также материальной культуре полярного города XVII в. [26].

Ценный вклад в изучение этнической истории обских угров и самодийцев был внесен Б.О. Долгих, З.П. Соколовой, В.И. Васильевым, Л.В. Хомич, Ю.Б. Симченко, В.А. Козьминым, И.И. Крупником, Е.П. Мартыновой [27].

Русское промысловое освоение Мангазейского уезда в XVII в. было проанализировано В.А. Александровым и П.Н. Павловым [28]. В.А. Александров своей монографией «Русское население Сибири XVII – начала XVIII в.» (1964 г.) создал основы историко-этнографического подхода к изучению различных территориальных групп русского населения Сибири.

Заметным вкладом в изучение истории Приобского севера явилось комплексное исследование Н.А. Миненко «Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Историко-этнографический очерк» (1975 г.) [29], в котором были рассмотрены процессы этнического развития русского и аборигенного населения, хозяйственная жизнь, материальная и духовная культура русских, ненцев, хантов, селькупов, социальная структура и общественный строй, правительственная политика в крае (административная, финансовая, религиозная).

---

[25] Базанов А.Г. Очерки по истории миссионерских школ на Крайнем Севере // Известия ин-та народов Севера. Вып. 7. Л., 1936; Огрызко И.И. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. М., 1941; Свешников Н.А. Христианизация народов нижнего Приобья // Ученые записки Енисейского государственного педагогического института: Вып. 3 (Серия историко-филологическая). Енисейск, 1959. С. 91–111.

[26] История открытия и освоения Северного морского пути. М.; Л., 1956–1959. т. 1–3; Белов М.И Овсянников О.В., Старков В.Ф Мангазея. Мангазейский морской ход. Л., 1980. Ч. 1; Они же. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М., 1981. Ч. 2.

[27] Соколова З.П Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. Проблемы рода и фратрии. М., 1983; Хомич Л.В. Ненцы. М.; Л., 1966; Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. М., 1998.

[28] Александров В.А. Начало хозяйственного освоения и присоединение к России северной части Енисейского края // Сибирь XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1962. С. 7–29; Он же. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М, 1964; Павлов П Н Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск, 1972; Он же. Промысловая колонизация Сибири в XVII в. Красноярск, 1974; Он же. Вывоз пушнины из Сибири в XVII в. // Сибирь XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1962 (Сибирь периода феодализма. Вып. 1); Он же. Об участии и роли различных категорий населения в сибирском пушном промысле в 40–70-е годы XVII в. // Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX вв. Новосибирск, 1965 (Сибирь периода феодализма. Вып. 2); Он же. Покрутная запись на соболиный промысел в XVII веке // Советские архивы. 1968. № 5; Он же. Характер передвижения русских промышленников в Сибири во время развитого соболиного промысла (20–80-е годы XVII в.) // Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969). Новосибирск, 1973.

[29] Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. (Историко-этнографический очерк). Новосибирск, 1975.

Внимание исследователей привлекают правительственная политика и управление народами сибирского Севера в XVII — начале XX вв. (А.И. Мурзина, А.И. Парусов, Л.И. Светличная, В.Г. Карцов, В.Г. Марченко, Н.А. Миненко, В.В. Рабцевич, Л.М. Дамешек, И.В. Островский, В.А. Зибарев, А.Ю. Конев, В.И.Огородников и др.) [30].

Широкое исследование культур коренных народов Северо-Западной Сибири было осуществлено группой уральских этнографов под руководством чл.-корр. РАН А.В. Головнева [31]. Определенные итоги проведенных этнологических изысканий нашли отражение в фундаментальном исследовании «Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты» (М.: Наука, 2005).

В последние десятилетия активизировались исследования истории распространения и утверждения православия среди населения Приобского Севера и прилегающих к нему территорий. При этом наибольшее внимание ученых привлекают проблемы периодизации процесса христианизации, соотношения методов распространения православия и результаты деятельности православной церкви по внедрению христианства среди аборигенов края. Данная проблематика нашла отражение как в обобщающих, так и в специализированных исследованиях [32], причем большинство вопросов не получило однозначного решения. Дискуссионными, в частности, остаются проблемы степени принуждения и свободы выборы в условиях христианизации на Тобольском Севере; результативности миссионерской деятельности православных священников и т.д.

История ямальского региона и народов, его населяющих, получила освещение в ряде обобщающих монографических, научно-популярных, энциклопедических и учебных изданий, вышедших в 1990–2000-е гг. [33]

В целом в рассмотренных работах выявлены некоторые особенности исторического пути края, которые формируют его неповторимый облик, отличие от соседних регионов. К числу таких особенностей следует отнести: огромная площадь и суровые природно-климатические условия; малонаселенность, малочисленность населения; замедленные темпы социально-экономического развития; хозяйственная многоукладность; этнокультурное разнообразие; тесная связь истории края с историей освоения Сибири и ее крупных территориальных образований — Березовского и Мангазейского уездов.

---

[30] Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX — начало XX вв.). Иркутск, 1986; Он же. Ясачная политика в Сибири в XIX — начале XX вв. Иркутск, 1983; Конев А.Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе....

Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993; Он же. Говорящие культуры... ; Он же. Кочевники тундры... ; Перевалова Е.В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург, 2004; Лёзова С.В. Сибирские ненцы (самоеды) в середине XIX века: диалог кочевников и чиновников // Древности Ямала. Екатеринбург, 2000. Вып. 1.

[32] Например, см.: Миненко Н.А. Выбор веры // На стыке континентов и судеб / Этнокультурные связи народов Урала в памятниках фольклора и исторических документах. Екатеринбург, 1996. Ч. 1; Она же. Судьба православия на Обском Севере (XVIII — начало XX века) // Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000; Она же. Тюмень: летопись четырех столетий. СПб., 2004; Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996 (Глава IV: Выбор веры); Мавлютова Г.Ш. Миссионерская деятельность русской православной церкви в Северо-Западной Сибири (XIX — начало XX века). Тюмень, 2001; Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов XVII–XX вв. Екатеринбург-Салехард, 2005; Николаев А.П. Приходская община новообращенных Северо-Западной Сибири во второй половине XVIII века / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1996.

[33] См.: Омельчук А.К. На краешке земли. Свердловск, 1990; Ямал — проблемы развития. Тюмень, 1993; Головнев А.В., Зайцев Г.С., Прибыльский Ю.П. История Ямала / Учебное пособие. Тобольск — Яр-Сале, 1994; Ямал — знакомый и неизвестный... ; Годы и люди Ямала. М., 1995; Патрикеев Н.Б. Ямал: страницы былого. Салехард, 1995; Петрова В.П. Харючи Г.П. Ненцы в истории Ямало-Ненецкого автономного округа. Томск, 1999; Ямал: грань веков и тысячелетий... ; Энциклопедия Тюменской области. Тюмень, 2004. Т. 1–3; Энциклопедия Ямала. Тюмень, 2004. Т. 1–3.

Итак, в целом достигнуты определенные успехи в освещении отдельных проблем истории Ямала, предприняты первые попытки сведения знаний по истории края в обобщающие труды, в частности, энциклопедическо-справочного характера. Тем не менее, по-прежнему существуют многочисленные пробелы в изучении прошлого Ямала, многие вопросы остаются дискуссионными, требуют научного осмысления новые документальные данные, интенсивно вводимые в оборот в последний период, нуждаются в реинтерпретации с учетом новых теоретико-методологических и концептуальных подходов и на основе существенно расширенной источниковой базы и те вопросы, которые уже получили освещение в предшествующей историографии.

Авторский коллектив, сформированный для подготовки и написания второго тома «Истории Ямала», располагает определенным теоретико-методологическим и конкретно-историческим заделом по предлагаемой теме. Разработаны и апробированы в эмпирических исследованиях методы изучения регионального развития и управления, региональной интеграции, диффузии инноваций в историческом контексте, организации и форм контроля над экономическими и социальными процессами, социокультурной динамики, этнодемографических процессов, модернизации.

В процессе уже проведенных исследований установлены факторы, основные этапы, направления русского освоения Ямала в XII — начале XX вв.; выявлены механизмы интеграции крайнего севера Западной Сибири в пространство российской цивилизации в хозяйственно-экономической, административно-политической, социокультурной областях; сформулированы основы концепции русского освоения Ямала до начала XX в.; выявлены основные этапы православного освоения Ямала; идентифицированы этапы генезиса и развития отдельных населенных пунктов Обдории: Обдорска и Надымского городка [34].

Источники

Положительным моментом последнего времени следует считать интенсификацию работ по выявлению, обработке, систематизации документальных данных по истории Северо-Западной Сибири, в том числе ее крайних северных территорий.

---

[34] Побережников И.В. Ямал в XII — начале XX вв.: периодизация русского освоения // Русское освоение Ямала до начала XX в. (документы и исследования). Екатеринбург-Салехард, 2005. С. 3–57; Он же. Методология изучения истории Ямала XVI–XIX вв. // Ямал в панораме Российской истории. Екатеринбург, 2004. С. 35–52; Он же. Интеграция крайнего севера Западной Сибири в пространство Российского государства... ; Он же. Основные этапы русского освоения крайнего севера Западной Сибири (до начала XX в.) // Наука. Общество. Человек. Информационный вестник УрО РАН. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. № 3 (13). С. 42–61; Он же. Северные территории Зауралья и Западной Сибири в составе Российской цивилизации... ; Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – XIX в. ... ; Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов... ; Она же. Христианское освоение Обдорского края // Русское освоение Ямала до начала XX в. С. 150–186; Манькова И.Л. Таможенная служба на Обдорской и Собской заставах в первой половине XVII века // Русское освоение Ямала до начала XX в. .... С. 58–133; Она же. История православия на Севере Западной Сибири в современной историографии // Уральский исторический вестник. 2005. № 12. С. 61–73; Вершинин Е.В. Обдорский городок в XVII – первой половине XVIII века // Наука. Общество. Человек. Информационный вестник УрО РАН. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. № 3 (13). С. 36–42; Он же. Надымский городок в письменных источниках XVII–XVIII вв. // Русское освоение Ямала до начала XX в. .... С. 134–149; Он же. Путь на Север: вехи истории // Урало-Сибирский Север в развитии российской цивилизации... ; Туров С.В. Православные храмы Обдорского края (XVII — начало XX вв.) // Русское освоение Ямала до начала XX в. С. 187–228; Он же. Новое о деятельности Обдорской миссии Тобольской епархии первой половины 30-х гг. XIX века // Русское освоение Ямала до начала XX в. С. 229–237; Он же. Старожилы Обдории: укоренение // Урало-Сибирский Север в развитии российской цивилизации....

Панорамное видение истории крайнего севера Западной Сибири дает составленный Е.В. Вершининым и Г.П. Визгаловым сборник документов «Обдорский край и Мангазея в XVII веке» (Екатеринбург, 2004), в котором получили освещение вопросы первоначальной русской колонизации, истории коренных народов — северных хантов и ненцев, русских плаваний по Мангазейскому морскому ходу, а также история самого города Мангазеи.

Опубликованы сборники, содержащие нормативно-правовые акты, определявшие политику государства в области административно-правового и податного устройства аборигенов Сибирского Севера, документальные материалы о практике управления народами края [35].

Тюменскими историками ведется активная работа по изданию документов по истории православия в крае, в частности, миссионерской деятельности. Обширные комплексы источников были составлены В.Я. Темплингом. С.В. Туров подготовил сборник материалов приходских архивов Березовского края [36]. Такое существенное приращение опубликованной источниковой базы в состоянии дать новый импульс исследованиям по истории ямальского региона.

Периодизации истории Ямала в конце XV – начале XX вв.

Схемы периодизации сибирской истории, которые были разработаны с учетом преимущественно особенностей земледельческого и промышленного освоения, вряд ли могут быть без оговорок и с успехом применены для объяснения динамики исторического развития крайнего севера Западной Сибири.

В связи с этим мы поставили целью исследования выявить основные этапы истории крайнего севера Западной Сибири в условиях начавшегося процесса русского освоения до начала XX в. [37]

При выделении этапов освоения мы стремились учитывать целый ряд параметров: каковы в данный период основные политические участники процесса освоения; какие коммуникации используются для проникновения в регион, какая коммуникационная инфраструктура обеспечивает миграции внутри региона; кто выступает в роли социальных агентов освоения; какова степень укоренения и размещения агентов освоения на осваиваемой территории; каковы наиболее значимые полюса притяжения для региона освоения; какие способы освоения используются; какова степень воздействия осваивающего социума на социум осваиваемой территории; как складываются между ними взаимоотношения.

Использование подобной достаточно детальной системы критериев, как мы надеемся, позволило очертить хронологические рамки периодов, которые действительно содержательно и сущностно отличаются друг от друга.

Предыстория русского освоения крайнего севера Западной Сибири относится условно к XII — середине XV в. В течение данного продолжительного периода доминирующей силой в движении на северо-восток выступали новгородцы. Именно они задолго

---

[35] Судьбы народов Обь-Иртышского Севера... ; Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири....

[36] Путевые журналы миссионеров Обдорской миссии (60–70-е гг. XIX в.). Тюмень, 2002; «И здесь появляется заря христианства...» (Обдорская миссия. 30-е – 80-е гг. XIX в.): Источники. Тюмень, 2003; Из истории Обдорской миссии: Источники. Тюмень, 2004; Церкви Обдорска: летопись в документах. Тюмень, 2005. Вып. I: Васильевская церковь (1746–1824); Православные приходы Березовского края в XIX — начале XX века / Сост. С.В. Туров. Тюмень, 2004.

[37] Подробнее см.: Побережников И. В. Ямал в XII — начале XX вв.: периодизация русского освоения.... С. 3–57.

до политического присоединения Северного Зауралья к Русскому государству установили контакты с населявшими его народами. В целом значимость данного периода состояла в большей степени не в политических последствиях, которые были номинальными и преимущественно ограничивались приуральским ареалом, а: -в разведке новых территорий; -в сборе географических сведений о них; -в прокладке маршрутов продвижения через Урал в Северо-Западную Сибирь, которые были широко использованы впоследствии в организации обменных операций с населением северного Приуралья и Зауралья.

В качестве первого этапа эпохи русского освоения собственно территорий крайнего севера Западной Сибири выделяется период примерно с последней трети XV в. по начало 1590-х гг. В это время происходит смена основного политического участника освоения крайнего севера Западной Сибири. Место Новгорода, окончательно потерявшего политическую независимость в 1478 г. и включенного в состав Русского государства, занимает Москва (великое княжество, а затем царство).

Данный этап можно определить как этап ранней московской колонизации. На данном этапе инициатива освоения переходит от Новгорода Великого к Московскому государству. Последнее, включив в свой состав новгородчину, в определенной степени унаследовало и традиции новгородской колонизации: -репертуар способов (воинские экспедиции, меновая торговля, пушной промысел); -созданную к тому времени инфраструктуру, в первую очередь, коммуникации.

Наступление этапа ранней московской колонизации, видимо, не привело к сокращению участия частного элемента в колонизационном процессе (торговцы, промышленники). Напротив, как раз в данный период активизируется деятельность поморских мореходов, освоивших северный морской путь до Оби и даже до Енисея. В этом плане, вероятно, нет серьезных оснований для противопоставления так называемых новгородской и московской моделей освоения (торгово-промысловой и военно-административной) Северо-Западной Сибири.

Чем все же действительно отличается новый этап от предшествующего, так это: -укрупнившимися масштабами освоения, -совершенствованием его инфраструктуры, -включением в орбиту внимания участников процесса большей части территории крайнего севера Западной Сибири, в том числе ее восточных районов, ранее бывших недоступными, -расширением периметра охвата осваиваемых земель (с севера, запада, юга против прежнего единственного вектора колонизационного движения, направленного с запада на восток), -определенным реализмом по сравнению с прежним номинализмом новгородского периода политического присоединения ряда территорий (обско-угорских княжеств) к Русскому государству.

В качестве второго этапа можно выделить эпоху примерно с середины 1590-х гг. до 1660-х гг. Данный период условно можно определить как мангазейский, поскольку он отмечен заметным сдвигом хозяйственной активности русского населения в восточные районы крайнего севера Западной Сибири, в так называемую Мангазею.

Начало данного периода ознаменовалось созданием укрепленных опорных центров русского присутствия в регионе — Березова (1593), Обдорска (1595) и Мангазеи (1601). С их возникновением были созданы условия для укрепления русских позиций на территории крайнего севера Западной Сибири, для фактического включения ее в состав Русского государства.

Создается таможенная система. Таким образом, был установлен надежный контроль над потоками товаров в Сибирь и из Сибири, а также над торговыми и промышленными людьми, двигавшимися в обоих направлениях с выходами в Зауралье на Обдорск и Березов.

Система опорных пунктов облегчала увеличение числа плательщиков налога — объясачивание (означавшее реальное подчинение автохтонов власти Москвы), которое

заметно активизировалось в данный период по сравнению с прошлым и в Обдории, и в районе Мангазеи. Начинается медленный процесс интеграции автохтонов в российскую административную систему, создаваемую на востоке страны.

Создание опорных баз русской колонизации благоприятствовало русскому промысловому освоению земель за Уралом. Недаром именно на XVII в. (20–80-е гг.) приходится пик русской промысловой деятельности. В то же время имевшая ярко выраженный товарный характер экономика русских промышленников была узко профилирована, почти не имела связей с преимущественно натуральной экономикой аборигенного населения и не оказывала на последнюю заметного влияния. Будучи ориентированной вовне, эта экономика не создала прочной хозяйственной базы в крае. В результате период завершился упадком русской промысловой деятельности, которая исчерпала возможности ресурсной базы.

Третий этап охватывает период с последней трети XVII по начало XIX в. Данный период можно определить как обдорский. Для него характерно замедление темпов хозяйственного освоения, перенос акцента преимущественно в сферу обеспечения работы фискальных механизмов.

На данном этапе история русского освоения ограничивается преимущественно районами Нижнего Приобья. Русское присутствие в крае по-прежнему обеспечивает Обдорск, в который присылаются для сбора ясака служилые люди-«годовальщики» из Березова. Расселение русских по уезду шло слабыми темпами.

Необходимо отметить, что в целом в данный период в Нижнем Приобье, как отмечает Н.А. Миненко, идет процесс складывания специфической локальной этнографической группы русских старожилов, обладающих существенным культурным и языковым своеобразием. Русские устанавливают более тесные деловые контакты с коренными жителями низовий Оби.

На протяжении данного периода продолжался исподволь процесс хозяйственно-культурных взаимодействий между русскими и местными народами, который сопровождался продуктивными этнокультурными заимствованиями, полезными для всех сторон. Укоренение русских старожилов в Северо-Западной Сибири, упрочение их связей с местным населением незаметно готовили предпосылки для перехода к следующему этапу.

На данный же этап приходится начало (с 1707 г.) христианского миссионерства и массового распространения православия среди коренных народов Северо-Западной Сибири, однако северных волостей данный процесс коснулся поверхностно.

Четвертый этап охватывает период времени с начала XIX по начало XX в. Условно его можно определить как этап ранней модернизации. Данный этап характеризуется заметным ускорением темпов освоения, его нарастающей интенсификацией. Важная тенденция данного этапа — это необратимый теперь уже процесс формирования постоянного русского населения на крайнем севере Западной Сибири.

На данном этапе в процессе освоения территории активно подключаются механизмы ее хозяйственно-экономической интеграции. В экономике районов крайнего севера Западной Сибири складывается многоукладный комплекс хозяйственных связей пришлого и коренного населения.

При этом традиционное хозяйство аборигенов в значительной степени подвергается деформации под влиянием пришлого населения и его торгово-промышленного капитала.

Проникновение товарно-денежных отношений в туземную среду приводит к коммутации ясака, развитию среди части коренных жителей, включенных в сферу русского рыбопромышленного предпринимательства, товарного рыболовства.

Торговый обмен способствовал возникновению и развитию у народов Крайнего Севера Западной Сибири товарно-денежных отношений, товаризации традиционных

промыслов, включению коренных народов в общесибирский и общероссийский рынок.

Итак, хозяйственные механизмы в XIX в. начинают обеспечивать постепенную интеграцию крайнего севера Западной Сибири в экономическое пространство страны. Процессы хозяйственной интеграции отличала динамика ускорения.

К рубежу XIX–XX в. экономика Обского Севера уже прочно подключилась к макроструктуре общероссийского рынка, оказывавшего на нее свое трансформирующее воздействие. Однако это воздействие не было равномерным ни в отраслевом, ни в территориальном плане. Экономика края по-прежнему оставалась многоукладной; наряду с товаропроизводящей значительное место в ней занимала натурально-потребительская хозяйственной деятельность.

Примерно с середины XIX в. активизируется миссионерская деятельность на Обском Севере. Хотя христианизация коренных народов края отличалась поверхностным характером и неравномерностью, у отдельных групп населения сложились синкретические формы верований.

К началу XX вв. были достигнуты определенные успехи в интеграции крайнего севера Западной Сибири в экономическое и социокультурное пространство Российского государства. Однако процессы интеграции протекали неравномерно и в различной степени захватили компоненты общества. Реальностью края оставались полиморфизм, многоукладность в сфере социальных отношений, в экономической области, в институционально-политической и в социокультурной.

Тем не менее, несмотря на такую мозаичность общественных отношений изучаемый регион уже стал частью большой целостности, воплощаемой национально-страновой моделью развития.

Итак, выделено четыре крупных этапа в истории освоения крайнего севера Западной Сибири. В рамках первого—второго этапов было осуществлено военно-политическое присоединение территории края и народов, его населявших. При этом на смену Новгороду Великому, доминировавшему первоначально в колонизационном движении на восток, во второй половины XV в. пришла Московская Русь (впоследствии Российская империя), что не привело, однако, к приницпиальным изменениям способов освоения (военные экспедиции, торговля, промысловая деятельность). Наряду с государством постоянно в процессе освоения принимал участие рынок. Основными фигурами русского освоения выступали, наряду с администрацией и военно-служилым элементом, торговцы и промысловики. На третьем этапе к процессам освоения начинает активно подключаться церковь. Параллельно с политическим присоединением, а то и обгоняя его, получили развитие процессы хозяйственного и социокультурного освоения. На всем протяжении изучаемого периода освоение крайнего севера Западной Сибири не выходило за рамки торгово-промысловой колонизации, что обусловило достаточно медленные его темпы, не линеарный, зигзагообразный характер (яркий пример — история Мангазеи и пушного бума XVII в.), заторможенность оседания русских землепроходцев на землю. История освоения крайнего севера Западной Сибири знала как периоды поступательного развития, так и периоды спадов, реверсивных движений. Тем не менее, в XIX в., в рамках четвертого этапа, процессы освоения приобрели черты комплексности и заметное ускорение, что привело к интенсификации процесса интеграции хозяйства края в экономику страны.

Д.А. Изосимов

РЕКОНСТРУКЦИЯ МИФО-РИТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ГОРНО-ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ ПРИУРАЛЬЯ

Горно-лесная полоса Урала является своеобразным географическим пространством, включающим периферии качественно разных культурно-исторических областей. Учитывая уникальное месторасположение данного региона, можно предположить, что в основе мифо-ритуальной практики древнего населения образ горы играл важную, а возможно и ключевую роль. Кроме месторасположения, о роли горы на указанной территории свидетельствует концентрация разных по характеру памятников у выделяющихся объектов ландшафта (гор, скальных останцев, пещер).

По мнению исследователей в горных районах гора выступает в качестве наиболее распространенного варианта мировоззренческой модели понимания картины мира [1] В частности В.Н. Топоров отмечает, что мифологические функции горы многообразны: «...реальные географические объекты не только почитались, обожествлялись и соотносились с особым божеством или духом покровителем, но и дублировали мировую гору, в ее функции моделирования вселенной» [2] Судя, по данным угорского фольклора, не меньшее значение в горно-лесной полосе Урала уделялась камням и скальным образованьям [3] Как и горы, скалы, часто одушевлялись [4] Отдельно стоящие скальные образования наделялись священными функциями, например исцеления (Узкая и Широкая улочка Искорского городища). Использование карстовых полостей с палеолита до этнографической современности для проведения обрядов и церемоний достаточно широко известно и хорошо фиксируется в различных географических регионах. Данные археологии и поздние этнографические свидетельства говорят о том, что полость карстового образования воспринималась архаическим населением противоречиво: с одной стороны, пещеры имели мифо-символическое восприятие в качестве лона матери (капающая вода – подземная влага, истекающая из тела матери) и были связаны рождением или социальным ростом [5] С другой стороны, пещеры являлись входами в подземный

---

[1] Потапов Л.П. Культ гор на Алтае// СЭ. 1946; Токарев С.А. Ранние формы религии. – М. 1990; Анисимов А.Ф Религия эвенков в историко-генетическом изучении проблемы происхождения первобытных верований. М., 1958; Викторова В.Д. Мифологическая картина мира энеолитического населения горно-лесного Зауралья// ВАУ №17. Екатеринбург. 1998; Мелетинский Е.М Поэтика мифа. М. 2000.

[2] Топоров В.Н. Гора// Мифы народов мира. Энциклопедия. Т.1. М. 1987. С. 312.

[3] Афанасьев А.Н Древо жизни: Избранные статьи//Подготовка текста и коммент. Ю.М. Медведева, вступительная статья Б.П. Кирдана. – М., 1982. С. 229-230

[4] Котов В.Г., Овсянников В.В. Археологические, этнографические свидетельства о почитании гор у Башкир//Интеграция археологических и этнографических исследований (Материалы VI международного научного семинара посвященного 155-летию со дня рождения Д.Н. Анучина). Часть I. Омск. 1998. С. 129-131; Волков Р.Б Многоликий камень. Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург. 2004. С. 212-213.; Кернер В.Ф «Живые» камни (к вопросу о семантике священных мест) // УИВ № 8. Екатеринбург. 2002. С. 69.

[5] Леруа-Гуран А. Религии до истории// Первобытное искусство. Новосибирск 1971. С. 89.; Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология. Символ и архетип. Новосибирск. 1991. С. 59-61.; Котов В.Г. Культ пещер на Урале // Научное наследие башкирских ученых эмигрантов и вопросы современности

мир, или «местом обитания потусторонних сил, которых необходимо победить ради повышения своего социального статуса в контексте посвятительной обрядности» [6]

На территории горно-лесной полосы среднего Приуралья зафиксировано около 20 культовых объектов, расположенных у оснований и на вершинах скальных образований, а также в предвходовых и дальних гротах пещер (рис. 1).

Коллекции святилищ, данные стратиграфии и планиграфии позволяют выделить три группы памятников: святилища функционировавшие со времени начала своего существования, без перерыва в течение ряда эпох (пещеры в камне Денежном, Кумышанском, Дыроватые ребра; камень Писаный); многослойные памятники, которые первоначально существовали в качестве временных поселений, а затем, на определенном этапе приобрели черты культовых объектов (грот Большой Глухой, камень Светик, камень Белоусовский, пещера Чаньвенская); объекты включающие памятники действовавшие относительно небольшой период времени. Вероятно, представленные памятники связанны с отражением кратковременных ритуалов, или «одноактных» культовых действий. Материальная культура этих комплексов представлена единичными артефактами (пещера Тайн, пещера в камне Дыроватый) или ярко выраженными культовыми объектами (пещеры Подземных охотников, Медвежья (Усьвенская, Геологов 3); грот Виашерский).

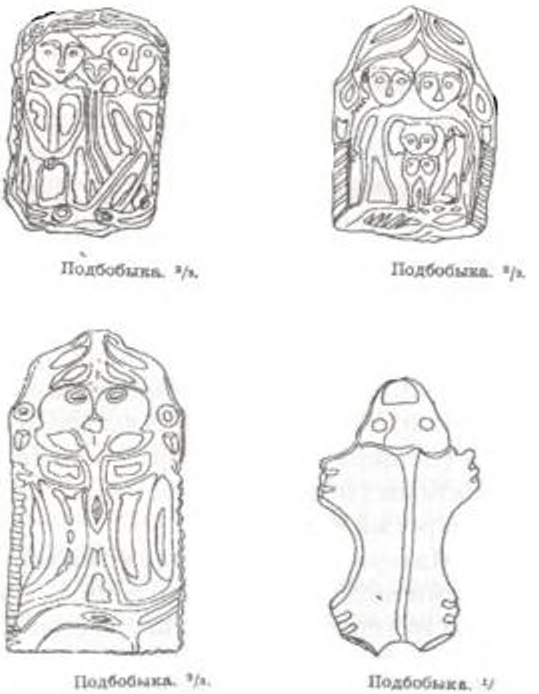
Материалы культовых комплексов горно-лесной полосы Приуралья представлены разными категориями жертвенных предметов. В эпоху палеолита, эпипалеолита и мезолита в материальной культуре святилищ преобладают орудия труда и украшения, выполненные из кости и камня. Объекты включают сложные конструкции, которые можно определить как демонстрационные комплексы. Демонстрационный комплекс это объект поклонения, который может включать: наскальные изображения, идолы, (изготовленные из металла или дерева), выкладки одного (возможно тотемного?) или нескольких видов животных, а также различные сопутствующие детали: очаги, охристые пятна, скопление крупных камней или большой сопутствующий комплекс изделий из камня. В период неолита в коллекциях святилищ преобладают наконечники стрел различных форм, выполненных из камня и кости. Изделия из камня в основном представлены осколками (отщепами и сколами) и незначительным орудийным комплексом. Для эпохи раннего металла и бронзы происходит расширение ассортимента категорий предметов, за счет включения украшений, выполненных из цветного металла, однако основным видом жертвенных предметов, остаются наконечники стрел. С периода раннего железного века и до русской колонизации наравне с упомянутыми категориями предметов в коллекциях культовых комплексов появляются новые: это монеты, украшения, культовая металлическая пластика, антропоморфные деревянные изображения. Немногочисленные фрагменты керамики обнаруженные в составе находок культовых комплексов расположенных в бассейнах рек Колва, Вишера, Чусовая включают как приуральские, так и зауральские образцы. Состав жертвенных животных культовых комплексов в основном характерен для присваивающей формы ведения хозяйства (лось, северный олень, медведь) только в составе поздних комплексов он расширяется за счет включения домашних видов (лошадь, крупный рогатый скот).

Структура карстового образования, а также местонахождение культурных остатков и сооружений в труднодоступных дальних гротах пещер дают возможность предположить существование у населения горно-лесной полосы Приуралья мифо-ритуальной

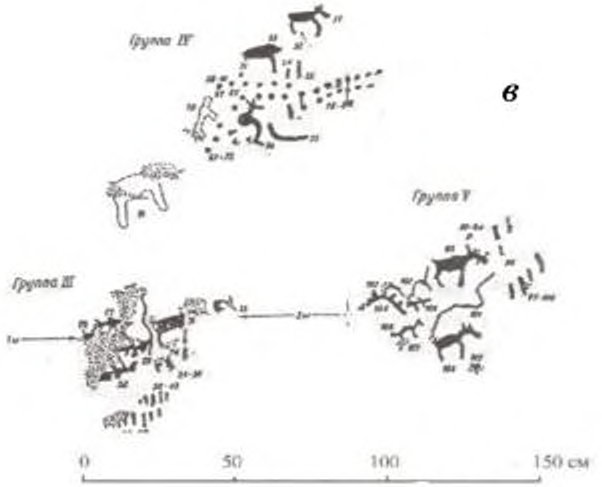
(Вторые валидовские чтения): Тез. Докл. Ч.II. Уфа 1997. С. 41-42.; Филиппов А.К. Происхождение изобразительного искусства. СПб, 1997. С. 75-78.; БНТ. Т.2: Башкирское народное творчество. Т.2. Предания и легенды. Уфа 1987. С. 484.

[6] Худяков М Г Культово-космические представления в Прикамье в эпоху разложения родового общества// ПИДО. 1934. №11-12. С. 89.

а



б



в

г

Рис. 1. Культовые комплексы горно-лесной полосы Приуралья

а – карта-схема местонахождения культовых комплексов;
б – культовая металлическая пластинка с комплекса у камня Подбобыка (Светик) на р. Колва;
в – фрагменты наскальных изображений Писаного камня на р. Вишера (по В. Ф. Генингу);
г – пещера Кумышанская. Керамика (*1,2,5* – ранний железный век; *3* – средневековье;
4 – фрагмент керамического пряслица)

практики включающей элементы посвятительной обрядности [7]. Анализ структуры, а также содержание композиций пещерной живописи Каповой и Игнатьевской пещер подтверждает эти выводы [8] Материалы рассматриваемых святилищ свидетельствуют о функционировании данных обрядов с эпохи палеолита (пещера Тайн, Австрийская) до эпохи раннего железного века (пещера Темная), при этом содержание обрядов включало не только возрастной рост, но и переход человека из одного статуса в другой. Сведения о существовании обряда инициации подтверждаются на поздних материалах финно-угорской этнографии. В.М. Кулемзин упоминает о том, что человек решивший стать шаманом, «должен был уйти в место проживания духов, дающий особый дар, и в одиночестве прожить там несколько дней» [9]

Господство присваивающей формы хозяйства в образе жизни населения горно-лесной полосы Приуралья, сюжетные композиции наскальных изображений Урала, а также остеологический материал как отдельно, так и в виде демонстрационных комплексов позволяют реконструировать систему мифо-ритуальных практик включающих промыслово-календарные обряды, содержащие поклонение животным и элементы охотничьей магии и плодородия. Видовой состав жертвенных животных на культовых комплексах многообразен, и включает представителей как дикой (пещерного и бурого медведя, лося, северного оленя, пушных) так и домашней фауны (крупный рогатый скот, лошадь). В целом, набор костей на жертвенных комплексах показывает, что при жертвоприношениях не отдавалось явного предпочтения какому-либо конкретному виду — решающее значение имел сам ритуал. В месте с тем, как отмечает В.Ф. Кернер «действие с жертвенным животным осмыслялось как начало его возрождения для жизни и воспроизводства Природы и Социума. Животное выступало в качестве связующего звена между ними и воплощало их единство» [10]

Следующая мифо-ритуальная практика, связана так называемыми путевыми культовыми памятниками, расположенными на берегах трансуральских водных путей. Вероятно появление этого типа памятников, их расцвет и распространение первоначально было связано с путями миграций лосей. В частности В.Н. Черницов отмечает большое количество примеров о роли этих копытных для жизнедеятельности обских угров [11]

В общей сложности, суть проводимых обрядов на путевых памятниках сводилась либо к приношению жертв при прохождении через опасный (неизвестный) участок маршрута, либо к почитанию духов конкретного географического объекта, который является своеобразной меткой перехода. Существование путевых святилищ и связанных с ними ритуальных действий находят аналогии в финно-угорской мифологии. В незнакомом месте юганские ханты (восточные) всегда приносили жертвы местному духу [12] У манси, если во время охоты, человек попадал в незнакомое место то тогда он «бросает деньги в воду или оставляет где-нибудь в урмане под стволом священного дерева» [13] При прохождении рядом со святым местом, человек обязан был оставить на

---

[7] Кабо В.Р. Модель мира у охотников и собирателей // «Природа» №3. 1988. С. 87.; Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М. 1981. С. 131

[8] Котов В Г Святилище в пещере Шульган-Таш (Каповой) и мифология Южного Урала// Проблемы первобытной культуры. Уфа. 2001. С. 58-60

[9] Кулемзин В.М. Сверхсущественные существа и шаманы в представлениях восточных хантов// Урало-Алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Нвосибирск. 1985. С. 135

[10] Кернер В.Ф. Магический кристалл// Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург. 2004. с. 196.

[11] Черницов В Н. Наскальные изображения Урала. Ч.2, САИ В4-12. М. 1971. С. 72-73.

[12] Полевые материалы этнографических исследований в Нефтеюганском районе, 1994. — архив Комитета по охране и использованию историко-культурного наследия Администрации Нефтеюганского района ХМАО.

[13] Инфантьев П. Среди вогулов. //Журнал для всех. 1898, №6. С. 706.

святилище, какие-нибудь дары; выстрелить стрелой или дробью, и тем самым подарить стрелу или дробь местному духу, положить мелкую монету или наконечник стрелы, повязать платок на ветку, причем стрела, при стрельбе на святое место, должна иметь железный наконечник. Если святилище знаменитое, то человек останавливался и варил кушанья, угощая дымом местного духа. За приношения путник получал, счастливое путешествие и удачу в делах [14]

Расположение материала, этнографические свидетельства, а также исторические данные говорят о том, что одни и те же предметы могут входить в состав различных обрядов. Отдельные категории вещей обнаруженные на культовых комплексах дают возможность реконструировать несколько ритуалов входящих в состав выше перечисленных мифо-ритуальных систем.

Особое отношение к камню и изделиям из него прослеживается по материалам приуральских культовых памятников, начиная с эпохи палеолита (Игнатьевская пещера), заканчивая ранним железным веком (в бассейн р. Чусовой на камнях Дождевой, Котел, Дыроватые ребра; р.Вишеры жертвенное место Писаного камня). Отдельные категории изделий из камня (кресальные кремни, скребки) использовались вплоть до средневековья (Расселина №1 Писаного камня на р. Вишера) [15]

Коллекция изделий из камня на святилищах включает как «отходы производства» (отщепы и бессистемные сколы), так и немногочисленный орудийный комплекс. Их соотношение различно, но в целом наблюдается следующая закономерность: в неолите-энеолите изделия из камня представлены в основном в виде орудий (скребков, нуклеусов, ножевидных пластин и кресальных кремней), начиная с эпохи раннего железного века в виде кусков расколотого кремня вплоть до скоплений аморфных осколков и отщепов разной величины. Для эпохи средневековья характерно – изготовление специальных орудий для добывания огня – кресал.

Особое отношение к кремню и изделиям из него, связаны с его способностью высекать искры. Значение орудий для добывания огня фиксируется во многих мифах, в частности высший бог марийской мифологии Куго-Юмо создает добрых духов из искр [16] Некоторые ученые предполагают возможность того, что кресальные кремни отождествляются со скребками на культовых комплексах. Присутствие в комплексах святилищ кресал и скребков, не употреблявшихся для добывания огня, допускает возможность существования особого отношения к этим предметам, как к хранилищу «чистого» огня.

Кроме огненной символики ритуальное расщепление камня на отщепы и бессистемные сколы, находят интересные аналогии в удмуртской мифологии: «Всех на земле было семь братьев, которые молотами разбивали камень и говорили при каждом ударе «Господи, благослови!» а Шайтан – «будь проклят!». Из каждого отлетевшего осколка становился ему товарищ. Тогда братья прогнали его с неба, как непослушного и вероломного...» [17] Здесь дробление камня связано, с подземным миром (образ Шайтана), и с созданием новой жизни. Связь галек с плодородием прослеживается и в коми-пермяцкой примете: «если весной дети собирают галю – хлеб родится, если шишки – будет неурожай» [18] Идея преобразования и рождения связанная с камнем фиксируется и в

---

[14] Карьялайнен К. Ф. Религия Югорской народности. Томск. Т.2. 1995. С. 67-68, 111-112

[15] Мельничук А.Ф., Изосимов Д.А. Малые карстовые полости р. Вишеры – жертвенные полости связанные с культом плодородия// Материалы археологических конференций. Оборинские чтения. Вып.3. 2004.

[16] Топоров В.П. Куго-Юмо// Мифологический словарь. М. 1991. С. 300.
Плесовский Ф.В. Космогонические мифы коми и удмуртов // Этнография и фольклор коми. Сыктывкар, 1972. с. 44.

[17] Смирнов И.Н. Пермяки. Известия ОАИЭКУ, т. IX, вып. 2. Казань,1891. с. 234.

башкирской сказке «Аль-Батыр», в которой рассказывается о чудесном появлении Батыра из рассеченной скалы согласно повелению хозяина горы [19]

На сегодняшний день собраны многочисленные этнографические параллели использования камней в культовых целях в обско-угорской мифологии. Почитание камней необычной формы зафиксировано у манси: один из богов у них назывался Ахтвасойка — Камень-старик. Основой его изображения служил кусок железной руды [20] У хантов галька почиталась в связи с культом лося, а камень-кукла «пакы» использовался в шаманских обрядах [21] У ненцев камень особой формы хранится в каждой священной нарте, он считается покровителем оленей и детей. Сердце-камень (сей пэ) кладут детям в люльку [22] В связи с этим интересно, что и на святилищах найдены камни и гальки необычной формы.

Материалы культовых комплексов, этнографические свидетельства, а также фольклорные данные показали отсутствие единого ритуала поклонения камню и существование нескольких ритуальных систем, например: солнца, огня, гор неба, грозы, гор, камней, деревьев, воды.

Наконечники стрел, начиная с эпохи мезолита заканчивая средневековьем, являются основным объектом жертвоприношений на культовых комплексах горно-лесной полосы Приуралья и сопредельных территорий.

Существуют две взаимодополняющих точки зрения говорящих о роли стрелы в культовой практике населения горно-лесной полосы Урала. Их сущность в основном сводится к двум обрядовым практикам. Первая представляет реконструкцию обряда стрельбы или присутствие наконечников стрел в пещерах и расселинах скал в качестве отражения культа плодородия, где стрела выступала в роли мужского начала, а полость в скале женского. При этом сущность обряда относится к промыслово-охотничьей магии, цель которой — распространить свой род и обеспечить увеличение объекта охоты [23] Вторая практика говорит о том, что, образ (феномен) стрелы необходимо связывать только с охотничьей магией. В подтверждение, С.Е. Чаиркин приводит данные финно-угорской этнографии: «жертвуем лучшие стрелы, которыми уже была взята добыча для будущей удачи в охоте» [24], подобного же мнения придерживается Ю.Б. Сериков [25] Известны и поздние этнографические параллели, например, в XVI-XIX в.в. обские угры поклонялись антропоморфным идолам и жертвовали им стрелы, вымаливая успех на промысле. У многих народов стрелы являлись символом духа или даже самостоятельным объектом поклонения. У селькупов «...мужчины проезжая на лодке мимо священного места, пускают в стоящее на берегу дерево стрелы. Дерево, утыканное стрелами становиться знаком сопричастия их владельцев святилищу» [26] Связки стрел были основой изображений мансийского бога войны Хонт-Торума и бога грома Щахэл-Ойки [27]

---

[19] БНТ. Т.3: Башкирское народное творчество. Т.3. богатырские сказки. Уфа, 1988. с. 43-45.

[20] Гемуев И Н. Мировоззрение манси. Дом и Космос. Новосибирск, 1990. с. 113.

[21] Кулемзин В.М. Шаманство васюганских хантов // Из истории шаманства. Томск, 1976. С. 96

[22] Головнев А.В Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. с. 492

[23] Ковалева В.Т Скрытые символы древнего знания// УИВ, 1997. №4.; Ковалева В.Т., Цапко Ю.Г. Проблема эволюции художественного стиля и культуры населения лесной зоны Урала в каменном веке// ВАУ, Екатеринбург. 1998. Вып.23.; Кызласов И.Л Гора-прародительница в фольклоре хакасов. СЭ. — 1982. — №2.

[24] Чаиркин С Е. Пещеры Урала: общий обзор// Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург. 2004. с. 29.

[25] Сериков Ю.Б. Культовые пещеры р. Чусовой // Культовые комплексы горно-лесной полосы Урала. Екатеринбург. 2004. с. 48.

[26] Карьялайнне К.Ф. Религия Югорской народности. Томск. Т.2. 1995. С. 519

[27] Гемуев И.Н , Сагалаев А.М., Соловьев А.И Легенды и были таежного края. Новосибирск, 1986. с. 161.

В целом, семантическая роль наконечника стрелы в зависимости от расположения и сохранности многозначна. С одной стороны стрелы были связаны с почитанием животных, в частности медведя. У хантов был обычай приносить на святилище стрелу, которой было убито много зверей или какое-либо особо ценное животное [28] В то же время стрелы использовались для гадания: «После окончания медвежьего праздника стреляют с закрытыми глазами вверх, если попадают в среднее бревно, значит, скоро будет еще медведь» [29] Стрела часто рассматривалась как символ жизни, плодородия, олицетворяла создание новой семьи, так например у манси жертвовали луки и стрелы, в случае рождения в семье сына. Стрела имела и охранительное значение: ими поражали духов зла, она призвана была быть, как отмечает Ю.Б. Сериков – оберегом которым закрывали проход между миром живых и миром мертвых [30], стрела как орудие смерти служила и амулетом шамана с помощью или посредством которого шаман спускался в нижний мир [43, с 33-39]. В целом, именно лук и стрелы выступали в качестве основных магических предметов у многих народов Урала, Сибири и Алтая [31]

Ножи найдены на трех культовых комплексах: в пещере Подземных охотников, в гроте Большой Глухой, в Курашимской пещере. В поверьях народов Урала и Сибири ножи и другие режущие предметы являются, прежде всего, сильными оберегами, защищающими от потусторонних сил и стихийных бедствий. Нож, косу или топор клали в изголовье больных для устранения болезни [32] Этнографические свидетельства, записанные В.Ф. Генингом, при раскопках культового комплекса в пещере Темной позволяют предположить, что кроме сакрального отношения к самому орудию, нож играл большую роль в качестве инструмента при проведении ритуалов [33]

Пряслица и их фрагменты найдены на двух памятниках – Писаный камень, Кумышанская пещера. Расположение пряслиц на культовых комплексах предполагает, что помимо функционального назначения они несут сакральную нагрузку. Эксперименты Ю.Б. Серикова [34], местонахождение пряслиц с солярным орнаментом в металлургических культовых комплексах Зауралья [35], свидетельствуют, об использовании пряслиц в лучковом способе добывания огня. По-видимому, они являются предметами, которые олицетворяют единение небесного (круг) и земного огня.

Наличие в составе средневековых коллекций монет (Чаньвенская пещера), а также этнографические данные позволяют выделить особое к ним отношение. Вероятно, что они представляли собой солярные символы. В то же время монеты являлись жертвенными дарами для нижнего, подземного мира, в частности общим для финно-угорских и тюркских народов является культ воды и элемент веры в водяных духов, от которых откупались монетами [36]

---

[28] Теплоухов Ф. А. О доисторических местах на Уральских горах// ЗАУОЛЕ. Т.6. вып. 1. Екатеринбург. 1880. с. 23.

[29] Гемуев И.Н, Сагалаев А.М. Религия народов манси. Новосибирск. 1986. С.11.

[30] Сериков Ю.Б. К вопросу о семантике наконечников стрел с пещерного святилища на Камне Дыроватом//Проблемы археологии и древней истории Урала. Нижний Тагил. 2005. с 72.

[31] Сериков Ю.Б. Шаманские погребения в Зауралье // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1998. Вып. 23.; Мельничук А.Ф., Изосимов Д.А. Малые карстовые полости р. Вишеры – жертвенные полости связанные с культом плодородия// Материалы археологических конференций. Оборинские чтения. Вып.3. 2004. С.241.

[32] Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск. 1994. с. 136.

[33] Генинг В.Ф. Распространение ананьинской культуры. Рукопись. Архив КАЭ ПГУ. 1950. с. 5-

[34] Сериков Ю.Б. К вопросу о функциональном и сакральном назначении так называемых пряслиц // Археология Урала и западной Сибири. Екатеринбург. 2005. С. 93-101.

[35] Викторова В.Д. «Пряслица с памятников иткульского металлургического очага // Охранные исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, вып. 5. 2003.

[36] Мокерова Е.Ю. К вопросу об использовании монет финно-угорскими и тюркскими народами Вятского края // Европейский Север в культурно-историческом процессе. Киров. 1999. С. 428-429.

На средневековых культовых памятниках (Чаньвенской пещере, камень Светик) обнаружена значительная коллекция предметов металлической пластики. По форме и солержанию культовая металлическая пластика включала три основных мотива: птицевидный, зооморфный, антропоморфный. По мнению Л.В. Чижовой «все мотивы совпадали с образами, в которых мыслилась душа угро-самодийских народов, а сами поделки, очевидно, служили вместилищем для определенной души»[37] Изделия исполнены в одной технике — плоское литье и в одной манере — статичное изображение фигур в композициях. Исключение представляют изображения шкурок животных. По мнению А.П. Смирнова «Назначение бронзовых изображений шкурок аналогично назначению деревянных изображений, которые в прошлом манси и ненцы приносили на мольбища, чтобы заручится помощью богов на охоте или рыбной ловле. В то же время изображение шкурок могли, является сами по себе предметами жертвоприношения, подобная практика существовала у хантов и манси»[38]

Анализ распространения вещественного материала, характер конструкций относящихся к различным археологическим эпохам свидетельствуют о том, что мифо-ритуальные системы в зависимости от изменений климата, образа жизни, этнокультурных влияний и миграционных процессов видоизменяются.

Первый этап эволюции мифо-ритуальной практики включает эпоху плейстоцена.

Учитывая, что первобытный человек еще не выделял себя из окружающего мира и на ранних этапах полностью от него зависел, существенное влияние на формирование мифологических представлений населения горно-лесной полосы Урала оказали климатические условия и связанный с ними образ жизни. Материалы этого этапа представлены исключительно в пещерах и гротах, расположенных в бассейнах рек Чусовой (Кумышанская пещера, грот Большой Глухой), Яйвы (в пещерах Тайн, Подземных охотников, грот Пещерного Льва, грот Близнецова («Белый»)) и реки Вишеры — пещера Темная. В зависимости от проводимых ритуалов, сакральное пространство включало либо дальние темные гроты пещер, с низкими сводами (пещеры Тайн, Австрийская, Темная, Подземных охотников), либо предвходовые светлые гроты (Пещерный Лев, Белый, Глухой, пещера Кумышанская).

Внутренняя организация сакрального пространства святилищ расположенных в предвходовых гротах охватывала три основных элемента: объект поклонения (демонстрационные комплексы), место жертвоприношений и зона для участников ритуала.

На данном этапе фиксируется появление двух мифо-ритуальных практик: первая связанна с обрядами инициации. Сакральное пространство при проведении данных обрядов охватывало дальние темные гроты пещер, с низкими сводами и лабиринтами (пещеры Тайн, Австрийская, Темная) либо искусственно оформлялась виде нанесения рисунков на сводах пещер (Каповая и Игнатьевская пещеры). Материалы культовых комплексов, а также аналогии с другими памятниками свидетельствуют о том, что нередко представленные обряды сопровождались различными ритуалами возрождения убитых животных[39] Вторая практика связанна с промыслово-календарными обрядами. Наличие данных обрядов подтверждается присутствием как отдельно, так и в составе демонстрационного комплекса находок черепов и костей различных животных: это череп пещерного льва в гроте «Пещерного льва», череп мамонта в гроте «Белый», череп дикой лошади, череп северного оленя и нижняя челюсть мамонтенка в Кумышанской

---

[37] Чижова Л В. Культовое литье лесной полосы Евразии в системе анимистических представлений угро-самодийцев// Новые Археологические исследования на территории Урала. Межвузовский сборник научных трудов. Ижевск. 1987. с. 127.

[38] Смирнов А П Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья// МИА №28. М. 1952. С. 263.

[39] Котов В.Г Святилище в пещере Шульган-Таш (Каповой) и мифология Южного Урала// Проблемы первобытной культуры. Уфа. 2001. С. 60.

пещере, череп северного оленя и челюсть лося в гроте «Старый Лапоть». Особый интерес представляют крупные местонахождения останков в основном пещерных медведей расположенных в бассейне р. Чусовой (грот Глухой), р. Яйвы (пещеры Тайн, Нагорная; Австрийская (Снежная), второй грот Усьвенской Медвежьей пещеры (Геологов 3), грот Виашерский), а также р. Вишера (пещера Темная). Кости медведей располагались в темных, дальних гротах, в основном под низкими сводами пещер.

Коллекции дают возможность выделить еще ряд обрядов функционировавших в эпоху палеолита. Наличие каменных орудий на приуральских святилищах, в пещерных культовых комплексах Швейцарских Альпах, а также в Каповой и Игнатьевской пещерах, по мнению ряда исследователей, свидетельствуют об огромном значении камня в культовой практике в эпоху палеолита. Обнаруженные во втором слое грота «Большой Глухой» украшения из костей куницы, возможно, свидетельствуют о существовании ритуальной практики поклонения амулетам, которые являются олицетворением божества. Зафиксированные на двух площадках культовых комплексов следы красной охры (пещера Темная, грот Большой Глухой) указывают на использовании ее в культовых целях. В частности присутствие охры на костях медведя в пещере Тайн, вероятно, связано с ритуальным возрождением. Похожий по смыслу обряд, судя по всему, фиксируется и на материалах грота Большой Глухой.

Итак, на данном этапе формируются основные духовные ценности и ориентиры, просуществовавшие с небольшими изменениями вплоть до эпохи средневековья.

Второй этап эволюции мифо-ритуальной практики включает эпоху мезолита.

В конце плейстоцена — в начале голоцена под влиянием значительных климатических изменений, а также исчезновения представителей плейстоценовой фауны начинается процесс становления нового образа жизни, а вместе с этим новой системы мифо-ритуальной практики.

Наравне с традиционными обрядами поклонения медведю (теперь к бурому — пещера Подземных охотников) исчезают верхнепалеолитические святилища с пещерной живописью, а также крупные демонстрационные комплексы, расположенные в глубине карстовых образований. Происходит процесс формирования новых мифологических образов связанных с лосем, водоплавающей птицей, антропоморфными существами (Шигирский торфяник).

Мобильный образ жизни архаического населения Урала приводит к появлению новых типов культовых памятников «путевые культовые объекты» (камень Дыроватый на р. Чусовая). Первоначально, на наш взгляд суть обрядов на этих памятниках сводилась к приношению жертв при переходе через новое, незнакомое место. Э. Кассирер предположил, что: «Обширная и развитая магическая система и связанна с ней мифология, приходят в действие, когда налицо опасность и неизвестность»[40]

При организации сакрального пространства в эпоху мезолита С.Е. Чаиркиным отмечена одна закономерность, это «перенос сакральной зоны из внутренних афотичных (темных) залов пещер в светлые и сухие входные гроты»[41] Возможно, это связано с табуированием пещер, олицетворением их с подземным миром или с миром предков.

Третий этап эволюции мифо-ритуальной практики включает эпоху неолита, раннего металла и бронзы.

В связи с существенными изменениями в образе жизни архаического населения, появлениями элементов производящей экономики, климатические условия перестают оказывать значительную роль на формирование новых духовных ценностей. Немаловажное значение на образование новой системы мифо-ритуальных практик, на этом

[40] Кассирер Э. Техника современных политических мифов// Антология культурологической мысли. М. 1996. С. 204

[41] Чаиркин С.Е. Пещеры Урала: общий обзор// Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург. 2004. с. 26.

этапе оказали культурные влияния и миграционные процессы. О их географии и мощности воздействия в эпоху неолита – раннего металла свидетельствуют наскальные изображения, в эпоху бронзы турбинско-сейменские наконечники стрел и абашевская подвеска из расщелин Писанного камня.

Материалы культовых комплексов в Прикамье этого периода представлены в пещерах на р. Чусовой – Кумышанская, Денежная; на р. Вишера – камень Дыроватый, на вершинах (р. Колва – Камень Дивий) и у основания отдельно стоящих скальных образований (р. Вишера – камень Писаный). На данном этапе появляется новый тип культовых памятников писаницы.

Среди писаниц наиболее содержательными являются с 3 по 5 группы наскальных изображений (по классификации В.Ф. Генинга). Они представляют собой три разных сюжета объединенных в то же время общим персонажем – лосем (лосихой). Первый сюжет (фигуры №№51-91) вероятно представляет собой картину некого космогонического мифа. Где охотник в маске (фигура №74) преследует по млечному пути Лося или (группу лосей). О существовании схожего мифа свидетельствует мансийская легенда «О млечном Пути, о лосе и мужчине Моськум»[42] Следующий сюжет (фигуры №№27-38) расположен на высоте 5.2 м от поверхности земли. Левая сторона скалы сплошь сколота. Поэтому нельзя дать четкого анализа, однако сохранившаяся часть может дать некоторое общее представление о характере сюжета. Возможно, сюжет представляет собой мифическую границу между нижним и средним миром. Где слева, остатки изображения рыбы (?) (фигура №27) исконной представительницы нижнего мира, а с права безрогой лосихи (фигура №31) представительницы среднего, а волнистая линия (фигура №29) река, представляющая собой границу между двумя мирами. Подобное отношение к изображению рыб, как на Урале, так и в Сибири объясняется, в представлениях древних о противоречии нашего и подводного мира. Последний сюжет (фигуры №№92-109) по-видимому, показывает путь шамана по священной реке в потусторонний мир или представляет собой, по мнению В.Ф. Генинга карту, цель которой заключается в магическом закреплении этой территории за своим племенем, тотемом[43] Или же данная композиция представляет собой карту – местности вокруг Писаного камня с разметкой охотничьих угодий, где фигуры. 92-94, 96, 97-100 являются загородями.

Результаты раскопок культовых комплексов эпохи неолита-бронзы, свидетельствуют о продолжении ряда традиционных обрядов возникших на более ранних этапах эволюции мифо-ритуальной практики, при этом в организации и оформлении возникают новые черты, например нанесение наскальных изображений. Содержание и назначение групп приуральских писанцев позволяют реконструировать элементы охотничьей магии и мифов, связанных с промыслово-календарными обрядами.

Анализ орнаментальных мотивов зауральской керамики дал возможность В.Т. Ковалевой выделить три основные модели происхождения вселенной. «Поднятие суши (горы) и воды и появление жизни (растительности) в результате оплодотворение земли дождем – козловская культура; излияние верхних вод и появление мира в форме древа или структурированного пространства как результат излияние верхних вод в виде четырех рек – кошкинская культура; появление мира из зародыша зерна – боборыкинская культура»[44]

Изменяется и характер обрядов возникших на путевых культовых объектах. В новых условиях ритуалы приобретают черты либо приношения подарков духам через чью территорию проезжает путник, либо совместных ритуальных торжеств посвященных

---

[42] Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов) Сургут. 1993. С.39-40.

[43] Генинг В Ф Наскальные изображения Писаного камня на р. Вишера// СА. XXI. 1954. с. 272

[44] Ковалева В.Т Архаические модели мироздания зауральского населения// Тезисы докладов Северного археологического конгресса. 9-14 сентября 2002. Ханты-Мансийск С. 208-209.

встречам представителей обоих склонов. Об этом свидетельствуют наличие на культовых памятниках приуральских и зауральских керамических комплексов (Кумышанская пещера), а также наконечников стрел с прикрепленными подарками (абашевская подвеска). О значении выделяющихся объектов ландшафта на путях этнокультурных миграций возможно говорит пятая группа наскальных изображений Писаного камня содержащая по одной из версий карту района.

В то же время под влиянием коренных изменений в образе жизни, произошедших под воздействием этнокультурных влияний шел процесс формирования новой мифологической картины мира населения горно-лесной полосы Урала. Анализ святилищ расположенных на сопредельных территориях[45], появление в горно-лесной полосе Урала погребений в устьях пещер, а также наличие культовых комплексов на вершинах и у основания скальных образований свидетельствует об отражении идеи вертикального деления мира. Так обряды, проводимые на культовых комплексах, расположенных на вершинах скальных образований посвящались духам верхнего мира. Ритуалы, проводимые у основания скальных образований связаны со средним миром, например обряды, связанные с прохождением через опасное место. Погребения в пещерах, возможно, свидетельствуют о традиции отождествления карстовых полостей с подземным миром, возникшей в эпоху палеолита.

Четвертый этап эволюции мифо-ритуальной практики включает эпоху раннего железного века и средневековье.

Культовые комплексы этого этапа представлены как в пещерах, так и у скальных образований: в бассейне р. Вишеры пещера Темная, комплексы Писаного и Белоусовского камней; в бассейне р. Чусовой пещеры: Кумышанская, Денежная, Усть-Койвенская — (Дыроватые ребра III), р. Яйва Чаньвенская пещера и р. Колва камень Светик.

На данном этапе на территории горно-лесной полосы Приуралья в основе образа жизни прикамских племен господствовало комплексное хозяйство, включающее присваивающие и производящие формы экономики, в частности охота сохраняла свое значение в рамках промысла пушных животных. Пушнина стала одним из основных источников товарообмена населения верхнего и среднего Приуралья с населением скифо-сарматского мира[46] Именно этнокультурные связи и миграций вызванные формированием и развитием торгового обмена оказали большое влияние на изменение в образе жизни. В то же время представленные факторы не оказали существенного влияния на изменения мифо-ритуальной практики населения горно-лесной полосы Приуралья. Активные этнокультурные связи привели лишь к расширению приносимых жертв за счет включения предметов культовой металлической пластики и монет.

В свою очередь в период раннего железного века в равнинной части Приуралья указанные факторы привели к появлению новых типов культовых памятников — костищам. Дальнейшие изменения в образе жизни и социальной структуре древнего населения привели к упадку и исчезновению крупных культовых центров и превращения языческих ритуалов в скромные аграрные праздники, связанные с «культами» плодородия и природы. В период средневековья и русской колонизации края под давлением христианства идет процесс изменения языческой мифологии. Столкновение местного коми-пермяцкого язычества и православия приводит к трансформации обычаев и их соотнесение с днями христианских святых, например покровителями животных (Флор, Лавр, Василий, Илья-Пророк) или носителям культа плодородия (Богородица).

В горно-лесной полосе, в силу своеобразного образа жизни, основанного на присваивающей форме хозяйства, фиксируется процветание культовых мест и языческой

[45] Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания. М. 2003. С. 125.

[46] Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь. 2000. С.6.

мифо-ритуальной практики. Особое место среди культовых памятников занимают путевые объекты. О многообразии ритуалов проводившихся на указанных памятниках свидетельствуют наскальные изображения, керамический комплекс, изделия культовой металлической пластики а также топографическое расположение.

Итак, сочетание факторов влияющих на эволюцию мифо-ритуальной практики и степень ее трансформации в зависимости от исторического этапа видоизменялось. Качественные изменения в организации сакрального пространства и мифо-ритуальной практики происходит в эпоху мезолита под воздействием глобальных климатических условий. На поздних этапах исторического развития степень влияния климата уменьшается, более решающее значение приобретают миграционный фактор и активные этно-культурные воздействия. Геоморфологические особенности и слабая заселенность территории горно-лесной полосы Урала привели к сохранению традиционного образа жизни включающего основные элементы присваивающей формы хозяйства. В результате мифо-ритуальная практика архаического населения на указанной территории с эпохи новокаменного века не претерпела значительных изменений (пещеры Темная, Чаньвенская).

А.Е. Загребин

Ф.И. СТРАЛЕНБЕРГ И В.Н. ТАТИЩЕВ У ИСТОКОВ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ФИННО-УГОРСКИХ (УРАЛЬСКИХ) НАРОДОВ

В поисках положительных генерирующих импульсов европейская историография раннего нового времени нередко обращалась к ветхозаветным сюжетам и атлантическим образам. Почти лишенные этнической конкретики легендарные сказания вполне удачно сочетались с антикварным пониманием исторического процесса, особенно в его локальных интерпретациях [1] Раннее финно-угроведение также отдало свой долг этому подходу, иллюстрацией чему могут послужить труды первых ученых-феннофилов, указывавших на общее происхождение финского, саамского и пермского языков с языками древних греков и евреев [2] Стремление историков XVIII в. освободиться от груза непроверенных теорий и сомнительных историописаний, потребовало применения рациональных методов, включая непосредственное наблюдение за жизнью народов, находившихся в тени классических древностей — историей которых, являлась этнография.

Общество тех лет занимала мысль о равенстве, а ученое сообщество о разуме, наделенном инструментальной функцией, способствующей пониманию сути вещей и событий[3] Конечной целью движения по пути прогресса становилось всеобщее благо, достижимое экспериментальным изучением внутренней структуры предмета, исправ-

[1] Kemiläinen A. Finns in the shadow of the «Arians». Race Theories and Racism. Helsinki, 1998. P. 34–35.

[2] Fewster D Visions of Past Glory — Nationalism and the Constructions of Early Finnish History. Helsinki, 2006. P. 52–56.

[3] Барг М А Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987. С. 312–313.

лением выявленных нарушений и уродств. Критика и сравнение были объявлены основными механизмами научного познания, противопоставленными догмам, суевериям и фантазиям прежних лет. Хотя работам просветителей была присуща некая склонность к морализированию, в целом им удалось утвердить в общественном сознании идею единства человеческого рода, вне зависимости от происхождения составляющих его членов. Вновь получаемые наукой факты, анализировались, подчиняясь логике энциклопедизма, руководствуясь представлениями о «естественном праве», «общественном договоре» и «добродетельном дикаре». Не удивительно, что вскоре рационалистический исследовательский импульс коснулся территории европейской периферии и сопредельных с ней азиатских земель, где в массе своей жили финно-угорские (уральские) народы [4]

Осуществление первых практических шагов в области отечественной этнографии невозможно представить без научной деятельности тех ученых, которые раньше других разглядели здесь серьезную исследовательскую перспективу. Речь идет, прежде всего, о шведском офицере и ученом Ф.И. Страленберге (1676–1747) и русском историке и государственном деятеле В.Н. Татищеве (1686–1750) [5] Предпринятые в их работах успешные попытки опровержения устоявшейся картины мира, покоившейся на авторитете генеалогических таблиц «Книги Бытия», вели к разрушению замкнутой европоцентричной модели истории.

О предмете и методе:

Возникновение понятия этнография было непосредственно связано с интеллектуальной историей европейского Просвещения [6] И, до некоторой степени имеет отношение к истории финно-угроведения.

Значительные усилия в определении предмета были приложены В.Н. Татищевым, несмотря на то, что проблемы этнографии у него самым тесным образом переплетались с географической проблематикой, составляя единую науку, обозначенную как «землеописание, или география» [7]. В задачи этой «полезной науки», он включал почти все, что ныне понимается под этнографией, определяя ее предмет в исследованиях: «...о народе, или обывателях, какую оной веру имеет, их нравы и обычай, имеют ли собственные свои гражданские законы, привилегии или вольности, должности, преимусчества или увольнение в чем-либо пред другими, — оные письменные или застарелые; какое светское или духовное начальство; какие промыслы или обилия к их довольству имеют...» [8] Особую группу в трудах Татищева составляют вопросы исторической этнографии, в частности, проблемы этногенеза народов, живущих и когда-либо живших на территории страны. Не менее ярко развитие научного инструментария иллюстрирует составленная Татищевым анкета, ставшая первой отечественной программой собирания историко-этнографического материала [9]. Анкета производит впечатление не только широтой охваченной

---

[4] См.: Загребин А.Е. Интеллектуальные основы финно-угорских исследований в эпоху Просвещения / Вестник Удмуртского университета. Серия: История. 2005. № 7. С. 39–54.

[5] См.: Новлянская М.Г. Филипп Иоганн Страленберг. Его работы по исследованию Сибири. М.; Л.,1966; Степанов Н.Н. В.Н. Татищев и русская этнография // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Труды института этнографии АН СССР. М., 1956. Т. 30. Вып. 1. С. 71–84.

[6] Фермойлен Х.Ф. Происхождение и институционализация понятия Völkerkunde (1771–1843) / / Этнографическое обозрение. 1994. № 4. С. 102–104.

[7] Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской, сочиненный господином тайным советником и астраханским губернатором В.Н. Татищевым. СПб., 1793. Ч. 2. С. 39.

[8] Цит. по: Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 204.

[9] См.: Каменский А.Б. Историко-географическая анкета В.Н. Татищева // Советские архивы. 1985. № 5. С. 38–41.

проблематики, но и методикой получения полевой информации. В нее были включены вопросы происхождения народов и этнонимии, территориального распространения, хозяйственных занятий, религии, народной медицины, семейной обрядности, языка, народной поэзии и т.д. В первой редакции от 1734 г. анкета состояла из 92 вопросов. В.Н. Татищев отправил ее в Академию наук и, не дождавшись заключения ученого сообщества, сам разослал анкету по канцеляриям Сибирской и Казанской губерний и вскоре начал получать ответы. Три года спустя он отправил своим корреспондентам вторую редакцию анкеты, уже из 198 вопросов.

Накопление информации неизбежно приближает науку к систематизации полученных данных. В классическую эпоху обнаруживается, что хаос эмпиризма можно обуздать с помощью «таблиц», что, по мнению М. Фуко, становится новым способом создавать историю [10]. Другой французский исследователь Л. Пэнто отмечает, что в XVIII в. почти по всей Европе был заключен негласный союз между государством и учеными, обеспеченный тем, что работа по классификации преследовала одновременно познавательные и сугубо практические цели, позволяя принимающим решения, быть информированным о состоянии населения, с которым должно считаться[11] Как недвусмысленно отмечал один из «авторов» этого союза, Г.В. Лейбниц: «...многие дельные авторы пишут так, что все их рассуждения могут быть сведены к делениям и подразделениям, при этом они пользуются методом, имеющим отношение к родам и видам и служащим не только для запоминания вещей, но и для того, чтобы находить их» [12]

Наиболее популярной этнолингвистической классификацией в истории финно-угроведения стал опыт, предпринятый в 1730 г. Ф.И. Страленбергом. Опровергая сложившееся в европейской историографии мнение о том, что население Северо-восточной Евразии представлено исключительно татарами, он, с помощью сравнительной таблицы «Tabula polyglotta/Harmonia linguarum gentium boreo-orientalium vulgo tatarorum», классифицирует в 6 группах/ классах лексические материалы из 32 языков. Сопоставляя числительные от 1 до 10-20 и наиболее распространенные существительные, такие как: бог, отец, мать, род, огонь, вода, земля, ветер, солнце, луна, ночь, день и т.д., он не только демонстрирует использованный им метод, но и отмечает значение своей классификации в деле изучения древней истории. Высказанные им предположения по сей день являются побудительными мотивами для научных дискуссий в области уралистики [13] Ясно было, пожалуй, только одно, что объединенные им языки народов «гуннской группы»: мордвы, марийцев, коми-пермяков, удмуртов в Европе, манси, хантов и барабинских народов в Азии, совместно с финнами, саамами, эстонцами, венграми, а также с ливами — составляли этноязыковое единство [14] Своей работой, Страленберг отразил одну из ключевых идей финно-угроведения о том, что народы, говорящие на родственных языках и в настоящее время живущие частью в Сибири и частью в Европе, в древности составляли один народ, одну культуру, пережитки которой, скорее всего, существуют и поныне.

В.Н. Татищев к вопросам происхождения и классификации народов также подходил с историко-лингвистической точки зрения, отмечая, что: «...оное весьма сумнительно; ибо чрез так много 1000 лет народы преходя мешались, иногда пленниками и покоренными себе размножались, иногда пленением и обладанием от других язык свой пе-

---

[10] Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. С. 161.

[11] Пэнто Л. Государство и социальные науки // Журнал социологии и социальной антропологии 2004. Т. 7. № 5. С. 106.

[12] Цит. по: Лейбниц Г В. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии // Лейбниц Г В. Сочинения. М., 1983. Т. 2. С. 292.

[13] Manaster Ramer A., Sidwell P The truth about Strahlenberg's classification of the languages Northeastern Eurasia // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1997. Vol. 87. P. 139–143.

[14] Das Nord-- und Östliche Theil von Europa und Asia... S. 32.

ременить и оставить принуждены были»[15] И, далее: «Доказывать языками произшествие народов есть междо всем наилучший способ», пишет он, веря в непрерывность исторического процесса на территории европейской и азиатской России, специально отмечая, что древние народы «не исчезли, но где-либо под другими именами доднесь остались»[16] Перечисляя народы Российской империи, он выделял такие исходные этнические группы, как: скифы, сарматы и славяне. К потомкам «сарматов» им были отнесены: финны, вотяки, болгары, весь, емь, корелы, меря, мордва, мещера, мурома, чудь, югра и т.д. — в основном, финно-угорские народы[17] В своей работе «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищ», Татищев уточнял: «Главной поданных русских язык сарматской, по сей день употребляют разные народы, яко финны и корелы, лапландцы и самоеды, вотяки, пермяки, зыряне, вогуличи, остяки, мордва, чуваши, черемисы и пр.»[18]

Одним словом, все возрастающий интерес науки к ранжированию и каталогизированию, создавал новую модель исследовательской деятельности, с успехом поглощающую плоды ученой любознательности, подсказывая дальнейшие шаги по интерпретации сведений, собранных в экспериментальных условиях[19]

О книге и критике:

Вернувшись на родину после тринадцатилетнего плена, Ф.И. Страленберг продолжил военную службу, но развившаяся в нем страсть к научным занятиям не отпускала. Начатая еще в Тобольске работа над картой Сибири и всей «Великой Татарии», потребовала составления серьезных примечаний. Чтение современной ему историко-филологической литературы и средневековых хроник, встречи со шведскими учеными и, наконец, поездка в Лейпциг для консультаций с немецкими ориенталистами, постепенно расширили его первоначальные тексты до объема самостоятельного научного труда, впервые увидевшего свет в Стокгольме, под пространным заглавием «Северная и Восточная часть Европы и Азии...»[20]

Труд Ф.И. Страленберга приобрел не просто широкую известность в научных кругах и чрезвычайно высокий индекс цитируемости, но и снискал часто полярные оценки со стороны современников и исследователей более позднего времени. Например, профессор И.Г. Гмелин, также немало времени проведший в странствиях по Сибири, наряду с критикой некоторых аспектов работы, отметил совершенный Страленбергом пионерский прорыв в изучении огромных пространств малоизвестной науке ойкумены. Отношение его экспедиционного товарища, Г.Ф. Миллера, к Страленбергу приобрело глубоко личное измерение, когда внешне критическое отношение стало не просто актом личного позиционирования, но и внутренним признанием первенства шведского иссле-

---

[15] Цит. по: Степанов Н.Н. В.Н. Татищев и русская этнография. С. 81.

[16] Там же. С. 82.

[17] К примечаниям на Страленберга // Татищев В.Н. История Российская. Л., 1968. Т. 7. С. 401.

[18] Цит. по: Татищев В.Н. Избранные сочинения. Л., 1979. С. 102.

[19] Загребин А.Е. Классификация как новый способ конструирования науки (наблюдение из истории финно-угроведения) // Семиозис и культура. Сыктывкар, 2006. Вып. 2. С. 34–35.

[20] Das Nord— und Östliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das gantze Russische Reich mit Sibirien und der grossen Tatarey in sich begreiffet, in einer Historisch-Geographischen Beschreibung der alten und neuern Zeiten, und vielen andern unbekkannten Nachrichtenvorgestellet, nebst einer noch niemahls ans Licht gegebenen Tabula Polyglotta von zwei und dreyssigerley Arten Tatarischer Völcker Sprachen und einem Kalmückischen Vocabulario, sonderlich aber einergrossen richtigen Land-Charte von den benannten Ländern und andern verschiedenen Kupferstichen, so die Asiatisch — Scythische Atiqvität betreffen; bey Gelegenheit der Schwedischen Kriegs-Gefangenschaft in Russland, aus eigener sorgfältigen Erkundigung, auf denen verstatteten weiten Reisen zusammen gebracht und ausgwefertiget, von Philipp Johann von Strahlenberg. Stockholm, in Verlegung des Autoris. 1730.

дователя в постановке ряда ключевых проблем истории и этнографии обширного края [21] В тоже время, А.Л. Шлёцер не считал книгу Страленберга серьезным источником и со свойственным ему апломбом писал, что: «Ни один иностранец не наделал столько ошибок и глупостей в русской истории, географии и статистике, как этот швед — хвастун и невежда» [22]

Одним из наиболее серьезных и вдумчивых критиков Страленберга был В.Н. Татищев, познакомившийся с пленным шведским офицером в 1720 г. в Сибири. Сотрудничество продолжилось в 1724–1726 гг., когда Татищев находился в Стокгольме в качестве представителя Берг-коллегии [23] Страленберг познакомил русского коллегу со шведскими и немецкими историками, которые помогли Татищеву организовать работу по изучению скандинавских исторических источников и литературы [24] Например, из письма Страленберга берлинскому слависту Л. Фришу известно, что в 1725 г. Татищев, который, по словам автора: «...хорошо говорит и порядочно пишет по-немецки», составил примечания к статьям о России в «Staats und Zeitung Lexicon» И. Хюбнера [25] Находясь в Швеции, Татищев ознакомился с подготовительными рукописями Страленберга и отписал начальству: «Здесь подполковник Таборт гисторию сибирскую весьма с довольным обстоятельством совершил и ландкарту вскоре будет печатать» [26] Уже после смерти императора, он сообщал кабинет-секретарю М.А. Черкасову о желании Страленберга посвятить свой труд Петру I, отмечая, что: «Описание Сибири безо всякой противности состоит и паче к славе и пользе российской», обещая написать к этой работе свое предисловие [27] Осенью 1730 г., получив известие о публикации книги и карты Страленберга, В.Н. Татищев немедленно обратился к академическому советнику Шумахеру с просьбой приобрести для него один экземпляр [28] Позднее, он неоднократно возвращался к работе Страленберга, на которую в 1732 г. и 1736 г. составил подробные примечания, нередко идущие вразрез с авторскими трактовками. Тем не менее, отдавая должное новаторской публикации, Татищев писал: «Сей господин издатель по его любопытству и трудам весьма похвалы достоин, и подлинно можно сказать, что он другим подал немалую причину о происхождении и переселениях народов, обретающихся в сих странах, далее истин искать, которым он во многих обстоятельствах света окно отворил» [29] Сомневаться в искренности слов основоположника российской исторической науки не приходится, поэтому рассмотрение финно-угорских материалов, содержащихся в книге Ф.И. Страленберга, попробуем осуществить в системе прямого корреспондирования с примечаниями В.Н. Татищева.

---

[21] Zagrebin A. Die Position des Autors in der «Nachricht von den Tscheremisien, Tschuwaschen und Wotiacken» // Hamburger Sibirische und Finno-Ugrische Materialien. 2005. Bd. 3. S.105–110.

[22] Цит. по: Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII — первая половина XIX в.). М., 1985. С. 55.

[23] Юхт А.И. Поездка В.Н. Татищева в Швецию (1724-1726 гг.) // Исторические записки. М., 1971. Т. 88. С. 322–323.

[24] Шольц Б. Варяжский вопрос в записках Ф.И. Страленберга об истории и географии России // Скандинавские чтения. СПб, 1998. С. 195-196.

[25] Цит. по: Юхт А.И. Государственная деятельность В.Н. Татищева в 20-х — начале 30-х гг. XVIII в. М., 1985. С. 179–180.

[26] Цит. по: Андреев А.И. Труды В.Н. Татищева по истории России // Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 8.

[27] Цит. по: Юхт А.И. Государственная деятельность В.Н. Татищева... С. 179.

[28] Валк С.Н О составе рукописей седьмого тома «Истории Российской» В.Н. Татищева // Татищев В.Н. История Российская. Л., 1968. Т. 7. С. 46.

[29] Цит. по: Примечания на книгу, учиненную господином Стралембергом, имянуемую Северной Восточной страны Европы и Азии, печатанной 1730-м году в Стокгольме // Татищев В.Н. История Российская. Л., 1968. Т. 7. С. 405.

Текст и комментарии:

Как неоднократно отмечалось исследователями, значение труда Ф.И. Страленберга, в плане финно-угорской направленности, заключается, прежде всего, в систематизации родственных народов по языковому принципу [30] Несмотря на то, что Страленберг часто основывался лишь на лексическом совпадении, либо на фонетическом созвучии отдельных слов, это не помешало ему в целом верно сгруппировать языки финно-угорского происхождения. Вместе с тем, отличительной чертой работы Страленберга, помимо использования компаративной методологии, было подчеркнутое стремление к историчности повествования.

Развеивая один из мифов, сложившихся в европейской историографии о моноэтнической структуре населения «Великой Татарии», Страленберг пишет: «Если я должен заранее что-то сообщить о так называемых татарах: то необходимо знать, что в обозначенной северной и восточной части Европы и Азии находятся шесть классов основных народов, которые в Европе объединены в одно целое под названием татар, в то время как на европейской территории живут Мордва, Черемисы, Пермяки и Вотяки, а в Азии к ним относятся Вогулы, Остяки и Барабинские народы, к которым также принадлежат Финны, Лапландцы, Эсты, Венгерские секлеры и малочисленные Ливы, или Лифы в Курляндии, изначально являвшиеся одним народом, а в древности принадлежали к ним Гунны, или Унны, которые никакие не татары» [31]

Начиная свою книгу с главы, касающейся проблемы происхождения названия Россия, Страленберг предлагает читателям ретроспективный анализ различных, внутренних и внешних наименований территории, составляющих современную ему Российскую империю. Рассматривая одно из наиболее распространенных в европейской книжной традиции названий российских земель, как-то «Скифия», автор указывает не только на древнегреческое происхождение этнонима, но и на, возможно, бытовавшее самоназвание местных жителей «чюати» и «чудь». Ссылаясь далее на публикации санктпетербургского академика Г.З. Байера, с которым он находился в переписке, Страленберг предполагает, что от кочевников скифов образовались многие современные ему народы России, однако отнюдь не славяне и не татары [32] Следовательно, ими могли быть финские и угорские народы.

Еще одно рассматриваемое древнее название страны — «Сурима», автор возводит к финским словам «suuri» — большой, великий и «maa» — земля. Заключая свои рассуждения, Страленберг пишет, что о происхождении названия Русь/Россия могут быть разные мнения, тем не менее, ясно, что имя это унаследовано нынешним населением от древних жителей страны. В русском переводе, сделанном для В.Н. Татищева, мысль шведского исследователя передана так: «...что слово и имя Русь, не что иное есть, токмо перевод прежде реченных имян Сарга, Саури или Сармадаи, ибо слово Русь такожде не славянское, но природное российское слово и в российском языке знаменует русые или желтоватые волосы, також у Финнов (которые принадлежат к прямым и древним обитателям России) русское, русое или рыжие значит...» [33] В этом контексте также следует упомянуть о попытке сближения автором башкир и финно-угров, на основе так называемого

---

[30] Казанцев Д.Е. Истоки финно-угорского родства. Йошкар-Ола, 1979. С. 7.

Das Nord — und Östliche Theil von Europa und Asia... S. 31–32.

[32] См.: Байер Ф.З. О начатке и древних пребывалищах скифов // Краткое описание комментариев Академии наук на 1726 г. СПб., 1728. Ч. 1. С. 125–138; Он же. О местоположении Скифии, каково было в лета Геродотовы // Краткое описание комментариев Академии наук на 1726 г. СПб, 1728. Ч. 1. С. 139–166; Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого. М.; Л., 1985. Ч. 1. С. 5.

[33] Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга... С. 12.

«коэффициента рыжести». Страленберг пишет, что татары называют башкир «sari-iltek», то есть «рыжие остяки», а из этого можно предположить, что они потомки гуннов. Продолжая свою мысль далее, он уточняет: «Поскольку остяки, в отличие от других народов рыжеволосые и сегодня говорят на гуннском языке, то названные башкиры, которые тоже рыжеволосы, до и после к ним относятся» [34] Таким образом, Страленберг выступил пионером гипотезы угорского происхождения башкирского народа, или, по крайней мере, одной из составных частей этноса [35] Примечательно еще, что в данном случае автор отходит от генерального принципа избранной методологии — принципа языкового родства.

В ответ, Татищев своими комментариями словно пытается вернуть его в прежнее методологическое русло: «Чтоб башкиры от остяков произошли, оное весьма неправо: 1) что они волосы якобы красные имеют, оное я довольно разсмотреть случай имел и нахожу, что есть неправда, ибо их с киркиз-кайсаками, или казачиею ордою, различить, кроме малой отмены в наречии, ничем неможно...» [36]. И, далее: «Башкиры принадлежат к прежним казанским татарам и не являются отдельным народом. Обычно называются baskire, что означает на татарском того, кто отрывает голову, но этот народ такого имени не хочет иметь и воспринимает его как насмешку» [37] Хотя, в тексте «Истории Российской», он пересматривает свою точку зрения и солидаризируется со Страленбергом, недвусмысленно высказываясь за сарматское происхождение башкир, что же касается их языка, пишет: «...понеже они закон Магометов с татары приняли и язык их употреблять стали, за татар уже почитаются. Однако в языке от прочих татар много разнятся, что не всяк ис татар их разуметь может» [38] Как бы то не было, предварительный вывод Страленберга, относительно развития ранней этнической истории европейского Северо-Востока достаточно очевиден — первоначальное неславянское население России, представленное «скифскими /чудскими/сарматскими» племенами, передало своим восприемникам славянам, название страны. Обращаясь к проблеме преемственности власти в России, Страленберг еще раз подчеркивает то, что славяне восприняли этноним Русь/Рось/Россиане от прежних насельников страны [39]

Третья глава книги, повествующая об истории административно-территориального устройства российского государства, содержит ряд примечательных моментов, связанных с расселением финно-угорских народов. Подразделяя страну на «приобсченные» и «завоеванные» области, Страленберг пишет, что в числе последних в европейской части находится Великая Пермиа, в древности называемая Биармаланд. Население ее, занимая обширную территорию, поклонялось огню, воде и идолу, известному как Золотая Баба, до тех пор, пока в 1343 г. стараниями православного епископа Стефана Пермского здесь не было распространено христианство. В пределы Великой Пермии, автор включает «земли и уезды»: Югскую, Сухонскую, Вологодскую, Вятскую, Холмогорскую, Печерскую, Лапландскую, Корелия, Печоры, Угорию или Вогуличи, Самоедь, Пертасы, Пермяки, Гамы и Чусовую. Присоединение большей части этих земель к Москве, он датирует временем правления великого князя Василия III [40]. Лишь только ханты показаны им в азиатской части страны, в пределах бывшего Сибирского ханства. Историко-географическая концепция Страленберга, безусловно, вбирает в себя динамику отношений российского государства и финно-угорских народов. Включение в пределы Великой Перми/Биармии, практически всех земель с финно-угорским населением, по всей види-

[34] Das Nord – und Östliche Theil von Europa und Asia... S. 61.

[35] См.: Янгузин Р. З. Происхождение башкирского народа. Уфа, 2003. С. 17–24.

[36] Цит. по: К примечаниям на Страленберга // Татищев В.Н. История Российская. Л., 1968. Т. 7. С. 401.

[37] Примечания к [сочинению о] Северо-Восточной России господина Страленберга // Татищев В.Н. История Российская. Л., 1968. Т. 7. С. 398.

[38] Татищев В.Н. История российская в семи томах. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 252.

[39] Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга... С. 39.

[40] Там же. С. 51–52.

мости, свидетельствует о понимании автором возможных прежде государственных потенций. В примечаниях к четвертой главе, Страленберг, ссылаясь на средневековые хроники и данные своей сравнительно-лингвистической таблицы, отождествляет территорию Биармии, то с Карелией, то с Чердынью на западном Урале, подчеркивая, что финны, пермяки, биармы и остяки ранее говорили на одном языке [41] Таким образом, он исподволь выступает как сторонник идеи шведского историографа XVI в. О. Магнуса о «двух Биармиях» — ближней и дальней [42] Хотя и не говорит об этом открыто

В.Н. Татищев пишет по этому поводу: «Biarmia — это не теперешняя Permia, но страна, которая в древние времена лежала около Ладожского озера, как явствует из Олая Магнуса и Саксона Грамматика, которые оба сообщают, что шведы и датчане приходили до того места, следственно, на реке Каме оно быть не может. Возможно, люди оттуда были изгнаны славянами, а имя еще удержали» [43] Выступая против попытки Страленберга локализовать территорию Биармии на западном Урале, Татищев, возможно, с излишним скептицизмом пишет: «Написал, якобы город Чердынь есть Биармия, о котором часто в древних шведских гисториях упоминается, и тем хочет доказывать, что индианцы, найденные при реке Ельбе, якобы Волгою, Камою и Вишерою вверх перевозились с торгами в реку Печору и потом морем торг свой отправляли. Но сие его мнение весьма невероятно. 1) Бярмия издревле в северных гисториях известна, и оная была не город, но целой народ, которые жили междо Белого и Ладоскаго озер к северу....И оные в 8-м сте по Христе при нашествии словян еще были в довольной силе и в те времена с датчанами и шведами приходящими имели войны. А от словян уходя далее в леса, оные бярмы, может, поселяся по Каме, пермями...» [44] Как видно, мысль русского историка о миграции народа и, соответственно, миграции топонима в целом не противоречила ранее высказанной гипотезе «о двух Биармиях». Приверженность русского историка «миграционизму» и его уверенность в доказательной способности языковых созвучий однажды подвели самого критика, в предпринятой им попытке отождествления води с удмуртами (вотяками), предки которых якобы пришли в Прикамье из Водской земли, расположенной на западе Ингерманландии [45]

Рассматривая административную карту Российской империи, Страленберг среди других указывает ареалы расселения некоторых финно-угорских народов в привязке к речным бассейнам и городским центрам, также учитывая границы вновь образованных губерний. Более подробно автором показан этнический состав Сибирской губернии, куда он включил: «княжества Вятское, Соликамское и Кунгурской уезд, Угория и все оные землицы, которыя под именем Сибири заключаются...» [46] Соответственно удмурты и коми-пермяки, совместно с манси и хантами были отнесены им к числу сибирских народов. Описывая далее население Казанской губернии, из финно-угров он упоминает только горных марийцев, упуская иные группы местного финно-угорского населения. Дополнительно выделенная в тексте книги Нижегородская «вице-губерния» населяется автором луговыми марийцами и мордвой. Примечательно, что Страленберг выделяет мордву-мокшу Воронежской губернии в отдельный народ [47] Не будучи зна-

---

[41] Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга... С. 72.

[42] Савельева Е.А. Олаус Магнус и его «История северных народов». Л., 1983. С. 45–46.

[43] Цит. по: Примечания к [сочинению о] Северо-Восточной России господина Страленберга. С. 398.

[44] Примечания на книгу, учиненную господином Стралембергом, имянуемую Северной Восточной страны Европы и Азии... С. 416.

[45] Примечания к [сочинению о] Северо-Восточной России господина Страленберга. С. 398; Примечания на книгу, учиненную господином Стралембергом, имянуемую Северной Восточной страны Европы и Азии... С. 416.

[46] Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга... С. 44.

[47] Юрченков В.А. Взгляд со стороны. Мордовский народ и край в сочинениях западно-европейских авторов VI–XVIII столетий. Саранск, 1995. С. 188–193.

ком с этим народом непосредственно, он указывает, что мокшане представляют собой один из языческих народов России, имеющий сходные с чувашами нравы и обычаи, места же расселения мокшан находятся между Ломовым, Тамбовом и городом Пенза [48] Сведения по этнографии восточно-финских народов в книге Страленберга не отличаются особенной глубиной, в сравнении с обско-угорскими материалами, что вполне объяснимо кратковременностью его пребывания в губерниях европейской части России.

Сочетанием правды и фантазии выглядят некоторые этногенетические наблюдения Страленберга. Например, можно согласиться с предположением о том, что самоназвание хантов «chondichne» произошло от названия р. Конда и даже с тем, что манси могли рассказывать ему, что прежде они составляли с пермяками один народ и, что их часто называли «tschuludi», те. «чудь». Но, сообщение о том, что живущие близь Томска ханты связывали свое происхождение с некоей страной «Sauomis», или «Sembla», отождествленной автором с Финляндией, или Лапландией, кажется несколько надуманным. Впрочем, как и желание связать уральское поселение Тура с тем, что у финнов главный город называется Турку, а во Фригии находилась Троя [49] В.Н. Татищев вносит по этому поводу такие коррективы: «Тура река в Уральских горах в Верхотурском уезде.., вогуличи имянуют Тырна, но что то значит, истолковать не разумеют» [50]. Из этой же серии предложенная Страленбергом этимология внешнего (татарского) этнонима удмуртов «Ар». «Ары» выводятся им из того, что сарматы и кимеры были древнейшими жителями России и от них пошел этот народ, чья земля обозначается словом «Arima», что может, по мнению автора, сближаться с упоминаемым у Плиния названием «Aramasi» [51] Множественные этимологические опыты и смелые исторические обобщения приближают стилистику труда Страленберга к эрудитской традиции западноевропейской историографии XVI–XVII вв., тогда как конкретные этнографические наблюдения, вкупе с таблицей языковых форм, выводят его работу на новый рационалистический уровень, приближающийся к лучшим образцам научного текста эпохи Просвещения.

Нельзя не сказать и о карте, с которой все началось и, которая в результате стала лишь приложением книги Страленберга. Карта, несомненно, являлась лучшим образцом для своего времени [52] О финно-угорских народах она даст наиболее полное представление, особенно, что касалось мест расселения пермских и обско-угорских народов. В частности, на ней показаны земли с мансийским населением по верхнему течению Камы и Печоры, то есть там, где они прежде граничили с пермянами.

Идея Робинзона:

Как бы странно это не прозвучало по отношению к профессиональному военному, думается, что Ф.И. Страленберг был, прежде всего, гуманистом, просветителем и ученым, нашедшим себя в кругу единомышленников. Годы, проведенные в плену, смягчили жесткие моральные установки пиетиста, сделав его взгляд более открытым для восприятия разноликой ойкумены. Наиболее глубоко и искренне его отношение к народам Сибири отразилось в следующих словах: «При всем этом, как бы наивны и простодушны эти язычники не были, они при этом очень естественные и благочестивые люди, которые мало знают о ложных клятвах, воровстве, блуде, чревоугодии, обмане и тому

[48] Das Nord — und Östliche Theil von Europa und Asia... S. 401.

[49] Ibid. S. 64–65.

[50] Примечания на книгу, учиненную господином Стралембергом, имянуемую Северной Восточной страны Европы и Азии... С. 431.

[51] Das Nord — und Östliche Theil von Europa und Asia... S. 76.

[52] Леонтьев Д. М. География России петровского времени. М.; Л., 1950. С. 240.

подобных больших пороках. Редко найдется среди них такой, который напрасно обвинит кого-нибудь, за исключением тех, которые живут среди русских христиан, от которых они постепенно учатся этому.... И когда я у реки Оби по определенным причинам остановился на 14 дней у остяков и стал у них на квартиру, я все свои немногие товары, которые вез с собой, открыто держал в хижине, где жило целое семейство, из которых я не обнаружил ни малейшей пропажи, — и далее, — Любопытное происшествие сообщил мне в Тобольске один русский: оный, когда он следовал из этого места в город Березов, расположенный севернее Тобольска в 12 дней пути, ночью остановился в пути в остяцкой юрте или хижине; когда он отдалился примерно на милю, он теряет кошелек, в котором было почти сто рублей. Поскольку здесь дороги объезжаются не так часто, как в Европе, то приходит сын остяка, бывший на охоте, случайно натыкается на место, где лежит кошелек с деньгами. Оный его не берет, а приходит домой и сообщает отцу, что он нашел в таком-то месте. Отец приказывает сыну, чтобы он снова туда пошел и закрыл бы кустом, чтобы собственник (кошелька), если он когда-либо даст о себе знать, мог бы его от туда взять. Этот кошелек лежал там свыше трех месяцев, и когда после этого времени русский на обратном пути остановился у названного остяка, который не знал его, и рассказал, как он был несчастлив в пути, обрадовался остяк и сказал: «Ты ли тот человек, которому принадлежит кошелек? Я пошлю с тобой своего сына, тот тебе покажет, где он лежит, ты можешь сам его взять. Такой веры и в Израиле не много найдешь!» [53] Добавить к этому можно лишь слова, сказанные о В.Н. Татищеве, как мне представляется, человеке и ученом в наибольшей степени близком по духу идей Ф.И. Страленбергу: «Идеология тем хороша, что ее носитель подчас не осознает ее. Собственные взгляды и убеждения могут казаться неидеологичными, нейтральными, даже совершенно естественными в любом контексте в любую эпоху. Основанные на идеологии интервенции в текст выглядят для автора неразличимыми на общем фоне. Такими же они кажутся и читателю, разделяющему идеологию автора...» [54]

Учительский пафос просветителей и свойственная многим из них «внутренняя религия» деизма, требовали выхода на неосвоенные еще наукой пространства детей природы [55] Начатые в петровское время преобразования в области «книжного учения» находили благожелательный отклик как со стороны прозападно настроенной российской элиты, так и самого Запада, интеллектуальные круги которого с интересом следили за превращением жителей самых отдаленных уголков Московии в население регулярного устроенного светского государства. Один из наиболее последовательных сторонников этой линии, В.Н. Татищев считал важнейшей задачей правительства просвещение народов Поволжья, Урала и Сибири. С одобрением он отзывался о Швеции, где: «...для лапландцев книги на их языке напечатаны». И, продолжал: «Лапландцы, что у нас и гораздо дичее, нежели Мордва, Чюваша, Черемиса, Вотяки, Тунгусы и прочие», и последних «весьма легче научить». Сообразно с этим, он предлагал создать целую сеть школ для изучения «нужнейших языков» [56] Так, жизнь больше похожая на робинзонаду удивительным и в тоже время, логическим путем позволила ученым найти своего «простодушного», которому еще предстояло стать Пятницей [57] Не случайно, на протяжении истории этнографического финно-угроведения, неизменной останется идея о том, что начато просвещенными, должно быть продолжено просвещаемыми...

---

[53] Das Nord— und Östliche Theil von Europa und Asia... S. 281.

[54] Цит. по: Толочко А.П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. Киев, 2005. С. 419–420.

[55] Эванс-Причард Э. История антропологической мысли. М., 2003. С. 22–24.

[56] Цит. по: Степанов Н.Н. В.Н. Татищев и русская этнография. С. 79.

[57] Zagrebin A. Reason against feelings, or the first pages in the history of Udmurt studies // Urálisztikai Tanulmányok. 2004. Vol. 14. P. 463.

Н.А. Миненко

ЖЕНЩИНА В НЕНЕЦКОЙ СЕМЬЕ (XVIII – НАЧАЛО XX в.)

Начиная с конца 1960-х гг. в мировом научном гуманитарном пространстве наблюдается активная экспансия женской проблематики. Толчком послужило возникновение в гуманитарном знании на гребне второй волны феминистского движения нового направления – «женских исследований», одной из составляющих которых стала «женская история» («история женщин», «историческая феминология»)[1]. Первоначально главную свою задачу историки-феминологи видели в том, чтобы «вписать» женщин, «забытых», по их мнению, официальной «мужской» историографией, в историю, восстановить «историческое существование женщин». В основе создаваемой ими «женской» концепции мировой истории лежала идеология феминизма (отсюда – педалирование специфичности «женского» относительно «мужского», подчеркивание неизменности условий бинарной оппозиции «мужского» и «женского», обесценивание «мужского» и переоценивание «женского», политическая ангажированность и пр.), что не могло не привести к своеобразной «геттоизации» исторической феминологии, ее самозамыканию, отделенности от сообщества гуманитарных наук. Выходом из тупика стало формирование нового направления – гендерной истории, которая включила в себя не только историческую феминологию, но историческую андрологию («историю мужчин»), а также «историю всех социальных иерархий и взаимоотношений, основанных на социально-половых (гендерных) различиях (то есть мужчин, женщин, гомосексуалистов и queer-групп)»[2].

Появление гендерной истории связано с именем американки Дж. Скотт, автора статьи «Гендер: полезная категория исторического анализа»[3]. «Начинавшая как типичный историк-феминолог, но обладавшая широтой исследовательского видения, – пишет Н.Л.Пушкарева, – Дж. Скотт предложила положить конец противопоставлению "мужской" и "женской" истории»[4]. Центральное место в гендерной истории заняло понятие «гендер», означающее «социокультурный пол» (в отличие от пола биологического), т.е. «совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола»[5]. «Гендер, – уточняет О.А.Воронина, – создается (конструируется) обществом как социальная модель жен-

---

[1] См. об этом подробнее: Успенская В.И. Опыт интеграции гендерных исследований в учебное расписание университетов Западной Европы и США // Пути и перспективы интеграции гендерных методов в преподавание социально-гуманитарных дисциплин. Тверь, 2000. С.26; Ярская-Смирнова Е.Р. Возникновение и развитие женских и гендерных исследований в США и Западной Европе // Введение в гендерные исследования. Харьков; СПб.; 2001. Ч.1. С. 19-20, 25; Пушкарева Н.Л. Женщины России и Европы на пороге Нового времени. М., 1996. С. 5-6; Дашкова Т.Ю. Гендерная проблематика: подходы к описанию // Исторические исследования в России– II. Семь лет спустя. М., 2003. С. 203-205.

[2] Цитата из работы: Пушкарева Н.Л. От редактора // Социальная история. Ежегодник, 2003. Женская и гендерная история. М., 2003. С. 3.

[3] См.: Scott J. Gender: a Useful Category of Historical Analysis // American Historical Review. 1986. V. 91. N 5. P. 1053-1075; Она же. Гендер: полезная категория исторического анализа // Гендерные исследования. 2000. № 5. С. 142-171.

[4] Пушкарева Н.Л. Женская история, гендерная история: сходства, отличия, перспективы // Социальная история. Ежегодник, 2003. С. 10.

[5] Воронина О.А. Гендер // Словарь гендерных терминов. М., 2002. С. 21.

щин и мужчин, определяющая их положение и роль в обществе и его институтах (семье, политической структуре, экономике, культуре и образовании и др.)» [6].

Гендерная методология существенно расширила возможности исследования женской темы, истории женщин (впрочем, надо отметить, что далеко не все феминологи перешли «под знамена гендера» — женская история продолжает существовать и как самостоятельное направление). Об этом свидетельствует опыт не только мировой, но и отечественной историографии[7] Однако при изучении истории малочисленных народов Сибирского Севера гендерный подход, методы гендерной экспертизы социальных явлений до сих пор практически не используются. Авторы, обращающиеся к женской теме (их, кстати, немного), как правило, не выходят за рамки традиционной «этнографии пола». С одной стороны, это связано с молодостью исторической гендерологии в России (по существу она еще находится в периоде своего становления), а, с другой, — с состоянием источниковой базы. Бесписьменные народы не оставили ego-документов — источников личного происхождения: писем, дневников, воспоминаний и пр. Правда, «женская история» этих народов нашла отражение в иноязычных письменных источниках (прежде всего, русских): историко-этнографических описаниях, законодательных актах, документах текущего делопроизводства центральных и местных учреждений, статистических материалах, записях норм обычного права и пр. Однако все они требуют критического к себе отношения уже в силу ограниченности возможностей «взгляда извне», его способности к адекватному восприятию «чужой» культуры. Крайне ограничены для историка возможности использования в качестве источника информации фольклорных произведений. Приходится учитывать, что в фольклоре представлена не реальная, а фольклорная действительность. По словам Б.Н.Путилова, автора монографии «Фольклор и народная культура» (СПб., 1994), через фольклор «безнадежно пытаться восстановить в сколько-нибудь естественных очертаниях утраченные обществом институты, нормы, элементы социальной организации, артефакты», поскольку он сохраняет лишь «следы всех таких разнообразных реалий». Как заключает ученый, даже там, «где фольклор как будто непосредственно обращается к реальности... к обыденности», историческим лицам и событиям, «там происходит обязательная их трансформация, "выворачивание", включение в "свой" фольклорный мир, где они обретают новую судьбу. И происходит это не от незнания реальности, не от капризов устной молвы и даже не от преднамеренных идеологических заданий, не от сознательных устремлений отдельных лиц или коллективов, а в силу природы фольклора, его сущности, коренных законов его жизни»[8].

Однако все сказанное не исключает возможности использования гендерного подхода (в сочетании с другими, в том числе традиционными) при изучении истории бесписьменных в прошлом народов, в частности ненцев. Рамки предлагаемой статьи, посвященной положению женщины в ненецкой семье, территориально ограничены Ямальским Севером, а хронологически — XVIII – 20-ми годами XX в.

«Касаясь положения ненецкой женщины до Октябрьской революции, — констатировала в 1966 г. Л.В.Хомич, автор книги «Ненцы: историко-этнографические очерки», — путешественники и исследователи обычно характеризовали его как приниженное и бесправное»[9]. Действительно, студент Петербургской Академии наук В.Ф.Зуев, участник экспедиции академика П.С.Палласа, полтора года проведший на Нижней Оби, в своем «Описании живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедцев» (завершенном в 1773 г.) утверждал, что «во всем» у этих народов

---

[6] Воронина О.А. Гендер // Словарь гендерных терминов. М., 2002. С. 21.

[7] См., например, об этом: Дашкова Т.Ю. Указ. соч. С. 203-245.

[8] Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб., 1994. С. 55-57, 124-125.

[9] Хомич Л.В Ненцы: историко-этнографические очерки. М.; Л., 1966. С. 184.

«женский пол раболепствует и более, нежели у строгого господина рабу подлежало». «Сколь в презрении женский пол у остяков и самоедцев пребывает, — продолжал он делиться своими наблюдениями, — того довольно изобразить не можно, а смею сказать, что у их женщины живут не как люди, но как надобный скот...» [10]. Судя по сведениям, которые приводятся в путевых очерках тобольского врача Ф.Н.Белявского «Поездка к Ледовитому морю» (в 1826 г. он был командирован на борьбу с эпидемией в Березовский округ), ситуация практически не изменилась и к концу первой четверти XIX столетия. «Надобно также заметить, — писал Белявский о ненцах и северных хантах, — что инородцы женщин не только не считают в числе людей, но даже почитают их нечистыми тварями, почему женщины у них в большем пренебрежении, нежели где-либо у прочих народов» [11]. Ю.И.Кушелевский, который с 1852 по 1854 г. находился на службе в Обдорске, а позднее (1862–1865 гг.) принимал участие в изысканиях, «предпринятых для открытия сухопутного и водяного сообщения на севере Сибири от р. Енисея чрез Уральский хребет до р. Печоры», обобщая свои наблюдения над жизнью и обычаями ненцев, утверждал, что жены у них являлись «собственностью» мужей. Мужчина-«самоед», по его словам, «смотрел» на жену, как на «вещь», и «распоряжался» ею «по своему произволу» [12]. Подобные оценки встречались и в изданиях начала XX в. Например, в справочнике «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» (редактор В.П.Семенов-Тян-Шанский) о сибирских ненцах сообщалось: «Женщина у самоедов находится еще в большем пренебрежении, чем у остяков, считаясь нечистой тварью» [13].

Иерархия мужской и женской ролей в ненецкой семье представлялась внешним наблюдателям (справедливости ради, следует заметить, что не всем [14]) вполне однозначно: муж – собственник и распорядитель, жена – объект его власти. Основывался, по их мнению, такой порядок на том, что жены ненцами «покупались»: за невесту требовалось в обязательном порядке заплатить «калым» («...А без калыма не точию некрещеные, но и крещеные никогда не отдают», — говорилось о ненцах и хантах Обского Севера в «Топографическом описании Тобольского наместничества» 1790 г. [15]). Тот же Ю.И.Кушелевский утверждал, что, по ненецким обычаям, соблазнитель чужой жены (тот, кто «ею воспользуется самовольно»), считался вором и поступали с ним, «как с похитителем чужой собственности», поскольку мужу соблазненной женщины пришлось в свое время платить за нее калым – «покупать» у родителей [16]. Известный писатель, путешественник и исследователь Севера К.Д.Носилов вспоминал об одной «старушке-самоед-ке», «веселой бабушке», с которой судьба свела его в 1889 г. на Новой Земле. К тому времени «старушка» состояла в седьмом браке (пережив всех прежних мужей). «Сколько я ни допытывался у нее и у самоедов, я никак не мог узнать ее прошлое, а оно было интересно, — писал путешественник... Единственно, что было достоверно известно – это то, что теперешний ее муж купил ее не за дорогую цену, что-то всего за десяток оленей и полведра водки, но что раньше она «куда дороже ходила». Вообще в рассказах Носилова о его странствиях по ненецким тундрам словосочетания «уплата калыма» и «покупка жены» всегда употреблялись как тождественные [17]

---

[10] Зуев В.Ф. Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедцев // Путешествия по Обскому Северу. Тюмень, 1998. С. 151, 184.

[11] Белявский Ф.Н. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833. С. 119.

[12] Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. 16. Западная Сибирь. СПб., 1907. С. 264.

[13] Кушелевский Ю.И. Северный полюс и земля Ялмал. СПб., 1868. С. 102.

[14] См., например: Шавров В.Н. Краткие записки о жителях Березовского уезда // Сулоцкий А.И. Соч. в 3-х т. Т.2. О сибирском духовенстве. Тюмень, 2000. С. 782-788; Финш О. Путешествие в Западную Сибирь д-ра О.Финша и А.Брэма. М., 1882. С. 462-464, 479-480.

[15] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19107. Лю 10 об.

[16] Кушелевский Ю.И. Указ. соч. С. 102.

[17] Носилов К.Д. На Новой Земле. Очерки и наброски. Тюмень, 1997. С. 41, 183-184, 296-297; и др.

А.А.Дунин-Горкавич, тобольский главный губернский лесничий, краевед, много времени и сил отдавший изучению Северо-Западной Сибири (подсчитано, что по ее просторам он прошел пешком, проехал на лошадях и проплыл на речных судах свыше 50 тысяч километров[18]), культуры и быта местных народов, категорично заявлял: «У самоедов, как язычников, церковного брака не существует. Все сводится к обыкновенной купле-продаже. Отсутствие церемоний сватовства и даже пира, которым бы сопровождалось заключение брака, еще более подчеркивает положение невесты, как товара»[19].

Мнение наблюдателей и исследователей разделялось властями. Так, в примечаниях к проекту свода законов «для бродячих и кочевых инородцев, обитающих в Тобольской губернии», представленному в декабре 1830 г. в петербургский Сибирский Комитет генерал-губернатором Западной Сибири (создание такого свода, основывающегося на обычном праве народов, предусматривалось «Уставом об управлении инородцев в Сибири» 1822 г.), отмечалось широкое бытование среди северных народов, в том числе ненцев, практики «так называемого калыма, то есть платы звериными кожами и прочими разными вещами за девицу, принимаемую в жены». Предлагалось законодательно запретить «столь жестокое обыкновение», «наносящее стыд и укоризну человеческому роду». «Опыты доказали, — убеждали верховную власть сибирские чиновники, — что обыкновение сие противно... свободе человеческой», поскольку, ведет к закрепощению женщины – она делается «невольницею» своего мужа[20].

Проект свода законов «для кочевых и бродячих инородцев» из Санкт-Петербурга был возвращен в Тобольск на доработку, дело затянулось, и, в конце концов, правительство отказалось от самой идеи создания такого свода. Законодательное запрещение калыма осуществилось уже при советской власти. Однако на практике и в 1920-е гг. калым у ненцев продолжал бытовать почти повсеместно[21]. При этом сами ненцы вовсе не считали, что, уплачивая калым, мужчина покупал себе жену. Например, на собрании в Ярсале, состоявшемся 22 декабря 1927 г., Марко Худи, член местного тузсовета, в своем выступлении, в частности, заявил: «В разборе семейных дел мы не желаем, чтобы судил русский суд, а предоставили бы право нам самим, как у нас было раньше... У нас при женитьбе женщину берут с выгодой, платят калым не за ее тело, а за ее богатое приданое». Собрание единогласно поручило избранным делегатам (в их числе был и Марко) вынести это предложение на обсуждение районного туземного съезда[22]. В.П.Евладов (руководитель Ямальской экспедиции 1928–1929 гг.) вспоминал другой случай, когда на съезде туземных советов Ямала его участники выразили протест представителю исполкома, назвавшего брак у ненцев «браком-покупкой»[23].

Действительно, если жених обязывался уплатить отцу невесты калым, то тот должен был обеспечить ее приданым. По словам В.Ф.Зуева, жених за счет приданого восполнял понесенные на выплату калыма расходы «с двойной себе прибылью»[23]. Помимо того, всякий раз, когда вышедшая замуж девушка приезжала к своим родителям в гости, отцу полагалось что-либо дарить ей из имущества (домашнего скота, одежды, предметов обихода, провизии и пр.). «...Сколько бы раз в году она у отца не побывала, — свидетельствовал Зуев, – отец всегда дарить ей должен, чего ради мало от мужа и зани-

---

[18] Прибыльский Ю. П. Жизнь и творчество А. А. Дунина-Горкавича // Исследователь Севера Александр Дунин-Горкавич. М., 1995. С. 10.

[19] Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Т.3. Этнографический очерк местных инородцев. М., 1996. С. 70.

[20] РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 269. Л. 52 об.-53.

[21] Хомич Л. В. Указ. соч. С. 297.

[22] Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822 — 1941 гг.). Сб. документов. Тюмень, 1994. С. 137.

[23] Евладов В. П. По тундрам Ямала к Белому острову. Экспедиция на Крайний Север полуострова Ямал в 1928-1929 гг. Тюмень, 1992. С. 224.

мает, разве как только живет с им, а пьет, ест и носит отцовское, а не мужнее»[24]. Согласно нормам обычного права, зафиксированным у ненцев в первой половине XIX в., в состав калыма входили олени, пушнина, медные котлы, отрезы сукна, деньги, в состав приданого – олени, нарты, оленья упряжь, покрытие для чумов, одежда, сукна, хлебные изделия, мясо и масло. При этом приданое могло быть «больше, но никак не меньше калыма»[25]. По данным Ю.И.Кушелевского, в XIX в. замужние женщины у ненцев продолжали регулярно получать от своих отцов подарки. «Молодая жена по прошествии нескольких месяцев (после свадьбы. – Н.М.), — писал наблюдатель, — едет к своим родным в гости и, погостив у них несколько дней, возвращается в свой чум, а родные, провожая молодую, обязаны ей в нарту запрячь тройку хороших оленей и к ней привязать одну нарту с разными подарками, в которую тоже впрягают пару хороших быков. За подобными подарками молодая ездит к родным каждый год по разу; и если случится, что родные не наградят прилично, то мужья вступают в претензии и получают свое с вознаграждением»[26].

Если подарки считать частью приданого (как это делает Л.В.Хомич[27]), получается, что последнее едва ли не всегда превосходило по своей стоимости калым. В.П.Евладов, побывавший во время своей экспедиции на Ямал на одной из свадеб, подсчитал, что, получив за свою дочь-невесту «по калыму» 64 оленя и 20 песцов, ее отец дал за ней приданого (без учета последующих ежегодных подарков) на сумму, примерно равную стоимости 70 оленей. Евладов и его спутники, направлявшиеся к чуму невесты, оказалось на месте раньше свадебного «поезда». Гостей угостили чаем, а затем отец невесты продемонстрировал приготовленное приданое – «обоз из 8-ми нарт, разукрашенных цветными сукнами и холстами». Все нарты были новыми, новенькой оказалась и сбруя на оленях. Хозяин объяснил: «В приданое нужно давать все новое». Первые две нарты, украшенные особенно «пестро и богато», предназначались матери жениха и невесте (в них они должны были отправиться к новому месту жительства девушки), остальные — под приданое имущество. «В третьей и четвертой, — рассказывал Евладов, -- были высоко увязаны одежды невесты. Их несколько комплектов. Здесь пимы, ягушки, шапки, украшения, доски, скобели для выделки шкур, жилы, иголки – все покрыто красным сукном. На следующих нартах чумовая утварь – котел, медный чайник, столик. Все покрыто холстом-чеканкой. Следующая нарта была загружена продовольствием – тут две туши жирных оленей, хлеб, чай, сахар, баранки, рыбий жир. Все, что нужно для свадебного пира и для первых дней жизни в чуме. Последние нарты несли в себе остов и покрытие чума – шесты, покрышки, доски, железный лист для костра, ковры травяные на снег, постели оленьи». Отец невесты, «самолюбиво показывая добротность новенького приданого», признался, что, если бы он поскупился на приданое, то все бы стали «над ним смеяться». В дальнейшем, до конца своей жизни, замужняя дочь, приезжая раз в год в родительский чум в гости, должна была дополнительно получать в подарок по 2-3 оленя, новой шубе-ягушке и меховой шапке с пимами. «Таков обычай», — заметил Евладов[29].

Таким образом, источники подтверждают мнение, высказанное в свое время О.Финшем (он возглавлял экспедицию, направленную в 1876 г. в Западную Сибирь Бременским обществом полярных исследователей), что при заключении брака у ненцев имел место имущественный «обмен, цель которого – обеспечить молодую чету»; ни о

---

[24] Зуев В.Ф. Указ. соч. С. 188.

[25] Там же. С. 188-189.

[26] Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1884. С.41; Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1975. С. 30-31.

[27] Кушелевский И.Ю. Указ. соч. С. 104.

[28] Хомич Л.В. Указ. соч. С. 167.

[29] Евладов В.П. Указ. соч. С. 240-242.

какой «покупке» жены речи не шло [30]. При этом приданое считалось собственностью жены, и при разводе она, возвращаясь к родственникам или вступая в другой брак, забирала его с собой (калым в таких случаях возвращался бывшему мужу) [31]. В собственность жены поступали, кроме того, доходы от приданого (например, приплод от полученных в приданое оленей) и приработок на стороне, а также наследуемая ею часть отцовского «имения». Муж мог пользоваться имуществом жены, беря его «в заем» (например, «если у мужа выпал скот, — сообщалось в источнике XIX в., — то он пользуется скотом жены» [32]). За вычетом имущества жены все остальное семейное «имение» считалось имуществом мужа. Из него он наделял приданым дочерей. Отделявшиеся сыновья также получали свои доли из отцовской собственности. Однако даже своим имуществом муж не мог распоряжаться бесконтрольно. «Если муж расточает свое или женино имущество, то жена, в предупреждение окончательного разорения, обращается с жалобою к старшинам», — говорилось о «юридических обычаях» ненцев [33].

Согласно порядку, существующему у ненцев в первой половине XIX в., если муж умирал, его имущество наследовали сыновья. При этом в обязанность сыновей входило содержание матери-вдовы, незамужних сестер и наделение последних приданым при выходе замуж. Если сыновей у супругов не было, наследниками умершего мужа становились его вдова и незамужние дочери (если дочерей-«девиц» не оказывалось, их доля распределялась между замужними дочерьми). Когда же после умершего оставалась одна вдова, то она «по смерть свою» оказывалась единственной «владелицею мужнего имения» [34]. «В то время, как среди остяков право наследования распространяется только по мужской линии, — замечал А.А.Дунин-Горкавич (начало XX в.), — у самоедов это право переходит и на женщин» [35]. Судя по данным «Обдорской управы книги для записи приговоров по тяжбам, спорам и проступкам инородцев» за 1881-1901 гг., наследственные права женщин к концу XIX столетия заметно расширяются. В частности, вдова стала участвовать в разделе «имения», оставшегося от мужа, и при наличии сыновей. Так, 8 января 1892 года в управе рассматривалось «заявление» ненки Нен-ас из рода Ядне на деверя Мырча. Выяснилось, что муж Нен-ас Эватсот умер весной 1891 г., оставив вдову, двух дочерей (15 лет и 1 года), семилетнего сына и наследство, состоявшее из 500 оленей, невола, лодки, тисков (бересты) для летнего чума и 9 туш оленины. Брат Эватсота Мырч «захватил» все это наследство себе, чем, по словам заявительницы, «лишил ее возможности руководить имуществом мужа своего для пропитания детей». По итогам разбирательства старшина постановил: присвоенные «незаконно» Мырчем «500 гол. оленей и прочее возвратить вдове покойного» — «в вечное владение» ее, сына и дочерей [36].

Во всех случаях, когда ближайшие родственники (со стороны умершего мужа) пытались отнять наследство у его вдовы (вдов) и детей, общественное мнение и выборные старшины-судьи оказывались на стороне последних. Например, после смерти в 1891 г. Хазатти Худина «во владении» его двух жен Анны и Марии Худиных и малолетних дочерей Евгении и Варвары остались 200 оленей и разное имущество. Местная управа назначила в попечители осиротевшего семейства и наследства близкого родствен-

---

[30] Финш О. Указ. соч. С. 476.

[31] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19107. Л. 11; РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 269. Л. 55 об.; Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1884. С.41; Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1975. С. 30-31.

[32] Памятная книжка... С. 42.

[33] Там же.

[34] РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 269. Л. 57 об. -61.

[35] Дункин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Т.3. С. 70.

[36] Обдорской управы книга для записи приговоров по тяжбам, спорам и проступкам инородцев (1881-1901). Томск, 1970. С. 59-60.

ника Хазатти – Некомбу Худина. Однако тот «начал обижать наследниц», присваивать себе их оленей, пасшихся в общем с оленями Некомбы стаде. В начале 1893 г. Мария и Анна обратились в управу с просьбой «оградить их от поступков» Некомбы. Старшина Пылу Садеев обязал Некомбу передать вдовам принадлежащие им с дочерьми скот и имущество [37] В январе 1894 г. в управе рассматривалась жалоба вдовы Марии Серотэттиной на родственников умершего мужа, присвоивших «унаследованные ею и дочерью ее Неколи» 300 оленей и разное имущество. Призванные к ответу «захватчики» объяснили свой поступок тем, что заявительница выдала свою дочь Неколи замуж за ханта Лабытнанских юрт и сама собирается переселиться на постоянное жительство к зятю. К нему же может (в случае смерти обеих женщин) перейти в собственность и доставшееся им наследство, что якобы противоречит самоедскому «обычаю». Управа же никакого отхода от обычного права в сложившейся ситуации не обнаружила, предписав мужчинам-родичам покойного «возвратить Серотэттиной захваченных у нее оленей и имущество в полное и вечное ее владение как прямой наследницы» [38]. Двумя годами позже вдова из рода Лапцуй Не-ачики, мать малолетнего сына, ходатайствовала перед управой о назначении попечителя над оставшимся после смерти мужа наследством (состоявшем из 400 оленей, чума и разных «к нему принадлежностей») — «дабы не встретить» со стороны родственников умершего «каких-либо в оставшемся имуществе недоразумений». Не-ачики назвала и желательную кандидатуру на роль попечителя – ватажного старшину Хенди Лапцуева. Ее просьба была удовлетворена [39]

О том, что дочери умершего отца даже при наличии братьев стали в конце XIX в. получать свою долю из наследства, свидетельствует пример с Хыеной, сыном богатого «самоедина» Наина. После смерти отца Хыена унаследовал около 800 оленей, но поделиться хотя бы небольшой частью стада со своей замужней сестрой Марьей не захотел. Объяснял он свое поведение тем, что при выходе замуж сестра была наделена отцом приданым. Старшина же Тен Седлеев, получив от Марьи жалобу на брата, нашел ее «заслуживающей уважения». Наделение ее в свое время приданым, по мнению старшины, не означало, «что она была выделена совсем». Он распорядился забрать у Хыены 50 оленей и отдать их Марье в качестве ее наследной доли [40]

Женщины-вдовы, не имевшие взрослых сыновей, своих оленей чаще отдавали выпасать в чужие стада, иногда нанимали пастухов, иногда сами занимались выпасом, кочуя со стадом по тундрам. Так, в декабре 1895 г. «самоедская вдова» Епсу Худина заявила в управу о «самовольном захвате» Сеппю Худиным и Сейломой Окатэтто с сыновьями Выдычеда и Вастта из ее стада 30 оленей. По словам женщины, в первых числах сентября во время «кочевки в местности Юробей, в стадо ее оленей приматились чьи-то 3 оленя-важенки с пешками, которых хранила она с месяц или более». Приблудные важенки постоянно отлучались из стада и уводили с собой ее оленей. Наконец, терпение вдовы-оленевода истощилось, она убила важенок и сняла с них шкуры, чтобы, когда заявятся владельцы потерявшихся оленей, предъявить им эти шкуры для опознания.

В конце октября к Епсу приехали С.Худин и С.Окатэтто с сыновьями. Когда вдова продемонстрировала им шкуры, они признали своих важенок. Епсу предложила приехавшим в качестве компенсации за убитых оленей любых трех важенок из своего стада. Однако те стали говорить, что у них потерялось не 3, а 15 оленей, почти открыто обвинив женщину в их краже. «Не обращая на ее объяснения никакого внимания», они, как рассказывала Епсу, «самовольно поймали из стада ее» 30 оленей, двух, правда, тут же возвратили ей, а остальных забрали с собой.

---

[37] Обдорской управы книга для записи приговоров по тяжбам, спорам и проступкам инородцев (1881-1901). Томск, 1970. С. 59-60.

[38] Там же. С. 75-76.

[39] Там же. С. 95-96.

[40] Там же. С. 32-33.

Старшина, разобравшись в ситуации, поддержал вдову, велев Худину и Окатэтто возвратить ей оленей [41].

Владелицей большого стада являлась вдова Татьяна Наречи (Татьяна Игнатьевна Наречина). Она дважды выходила замуж, родила и вырастила трех дочерей. Семья была православной. Похоронив второго мужа, Татьяна сама возглавила обширное семейное хозяйство, в котором трудились и наемные работники. В 1889 г. в Обдорской управе рассматривалась ее тяжба с «самоедином» Паполи Сэротэтто, который попытался присвоить около 40 оленей Татьяны, отбившихся от родного стада. Олени нашлись в стаде Паполи. Управа и в этот раз оказалась на стороне женщины: ответчику было приказано отдать Т.Наречи 50 оленей (с учетом дополнительных понесенных ею «убытков»).

Со временем возраст и болезнь заставили вдову отойти от дел, перепоручив их нанятому в «управители хозяйством» «самоедину» Юбенде Яптику (после крещения ставшему Иваном Яптиковым). В духовном завещании Татьяны, составленном ею в 1895 г. (писал его «со слов завещательницы» в присутствии свидетелей мещанин г. Березова В.Г.Усков; в числе свидетелей были березовский купец второй гильдии А.С.Протопопов, обдорский крестьянин Константин Попов и настоятель Обдорской духовной миссии священник Михаил Попов), в частности, говорилось: «...Жертвую самоедину Обдорской волости рода Яптик Ивану Яптикову (Юбенда) 40 гол. разных оленей за то, чтобы он, Яптик, находился у меня до моей смерти в качестве управителя хозяйством на моем содержании». Половина всего «оленного скота» вдовы отходила по ее завещанию церкви: одна доля — Обдорскому Васильевскому храму, другая – «на Афон, на помин души». Остальное «имение» Татьяна передавала своей младшей дочери Анне Ивановне Наречиной («так как дочери мои Александра и Ираида мною уже наделены, в чем и имею от них подписки») [42].

Имущественные права женщин у ненцев распространялись и на пастбищные и промысловые угодья. Так, в завещании (датированном 27 июля 1874 г.) одного «самоедина», владевшего «издревле» «рыболовным местом» на Оби, объявлялось: «... Сим завещаю: законной моей жене, двоюродному моему брату, крестному моему отцу... и крестной моей матери... означенное... рыболовное место с принадлежащими к нему угодьями в вечное и потомственное их владение, которым они имеют полное право... как пользоваться сами по равной части, так и при необходимости закладывать в другие руки и отдавать в аренду, но не иначе, как с общего всех четырех на то согласия». Правда, в случае выхода жены замуж, она, согласно завещанию, теряла половину своей доли, которая переходила к брату завещателя [43]. Если речь шла о доле в родовой «вотчине», то при выходе вдовы-наследницы замуж в другой род, она теряла право на эту долю; дочь-наследница в подобной ситуации могла претендовать только на часть денег, получаемых от сдачи этой доли в аренду. Восстанавливалась бывшая вдова в своих наследственных правах только в случае возвращения в свой род. Так, в 1882 г. решением Обдорской самоедской управы из числа совладельцев «Индейских мест» (Индейских салм) – рыболовных угодий на Оби Индейской, одном из рукавов р. Оби в ее нижнем течении, была исключена Авдотья Ерметдина (Ермендина), вдова и одна из наследниц прежнего «вотчинника Индейских мест» Ванази Ерметдина из рода Пуйко (называвшегося также в документах того времени «Пуйковской ватагой»). После смерти Ванази Авдотья «вышла замуж в другой род, а именно в род Алеров, выдав в тот же род замуж дочь свою». «Этим самым, — говорилось в постановлении управы, — она, по обычаям нашим, потеряла право наследия на места, оставшиеся после мужа; дочь же Ванази, хотя и выданная

[41] Обдорской управы книга для записи приговоров по тяжбам, спорам и проступкам инородцев (1881-1901). Томск, 1970. С. 59-60.

[42] Там же. С. 55-56, 90-91.

[43] Поляков И.С. Путешествие в долину р. Оби. Тюмень, 2002. С. 158-160.

замуж в другой род, но, если она законная, все-таки имеет право наследовать частью из арендных денег (Индейские салмы сдавались владельцами в аренду. – Н.М.) вместо отца».

В 1885 г. вопрос о совладельцах «Индейских мест» вновь оказался на повестке дня. К тому времени умер муж дочери Ванази и Авдотьи Анны (той самой, которая была выдана матерью замуж в род Адеров), и она обратилась в Березовский окружной суд с ходатайством о признании ее полноценной наследницей отцовского «имения». На заседание окружного суда, где обсуждалась ситуация с совладельцами «Индейских мест», были приглашены представители рода Пуйко, включая родового (ватажного) старшину. Члены окружного суда ознакомили последних со своим мнением и предложили именно им вынести окончательный приговор. «Выяснив обстоятельства этого дела пред всеми присутствовавшими, старшина с общего согласия» постановил считать совладельцами «Индейских салм» Авдотью и Наталью Хандеровых (дочерей первого «вотчинника» этих салм), Ваи Хазерумина (племянника Ванази Ерметдина) и одного выборного представителя «от всего рода Пуйко». Анна и Авдотья Ерметдины, согласно постановлению, становились совладельцами салм только при условии их возвращения в род Пуйко [44]. Очевидно, что в подобных случаях речь шла не об ограничении владельческих прав по признаку пола, а о предупреждении возможности отчуждения родовых угодий (ни индивидуальные, ни коллективные «вотчинники» не имели права на последнее).

Можно, таким образом, констатировать, что имущественные отношения в ненецкой семье были достаточно симметричными. Впрочем, и в ненецком обществе, жившем по нормам обычного права, в этой сфере доминирования мужчин не наблюдалось.

Приведенные выше примеры показывают, что в случае смерти мужа женщина-ненка могла самостоятельно управлять хозяйством. Она владела навыками и оленевода, и охотника, и рыболова. В.Ф.Зуев свидетельствовал, что в сезон охоты на песцов «самоедец» не только сам выходит на промысел, «но и баб и малых ребят песцов из нор выкапывать заставляет» [45]. По утверждению Ф.Н.Белявского, у ненцев «обыкновенно рыбною ловлею» занимались женщины [46]. Другой врач, работавший некоторое время на Обском Севере среди ненцев и хантов (второе десятилетие XIX в.), В.Н.Шавров подтверждал, что «заготовление впрок рыбы» у «самоедов» было обязанностью женщины. Многие «самоеды», по его словам, имели «оленей по нескольку тысяч, о сбережении коих, особенно при рождении в холодное время телят (пыжиками здесь называемых)», тоже «заботились» женщины [47] К.Д.Носилову пришлось однажды зимовать на берегу Карского моря в обществе двух молодых ненцев, с одним из которых были жена и грудной ребенок. «Оба самоеда, — вспоминал путешественник, — порядочно стреляли, были опытны в зимовках, и даже наша дама и та бивала оленей, когда те подходили в отсутствие мужа к ее чуму, и даже однажды так перепугала белого медведя, что он, как она уверяла, должен был умереть от одного испуга, когда она ахнула, увидавши его голову в своем окошке» [48].

Однако главной сферой занятости замужней женщины являлись домашние работы. «Приехавши на избранное место, — писал Ю.И.Кушелевский, — женщины тотчас принимаются за свое хозяйство и в четверть часа поставят чум, устроят в нем весь порядок...В чуме работ мужчин вовсе не видно: всё лежит на обязанности жен. Они и дров привезут и нарубят, воды принесут, огонь разведут и его поддерживают» [49]. Раз-

[44] Обдорской управы книга... С. 11; Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Т.3. Приложения. С. 49-50.
[45] Зуев В.Ф. Указ. соч. С. 156.
[46] Белявский Ф.Н. Указ. соч. С. 167.
[47] Шавров В.Н. Указ. соч. С. 787.
[48] Носилов К.Д. Указ. соч. С. 25.
Кушелевский Ю.И. Указ. соч. С. 72-73.

борка чума тоже входила в обязанности женщины. Женщины занимались приготовлением пищи, изготовлением и починкой одежды и обуви, шили покрышки для чума и предметы утвари из шкур и сукна, обрабатывали оленьи шкуры и шкурки пушных зверей. Для В.Ф.Зуева «обремененность» жен домашними трудами была одним из доказательств их «рабского» положения. «Бедные бабы весь свой век в беспрестанных трудах препровождают, не зная ни отдыху, ни праздника, — возмущался он. — В дороге иль на месте в чуму мужик сидит, лежит или что делает, она ему во всем служит должна не как жена, но как купленная служанка» [50]. Ф.Н.Белявскому также представлялось, что у хантов и ненцев женщина «невольнически исправляет все житейские нужды» [51].

Между тем, с точки зрения самих ненцев, сложившееся разделении труда в семье было естественным и обоснованным и вовсе не содержало в себе отношений господства и подчинения. Это же бросалось в глаза непредубежденному наблюдателю. Так, О.Финш (выражая мнение и своих спутников, в числе которых был знаменитый немецкий зоолог А.Брэм) писал о ненцах и хантах, что «труд у них распределен довольно равномерно между обоими полами» [52]. У ненцев и дочери, и сыновья с ранних лет приучались к труду. «Воспитание дочерей лежит на обязанности матери; она учит их с самых малых лет сучить нитки из оленьих жил, шить одежду обувь, — констатировал Ю.И.Кушелевский. – Сыновья образуются отцами: маленьким он делает небольшой тынзян, лук, стрелы, берет с собою на охоту и на рыбные промыслы...» [53]. Трудолюбие ненцев отмечалось всеми наблюдателями.

Если в семье не было взрослых дочерей, снох, племянниц или других родственниц (впрочем, подобные случаи оказывались редкими), то со временем, когда женщине-хозяйке уже было не по силам справляться со своими обязанностями, муж приводил в чум вторую жену. Иногда «экономические условия жизни чума» заставляли хозяина жениться и в третий раз. При этом инициатива часто исходила от первой жены. «Она, приняв решение, — рассказывал В.П.Евладов, — говорит мужу: "Тяжело мне стало работать, дочь еще маленькая, плохо помогает, ты бы взял еще одну жену – олени ведь у нас есть (чтобы уплатить калым. – Н.М.)»... Муж подумает и ответит: «Как возьму вторую жену, ведь я уж старый становлюсь» [54]. Но в итоге, если не находилось иной возможности заполучить в семью еще одну работницу (например, женив на взрослой девушке малолетнего сына), соглашался с предложением хозяйки. В XVIII в. были случаи, когда у одного мужчины имелось одновременно по 4–5 и более жен. В 1761 г. воевода г. Березова М.Черка-шенинов сообщал в Санкт-Петербург о некрещеных хантах и ненцах, что у них «жен каждый столько имеет, сколько прокормить может» — «они так горячи, что ни одного не найдешь, чтоб одною женою доволен был» [55]. То же самое дословно повторялось в описании «нравов и обычаев» народов Обского Севера, представленном в 1784 г. в императорский Кабинет березовским капитаном-исправником И.Леонтьевым [56]. Составители «Топографического описания Тобольского наместничества» 1790 г. утверждали, что у хантов и ненцев «жен содержат некрещеные достаточно: по две, по три, по пяти и более» [57]. Вместе с тем, В.Ф. Зуев (начало 1770-х гг.) замечал, что он среди «остяков» и «самоедов» «мало видал таких, кои бы обыкновенно больше трех или четырех имели»

---

[50] Зуев В.Ф. Указ. соч. С. 184.

[51] Белявский Ф.Н. Указ. соч. С. 120.

[52] Финш О. Указ. соч. С. 464.

[53] Кушелевский Ю.И. Указ. соч. С. 105.

[54] Евладов В.П. Указ. соч. С. 243..

[55] Архив РАН (Санкт-Петербург). Ф. 3. Оп. 10-б. Д. 71. Л. 15-15 об.

[56] Андреев А.И. Описание о жизни и упражнениях обитающих в Туруханской и Березовской округах разного рода ясачных иноверцах // Советская этнография. 1947. № 1. С. 100.

[57] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19107. Л. 10 об.

жен [58]. Материалы же переписей (ревизские сказки) 1782 и 1795 гг. показывают, что подавляющее большинство ненцев-мужчин Березовского уезда имели по одной жене, а среди «многоженцев» заметно преобладали те, у кого было лишь по две жены [59]. Во второй половине XIX в. таких, кто одновременно был бы женат на 4-х и более женщинах, у них практически не встречалось. Так, Н.К.Хондажевский, в 1879 г. путешествовавший по «северным тундрам» Тобольской губернии, констатировал: «Многоженство допускается и самоедами и остяками. Богатые имеют иногда по 3 жены» [60]. К.Д.Носилову (с проводником-ненцем) однажды пришлось остановиться на ночевку в чуме, хозяин которого имел двух жен. Первая его жена, взятая из «хорошего рода» оказалась «бесплодной». Второй женой стала вдова его брата, имевшая от первого мужа малолетних сына и дочь (по словам хозяина, брат, «умирая, просил его взять его оленей и жену, если она захочет»). Первая жена располагалась с мужем на одной половине чума, вторая – на другой. Ненец, смеясь, признался, что спать поочередно с разными женами «на двух половинах чума недурно», но на вопрос, почему бы ему не завести и третью жену, отвечал, что не желает этого. Семья, судя по наблюдениям путешественника, была дружной. Жены – обе «необыкновенно румяные иньки» – вместе хлопотали у костра, готовя ужин: «одна совала в котел олений язык, другая опускала туда же что-то красное, со свежей кровью». Во время ужина, когда Носилов поднес хозяину стаканчик водки, тот, отхлебнув глоток, пустил его «по кругу» – «пили по глотку все, даже маленькие дети, у которых не появилось признака отвращения к этому напитку, так как все были уверены, что это добро». Вскоре в чуме воцарилось настоящее веселье. Тем временем наемный пастух пригнал с пастбища стадо, и в тот момент, когда хозяева и гости «отпыхивлись за чашками чая в самых приятных разговорах», в чум влетел молодой олень, который сначала сунул «свою пушистую морду» в одну из чашек, а потом «смело прошел по ребятишкам в передний угол и стал чего-то добиваться у самоедки, подтыкая ее в грудь. Она ему что-то сунула в рот и уложила возле» себя. Олень оказался ее питомцем – мать-олениха погибла вскоре после его рождения. Хозяин, его жены и приемные дети относились к оленю как к члену семьи – он свободно «бродил по чуму, ступая на детей, совал свою любопытную морду в каждый котел, запутывался черными пушистыми рогами в платье и даже отправлял тут же свои нужды».

Когда все уютно устроились на постелях из оленьих шкур, хозяин по просьбе Носилова и его проводника стал рассказывать о своей жизни в тундре и, в частности о том, как он прошедшей весной охотился на моржей на льду Карского моря. «Он подробно описывает, как он ползет к ним и по воде и по снегу, -передавал обстановку того вечера путешественник, – как те поднимают голову, спросонья смотрят на него, выставив свои длинные клыки, услышав его шорох, как он их обманывает, так же лениво, как они, почесываясь и помахивая ногами, как они ползают, как чешутся клыками и гонят друг друга с места и будят в тревоге; у него не хватает слов объяснить всё, и он ложится на брюхо и ползает и по своей, и по моей постели, принимая все позы моржа... Это тешит весь чум, смеются все, смеется даже молчаливый пастух, который не проронил еще ни одного слова, как пришел в чум. Для большего успеха разгорячившийся хозяин даже берет себе в рот две палочки, желая изобразить зубы моржа, и ребята покатываются от хохота».

Потом последовали рассказы об охоте на тюленей, белых медведей, диких оленей, песцов и куропаток, причем выяснилось, что своего пятилетнего приемного сына хозяин берет иногда с собой и что в мальчике уже «проявляется горячая охотничья страсть».

---

[58] Зуев В.Ф. Указ. соч. С. 185.

[59] ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 8. Д. 43. Л. 1-418 об.; Д. 72. Л. 1-176.

[60] Хондажевский Н.К. Зимнее исследование нагорного берега Иртыша от Тобольска до Самарова и северных тундр между Обскою губою и Сургутом // Записки Зап.Сиб. отдела РГО. Омск, 1880. Кн.2. С. 19.

Хозяин был рад, что вдова брата пожелала стать его второй женой, что у него теперь есть дети – пусть не его собственные, а приемные (кстати, ему пришлось согласиться с женой, когда она заявила, что больше не хочет рожать детей, «которых трудно вскармливать в холоде»; в целях предупреждения беременности женщина продолжала кормить грудью своего пятилетнего сына).

«Я засыпаю на мягкой свежей оленьей шкуре рядом с нашим рассказчиком, — вспоминал свои тогдашние впечатления Носилов. – Неровный свет погасающего костра еще освещает стены чума, которые отделяют нас всего на сантиметр от холода и сырости, и я рад, что я не там, а в жилище человека. Перед глазами еще стоят только что слышанные картины охоты, моря, тундры, жизни зверей и птиц, мне пора спать, но я не могу побороть впечатлений и еще отдаюсь тому, что пережил, что видел этот человек, который, кажется, избрал лучший удел человечества – жить весь век с одной природой... Эта... природа, кажется, сделает всякого и сильным, и веселым, и любящим, и молодым» [61].

У ненцев считалось правильным, когда женатый деверь брал во вторые жены сноху – вдову своего умершего брата (калыма при этом он не платил). В.Н.Шавров вспоминал случай, когда «вдова-самоедка, оставшаяся после мужа с сыном и дочерью малолетними», пришла за «вспоможением» к старшине. Старшина пригласил братьев покойного и, узнав, что один из них не женат, а у второго, женатого, не имелось детей, приказал первому жениться на вдове, приняв ее с дочерью, а второму взять на воспитание сироту-племянника, который станет ему «вместо сына помощником». «Братья подумали, — заканчивал свой рассказ штаб-лекарь, — дали друг другу руку и вышли довольными из судебного места» [62]. Однако, если вдова не соглашалась идти замуж за деверя, никто ее не неволил.

Во всех случаях мужчина, пожелавший стать «многоженцем», мог это сделать только при согласии первой жены (если не она была тому инициатором). Не все женщины оказывались готовы делить своего мужа с кем-либо. В отчете о деятельности Обдорской миссии за 1876 г. сообщалось, например, об одной девушке-невесте, которая сама приняла крещение и заставила это сделать своего жениха – очевидно, чтобы предупредить появление в семье второй жены (жених не скрывал желания иметь двух жен). Однако, когда пара явилась к венцу, и священник спросил, согласны ли они на брак, жених сразу «с радостью выразил свое желание», но невеста, «как бы испугавшись», некоторое время молчала, и затем заявила, что «она не желает выйти за сего жениха». «Почему?» — спросил священник. «Потому, — отвечала девушка, — что муж ее будущий намерен взять и другую, чего она не желает». Только после того, как жених «заверил, что он будет иметь ее одну женой», она сдалась, и пару тут же обвенчали [63].

Если все же муж приводил в семью новую жену вопреки воле первой жены, последняя имела возможность покинуть его, вернуться к своим родителям или выйти замуж за кого-либо другого. Мужья и жены у ненцев в XVIII – начале XX в. обладали равными правами на развод. Тот же М.Черкашенинов, описывая (1761 г.) семейные обычаи некрещеных хантов и ненцев, отмечал, что, если муж не желает жить со своей женой, он ей «велит идти прочь, куда хочет», добавляя, что и жена «вольна» уйти от мужа и вступить в новое замужество [64]. «Между некрещеными супругами никакого разводу не бывает, — сообщалось о северных хантах и ненцах Березовского уезда (округи) в источнике 1784 г. – А когда которому мужу жена не поглянется, или усмотрит за ней не-

---

[61] Носилов К.Д. Указ. соч. С. 292-300.

[62] Шавров В.Н. Указ. соч. С. 785.

[63] «И здесь появляется заря христианства...» (Обдорская миссия. 30-е-80-е гг. XIX в.): Источники. Тюмень, 2003. С. 277.

[64] Архив РАН (Санкт-Петербург). Ф. 3. Оп. 10-б. Д. 71. Л. 15 об.

порядки, то ее сам отгоняет от себя; также и жена незалюбит мужа, то отпросится к отцу или же убегом уйдет и к мужу уже не возвращается, и отец ее отдает за другого. Прежние мужья отданные калымы взыскивают обратно, также и жены приданое» [65]. В июне 1870 г. священнику А.Тверитину, приплывшему с проповедью «Слова Божия» в ненецкое кочевье Индей удалось склонить к крещению двух «самоедов», в том числе одного женатого. Однако жена последнего упорно отказывалась «обратиться» в православие, не уставая повторять: «Не буду креститься, если муж мой крестится... и не желает, чтобы я жила с ним, я согласна оставить его, пусть приищет себе другую жену». Схожая ситуация сложилась в одной ненецкой семье (Юмбарское кочевье), в гостях у которой в сентябре того же года побывал другой миссионер — Н.Герасимов. Муж признался, что еще три года назад он «обещался по болезни креститься», но жена так и не разрешила ему сдержать обещание, угрожая, по всей видимости, разводом. Священник принялся убеждать женщину, что муж ее собирается осуществить «доброе и спасительное дело»; ссылался на то, что тот «как только призвал в болезни Его (Божью. – Н.М.) помощь», сразу «оздоровел». «Она все молча слушала меня, — писал Герасимов в своем путевом дневнике, — и была заметна по лицу ее какая-то борьба...». Желаемого результата, однако, священник добился во время вторичного посещения чума, в котором обитала эта семья. «Что же делать, — заявила женщина, — когда уже муж мой, как мужчина, решился креститься, что же я буду делать, крести и меня» [66].

Согласно нормам обычного права ненцев (запись XIX в.), «сторона, виновная в разводе», никакому наказанию не подвергалась (лишь приданое отходило жене, а калым возвращался мужу). Этой стороной могли быть как муж или жена, так и оба супруга (когда расходились по взаимному согласию, «взимной нелюбви»). В уважение принималась, в сущности, любая причина: «неплодие» жены, «дурное поведение» одного из супругов, намерение кого-либо из них вступить в новый брак, наконец, простое нежелание мужа или жены продолжать совместную жизнь. При разводе сыновья оставались с матерью, а дочери – с отцом [67] «Браки соблюдаются весьма слабо» (речь шла, в первую очередь, о ненцах, в массе своей оставшихся «шаманистами». – Н.М.), — констатировалось в донесении генерал-губернатора Западн ой Сибири в Сибирский Комитет, отправленном в Санкт-Петербург 20 декабря 1830 г.[68]

Если при рассмотрении дела о разводе в «самоедской» управе выяснялось, что муж и его родственники беспричинно дурно обращались с женщиной, калым мужу не возвращался. Так, 19 января 1899 г. в управе производилось разбирательство по жалобе Яули Солиндера «о безобразном обращении» с его сестрой Сово-Ни, выданной Яули за ненца Якоуму Ядни. Оказалось, что все семь лет замужества Сово-Ни «как муж ее, так и отец мужа... постоянно и без всякого со стороны ее повода били и, кроме сего, издевались над ней, как только им хотелось», «неоднократно выгоняли от себя, увозя обратно к Яули». Однако на развод Якоума соглашался лишь при условии возврата братом жены калыма, чего тот, очевидно, сделать не мог. Старшины постановили: «просителю взять сестру свою от Ядниных обратно к себе, а Ядниным в возврате калыма отказать...».

В то же время, если жена бросала мужа и выходила замуж в чужой род, калым взыскивался с ее нового мужа. Например, 9 января 1889 г. Обдорская управа предписала взыскать с Петра Серотэтто 30 оленей в пользу Поземе, «самоедина рода Тузида». По словам Поземе, жена Аксинья Вануйтина «бежала» от него к Петру Серотэтто, «где крестилась и венчалась». В свое время «соломенным вдовцом» было уплачено за Аксинью ее отцу 140 оленей, 80 песцов, 2 «черных лисицы», одна «белодушка» и 50 руб.

---

[65] Андреев А.И Указ. соч. С. 97.

[66] Путевые журналы миссионеров Обдорской миссии (60-70-е гг. XIX в.). Тюмень, 2002. С. 138-139. 158.

[67] Памятная книжка... С. 43.

[68] РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 269. Л. 77.

деньгами. Пеземе соглашался удовлетвориться возвратом ему Петром Серотэтто 70 руб. и 30 оленей. Деньги Петр отдал, а оленей отдавать не хотел[69].

В начале XX столетия, по утверждению А.А.Дунина-Горкавича, в случае расторжения брака по вине мужа, отец жены обязывался возвратить ему половину калыма, а если инициатором развода была жена, возвращался весь калым. При этом, если жена уходила к другому «самоеду», «увлекшись последним», общественный суд пытался сначала «увещевать» ее вернуться к прежнему мужу. Когда «увещевание» успеха не имело, «обольстителю» приказывалось «уплатить стоимость калыма в пользу обиженного мужа». Дети во всех случаях оставались с отцом [70].

При всем том и мужчины, и женщины продолжали отстаивать право обоих сторон на свободное расторжение брака. Поэтому попытки советской власти в 1920-х гг. ввести у ненцев регистрацию браков наталкивались на их упорное сопротивление. Когда, например, 26 апреля 1927 г. на общем собрании ненцев местности Хадытта докладчик А.Медведев заговорил о необходимости регистрации актов гражданского состояния, его поддержал лишь председатель Ямальского тузсовета Мурко Худи, который, в частности, заявил: «... Брак нам в тундре необходим: когда мы будем записывать брак, то у нас, у самоедов, меньше будет случаев побега и воровства жен». Остальные же участники собрания, по словам Медведева, «все одним голосом заговорили», что ЗАГС им «в тундру не надо». О категорическом отказе ненцев от регистрации актов гражданского состояния говорилось и в отчетном докладе Обдорского райисполкома за 1926-1927 гг. (за два года не удалось зарегистрировать ни одного брака). «Учитывая отрицательное отношение туземного населения Севера к регистрации актов гражданского состояния, — предписывалось постановлением президиума Тобольского окружного исполкома от 13 апреля 1928 г., — поручить северным рикам добиваться регистрации путем популяризации этой работы среди туземцев, но без применения принудительных мер» [71]

При сохранявшейся свободе разводов подавляющее большинство семей на всем протяжении рассматриваемого периода не распадалось. Традиция позволяла и поддерживала заключение браков и без согласия жениха и невесты. Замуж девушек, как правило, отдавали еще в подростковом возрасте, да и женихами многие становились очень рано, поэтому считалось, что сыновья и дочери не способны самостоятельно выбрать «правильного» партнера. В.П.Евладов вспоминал, как на одной ямальской свадьбе, он обратился к отцу невесты: «Плохо, что вот вы жените парня и девушку, а зачем их не спросили: хотят ли они друг с другом жить?» Его слова вызвали «дружный хохот» собравшихся с обеих сторон родственников («даже женщины захихикали»), а отец невесты «покровительственно разъяснил» «ученому» гостю: «Что же их спрашивать, ведь они молодые, еще ничего не знают. Что они могут сказать?» [72] Впрочем, немало было случаев увоза женихами невест «тайно» от родителей, браков по любви [73]. К.Д.Носилов один из своих очерков посвятил целиком рассказу о жизни знакомого «самоеда» Фомы Вылка, который однажды встретил «широколицую маленькую красавицу», «полюбил ее и, по этикету самоедов, проводил почти все время в чуме ее молчаливого отца». Только получив согласие успевшей узнать его девушки, Фома прислал сватов к ее отцу. Когда удалось договориться о калыме и приданом, состоялась свадьба. Через всю свою трудную жизнь супруги пронесли любовь и нежность друг к другу. Фома умер первым и был похоронен рядом с их единственным сыном Ваней. Носилов вспоминал, как после долгого перерыва приехал на Север, нашел «одинокую печальную старушку» и проводил ее до могилы, где она, «скор-

[69] Обдорской управы книга... С. 47-48, 129.
[70] Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Т. 3. С. 71.
[71] Судьбы народов Обь-Иртышского Севера... С. 128, 133-135, 153.
[72] Евладов В.П. Указ. соч. С. 243.
[73] Памятная книжка... С. 40..

чившись от горя, жалкая, убитая, с выбившимися седыми волосами», долго сидела, глядя на знакомого путешественника «черными круглыми глазами», из которых «ручьями безмолвно лились слезы, падая на черные голые камни могилы» [74].

Впрочем, и при браке по воле родителей совместная борьба за выживание в суровом северном краю, потребность в постоянной поддержке друг друга, забота о детях (наблюдатели отмечали исключительную чадолюбивость ненцев) довольно быстро приводили к взаимному привыканию супругов, со временем перераставшему в чувство глубокой привязанности и любви. Даже В.Ф.Зуев, считавший ненецкую женщину «рабой» мужчины, признавал, что «остякам» и «самоедам» было известно такое понятие, как любовь. «Как сама натура научает любовным хитростям, то и сии дикие народы знают, как к любви приступать должно. Говорят, что во время пляски, когда пожмет у ее (партнерши по пляске. – Н.М.) руку, то и увидит свое щастие», — замечал он [75]. В.Н.Шавров свидетельствовал, что мужья женщин-«самоедок» «весьма стараются им угождать богатыми нарядами и лучшими оленями», почему «нельзя не полагать, чтобы не имели они довольно любезности». На штаб-лекаря ненки произвели хорошее впечатление. По его мнению, они имели «довольно нежные и приятные черты лица, и весьма многие из них не только могли бы быть украшением столиц, но даже образцами красоты для живописцев и ваятелей». К тому же все они были «бодры и здоровы [76]. М.А.Кас-трен записал среди сибирских ненцев несколько песен-импровизаций, которые нельзя относить к фольклору – они были авторскими и отражали действительные события, «ощущения и представления». Одну из песен Кастрен услышал в исполнении «бесплодной» и только потому нелюбимой жены. «Я бесплодна, и оттого муж мой не любит меня, — горевала женщина. — У всех моих невесток есть дети, и мужья любят их. В их сани мужья запрягают самых лучших оленей, а мой муж отыскивает для меня самых худших... Другие братья помогают своим женам на крутых местах, чтобы не опрокинулись, мне же никто не помогает». Правда, далее автор-исполнительница признавалась, что заставила мужа «уважать» ее и больше о ней заботиться, решившись однажды на отчаянный поступок: «погнала» упряжных оленей «с горы без удержи, переехала через деревья и разломала сани». Демонстрация смелости, силы духа и готовности к риску произвела на мужа нужное впечатление. В другой песне-импровизации женщина, похоронившая мужа, рассказывала, как трудно ей было в свое время расставаться с матерью, отправляясь к молодому мужу (девушка «горько плакала»). «Прежде я думала, что нет прощанья мучительнее прощания с матерью, теперь я думаю иначе. Умер муж мой, и я грущу по нем больше, чем грустила прежде по матери. Муж оставил четырех сыновей, когда-то забуду я их горе и мое собственное? Жизнь моя теперь такова, что одну половину моей тоски стараюсь облегчить слезами, а другую – песнями. Никогда не выйдет мой муж из могилы, никогда уже не увидать мне его», — изливала свою любовь к умершему и свою печаль вдова [77].

В общественном представлении в круге обязанностей женщины на одном из первых мест стояло деторождение. Беременных женщин, уличенных общественным судом в мелком преступлении, за которое полагалось наказание розгами, от этого наказания освобождали [78]. Иногда бездетная первая жена уступала часть своих прав второй жене, сумевшей родить общему мужу детей [79]. Впрочем, это было ее личным выбором – обычное право ненцев никаких ограничений для бездетных женщин не предусматривало. Вместе с тем, как уже отмечалось, бездетность считалась одним из самых уважительных

[74] Носилов К.Д. Указ. соч. С. 176-252.
[75] Зуев В Ф. Указ. соч. С. 180.
[76] Шавров В.Н Указ. соч. С. 787.
[77] Кастрен М А. Соч. в 2-х т. Т.2. Путешествие в Сибирь (1845-1849). Тюмень, 1999. С. 127-128.
[78] Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Т. 3. С.61.
[79] Носилов К.Д. Указ. соч. С. 297.

поводов к разводу. По утверждению Ю.И.Кушелевского, среди жен, имеющих детей, редко случались «нарушения супружеской жизни» — «разврат» по преимуществу «вселялся» «между бесплодными женами» — «хаптерками» [80].

Важно, однако, отметить, что у ненцев в рассматриваемый период существовала единая для мужчин и женщин модель сексуального поведения, и при этом отступления мужчин от обычно-правовых норм в этой сфере карались более строго, чем женщин. Девушки вообще вели весьма свободную жизнь; особого значения целомудрию ни в семье, ни в обществе не придавалось. Правда, в XVIII в., по свидетельству Зуева, за сохраненное «девство» жених еще должен был дать тестю 1 – 2-х оленей и, наоборот, за «прохудившуюся» невесту жених мог потребовать такую же плату с тестя [81]. К XIX же веку ситуация изменилась. «Дочерей же своих, — писал о «самоедах» Ю.И.Кушелевский, — за нарушение девичьего целомудрия не подвергают наказанию и не вменяют им в стыд порочную жизнь...». Никакому взысканию не подвергался и отец внебрачного ребенка, если дело между им и девушкой «слаживалось» полюбовно. Если же «нарушение целомудрия» девушки производилось без ее согласия, насильника приговаривали к наказанию. Дети, которых «девицы до выхода в замужество» приносили «в подоле» родителям, по обычному праву, имели равные права с рожденными в браке. При выходе «девушки-матери» замуж, супруг обычно усыновлял (удочерял) ее детей[82].

До конца рассматриваемого периода и замужних женщин за супружескую «неверность», как правило, не подвергали никакому наказанию. «От кого бы не родила жена – для самоеда все равно; отец, когда узнает, что у жены его родилась дочь от постороннего человека, благодарит даже сего последнего...», — делался вывод исследователями обычного права ненцев. Однако муж и отец «соблазненной» имели право потребовать от «соблазнителя» уплаты в их пользу штрафа. При приближении родов муж и жена должны были взаимно признаться друг другу «в неверности, если случаи оной действительно были» — считалось, что после этого роды окажутся легкими. Никаких репрессивных мер или хотя бы осуждения подобная «исповедь» за собой не влекла[83].

Однако, когда муж заставал жену с чужим мужчиной в разгар их «плотских утех», он имел право подать выборному начальству жалобу не только на «соблазнителя», но и на нее саму. Так, в январе 1898 г. «самоедин» Обдорской волости Нобе Лапцуй заявил в управе о «незаконном сожительстве жены его Хели Лапцуевой с самоедином Обдорской же волости Воркамой Лапцуевым». И жена, и «соблазнитель» на следствии признались в своем проступке. Воркаму «за незаконное сожительство с чужой женой и с совращении ее на это» старшина велел наказать 20-ю ударами розог. Наказание же женщины ограничилось публичным выговором «с предупреждением» не позволять себе подобного поведения «на будущее время». Впрочем, подобные дела (как и дела по изнасилованию женщин) крайне редко поступали на рассмотрение выборных органов власти[84]. Главной причиной, как представляется, служило то, что в ненецком обществе и к концу периода продолжала господствовать единая и для мужчин и для женщин модель сексуального поведения, характеризующаяся низким показателем сексуального насилия.

В целом анализ ситуации в ненецкой семье XVIII – начала XX в. свидетельствует об отсутствии в ней сексизма — дискриминации людей по признаку пола. Как было показано, женщина играла активную роль при решении всех важных семейных вопросов, в том числе имущественного и религиозного характера. Во многих случаях именно ей принадлежало решающее слово. Дети, в том числе сыновья, согласно нормам обычного права ненцев, обязывались быть в равном «послушании и повиновении» обоим родителям [85].

---

[80] Кушелевский Ю.И. Указ. соч. С. 102.

[81] Зуев В Ф Указ. соч. С. 188.

[82] Кушелевский Ю.И Указ. соч. С. 102; Памятная книжка. С. 42, 47.

[83] Памятная книжка... С. 42, 47; Кушелевский Ю.И. Указ. соч. С. 101-102.

[84] Обдорской управы книга... С. 23-129.

Правда, с женщиной у ненцев, как и у обских угров, был связан целый комплекс представлений, правил и ограничений, необоснованно связываемых наблюдателями и исследователями с отношением к женщине как к «нечистому», «поганому существу». Мне уже приходилось писать о том, что все эти запреты и ограничения (которые, кстати, на практике далеко не всегда соблюдались), с одной стороны, восходили к древним представлениям (распространенным едва ли не у всех народов) о пограничном положении женщины между мирами умерших (миром предков) и живых (миром людей) и об ее особой в связи с этим силе, а с другой, были связаны с тем, что замужняя женщина, переселявшаяся к мужу, принадлежала к другому роду и для нее святыни рода мужа были чужими. Сами слова «нечистая», «поганая» в их современном восприятии неточно передают суть дела[85].

Проанализированный материал опровергает широко распространенное в науке мнение об угнетенном положении женщины в семье (и обществе) как «естественном» и исторически обоснованном

[85] РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 269. Л. 16 об.-17 об., 23-23 об., 29 об.

[86] См.: Миненко Н.А. Указ. соч. С. 192–194; Она же. Место и роль женщины в обско-угорском обществе XVIII – начале XX в. // Провинциальный музей в рамках разработки проектов музеефикации археологических объектов. Екатеринбург, 2006. С.80-85.

Л.А. Лар

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РОЖДЕНИИ ЧЕЛОВЕКА В ТРАДИЦИИ НЕНЦЕВ

Семейные обряды объединены вокруг важнейших периодов человеческой жизни, которые включают родильную, свадебную и похоронную обрядность. Они имеют исключительное мировоззренческое и социальное значение, сочетая в себе экзистенциальные философско-религиозные идеи (представления о душе, ее воплощении и перевоплощении, жизненном и потустороннем мирах) и морально-этические устои семейного и общественного бытия (соучастия, сопричастности, сопереживания и т.д.). У всех трех обрядностей (рождение, свадьба, похороны) можно обнаружить общие черты, определяемые их «переходностью».

Семейную обрядность принято считать одной из самых консервативных и этнически показательных сфер культуры. Изучению процессов, происходящих в последние годы в обрядах, связанных с существенными моментами жизни семьи — свадьбой, рождением, а также похоронами у ненцев, посвящен ряд исследований российских этнографов [1]. Однако до настоящего времени семейные обряды ненцев не изучались в сравнительном, региональном аспекте, что дало бы возможность выявить

[1] Васильев В.И. Обрядовая сторона представлений, связанных с рождением ребенка и свадьбой у ненцев и энцев низовья Енисея. //Традиционная обрядность и мировоззрение малых народов Севера. М., 1990. С. 113; Гейденрейх Л. Канинские самоеды. //Советский Север № 4. М. 1930. С. 30; Ислявин В. Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб. 1847. С. 234; Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск., 1975. С. 200 и др.

общее и специфическое в их формировании и развитии, а также в современном состоянии.

Наиболее существенным моментом в каждой семье является событие, связанное с рождением ребенка. Комплекс обрядов, связанных с рождением, важен хотя бы по той причине, что жизнь осознавалась как высшая ценность во все времена. Поэтому с самого зарождения семьи многочисленные магические действия были направлены на появление в ней здорового потомства. К рождению ребенка ненцы относились с особым вниманием и осторожностью. Повсеместно до сих пор сохраняется вера в то, что поведение матери неразрывно связано не только со здоровьем, но и со всей жизнью ее будущего ребенка. Вопрос продолжения рода занимал важное место в традиционной культуре ненцев. Отсутствие в семье детей мужского пола воспринимали как трагедию, как прекращение рода. Бездетность считалась большим несчастьем. Исследователи семейно-брачных обрядов и обычаев ненцев писали, что в семьях рождение мальчика встречалось всегда с радостью. Мать радовалась оттого, что с рождением сына упрочивалось ее собственное положение в семье; отец видел в лице сына хранителя семейных традиций, продолжателя своего рода.

Собственно, ритуальные действия, связанные с рождением ребенка, начинаются еще в составе свадебной обрядности, и с этой точки зрения свадьба не только предшествует родинам, но и может рассматриваться как начальный этап родильной обрядности. Предпосылкой и условием нормального рождения считалось заключение брака. Свадьба — это тоже один из случаев перехода из одной социорелигиозной группы в другую. Молодой муж выходит из состава холостяков и попадает с этого момента в категорию «глав семьи». Всякий брак таит в себе некоторое напряжение и опасность; оно способно вызвать кризис, поэтому совершается через обряд перехода [2].

Обряды, связанные с беременностью и родами, являются последним актом свадебной церемонии, и рассматриваются как начальный этап родильной обрядности. Сознанию северных народов свойственно понимание того, что беременность и роды представляют собой один из самых тяжелых и напряженных моментов в жизни каждой семьи. С ними связана целая серия разного рода церемоний, главным образом магического характера, которые в целом были сходными у всех самодийских народов, но отличались некоторыми специфическими особенностями, действиями или же деталями.

Родильный обряд можно рассматривать как церемонию посвящения женщины в таинство рождения и материнства, которые тесно связаны с образом смерти. В родах женщине предстояло родиться в новом качестве — матери. А та, прежняя, которой она была до родов, умирает. Беременная, как существо, несущее в себе две души, как одно целое исчезает, умирает, и вместо нее возникают два новых существа: мать и ребенок. Эта смерть повторяется каждый раз при родах, и таким образом женщина на своем веку проживает несколько жизней и несколько смертей. И каждый жизненный этап, обрамленный переходными обрядами, проживается как целая жизнь, а каждое новое рождение индивида сопровождается изменением его статуса, имени и облика. Рождение и похороны оказываются связанными не только на уровне представлений, но и на уровне обрядовых действий.

Важными элементами в семейной обрядности ненцев являются многочисленные и порой совершенно непонятные и необъяснимые для современного человека запреты. Непонятные для нас, они кажутся чем-то само собою разумеющимся для тех, кто находится в их власти. Посредством запрета, обычая вводятся дальнейшие ограничения, касающиеся как мужчин, так и женщин. Они имеют негативный, запретительный характер и приблизительно на русский язык переводятся понятиями «грех», «нельзя», «табу». Рассматривая запреты, нельзя обойти стороной такое важное явление, как **«ся'мэй»**,

---

Элиаде М. Космос и история. Избранные работы. М., 1987. С. 77.

касающееся женщины. У ненцев **«ся'мэй»** — «нечистота» женщины являлась одной из центральных категорий их традиционной духовной культуры.

У ненцев женщину детородного возраста называют **«ся'мэй»** («поганая»): *«самоеды по своему языческому шаманскому закону почитали женский пол нечистым, признавали скверной все то, через что замужние самоедки переступали»* [3]. «Нечистота» — **«ся'мэй»** определялась периодами репродуктивной активности женщины (наступление половой зрелости, регулы, роды): *«сделавшись женой и приготовляясь быть матерью, самоедка всем племенем считается нечистою: она оскверняет своим прикосновением все, до чего ни дотронется»* [4]. Идея об особой «нечистоте» во время менструации и беременности существовала у ненцев, как и у всех народов мира с древнейших времен. В традиционных культурах народов мира боялись менструальной крови, связывая ее с «нечистотой» и «запретной». Контактировать с менструальной кровью или просто находиться в присутствии менструирующей женщины считалось опасным, даже пагубным. В некоторых обществах менструирующих женщин до сих пор избегают или подвергают изоляции, чтобы они не осквернили землю и не навредили другим своею кровью. Однако у разных народов степень проявления этого признака неодинакова. Учитывая важность категории **«ся'мэй»** — «нечистого» для понимания особенностей культуры ненцев, на ней следует остановиться поподробнее.

Выражение **«ся'мэй»** трудно перевести, потому что слово «поганый» не является, в данном случае, синонимом слова «нечистый». Это слово неизвестного происхождения. В ненецком языке «нечистый» — **«нине систой»**, а слово «поганый» в словаре вообще отсутствует. Противоположность **«ся'мэй»**, т.е. запретный, можно назвать слово **«хэхэ»** — священный или **«хывы»** — грех. С одной стороны, оно означает «святой», «священный», с другой стороны — жуткий, опасный, запретный, нечистый. Само слово связано с представлением чего-то, требующего осторожности, ограничения в чем-то. **«Ся'мэй»**, скорей всего, происходит от словосочетания, связанного с анатомией женщины. Ограничения **«ся'мэй»** представляют собой не что иное, как религиозные и моральные запреты. В этих запретах всегда присутствует магический смысл — они как бы предупреждают человека о сверхъестественных опасностях и помогают их избегать. Полностью смысл запретов можно понять, лишь рассмотрев их в контексте мифологии и культовой практики народа.

«Ся'мэй» можно отождествить с термином «табу», который прочно вошел в научную литературу. «Табу» применяется для обозначения особого рода состояний, в которых могут находиться люди и вещи, а также для обозначения самих людей и вещей, оказавшихся в этом состоянии. Смысл термина связан с запретом совершать определенные действия и с запретом самих запретных действий, вещей и состояний [5]. Табу — запрет особого рода. Он с неизбежностью включает в себя три основных компонента. Первый компонент — глубокое убеждение людей, принадлежащих к определенному коллективу, что совершение любым его членом определенных действий неизбежно навлечет не только на данного индивида, но и на весь коллектив какую-то страшную опасность, возможно, даже приведет к гибели всех их. При этом люди не могут сказать ничего определенного ни о природе этой опасности, ни о том, почему и каким образом данные действия влекут ее за собой. Им известно только, что пока люди воздерживаются от такого рода действий, эта опасность остается скрытой, когда же они их совершают, эта опасность автоматически из потенциальной превращается в реальную и угрожает им всем.

---

[3] Теребехин Н.М., Овсяников О.В. Святилище «Козьмин перелесок» как памятник традиционной духовной культуры ненцев. //Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990. С. 229.

[4] Самоеды. Природа и Люди. М., 1901. С. 27.

[5] Фрейд З. Будущее одной иллюзии. //Сумерки богов. М., 1989. С. 39.

В силу этого они рассматривают человека, совершающего такого рода действия, одновременно и как находящегося в опасности и как представляющего опасность для коллектива. Второй компонент — чувство страха: чувство ужаса перед неведомой опасностью, которую навлекают известные действия людей на коллектив, и, тем самым - страха перед этими навлекающими опасность действиями. Третий компонент — собственно запрет, норма. Наличие запрета говорит о том, что ни веры в опасность, навлекаемую данными актами поведения человека, ни ужаса перед ней не было достаточно, чтобы отвратить людей от совершения опасных действий. Отсюда следует, что эти действия были чем-то притягательны для людей, что были какие-то достаточно могущественные силы, которые толкали человека к их совершению. Важнейшая особенность табу, отличающая его от других ограничений и запретов, состоит в том, что этот запрет ничем не мотивируется и ничем не обосновывается.

Таким образом, табу представляли собой нормы поведения, как бы извне навязанные обществу какой-то посторонней, внешней силой, с которой невозможно было не считаться. Запреты, налагаемые на естественные инстинкты, должны были впервые появиться в очень прямой и категоричной форме. Мужчины относили то, что внушало страх и опасность, все, что было связано с кровью (менструация, роды, дефлорация) к **«ся'мэй»**. «Нечистота» женщины в период месячных особенно ярко проявлялась в ее отношении к сфере священного (сакрального). Б.Д. Петров, рассматривая эмпирический опыт народов России, касающийся народной гигиены, писал, что выражение «погань», «грех» не следует понимать и трактовать лишь в религиозном плане. Он считал, что эта формулировка выражает рациональные гигиенические требования. Народные обычаи, относящиеся к поведению женщин во время беременности, родов правильны и целесообразны, т.к. именно в этом периоде они особо восприимчивы к заболеваниям[6]. С.А. Токарев рассматривал два корня «нечистоты»: первый — биологический, второй социальный. Организм женщины переживает моменты, когда он требует половой неприкосновенности. Естественно, что у всех народов существует чисто стихийное, биологически обоснованное убеждение, что в этот момент мужчина должен воздерживаться от общения с женщиной. Само соприкосновение с женщиной, особенно в определенные моменты вредит и промыслу. Социальный запрет связан с половозрастным разделением труда[7]

Ненецкая женщина исключалась из всех религиозных обрядов. Как и у мужчин, мы встречаем у женщин посвящение и свои обряды. Сначала происходят общие посвящения, через которые должна пройти каждая девочка, каждая невеста, затем женщина. Посвящение осуществляется с наступлением первой менструации. Этот физиологический симптом является сигналом, по которому девушку вырывают из привычного ей мира; ее немедленно изолируют от общества. Они *«не могут даже присутствовать при жертвоприношении. Мало того, они не только не смеют прикасаться к хаю, но даже и подходить близко к нему»*[8]. Эта процедура для девушек проводится сразу же после первой менструации, т.е. индивидуально, и означает конец детства. Ритуально нечистым считалось также любое кровотечение, ведь оно нарушало идеальное состояние. Это причиняло большие затруднения женщинам, делая их ритуально нечистыми во время месячных, требуя удаления и запрещения несчастным заниматься своей обычной работой. От поведения женщины в период «месячных», родов зависела судьба рода, так как она выступает как представительница сакрального мира: *«к чему женщина прикоснется, на что сядет, через что перешагнет, то делается нечистым и должно быть непременно окурено оленьим салом для очищения»*[9].

---

[6] Петров Б.Д. Очерки истории отечественной медицины. М., 1962. С. 138.

[7] Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М., 1964. С. 140.

[8] Шренк А. Путешествие к северо-востоку Европейской России. СПб., 1855. С. 365.

[9] Остров Вайгач. Культурное и природное наследие. Памятники истории освоения Арктики. М., 2000. С. 43

Запреты должны были быть приняты всеми членами общества как неотвратимая необходимость. Несоблюдение их каким-либо членом общества было опасно не только для него самого, но и для всего коллектива в целом. Поэтому последний должен был принимать репрессивные меры к нарушителям. На эту особенность в **«ся'мэй»** мы и обратили внимание. Табу-**«ся'мэй»** являются этими первыми, навязанными ненецкому обществу как неотвратимая необходимость, запретами. Существование **«ся'мэй»**-«табу» предполагает наличие скрытой опасности, которая остается потенциальной до тех пор, пока запрет соблюдается. **«Ся'мэй»** порожден опасностью, поэтому он всегда связан с чувством страха. Его нарушение внушает ужас.

При рассмотрении отношений мужчин к женщинам в традиционной духовной культуре ненцев, обращает на себя внимание, что женщинам приписываются сверхъестественные силы, и потому существует страх прикосновения к ним или к предметам их собственности. Основные запреты и ограничения касались социальной сферы и хозяйственной деятельности женщины и преследовали цель уберечь людей и культурные объекты от ее вредоносного влияния [10]. **«Ся'мэй»** жестко регулирует все стороны жизни ненецкой семьи и господствует над ними: *«Вообще все предметы, через которые переступит женщина, считаются осквернеными. Брать в руки она все может, но никоим образом не должна переступать. Женщина не смеет перерезать путь каравану»* [11]. Мужчина также в своем поведении ограничивался, если дело касалось женщин или их вещей. Ему категорически запрещалось находиться в помещении, где рожает его жена. Ненецкие мужчины, по правилам хорошего тона, не могли сами ставить чум — это чисто женское дело. Они ни за что не притрагивались к женским партам. При таком подходе становится понятнее природа силы, толкавшей людей к опасным действиям. Этой силой была власть биологических инстинктов. Как только нарушается свод запретов, опасность из потенциальной автоматически превращается в реальную, проявляется и нередко угрожает гибелью, причем, чаще всего, не только нарушителю, но и всему сообществу. Но мы в дальнейшем будем использовать термин «нечистый», «табу». Соблюдать «табу» — единственное средство избежать опасности. Функциональная сущность табу состоит, таким образом, в нейтрализации реально существующей, но неведомой опасности.

«Ся'мэй» представляют чрезвычайно сложную, путаную и противоречивую картину. Основное противоречие состоит в том, что женщине, с одной стороны, приписываются огромные разрушительные и созидательные способности, с другой, ставятся «табу», чтоб оградить ее и род от несчастий, которые исходят не только от нее. Как сопоставить факты, на которые обратили внимание исследователи, а именно что женщина в обряде жертвоприношений принимает ведущую роль, и второй момент, восприятие ее как существа «нечистого» — **«ся'мэй»** [12]. Касаясь положения женщины в ненецкой семье, исследователи и путешественники характеризовали его как приниженное и бесправное [13]. Высказывались и другие точки зрения. А. Финш подчеркивал, наоборот, привилегированное положение женщин и писал, что *«... самоедские женщины по нижнему течению Оби не подвергаются дурному обращению, а что они в домашних и семейных делах имеют даже голос, это доказали нам жена Зыкова и мадам Занда.*

---

[10] Хомич Л.В. Обычаи и обряды, связанные с детьми у ненцев. //Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л. 1988. С. 23.

[11] Самоеды. Природа и Люди. М., 1901. С. 27.

[12] Теребехин Н.М. Овсяников О.В. Теребехин Н.М. Овсяников О.В. Святилище «Козьмин перелесок» как памятник традиционной духовной культуры ненцев. //Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990. С. 229.

[13] Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб., 1776. Ч. III. С. 345; Ислявин В. Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб., 1847. С. 25; Шренк А. Путешествие к северо-востоку Европейской России. СПб., 1855. С. 335.

Много раз видел я (А. Финш) женщин, обедавших вместе с мужчинами и присутствовавших на представлениях шаманов» [14].

Если рассматривать половые «табу» — запреты и ограничения, связанные с половой дифференциацией, то они состоят в охране важных жизненных актов, например, беременности, родов, сексуальной деятельности и т.д. Совокупность этих норм требует своего названия. Понятие «нечистая», «поганая» к ним не применимо, ибо нарушение запретов влекло за собой не только осуждение общественным мнением, но и грозило физическим наказанием, включая смерть. Эту форму общественного запрета можно было бы назвать нормой поведения — **«ся'мэй»**. Он был формирующейся моралью (праморалью). Миропонимание и самоощущение ненцев пронизано сдержанностью. Но эта сдержанность не ущемляет человеческого чувства, достоинства, она направлена на уважение своего родственника, соседа, просто человека. Сдержанность часто граничит с чувством меры.

Рассматривая нравственные ограничения — **«ся'мэй»**, мы сталкиваемся с одним предположением, на котором хотелось бы остановиться. Традиционное ненецкое общество было построено на разделении сфер на «мужскую» и «женскую», которое было строго регламентировано. «Мужское» и «женское» — фундаментальные категории мировоззрения, социальной структуры, поведенческой культуры или, образно говоря, всего космоса в том виде, в котором он представлялся ненцам. Именно «космогонические» функции женщины и обусловили ее особое положение в традиционном обществе, так считают Н.М. Теребехин и О.В. Овсянников[15]. Космосом в миниатюре, то есть микрокосмосом, является традиционное жилище — чум. У ненцев пространство жилища четко делится на две половины — мужскую (чистую, гостевую) и женскую (хозяйственную). Почетным местом считалась сторона, противоположная входу. Повсеместно женщины были ограничены в доступе на мужскую половину, а мужчинам неприлично без особой нужды пребывать на женской половине. У ненцев мужской стороной чума считается противоположная входу **«си'нянгы»**. Женской — прилегающая к нему **«не'нянгы»**. Один из поддерживающих покрытие чума шестов, расположенный с мужской стороны — **«сымзы»**, почитается священным, ибо на нем крепится надочажное устройство для подвешивания котла, а у его основания находится ларец с домашними духами-покровителями. Женщинам категорически запрещалось пересекать пространство между очагом и шестом **«сымзы»**, хотя они могли находиться по любую сторону от очага.

Противопоставление «мужской» — «женский» соотносится с оппозицией «верха» и «низа», «чистого» и «запретного». «Низ» женщины связывал мир людей и мир умерших, поскольку именно через женское чрево происходило возрождение. *«Женщина в этой традиции существенно связана с материально-телесным низом, женщина — воплощение этого низа, одновременно снижающая и возрождающая. Она так же амбивалентна, как этот низ»* — писал в свое время М.М. Бахтин[16]. Не случайно женщине запрещалось переступать ногами через определенные вещи, а *«проходя, должна бдительно смотреть под ноги, все убирать руками или обходить, а веревки и другие подобные предметы перебрасывать через голову»*[17] Так же нельзя было употреблять головы жертвенных животных, делать подошвы обуви из оленьих лбов. Женская одежда как атрибут «низа» хранилась отдельно от мужской. На взгляд Н.М. Теребехина, который рассматривал трехчастное устройство мира в цветовой гамме, не только цвето-

[14] Финш О. Брэм А. Путешествие в Западную Сибирь. М., 1882. С. 335.

[15] Теребехин Н.М. Овсянников О.В. Святилище «Козьмин перелесок» как памятник традиционной духовной культуры ненцев. С. 229.

[16] Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса. М., 1965. С. 260.

[17] Евсюгин А.Д. Ненцы Архангельских тундр. М., 1979. С. 35.

вая символика, но и сама конструкция женской одежды имеет определенный космологический «подтекст» [18].

Рассмотрим женскую верхнюю одежду. Верхняя часть «ягушки» сшивалась из кусков меха белки, бобра, лисицы, которая связывалась с верхним «чистым» миром. Средняя – из меха оленя и отождествлялась с землей. А нижняя часть женской одежды подбивалась из полос собачьего меха, и сравнивалась с «низом», т.е. являлась «нечистой»: *«в Нижний мир (или из него) можно было попасть по ноге или поясу женщины. Отсюда, вероятно, происходит и применявшийся в прошлом ряда культур обряд, согласно которому через умершего человека (особенно мужчину) должна была перешагнуть женщина, что облегчало его уход в «иной» мир»* [19]. Связь бобра с верхним миром прослеживается в обрядах очищения территории жертвенного места, которое окуривалось дымом тлеющего бобрового волоса. Олень занимает срединное положение, как и человек. Собаку связывали с нижним миром, её шерсть считали «поганой». На таком соотнесении основывалось понимание проблемы пола, на нем строились отношения между мужчиной и женщиной.

Церемонии, связанные с беременностью и родами, представляют единый комплекс. Вначале совершаются обряды отделения, изолирующие роженицу от общества в целом, от семьи и иногда даже от женского сообщества. Нормы поведения для нее строились по формуле «если», тем самым закладывалась возможность выбора. Зарождение новой жизни во всех народных культурах считалось величайшим таинством и, соответственно, период беременности обставлялся многочисленными предписаниями и запретами. Запреты эти можно разделить на две группы: 1) запреты, охраняющие женщину от всяких неприятностей в период родов и 2) запреты послеродового периода, охраняющие будущее потомство. Во время беременности женщине нельзя кушать и чистить некоторые виды рыб. Беременной нельзя было есть те порции мясных блюд, которые традиционно предназначались мужчинам. Ненцы прибегали к различным средствам, стараясь обезопасить будущую мать и ребенка от влияния «злых духов». В первую очередь это были различного рода обереги: от небольших амулетов и талисманов до магических предметов более крупных размеров. Также беременной женщине запрещалось перешагивать через колюще-режущие предметы. Она также не могла иметь интимных отношений с мужем в этот период.

Особенно в изобилии эти советы давались во время первой беременности, игравшей роль своеобразного женского «посвящения»: только после рождения ребенка женщина обретала статус матери; до тех пор, после свадьбы она пребывала в промежуточном положении молодой. Большинство элементов обрядности первого цикла, охватывающих почти весь период беременности, представляли собой запреты, которыми определялось поведение женщины во избежание нанесения вреда будущему ребенку. По сути, запреты носили магический характер и совершенно не свидетельствуют об их семейном неравноправии. Гигиенические советы беременная женщина получала от старших женщин. Для благополучного течения беременности ей рекомендовалось соблюдать ряд предосторожностей: беречься от простуды, не поднимать тяжестей и т.д. Однако в быту эти рекомендации, направленные на сохранение здоровья, были практически неосуществимы, и обычно беременная женщина вплоть до самых родов выполняла всю привычную для нее работу по хозяйству.

В ненецкой традиции с актом рождения связывались многочисленные табу и представления о том, чего следует избегать, поскольку этот акт считался нечистым, ибо был

---

[18] Теребехин Н.М., Овсянников О.В. Святилище «Козьмин перелесок» как памятник традиционной духовной культуры ненцев. //Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990. С. 229.

[19] Финш О., Брэм А. Путешествие в Западную Сибирь. С. 359

связан с кровью. А так как во время родов многие женщины непроизвольно выделяют экскременты, то считалось, что, рожая ребенка дома, женщина оскверняет жилище. Поэтому женщин старались отправлять в другое помещение, которое часто строили специально для этого. На время родов женщина покидала жилое помещение и довольно часто удалялась в отведенное место, которое, как правило, всегда было отдельно стоящим помещением. Уход роженицы в другое помещение или на улицу связан, прежде всего, с семиотической функцией жилища. Изоляция беременной напоминает нам символизм смерти. Границы дома призваны защитить его обитателей, изолировать от внешнего мира. Именно поэтому их семантика складывается с учетом возможности их разрушения, вторжения стихии, неподвластной человеку. Границы определяют статус дома, благодаря чему оказывается возможным существование глобального пространственного противопоставления дом — окружающий мир. Роженица как нечистое существо не вписывается в сакральное пространство дома[20].

У ненцев, если была возможность, роженице ставили особый чум ***«ся'мэй мядико»***, который устанавливала старая женщина, либо повивальная бабка: *«в тундре, если только это возможно, устраивается особый чум (сам. сьямай-мия, т. е. нечистая палатка), родильная изба, и роды, большей частью легкие, происходят при пособии опытных женщин»*[21]. Нередко роды производились в обычном жилом чуме, откуда удалялись мужчины и дети: *«в последние недели перед родами женщина, по мнению самоедов, сквернит чум своим присутствием; поэтому бедный старается не быть в это время дома»*[22]. При этом они обычно вообще покидали стойбище * Если не было возможности поставить ***«ся'мэй мядико»***, или мужчина оставался в чуме по какой-то важной причине, то женщина выходила из чума и рожала на нарте, либо на подстеленной шкуре: ** *«обыкновенно они в это время выходят из чума и зимою рожают на снегу, который в первые минуты существования новорожденного служит ему и постелью и баней»*[23]. Стремление уединиться и скрыть роды диктовалось не только гигиеническими соображениями, но и необходимостью — вынести «нечистый» акт родов из жилого помещения. Однако с медицинской точки зрения, это можно рассматривать как, необходимый в ее положении, гигиенический карантин, т.е. забота о ее здоровье[24].

Беременная женщина — ***«минтана»*** не пользовалась особыми привилегиями у ненцев, ее: *«беременность ...не составляет ни малейшего препятствия самоедам продолжать свою промышленность, а вместе с тем и переходы из места в место. Таким образом, беременные женщины рождать в походе долженствуют»*[25]. Иногда роды происхо-

---

[20] Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. С. 138.

[21] Финш О., Брэм А. Путешествие в Западную Сибирь. М., 1882. С. 356.

[22] Самоеды. Природа и Люди. М., 1901. С. 27.

Нам представился случай быть свидетелем рождения ребенка в семье Окотэтто Володи. Стойбище бригады оленеводов № 7 состояла из 10 чумов. В чуме главного зоотехника на свет родилась девочка, которую назвали Илис (Илик) в честь матери моей супруги В.Ю. Вануйто. В это время мужчины покинули стойбище, кто уехал на рыбалку, а кто ушел в гости в соседние стойбища. Из мужчин в стойбище остался В. Окотэтто и автор. Мы и В.Ю. Вануйто не ведали о том, что в чуме главного зоотехника, есть роженица. Женщины, которые исчезали на некоторое время из чума, были молчаливы. Когда родился ребенок, то нам сообщили. В.Ю. Вануйто разрешили посетить соседний чум, где она была свидетелем ритуальной церемонии по очищению роженицы и ребенка. — *(Примеч. авт.)*

Информатор И. Хэпо. Мать ее родила зимой на улице, где подстелила себе шкуру оленя. А так как рожала в первый раз, то ребенка в чум занесла в «рубашке». Она напугала свою свекровь, когда та увидела, что ребенок в «пузыре» и молчит. Свекровь сняла «рубашку», и провела обряд очищения. Шкура, на которой рожала женщина, была сожжена. — *(Примеч. авт.)*

[23] Шавров В.Н. Записки штаб-лекаря о жителях Березовского края. //ТГВ., 1871. № 43-45. С. 217; ТГВ., 1861. № 29. С. 2.

[24] Петров Б.Д. Очерки истории отечественной медицины. М., 1962. С. 139

[25] ТГВ., 1871. № 43-45. С. 287.

дили в тундре, во время каслания. Особенно поразительны по своей выносливости и присутствию духа роженицы, роды которых происходят во время пути. Чувствуя, что настало время родить, они терпеливо переносили схватки. А, благополучно разрешившись, продолжали путь. О неприхотливости обстановки родов, а также о выносливости и необыкновенном терпении ненецкой женщины, говорят многочисленные случаи родов, описанные путешественниками, исследователями и современными учеными [26].

В традиционном понимании роды всегда рассматривались как акт перехода из одного мира в другой, в котором участвуют сверхъестественные силы. Рождение приравнивалось к смерти и даже отождествлялось с ней, поэтому с религиозно-мистической точки зрения роды относились к обрядам «смерти-возрождения». Роды традиционно относят к переходным обрядам, теория которых разработана А. Ван-Геннепом и развивается В. Тэрнером. Суть обрядов перехода заключается в повышении социального статуса женщины. Для этого она должна символически умереть и затем вновь родиться в более высоком статусе. Путь к повышению статуса лежит через пустыню бесстатусности: *«чтобы подняться вверх по статусной лестнице, человек должен спуститься ниже статусной лестницы»* [27]. Эта параллель между смертью и рождением хорошо прослеживается в родильной и погребальной обрядовости. Считалось, что во время родов душа умирает в потустороннем мире и рождается в мире земном. Поэтому новорожденный ребенок является потусторонним существом, по сути, предком-прародителем, который, рождаясь, получает новую земную жизнь и земную судьбу, тесно связанную с его предыдущим воплощением, и отождествляется с покойником. Исходя из этих представлений, акт родов рассматривался как переход из загробного царства в земной явленный мир, и одновременно являлся механизмом, определяющим будущую судьбу человека.

Таинство родов, т.е. познание женщиной того, что она является творцом жизни, представляет собой религиозный опыт, который невозможно передать в терминах опыта мужского. Отсюда понятно, почему роды сопровождались тайными женскими обрядами и превращались иногда в настоящие мистерии. Роды также воспринимались как наиопаснейшая ситуация как для жизни женщины, так и для начинающейся жизни новорожденного. Характерно, что идея символической смерти роженицы передавалась через боль. Боль — это единственно возможный путь в новую жизнь. В родах она является важной составляющей родильного ритуала, женской инициации. Все, что связано с родильным обрядом, окружалось тайной.

Во время родов женщина ассоциируется с существом, опасным для чума и его обитателей: *«юраки считают родовые муки или «болезнь чума» самой грешной из всех болезней»* [28]. Она либо удаляется в особое помещение, либо находится у его порога. Здесь она символически «умирала», уходя в Нижний мир. «Низ» женщины связывал мир людей и мир умерших, поскольку именно через женское чрево происходило возрождение. Отсюда и мифологический мотив: в Нижний мир (или из него) можно было попасть по ноге или поясу женщины. Отсюда, вероятно, происходит и применявшийся в прошлом обряд, согласно которому через умершего человека (особенно шамана) должна была перешагнуть женщина, чтоб он, уйдя в Нижний мир, никогда не мог вернуться.

Движение ребенка по родовым путям отождествлялось с дорогой, которую проделывает душа умершего человека, чтобы достичь загробного царства. Этот посмертный путь состоял из перехода через святую реку, полета по трубе и перехода через огненную

---

[26] Васильев В И Обрядовая сторона представлений, связанный с рождением ребенка и свадьбой у ненцев и энцев низовья Енисея. //Традиционная обрядность и мировоззрение малых народов Севера, М., 1990. С. 33; Хомич Л.В. Обычаи и обряды, связанные с детьми у ненцев. С. 230

[27] Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983. С. 56; Геннеп А. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. М., 1999. С. 99

[28] Лехтисало Т Мифология юрако-самоедов (ненцев). Томск., 1998. С. 89

реку. В родильной обрядовости в роли элементов пути в иное царство выступают плодные воды (святая река), родовые пути (полет по трубе) и рождение головки ребенка (огненная река). Путь во время рождения олицетворял земной путь человека, его судьбу. Поэтому всем событиям, происходящим во время родов, придавалась особая значимость. Чтобы облегчить переход младенца и определить для него благополучную судьбу во время родов предпринимался целый ряд ритуальных и магических действий. Символическая граница между своим и чужим становится открытой в ходе родов. Из мира чужого в мир людей переходит новое существо, с которым через этот канал могут проникнуть силы зла [29].

Отношение к роженице и новорожденному строилось на основе мифологических представлений о родах, как об акте смерти-возрождения, т.е. умирании в загробном царстве и рождении в земном мире. Исходя из этого представления, рожающая женщина и появляющийся на свет ребенок считались существами, находящимися в состоянии перехода, и поэтому могли легко подвергнуться влиянию всевозможных магических воздействий, и даже недобрых мыслей, — им мог навредить любой человек. Наряду с этим бытовали также представления об обрядовой нечистоте роженицы и новорожденного, как существ находящихся в состоянии перехода и обладающих свойствами потусторонних сил, опасных для живых людей. Ситуация родов наделяла мать и младенца особой магией, которая могла навредить окружающим, поскольку была напрямую связана с силами смерти.

Перед родами и, особенно, во время них значительно обостряется их религиозно-мистическое восприятие. Именно в связи с судьбоносным значением родов различные магические действия и обряды начинают проводиться за некоторое время до их наступления. В этих ритуалах принимают различные культовые предметы и заговоры, которые должны были послужить для обеспечения благополучных родов или их облегчения в случае каких-либо осложнений. Для облегчения родов у изголовья непременно находилась ***«мяд'пухуца»***. Если роды были сложными, то роженица прижимала покровительницу чума ***«мяд'пухуца»*** к животу и просила облегчения и благополучного освобождения. В особых случаях повивальная бабка ***«сю'хада»*** обращалась за помощью к ***«Я'Мине»***, либо к ***«Я'Небя»***. У каждой женщины были свои предметы культа, связанные с беременностью и родами. Они передавались по женской линии, от матери к дочери. Если все предпринятые меры не помогали, то приглашали шамана, который камлал, обращаясь к ***«Я'Миня»***, либо к другим духам, прося их о помощи.

Успешное прохождение родов во многом зависело от умения повивальной бабки — ***«сю'хада»*** (**«сю'(н)»** — пупок, **«хада»** — старуха; ***«мядекода пухуця»*** — **«мяд»** — дом, **«пухуця»** — старуха»): *«При родинах бывает всегда одна нянька, которая исполняет должность повивальной бабки»* [30]. Ее приглашали *«за несколько дней до родов рассылают по тундре искать знахарку-повитуху»* [31]. Повитуха ***«мядекода пухуця»*** не только помогала роженице и способствовала появлению младенца на свет, но и магическим образом влияла на его судьбу. В обязанности повивальной бабки входила и уборка послеродовой грязи, оказание всевозможной помощи по уходу за матерью и ребенком. Повивальная бабка ***«мядекода пухуця»*** в период родов женщины максимально приближена к лицам сакральным — ей дозволяется исполнять некоторые обряды. В то же время она в силу своих знаний и умений приближается к разряду шаманов. Она также является «нечистой», поскольку связана с «нечистотой» родов, роженицы и младенца. К повивальной бабке предъявляются особые требования: она не должна быть бездетной (чтобы роды не были тяжелыми); желательно также, чтобы и ее дети, и те, которых она

[29] Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. С. 95/

[30] Теребехин Н. М., Овсянников О. В. Святилище «Козьмин перелесок». С. 238.

[31] Самоеды. Природа и Люди. С. 27.

принимала, были здоровыми и удачливыми. Не каждая женщина могла стать повитухой: ею всегда была пожилая или даже старая женщина: *«за несколько дней до родов рассылают по тундре искать знахарку-повитуху»*[32]. Повитухой ***«сю'хада»*** может стать лишь та женщина, у которой прекратились месячные. Повивальная бабка — лицо, которое не избиралось. Женщина добровольно принимала на себя определенные обязанности. Репутация хорошей повитухи основывалась на богатом личном опыте, который приобретался женщиной при оказании помощи роженицам и основывался на глубоком знании необходимых обрядов и магических средств.

При своем первом появлении в чуме, где находилась роженица, она окуривала его ***«тороптом»*** — дымом от сожженной шерсти, смешанной с бобровым волосом, отгоняя от женщины злых духов: *«появившись, опрыскивает горячим салом углы «сямай-мядыко», чтобы туда не вошел недобрый дух и не испугал роженицу»*[33]. После начала схваток повивальная бабка ставила роженицу на колени и удерживала ее в таком положении с помощью ремня, пропущенного под мышками женщины и привязанного обоими концами к шестам чума. В таком положении женщина оставалась до разрешения от бремени. Стоя на коленях на снегу, если роды происходили на улице, повивальная бабка находилась за спиной роженицы и, упираясь коленями ей в крестец, сильно сдавливала живот женщины руками. Предполагается, что роды должны быть болезненными, и каждая женщина должна через это пройти, достойно справиться с задачей и выполнить предписываемую ей культурой роль, т.е. «состояться как женщина». Боль — это единственно возможный путь в новую жизнь. Однако у некоторых женщин роды протекали необыкновенно легко, и когда приходит время, они удалялись, разрешались от беременности без посторонней помощи, делали все необходимое для себя и ребенка и лишь потом призывали на помощь, чтобы выполнить последующие обряды: очищение, кормление и т.д. Легкость родов у женщин коренной национальности отмечалась многими наблюдателями[34].

Повитуха ***«сю'хада»*** исполняла весь ритуально-магический и бытовой «сценарий» родов. Она поддерживала и приободряла роженицу, шептала заговоры и др. Особенно велика ее роль в случае трудных родов и при появлении на свет бездыханного младенца (которого она «оживляет» известными ей способами). После благополучного окончания родов повивальная бабка обрезала, завязывала пуповину и обмывала новорожденного. Иногда, обрезать пуповину поручали особо уважаемой в роду женщине. Во время родов роль повитухи как психотерапевта очень велика. Если роды были трудными, то причиной считали неверность супругов. В таких случаях роженица должна была признаться в своих грехах, завязывая на «ровдужном» шнурке столько узелков, сколько у нее было супружеских измен: *«Прежде разрешения, по верованию самоедов, она должна открыть своему мужу и бабке все свои преступления, сделанные ею против правил супружеского союза. Это признание избавляет, будто бы, родильницу от мучений во время разрешения и без этого родившийся младенец за преступление матери может быть уродом, а сама родильница — лишится от мучений жизни»*[35]. Считалось, что такое магическое действие приносило облегчение роженице, она *«твердо верила исполнения этого предсказания и, страшась смерти, сознается в таких преступлениях, если они были»*[36], даже если их не было. Если это не помогало, тогда обращались с аналогичной просьбой к мужу.

---

[32] Самоеды. Природа и Люди. С. 27

[33] Там же. С. 27

[34] Белиловский К.А. Женщина инородцев Сибири (медико-этнографический очерк). СПб., 1894. С. 127; Иславин В. Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб. 1847. С. 120

[35] Кузнецов Е. О верованиях и обрядах самоедов. //ТГВ., 1868. № 5. С. 2; он же: Березовские самоеды. //ТГВ., 1871. № 7-10. С. 2.

[36] Кузнецов Е. О верованиях и обрядах самоедов С. 2

Во время родовых схваток всеми повитухами считалось очень важным, чтобы роженицу тошнило и рвало. Считалось, что при этом хорошо раскрывается шейка матки. С целью стимуляции родов повивальная бабка старалась вызвать рвоту у роженицы, заталкивая ей в рот прядь волос, давали размешанный в воде порох, поили сажей и т.д. После рвоты ожидали увеличения интенсивности схваток. Чтобы ускорить роды, у ненцев делали также прижигание биоактивных точек в левом подреберье. Во время потуг до самого появления головки ребенка через наружные половые органы, роженица оставалась на четвереньках. Положение «лёжа» в традиционных родах не использовалось, считалось, что при лежании роженицы роды могут затянуться.

Согласно народным представлениям пуповина — это связь малыша с матерью и внешним миром, а послед — это двойник ребенка. Основываясь на этих представлениях, по отношению к пуповине и последу производился целый ряд магических действий. Пуповину у новорожденного перерезала повивальная бабка тем же ножом, которым выполнялись хозяйственные работы. Но чаще у повивальных бабок были свои личные ножи, к которым никто не имел права прикасаться, кроме ее самой. Если женщина рожала без посторонней помощи, то пуповину перерезала сама.

Справившись с пуповиной, бабка ждала отделения и выхода последа. Если послед не появлялся через полчаса после родов, это считалось дурным знаком, а если проходил час — значит дело совсем плохо. В этом случае повитуха начинала принимать меры для отделения последа. Для этого использовались как чисто акушерские приемы, так и магические. Его старались изгнать с помощью водки, если не было спиртного, то поили травами. При сильном кровотечении пили рыбий клей, сваренный из осетрового пузыря. Как кровоостанавливающее средство и для быстрого заживления раны использовали тысячелистник. После выхода последа, или «постельки», с ним тоже производили ряд ритуальных действий, которые основывались на представлении о том, что послед является двойником ребенка. Считалось, что все действия, произведенные с детским местом, могут отразиться на судьбе младенца. Чтобы избежать пагубных последствий «постельку» следовало схоронить особым образом, выполняя ряд магических действий. Послед ребенка и пуповину обязательно прятали, чтобы они не достались злым духам и не завладели душой и судьбой новорожденного. Кроме повивальной бабки, при родах помогали еще две женщины. Одна из них помогала бабке, в обязанности второй входило следить за очагом.

Разнообразными обрядами сопровождалось появление ребенка и его первые недели жизни. Сначала ребенка моют *«в воде, нагретой с жженой березовой губкой, а по отпадению пупа окуривают оленьим салом. Их пеленают и кладут вместо люльки в корыто или корзину»* [37]. Как сообщают некоторые исследователи и ученые, новорожденный как бы проходит своеобразный курс закаливания с первых дней своего появления на свет: повивальная бабка или сама роженица, погружают его зимой в глубокий снег, или растирали *«снегом, потом кладут в зыбку, устроенную из древесной коры»* [38]. Летом, если рядом находился ручей, опускали в холодную воду. Как только ребенка выкупают в тепловатой воде, его тотчас же укладывали на мягкую оленью шерсть, и таким образом немедленно по появлении своем на свет он знакомился с постоянным спутником всей своей жизни: *«новорожденного обмывают теплой водой, закутывают оленьим мехом и кладут в лубковую постель, на дно которой насыпается мелкотертые древесные гнилушки и опилки»* [39].

---

[37] Остров Вайгач. С. 43

[38] ТГВ., 1861. № 15. С. 125.

[39] Самоеды. Природа и Люди. С. 27.

Родильница считалась существом «нечистым», т.е. неприкосновенной, магической. А так как она несколько дней принимала пищу из рук повивальной бабки, то эта обрядовая нечистота распространялась и на повитуху, и на женщин, которые находились рядом во время родов. Избежать «нечистоты» женщине было невозможно и очень трудно — мужчине. Существовали разные обряды, помогающие восстановить чистоту, поскольку очищение для ненцев — нравственный долг. По Э.Б. Тайлору «очищение» понимается как постепенный переход от буквального к символическому, переход от устранения материально понимаемой нечистоты, к освобождению себя от невидимого, духовного и, наконец, нравственного зла[40]. Женщина строго соблюдала обряды очищения ***«нярумдась»***, например: *«беременная женщина очищается бобровой струей, ее платье считается поганым»* [41].

После того, как роженица благополучно разрешиться от бремени, наступает период, когда с нее постепенно снимаются ограничения в бытовом и ритуальном поведении. Возвращение к повседневной жизни редко совершается сразу после родов, здесь также существуют этапы, которые напоминают стадии инициации. Таким образом, роды не являются конечным моментом промежуточного периода. Промежуток для матери продолжается достаточно длительное время. На этот последний этап наслаивается первый промежуточный период детства ребенка.

Чтобы вновь войти в «окультуренный» мир после пребывания в мире природы, над роженицей совершаются различного рода манипуляции, основная цель которых — маркировать приобщение к «своему» миру. На указанную функцию накладывается функция очищения всех участников ритуала, прежде всего роженицы, ребенка и повивальной бабки. Первыми проходили обряд ***«нярумдась»*** повивальная бабка и помогавшие женщины, которые окуривались дымом от сжигаемого на костре меха бобра или выдры и кусочков оленьего жира. Все вещи, к которым прикасалась родившая женщина и ребенок, очищались водой, в которой была сварена чага: *«после этого бабка очищает чум и людей от предполагаемой скверны водой, в которой сварена березовая губка»* [42]. Одежду роженицы зарывали в землю подальше от чумов, либо сжигали. В некоторых случаях, одежда и постель роженицы, а также шесты чума, расположенные возле места, где происходили роды, при перекочевке оставлялись на месте прежнего стойбища. Если роды происходили в пути, то муж сжигал нарты, на которых сидела роженица. Оленей забивали и отдавали собакам. Очищение — ***«нибтесь»***, ***«нярумдась»*** женщины и ребенка-пришельца из иного мира проводилось огнем ***«ту'»***. Роженица раздевалась и переходила через разведенный костер, куда бросали березовый гриб, можжевельник, бобровую шерсть. Она надевала новое платье и считалась очищенной: *«через 8 недель роженица, окуренная оленьим салом, имеет уже право разделять с мужем скудную трапезу и считается чистой до новой беременности»* [43].

После совершения обряда «очищения» матери и ребенка приносят в *«жертву оленя за благополучное разрешение и нарекают младенцу имя»* [44]. Олень забивался в соответствии с полом новорожденного. На торжество приглашались родственники и соседи. Хозяин чума, где родился ребенок, как бы не был беден, он должен подарить одного оленя повивальной бабке, второго — своему ребенку. Родственники также делали подарки новорожденным: мальчику — теленка-самца, девочке — стельную важенку, которых потом клеймили тамгой нового владельца. В этом пире принимала участие и мать новорожденного. Из этого А. Шренком был сделан вывод, что женщина не считается нечи-

[40] Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989. С. 494.
[41] Старцев Г.А. Самоеды (ненча). Л., 1930. С. 74.
[42] Самоеды. Природа и Люди. С. 27.
[43] Там же. С. 27.
[44] Кузнецов Е. О верованиях и обрядах самоедов С. 2.

стой в продолжение двух месяцев [45]. На пире, прежде чем приступить к трапезе, сначала кормят духа огня ***«Ту'Хада»***, обмазывают кровью ***«мяд'пухуця»***, преподносят лакомый кусок богиням ***«Я'Мине», «Я'Небя»***.

Ребенок находился в люльке до тех пор, пока не начинал ходить: *«В одной из этих палаток я видел ребенка восьми недель, лежавшего в люльке или в яслях из желтоватого дерева, похожих очень на крышку с коробки. Эта люлька у изголовья снабжена полуобручем, идущим над головой ребенка, и висела на двух веревках, привязанных к жерди. Она завешена была кругом серым сукном вроде полога с отверстием наверху, и распахивалась сбоку для того, чтобы можно было класть в люльку и брать из нее ребенка, который был спеленат в такое же серое сукно, обмотанное в трех местах веревкою, через грудь, середку и ножонки дитяти, оставляя голову его и часть шеи открытыми»* [46]. Изготовлением колыбели занимался мужчина. По некоторым сведениям грудное вскармливание ребенка продолжалось до 3, а иногда до 5 лет. В.И. Васильев, собрав богатый материал, сообщает, что грудным молоком женщины кормили до года. Случаи более длительного кормления составляли скорее исключение, чем правило[47] После этого ребенок ел ту же пищу, что и взрослые. Грудному ребенку давали сосать кровь из кусков сырого мяса, а также кормили мозгами из костей оленя, смешанного с кровью. По достижении ребенком совершеннолетия родителями также организуется пир, причем, в зависимости от состоятельности, закалывается от одного до пяти оленей. На этот пир приглашаются соседи и родственники.

В. Ю. Вануйто

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ НАРОДОВ ОБДОРСКОГО СЕВЕРА

Каждая народность, воспринимая из окружающего мира многообразную информацию, внедряла в свой характер не всякие, а только понятные ей впечатления. Отсюда и происходило формирование разнообразных национальных складов или типов. В целом для всех народов мира природопользование очень близко к привычному в этнографии понятию «хозяйство», но оно в большей степени включает природную сторону хозяйственной деятельности этноса и обязательно подразумевает ее духовную составляющую — рациональные знания, эмпирические представления о среде, систему их передачи и обучения и т.п.

Знания повадок промысловых животных (время залегания в зимнюю спячку, мест обитания и т.д.) способствовало успешному промыслу. По следам белки ханты могли определить пол, возраст зверька и многое другое. По урожаю кедровых шишек узнавали, куда и когда будет мигрировать белка, составляя прогнозы будущей охоты. По следам зверей определяли даже место своего нахождения, если сбивались с пути. Русские также хорошо знали повадки разных птиц и животных, различали особенности в их

---

[45] Шренк А. Путешествие к северо-востоку С. 480.
[46] Бруин де К. Путешествие через Московию. М., 1872. Кн. 1. С. 345.
[47] Васильев В.И Обрядовая сторона представлений ... С. 113.

поведении. При установке сетей в озерах, ловушек в лесу учитывались их излюбленные места, особенности повадок и т.д. Ненцы прекрасно различали птиц по видам, голосу, характерному свисту крыльев узнавали породы уток. Целый ряд неписаных законов, установленных предками, направлен был, на сохранение потомства зверя, рыб и птиц. Чтобы количество лис увеличилось, коренные народы «приживали» лисицу к данному месту рыбой. Если лисица кочевая, то она, находя корм, оставалась для постоянного обитания и выводила детенышей. Не допускалась охота на стельных самок и молодняк, на пушного зверя в период его линьки. Не разоряли птичьих гнезд. Если собирали яйца, то часть оставляли.

Коми-зыряне и ханты, заимствовав у ненцев приемы оленеводства и связанное с ним производство, средства передвижения и многие другие элементы материальной культуры, в то же время выработали свою специфику освоения этого мира. Оленеводы уделяли большое внимание своим животным, проявляя заботу о корме и воспроизводстве стада. Пастух и олень находились в постоянном взаимодействии, и человеку, проведшему с оленями не один десяток лет, известно об оленях, их привычках, повадках, болезнях очень и очень многое: «*пастухи, взглянув на стадо, тотчас могут сказать число оленей (от 100 до 1000), и уверяют, что они никогда не ошибаются*»[1]. Опытные оленеводы знали каждого оленя в своем полуторатысячном стаде, умели определять нужных оленей по рогам, шерсти, экстерьеру, а наиболее для них «приближенные», ездовые олени почти всегда имели и клички. Ненцы хорошо различали также масть животных. Масть собак, которая различались по цвету и расположению пятен на шкуре, имела 25 обозначений. Северяне великолепно знали анатомию животных. У ненцев имеется свыше 40 названий частей тела оленя. При выпасе оленей, и в зимнее и в летнее время умели определять качество пастбища, чтоб увеличить вес животного. Народные знания и умения ненцев, хантов, коми-зырян базируются на огромном коллективном и индивидуальном опыте. Ведь основные занятия — оленеводство, охота и рыболовство — требовали от них не только умения, но и знаний о географических особенностях местности, о растительном и животном мире, о погодных условиях и т. д. Знания эти делились на многие отрасли, среди которых наибольшего развития достигли метрология, метеорология, народная медицина, ветеринария, составление народного календаря и др.

В течение многих поколений была отработана практика ориентирования в различных сезонных и погодных условиях тундры. Умение ненцев и хантов ориентироваться по звездам, находить нужное направления в тундре отмечали путешественники, исследователи. Б.М. Житков пишет, что «*способность обитателей тундры ориентироваться в гладкой тундре, выследить даже во время буранов, проехавшего человека, определить время и направление, по которому «скаслал» чум — приближается к способностям зверя*»[2]. Ненцы дорогу в зимнее время находили по сугробам, которые располагались в одном направлении. Ориентиром служили кусты, торчащие из сугробов, с которых нависали сосульки. По окончании непогоды легко находили дорогу домой, т.к. во время метели или вьюги замечали направление ветра: «*направление пути узнается и тем и другим, ничтожным признакам; близость чума определяется по запаху, который для нас, конечно, незаметен. Зрение и слух у самоеда развиты очень сильно. Часто на очень далекое расстояние, самоед видит место, вытоптанное оленями, т.е. старое становище и, доехав до него уже по следу добирается до нового*»[3]. Ханты, занимающиеся охотничьим промыслом, определяли направления по деревьям, наростам на деревьях и т.д. Направ-

[1] Алберт Отрывки из путешествий г. Алберта, штаб-лекаря, бывшего инспектора Тобольской врачебной управы по северной части Тобольской губернии. //ТГВ. 1873, № 36. С. 2

[2] Житков Б.М. Полуостров Ямал. М., 1913. С. 209

[3] Сибирский Листок. 1891. № 75. «Письма из Обдорска».

ление летом ненцы и ханты определяли по течению воды. Река, которую северяне обожествляли, играла в их жизни большую роль. Образ реки выступал как важный элемент сакральной топографии. У хантов река несла в себе черты единой космической реки, которая соединяла верхний и нижний миры[4]. Население Обдорского Севера имело представление о глубине рек и озер. Например, Б.М. Житков при описании рек пользовался данными ненцев[5]. Легко рассчитывали они время и направление проехавшей упряжки. Свободно, с точностью до мельчайших подробностей, восстанавливали графически маршруты кочевок своей семьи, родственников, соседей.

Коренные народы обладали картографическими навыками, могли легко начертить схематический план местности на снегу, земле или бумаге: *«Некоторые самоеды, которым показывал я морские карты побережья, поражали меня быстротой и точностью с которой они в карте ориентируются, начиная правильно называть мысы, бухты и устья рек»*[6]. Когда ненцы находились в малознакомой местности, то втыкали в землю или в снег поломанные ветки, которые указывали направление отставшему каравану. Для указания местонахождения стоянки оставляли знак на ближайшей возвышенности. Знаком служил «хорей», на конце которого была привязана белая шкурка или ткань. В.П. Евладов сообщает, что во время передвижения по тундре, ему был оставлен оленеводами знак на месте старого становища в виде *«пяти коротеньких колышков из рогов оленя, стоявших на одной линии»*, указывающих направление ухода чума[7].

Народная метеорология является важнейшей составной частью традиционной культуры, результатом многовекового опыта общения с природой и окружающим миром. Для успешного производства и, следовательно, для выживания в суровых условиях северянину желательно было предчувствовать, а лучше всего знать прогноз погоды. Как коренные народы, так и русско-зырянское население по приметам (поведению животных, бытовым наблюдениям) изучали изменения в погоде. Проживая в постоянном общении с природой, они улавливали изменения луны, солнца, звезд, поведение животных, птиц, насекомых, а также воздействие атмосферы на развитие растений. Профессор астрономии М. Ковальский отметил, что *«зыряне весьма хорошо знают приметы, по которым они могут заключить, есть ли возможность избегнуть урагана или, как здесь говорят, пурги, либо нет»*[8]. Интенсивное занятие оленеводством, охотой, рыболовством способствовало развитию умения прогнозировать погоду. Эти знания были необходимы для успеха в промысле и оленеводстве. Такое внимание к погоде породило массу примет и поговорок, имеющих местное значение, основанных на многовековых наблюдениях людей и позволявших им подчас безошибочно предсказывать погоду.

Обращаясь к народным метеорологическим приметам населения Обдорского края, невольно удивляешься их многообразию и разноплановости, а также их сходству. У коренного и русско-зырянского населения существовало много различных примет определения погодных условий по небесным светилам. Приведем пример: у хантов и коми-зырян красный закат солнца, предвещал день ветреный или дождливый. Если вечером солнце имело ясный цвет, то по народным приметам назавтра ожидалась хорошая погода. Ненцы определяли погоду таким образом: если замечали ярко-белый цвет облаков, то это — к холодной погоде, красный — к теплу. Если у заката солнца облачко, то будет или ветер, или плохая погода. Чистое небо на горизонте во время заката к хо-

---

[4] Павлинская Л. Р. Образ космической реки в сакральной традиции угров Сибири. //Природа и цивилизация, СПб., 1997. С. 158.

[5] Житков Б.М. Полуостров Ямал. С. 91.

[6] Там же. С. 224.

[7] Евладов В.П. По тундрам Ямала к Белому острову: Экспедиция на Крайний Север полуострова Ямал в 1928-1929 гг. Тюмень., 1992. С. 203.

[8] Конаков Н.Д. Приметы о погоде. //Традиционная культура коми. Этнографические очерки. Сыктывкар., 1994. С. 114.

рошей погоде[9] У коми-зырян, если солнце садится в облако или тучку — назавтра будет дождь. Солнце садится в облака и смотрится сквозь ореол — к продолжительному дождю. Ханты, вставая ранним летним утром, смотрели, если солнце часто прячется за тучи или облака, то это к пасмурной погоде. Если облака на небе в два слоя и плывут в противоположные стороны — это к неустойчивой переменчивой погоде. Зимой ханты обращали внимание на солнце, если оно было в большом круге, то это предвещало снег, в маленьком — морозу. Если коми-зыряне видели солнце «в рукавицах» (яркие блики с боковых сторон диска), то ждали морозов. При холодном лете, с постоянными северными ветрами, ненцы ждали снега и ледостава уже к середине августа. По их наблюдениям Обская губа очищалась от снега в конце июня, а замерзала в конце октября, первой половине ноября.

Большое внимание также уделялось приметам, связанным с поведением птиц, животных и насекомых. Ненцы с прилетом лебедей определяли ход таяния снега. Лебеди прилетают раньше появления проталин — наст будет прочным; если во время таяния — холода больше не вернутся. Воробей, купаясь, наклоняется на север — к холоду, на юг — к теплу или к дождю. В какую сторону чайка летит, оттуда будет ветер. Интересны приметы у хантов: Если дятел кричал не так, как обычно «кру-кру-кру», а «выть-выть-выть» — жди дождя. В какую сторону повернута голова ворона, то с той стороны надо ждать ветра, если птицы сидят ближе к дереву — к ненастью. Летом на рыбалке рыба сильно кровоточит — жди дождя. Коми-зыряне определяли погоду так: если сорока часто кричит зимой, то это предвещает снегопад, если летом — дождь. Сорока рвет мох из пазов бревенчатых построек — к ненастью. Вороны купаются — к дождю, каркают к оттепели. Филин ухает — погода переменится, похолодает, или к дождю. С криком летают гагары — ожидается хорошая погода, но если гагара долго кричит на воде — будет дождь. Лягушка прыгает перед тем, как испортится погода. Если она принимает темную окраску — будет дождь, светлую — вёдро. Домашние животные тоже были хорошими предвестниками погоды. Если собака лежит, свернувшись, то это предвещает холод, а если, растянувшись, к теплу. Если собака ест траву — будет дождь. У русско-зырянского населения для предсказания погоды тоже обращалось внимание на поведение домашнего скота. Если корова лежит, пригнув шею, то следует ожидать мороза. Коровы сильно мычат — пойдет дождь. Скотина лежит, загнув шею, — к северному ветру. Если корова, закусив, держит траву во рту, то будет дождь.

Были распространены у коми-зырян и метеорологические приметы, привязанные к церковному календарю. Согласно церковным праздникам, можно было определить, какой будет погода в другие дни, или составить долгосрочные прогнозы. Выступали в роли синоптиков и насекомые. Обдорские жители обратили внимание, что перед дождем мошкара поднимается вверх. Комары-толкунчики в воздухе — к теплу. Кузнечик стрекочет — к хорошей погоде. Обращалось внимание и на ощущения человека. Согласно им, к перемене погоды у больного все болит, а перед дождем кости ломит. Если человек сильно потеет, и одежда мокнет — быть дождю. В ухе «свербит» — к потеплению. Использовались для предсказания погоды и бытовые наблюдения, такие как: дым столбом — к хорошей погоде, дым к земле — к ненастью. Летом окно плачет (вспотеет) — потеплеет, к дождю; вспотеет окно зимой — к холоду.

Без астрономических знаний невозможно было овладеть самим типом хозяйства, основанного на постоянном передвижении. Каждая семья оленевода имела свой чум, купол которого в течение всего года оставался открытым, а жерди купола являлись хорошим ориентиром для наблюдений в ночное время за движением луны и звезд, а днем солнца. Таким образом, каждый чум являлся своеобразным семейным «планетарием», благодаря чему накапливались и передавались из поколения в поколение наблюдения за

[9] Старцев Г. А. Самоеды (ненча). Л., 1930. С. 111

светилами. Строение чума позволяло ночью определять время по звездам, а днем — по лучу солнца, падающего через дымовое отверстие. Кроме того, как отмечали исследователи, эти народы обладали отличным врожденным зрением. Они успешно совершали длительные путешествия, не зная компаса, часов и т. п., но, имея в голове чрезвычайно сложную схему ориентации, объединяющую в себе небесные ориентиры, сведения о направлении течений и ветров и целый ряд признаков о состоянии реки, моря, которые совершенно ускользают от нетренированного взгляда. Зная положение небесных светил, ханты и ненцы смело пускались ночью в путь по тундре, в которой нет ни дорог, ни тропинок. Они не только безошибочно достигали желаемой цели, но даже определяли на каждом шагу час или время, протекшее от начала ночи, и место, где застанет его утро.

Русскоязычное население дорожило каждым ясным рабочим днем, потому что природа отпускала ему мало удобного времени для труда и потому что короткое северное лето умеет еще укорачиваться нежданным безвременным ненастьем. Это заставляло их спешить, усиленно работать, чтобы сделать как можно больше в короткое летнее время: накосить сена для скота, сделать запасы ягод, грибов и т.д. Так народ приучался к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привыкал работать скоро, лихорадочно и споро, а потом пребывать в состоянии вынужденной осенне-зимней бездеятельности. Богатый опыт предков и собственные обширные эмпирические знания способствовали выработке в человеке ценных для жизни качеств, таких как — безропотно принимать неожиданные стихийные бедствия, чем поражали многих исследователей.

Коренные народы создали свой **календарь** (у ненцев он назывался «ялы'падар», у хантов «хатл' нэпек»), чтобы выжить в суровых и изменчивых климатических условиях Севера. Он был необходимой основой, регулирующей хозяйственно-экономическую, политическую, духовную и культурную жизнь, а также ритм личной жизни индивида, словом, упорядочивал все стороны жизни общества. Наиболее популярной была система традиционного календаря, в основе которого лежали солнечные сутки и год, лунный месяц. Этот календарь был связан с промыслами, оленеводством, формировал особое жизненное поведение северян. Он объединял их с ритмом жизни космоса, природы и определял хозяйственно-социальную деятельность человека. Календарь коренного населения имеет много отличий от традиционного, например, — наличие нескольких наименований каждого месяца: **апрель** у хантов назывался: **«вурни тылэс», «ас нобытты тылыщ», «ун кер».**

У коренного населения год («по'н», «от») делился на периоды: у ненцев **летний и зимний**, у хантов начинался с января и делился на четыре сезона: **лето** («лун»), **осень** («сус»), **зима** («таль»), **весна** («тови»), у другой группы хантов начало года совпадает с весной. Существовали четыре времени года: **лето** (у ненцев — «та», хантов — «тунг»), **осень** (у ненцев — «нгэрё», у хантов — «суус»), **зима** (у ненцев — «сыра», хантов — «теде», «тете»). Весна у ненцев делилась на **раннюю** («юнуй») и **позднюю** («вэнуй»). У хантов **весна** («тавн») включала в себя конец марта, апрель и май. Время исчислялась 13 лунными месяцами, иногда один из весенних месяцев выпадал.

Зимний период у ненцев начинается с конца августа — начала сентября («вэба ирий»), после шел **«месяц случки оленей»** («хора»). У хантов зима начиналась с ноября месяца и заканчивалась в конце марта. Ноябрь ханты именовали **«месяцем малой темноты»** или **«месяцем больших заморозков рек»** («ас поты тылыщ»), ненцы — **«малым темным месяцем»** («нюдя пэвдей»). У хантов-оленеводов этот месяц связывался с осенней охотой («вой оныт хавытты»). Декабрь («ван хатл») — **«месяц большой темноты»** или **«месяц самых коротких дней»**. Ненцы именовали **«большой темный месяц»** («нгарка пэвдей»). Январь у ненцев и хантов называется **орлиный месяц** («лимбя ирий», «лахэт морэт»). В январе ханты оленеводы начинали пересчитывать свои стада («месяц поимки оленей» («ванхат»), «месяц пересчета оленей» («выли ерды»)). У хантов рыбаков месяц январь шел как **месяц замора воды** («пи хальты»). В этом же меся-

це у хантов начинались свадьбы. Февраль ханты называли **«месяцем удлиняющих дней»** или **«прилета орла»** («роупэн курык). Ненцы этот месяц связывают со сбрасыванием рогов у оленей — **«месяц оленьих рогов»** («нямды ирий»). В феврале начиналась охота на лося и дикого оленя.

Март у хантов назывался **«месяцем малого наста»** или **«малыми заморозками»** («ай пер тылыщ»), у ненцев он идет как **месяц тишины** («хэнё талава»). В апреле у ненцев начинался **отел важенок** («сия ниць», «ты саполана»). У хантов апрель знаменовался **прилетом вороны** («вурни тылэс»). У безоленных и малооленных хантов, которые специализируются на неводном рыболовстве, апрель назывался **«месяцем вскрытия Оби»** («ас нобытты тылыщ»). Охотники связывали апрель с **«месяцем большого наста»** («ун кер»). Май у ненцев и хантов начинался с массового отела оленей: ненцы именовали его **«ты ниць»**, ханты оленеводы называли **«месяцем рождения телят»**, рыбаки связывали его с уходом льда, охотники — прилетом гусей и уток («лонтвасы тылыщ»).

Летний период у ненцев начинался с конца июня, начало июля — **«комариного месяца»** («ненянг ирий»). У хантов-рыбаков летний период начинался с **июньским ходом рыбы** («вонэь(ущ) тылыщ»). Обдорские ханты в это время духу воды приносили в жертву оленя. Июнь у ненцев назывался **«месяцем половодья»** («нявды ирий»). Следом за комариным месяцем шел **«месяц оводов или лебедя»** («пилю ирий», «хохорэй ирий»). Июль у хантов назывался **«месяцем сорового хода рыбы»** в луговых и лесных озерах («ай лор тылыщ»). Август — **«месяц больших озер»** («уйт лор тылыщ»). В это время ставили большие запоры. Оленеводы в этот период занимались подравниванием рогов у оленей, которые к концу месяца отпускались на вольный выпас.

Широкое распространение церковного календаря у русских и коми-зырян, по мере их христианизации, не привело к окончательному вытеснению древних народных календарных знаний. Они сосуществовали, а впоследствии частично или полностью слились с официальным календарем. В результате общения с русско-зырянским населением коренные народы стали приурочивать различные события хозяйственного цикла, общественной или семейной жизни к наиболее близким по времени церковным праздникам. Ненцы отмечали начало **весенних перекочевок** («ворна яля»), время для **отела оленей** («егор яля»), **начало ледохода** («Никола яля»), **конец «вонзевого» лова** («Петров яля»). Ханты отмечали 29 июня, Петров день (гулянье утиных птенцов), особыми ритуалами. Завершение летнего периода связывалось с 20 июля (Ильин день): у хантов — **«Ильта мувен ики»**, у ненцев — **«Ильин яля»** — т.е. середина лета. В честь «Ильта мувен ики» ханты устраивали жертвоприношения. Коми-оленеводы после Ильина дня готовились к обратному кочевью. Главное событие осеннего кочевья — это массовый **забой оленей** («козем»), который происходил поздней осенью, но до замерзания рек. В Спасов день оленеводы отмечали чистку рогов оленями-самцами. 15 августа в день Успенья, **«яловые важенки чистят рога»**. У ненцев в **«Успенье яля»** начинался забой оленей на малицы. 1 сентября (Семенов день) день замерзания земли, чистки рогов телятами. **Семенов день** («Семен яля») оленеводы называли временем зова оленей. Ненцы отмечали «Сыра ер'яля» — середина зимы.

Народная метрология ненцев и хантов отличается значительной степенью развития и обладает своеобразными чертами. Счет, меры длины, емкости и объемы, как и у многих народов, имеют антропометрическое происхождение. На основе наиболее простой и древней единицы счета — пятерни — возник и развивался десятеричный счет, особенно удобный для использования в оленеводстве, а также при обозначении мер стоимости. Расстояния оленеводы измеряли кочевками, которое зависело от того, сколько оленьих упряжек прокладывали дорогу. Осенью из-за короткого дня оленеводы проходили небольшое расстояние, а весной делали длинные переходы. В зимнее время оленеводы проходили до 5-6 «попрысков», т.е. 10 верст, а летом — около 4-5

верст. Каслание в течение суток ненцы называли — **«яля хун»**, а в период зимних кочевий — **«сыра хун»**. Мерой расстояния хантов-рыбаков служило количество «песков» на реке, а зимой — количество дней или ночевок. Ханты использовали для определения точного времени описательные выражения: **«когда занимается рассвет»** («худаі— хунт охтеjа»), **«во время восхода солнца»** («паджанта хат охтеjа»), **полдень** («сенк-хат») и т.д. Котел у хантов также служил мерой времени, которое равнялось часу.

Расстояние в 7-15 км у ненцев назывался — **«нгапой нгэдалава»**, длина аркана составляла — 15-20 м («тынзя'хун ян»), а длина **«хорея»** — 3,5 м («тюр ямб»). У хантов верста соответствовала русскому расстоянию в 15-30 км, у коми-зырян — 5 верстам («ком-кёс»). Небольшие участки земли ханты измеряли шагами. С помощью железного **наконечника** («наря») оленевод устанавливал толщину и прочность льда. Б.М. Житков обратил внимание, что при определении глубины ненцы использовали **длину лезвия копья** («витни») [10]. Глубину воды ханты измеряли веслом и другими предметами.

Для небольших измерений служила рука. Размахом рук измеряли высоту: дерева, длину хорея, и т. д. Эта мера существовала наряду с аршинами и метрами, которые также соотносились с длиной руки и тела. У ненцев в качестве измерения использовался рост человека («лы' мир»). Расстояние между вытянутыми в стороны руки, называлось у ненцев — **«терва»**. У хантов расстояние между кончиками пальцев разведенных рук или от земли до кончиков пальцев поднятой руки мужчины среднего роста равнялось русской сажени («тет»). Наиболее распространенным были следующие меры: расстояние между большим и средним, большим и указательным пальцами. Расстояние между кончиками большого и указательного пальцев у хантов именовался — **«сурт»**, ширина средних размеров руки от указательного до мизинца — **«мессинг»**. Расстояние между расставленными ногами у ненцев называлось — **«лехэ»**. Этими мерами длины широко пользовались мастерицы, оленеводы в процессе изготовления нарт, шестов и т.д. Мерой объема служили также: **лодка** («нганондер»), **нарта** («хандер»), **желудок оленя** («нянко»). Объем груза нарты равнялся зимой 8-ми пудам, т.е. 128 кг, а летом — около 5 пудов. В.Н. Чернецов писал, что в размер калыма добавляли 20 оленьих желудков[11]. Вес определяли по объёму сосудов, по тяжести груза в руке.

Распространение рыночных отношений и развитие экономического обмена в Обдорском крае формировали представления об эквивалентах стоимости. На Обдорском Севере при сдаче рыбы появилась интересная мера, выработанная в результате негласного обоюдного соглашения между рыбаками и рыбопромышленниками. Эта мера стала широко применяться не только богатыми рыбопромышленниками, но и мелкими торговцами, купцами. При этом интересы коренного населения оказывались в противоречии с интересами крупных рыбопромышленников, торговцев. Это, как правило, приводило к занижению цены, т.е. труда рыбаков. Интересы коренных жителей не учитывались вообще, и носили формальный характер. В доказательство рассмотрим пример оценки, зафиксированный в историческом документе: *«Осетра от 5 четвертей и более в 1 рубль, будь он хотя 10 четвертей и более. Нельма 12 вершков — 35 коп. Муксун 9 вершков — 10 коп. Сырок без меры — 2 коп. Щука 9 вершков — 2 коп»* [12]. Истекший день, а также счет ненцы отмечали срезом на бруске сбоку до следующего дня. Обычные дни обозначались вертикальными зарубками, выходной день — знаком «Х». Счет у ненцев и хантов был семеричным. К ненецкому счету позже добавилось обозначение два по четыре — **«сиднтет»** и девять — **«хасава ю»**, т.е. ненецкий десяток.

---

[10] Житков Б.М Полуостров Ямал. С. 166.
Источники по этнографии Западной Сибири. Томск. 1987. С. 51.

[12] ГУ ГАТО г. Тобольск, ф. 152 оп. 41 д. 356 лл. 4,6.

С приходом русских появилось число 10, которое стало называться русским десятком — **«луца ю»**.

Народная медицина существует как область традиционных знаний в неразрывной взаимосвязи с национальной культурой. У каждой народности сложился свой арсенал народных способов лечения, который связан с их традициями и верой. Наблюдения за животными дали возможность использовать различные растения и минералы. Для их применения уже требовалось изучение человеческого тела, его строения, функций различных его частей. Начался поиск природных средств, вызывающих целевые изменения в организме. Наиболее богат набор лекарственных растений, применявшихся для лечения простудных, травматических, желудочно-кишечных и кожных заболеваний у русско-зырянского населения. У них встречались также средства, что у хантов и ненцев, приготовленные из дикорастущих растений; *«лечебные растения зыряне и соседние самоеды обычно рвут в Иванов день, когда земля еще свежа от утренней росы»* [13]. В традиционный набор лекарственных средств и приемов у коми-зырян входило более 140 видов растений [14]. В те времена болезни, полученные ранения и травмы воспринимались не как случайность, а как следствие вмешательства духов природы или же магического воздействия другого человека. Нарушение табу, обрядов и ритуалов считалось одной из главных причин, которые позволяли злым духам проникнуть в тело человека и вмешаться в его жизнь. Причиной болезни или безвременной смерти шаманы считали вселение злых духов (у хантов «кынь лунга», а у ненцев «хабця минрена»). Каждую болезнь, по мнению коренных народов, приносит определенный дух. Поддержку и покровительство они также искали у духов, как верхнего, так и нижнего миров. Например, ханты при серьезном заболевании бросали в речку ткань, олицетворяющую боль как преподношение духу воды. И эту боль уносило течение.

Для того, чтобы заручиться поддержкой добрых духов или изгнать злых, защитить своих соплеменников от внешнего колдовства, шаманы использовали опыт родовой магии. Функции же шамана сводились к изъятию носителя болезни, либо водворению на место похищенной души, либо к перенесению носителя болезни на предмет. В зависимости от характера заболевания и искусства шамана, процедура лечения имела различные варианты и последствия. Шаманы в своей практике широко использовали знание физиологии, строения организма человека, действие трав и снадобий из них. Для помощи больным они использовали самые различные средства. При этом одним из основных условий успешного лечения являлось воздействие на психику больного, главной целью которого было внушение, укрепление веры в выздоровление, уменьшение тревоги и страха. В основе гипнотического внушения был заложен принцип безусловного доверия шаману, лекарю и т.д. К средствам воздействия на психику относились ритуальные маски (из дерева, бересты, сукна, металла и др.), световые эффекты, ритмичные утомляющие удары в бубен, различные манипуляции, заклинания, пение, одурманивающий аромат сжигаемого багульника, папоротника, чаги и др. Все это должно было помочь отвратить от больного преднамеренные козни злых всесильных духов.

Самыми распространенными среди обдорского населения были простудные, ревматические и сердечные заболевания. Ревматизм, писал Н.А. Абрамов, *«происходит от быстрого изменения температуры, сильных морозов, а главное — от неосторожности: он бывает почти только у тех, которые занимаются «неводьбою» рыбы осенью в холодной воде»* [15]. О результатах проверки состояния здоровья населения по Обдор-

---

[13] Лехтисало Т. Мифология юрако-самоедов (ненцев) Томск, 1998. С. 98.

[14] Ильина И.В. Традиционные способы лечения у ижемских коми. //Материальная и духовная культура европейского Северо-Востока, Сыктывкар. 1987. С. 86.

[15] Абрамов Н.А. Описание Березовского края, Щадринск, 1992. С. 78.

скому краю писал А.И. Юрасов: «*Так между инородцами севера, особенно, сильно развиты ревматизм как следствие особенного образа жизни и жилищ, способов добывания средств к существованию, суровости климата и многих причин. Желудочно-кишечные страдания — как следствие бедности, дурного питания, плохого качества хлеба, сырого и мерзлого мяса; заболевания дыхательных органов, а главное повсеместное распространение глазных болезней и накожных*» [16]. Накопленный опыт применения целебных растений, минералов и различных процедур широко использовался в жизни обдорским населением. Для лечения различных заболеваний население Обдорского Севера широко использовало средства животного происхождения, а также свойства костра, водяного пара, разогретых камней, прижигания и иглоукалывания. В процессе освоения зоны тундры и адаптации к суровым условиям климата у русско-зырянского населения сложилась своеобразная традиционная медицина, которая постоянно обогащалась опытом широкого применения продуктов оленеводства, заимствованного у ненцев.

При простудных заболеваниях («хань'ларава», «хань'лара'ма», «кынмом») северяне применяли отвар листьев голубики, черники, оленьего жира, а также ягод, в качестве потогонного средства — плоды морошки, пили растопленный мозг из костей задних конечностей оленя, а также растирались распаренным мхом. **Сильный кашель** («хо'д», «кызом», хуль» — кашлять «ходорц», «ходабтась», «пызны», «хуллиты») лечили настоем багульника болотного («ярсь», «керчь»), пили чай из березовых почек, мяты («мятны турун»), кипрея («мупача»). Кашель ханты также лечили стручковым перцем с вином, коми-зыряне при продолжительном кашле,использовали в качестве смягчающего средства растопленный мозг из костей, растирали грудь распаренным мхом. При болях в груди использовали горячую золу, распаренный мох, которыми обертывали грудную клетку. Уменьшали боль приемом настоев, отваров вересковых ягод, листьев брусники. При туберкулезе рекомендовали пить рыбий, медвежий, песцовый или собачий жир, делали больному отвар из растения «вороний глаз», отвар и настои багульника («керч»).

При болях в позвоночнике больного приподнимали подмышки над землей и слегка встряхивали. Использовали растопленный костный мозг и в качестве растирания при опухолях в суставах. Для лечения болезней суставов использовали согревающие тепловые процедуры. На костре нагревали камень, затем помещали его в пустой котел, над которым располагали больную часть тела, и сверху покрывали оленьей шкурой. При ломоте в суставах, пояснице и растяжении мышц, к больным местам прикладывали **распаренный мох, ягельный компресс** («ош съод юр нитш»), а также использовали **тысячелистник** («пороз турун»), **лютик** («виж турун».

Суровые условия севера, отдаленность от населенных пунктов, требовала от человека умения в оказании помощи при травматизме не только себе, но и другим, так как можно было рассчитывать только на свои силы. С веками опыт, накопленный предками, который передавался от поколения к поколению, способствовал совершенствованию приемов и методов лечения. При **вывихе** («сыхыбтась», «ворзьом») старались поставить сместившуюся суставную поверхность на место. На место перелома накладывали шину из коры дерева или бересты, которую скрепляли веревками. Если перелом был открытый, то осколки костей удалялись, рана обрабатывалась водкой, отваром тысячелистника и присыпалась порошком, соскобленный из ракушек («белемнитов»). Ненцы излечивали **переломы** («малир», «чегом») опилками красной меди («нярава»), которую давали больному в виде порошка. При переломах ханты

[16] Юрасов А.И. Картограмма количества больных по общим инфекционным заболеваниям по Тобольской губернии за время с 1885 по 1894 гг. //Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1895. Вып. VI. С. 2.

пили молоко, сваренное с порошком меди и т.д. Коми-зыряне травматологическую помощь оказывали в натопленной бане. Распарив больного и растерев его жиром, костоправы вправляли вывихи. При опущении органов брюшной полости, разогретую область живота массировали способом глубокой пальпации от нижних отделов брюшной полости к предреберью.

Ненцы лечили обморожения компрессами из отвара шишек рогоза болотного, смазывая больное место медвежьей желчью или жиром, посыпали пеплом сожженной собачьей шерсти или прожаренной мукой. При ожогах и ранах ханты применяли желчь, собачий жир. При порезах ненцы употребляли порошок, соскобленный с ракушки («белемниты»), его засыпали в ранку. На рану накладывали трут для остановки кровотечения. Стружки медвежьего зуба и топленое медвежье сала хантами применялись при резаных ранах. Коми-зыряне на свежую рану, а также для вытяжки гноя накладывали **подорожник** («лап кор»). Как кровоостанавливающее средство и для быстрого заживления раны использовали тысячелистник. При кровотечениях пили рыбий клей, сваренный из осетрового пузыря. Если у женщины в утробе был мертвый плод, его старались изгнать с помощью водки.

При возможных нарывах, вытяжки гноя при мастите, фурункулезе, золотухе ненцы и коми-зыряне прикладывали компрессы из распаренных шкурок. Использовалась тоненькая пленка с мездры шкуры жирного оленя. **Нарывы** («паена», «паер'») обдорские оленеводы вскрывали ножом, который использовался для кастрации оленей, после этого накладывали мох, стружку, посыпали пеплом от чаги. Фурункулы лечили таким образом: заячью шкуру, намазанную собачьим калом, прикладывали к больному месту на ночь, а когда это все высыхало и начинало стягивать кожу, убирали. Из рыбьей чешуи ханты готовили клей, обладающий, в том числе, ранозаживляющими свойствами.

Широко на Обдорском Севере использовалось прижигание и иглоукалывание. Наибольшей популярностью пользовалось прямое прижигание кожи. Принцип этой процедуры заключался в раздражение определенных точек на коже тлеющим комочком чаги, с последующим ожогом и образованием пузыря, что оказывало лечебное действие при различных заболеваниях. Тлеющий уголек перекладывали с места на место на теле больного, пока не находили нужную точку (там больным не ощущался ожог. Это являлось признаком болезни). Тогда тлеющий уголек оставляли на найденной точку до тех пор, пока он не отскакивал сам по себе, успев, однако, прожечь на этом месте изрядную ранку. Прижигали глубиной на две-три линии.

В.Ф. Зуев, посетивший в 1771 г. Обдорский Север, писал о способе лечения прижиганием у ненцев: «*Одно есть у них мучительное лекарство, прижигать болящее место чагой или березовой накипью. Поелику, начало или корень, как сказать, той болезни горящей чагою не скоро найти можно, то оное изыскивают таким образом: кладут оный уголь на больное место, и если не жжет, то на том месте и есть начало, от которого болезнь происходит. Таким образом, перекладывают уголь с места на место до тех пор, покудова найдут, где телу жару сильного не будет слышно, тут оставляют уголь на теле долгое время и, хотя ему чувствительно, однако, терпит, а чага горит на том месте до тех пор, покудова прожжет кожу и, догорев до здорового мяса, отпрыгнет, тогда больной получает здоровье*»[17].

Изучавший жизнь и быт ненцев Нижнего Приобья исследователь А. Шренк также отмечал у них это наиболее часто использующееся средство лечения больных: «*Единственный способ лечения, употребляемый ими в различных болезнях, состоит в том, что они сжигают на теле больного, так называемую «ядну», т.е. род нароста на стволе бе-*

[17] Зуев В.Ф. Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедцов, //Материалы по этнографии Сибири XVIII в. (1771-1772. М., 1947. Т. V. С. 20.

резы, от чего образуется нелегко заживающая рана, которая, отвлекая дурные соки с больной части тела, доставляет пациенту облегчение. Это средство они употребляли преимущественно при ревматизме, который у них известен под именем «боли в костях», а также при воспалении век» [18]. При болезнях суставов, гематомах, ушибах точка прижигания соответствовала месту наибольшей болезненности. Кроме того, прижигание использовалось при радикулите, болезни печени и желудке. При заболеваниях внутренних органов, биоактивная точка не всегда соответствовала своей проекции на поверхности тела.

Иглоукалывание применялось при оживлении ребенка, родившегося при асфиксии. Инструментом обычно служила швейная иголка, которой производили быстрые поверхностные уколы в кончики пальцев. При отсутствии эффекта, уколы делали в кончики пальцев ног, затем в центр подошвенной поверхности стопы. При необходимости использовались точки, расположенные на лице: кончик носа, под кончиком носа на верхней губе, под нижней губой и на кончике языка. Наряду с прижиганием и иглоукалыванием в народной медицине применялось пальцевое прижатие. Его применение было ограничено оказанием экстренной помощи при обмороках, удушье, потере сознания и в других случаях. При этом производили сдавливание кончиков пальцев пострадавшего.

Бичом коренного населения Обского Севера были инфекционные заболевания: дизентерия, описторхоз и другие глистные болезни: *«Глисты бывают, между прочим, от многого употребления сырой живой рыбы, особенно язей глистоватых»* [19]. Для избавления от глистов использовали белый гриб с лиственницы, который растирали и добавляли его в чай, от чего он приобретал горький привкус, а также пили отвар из корневищ чемерицы («латобцо»). Диарею лечили приемом внутрь сушеной смородины, черемухи, кедровых орехов с размолотой шелухой, применяли также кору ольхи («пае»), поджаренную муку, черный порох, от запоров пили рыбий жир. Жидкий стул («палка и'») у детей лечили бобровой струей. Медвежью желчь применяли при коликах. При болях в желудке («маторава», «мыт») пили **отвар березового гриба** («тюнчь», «тюнац», «кыдз пу»), **оленью** и **медвежью желчь**. В качестве рвотного средства использовали корень чилибухи. При язве желудка ханты глотали целиком желчь щуки. Из медикаментов ханты пользовались йодом, ненцы при болях в желудке употребляли нашатырь.

При заболеваниях глаз, которые занимали ведущее место среди заболеваний других органов чувств, применяли повязки из темной ткани. **Болезнь глаз** («сэв'едя») у обдорских оленеводов наступала в основном весной: *«в каждом чуме встречалось по несколько больных весенним коньюнктивитом глаз, не выносящих блеска снега». Причиной заболевания глаз были дым костра, раздражающий слизистую оболочку глаз, полумрак в чуме и т.д. В качестве лекарства от глазного заболевания использовали «порошок, соскобленный с зуба белого медведя. Если больной начинает видеть, то процедуру повторяют трижды. В качестве лекарства против глазных болезней остяки и самоеды применяют осетровую желчь»* [20]. Ханты использовали при лечении глаз женское парное молоко, смешанное с черемуховой серой, вороновой желчью и порошком серебра, употребляли также окуневый жир. Самым радикальным действенным средством лечения глаз ненцы и коми-зыряне считали кровопускание. Они обычно надрезали верхние веки острым ножом. Затем к надрезам прикладывали комочки снега. Если в стойбище приезжал врач, то обращались за помощью к нему: *«самоеды передавали из чума в чум, что у меня есть лекарство для*

[18] Шренк А. Путешествие к северо-востоку Европейской России. СПб., 1855. С. 53.
[19] Абрамов Н.А. Описание Березовского края С. 78.
[20] Лехтисало Т. Мифология юрако-самоедов ... С. 97.

глаз, и больные меня осаждали. Все мои убеждения, что от одного раза лучшего ничего не будет, не приводили ни к чему, и я должен был удовлетворять их желание до тех пор, пока не израсходовал все капли» [21].

Зубную боль («тибя едя», «пинь висьом») ханты и ненцы лечили прижиганием кожи на щеке, жевали ягель («еджыд нитш»). Для предупреждения кариеса использовали **смолу лиственницы** («харвхаде»), которая не только укрепляла зубы, но и очищала полость рта от остатков пищи. Мужчины и женщины для профилактики кариеса закладывали за губу специально приготовленную смесь («чакэм», «сяр»), в основу которой входила зола березового трутовика. Если зуб заболевал безнадежно, то его удаляли. Этим занимался у ненцев специальный человек («тив савомдамбада»).

Цинга встречалась в основном среди русского населения, особенно среди путешественников: *«Климат имеет влияние на здоровье человека. Цинга — от недостатка раздражения сил душевных и телесных, от болотистых мест, окружающих город, и малого потребления растительной и свежей пищи. Эта болезнь бывает весной и осенью. Но должно сказать, что в прежние времена, она действовала сильнее; ныне с умягчением здешнего климата и осушкою болот около города, очень редкие из жителей подвергаются этой болезни»* [22]. Коренные народы Обдорского Севера редко подвергались этой болезни. В ненецком фольклоре **цинга** («синнга») представлялась *«мужчинам — в виде женщины, а женщинам — в виде мужчины. При этом цинга принимает образ любимого человека, так что увидевший ее ошибается, и не узнает в ней болезни»* [23]. Т. Лехтисало привел образ цинги в виде длинной, худой и страшной старухи, которая ест остатки пищи людей. Цингу изгоняли *«давая больному выпить кровь оленя и — что, по крайней мере, важно в такой же степени — намазывают полозья нарт больного кровью собаки»* [24]. Коренное население, рассказывая о цинге, говорило иносказательно и объясняло, что когда человек болен, то она является ему в виде старухи ужасного и безобразного вида. Старуха эта трехпалая, с не закрывающимся ртом. Когда человек видит ее образ, то он уже обречен, и ему больше не поправиться. В чум она приходила лишь ночью. Излечить ее можно только кровью, так как она ее ужасно боится. Цинга также боится шамана, так как не терпит бубна и песни.

При **головной боли** («нгэвами е») ненцы туго перетягивали голову пояском. Коми-зыряне старались снять головную боль с помощью массажа. От головокружения употребляли мозг оленя. В уходе за детьми до года коренные народы применяли сухой мох, обладающий не только гигроскопичностью, но и антисептическими свойствами. Вместо ваты использовали прогретые мешочки с опилками или измельченным торфом. Порошок из протертой гнилой коры деревьев служил вместо детской присыпки. При том у детей совершенно отсутствовали опрелости и гнойничковые заболевания. Русско-зырянское население, адаптируясь к местным условиям, усвоило не только эмпирические знания коренных народов, но и внесло в него много своего.

Знание природы и бережное к ней отношение расценивалось как одна из главных положительных черт характера человека. Испокон веков здесь было заведено так, что человек брал от природы только то, что природа сама позволяла ему брать по необходимости. Поэтому гармония царила во всем: в семье между родными, родителями и детьми, между соседями. Обычаи предписывали бережное отношение к промысловым угодьям не только своего рода, но и соседским.

---

[21] Тарасов В. Сообщение о поездке на полуостров Ямал с ветеринарной экспедицией С.И. Драчинского в 1913 году. //ЕГТМ. 1916. С. 12

[22] Абрамов Н.А. Описание Березовского края С. 78.

[23] Источники по этнографии Западной Сибири. Томск. 1987. С. 127.

[24] Лехтисало Т. Мифология юрако-самоедов ... С. 98.

Е. В. Вершинин

БЕГСТВО К СВОБОДЕ: РУССКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ И СИБИРСКИЕ САМОЕДЫ В XVI–XVII ВЕКЕ

В свое время выдающийся отечественный этнограф С. А. Токарев отмечал: «Огромная ценность русских документов XVII в. как источника для изучения истории народов Сибири давно известна специалистам. Для подавляющего большинства сибирских народов лишь с приходом русских — XVI – XVII вв. — начался период письменной истории: жизнь их в предыдущие века доступна нашему изучению преимущественно лишь на основании отрывочных преданий и археологических памятников»[1] Сказанное в полной мере справедливо и в отношении этнической истории предков нынешних ненцев и энцев. С началом русской колонизации Западной Сибири история северных самодийцев перешла из туманной области фольклорных преданий и археологических интерпретаций в область письменной истории, утратив, правда, при этом значительную долю самостоятельности и романтической таинственности.

Целью настоящей статьи является изложение (в хронологической последовательности) истории взаимоотношений Русского государства и сибирских самоедов в XVII в.[2] Приоритет обращения к этой теме принадлежит выдающемуся сибиреведу С. В. Бахрушину. Помимо специальной статьи о самоедах, в других его работах рассыпаны яркие фрагменты о принципах ясачного обложения предков ненцев и энцев, о русско-самодийских конфликтах и столкновениях[3]. Документы ясачного учета, позволяющие судить о родовом составе и численности самоедов в XVII в., детально проанализированы в трудах Б. О. Долгих и В. И. Васильева[4]. Некоторые данные о русско-самодийских конфликтах на территории Мангазейского уезда приведены в монографии В. А. Александрова[5] Однако приходится констатировать, что связное и последовательное изложение русско-самодийских отношений в трудах названных исследователей отсутствует. Между тем систематизация опубликованных и архивных источников позволяет, при всех существующих в них лакунах, сделать такую попытку. Она полезна в нескольких аспектах: для уяснения нивелирующих и специфичных черт политики Московского государства по отношению к разным народам Сибири, для воссоздания событийной датированной истории кочевников Севера и, наконец, — для оценки эффекта и последствий столкновения эгалитарного общества с обществом государственного порядка. Стремление автора к предельной конкретизации событий совпадает, как кажется, с общей тенденцией, присущей современным сибиреведам при исследовании аналогичных сюжетов[6]

---

[1] Материалы по истории Якутии XVII века. М., 1970. С. 1.

[2] Поскольку для XVII в. порой трудно провести разграничение между родами тундровых ненцев, лесных ненцев и энцев, то я считаю корректным использовать обобщающий термин русских источников того времени — самоеды.

[3] См. статьи «Самоеды в XVII в.», «Ясак в Сибири в XVII в.», «Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв.» в кн.: Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. III. Ч. 2.

[4] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960; Он же. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970; Общественный строй у народов Северной Сибири. М., 1970. С. 174–190; Этническая история народов Севера. М., 1982. С. 48–63.

[5] Александров В.А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. М., 1964.

[6] Павлинская Л.Р. Коренные народы Байкальского региона и русские. Начало этнокультурного взаимодействия // Народы Сибири в составе Государства Российского. СПб., 1999. С. 181; Зуев А.С. Рус-

Считается, что приведение родов обдорских самоедов в российское подданство началось с конца XVI в., когда, вслед за походом Ермака, московское правительство взяло дело колонизации Сибири под свой контроль. Это не совсем верно. Первое известие о «взятии под свою руку» московским государем нескольких самоедских родов относится к 1525 г. Соответствующая жалованная грамота является большой редкостью и сохранилась среди архивной документации благодаря следующей истории. 22 марта 1682 г. в Москве, в Посольском приказе, объявился «печерской и югорской самояди князец Хилта Балахонов». Князец прибыл в столицу как представитель пустозерских самоедов (т.е. европейских ненцев) бить челом об их общих «нужах». Самоеды жаловались на притеснения со стороны воевод и русских людей Мезенского, Пустозерского и Березовского уездов, от которых «чинятся им помешки» в промыслах, а в ложных судебных исках «великая продажа и убытки». Явно приукрашая прошлое, Балахонов заявил, что прежде воеводы трех названных уездов самоедов «посадцким и всяких чинов людем в обиду не давали». По той причине, что еще «прадеды» их при великом князе Василии Ивановиче «приняты в подданство и с того времяни и по се время они дань дают, и великие государи их от всяких людей оберегали и воевати их и налог чинить не велели». В доказательство своих слов Хилта Балахонов предъявил жалованную грамоту, датированную 1525 г. Таким образом, 157 лет хранилась эта грамота в самоедских чумах! Поскольку в московских архивах подобного документа не оказалось, то с грамоты сделали копию, подлинник же вернули Балахонову.

Титулатура Василия III и языковые особенности грамоты не оставляют сомнений в том, что она действительно относится ко времени правления этого государя. Грамота была выдана по просьбе некоего Нюдоры, приехавшего в Москву от имени пяти самоедских князцов. Адресат грамоты, составленный явно со слов Нюдоры, гласил: «В самоедь югорскую, что живут по реке по Оби князю Карачею Седу да князю Лехею да князю Томылу да князю Белоголову да князю Яркоме и всем земским людем самояди югорской, которые живут по Оби реке». В данном перечне присутствуют как имена личные (Сед, Томыл, Белоголов, Яркома), так и названия известных ненецких родов (Карачеи, Лохей). Историко-этнографические исследования показывают, что в XVII в. род Карачеи (Харючи) относился к сибирским самоедам, а род Лохей кочевал исключительно к западу от Урала[7] Можно предположить, что в начале XVI в. процесс передвижения самоедов на запад, в тундры европейского Севера, был далеко не завершен, а род Лохей обитал еще в основном в низовьях Оби. Вероятно, грамота оказалась у князца этого рода, чьи представители в XVII в. уже прочно числились среди пустозерских самоедов.

Самоедские князцы изъявили готовность «служити и дань давати», а Василий III обещал за них «стояти и от сторон беречи». Одну из враждебных самоедам «сторон» Нюдора назвал тут же – югорского князя Кутыгея, воевавшего с ненцами. Московский князь, выполняя роль сюзерена, послал Кутыгею грамоту, в которой «впредь брани и лиха никоторого чинить не велел». Новым подданным было указано с данью и поминками приходить «в Печеру» (Пустозерск), где сидели княжеские даньщики[8]

Немногие сохранившиеся документы XVI в. позволяют утверждать, что после 1525 г. дань в Пустозерск самоеды (по крайне мере, европейские) сдавали более или менее регулярно. Насчет самоедских родов, кочевавших за Уралом, сказать то же самое с полной уверенностью нельзя. Заметим только, что в Пустозерской писцовой книге 1574 г. собственно «самоядь пустозерская» в количество 49 луков учтена отдельно от «югорской самоеди», с которой собиралась дань в 240 соболей (по соболю с че-

---

ские и аборигены на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. Новосибирск, 2002.

[7] Хомич Л. В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976. С. 96–97.

[8] Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА), ф. 159, оп. 2. Д. 2338, л. 2–8.

ловека)[3] Возможно, что под последней и скрываются обские самоеды, вроде бы уже принявшие русское подданство в 1525 г. Однако, если даже дело и обстояло таким образом, то ни о какой регулярной и тем более точно фиксированной дани речи быть не могло. Опричник Ивана Грозного Генрих Штаден, бывший в России в 1564–1576 гг., в своих записках отметил: «Имя теперешнего сборщика дани с самоедской земли Петр Вислоухий. Он не может требовать с этих народов ничего сверх того, что они дадут ему [сами] по доброй воле». Можно предположить, что сибирские самоеды славали дань в Пустозерске не только в силу верноподданнических чувств. Вероятно, их привлекали русские товары. Тот же Штаден сообщает, что в Пустозерске бывает торговый «съезд», где самоеды на меха выменивают сукно, котлы, сало, масло, панцири и толокно[4]

К середине XVI в. русские поморы и коми-зыряне из вычегодских земель прочно освоили пути в низовья Оби и далее — на Пур и Таз. В своих торговых и промысловых экспедициях им приходилось устанавливать дружелюбные контакты с местным самодийским населением, без которых эти походы не имели бы успеха. В исторической литературе часто утверждается, что до начала XVII в. в Русском государстве бытовали полуфантастические представления о таинственной самояди. Это тоже не совсем верно. Поморы, ходившие через Северный Урал на Обь и дальше, могли бы дать немало реальных сведений об обитателях чумов. Другое дело, что отважные мореплаватели и суровые промысловики не испытывали никакой тяги к перу. Русские же эрудированные книжники, воспитанные в традициях церковной образованности, и в XVII столетии мало что могли сказать о жителях северных тундр.

У русских промышленных людей за Уралом отношения лучше складывались с родами лесных самоедов, чем тундровых. Ричард Джонсон, один из первых англичан, появившихся в России в 1550-х годах, оставил нам интересное известие, которое до сих пор неверно комментировалось. Любознательный англичанин со слов поморов записал, что за рекой Обью «в трех днях пути по правую руку находится местность, называемая Chorno-lese... неподалеку отсюда живет народ, называемый пеший-конный (Pechey-kony)»[11] Речь здесь идет не о каком-то странном «пешем-конном» народе, а о пяках — кунной самояди, которые вошли в состав позднейших лесных ненцев. Еще большую известность в русских источниках XVI в. получили тазовские «Молгомзеи», тоже род лесных самоедов. Очевидно, что самоедские роды пяков и монгканси были лучше знакомы частным промышленникам, на свой страх и риск проникавшим в Северо-Западную Сибирь. Общение же с тундровыми самоедами было далеко не безопасным. Возможно, именно об них говорил русский кормщик Лошак англичанину Стифену Бэрроу в 1555 г.: «А если он не доедет до Оби, то он поедет к реке Нарамзе, где народ не столь дик, как обские самоеды; о последних он сказал, что они всячески стараются застрелить всех людей, не говорящих на их языке»[12]

После возникновения в конце XVI в. Березова и Обдорского острожка, пытавшихся «переключить» сибирских самоедов на себя, связи последних с Пустозерском далеко не прервались. Пинежанин Левка Шубин, в 1602 г. ходивший из Поморья в Сибирь волоковым путем через Ямал, сообщил, что «по обе стороны Мутные реки временем кочует самоедь Карачея и иные роды, а дают та самоядь ясак в Пустоозеро»[13] Царская

---

[9] Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 479–480.

[10] Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Л., 1925. С. 117–118.

[11] Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск, 1932. Т. 1. С. 125. На русской карте XVII в. «Море Мангазейско с урочищи», где изображено южное побережье Обской губы, действительно есть топоним «Чернолесье» (См.: The Atlas of Siberia by Semyon U. Remezov. Gravenhage, 1958. P. 115).

[12] Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1937. С. 109.

[13] Русская историческая библиотека. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 1089.

грамота 1607 г. нарисовала печальную для государевой казны картину широкой торговли пустозерцев с «ясашной кунной самоядью, которая приходит с нашим ясаком на Обдор и в Казым». В «кунной самояди» (как считается, они платили ясак в основном белками)[14] можно видеть предков казымских лесных ненцев. Посредниками в этой торговле, центром которой являлся Роговой городок (Сускар) на притоке Печоры р. Усе, выступали более подвергшиеся русскому влиянию пустозерские самоеды, чьи олени развозили товары по сибирской тундре. Многие из кунных самоедов являлись должниками пустозерцев и, «исторговався» с последними, уже ничего не могли принести в качестве государева ясака. Московское правительство несколько наивно вопрошало березовского воеводу: «И для чего без нашего ведома пустозерцы мужики воровством городок поставили и с самоедью торгуют и нашу десятую пошлину крадут, а в Носовом городке (Обдорске — *Е.В.*) заставу объезжают?»[15]

Обдорские остяки и самоеды были крайне недовольны возникновением Березова с русским гарнизоном и в 1595 г. попытались его уничтожить. В ходе разгрома этого восстания в 1596 г. был основан Обдорский острог[16]. Лесные ненцы вошли в состав ясачной Казымской волости, а тундровые самоеды стали формально принадлежать Обдорской волости. Не смирившись, северные кочевники сделали попытку помешать основанию государева города Мангазеи. Зимой 1600/601 г. недалеко от Пура самоеды частично «погромили» продвигавшийся к Тазу отряд казаков во главе с кн. М. М. Шаховским. К сожалению, вследствие утраты части документа, нам неизвестен родовой состав самоедов, вступивших в настоящую битву с русским отрядом, в результате которой погибло около 30 казаков[17]. Но можно высказать некоторые догадки, которые опять-таки указывают на разное отношение к русской власти тундровых и кунных (лесных) самоедов. В дошедшей до нас части документа в не очень понятном контексте упоминаются «олени Нилины». Хорошо известно, что, потерпев летом 1600 г. неудачу с выходом в Обскую губу на судах, Шаховской через обдорских остяков нанял самоедов с оленями для дальнейшего сухопутного похода[18]. Между тем, в 1607 г. мы встречаемся с князцом кунных самоедов Нилей, который подобрал в тундре двух березовских казаков, избитых пустозерскими торговцами, и спас их от верной смерти, доставив «только еле живых» в Обдорск[19]. Можно предположить, что отряд Шаховского сопровождали лесные самоеды князца Нили, а в нападении на него участвовали роды тундровых ненцев. В «изменной думе» с последними находился и князец обдорских остяков Василий, которому, правда, приходилось скрывать свои действия от собственного сына Мамрука, «прямившего» русской администрации.

Приходится признать, что нам мало что известно о взаимоотношениях русских властей и обдорских самоедов в первой трети XVII в. В березовской ясачной книге за 1628/29 г. отмечено, что «платят государев ясак казымская и обдорская самоядь не по окладу, хто что ясаку и какою[20]. Воинственность северных кочевников, казалось, по-

---

[14] Е. В. Перевалова предлагает иную этимологию слова «кунная», связывая его с рядом ненецких слов со значением «беглец», «беглый». См.: Перевалова Е. В. Беглецы: к истории родов лесных ненцев // Самодийцы. Мат-лы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» Тобольск – Омск, 2001. С. 143.

[15] Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2000. Т. II. С. 235.

[16] Шашков А. Т. К истории основания Обдорского острога // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI — начала XX веков. Материалы третьей региональной научной конференции. Новосибирск, 1998. С. 10–16; Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Участие служилых остяков Колского княжества в военных походах конца XVI — первой трети XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут, 2004. С. 16.

[17] Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 1999. Т. I. С. 387–396.

[18] Вершинин Е. В. Златокипящая Мангазея // Родина. 2001. № 8. С. 45–46.

[19] Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. II. С. 234–235.

[20] Бахрушин С. В. Научные труды. Т. III. Ч. 2. С. 59.

утихла, хотя и о реальном контроле за ними со стороны березовской администрации говорить тоже не приходилось. Но спокойствие тундры оказалось обманчивым.

С 1630-х годов в истории обдорских самоедов началась «героическая эпоха», пик которой приходится на XVII век. Стремительные набеги самоедов веером простирались во всех доступных направлениях — западном, южном, восточном, а эпицентром, консолидировавшим самодийских воинов для походов, являлись надымско-тазовские районы, прилегавшие к Обской губе. Жертвами тундровых самоедов стали и русские, и остяки, и самодийцы лесных родов. Первый известный нам масштабный набег обдорских ненцев, состоявшийся в 1633 г., был направлен против казымских самоедов. «Лучшие люди» казымских самоедов Карымко Вонин и Ерма Пурасидин 5 июля 1633 г. извещали березовского воеводу о том, что набег возглавляли братья из рода Карачеи Пидириска (возможно, от ненецкого *пэдэра* — лесной) и Трясоголов, которые привели 300 воинов (заметим, что из других источников известно о существование у Пидириски брата с именем Хулейко; возможно, он в данном случае и выступает под именем Трясоголова). Обдорские самоеды учинили в казымских землях настоящий погром: «убили де они твоих государевых ясачных людей... казымской самояди 20 человек да 10 человек подростков... и жен де их и детей в полон взяли 50 человек и животы их пограбили». Челобитчики просили березовского воеводу Мешкова-Плещеева воздействовать на карачейских самоедов, дабы они возвратили им захваченных пленных и имущество, «а в убитых головах свой государев указ учинить». Доложив о случившемся в Москву, воевода получил из столицы трудно выполнимый указ: призвать карачейских самоедов в Березов для следствия и учинить им наказанье. В соответствие с уже сложившейся практикой в роли посредника между Березовым и тундровыми ненцами выступил обдорский остяцкий князец Мамрук. Воевода князцу Мамруку «приказывал накрепко», чтобы он уговорил карачейских вождей возвратить полон и «животы». По словам Мамрука, он выполнил это поручение; самоеды согласились вернуть пленных, но до июня 1634 г. обещания еще не выполнили.

Мешкову-Плещееву в своей отписке в Москву пришлось объяснять некоторую странность положения северных «подданных» российского государя: «А призвати, государь, карачейские самояди добровольно на Березов не уметь и сыскивати их березовским служилым людем по тундрам не мошно, самоядь люди кочевные, живут от Березовского уезду далече, по тундрам и у моря». Далее воевода рассуждал о том, что захват аманатов у карачейских самоедов чреват серьезными последствиями, так как они «обдорским остяком учнут чинити обиды и грабеж, потому что самоядь приезжают на Обдор родами своими вся вместе многие люди, а обдорские остяки живут не вместе, по юртом порознь, всего человеков по 20 и меньше»[21] Очевидно, что рекомендации Москвы березовскому воеводе выполнить так и не удалось.

В конце 1635 г. у Надымской губы случилась трагическая история с двумя казаками, схавшими с мангазейскими отписками. В этом году очередной мангазейский воевода Б. И. Пушкин решился на некоторое новшество. Осмотревшись в заполярной Мангазее, он обнаружил, что гонцы из этого города ездят в Тобольск и Москву весьма длинным и кружным путем. Дорога шла сначала на восток, в Енисейск, куда отправлялись «зимним путем на нарте» (через Туруханск и цепочку зимовий на Енисее), а уж затем через Маковский волок «весною до Тобольска водяным путем» (т.е. по Оби и Иртышу). Что и говорить, путь был «дальний и нужный». Воевода обратился за справкой к местным жителям и промышленникам и выяснил, что «есть из Мангазеи дорога в Русь недалека и пряма на Обдорь и на Пустоозеро». Знатоком этого пути оказался стрелец Ледешка Кирилов, который и вызвался ехать к Москве гонцом, «потому что он самоядскому и зырянскому языку умеет, и самоядь ему многая знакома, и та ему дорога заобычай». До

[21] РГАДА, ф. 214, стб. 656, л. 398–402

Обдорска можно было добраться только на оленьих упряжках самоедов; до Пустозерска и Тобольска гонцов должны были отвезти обдорские остяки, тоже на оленях или собаках. Леденка уверял, что будет он в Москве через 12–13 недель, а о Тобольске и говорить нечего — «тою ж дорогою гонял в гонцех в Тоболеск из Мангазеи от Григория Кокорева, а поспел в 7 недель». Стрелец убедил воеводу Пушкина отправить его в Москву; с ним поехал и тобольский казак Васька Колмогор — с отписками в столицу Сибири. До Обдорска гонцов повез «мангазейской тундряной самоядин Леденкина шару Итилидка Тынгин, лутчей человек». Небольшая экспедиция вышла в путь 31 октября 1635 г., имея письмо к обдорскому князцу Молику Мамрукову. Итилидка вернулся 19 декабря и рассказал, что доставил гонцов до Надымской губы, где их «принял» князец кунной ясачной самояди Сатарко, «в своем роду человек чесной, доброй, воровства за ним никакого нет». Сатарко запрягал оленей для поездки в Обдорск, когда Итилидка повернул обратно. Однако в феврале 1636 г. в Мангазею из тундры пришли плохие вести. Принесли их родственники того же Итилидки Тынгина: на дороге в Надымской губе гонцов убила «неясачная самоядь Тыютова роду Юхи». Интересно, что Тынгины услышали об этом на Нижнем Енисее, причем из разговоров детей самоедского шамана[22].

Эта история имела продолжение. В январе 1641 г. торговый человек из Устюга Михаил Кондаков подал в Москве челобитную: «Жалоба, государь, мне на Карачею и Закаменную самоедь: Большие Карачеи на Немчина да на Хияна да на Малово да на Хозку да на Трясоголова да на Урея; да роду Пурыега на Сергу да на Кривово да на Кирпета да на Хромово с товарыщи их; Ванютина роду на Яру с товарыщи; да на Сабеин род, да на Гигиных род, да на Адеры род, да Ану-Карачеин род, на Ялты род, на Адоры род и на все их роды карачейские и закаменные самоеди». Оказалось, что убитый Леденка (Венедикт) Кирилов был родным дядей Кондакова. Последний сообщил, что его дед, отец и дяди «изстари... жильцы бывали Пустозерского городка» и вели торговлю «с тою карачейскою и закаменною самоядью». Более того, многие самоеды названных родов являлись должниками Кондаковых, которые ссужали им товары и вносили за них ясак в Пустозерске и Обдорске. По словам челобитчика, Кирилова убили карачейские самоеды, узнав, что он везет с собой 300 рублей и «не хотя платить ему долгу». Далее Кондаков от частного случая перешел к обобщению разбойных дел самоедов. Он указал на два источника относительно легкой поживы, который стали практиковать самоеды, — нападения на служилых людей, доставлявших ясачную соболиную казну в Москву через старинный путь на Северном Урале, и грабеж торговых людей, чьи кочи потерпели крушения у южного берега Обской губы. Весьма интересно заявление Кондакова, что остяцкий князец Обдорской волости Молик «все воровство и убойство ведает» и более того — покупает у самоедов добытую разбоем «всякую рухлядь». Просьба Кондакова о сыске и наказании убийц его дяди была понятна, но вряд ли выполнима[23].

Указанные Кондаковым места и маршруты нападений самоедов на русских людей полностью подтверждаются другими документами. В 1637 г. тобольские власти направили в Обдорск сына боярского Обольянинова и подьячего Зарницына, которые должны были «сыскивать погромную мяхкую рухлядь», взятую березовскими самоедами в 1634 г. «на Камени под Осиновым порогом на стану» у кетских казаков. Расспрос обдорского князя Молика Мамрукова и его зятя Корзепова показал, что этот подвиг совершила «невоядцкая самоядь Козуня Люмов с товарыщи», принадлежавшая, видимо, к ненцам Каменной стороны. Козуня Люмов на расстоянии перед сыщиками «винился», прислал к ним в Сынский городок с местными остяками возмещение за «громленую рухлядь» (58 оленей) и обещал, что остальное они еще выплатят. Русской власти живые олени вместо шкурок бобров были не нужны. Из Москвы пришло распоряжение: оле-

[22] РГАДА, ф. 214, стб. 656, л. 135–145.

[23] Там же, стб. 88, л. 369–370.

ней продавать и менять на меха остякам, а невоядских самоедов продолжать сыскивать дальше[24]

В августе и сентябре 1641 г. самоеды пустозерских родов совершили два нападения на служилых людей разных сибирских городов, шедших «чрезкаменным путем» с соболиной казной. В последнем случае, правда, нападавшим не очень повезло. Им удалось «отгромить» вьюк с бобрами и 2 сумы, как считали самоеды, с соболями. Разрезав сумы, грабители обнаружили в них беличьи шкурки, которые были ими брошены при поспешном отступлении. Через год, войдя во вкус, самоеды пытались в тех же местах поживиться томской, кетской и березовской соболиной казной. Факты эти неоднократно излагались в литературе[25] Но вот что интересно. В 1652 г. лучший князец «Большие Карачейские земли»» Поско Хулеев утверждал: «И в прошлых же, государь, во 149-м и во 150-м годех заворовала пустозерская самоядь на Камени, твою государеву ясачную казну погромила и розвезла по себе, а мы, сироты твои, Карачейская самоядь, в том воровстве на Камени с ними, пустозерскою самоядью, не были и твоей государевой казны не громили. И по твоему государеву указу, как велено та твоя государева ясачная казна сыскивать, и мы... служа тебе, великому государю... тое пустозерскую самоядь окупали и за твою государеву погромную казну на Облори березовским ясачным сборщиком платили соболми и бобрами и оленями»[26] Таким образом, вожди рода Большие Карачеи приняли на себя ответственность за действия приуральских ненцев, хотя в общем-то могли этого и не делать. В этом можно увидеть претензию на главенство указанного рода не только среди сибирских ненцев, но и шире — среди тундрового самодийского мира в целом. Об этом же свидетельствует военная активность карачейских самоедов, простиравшаяся от Мангазейского до Пустозерского уездов.

В 1641 г. оказавшиеся в Тобольске мангазейские стрельцы сообщали местным властям: «С прошлого де со 147-го году (с 1638/39 — *Е.В.*) по Тазу вверх и вниз и около Мангазейского города приезжает воровская самоядь юраки и русских служилых и торговых и промышленных людей и Мангазейского уезду ясачную самоядь побивают и грабят и жен и дети их в полон емлют, и соболи у них лутчие на промыслех отнимают». Для тобольских воевод это оказалось полной новостью, о чем они сердито известили воеводу Мангазеи [27]

Осенью же 1641 г. в Обской губе с казенным кочем, который шел из Тобольска в Мангазею, произошла неприятная история. Коч во главе с пятидесятником Ларионом Семеновым перевозил около 26 т хлеба и 140 пудов соли. Кроме того, на коче были и торговые люди со своими товарами. Спустя 2 недели после выхода из Обдорска, «как де они будут в голомени против сопок, и в том де месте учал им быть противной ветр, и стояли на том месте 2 дни. И у коча де их шейма и якорь переломились и коч бросило на кошку и заморозило». Как по волшебству, возле места крушения оказалась «многая самоядь на оленях», около 200 человек. Торговые люди, в отличие от служилых, не растерялись. Некто Афонька Абрамов провел с самоедами (они оказались «роду Карачеева») переговоры, и те согласились отвезти на оленях товары торговцев обратно в Обдорск (там они, в бочках и вьюках, заполнили доверху 2 амбара). В качестве оплаты за услу-

---

[24] Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее — СПбф АРАН), ф. 21, оп. 4, д. 16, л. 164 об.–165.

[25] Терентьев А. Погромы ненцами ясачной казны в 1641 и 1642 гг. // Советская этнография. 1933. № 5–6. С. 71–76; Шашков А. Т. О сборе ясака с обдорских самоедов в XVI–XVII вв. // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI — XX веков. Материалы четвертой региональной научной конференции. Новосибирск, 1999. С. 227.

[26] РГАДА, ф. 214, стб. 1056, л. 9.

[27] СПбф АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 21, л. 197–197 об. Источники XVII в. не оставляют сомнений в тождестве «юрацкой самояди» и обдорских тундровых самоедов, прежде всего — рода Больших Карачеев. Более позднюю группу юраков этнографы локализуют на правобережье Нижнего Енисея.

гу Абрамов предложил самоедам государевы хлебные запасы, находившиеся на коче. Последним сделка пришлась по душе, хотя вряд ли они были столь наивны, чтобы принять 262 меха с мукой за частный товар. Имущество торговцев и их самих самоеды честно доставили в Обдорск, государевы же хлебные запасы «пограбили без остатку, коч иссекли», а служилых людей хотели «побить до смерти». Пятидесятнику Семенову удалось привести свой небольшой отряд в Обдорск. На этом история не закончилась. В октябре 1641 г. в Обдорск для сбора ясака прибыл березовский атаман Бажен Кокоулин. По его заданию «лучшие ясашные остяки Молик Мамруков да Дурак Корзеков да Колымса Шалмачеев» поехали в тундру «по прежнему призывать самоядь с государевым ясаком на Обдор». Однако самоеды, зная за собой вину, в Обдорск ехать отказались. Чтобы хоть немного оправдать грабеж коча, они заявили, что приняли слова Афоньки Абрамова за чистую монету и лишь впоследствии до них дошел слух о том, кто на самом деле является владельцем хлебных запасов. Упрямый Бажен Кокоулин снова отправил князца Молика в тундру с уверением, что от сборщиков ясака самоедам ничего плохого не будет, так как указа свыше об этом еще нет. Миссия Молика на этот раз увенчалась успехом. В Обдорск пожаловали самоедские князцы родов Вануйты и Карачеев и опять повторили рассказ о том, как их коварно обманули русские торговые люди. Впрочем, за растащенные государевы запасы князцы обещали платить в этом и последующие годы; сами же запасы, по их словам, уже издержались. В конце концов Москва, узнав об этом деле, вынесла решение: взять с самоедов мехами половину стоимости пропавшего хлеба, а стоимость за другую половину взыскать с торговых людей. О задержании последних в сибирские города были разосланы соответствующие грамоты[28] В 1652 г. глава Больших Карачеев Поско Хулеев уверял, что они за хлебные запасы и соль 1641 г. расплатились сполна в 1649 г. в Обдорске.

Между прочим, зимой 1641/42 г., когда самоедские князцы прибыли в Обдорский острог, они не были до конца искренни перед березовским атаманом. Видимо, не случайно в их составе не оказалось Хулейки со своими взрослыми сыновьями. Карачейские вожди задумывали новое предприятие, сулившее больше выгод и славы, чем налет на приморожденный к песку коч.

13 мая 1642 г. пустозерский воевода Неплюев докладывал в Москву о набеге сибирских самоедов, всколыхнувшем весь уезд. Он писал о том, что «февраля в 20 числе приходили под Пустозерский острог и у посадцких людей ко двором приступали самоядь Большая Карачея Хулейка с детьми — с Поскою, с Едурейком, с Немчинком, с Хаскою, — а с ними было самояди человек с двесте... И он де, Протасей, от тое самояди во дворех отсиделся с пустоозерцы с посадцкими людьми. И та де самоядь в уезде по деревням воевали четыре недели: образы кололи, людей грабили, а иных били и пытали и животину имали и неводы и сети и лодки и ветки (легкие лодочки — *Е.В.*) и котлы и якори и парусы поимали ж и свезли, и кочи посекли, и воевав отошли в тундру». Интересно, что гнев сибирских самоедов был направлен не только против русского населения уезда. Они «воров самоядь, которые наперед сего нашу сибирскую казну громили, Лохеев и Ванюта, хотели выбить». Возможно, этим способом карачейские самоеды хотели придать своему набегу «благообразный» вид перед русской властью, а возможно — просто наказать пустозерских ненцев за действия, не входившие в их планы[29]

Из челобитной пустозерского подьячего Афанасия Сычова следует, что подобный же погром Пустозерского уезда имел место и в 1644 г., причем сибирские и пустозерские ненцы действовали на этот раз рука об руку. Жалуясь на понесенные убытки, подьячий подавал иск «на закаменную и на пустозерскую самоядь на Карачею, на Вайсиды, на Пяки, на Былы, на Янтики, на Собей, на Олбый, на Вонюту, на Лохеев, на Тысыню, на

[28] СПбф АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 21, л. 203–206.

[29] РГАДА, ф. 214, стб. 425, л. 110–114.

Выучеев», приходивших под Пустозерский острог и продвинувшихся даже до Мезени. В своей челобитной Сычов кратко обмолвился о набеге этих же самоедов в предыдущем, 1643 г., но твердой уверенности, что он не имел здесь ввиду масштабный погром 1642 г., у нас нет[30]. Таким образом, можно говорить о двух или даже трех походах обдорских самоедов на Пустозерский уезд в 1640-х гг.

Одновременно не упускали самоеды из виду и передвижения караванов кочей по Обской губе. 13 июля 1643 г. из Тобольска вышли 4 коча, на одном из которых к месту службы в Мангазею направлялся дьяк Григорий Теряев. Ввиду недостатка кочей тобольские воеводы распорядились погрузить хлебные запасы на два дощаника; отряд служилых людей во главе с сыном боярским Дмитрием Черкасовым должен был довести их до Обдорска, перегрузить хлеб из дощаников в коч, который ожидался из Мангазеи, и отплыть далее. Коча в Обдорске, однако, не оказалось, поэтому Черкасов, оставив там запасы и служилых людей, отправился с Теряевым в Мангазею. В Обской губе все четыре коча потерпели крушение, а спасшиеся с них люди (около 70 чел.) продолжили путь на нартах с собачьими упряжками. Благодаря вмешательству самоедов эта экспедиция имела весьма трагичный финал. Сначала ненцы 8 недель осаждали сборный отряд Теряева, а затем, на пути к Тазу, тревожили его постоянными нападениями. Наконец им удалось отбить нарты с запасами продовольствия и товарами, после чего кочевники тундр успокоились. Большая же часть людей из отряда Теряева умерла от голода, в том числе и сам дьяк. Уже на подходе к Мангазее оставшиеся в живых были вынуждены есть своих мертвых товарищей[31].

Оставленным в Обдорске с хлебными запасами служилым людям тоже пришлось пережить беспокойную зиму. На амбары с мукой был сделан налет, в котором участвовали самоеды из родов Карачеи и Адеры. Казаки без особого труда отстояли государев хлеб, но четверо из них оказались ранены, а 15 мешков с мукой все-таки пропали. После этого нападения случившиеся в районе Обдорска остяки Коды сказали служилым людям, что следует им ожидать под острожек «другой самояди много». Получив это известие, березовский воевода отправил в Обдорск 20 казаков во главе с сыном боярским Родионом Лихачевым, для защиты и проведения сыска о составе нападавших[32]. В то же время, весной 1644 г., к обдорскому князцу Молику Мамрукову приезжала «иная воровская самоядь», убила его сына и грозила разорить ясачных остяков Обдорской, Лянинской и Куноватской волостей. Сведения о начавшемся разладе между северными остяками и самоедами Низовой стороны несколько удивляют. Незадолго до этого, зимой 1643/44 г., Молик Мамруков по поручению обдорского ясачного сборщика Федора Игнатьева ездил «на тундру и в Надым искать и призывать на Обдор с твоим государевым ясаком самоядь»[33]. Возможно, во время этой поездки и выявились разногласия между Моликом и надымско-тазовскими самоедами, открыто вставшими на тропу войны.

В связи с данной поездкой Молика в документах впервые упоминается остяцкий городок Надым, который представляли «лучшие люди» Тынин Нюптеев и Небах Ленгиев. Существование этого городка в низовьях р. Надым — факт, во многом загадочный. В этнографической литературе высказано мнение, что «бассейн р. Надым был самой отдаленной северо-восточной территорией расселения хантов, где они появились на последнем этапе своего продвижения на север (приблизительно в XVIII–XIX вв.)»[34]. На самом деле остяцкий городок недалеко от устья Надыма существовал уже в первой

[30] РГАДА, ф. 214, стб. 134, л. 352–352а.

[31] Там же, л. 96–96г.

[32] Там же, л. 175–182.

[33] Там же, л. 435–436.

[34] Перевалова Е. В. Обдорские ханты (хаби): к вопросу о формировании группы // Сибирь в панораме тысячелетий (материалы международного симпозиума). Т. 2. Новосибирск, 1998. С. 385.

половине XVII в. Формально он входил в Обдорскую волость, но русские ясачные сборщики в Надымский городок никогда не ездили. Скорее всего, он являлся самым северо-восточным осколком более ранней экспансии угров на земли Нижнего Приобья. К середине XVII в. ситуация изменилась, и существовать этот городок в данное время мог только по милости самоедов, в районе кочевий которых он располагался. Нет сомнений, что несколько сот ненецких воинов, собранных теми же вождями Больших Карачеев, могли бы разорить городок. Можно предположить, что надымские остяки оказывали «немирной воровской самояди» какие-то важные услуги (например, служили посредниками в торговле «погромной рухлядью», захваченной у русских).

В середине 1640-х годов тундровые самоеды начали создавать угрозу Мангазее. В 1644 г. очередной караван кочей из Тобольска наконец-то дошел до Мангазеи, однако по пути «воровская самоядь, наезжая на море и по Тазу реке, к кочам приступали и побивали и ранили». Мангазейский воевода Ухтомский отреагировал на это нападение и выслал к Тазовской губе отряд из 20 служилых людей, которые настигли странных пиратов. Произошел бой, в результате которого несколько самоедов было убито (в том числе два князца), а 11 женщин и детей захвачено в плен. Из допросов женщин стало известно, что русскому отряду противостояли самоеды «Евасидина рода князца Шарумы»[35].

В 1645 и 1646 гг. юраки появлялись под самым городом, убили стрельца Савку Андреева, тобольского казака Кирилова и еще 8 промышленных людей, бывших на рыбных ловлях. Мангазейский воевода кн. П. М. Ухтомский сообщал, что он и жители города вынуждены фактически находиться на осадном положении. В июне 1651 г. в Тобольске была получена отписка от мангазейского воеводы Ф. И. Байкова, из которой стало известно, что приходила с тундры «воровская юрацкая самоядь и хотели де в Мезенских зимовьях побить» служилых людей, занимавшихся рыбной ловлей. Байков сформировал отряд из 20 стрельцов и мангазейских ясачных самоедов. Это «войско» под началом Ивана Сороки успело встретить самоедов-юраков и не дать им разорить зимовья по Тазу. Тем не менее Байков не без основания писал: «А вперед де, государь, в Мангазее от той воровской самояди жить страшно и на промыслы де всяким людем ходить не сметь». Надо заметить, что в «златокипящей» Мангазее в это время для охраны города оставалось не более 20 служилых людей, а от былого ежегодного наплыва промышленников не осталось и следа[36]

Обдорские самоеды не случайно появились в 1651 г. в Мангазейском уезде. Незадолго до этого березовскими казаками был захвачен в аманаты лучший князец Больших Карачеев Поско Хулеев. На этой примечательной истории необходимо остановиться подробней[37]

В 1649 г. березовский воевода стольник М. С. Лодыженский получил царский указ с предписанием рассмотреть возможность взятия аманатов у «воровской самояди», которую Москва признавала виновной в грабежах «на морском разбое» и соболиной ясачной казны на перевалах через Урал. Интересно, что о набегах на Пустозерский уезд в указе не было и речи, что, видимо, объяснялось ведомственной изолированностью. Указ составлялся в стенах Сибирского приказа, где, очевидно, не имелось донесений из Пустозерска, подчинявшегося приказу Новгородской четверти. Поскольку Лодыженский первый раз занимал должность воеводы в Сибири, то он не постеснялся расспросить бывалых служилых людей, чей опыт включал походы за Енисей и в Якутию. Они заявили, что ясак с сибирских иноземцев обычно собирается в полном виде, если вовремя

[35] РГАДА, ф. 214, стб. 143, л. 291–293.

[36] Там же, ф. 214, стб. 220, л. 54–55.

[37] Наша интерпретация событий, связанных с захватом аманатов у обдорских самоедов, основана на следующих документах: РГАДА, ф. 214, стб. 457, л. 529, 537–544, 603–614; стб. 408, л.. 271–273, 283–288, 390–392, 452, 486–488; СПбф АРАН, Ф.21, оп.4, д. 16, л. 177–178.

захватить у них аманатов. Осенью 1649 г. Лодыженский отправил в Обдорск 30 казаков во главе с Василием Кокоулиным и Дмитрием Свечниковым. Помимо приема обычного ясака отряд имел задание «разобраться» наконец с «немирной самоядью». Казаки свое дело выполнили: «воровскую самоядь шти землиц самоядцких лутчих князцов под государеву... руку призвали». Возле Обдорска поставили чумы вожди шести родов («землиц») — Большие Карачеи, Адеры, Сабей, Сегуней, Пуруега и Ванюта. Лихой казак из березовских старожилов Васька Кокоулин произнес перед самоедскими князцами назидательную речь, дабы они «от воровства отстали», после чего последовала процедура сдачи ясака (как уже говорилось, тундровые самоеды привозили в Обдорск неокладной ясак) и угощение по этому поводу вином. «И полез я, сирота, в твою государеву избу с ясаком со всеми людишками, — вспоминал позднее Поско Хулеев, — и как в избе Васька Кокоулин взял твой государев ясак с нас... против прежнего все сполна, и после твоего государева ясаку напоил меня, сироту, твоим государевым жалованным вином и, напоя меня, связал... и взял меня в омонаты»[38] Помимо Пося Хулеева в заложниках оказались князцы Яур Ипкин и Воютта Умрусов. При поимке аманатов не обошлось без схватки, в которой были ранены несколько казаков. Оставшиеся на свободе князцы осадили Обдорский городок, но в течение трех недель взять его так и не смогли. Впрочем, осада вряд ли была плотной; казак Митька Свечников пробрался в Березов с просьбой о помощи. Воевода выслал на подмогу атамана Ивана Аргунова с 32 казаками. Самоеды, «убоясь служилых людей, от городка отошли». Часть из них направилась в Мангазейский уезд — добывать соболей под теперь уже неизбежный ясак текущего 7158 года. А ясачные сборщики с аманатами вернулись в Березов 19 февраля 1650 г.

Немного позднее Кокоулин и Свечников не без гордости заявляли, что именно они привели «в вечное холопство непослушную воровскую самоядь 6-ти землиц 6 князцов... и у тех де шти князцей в их землицах самояди 3150 человек». Лодыженский, кстати, решил обратить удачно сложившиеся обстоятельства к своей пользе. По окончании воеводства, вернувшись в Москву осенью 1650 г., он бил челом царю о награждении за сибирскую службу. В перечне его заслуг захват самоедских аманатов занимал главное место; все остальные «прибыли» тоже так или иначе были связаны с увеличением ясачного населения и размеров ясака. В Сибирском приказе воеводство Лодыженского оценили высоко и к его старым окладам в 500 четвертей поместной земли и 18 руб. было придано 250 четвертей и 52 руб.[39] В мае 1653 г. стольник М. С. Лодыженский, проделав невероятно длинный путь, в качестве нового воеводы прибыл уже в Якутск.

Вернемся к самоедским вождям, захваченным в заложники. Лодыженский был не совсем прав, когда, добиваясь в Москве пожалования, написал: «... и сидят ныне те князцы на Березове в омонатех». Предоставим слово Поске Хулееву, в 1652 г. вспоминавшему о своем первом заточении: «И твой государев воевода Михайло Лодыженской засадил нас, сирот твоих, в тюрьму пустую и поморил было нас голодною смертью безвинно... И мы, сироты, сидячи в тюрьме и не стерпя великие нужи и бедности, тюрьму подрезали и под стену подкопались и из тюрьмы побежали в свои юрты. И твой государев стольник и воевода Яков Никитич Лихарев за нами посылал ратных людей в погоню и меня, сироту твоего, Большие Карачейские земли князца Поска поимали, а товарищи, государь, мои убежали». Дерзкий побег состоялся, видимо, в конце лета 1650 г., так как в одном документе говорится, что 10 сентября этого года из Березова в Обдорск отбыл ясачный сборщик Алексей Лихачев и повез с собой аманата Поску Хулеева. Сыну боярскому Лихачеву было велено «под Поску собирать ясак» (т.е. самоедский князец должен был выступить в качестве живой приманки), а затем отпустить его, взяв

[38] Бахрушин С. В. Научные труды. Т. III. Ч. 2. С. 66.

[39] Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII — начала XVIII в. Новосибирск, 2000. С. 215–222.

в аманаты двух его сыновей. Поскольку другие князцы при новом воеводе Якове Лихареве сбежали, то Лихачев имел также задание взять «добровольно» из каждого самоедского рода по 1–2 аманата; впрочем, при отсутствии добровольности их указывалось захватить «в неволю».

Лихачеву удалось выполнить только первую часть задания и обменять Поску на его сына Маулу и племянника Серпея. Новые аманаты прибыли в Березов с Лихачевым 5 февраля 1651 г. Князцы же «карачейской самояди» сами в Обдорск не приезжали, «потому что истращены, боятся поимки». Они прислали ясак с освобожденным Поской и «с холопи своими». Лихачев доложил воеводе, что «обмануть» и захватить аманатов из других родов не было никакой возможности. Пришлось воеводе довольствоваться двумя заложниками, которых стали поочередно держать в домах казаков. Аманатского двора в Березове не было, а сидеть самоедам в тюрьме, как правильно отметил воевода, было «добре скучно и нужно».

А 18 февраля 1651 г. в Березов пожаловали Поско Хулеев и обдорский князец Молик Мамруков со своими остяками. Два авторитетных предводителя народов Обского Севера обратились к воеводе с устным челобитьем об отмене аманатства. Аргументы приводились самые разные: и то, что 50 человек рода Евасида и старший брат Поски Хена Хулеев, услышав о поимке аманатов, откочевали в Мангазейский уезд; и то, что у самоедов заложников никогда не брали, а ясак они все равно платили; и то, что самоеды могут прийти в ссору со «всей остяцкой землей» и вообще перестанут ездить в Обдорск. Воеводу пугали тем, что отныне «самоядь бегает и хоронитца по крепким местам и по тундрам и живут де остерегательно». Любопытно, что словесное заявление вождей тундры поддержали березовские служилые люди. Лихарев медлил сообщать в Москву о просьбе остяков и самоедов, и соответствующее донесение об этом поступило в столицу только 25 ноября 1651 г.

В далекой от сибирских дел Москве продолжали придерживаться старого мнения: необходимо любым способом взять заложников от каждого самоедского рода. То ли по своему почину, то ли по указанию Сибирского приказа Лихарев дал соответствующие инструкции тому же Алексею Лихачеву, осенью 1651 г. снова посланному в Обдорский острожек. Сын боярский «с ратными людьми» захватил лишь одних представителей «Большой Карачейской земли», которые не имели в общем-то оснований опасаться ясачного сборщика. Среди них оказался тот же Пось Хулеев, его сын Мугалей, сын князца Шигов Нынков и Обчин Татов. Так Поско 7 февраля 1652 г. был вторично водворен в березовскую тюрьму. Где в это время были его сын Маулка и племянник Серпей — неизвестно, но с Маулкой мы еще встретимся. Аманаты доставили воеводе не только удовлетворение, но и хлопоты. Заложников полагалось содержать в приличном состоянии, «кормить и поить довольно», дабы их родственники были спокойны и исправно вносили ясак. Между тем, в Березове вина и меда для аманатов не нашлось, с хлебными запасами тоже было туго. О корме для самоедских аманатов Лихарев не раз запрашивал Тобольск, но безуспешно. Его полная грусти отписка по этому поводу в июне 1652 г. пришла в Москву. В Сибирском приказе еды для аманатов не жалели; тобольским воеводам указали отныне посылать в Березов, сверх прежнего, каждый год по 5 ведер вина, 2 пуда меда и хлебных запасов, «сколько пригоже».

Между тем, сразу вслед за аманатами в Березов приехали обеспокоенные остяки северных районов уезда — обдорские, надымские и «иных волостей». На сей раз они подали челобитную в письменном виде, которую воевода не мог не отослать в Москву. Просьба была та же — отпустить самоедских заложников, а мотивы хлопот остяков за их тундровых соседей были вполне основательны. В челобитной говорилось, что они, остяки, приобретают у карачейских самоедов меха для сдачи в ясак, а поскольку ныне самоеды откочевали дальше на восток и опасаются приезжать в Обдорск, то возникает прямая угроза для государевой ясачной казны. Попутно челобитная разоблачала «при-

были» воеводы Лодыженского, писавшего о многолюдстве усмиренной «воровской самояди», чьи шесть родов насчитывали якобы свыше 3000 мужчин. Осведомленные остяки указывали цифру примерно в 700 чел., что более соответствовало действительности[40]

Наконец, 26 мая 1652 г. Лихареву в съезжей избе подали челобитную сами аманаты во главе с Поской, который и в тюрьме не переставал быть «самояди лучшим князцом Посем Хулеевым». У нас есть редкая возможность услышать голос жителя тундр из далекого XVII в., пусть он немного и искажен русским переводом: «... И ныне мы, сироты твои государевы, на Березове городе сидим за крепкими караулы день и ночь... Милосердный государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Русии, пожалуй нас, сирот своих: вели, государь, своему... воеводе Якову Никитичу Лихареву нам... свой государев милостивый указ учинить, а нас, бедных, из омонатов отпустить в свое юртишко против прежних лет, как исстари бывало, чтоб, государь, теми омонаты в земле нашей промеж нами большой смуты не было. А и преж, государь, сего нас... по 158 год в омонаты не имывали, как и город Березов стал, а твой государев ясак мы... плачивали по вся годы и без аманатов. А се, государь, мы, сироты твои, люди дикие и кочевные, на одном нам месте жить невозможно и в тюрьме сидеть и за приставом боимся, а твой государев ясак учнем мы... платить, приезжая на Обдор, по вся годы против прежнего и с прибылью»[41]

Видимо, еще до второго заключения Поски вожди карачейских самоедов предприняли попытку избавиться от «опеки» ретивых березовских воевод. Зимой 1651/52 г. в Москву отправилось посольство от имени Хенки и Поски Хулеевых и Немчинки Пидирисова. Посольство, состоявшее из Хаски Хулеева и еще четырех самоедов, везло для государева челобитья богатые «поминки» — 50 соболей «одинцов добрых» в 300 руб. по сибирской цене, 100 соболей подешевле, 30 бобров и т.д. Сибирские тундровые ненцы хотели добиться в Москве разрешения привозить ясак в Пустозерский острог, выйдя таким образом из административного подчинения березовским властям. Но прежде необходимо было помириться с пустозерскими жителями, которые вряд ли забыли набеги 1640-х годов, во главе которых стояли князцы Большого Карачейского рода. По пути в Москву Хаска заехал в Пустозерск, пригнав туда 60 оленей и 5 «санок самоядцких под кровлями» с оленьими постелями и мехами — чтобы «поплатиться погромными животами» с местными жителями. Однако посольство Хаски, едва начавшись, закончилось трагично. Пустозерский воевода Иван Лошаков польстился на богатые государевы поминки, загнал упряжки с санями к себе на двор и арестовал самоедов. Пытаясь как-то оправдать свою алчность и самоуправство, Лошаков объявил, что самоеды приехали в Пустозерск как лазутчики. В результате Хаску подвергли допросу с пыткой, после которой умер; один его товарищ был повешен, а еще двое погибли в тюрьме. И только одного самоеда Лошаков отпустил обратно в тундру. Таким образом, миссия Хаски Хулеева не состоялась, хотя в самом факте самоедского посольства не было ничего исключительного[42]

Большинство пустозерских жителей не одобрили насилий Лошакова по отношению к самоедам и подали на него изветную челобитную. Родственники Хаски Хулеева, со своей стороны, поступили так же. В результате в Пустозерск прибыл из Москвы в 1653 г. для расследования этого дела сыщик Прокофий Коптев, честно выполнивший свои обязанности. Все имущество Лошакова было конфисковано, а по материалам расследования в Москве вынесли приговор: «За ево Иваново воровство и за насильство,

[40] РГАДА, ф. 214, стб. 1056, ч. 1, л. 15–18.

[41] Там же, л. 9–11.

[42] Любознательный голландец Н. Витсен встретил в Москве в феврале 1665 г. группу самоедов, которые «несколько дней назад были отправлены своими родичами к его царскому Величеству; они приехали со 130 оленями» (Витсен Н. Путешествие В Московию. 1664–1665. СПб., 1996. С. 116).

что он у карачейской самояди рухлядь взял насильством и четырех человек самоядцов замучил, бити кнутом и послать з женою и з детьми из Пустозерского в Сибирь на житье». В начале 1655 г., когда наказанный воевода находился уже на пути в Якутск, царская «опала» с Лошакова была снята и ему разрешили вернуться в Москву[43]

Неизвестно, имела ли успех челобитная Поски и других аманатов, но к 1656 г. этот князец уже свободно кочевал по своим тундрам. В этом году произошла история, которая показала, что привычки «немирной самояди» не изменились, хотя в Березове и продолжали находиться заложники (об их именах и родовой принадлежности источники молчат). В ноябре 1656 г. мангазейский воевода С. В. Ларионов получил от местных ясачных самоедов несколько противоречивые сведения о судьбе судна, ушедшего к устью Оби. В августе этого года из Мангазеи отправились два коча, но в Обской губе они разлучились. Один коч «ушел на море», а второй из-за встречных ветров был вынужден вернуться в Мангазею. Первый коч, на котором в общей сложности находилось 40 человек, пропал. И вот Ларионов получил известия, согласно которым юрацкие самоеды убили 40 русских людей, а коч сожгли. Произошло это «осенью перед снегом», недалеко от Тазовского устья, где «стояли те руские парусом покрыты на берегу». Самоеды какого именно рода учинили столь кровавое побоище, было не совсем ясно. По одним слухам, это были юраки рода Иандер (вариант написания рода Адер), платившие ясак в Березов; причем князец данного рода Насы «самоядь от убойства унимал». Это нападение якобы вызвало гнев вождей Больших Карачеев. Один из информаторов мангазейского воеводы уверял даже, что «за то де воровство с теми ворами с Адеры бьютца юратцкая ж самоядь род Большие Корючи князцы Пось да Хесня и говорят тем самоядцом убийцам: почто де вы руских людей побили? У нас де на Березове дети в аманатах». Другие слухи в качестве виновных называли самих братьев Хену и Пося Хулеевых. Заодно им приписывалось намерение перебить служилых людей в Обдорске и освободить аманатов, которых туда привозили во время сбора ясака. Подробно изложив все это в отписке березовскому воеводе, Ларионов отдал «предпочтение» роду Адеров[44].

Одновременно сведения об истреблении людей с пропавшего коча начали поступать со стороны тундры и в Березов. Первым известие об этом получил атаман Иван Аргунов, прибывший в ноябре 1656 г. в Обдорск для сбора ясака. Аргунову же сообщил об этом не кто иной, как князец Пось Хулеев, тогда же подошедший к Обдорску. Последний обвинил в нападении на коч род Адеров. По его словам, на коче были «многие люди» и трое из них были убиты; о судьбе остальных Пось якобы ничего не знал. Аргунов докладывал березовскому воеводе С. А. Малому, что приезжали с ясаком самоеды и других родов, но ничего определенного узнать от них не удалось, потому что в городок они не пошли, а «пометали» ясак на лед р. Полуй. Чтобы получить достоверные сведения о судьбе коча, березовский воевода указал Аргунову «послать с Обдори в Надым к морю руских служилых людей и обдорских ясачных остяков». Выполняя приказ, Аргунов отправил в Надым двух казаков, которым в остяцком городке удалось расспросить лишь двух приезжих самоедов. Те сообщили о коче с соболиной казной, которому из-за встречных ветров пришлось вернуться в Мангазею. О другом коче самоеды якобы ничего не знали. В своей отписке в Москву березовский воевода изложил план военной экспедиции против неуловимых кочевников: «А естли вы, государи, изволите для сыску тое самояди служилых людей послать, и тое самоядь в летнее время сыскать будет мочно, потому что та самоядь в летех выезжает для рыбных ловлей край моря и живет по островам. А преж, государи, сего та самоядь воровала ж... и по тое самоядь посылали

[43] Вершинин Е. В. Сыск 1653 г. о пустозерском воеводе Лошакове // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI–XX веков. Материалы четвертой региональной научной конференции. Новосибирск, 1999. С. 153–157.

[44] СПбф АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 21, л. 246–247.

сыскивать на море в кочах в летнее ж время»[45] Возможно, последней фразой объясняется ненависть самоедов к морским кочам, которые, при случае, они приводили в негодность или сжигали.

Скорее всего, заложники от Больших Карачеев находились в Березове и в начале 1660-х годов, когда среди остяцкого населения уезда зрел масштабный заговор, имевший целью захват Березова и установление власти обдорского князца Ермака Мамрукова под верховным сюзеренитетом потомка Кучума царевича Девлет-Кирея. Планируемое нападение на город весной 1662 г. не состоялось, так как остякам не удалось привлечь в союзники обдорских самоедов. Это подтвердил сам Пось Хулеев, прибывший в Березов в феврале 1663 г. и заявивший, что он со своим родом не собирался участвовать в «измене» Ермака Мамрукова, несмотря на призывы последнего[46]

В исторической литературе утвердилось мнение о разорении и сожжении самоедами Пустозерска зимой 1662/63 г. Заметим, что никаких достоверных документальных источников, подтверждающих этот факт, не имеется. Сведения об этом восходят к «пыточным речам» надымского остяка Смагина Щеголдаева, который попал в число допрашиваемых о заговоре Ермака Мамрукова. В феврале 1663 г., после пытки, он признался березовскому воеводе Давыдову, что была у остяков «дума» захватить этой зимой Березов, вместе с пустозерскими самоедами. Последние же, по словам Смагина, уже «Пустозерский острог, взяв, сожгли, воеводу и всех служилых людей побили»[47]. Думается, что Смагин передавал только смутные слухи, переносимые самоедами по огромным пространствам приуральской и сибирской тундры. Впрочем, дыма без огня не бывает. Как следует из челобитной жителей Пустозерска, в 1661 и 1662 гг. они подверглись грабежам со стороны приуральских же (т.е. «пустозерских») ненцев[48] Но эти факты еще не означали масштабного разорения самого города с истреблением его гарнизона. Воевода Давыдов, явно превысив свои полномочия, вынес по итогам следствия смертный приговор 14 остякам, представлявших все 9 волостей Березовского уезда. Их список открывают остяки Обдорской волости — князец Ермак Мамруков и «лучший человек» Надымского городка Смагин Щеголдаев[49]

Карачейские самоеды благополучно пережили сыск Давыдова. Осенью 1667 и зимой 1668 г. Поско Хулеев с тремя сыновьями дважды появлялся в Пустозерском уезде. Правда, считать это обычными набегами карачейских самоедов нельзя, так как они приходили из-за Урала в весьма пестрой кампании. В первый раз они входили в «коалицию», состоявшую из 22 березовских казаков, остяков обдорского князца Гынды Моликова и 100 самоедских воинов родов Вануйта и Пуруега, которые незадолго до того перекочевали из Пустозерского уезда в Березовский. Инициатором же создания столь разношерстного воинства был березовский воевода кн. П. А. Гагарин, которому надоел путь бюрократической переписки со своими коллегами. Дело заключалось в том, что пустозерский самоед Елиня со своими родичами был виновен, по сведениям Гагарина, в нападении на березовских остяков. Требовать у пустозерского воеводы Ивана Неелова поимки и присылки Елини в Березов являлось затеей явно безнадежной. Поэтому Гагарин отправил в Пустозерский уезд отряд казаков, укрепив его остяками и самоедами, без которых операция по захвату Елини вряд ли могла быть удачной. Пленив Елиню с родичами и не удержавшись от грабежей пустозерцев, сибирские остяки и самоеды изрядно напугали своих соседей. В 1668 г. по запросу Неелова указано было послать с

[45] РГАДА, ф. 214, стб. 503, ч. 1, л. 10–13.
[46] Дополнения к Актам историческим (далее — ДАИ). СПб., 1851. Т. 4. С. 301, 303.
[47] Там же. С. 303.
[48] Терентьев А. Погромы ненцами ясачной казны в 1641 и 1642 гг. С. 69.
[49] ДАИ. Т. 4. С. 307.
[50] ДАИ. СПб., 1855. Т. 5. С. 375–378.

Холмогор в Пустозерск 500 стрельцов «для приходу войною Карачейской самояди и остяков». Задумка недальновидного Гагарина в конечном итоге принесла русской власти больше вреда, чем пользы[50].

В событиях 1667–1668 гг. мы последний раз встречаемся с Поской Хулеевым; видимо, вскоре после этого он умер. Эстафету вождей карачейских самоедов приняли сыновья Пося и Хены (иногда в русских источниках — Хыни, Хесни), поддержавших славу юрацких самоедов как «немирных и воровских». К 1678 г. во взаимоотношениях треугольника «Березов — Обдорск — тундра за Надымом» произошли некоторые изменения: самоедских аманатов в Березове уже не было, а карачейские князцы напрочь рассорились с Гындой Моликовым, управлявшим обдорскими остяками. В исторической литературе есть мнение, что поводом для гнева тундровых самоедов послужил следующий факт: князец Гында «держал у себя в работе» 13 самоедов и «всех их приморил с голоду». Однако к сибирским ненцам этот факт не имеет никакого отношения, так как он содержится в челобитной 1668 г. пустозерского самоеда Хаски Гысева (род Лохей). Жалуясь на описанные выше действия остяков и сибирских самоедов в Пустозерском уезде, Хаска Гысев сообщал, что Гында Моликов убил его родича, а еще 13 «родников» держал как рабов и довел до голодной смерти[51] Так что вряд ли сибирские самоеды через 10 лет могли мстить за смерть своих европейских сородичей, к тому же захваченных в плен во время их совместного похода с остяками Гынды.

Приходится признать, что причина небывалой до того вражды между сибирскими самоедами и северными остяками остается нам пока неизвестной. В ноябре 1678 г. Маулка и Игонка Посевы привели под Обдорск не менее 400 воинов разных родов тундровых ненцев. Было время сдачи ясака, который самоеды привозили обычно «по первому зимнему пути», и в Обдорске находился небольшой отряд березовских казаков во главе с Иваном Шаховым. Карачейские князцы 6 дней осаждали Обдорск, забросав его стрелами. Местные остяки, не оказавшиеся в Обдорском острожке, попали в незавидное положение. Воинственные пришельцы убили 23 остяка и 2-х самоедов, «а жен их грабили и нагих оставили, а детей имали к себе в полон». Как позднее передавал Шахов, Маулка Посев (тот, что в свое время был аманатом в Березове) открыто заявлял о своих целях: «пришли де они для того, что наших государевых ясачных людей князца Гынду Моликова с товарыщи убить и всех обдорских остяков разорить...» Но планы северных кочевников простирались шире, если верить еще одной декларации Маулки: «Которые де остяки и самоядь к их воровству не пристанут, и они де их всех побьют и пойдут Березовского уезду в иные верхние городки ясачных людей разорять, а разоря де и пограбя, пойдут в Мангазею и побьют руских людей». Дальнейшие действия Маулки пришли в некоторое противоречие с его словами. Из Березова на помощь Обдорску вышел отряд в 20 казаков, «и тот де вор Маулка и Игонка с товарыщи, послыша посылку с Березова служилых людей, побежали на прежние свои жилища, откуд пришли — с Мангазейской стороны из Надыма»[52]

В лихом набеге на Обдорск самоедов возглавляли не только сыновья Поски Хулеева, но и их двоюродный брат — Корюча Хынин. После отхода из-под Обдорска он, выполняя угрозу Маулки, совершил стремительный бросок к Енисею и 12 февраля 1679 г. «со многими людьми» напал на Хантайское зимовье. Сидевший в зимовье мангазейский ясачный сборщик Иван Роставка потерял 2-х человек убитыми и не без труда отбил нападение: «тое юратскую самоедь от ясашного зимовья били из ружья». Тогда самоеды двинулись вниз по Енисею, убивая русских промышленников и разоряя их зимовья; при этом «у иных посадцких людей жен их и детей на льду связана заморозили до смерти». На пути к устью Енисея карачейский князец погромил заодно хантайских и тавгицких

[51] ДАИ. СПб., 1855. Т. 5. С. 376.
[52] Там же. 1862. Т. 8. С. 166–168.

самоедов. Мангазейский воевода И. П. Савелов выслал из Туруханска (там с 1672 г. находился центр уезда) 22 стрельца во главе с поляком Казимиром Морей. В столкновении с юраками служилые люди убили 4 самоедов и еще 6 захватили в плен. Интересно, что в далеком от Березова Туруханске подвиги Корючи Хынина были хорошо известны: «Да в прошлых... годех тот юратской князец Корюча Хынин с юратской самоядью в Березовском уезде и по Обе реке и на море и в Мангазее многих руских людей побивал и ясачных людей, самоядь и остяков, грабил». Жестокости юраков, которые они проявляли при набегах, вызывали соответствующую реакцию у русских властей. В том же 1679 г. удалось захватить одного ненца из рода Корючи Хынина. На пути в Туруханск он пытался бежать, ранив ножом двух ясачных сборщиков. Воевода Савелов приказал повесить его за ноги и расстрелять.

Пример карачейских самоедов привел в «шатость» тазовский род Аседа, который с основания Мангазеи считался мирной «ясачной самоядью». В 1679 г. 6 ясачных сборщиков, находившихся в Старой Мангазее, подверглись нападению со стороны самоедов «Асицкого рода». Стрельцам пришлось выдержать трехдневную осаду, и только помощь лояльных к русской власти верхотазовских самоедов спасла их от гибели. Воевода Савелов организовал карательную экспедицию. Отряд из 30 стрельцов настиг самоедов; им было предложено «принести свои вины» и платить ясак. Ненцы отказались и вступили со служилыми людьми в бой. Победа осталась за стрельцами: 5 самоедов было убито, 3 захвачено в плен (не считая женщин и детей), остальные «врозь разбежались по тундре и за озера»[53] В 1694 г. туруханский воевода М. С. Волчков отправил в Старую Мангазею 10 стрельцов с семьями, которые, видимо, должны были жить там постоянно. Однако в следующем году все они (25 человек) были убиты юраками Наусицкого и Барайского родов[54]

Запустение Старой Мангазеи и Мангазейского хода по Обской губе было на руку родам обдорских тундровых ненцев; отныне Надымско-Тазовские районы ничем не привлекали русских промышленников и администрацию. В XVIII столетии они оставались заповедным краем березовских самоедов Низовой стороны, который посещался русскими людьми намного реже, чем в XVII в.

Уже в самом конце XVII в. березовский воевода Л. И. Талызин сообщал в столицу о жалобах самоедов Хачаулко Яурова (не сын ли Яура Ипкина, бывшего когда-то аманатом в Березове?) и Тудолиско с братьями на притеснения, чинимые им обдорским же самоедом Одычко Немчиновым. Попытки ясачных сборщиков в Обдорске помирить самоедов успеха не имели, и конфликт принял масштабный характер. Зимой 1696/97 г., когда Хачаулко шел с ясаком в Обдорск (ним было 100 чел.), Одычко во главе своих четырехсот сторонников напал на противника. Потери пострадавшей стороны были серьезные: много раненых из лука, уведенные в плен семьи и 4 тыс. «оленей больших», угнанных нападавшими. Жалуясь на Одычко, ограбленные самоеды попытались как можно сильнее дискредитировать своего врага перед русской властью. Они доложили, что в прошлых годах «он же, Одычко с товарыщи, в Пустозерском уезде у руских людей пограбили и животы их и запасы отняли, и от того де руских людей померло пятьсот человек». По словам Хачаулки, они же ранее «ездили разбоем» в Мангазейский уезд «побивать» русских и ясачных людей, а в 1696 г. посылал Одычко 70 самоедов на Мезень — отгонять оленей у местных русских жителей. Перечень деяний, в которых участвовал Одычко Немчинов, Талызин завершил собственным рассуждением: «А естли де им наказанья не будет, и они де, Одычко с товарыщи, всю самоядь разорят до конца». Из Москвы указали еще раз применить дипломатические меры, а если они окажутся безрезультатными — то выбрать искусного в ратном деле сына боярского и «смирять» само-

[53] ДАИ. СПб., 1862. Т. 8. С. 161–165.

[54] Бахрушин С. В. Научные труды. Т. III. Ч. 2. С. 77–79.

едов войной[55] Одычко Немчинов являлся, скорее всего, сыном Немчинки Пидирисова и, таким образом, троюродным братом Маулки Посева и Корючи Хынина. По крайней мере, размах его действий свидетельствует в пользу этого родства.

Более 30 лет назад авторитетный исследователь самодийских народов В. И. Васильев писал о ненцах XVII века: «Власть «князцов» не была наследственной... Как правило, после смерти «князца» или истечения срока его полномочий эту должность мог занять член другого рода из состава данной этнографической группировки»[56] Изложенный выше материал вносит коррективы в данный вывод. Как бы ни трактовать статус «князца» в структуре родо-племенного общества тундровых самоедов, власть князцов, по крайней мере среди элитного рода Больших Карачеев, была наследственной, и русская административная система не оказывала здесь никакого влияния.

На первые попытки «огосударствления», проводимые русской администрацией в XVII в., сибирские тундровые самоеды ответили всплеском военной активности. Взаимная адаптация русской власти и северного кочевого мира замерла на точке хрупкого равновесия. С конца XVI в. присутствия Русского государства в Северо-Западной Сибири оказалось достаточным, чтобы северные самодийцы почувствовали серьезную угрозу своей свободе и традиционному образу жизни. Но его, этого присутствия, в XVII в. оказалось явно мало, чтобы существенным образом нарушить систему этнических связей (мирных и военных), которая складывалась у народов Нижнего Приобья в дорусский период. Как это часто бывало в истории, внешняя угроза способствовала консолидации отдельных и соперничающих родов притесняемой стороны. Выделение рода-«предводителя» на этом фоне почти неизбежно. Таким политическим вождем у тундровых самоедов стал род Большие Карачеи. Совершая стремительные походы и налеты на своих разноэтничных соседей, юрацкие самоеды одновременно выполняли несколько дел: сопротивлялись ясачному режиму и русскому культурному влиянию; приобретали русские вещи и хлеб, к которым они стали уже привыкать; утверждали свое превосходство в североугорском и самодийском мире; расширяли территории оленьих пастбищ. А. В. Головнёв пришел к выводу, что культура крупностадного оленеводства у тундровых самоедов, которая обусловила их хозяйственную независимость и военную мобильность, стремительно складывалась именно в XVII в.[57] В поисках доминирующей причины «оленеводческой революции» у ненцев исследователь, очевидно, прав: столь решительная трансформация экономической базы ненецкого общества и неожиданное (для автохтонов) наступление русской колонизации на территории Северо-Западной Сибири вряд ли являются только совпадениями во времени.

[55] СПбф АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 16, л. 238 об.–242.

[56] Васильев В. И. Социальная организация азиатских ненцев, энцев и нганасан // Общественный строй у народов Северной Сибири. С. 188.

[57] Головнёв А. В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 103, 106; Он же. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург, 2004. С. 88–89.

О. В. Кардаш

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ЦЕНТРЫ АБОРИГЕННЫХ «КНЯЖЕСТВ» СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XVI–ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII вв.

(по материалам раскопок Надымского и Обдорского городков)

В последнее время исследователи вновь обращаются к проблеме оценки уровня общественного развития аборигенных народов Северо-Западной Сибири накануне и в первоначальный период присоединения территории к государству Московскому [1]. Дискуссия об «остяко-вогульском феодализме» была начата 70 лет назад историками С.В. Бахрушиным [2] и Н.Н. Степановым [3]. Несмотря на появление новых данных, круг источников и исследований по данной проблеме пока еще мал для ее однозначного решения. В этой связи представляется целесообразным не дискутировать на тему стадии классообразования у народов Севера в XVI — XVII вв., а вводить в научный оборот новые факты и материалы, которые могут составить комплекс данных для решения этой проблемы в перспективе.

Заметим, что по данной теме выявлены далеко не все письменные источники. Недавно опубликована серия ранее неизвестных документов, связанных с историей аборигенного населения региона [4]. Кроме этого на территории Северо-Западной Сибири в последние годы проведены раскопки нескольких археологических объектов XVI–XVIII вв. Для решения обозначенной проблемы особый интерес представляют результаты исследования городков, расположенных в субарктической зоне, где благодаря низким температурам в замороженном культурном слое хорошо сохранились архитектурные объекты и артефакты.

Надымский городок

Комплексные археологические исследования Надымского городка проводятся с 1998 года по настоящее время экспедицией «Центра историко-культурного наследия» и ООО «НПО Северная археология» под руководством автора. Памятник находится в Надымском районе ЯНАО близ устья р. Надым. За семь лет раскопана площадь около 650 кв. м. Изучен культурный слой мощностью от 0,5 до 2,0 м. В результате исследованы слои конца XVI — первой трети XVIII вв., что позволяет достаточно достоверно реконструировать архитектуру населенного пункта, а также материальную культуру и систему хозяйства его жителей.

Планировочная структура городка включала несколько функциональных зон оборонительно-жилого, хозяйственно-бытового, производственного и ритуального назначения. Территория городка имела форму вытянутого овала ориентированного по оси

---

[1] Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург, 2001. С. 201–202.

[2] Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках. Л., 1935. С. 42–43.

[3] Степанов Н.Н. К вопросу об остяко-вогульском феодализме // СЭ. 1936. № 3. С. 32–33.

[4] Вершинин Е.В., Визгалов Г.П. Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сб. док-тов. Екатеринбург, 2004. С. 10–48.

северо-запад – юго-восток. Общие размеры площадки городка — 80 × 40 метров. В центре площадки, со смещением к руслу протоки, располагалась оборонительно-жилая зона — комплекс построек внутри укрепленного сооружения (цитадели-усадьбы) размерами 35 × 20 м. Жилой комплекс опоясывала терраса, искусственно сформированная из строительного мусора и различных отходов (рис. 1). Разные участки террасы (площадки) имели отличное друг от друга функциональное назначение. На площадках осуществлялось приготовление пищи, неспецифическая производственная деятельность, и обрядовые действия. Там же стояли чумы приезжавших общинников и гостей, осуществлялась меновая торговля (северо-западная площадка, размерами 30 × 20 м), находилось место содержания оленьих упряжек (западная и юго-западная площадка, размерами 30 × 15 м), выполнялись религиозные ритуалы, включавшие жертвоприношения (южная и юго-восточная площадки, размерами 35 × 15 м). Северная площадка представляла собой склон к руслу протоки шириной 5 – 10 м.

На исследованный нами период планировочная схема оборонительно-жилого комплекса городка реконструируется как овальное четырех-, позднее шестиквартальное сооружение с зеркально-симметричной планировкой относительно центрального прохода (улицы). Есть доказательства, что сооружение имело единое перекрытие. В качестве покрытия (гнета) кровли сооружения использовался дерн. В летнее время, городок имел вид заросшего высокой травой большого холма. Судя по архитектурно-планировочным особенностям, военно-административные функции городка были первичными, в сравнении со всеми остальными: промысловой, ремесленной, торговой, религиозной. Важное доказательство главенства военной функции — отсутствие определенного места торга; как правило, именно это место формирует композицию города как торгово-ремесленного центра и обычно располагается внутри укрепленного сооружения.

Антропологические и этнологические данные, полученные в результате комплексных исследований городка, позволяют утверждать, что в бассейне реки Надым в конце XVI — первой трети XVIII вв. одновременно проживали несколько этнических групп: предки пяков — *пяд' хасово*, предки тундровых ненцев — *ям хасово*, и предки хантов — *хаби*. В делопроизводственных документах того периода предков пяков и ненцев из-за языковой близости, вероятно, именовали самоядью, а предков ханты — остяками. Родовая элита этих групп и составляла основное население городка. Первоначально два квартала принадлежали вождям пяков и два — остякам (рис. 2). Позднее, в середине XVIII века, за счет территории остяцких кварталов появляется еще два самоедских квартала для размещения дома вождя, его семьи и дружины.

Данные, содержащиеся в письменных источниках этого времени, позволяют определить особый социальный статус городка как резиденции вождя военно-политического объединения нескольких территориальных общин, получившего названия по родовому имени одной из них — Большая Карачея. Судя по сведениям, содержащимся в документах, верховная военная и, вероятно, светская власть в Большой Карачее была наследственной, из чего следует, что в XVII веке Надымский городок на протяжении нескольких поколений вождей был административным центром династии. Из городка осуществлялось управление несколькими общинами прилегающих территорий.

Обдорский городок

В 2004 – 2005 годах Комплексной научно-исследовательской экспедицией ООО «НПО Северная археология», под руководством автора были проведены аварийные археологические раскопки стоянки Салехард 1, в результате чего был выявлен и частично исследован Обдорский городок. Обдорский городок (по-хантыйски — *Пулинг-аут-вош*; по ненецки — *Сале-хард*) хорошо известен по письменным источникам как резиденция князей Обдорского княжества (вождей местной территориаль-

ной общины) [5]. Очевидно, что именно он принадлежал князьям рода Тайшиных и их предкам.

Памятник находится в черте города Салехард ЯНАО, на обширном (110 × 80 м) мысу правого коренного берега реки Полуй (рис. 3). Впервые археологические раскопки этого объекта были проведены в 1946 году В.Н. Чернецовым, возглавлявшим Мангазейскую экспедицию Арктического научно-исследовательского института (АНИИ). Он заложил раскоп площадью 35 кв. м, но слой щепы, и остатки деревянных строений в верхнем слое по каким-то причинам не соотнес с Обдорским городком, сконцентрировав основное внимание на объектах эпохи бронзы и раннего железного века [6].

В 2004 – 2005 гг. в разных частях памятника было заложено несколько раскопов общей площадью около 900 кв.м. Культурный слой Обдорского городка, сформированный из щепы и других органических элементов имел максимальную мощность 2,0 – 2,5 м. Раскопками были исследованы различные части территории памятника. Полученные данные позволяют реконструировать планировочную структуру городка, архитектуру сооружений, составить достаточно полные представления о быте и занятиях населения. Период функционирования этого населенного пункта определен по дендрохронологическому методу. Городок был основан не ранее 1597 – 1598 гг., функционировал весь XVII век и прекратил существование не позднее середины XVIII века.

Обдорский городок занимал в западной части мыса площадку размерами 80 × 60 м. Планировочная структура городка включала несколько функциональных зон. В северо-западной части располагалась жилая зона, состоявшая из двух частей. Первая — оборонительно-жилой комплекс (цитадель-усадьба) размерами 24×22 м, где очевидно находились дома вождя, его родственников и военных соратников (дружины) Планировочная схема оборонительно-жилого комплекса городка реконструируется как овальное четырехквартальное сооружение с зеркально-симметричной планировкой относительно центрального прохода (улицы). Сооружение имело единое перекрытие, удерживаемое слоем дерна. В летнее время, цитадель городка имела вид холма. Вторая часть — незащищенный жилой комплекс, который примыкал к оборонительно-жилому комплексу с юго-запада. Его составляли хаотично расположенные дома рядовых общинников. Незащищенная часть комплекса состояла минимум из 10 построек (не более 15) и имела максимальные размеры 30 × 20 м. С восточной, южной и западной сторон к жилому комплексу примыкала площадка шириной до 10 м, где осуществлялась неспецифическая производственная и хозяйственная деятельность. К югу от жилого комплекса, в южной части мыса находилась ритуально-культовая зона, где осуществлялись религиозно-обрядовая деятельность, совершались жертвоприношения.

Надымский и Обдорский городки представляли собой поселения с неукрепленным посадом и укрепленной цитаделью. Они обладали почти всеми признаками города; в их числе — осуществление торговой деятельности (торгово-гостевые площадки), слабая связь с сельским хозяйством (животноводством), возникновение специализированного ремесла (кузнечного и литейного производства), концентрация разноэтнического населения (пяков, самояди и остяков), присутствие дружинного или военного элемента (дружины вождя). Тем не менее, от полноценного средневекового города, исследуемые населенные пункты отличают неразвитость торговой и ремесленной функциональных зон, а также значительно меньшие размеры всех остальных зон. В этой связи по отноше-

[5] Миллер Г.Ф. Описание низовьев реки Оби и впадающих в Обь рек // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера // История Сибири. Первоисточники. Новосибирск. 1996. Вып. VI. С. 256.

[6] Чернецов В.Н. Стоянка Сале-хард I (Раскопки Мангазейской экспедиции). Кн. II. 1946 г. Архив НЦАА (Научный центр Арктики и Антарктики). Д. Р-1742. С. 14–16.

нию к этим населенным пунктам вполне правомерно употребление уменьшительного названия – городок. В итоге, по уровню (стадии) развития эти городки можно охарактеризовать как *протогорода*.

В качестве заключения считаю возможным заметить, что у подавляющего большинства народов уровень социального и экономического развития общества, так или иначе, отражается в материальной культуре и в первую очередь архитектуре. Особенно это касается населенных пунктов, где проживала элита общества. Рассматривая архитектуру исследованных городков, мы пришли к выводу, что перед нами функционально неравномерно и неполноценно сформированный населенный пункт, служивший резиденцией вождя («князя») территориальной общины. Вряд ли такой городок принадлежал привилегированному сословию общества сколько-нибудь сравнимого с классовыми обществами Европы синхронного и предшествующего периодов.

Г. П. Визгалов

ТРАНСПОРТНЫЕ СРЕДСТВА ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА МАНГАЗЕИ (по материалам новых археологических исследований 2001–2005 гг.)

После широкомасштабных раскопок Мангазеи, проведенных в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. под руководством М.И. Белова, О.В. Овсянникова и В.Ф. Старкова новые археологические исследования заполярного города были возобновлены в 2000 – 2001 гг. Г.П. Визгаловым и С.Г. Пархимовичем и продолжаются до настоящего времени[1] В результате последних исследований получена разнообразная и многочисленная коллекция предметов, характеризующая культуру русского населения Севера Сибири XVII века. В том числе были найдены детали и фрагменты изделий, относящихся к транспортным средствам, причем новая коллекция по количеству этих предметов не уступает материалам, полученным в предыдущих раскопках 1968 – 1970 и 1973 гг.

Судя по имеющимся находкам, основными транспортными средствами в Мангазее являлись нарты (легкие сани), лыжи, кочи (крупногабаритные суда) и лодки (малогабаритные суда).

Наземный транспорт

Нарты. В коллекции находок 2001 – 2005 гг. имеются фрагменты 4 полозьев, 35 копыльев и 15 вязов. Копылья, как правило, имеют худшую сохранность, т.к. они изготавливались, главным образом, из березы, которая не отличается долговечностью. В то

[1] Визгалов Г.П. Новые археологические исследования Мангазеи // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск, 2005; Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Результаты археологических исследований городища Мангазея в 2000–2003 гг. // Научный вестник. Выпуск 4 (35). Обдория: история, культура, современность. Салехард, 2005.

же время, часть копыльев, вязов и полозьев, выделанных из хвойных пород, сохранились достаточно хорошо. Тем не менее, почти все детали нарт в той или иной степени фрагментированы, поэтому размеры и особенности конструкций собственно нарт не поддаются точному определению. Представленные в коллекции детали могли принадлежать нартам небольшой ширину, судя по вязам (такие обычно используются в лесной зоне). Судя по длине (высоте) копыльев, кузов крепился низко. Это позволяет предположить, что нарты, скорее всего, были ручными или собачьими, и лишь единицы, возможно, оленьими, что вытекает из размеров их основных конструктивных элементов.

Копылья — относятся к типу прямых, предусматривающих полужесткое крепление к полозу и нащепу с помощью цилиндрических шипов и ремешка (рис. 1, *1 – 4*). Форма их — стандартная и в то же время сложная: нижняя половина представляла собой уплощенный равнобедренный треугольник, обращенный вершиной вверх и плавно переходящий в высокий приостренный стержень, как правило, цилиндрический (диаметр — 2,0 – 2,5 см), реже линзовидный (2,5 – 5,0 × 1,0 – 2,0 см), квадратный (1,7 – 2,7 × 1,2 – 1,7 см) или уплощенный прямоугольный (1,5 – 2,6 × 3,2 – 5,7 см). В центре уплощенной поверхности обязательно имелось сверленое или резное округлое или овальное (вытянутое) отверстие, чуть скошенное по отношению к плоскости, диаметром 2,1 – 3,2 см; как правило, на месте этого отверстия имелось рельефно выделенное подпрямоугольное или овальное утолщение. Нижний широкий торец имел в центре цилиндрический шип диаметром 1,0 – 1,7 см и длиной 1,6 – 2,2 см; верхний торец приострялся с двух противолежащих сторон широкими срезами. В 3 – 7 см выше основания и в 3 – 4 см ниже вершины копыла имелись небольшие (0,5 – 0,9 см) округлые или квадратные отверстия для кожаных ремешков, расположенные в одной плоскости с центральным отверстием. Расстояние между основанием и верхним уровнем центрального отверстия, в котором крепился шип вяза (перемычки, соединяющей пару полозьев), показывающее высоту кузова над поверхностью, варьирует в пределах 13,4 – 18,8 см.

Расстояние от верхнего края этого же отверстия до вершины копыла, показывающее высоту бортиков нарты, варьирует от 10,5 до 16,0 см, лишь в четырех случаях бортики возвышались над основанием кузова на 18 – 20 см и в одном — на 27 см. Кроме готовых копыльев, найдены две заготовки.

Вязы — (рис. 1, *5 – 10*) представляют собой стержни цилиндрической формы, иногда чуть уплощенные и незначительно расширяющиеся у концов. На торцах небольшими уступами по окружности оформлены мощные шипы, с помощью которых вязы крепились к парам копыльев. Длина вязов, соответствующая ширине нарт, варьирует от 38,0 до 42,7 см, диаметр их достигает 2,2 – 3,3 см. Длина шипов — 3,4 – 5,0 см, диаметр — 2,2 – 2,6 см.

Полозья (рис. 1, *11, 12*) (найдено три фрагмента от передней половины и один — от средней части) представляют собой узкую сегментовидную в сечении пластину, уплощенной стороной обращенную к низу. Размеры фрагментов передних половин — 117,0 × 9,0 × 0,5 – 1,2 см; 114,0 × 8,0 × 1,2 см; 96,0 × 8,0 × 1,0 см. Размеры фрагмента средней части 103,0 × 6,5 × 1,6 см. У передних концов полозьев массивный утолщенный носок плавно загнут вверх. В поперечном сечении он подпрямоугольный (3,5 × 2,0 см); широкие плоскости — вертикальные, сбоку в носке имеется овальное отверстие (2,7 – 3,0 × 1,2 – 1,5 см), в котором должен крепиться шип переднего вяза. В основании носка просверлено другое отверстие, диаметром 1,3 см, для крепления нащепа. На сохранившихся фрагментах видны двойные отверстия для крепления не менее двух копыльев. Какое их количество было на полозе — остается неясным, но хорошо видно, что это были низкие нарты с прямопоставленными копыльями. По этнографическим материалам известно, что современные оленьи нарты у народов Севера Западной Сибири имеют более мощные по толщине полозья — до 5 – 7см, которые при изнашивании ремонтируются дополнительной надставкой из деревянной полосы. На найденных нами фрагментах следы крепления дополнительной

полосы отсутствуют. Полозы для оленьих нарт толщиной 1 – 2 см вряд ли смогли бы выдержать нагрузку. Кроме того, на современных оленьих нартах народов Западной Сибири, как правило, устанавливается от трёх до пяти пар копыльев, которые ставятся косо вдоль полозьев и с наклоном внутрь, имеют длину (высоту) до 1 м [2].

Таким образом, мы считаем, что мангазейские нарты с тонкими полозьями и короткими копыльями, скорее всего, являются собачьими либо ручными. По этнографическим материалам XIX – XX вв. собачьи нарты ханты, манси и ненцев имеют другие пропорции — они очень похожи на оленьи нарты и отличаются от последних только размерами. Однако в этнографической литературе существует мнение, основанное на сохранившихся графических изображениях XVI – XVIII вв., что в прошлом оленьи нарты также были более низкими и прямокопыльими [3]. В настоящее время собачьи нарты являются большой редкостью и сохранились лишь у некоторых семей ханты (например, в юртах Пунси в Нефтеюганском районе ХМАО), зырян (например, в пос. Нори Надымского района ЯНАО) и ненцев (например, в пос. Кутопъюган Надымского района ЯНАО). Собачьи нарты русского старожильческого населения известны по этнографическим материалам с реки Пясины – правого притока Енисея. Они также имели тонкие полозья, короткие вязы, три пары коротких копыльев, поставленных перпендикулярно, прикрепленных к полозьям ремешками или прутьями через два отверстия в полозьях[4].

Детали нарт, найденные при раскопках Мангазеи в 2001 – 2005 гг., наиболее всего соответствуют собачьим или ручным нартам русского старожильческого населения Енисея. Экспедицией ААНИИ (Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт) в 1968 – 1970, 1973 гг. в Мангазее тоже были раскопаны копылья, вязы и полозья подобных форм, пропорций и размеров. Один полоз был найден целым, и он принадлежал небольшой двухкопыльной нарте [5]. Подобные по форме и пропорциям фрагменты полозьев и копылья были обнаружены при исследовании стоянки мореплавателей на побережье залива Симса. Однако, в отличие от нарт, найденных нашей экспедицией и экспедицией М.И. Белова на Мангазее, нарты с залива Симса имели узкие (4,5–5,0 см) полозья. Исследователи реконструируют их как двухкопыльные ручные нарты [6].

При раскопках найдены как готовые изделия, так и заготовки деталей оленей упряжи, в основном нащечные пластины (рис. 2, *13, 14*). Тем не менее, вряд ли стоит говорить о наличии оленеводства у жителей города, так как оно требует постоянного участия хозяев в сложном цикле кочевого оленеводческого хозяйства. Скорее всего, детали и заготовки упряжи принадлежали аборигенным жителям (энцам и ненцам), предоставлявшим услуги оленьего транспорта жителям Мангазеи. При этом некоторые жители Мангазеи даже могли быть собственниками оленей, содержавшихся в стадах аборигенов, как это было в селе Обдорском в XIX века[7]

Лыжи. Предыдущей экспедицией под руководством М.И. Белова, О.В. Овсянникова и В.Ф. Старкова была собрана весьма солидная коллекция лыж – 17 относительно полно сохранившихся экземпляров и несколько фрагментов. В основу классификации

---

[2] Василевич Г.М., Левин М.Г. Оленный транспорт // Историко-этнографический атлас Сибири. М.-Л., 1961. С. 11–12, 23–24.

[3] Антропова В.В., Левин М.Г. Упряжное собаководство // Историко-этнографический атлас Сибири. М.-Л., 1961. С. 57, 59.

[4] Там же. С.57–58.

[5] Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. Ч. 1. Л., 1980. С. 70 – 72, 132; табл. 63–1.

[6] Травин Н.Д. Остатки нарт // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. Л.-М., 1951. С. 103–104.

[7] Бартенев В.В. На крайнем Северо-Западе Сибири. Очерки Обдорского края // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века. Екатеринбург, 1998. С. 132.

лыж этой коллекции исследователи положили устройство ступательной площадки[8]. Были выделены два типа: с высокой площадкой, вырезанной вместе с остальной частью лыжи из цельного куска дерева и без явно выраженной ступательной площадки. Все лыжи по способу хождения были отнесены к скользящим, распространенным в Древней Руси с XI века.

Следует отметить, что лишь в двух случаях были замечены следы крепления подволоки (меховой обивки нижней поверхности) — «небольшие пазы» вдоль краев. Остальные 15 относительно целых экземпляров не были однозначно отнесены к голицам, т.к. подволоки к ним, по мнению исследователей, могли и подклеиваться.

Новая коллекция лыж, состоящая из одного целого и 26 фрагментированных экземпляров, а также пяти отдельных ступательных площадок, по ряду деталей существенно дополняет характеристики мангазейских лыж.

Лыжи-голицы представлены двумя крупными и тремя мелкими фрагментами. Один из крупных фрагментов длиной 128 см имеет высокую ступательную площадку и узкий выступ-стабилизатор сзади, носок обломан (рис. 3, *8*). Стабилизатор имеет форму пламевидного выступа длиной 23 см, отделен от основной части лыжной пластины плавными уступами на ребрах. Ступательная площадка (30 × 8 см) высотой около 4 см расположена в 60 см от заднего торца лыжи. Беговые лыжи-голицы со стабилизатором не имеют аналогов ни среди русских лыж, ни среди лыж аборигенных народов Сибири. Они могли использоваться для ходьбы по жесткому весеннему насту и по льду. Из трех других фрагментов один — длиной 62 см и шириной 12,6 см — является, очевидно, передней половиной лыжи, а два других — расколотые по оси обломки носков. Носки плавно приострены, ширина целого — 12,6 см, расколотых — около 10 см. Примечательной чертой является утолщение пластины на носке: 0,5 – 0,6 см при толщине основной части пластины 0,15 – 0,20 см.

Лыжи с подволоками составляют в коллекции подавляющее большинство — 22 экземпляра, из них одна сохранилась полностью. Впервые было выявлено, что собственно подволоки крепились к лыже мелкими гвоздиками (скорее всего — железными). По всему периметру, на расстоянии до 1,5 см от ребер, отмечены одинарные ряды отверстий от мелких (не более 0,15 см) гвоздиков. Шаг между гвоздиками варьировал от 3 до 6 см.

Характерные для этого типа лыж черты в полном виде демонстрирует целый экземпляр: его длина — 166 см, ширина пластины — 19 – 22 см, толщина — 0,4 см. Носок плавно приострен (иволистная форма) и подрезан с торца; сзади имеется стабилизатор в виде узкого (4,2–5,0 см), закругленного на торце выступа длиной 10,5 см, соединенного с основной частью пластины плавно скругленными тупоугольными уступами (рис. 3, *1*). В носке и стабилизаторе лыжа утолщена соответственно до 0,5 см и 0,7 см. Судя по отверстиям от гвоздиков, подволока подбивалась по всей поверхности, за исключением стабилизатора. Ступательная площадка расположена почти в центре лыжи (смещена к стабилизатору от центра на 4 см), имеет форму вытянутого овала (33 – 10 см), приподнятого над пластиной на 4,3 см. В поперечном разрезе — равнобедренная трапеция, обращенная широким основанием вверх. Торцы верхней поверхности площадки соединены с пластиной длинными (15–16 см) наклонными ребрами, сужающимися книзу (от 7,8 – 8,0 см вверху до 2,5 см внизу). Сбоку, в 8,5 см от переднего края площадки, в ней выдолблено прямоугольное (3 г 2 см) сквозное отверстие, в которое продевалось кольцо из узких деревянных пластин (для фиксации носка ноги лыжника). Кроме того, сбоку, в переднем ребре, у основания площадки имелось еще одно округлое (1 см) сквозное отверстие. Собственно площадка для ноги была обита идентичной по форме и размерам берестяной прокладкой. Она крепилась небольшими деревянными гвоздика-

[8] Белов М.И. Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. Ч. 2. М., 1981.

ми-шпильками по периметру, причем шаг между ними был частым (через 0,3 – 1,0 см) в передней и задней четвертях площадки и реже (через 4 – 5 см) — в центральной.

Подобного типа лыжи — иволистной формы с выступом-стабилизатором — не встречались ни в предыдущих раскопках Мангазеи, ни в раскопках русских городов. Лыжи приостренной иволистной формы, но без выступа-стабилизатора, известны по этнографическим материалам у таежных народов Западной Сибири — ханты [9]. А выступы-стабилизаторы обычно имеются на ступательных лыжах (коротких и широких, с округлым передним краем) у восточно-сибирских народов[10]. Мангазейская лыжа — по форме не ступательная, а беговая. Нам представляется, что относительно короткие лыжи с большим стабилизатором наиболее удобны для ходьбы по плотному снегу в виде наста. Если бы эти лыжи использовали для весеннего наста, то они являлись бы голицами, а эти были с подволоками. Полагаем, что такие лыжи должны использоваться в тундровой зоне на открытых пространствах, где зимой снег очень плотный от ветров и не надо большой площади для опоры (поэтому лыжа короткая), но необходим стабилизатор, направляющий движение лыжи.

Остальные подволочные лыжи, судя по сохранившимся фрагментам, были аналогичной конструкции, с некоторыми незначительными различиями. Так, в двух случаях стабилизаторы имели вытянутую листовидную форму (длина — 14,5 см и 23,0 см, ширина — до 7 и 8 см, толщина — 0,9 – 1,0 см) и короткие крутые уступы на переходе к основной части лыжной пластины. Кроме того, по периметру стабилизаторы подбивались подволоками.

У пяти обломленных в основании ступательных площадок (рис. 3, *2, 3*), найденных отдельно, длина достигает 28 – 32 см, ширина вверху — 6,2 – 9,0 см, в основании — 3 – 4 см, высота над пластиной — 3,0 – 4,6 см. Торцы площадок — овальные и треугольные. Размеры прямоугольных отверстий для крепежной петли — 1,8 × 2,0 – 1,6 × 2,6 см.

Крепежная петля представляет собой обруч, свернутый в три оборота из узкой (1,0 – 1,3 см), тонкой (0,3 – 0,4 см) деревянной пластины. По краям слои обруча скреплялись обоймами из узких (3 – 4 см) полосок кожи, прошитых между собой и пришитых к обручу.

Впервые отмечен принципиально иной вариант ступательных площадок — отдельно вырезанные накладные, овально-вытянутые пластины толщиной около 1,5 см (2 экз.) (рис. 3, *4*). Они крепились к лыже посредством коротких нагелей диаметром 0,8 см (5 штук), забитых в сверленые отверстия по продольной оси. На этих площадках отсутствуют следы крепления берестяных накладок и боковые отверстия для петли. Возможно, последние делались в утолщенной центральной части лыжных пластин. Появление такого варианта ступательных площадок, вероятно, объясняется непрочностью цельнорезных площадок, которые часто обламывались в узком основании. Этот дефект, отмеченный еще в первой мангазейской коллекции, подтверждается и новыми материалами. В новой коллекции содержатся и три упора от лыжных палок (рис. 3, *5 – 7*), аналогичные найденным на Мангазейском городище предшественниками: они имеют усеченно-коническую и колоколовидную форму. Для насаживания на торцах шеста в них высверливалось по оси отверстие диаметром 2,3 – 3,0 см вверху и около 1,5 см внизу. Высота упоров — 4 – 11 см, диаметр верхнего торца — 2,3 – 4,0 см, нижнего — 8 – 11 см.

Водный транспорт

Представлен деталями кочей, карбасов и лодок (доски обшивки и кили использовались в строительстве изб и амбаров, рули и шпангоуты — для мощения дворов и в качестве подкладок под срубы) и небольшими веслами от лодок.

---

[9] Антропова В. В. // Историко-этнографический атлас Сибири. М.-Л., 1961. С. 88; табл. 1–2.
[10] Там же. С. 91–92; табл. 4–1; 5–3.

Доски ***кочей*** (рис. 4, *5 – 7*) шириной 20 – 30 см и толщиной 4,0 – 5,3 см (толстые – до 7,5 см доски, найденные экспедицией М.И. Белова, в новых раскопках не встречены) по краям имели отверстия, через которые они сшивались друг с другом скрученными ивовыми вицами и нагелями диаметром около 2 см. Обнаружено несколько фрагментов бортового набора, по которым отчетливо виден способ крепления бортовой обшивки внахлест (рис. 4, *11*).

Кили – 6 экз., изготовленные из толстых брусьев, имели сложную профилировку: продольные пазы с краев и сверху и пазы для крепления шпангоутов и штевней. Из 6 фрагментов четыре являлись частями одного киля и были положены в качестве окладного венца ***«кочевой»*** постройки № 13 (рис. 4, *1 – 4*). По ним можно определить общую длину киля – один из главных параметров судна – примерно 17 м.

Найдена часть фигурной детали соединения киля со штевнем (рис. 4, *9*), по которой хорошо реконструируется сложная система крепления. Для обеспечения наибольшей прочности штевни и кили изготавливались из дерева, у которого сохранялся изогнутый корень. Сохранившейся части корня придавалась сложная ступенчатая форма, так чтобы загнутые концы киля и штевня соединялись. Скреплялись они несколькими нагелями и скрученными вицами.

Фрагменты ***шпангоутов*** – 3 экз., представляют собой дугообразные брусья, сделанные из изогнутой части дерева, в которых вырублены пазы-ступеньки под бортовые доски для крепления внахлест. На фрагментах шпангоутов имеются отверстия от нагелей, для крепления бортовых досок. По этим отверстиям видно, что не все доски бортовой обшивки крепились к шпангоуту. Один из фрагментов вообще не имеет отверстий для крепления с обшивкой – возможно, это дополнительный шпангоут, которые использовались для придания формы корпусу и работали только на сжатие. Один из шпангоутов, судя по найденному фрагменту (рис. 4, *8*), возможно, был составным,. К сожалению, при раскопках ни нами, ни предшественниками не обнаружено ни одного целого шпангоута, по которому можно было бы измерить ширину коча.

Рули – 2 экз. От рулей сохранились два румпеля выгнутой формы, на одном из них имеются фигурные рельефные вырезы (рис. 4, *10*), и прямоугольное перо с частью стержня. Данные части рулей принадлежали, скорее всего, большим лодкам, возможно, карбасам.

Весла от лодок – 5 экз. – однолопастные: четыре фрагмента с лопастями и одна рукоятка с утолщением на торце (рис. 4, *12, 13*). По форме лопастей выделены два варианта: *1* – в виде длинных подпрямоугольных лопаток с плавным переходом к рукоятке (3 экз.); *2* – иволистной формы (1 экз.). Длина лопастей 1-го варианта – 36 – 62 см, ширина – 11 – 18 см, сечение линзовидное (толщина в центре – 1,8 – 2,6 см, по краям – 0,8 – 1,0 см). Длина лопасти 2-го варианта – 60,5 см, ширина – до 16 см, толщина в центре – 1,1 см, по краям – 0,5 см. В центре иволистной лопасти – четыре сквозных сверленых отверстия диаметром 0,5 см, расположенные прямоугольником. Весла 2-го варианта, характерные для древнерусских лодок, по мнению А. С. Хорошева, являются кормовыми, на них же встречаются и сквозные отверстия, расположенные прямоугольником[11]. Лопатообразные весла 1-го варианта, с прямым обрезом торца, видимо, получили распространение не ранее XV века. Во всяком случае, по материалам древнерусских памятников X–XIV вв. они неизвестны.

С корабельной оснасткой, возможно, связаны и блочные колеса, сделанные из берёзового капа, с характерным углублением по торцу для каната (рис. 2, *6–8*), а также обрывки канатов из грубых растительных волокон (рис. 2, *10–12*).

[11] Хорошев А.С. Средства передвижения // Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997. С. 125; табл. 83–3, 6.

Кочи, баркасы и дощатые лодки, несомненно, являются привозными. На месте, скорее всего, могли изготовлять долбленые лодки с разведенными бортами, которые в Сибири называют обласами. Нами пока не найдены остатки таких лодок, но на вероятность их изготовления в Мангазее указывают находки такого инструмента, как лучковое сверло с катушкой (рис. 2, *1 – 5*), а также сохранившееся в языке тазовских селькупов старое поморское название долбленой лодки — «ветка».

Полученные в результате раскопок материалы, особенно целый киль и фрагменты шпангоутов, дают возможность существенно дополнить имеющиеся реконструкции кочa, однако для этого требуются специальные исследования, которые будут представлены в отдельной работе.

Таким образом, имеющийся археологический материал позволяет заключить, что транспортные средства жителей города Мангазеи представлены формами традиционными для поморов: собачьи и ручные нарты-санки, длинные прямые лыжи, дощатые лодки (карбасы), кочи. Но при этом использовались формы, приспособленные к местным условиям, и возможно заимствованные у местных народов: иволистная форма лыж со стабилизатором, нарты (собачьи и ручные) с широкими полозьями.

М. О. Акишин

ТУРУХАНСКИЙ ТРОИЦКИЙ МОНАСТЫРЬ В XVII–XIX вв.

Границы самого северного в Сибири Мангазейского (Туруханского) уезда сложились к 1630-х гг. и оставались почти неизменными вплоть до 1930 г. Половина его территории находилась за полярным кругом, около трети составляли тундры и лесотундры. Административным центром Туруханского края была Мангазея (до 1672 г.), Туруханск (до 1925 г.) и, наконец, Ново-Туруханск (бывшее с. Монастырское). Духовным его центром с 1660-х гг. стал Туруханский Троицкий монастырь — самая северная православная обитель России. В 1670 г. в Туруханскую обитель были перенесены мощи первого сибирского святого Василия Мангазейского, что создало ему общероссийскую известность.

Житие Василия Мангазейского и первые десятилетия истории Туруханского монастыря изучались церковными историками епископом Енисейским и Красноярским Никодимом, А. Сулоцким и Б. Пивоваровым [1] Особый вклад в изучение Жития внес С.В. Бахрушин. Он сопоставил одну из первых его редакций начала XVIII в. с официальными документами о возникновении культа святого середины XVII в. и доказал, что культ Василия Мангазейского был отражением духовных и бытовых условий жизни

[1] Житие святого праведного Василия Мангазейского. Подгот. Б. Пивоваров // Журнал Московской патриархии. – 1977. № 11. – С. 69–74.

русских землепроходов крайнего Севера[2] Е.К. Ромодановская исследовала литературную историю создания Жития Василия Мангазейского и его редактирования в XVIII – XIX вв.[3] Обзоры истории Туруханского монастыря были подготовлены в середине XIX в.[4] Хозяйственная деятельность монастыря рассматривалась в трудах Н.К. Ауэрбаха, В.А. Александрова, В. Чагана и Л.П. Шорохова[5]

Большая историографическая традиция создает возможность провести комплексное исследование роли Туруханского Троицкого монастыря в жизни края на протяжении XVII – XIX вв. Важно отметить, что по этой теме сохранился обширный корпус исторических источников. Опубликован комплекс литературных памятников, созданных монахами Туруханского монастыря: «Слово о начатии обители» и различные редакции Жития Василия Мангазейского[6] В конце XIX в. Н.Н. Оглоблиным были выявлены официальные документы о возникновении культа Василия Мангазейского и переносе его мощей в 1670 г. в Туруханск. В 1980-х гг. это следственное дело было опубликовано М.Г. Кротовым[7]. Документы по истории монастыря и его хозяйственной деятельности в XVII в. отложились в фонде Сибирского приказа Российского государственного архива древних актов. В частности, сведения о населении монастыря содержатся в переписных книгах 1679, 1686 и 1721 гг.[8] До начала XX в. библиотека и документы Туруханского монастыря хранились в его церковной казне. После ликвидации обители в 1920 г. его архив мог быть уничтожен, почему красноярский историк и археолог Н.К. Ауэрбах вывез его осенью 1921 г. из Туруханска и в 1922 г. передал Красноярскому окружному архивному бюро. Ныне фонд Туруханского Троицкого монастыря, содержащий документы преимущественно за XVIII – XIX в., хранится в Государственном архиве Красноярского края[9]

---

[2] Бахрушин С.В. Легенда о Василии Мангазейском // Он же. Научные труды. – Т. III, ч. 1. – М., 1955. – С. 331–354.

[3] Ромодановская Е.К. Легенда о Василии Мангазейском и туруханская литературная традиция // Бахрушинские чтения 1973. Вып. 2. Вопросы истории Сибири досоветского периода. – Новосибирск, 1973. – С. 62–71; Она же. Русская литература на пороге нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. – Новосибирск, 1994. – С. 85–93.

[4] Костров. Туруханский Троицкий монастырь // Москвитянин. – 1852. № 8, кн. 2; Абрамов Н.А. Блаженный Тихон, строитель Туруханского Троицкого монастыря. 1657–1682 г. // Странник. – 1866, т. 4, № 12. – С. 104–112; Латкин Н.В. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. – СПб., 1892.

[5] Ауэрбах Н.К. К истории археологии низовьев Енисея // Этнографический бюллетень Восточно-Сибирского отделения РГО. – 1923, июнь; Он же Зимовье в бухте Прмысловой Енисейского залива // Северная Азия. – 1928, № 5–6; Он же. Заселение и развитие промыслов в низовьях реки Енисея. – Красноярск, 1929; Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII в. Земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда. – Новосибирск, 1965; Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). – М., 1964. – С. 77; Чаган В. От Дивногорска до Диксона. – Красноярск, 1976; Шорохов Л.П. Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII–XVIII вв. (развитие феодальных отношений и их особенности). – Красноярск, 1983.

[6] Сборник Едомского /Сообщ. Н. Барсуков. – СПб., 1889; Житие Василия Мангазейского и повествование о начале Туруханского Троицкого монастыря /Под ред. П.Е. Островских. – СПб., 1910; Ромодановская Е.К. Легенда о Василии Мангазейском // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. – Новосибирск, 1986. – С. 190–210; Миллер Г.Ф. История Сибири. – Т. III. – М., 1999. – С. 469–471; Житие Василия Мангазейского // Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII в. – Новосибирск, 2001. – С. 345–352.

[7] Оглоблин Н.Н. Мангазейский чудотворец Василий (К русской агиографии) // ЧОИДР. – 1890, кн. 1, отд. II. – С. 1–8; Кротов М.Г. Актовые источники Повести о Василии Мангазейском // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. – Новосибирск, 1988. – С. 127–140.

[8] РГАДА. Ф. 214. Кн. 403. Лл. 155–181; Кн. 942. Лл. 25–40; Кн. 1026.

Возникновение культа Василия Мангазейского

Православная церковь была непременной спутницей русских землепроходцев. Уже в первой половине XVII в. в Мангазее и Туруханском зимовье было несколько церквей. Из Поморья в Сибирь русские промышленники завезли культы святых Прокопия Устюжского, соловецких чудотворцев, Филиппа митрополита и Николая Чудотворца [10] Суровые условия крайнего Севера, в которых пришлось выживать православным людям, породили новые культы. В 40-х гг. XVII в. в Мангазее и Туруханске появились местночтимые святые. В 1653 г. архиепископ Симеон сообщал государю и патриарху: «...писал ко мне... воевода Игнатей Карсаков и прислал мангазейских Тазовского городу да Туруханского зимовья новых чюдотворцов явления и чюдеса...». Архиепископ просил: «...вели, государь, по свидетельству тех новоявленных чюдотворцов мощи из Мангазеи взять в Тоболеск. А Мангазея... место далнее и пустое. А священников на Тазу и на Турухане только два, и те живут по своим волям». Судья Сибирского приказа князь А.Н. Трубецкой отнесся к отписке архиепископа очень серьезно и передал ее государю и боярам «в Верх». Высшие светские и духовные правители России, видимо, решили не торопить события и дать улечься народной молве, почему повелели оставить сообщение Симеона без внимания — отправить его «в столп», т.е. в архив [11]

Решение царя и патриарха только частично утишило народную молву, из множества культов «новых чюдотворцев» в Мангазее сохранился только один, но именно он привлек всеобщее внимание. В 1648 г. в Мангазее, в самом центе города, из-под одной из досок, которыми вымостили проход через болото от съезжей избы к соборной церкви, «вышел гроб из земли... и тое де доску гробом переломило». Гроб был сделан из досок от коча — основного транспортного судна русских землепроходцев [12] Событие взволновало промышленников: православного похоронили не на кладбище, но и к числу самоубийц он не относился, т.к. похоронен был около церкви. Близость съезжей избы — резиденции воеводы, как бы намекало на тайное захоронение человека, несправедливо замученного властями. Только в 1651/52 г. мангазейский воевода Игнатий Корсаков распорядился «около гробницы окопати землю».

7 августа 1659 г. по благословлению архиепископа Симеона гроб был вскрыт. При досмотре «мощей» присутствовали мангазейские священники Дмитрий Семенов и Лука Григорьев, дьякон тобольской Богоявленской церкви Иван Семенов, воевода Семен Ларионов. К этому «страшному» делу они подготовились недельным постом. В день осмотра совершили литургию, а затем «над гробницею молебствовали с водоосвящением». При вскрытии гробницы нашли останки: «глава, и руки, и ноги, и все человеческое подобие по обычаю, только кости, а плоти на них нет, изтлела. И поверху костей позачернело, что плесень. А на ногах положены вместо калиг чарки, а те чарки погнили и призачернели». Скелет лежал в неестественной позе и принадлежал ребенку: «полторых аршин с четвертью. И мнится быть лет 15 и меньши по возрасту» [13]

Казалось бы, вскрытие должно было остановить народную молву: «мощей» в обычном смысле слова не обнаружили, в гробу лежал скелет. Но реакция торговых и про-

---

[9] ГАКК. Ф. 594. Туруханский Троицкий монастырь; Ауэрбах Н.К. Архив Туруханского монастыря // Сибирские огни. — 1927. № 4. — С. 123.

[10] Бахрушин С.В. Научные труды. — Т. III, ч. 1. — С. 306, 334.
Кротов М.Г. Актовые источники Повести о Василии Мангазейском // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. — Новосибирск, 1988. — С. 130–131.

[12] Там же. — С. 132.

[13] Там же. — С. 131–132.

мышленных людей Мангазеи оказалось совершенно обратной. Им дали почву для самых мрачных предположений. В отписке в Москву архиепископ Симеон сообщал: после осмотра останков «многие люди» говорили в Мангазее, «что де мы слыхали от старых людей: замучен был торгового человека лавочный посиделец напрасною смертью и положен в том месте, а имени ему не ведают и при коем воеводе замучен, того сказать не знают» [14]

Скупое сообщение отписки архиепископа о реакции промысловиков на вскрытие гробницы дополняются сообщениями Жития мангазейского чудотворца (редакция, составленная между 1719 и 1722 гг.). Основываясь на устном предании, в нем рассказывалось, что около съезжей избы был похоронен молодой торговый сиделец, уроженец Ярославля. Он был послан своим хозяином в Мангазею и работал «господину своему верностно, имея себе чистоту душевную и телесную». Однажды при сдаче отчета в деньгах и товарах, хозяин заподозрил его в утайке прибыли. Сидельцу удалось оправдаться, «[но диавол] преложи оного господина от милосердия на жестокосердие». Отрок был передан на воеводский суд, «во истязание лютое». По указу воеводы мальчика пытали так, что «страдалец кровию венчался». На пытке он умер. После убийства отрока «злый господин» тайно захоронили его в месте, «где надлежит от воды мокрость» [15]

Поморам, осваивающим сибирское заполярье, такая жизненная ситуация была хорошо знакома, являлась частью их повседневной жизни. Все они испытали нищету и голод, жестокость корыстолюбивого хозяина-«игемона», споры с ними при дележе прибыли, хозяйские доносы, «неправедный гнев» воевод и их приказных людей. Им был нужен именно такой чудотворец, знавший их жизнь и способный заступиться за них на Вышнем суде. Подростковый возраст мученика был как бы укором жадности и корыстолюбию, предостерегая торговцев и промысловиков «златокипящей» Мангазеи от ненасытной алчности.

Почти сразу по обнаружению гробницы над ней возвели часовню. Согласно записи мангазейской приходно-расходной книги, деньги на нее были выделены в августе 1648 г. [16] В часовне совершалось богослужение: «священцы прихожаху и совершаху молебные пения и освящение воды, и оную гробницу кропяху, и приходящие народи с верою, недуги одержими, молящеся новоявленному чудотворцу, и свещи при гробнице поставляху и молебная пения совершаху». Для сбора пожертвований на гробнице стоял ящик за государевой печатью. В декабре 1654 г. «чудотворцевых сборных денег» было около 40 руб. — огромная по тем временам сумма. В 1657 г. стрелецкая жена Татьяна Павлова, у которой выздоровел бывший при смерти пятилетний сын, положила, по обету, на гробницу «чудотворца» покров.

Чудотворец стал являться жителям Мангазеи в «видениях». В разные годы о них известили стрелец Тимофей Свечников (1652 г.), целовальник съезжей избы Григорий Иванов (1652 г.), промышленный человек Григорий Сиротаев (1653 г.), пономарь Алексей Антонов (1655 г.), Иван, человек боярина С.Л. Стрешнева (1660 г.). Во всех видениях чудотворец представлялся в образе отрока. Например, Свечников рассказывал, что «во сновидении» ему «виделся» «человек млад, лицом светел, а на нем рубашка, уса и брады нет, власы на главе черны». Но в течение двух десятилетий народная молва так и не присвоила имени новому чудотворцу. Известны только два случая, когда о его имени сообщали богомольцы. 11 февраля 1653 г. Григорий Сиротаев сказал, что во время видения ему было сказано: «Имя чудотворцу — Моисей». Но 4 марта 1660 г. дворовой Иван, которому также являлся чудотворец, оспорил это утверждение: «...и от него глас восстал, имя де его Василий Федоров». Кроме того, некоторые богомольцы верили, что новый чудотворец — крещеный выходец из сибирских аборигенов, ставший святым

[14] Кротов М.Г. Актовые источники повести о Василии Мангазейском... — С. 132.
[15] Бахрушин С.В. Научные труды. — Т. III, ч. 1. — С. 345–346.

благодаря крепости веры. Рассказывая о своем видении, Григорий Иванов известил: «И ему де помнилось, что чюдотворец иноземской породы. А платья на нем одна сорочка бела. И дал ему правую руку, как священники благословляют».

В своих молитвах «новоявленному чудотворцу» стрельцы и промышленники просили о своих повседневных нуждах. Прежде всего, торговые и промышленные люди молились о счастливом пути в необжитых местах и успехе в промысле. В 1653 г. произошла обычная в тех местах история. С ясачных сборов и промыслов по р. Нижней Тунгуске на кочах возвращалось около 200 стрельцов и промышленных людей. «И будучи против Таймура реки... настала буря велия, плыть не дала и снег на землю выпал великой...». Застигнутым на реке бурей и снежным бураном, этим мужественным людям осталось только молиться. Обратились они не только к «Господу Богу и пречистой Богородице», но «и угоднику их, новоявленному чюдотворцу, что в Мангазейском граде выходит грабница из земли». Неожиданно буря прекратилась, что землепроходцы восприняли как чудо.

Промысловик Дмитрий Хахалка рассказал, что во время промыслам он заболел «хребтом», а «звери росомахи и лисицы соболиные кулемники поломали». Он «обещался чудотворцу... дать два соболя», после чего избавился от болезни и «звери ловушки портить перестали». Тобольский стрелец Федор Кобяков в конце зимы попал в полынью, стал молить чудотворца о спасении и получил «от потопа избавление». Затем от «тяжкой злой кручины» готов был наложить на себя руки, но помолился у гробницы и обрел нравственный покой.

Часто к гробнице приходили больные и молились об избавлении от своих недугов. Стрелец Тимофей Сечиников, когда у него болела правая рука «тринадцатью раны», обещал дать на пелену к гробнице чудотворца рубль, «и от того времени бысть здрав». У промысловика Гаврилы Давыдова «в зимовье на промысле» началась слепота. Он обещал отпеть молебен у могилы чудотворца, после чего исцелился. Промысловик Петрушка Семенов Воробьев надорвался на промысле, «был скорбен хребтом и ногами, грыжею год». Он «многими лекарствами лечился», но не выздоровел. В этой трагичной ситуации промысловик пообещал послать деньги «на панихиду и на свечи» у гробницы, после чего немощь прошла и стал «здрав бысть».

Уже в 1650-х гг. ареал почитания «нового чудотворца» был огромен. Ему молились не только стрельцы и промысловики Мангазеи, но и жители Русского Севера и сибирских уездов: промысловик Петрушка Семенов Воробьев был «устюжанином», промысловик Иван Федосеев Середька — «Поморские волости, Кеврольского уезду с Мезени», стрелец Федор Кобяков — «плотником тобольским». Мангазейского чудотворца почитали в Енисейске[17] Однако широкое народное почитание «нового чудотворца» нашло поддержку только у «своевольных» мангазейских священников, местных воевод и архиепископа Симеона. Попытки Симеона добиться официальной канонизации чудотворца не нашли понимания у царя и патриарха. В 1664 г. митрополитом Сибирским и Тобольским стал Корнилий. К культу мангазейского чудотворца архиерей относился с явным недоверием.

В 1668 – 1670 гг. культ нового чудотворца оказался под угрозой забвения. В 1668 г. морской путь в Мангазею был отменен указом тобольского воеводы П.И. Годунова, на очередь встал вопрос о переносе административного центра из старой Мангазеи в Туруханский городок. Этот перенос состоялся в 1672 г. При решении вопроса о ликвидации старой Мангазеи верховная и тобольские власти совершенно не учитывали судьбы культа местного чудотворца. Но среди горожан эта проблема, видимо,

---

[16] РГАДА. Ф. 214. Стб. 322. Л. 144–145; Кротов М.Г. Актовые источники повести о Василии Мангазейском... – С. 130.

[17] Кротов М.Г. Актовые источники повести о Василии Мангазейском... – С. 132–136.

широко обсуждалась. В редакцию «Жития Василия Мангазейского», составленную в конце XVII в., было включено описание видения стрельца Потапа Копылова и служилого «иноземного списка» Ивана Еситцкого. В ночь на 30 июля 1669 г. они стояли на «градском карауле» и Копылов осматривал «у государских анбаров печатей и чюдотворцовы часовни». В окно часовни он увидел, что «покров з гробницы поднялся мало». Копылов побежал за Еситцким, который также увидел, что «покров вверх гроба знялся». Служилые разбудили священника Иакова Никифорова, который вместе с пономарем пришел к часовне и убедился, что покров над гробом поднят. Утром Никифор отслужил молебен и, увидев Копылова и Есицкого, сказал им: «Сице, чада, не скорбите о сем видении, яко хощет господь угодника своего прославити въскоре. Мне же де ныне не у время в мир о сем возвестити, я де еду ныне по благословению и указу великого архиереа в Тобольской» [18]

Это сообщение, основанное на устном предании, свидетельствует о заинтересованности мира в сохранении культа мангазейского чудотворца. Отмечу, что именно Иван Еситцкий, поляк родом, в 1670 г. вновь возбудил вопрос о необходимости переноса мощей чудотворца в Туруханск, известив о своем новом видении уже не только местного священника, но и приказных людей, и всю мирскую общину Мангазеи. Интересна и позиция, которую занял в 1669 г. священник Иаков Никифоров. С одной стороны, он засвидетельствовал чудо и поддержал своих духовных детей; с другой, побоялся говорить мангазейскому «миру» о чуде и поспешил к архиерею в Тобольск, видимо, за решением вопроса о дальнейшей судьбе культа. В Тобольске он, видимо, не нашел поддержки и понимания. За трудное дело сохранения культа мангазейского чудотворца в 1670 г. взялся «строитель» Туруханского монастыря «черный поп» Тихон.

Легенды Туруханской обители

Документы об основании Туруханского Троицкого монастыря сохранились в копийных книгах енисейского архива, составленных Г.Ф. Миллером в 1730-х гг. Согласно этим документам, в 1655/56 г. устюжанином Тимофеем Семеновым была основана «обитель Святыя Троицы» в устье р. Тунгуски. В 1661/62 г. Тимофей Семенов был пострижен и посвящен в иеромонашеский чин архиепископом Симеоном, а церковь в Туруханском монастыре освящена[19] Но в 1660-х гг. официальный статус Туруханского монастыря еще вызывал сомнения. Митрополит Корнилий предпочитал не упоминать о монастыре, а его игумена и «строителя» называл «Туруханского зимовья усть-тунгуской троицкой черной поп Тихон». Окончательно статус монастыря определился, видимо, только в 1670 г., когда в него были перенесены «мощи» мангазейского чудотворца. Наиболее близким по времени описаниями этого подвига стали отписка митрополита Корнилия в Москву (1671 г.) и первая редакция Жития Василия Мангазейского, составленная в Туруханском монастыре между 1671 и 1676 гг.

Митрополит Корнилий расценил перенесение «мощей» в Туруханск крайне негативно, о чем писал в Москву: «...черной поп Тихон в Мангазее своим дерзновением и без свидетельства и не описався ко мне... гробницу ночною порою в часовне вскрывал, и мощи, которые называют мангазейского чюдотворца, смотрил, и в новой гроб переложил. И на Тазу в соборную церковь живоначальныя Троицы ис часовни со звоном перенес. И в церкви поставил перед царскими дверьми и молебствовал. И из Мангазеи перенес на Турухань тако ж со звоном, и с ыконами, и с молебным пением на устье Тунгуски реки в Троицкой монастырь. И поставил у себя в церкви живоначальныя Троицы в манастырь, где он, черной поп Тихон, служит, по правую сторону царских дверей перед местною ико-

[18] Ромодановская Е.К. Легенда о Василии Мангазейском... — С. 198–199.
[19] РГАДА. Ф. 199. Портф. 482, ч. 2. Д. 5. Л. 343–345.

ною» [20] К своей отписке митрополит приложил важнейшие документы следствия – «сказку... черного попа Тихона» и расспросные речи стрельца Антипа Копылова.

Согласно этим документам, побудительным толчком к вскрытию и переносу мощей стало «видение», которое произошло в ночь между 2 и 3 февраля 1670 г. у служилого Ивана Еситского. Он стоял на карауле около съезжей избы и «от полуночи» вышел на крыльцо, «хотел в палки колотить». В это время он увидел у крыльца двух человек. «И он, Ивашка, в сие время стал вне ума, не мог слова молвить». Неведомые люди взяли Еситского «под руки» и привели сначала к колокольне, а затем «к чюдотворцу в часовню». В часовне перед иконами горели свечи и стоял «черной священник, облачен в ризах священнических черных», а «против его стоит налой, и свеща пред ним светитца воску черного, и огонь у свещи черной же». Священник выдернул из головы Еситцкого три волоса, положил «себе в книгу промеж листья» и повелел: «скажи де ты чюдеса во всем миру, что б взяли Туруханского зимовья усть-тунгуского троицкого черного попа Тихона со всем крылосом, и в часовне б у чюдотворца молебствовать». По смене с караула служилый известил о видении сына боярского Николая Малиновского «с товарыщи» в официальной резиденции воеводы – съезжей избе.

22 марта в Мангазею приехал Тихон. 23 марта Еситцкий передал ему повеление, которое получил в своем видении. Поначалу Тихон «токоваго великого, и страшного, и неизреченнаго Божия и его, чюдотворцова, явления и наказания... убояхося». Дважды, 24 и 27 марта, по ночам он ходил «к новому чюдотворцу... помолитися... и его, чюдотворцову, гробу поклонитися». Ночные размышления, бдения и моления Тихона сопровождались чудесами: «...невидимая сила ударила о помост часовенный. И нача меня в той час тружати страшно и ужасно Божия невидимая сила у его, чюдотворцова, гроба. И аз не веем, душа моя в теле моем была или ни, и от того великого Божия и его, чюдотворцова, пострашения и наказания в ту нощь в часовне вне ума своего был, не веем, колико время». В таком возбужденном состоянии он услышал «от чудотворцева гроба глас», повелевший ему досмотреть «мощи», переложить в новый гроб и перенести в Туруханскую обитель.

28 марта прояснилось имя «мангазейского чудотворца». Его объявил стрелец Антип Копылов. Он долгое время болел: «лежал де... в болезни три недели, руками и ногами, и всеми составы телом не владел, и очми своими света не видел». Стрелец плакал и молился. Однажды его «объял мал сон и видел человека млада, лицем светла, возрастом мала, а брады нет, риза на нем темна с пробелью». Чудотворец назвал себя Василием и сказал стрельцу, чтобы он молился и веру держал. После этого Копылов стал ходить в церковь, постепенно выздоравливал и, наконец, «...пришед к утреннему пению, сказал видение при всем народу... и как ему имя свое чюдотворцево объявил».

2 апреля Тихон решился «досмотрить мощы новаго чюдотворца». Ночью он пошел в часовню со своим духовным сыном – мангазейским приказным человеком Никифором Смирным. После молений они вскрыли гроб, и им явилось новое чудо: «И от его чюдотворцовых мощей благодать Святаго Духа и благоухание изыде». Вскрыв мощи, Тихон убедился в правдивости своего видения: положение тела подтверждало, что до своей смерти чудотворец был «мучен с наруганием». Таким образом, Тихон поддержал версию о мученической смерти святого. В тот же день мощи были «с молебным пением, и со кресты, и с честными иконами, и со всем народом» перенесены «ис часовни... на Таз в соборную церковь». Затем, Тихон перенес мощи «на Усть-Тунгуску... и поставил в церкви живоначальныя Троицы» [21]

Перенос мощей вызвал конфликт митрополита Корнилия и «строителя» Тихона. Защищая совершенные ими дела – основание монастыря и перенос в него мощей свя-

[20] Кротов М.Г. Актовые источники повести о Василии Мангазейском... – С. 139.
[21] Там же. – С. 136–139.

того — монахи занялись богословским и литературным творчеством. Между 1671 и 1676 г. появилась первая редакция Жития Василия Мангазейского, составленная от имени «черного попа» Тихона [22] Позиция монастырских старцев и народное почитание не противоречили канонам православия, что привело к изменению официального отношения к культу Василия Мангазейского. В 1678 г. на кафедру Сибирскую и Тобольскую был поставлен новый митрополит Павел, почитавший святого Василия. О культе святого знала и верховная власть. В описании монастыря, составленном в 1780-х гг. отмечалось: «От прежних же блаженныя памяти российских государей присылаемы были мощам святаго в дар разные церковныя утвари и покровы, кои и доныне в том монастыре хранятся» [23] В августе 1679 г. «по своему обещанию» из Тобольска в Туруханскую обитель приехал архиерейский сын боярский Лука Филиппов, «прозванием Иконописец». В монастыре он прожил год, «а труды прилагал иконным художеством». В ноябре — декабре 1680 г. Лука Иконописец «по своему обещанию против подобия покрова его, чюдотворцова, гроба» написал икону святого Василия [24]

После перенесения мощей в обители продолжились чудеса. 24 июня 1690 г. енисейский посадский человек Семен Мартинианов, «родом зырян» из Яренска, сообщил, что более двух лет назад у него заболел правый глаз, от чего он начал слепнуть. Он дал обет до своей смерти «по вся годы посылать новоявленному чюдотворцу Туруханскому Василию на гробе» по свече и стал выздоравливать [25] 15 июня 1691 г. «по своему обещанию» в Туруханскую обитель приезжал Иван Ермолаев, «Устюжского уезду Ерогодской волости священников сын». Монахам он рассказал, что жил семь лет в Иркутске, «а ходил в те годы по сторонным рекам для соболиного промыслу». Однажды на промысле на него «нападе... внезапну страх велик», от которого он упал на землю, «велми изнемог и в безпамятство прииде». В этом состоянии ему было видение святого Василия, который сказал ему встать. Иван встал с земли и «здрав бысть», после чего дал обет съездить в Туруханскую обитель и молится перед иконой и гробницей чудотворца. По этому обету в монастыре пели молебен с колокольным звоном [26]

В начале XVIII в. верховная власть вновь обратила внимание на культ святого. После поставления на кафедру Филофей, митрополит Сибирский и Тобольский, предпринял новую попытку его официальной канонизации. В челобитной от 31 декабря 1702 г. он просил Петра I: «Аще Бог благословит перенести мощи святого Василия с Туруханскаго отдаленнаго монастыря и пустаго места во град Тобольск для большаго почествования ко святому, и о том бы дать великаго государя указ». Царь передал челобитную для рассмотрения судье Сибирского приказа А.А. Виниусу и по его предложению утвердил следующий приговор: «Святых мощей из Туруханскаго монастыря не переносить» [27] В 1719 г. Филофей посетил Туруханский монастырь, молился у гробницы святого и принял участие в торжественном перенесении «мощей» из старой Троицкой церкви в новую церковь Благовещения Богородицы. Собираясь в обратную дорогу, митрополит захотел «от мощей святого Василия взяти часть» в Тобольск. Но тут произошла неожиданность: он «коснулся к раке святого, и абие [тотчас] не благоволи Бог ему получити того желания».

В эпоху Петровских реформ народное почитание и покровительство архиереев церкви не являлось достаточным основанием для официальной канонизации. В 1722 г.

---

[22] ГПБ. Собр. ОЛДП. Q.197. Л. 1–13об.; Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII в. — Новосибирск, 2001. — С. 345–352.

[23] Описание Тобольского наместничества. — Новосибирск, 1982. — С. 235.

[24] Ромодановская Е.К. Легенда о Василии Мангазейском... — С. 208–209.

[25] Там же. — С. 206–207.

[26] Там же. — С. 209–210.

[27] Сулоцкий А. Челобитная митрополита Тобольского и Сибирского Филофея Лещинского Петру Великому и пометы сего государя на ней // ЧОИДР. — 1863. кн. 4. Смесь. — С. 18–51.

мощи были вынесены из церкви и скрыты «в земле в... часовне»[28] Перезахоронение «мощей» святого вызвало недовольство богомольцев и привело к появлению новой легенды. Посетивший монастырь в 1739 г., Г.Ф. Миллер записал рассказы местных жителей о том, что ранее мощи Василия Мангазейского были «публично выставлены в монастырской церкви. Однако, когда Филофей предпринял сюда путешествие... и нашел дело не столь важным, каким его обычно описывали, то он отдал распоряжение, по которому тело должны были ночью тайно убрать из церкви и захоронить вне ее. После чего вскоре церковь была истреблена пожаром и вместо нее над могилой была построена... часовня»[29]

В 1755 г. указом митрополита Сильвестра (Главацкого) почитанию Василия Мангазейского было запрещено совершение молебствий и поминание святого на отпуске. Однако в 1756 г., сразу же после смерти Сильвестра, этот запрет был отменен и разрешено служить по Василию Мангазейскому панихиды и всенощные по особому ритуалу. Между тем, часовня, поставленная над мощами святого, стала разрушаться из-за подмывания обрыва, на котором она располагалась. В 1788 г. из-за осыпания земли гробница показалась наружу. Игумен Туруханского монастыря Михаил перенес гробницу во вновь построенную каменную церковь в честь Благовещения Пресвятой Богородицы, положил на специально приготовленное место и устроил надгробие[30]

Официальное отношение к культу местночтимого святого не повлияло на народную веру. В начале XIX в. игумен Туруханского монастыря Феофилакт свидетельствовал о «великой приверженности к мученику здешнего и из других мест приезжающего народа». В 1802 – 1803 гг. в Томском, Енисейском и Туруханском уезде началась эпидемия горячки. Жители Туруханска причину бедствия объяснили тем, что «иконы святаго мученика Василия Мангазейского, находящиеся в Троицком тамошнем монастыре, вынесены из церкви, мощи его скрыты и отправляемые в честь его службы перестали». В рассмотрение этого вопроса вмешался томский губернатор. Тобольский архиепископ Антоний предписал внести в церковь образ Василия Мангазейского и не делать препятствий к почитанию святого[31]

В 1825 г. Тобольский архиепископ Михаил, будучи проездом в Туруханском монастыре, втайне «производил свидетельство мощам, но не соборне, и не допустив никого из посторонних»[32] Первый епископ Енисейский и Красноярский Никодим летом 1862 г. совершил путешествие по Енисею в Туруханск и посетил Троицкий монастырь. В своем дневнике он отметил, что Василия Мангазейского верующие люди «почитали святым и чудодействующим». В 1864 г. Никодим опубликовал «Житие и страдания мученика Василия Мангазейского» в «Иркутских епархиальных ведомостях»[33]

П.Е. Островских, посетивший Туруханск в 1903 г., писал о широком почитании культа Василия Манегазейского. По его свидетельству, «все торгово-промышленные суда (пароходы, баржи и илимки), во множестве весной, вслед за льдом Енисея, стремящиеся на север для рыбного промысла и для скупки рыбы и пушнины, стараются обязательно завернуть в Нижнюю Тунгуску, если только этому не препятствует ледоход этой обширной реки, чтобы поклониться могиле блаженного Василия». В 1893 г. епар-

---

[28] Бахрушин С.В. Научные труды. – Т. III, ч. 1. – С. 342–345.

[29] Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера... – С. 118.

[30] ТФ ГАТюмО. Ф. 144, оп. 1. № 51. Тетр. 41. Л. 2об.
Голубинский Е.Е. История канонизации святых в Русской Церкви. Изд. 2-е. М., 1903. С. 462; Сулоцкий А. Антоний Знаменский, архиепископ Тобольский // Странник. 1868, октябрь. С. 26–29.

[32] Пестов Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири в 1831 г. – 6/м, 1833. – С. 221.

[33] Никодим Мое путешествие из Красноярска в Туруханск и обратно // Енисейские епархиальные ведомости. – 1908, № 2. – С. 27; Повесть о блаженном Василии Мангазейском и о начале Туруханского Троицкого монастыря // Прибавление к Иркутским епархиальным ведомостям. – 1864. – С. 115–121, 134–140, 166–171, 182–184, 205–208, 242–247, 297–309, 323–328, 357–359, 383–385.

хиальные власти вновь возбудили ходатайство перед Синодом об официальной канонизации Василия Мангазейского. Под влиянием этого ходатайства Синод предписал завести книгу для записи чудес от его «мощей»[34]

Туруханская обитель и ее старцы

Туруханская обитель была создана в величественном месте — на крутом берегу, господствующим над окрестностями, на р. Енисее около устья Нижней Тунгуски. Центром архитектурного комплекса монастыря была церковь. Первая из них — Троицкая — была построена в середине 1650-х гг. и освящена в 1661 г. В начале XVIII в. Троицкая церковь обветшала и началось строительство новой церкви Благовещения Богородицы, которую освятил в 1719 г. митрополит Филофей. В 1780-х гг. была построена каменная церковь в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. В XVII — XIX вв. монастырь обладал знаменитыми на всю Сибирь колоколами. Один из них был прислан при его основании монастыря в дар от царя Алексея Михайловича. Кроме того, колокола очень высокого качества были присланы в XVII в. из Пелыма. Один из колоколов Туруханского монастыря был отлит в Голландии и имел клеймо «Anno Domini 1615»[35]

«Слово о начале обители» позволяет рассмотреть первые годы жизни монастыря. В нем рассказывается, что основателем монастыря стал устюжанин Тимофей Семенов, «поповский сын». Родители воспитали его «во всяком наказании и учише страху Божию». По достижении 30 лет он отправился в Сибирь. В середине 1650-х гг., в возрасте 42 лет, жил в Енисейске, где кормился трудом «рук своих». В 1656 г. Тимофей, спасаясь от «неправедного гнева» енисейского воеводы Максима Ртищева, бежал в Енисейский Спасский монастырь и был пострижен игуменом Леонидом в монашество под именем Тихон. Оттуда он направился в Туруханск, где ему удалось объединить несколько желающих избрать «монашескую жизнь как путь к спасению души». В 1657 г. Тихон нашел место «уединенно и ко прибыванию иноком угодно», водрузил там крест и приступил к сооружению келий и часовни. В 1659 г. он отправился в Тобольск к архиепископу Симеону за разрешением на постройку в новом монастыре церкви и для посвящения в сан священника. В 1660 г. разрешение было получено[36]

В 1663 г. в Туруханском монастыре произошло первое чудо, описанное монахами в особом литературном сочинении: немой Стефан Савин, молившийся в монастыре иконе Троицы, чудесным образом обрел дар речи. Свидетелями этого чуда стала вся «братия». Монахи видели мучения Стефана от «бесов», его исповедь Тихону. После чудесного исцеления Стефана «строитель» Тихон совершил благодарственный молебен перед чудотворной иконой. Уже в этом сочинении, наряду со святыми Николаем Мирликийским, Марией Египетской, упоминается мангазейский чудотворец[37]

Основателем монастыря был не только Тихон, но и монах Дионисий, пришедший вместе с ним в Туруханск из Спасского монастыря. В первые годы существования обитель была чрезвычайно бедна, как писали монахи, «питались де они травою и рыбою». Впрочем, это соответствовала тому образу «постнической» и «христолюбивой» жизни, которую они выбрали сами. Тихон в монастыре носил вериги, с кото-

---

[34] Житие Василия Мангазейского и повествование о начале Туруханского Троицкого монастыря /Под ред. П.Е. Островских. — СПб., 1910. — С. III.

[35] Чаган В. От Дивногорска до Диксона... — С. 87; Шорохов Л.П. Корпоративно-вотчинное землевладение... — С. 25.

[36] С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 685, 686; Миллер Г.Ф. История Сибири. — Т. III... — С. 104, 470.

[37] РГАДА. Собр. Мазурина. № 763; Ромодановская Е.К. Легенда о Василии Мангазейском и туруханская литературная традиция... — С. 62.

рыми и был похоронен. Дионисий умер ранее Тихона[38]. Дата смерти Тихона вызывала споры уже в начале XVIII в. В «Слове о начале обители» сообщается, что он умер в 1688 г.[39] По данным Г.Ф. Миллера, Тихон после открытия монастыря в 1660 г. «...до самой своей смерти, в течение 36 лет», был в нем «строителем», т.е. умер он около 1696 г.[40] После смерти Тихона обязанности игумена монастыря исполнял «тоя обители церкви святыя и живоначалныя Троицы диак Ларион Федулов сын Ванюков», а его казначеем был старец Давид. 1 января 1691 г. по благословлению митрополита Павла архимандритом Туруханской обители был поставлен иеромонах Гавриил. В Туруханск он приехал 9 июля 1691 г. и встретил доброжелательный прием немногочисленной братии.[41]

С момента основания Туруханский монастырь стал не только духовным, но и культурным центром Мангазейского уезда. Тихон привез в основанную им обитель рукописные книги, содержавшие богослужебные тексты, жития святых, летописи, а также ряд документов — царские грамоты и памяти. Это собрание положило начало богатой монастырской библиотеки[42] В 1730-х гг. библиотека обители пополнилась очень ценным даром. Российская императрица Анна Иоанновна преподнесла обители больших размеров богослужебное Евангелие, которое было напечатано в 1689 г. в Москве. На массивной серебряной крышке Евангелия внизу, между иконками евангелистов, было овальное изображение святого Василия с крестом в руке и надписью: «Мученик Василий Мангазейский»[43]

Во второй половине XVII в. в обители были составлены три оригинальных литературных произведения — «Чудо об исцелении немого от иконы Троицы» (1663), «Слово о перенесении мощей Василия Мангазейского» в Туруханский монастырь (между 1670 и 1676 гг.), «Слово о начале Туруханской обители» (1690-е гг.). Между 1719 и 1722 г. была создана новая редакция Жития Василия Мангазейского, включившая ряд новых литературных сочинений, в т.ч. «Слово о явлении мощей» и изложение чудес за 1653 — 1670 гг. Эти сочинения свидетельствовали о литературном таланте и начитанности их авторов. По наблюдению Е.И. Ромодановской, «Чудо об исцелении немого» выдавало хорошее богословское образование его составителя: «произведение... риторическое, полное книжных сопоставлений и цитат»[44] Образованность и литературные таланты монахов были известны не только тобольскому архиерею, но и сибирскому губернатору. В 1722 г. при обители была открыта цифирная школа[45]

Со второй половины XVII в. монастырь стал привлекать внимание образованных и богатых людей. Об этом свидетельствуют владельческие пометы на списках (копиях) с сочинений монахов Туруханской обители. Так, первая редакция Жития Василия Мангазейского, составленная между 1671 и 1676 гг., сохранилась в составе «Сборника Едомского». Свое название сборник получил по владельческой записи, сообщавшей, что в 1676 г. он принадлежал торговому человеку, устюжанину по происхождению Герасиму (Ерасиму) Михайлову сыну Едомскому — енисейскому приказчику московского гостя Остафия Филатьева. На списке Жития Василия Мангазейского, составленного в конце

---

[38] РАГАДА. Собр. Мазурина. № 763; Ромодановская Е.К. Легенда о Василии Мангазейском... — С. 63.

[39] Бахрушин С.В. Научные труды. — Т. III, ч. 1. — С. 342.

[40] Миллер Г.Ф. История Сибири. — Т. III. — С. 106.

[41] Ромодановская Е.К. Легенда о Василии Мангазейском... — С. 207.

[42] Чаган В. От Дивногорска до Диксона. — Красноярск, 1976. — С. 87; Шорохов Л.П. Корпоративно-вотчинное землевладение... — С. 25.

[43] Житие Василия Мангазейского и повествование о начале Туруханского Троицкого монастыря. Под ред. П.Е. Островских. — СПб., 1910. — С. IV.

[44] Ромодановская Е.К. Легенда о Василии Мангазейском и туруханская литературная традиция... — С. 62.

[45] Шорохов Л.П. Корпоративно-вотчинное землевладение... — С. 25.

XVII в., сохранилась владельческая запись 1736 г. купца гостиной сотни Александра Саватеева, также устюжанина по происхождению[46]

Крайне негативно на составе монастырской братии сказалась политика Петра I и его преемников, ограничивающая вклады в монастырь и запись в монахи. В 1730-х гг. игуменом монастыря стал Апполосс — невежественный развратник и пьяница. Кроме того, тобольский архиерей послал в эти годы в Туруханскую обитель несколько монахов на «смирение» за проступки, связанные с пьянством. Прожившие десятилетия в Приполярье монахи, несмотря на болезни и дряхлость лет, сумели доказать митрополиту Антонию, что монашеская жизнь требует духовной силы, которой у Апполосса нет. В результате, Тобольская духовная консистория лишила его сана[47]

Возрождение духовного авторитета Туруханского монастыря произошло только в 1770 — 1780-х гг. при игумене Мисаиле. Несмотря на то, что обитель потеряла свое богатое хозяйство в результате секуляризации 1764 г. в ней была построена каменная церковь. Тогда же возобновилась миссионерская деятельность монахов среди сибирских язычников. Впрочем, и Мисаилу не удалось полностью искоренить пьянства в обители. В 1770 г. он потребовал даже письменного обязательства от одного из монахов о том, «что он бить окна и ломать двери не будет»[48] Большим авторитетом в XIX в. пользовались игумены Туруханского монастыря Феофилакт и Илиодор.

Первый вкладчик в монастыре появился в 1663/64 г. В 1679 г. в монастыре числилось 22 вкладчика, из них 14 ранее проживали в поморских уездах, 8 — в сибирских (Енисейском, Тобольском, Якутском, Березовском, Мангазейском, Тарском, Пелымском и Тюменском). Следует отметить, что восемь из 22 вкладчиков ранее числились служилыми и посадскими людьми, т.е. обладали относительно высоким правовым статусом и, видимо, являлись зажиточными людьми. В 1701 г. при монастыре числилось 11 дворов вкладчиков. Переписью 1721 г. было учтено 40 душ м.п. вкладчиков вместе с детьми[49] В результате, в конце XVII — XIX вв. около Туруханской обители выросло с. Монастырское. В 1925 г. оно было переименовано в г. Ново-Туруханск и стало административным центром Туруханского края.

С конца XVII в. тобольские духовные власти стали пользоваться удаленным положением Туруханского монастыря, превратив его в место «смирения» для преступников против веры и церкви. После церковного диспута в Тобольске, состоявшегося в 1667/68 г., в Туруханскую обитель был послан Авраамий Венгерский — бывший монах Кодского монастыря, ставший впоследствии известным за Уралом «лжиучителем» и «раскольщиком». Отправляя его в Туруханск, митрополит Корнилий, видимо, надеялся на то, что Авраамий проникнется тем духом аскетической жизни, который был характерен для Туруханской обители. Однако Авраамий оказался не способен к «постнической» и «христолюбивой» жизни и вскоре «по отпуску» «строителя» Тихона удалился из обители[50]

С 1730 г. число епитимщиков в монастыре увеличилось. В XVIII в. на «смирение» в обитель посылались сектанты, сконцы, пьяницы-монахи и т.п. Судя по всему, содержались они достаточно свободно и имели даже возможность клеветать на монастырь и его святыни. В «Описании Тобольского наместничества» 1790 гг. говорится, что после переноса мощей святого Василия в Туруханскую обитель «...оному производима служба и молебствие, а назат тому лет 14-ти оная отменена по протесту бывшаго в том монастыре

---

[46] Ромодановская Е. К. Легенда о Василии Мангазейском... — С. 64–65, 70; Копылов А.Н. Русские на Енисее... — С. 157, 175.

[47] Ауэрбах Н. К. Архив Туруханского монастыря... — С. 213–214.

[48] Там же. Архив Туруханского монастыря... — С. 214.

[49] Копылов А.Н. Русские на Енисее... — С. 51–52; Александров В.А. Русское население Сибири... — С. 77; Ауэрбах Н.К. Заселение и развитие промыслов... — С. 12.

[50] Шашков А.Т. Авраамий // Православная энциклопедия. — Т. 1: [Алексий Студит]. — М., 2000. — С. 168–169.

под смирением монаха Леонтовича, а позволено толко отправлять понахиды со всенощным бдением и литиею»[51]

В 1827 г. по собственному желанию в монастырь был переведен ссыльный декабрист Н.С. Бобрищев-Пушкин. До перевода в обитель он прошел страшный каторжный путь: этапирован в Среднекалымск, совершил попытку побега и переведен в кандалах в Туруханск. По дороге сошел с ума. Столкнувшись с этим страдальцем, монахи сумели настоять на его переводе в Енисейский Спасский монастырь, а в 1829 г. – в енисейскую городскую больницу. С начала XIX в. местом ссылки политически неблагонадежных элементов стали с. Монастырское и Туруханск. Здесь жили ссыльные декабристы Н.Ф. Лисовский, И.Б. Аврамов, Ф.П. Шаховской и С.И. Кривцов. На поселении они вели достаточно свободный образ жизни, занимались торговлей и обучением местных детей. Шаховской в январе 1827 г. даже пожертвовал 300 руб. жителям Туруханска, пострадавшим от неурожая[52]

Хозяйство Туруханской обители

При основании в 1660 г. Туруханский монастырь не получил земельных пожалований. Но путем вкладов, закладов, купли и захвата монахи в конце XVII – XVIII вв. сумели приобрести значительное количество различных промыслов в Мангазейском уезде и земельных угодий – в Енисейском. Превращение обители в крупный хозяйственный центр объясняется как его ролью в мирской жизни русских землепроходцев, так и географическим положением. В Сибири, как и в Поморье, промышленные и торговые люди в первой половине XVII в. использовали православные церкви в мирских целях: проводили в них мирские «советы», хранили в них мирскую документацию и наиболее ценное имущество. По наблюдению С.В. Бахрушина, в Мангазее и Туруханске церкви располагали большими материальными богатствами и служили «как бы мирскими банками»[53]

После запрещения Печерского пути «через камень» и переноса административного центра уезда из Мангазеи в Туруханск, монастырь превратился в хозяйственный центр «златокипящего» края. Отныне и сбор ясака, и промыслы «вверх по Енисею» можно было организовать только через устье Тунгуски, т.е. Туруханскую обитель. В начале XVIII в. по указу воеводской канцелярии в монастыре была организована таможенная застава «для смотрения плывущих всяких торговых людей и ясашных зборщиков»[54] Как справедливо отмечал В.А. Александров, основатели монастыря «оказались прозорливее местных и московских администраторов»[55]

Уже в 1668 г. монастырь имел три заимки в верховьях Нижней Тунгуски[56] Рост промыслового хозяйства монастыря объяснялся тем, что из-за резкого сокращения добычи соболя крупные торгово-промышленные хозяйства стремились избавиться от своих зимовий. В 1690 г. приказчики Григорий Кочетов и Герасим Едомский московского гостя Остафья Филатьева продали 12 зимовий «вниз по Енисею реке за губою». В 1710 г. семь «песцовых зимовий» продал промышленный человек Иван Тошиных.

Легко продавали зимовья мелкие промышленники, т.к. после продажи могли пользоваться ими на условиях аренды. В 1689 г. монастырь купил «песцовое зимовье

---

[51] Ауэрбах Н.К. Архив Туруханского монастыря... – С. 214; Описание Тобольского наместничества. – Новосибирск, 1982. – С. 235.

[52] Декабристы. Биографический справочник. – М., 1988. – С. 5, 24, 91, 102, 198.

[53] Бахрушин С.В. Научные труды. – Т. III, ч. 1. – С. 311.

[54] Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. – Новосибирск, 1990. – С. 159.

[55] Александров В.А. Русское население Сибири... – С. 77.

[56] Шорохов Л.П. Корпоративно-вотчинное землевладение... С. 53, 80.

вниз по Енисею реке... на Казанцову носу» у торгового человека Луки Брязгина. В 1690 г. — «песцовое зимовье вниз по Енисею реке на юратской стороне против Казанцева острову» у промышленников Михаила Басова и Саввы Кожевина. В 1720 г. — «промышленное зимовье вниз по Енисею реке на Усть-Дудиной реки» у казака Федора Строгонова[57]. Договорившись с монастырем о будущей аренде, промысловики обычно продавали зимовья со всем скарбом и инвентарем. Так, 18 марта 1724 г. за один рубль продал зимовье промышленный человек Никита Колмогоров «с пасником и с скудельником, одной ямой, с амбаром составным, одной лодкой набойницей, с неводом, с поплавнями, с пущальницами, с котлом железным да сковородами и с собаками»[58]

В 30 — 50-х гг. XVIII в. монастырь владел 23 зимовьями из 38, расположенными преимущественно на Гыданском полуострове, севернее р. Дудинки. Основными направлениями деятельности монастыря был промысел пушного зверя и рыболовство. В конце XVII — начале XVIII вв. монастырь преимущественно сдавал свои зимовья в аренду. Так, в 1700 г. промысел находился под присмотром «у старца Давыда Чюпрова з братией». С 1724 г. братия стала осуществлять добычу пушнины с помощью покрученников — наемных работников монастыря. Промыслом стал заведовать приказчик-«передовщик», который принимал зимовья, нанимал покрученников или сдавал зимовья в аренду, следил за всем промыслом. Передовщик полностью обеспечивался монастырем и, кроме того, ежегодно получал жалование в размере 4 руб., а также одну треть от промысла песца. В 1750-х — 1764 гг. передовщиком был Мартын Харламов[59]

Монастырь был крупнейшим поставщиком пушнины и мамонтовой кости на рынок. В конце XVII в. старцы «являли» в туруханской таможне крупные партии мехов, главным образом песцовые шкурки, добытые зависимыми от монастыря промышленниками[60] В 1700 г. монастырь получил 740 песцов белых, 30 песцов голубых, 10 недопесков. В 1732 г. — 50 недопесков, 2-х песцов голубых рослых, 2-х недопесков голубых. В 1753 г. — 128 песцов рослых, 26 недопесков, 1 голубого песца[61] В 30 — 50-х гг. XVIII в. на Алабацком подворье монастыря в Енисейске торговали мехами, мамонтовой костью, закупали продукты и материалы для монастыря[62]

В 1676 — 1677 гг. монастырь по частям скупил землю и соляную варницу на р. Усолке у наследников известного енисейского солепромышленника и торговца Алексея Тихонова Жилина. За 450 дес. земли, на которых располагался соляной промысел, монастырские старцы заплатили 1250 руб. В 1680 г. грамотой Сибирского приказа за монастырем были закреплены соляная варница, мельница и земли, к ним прилегающие. Помимо добычи соли в своей Усольской вотчине братия монастыря организовала добычу и обработку железной руды. В 80 — 90-х гг. XVII в. Троицкое усолье давало ежегодно от 4500 до 7000 пудов соли. Часть соли монахи вывозили по Енисею в Мангазейский уезд, а также в Томск. В конце XVII в. ежегодно монастырь отправлял на продажу в Томск до 2 тыс. пудов соли. В 1735 г. в монастырских амбарах хранилось 3 тыс. пудов соли[63]

В конце XVII в. была предпринята попытка организовать монастырское земледельческое хозяйство в непосредственной близости от обители. Монастырь поселил на своих зем-

[57] Ауэрбах Н.К. Заселение и развитие промыслов... — С. 11.

[58] РГАДА. Ф. 281. Оп. 1. Д. 4599. Л. 2.

[59] Копылов А.Н. Русские на Енисее... — С. 109–110; Ауэрбах Н.К. Заселение и развитие промыслов в низовьях реки Енисея... — С. 25–26.

[60] Александров В.А. Русское население Сибири... — С. 77.

[61] Ауэрбах Н.К. Заселение и развитие промыслов в низовьях реки Енисея... — С. 18, 28–29.

[62] Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. — Новосибирск, 1965. — С. 227.

[63] РГАДА. Ф. 214. Кн. 1031. Л. 28–29; Миллер Г.Ф. История Сибири. — Т. III. — С. 103; Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири... — С. 373; Копылов А.Н. Русские на Енисее. — С. 108, 109; Александров В.А. Русское население Сибири... — С. 251, 291; Шорохов Л.П. Корпоративно-вотчинное землевладение... — С. 54, 80.

лях несколько крестьян и попытался организовать здесь пашню. Смелый опыт развития земледелия в Приполярье первоначально оказался неудачным. От «хлебного недорода» крестьяне сбежали на р. Лену и в другие места[64]. Однако в XVIII в. братия и вкладчики все же сумели организовать вблизи от обители земледельческое поселение – с. Монастырское. В 1764 г. в Тунгуской вотчине монастыря числился 101 крестьянин. В 1754 г. в ней «по урожаю явилось» 561 пуд ржи, 187 пуд ярицы, 450 пуд ячменя. Кроме того, с крестьян было взято окладного оброчного хлеба за 1753 г. 280 пудов ржи и 280 пудов ячменя[65]

Крупное земледельческое хозяйство монахам удалось организовать в Енисейском уезде. В 70-х гг. XVII в. монастырь получил несколько «данных» из Енисейской приказной избы на приобретенные захватом пустые земли около д. Барки и в елани против Казачьего луга, а также полученные в заклад землю и половину мельницы на Казачьем лугу и острое Чистый (на р. Енисее) от казака Федора Черного, крестьянина Анцыфора Прокопьева и посадского Кондратия Прокопьева. В 1686 г. в Усольской вотчине и близь Енисейска обители принадлежало свыше 2800 дес. земли, которую обрабатывал 21 крестьянин. В 1686 г. вкладчики и наемные работники посеяли 55 десятин ржи и овса для монастыря и 66 десятин – для себя. В 1753 г. в Балахнинской и Усольской вотчинах Енисейского вотчинах на 130 десятинах было засеяно 340 пудов овса, 144 пуда ячменя, 36 пудов ярицы, 24 пуда пшеницы, 768 пудов ржи[66]

В Енисейске монастырь создал своеобразный торговый филиал – Абалатское подворье. Именно через него братия сбывала добытую пушнину по более высокой цене, чем на Туруханской ярмарке. Большие преимущества давало подворье и в торговле хлебом: если в 30 – 50-х гг. XVIII в. в Енисейске пуд хлеба стоил около 7 коп., то в Туруханске – 15 коп. Монастырь получал возможность сбывать в Мангазейском уездах произведенный в собственном хозяйстве и купленный в Енисейске хлеб с большой прибылью. Через Абалатское подворье продавалась и соль, добытая в Усольской вотчине монастыря[67]

Таким образом, накануне секуляризации церковных имуществ Туруханский монастырь был крупным хозяйственным центром. В 1764 г. обитель владела Тунгусской вотчиной, расположенной на 1500 верстах до Карского моря по р. Тунгуске, Балахнинской вотчиной (с. Балахнинское с деревнями – Барковской, Вагиной, Мысовской) и Усольской вотчинной (Троицкое Усолье с деревнями – Пултуцкой, Мурманской, Глинской, Черной) в Енисейском уезде. За монастырем числилось 400 дес. пашенной земли, которую обрабатывали 399 душ крестьян. Монастырь имел собственные соляные и песцовые промыслы, семь лавок в Туруханске и каменные лавки на Абалатском подворье в Енисейске[68]

В 1765 г. вотчины Туруханского монастыря перешли в государственную собственность. При изъятии соляного промысла было обусловлено, что обитель будет получать по 2500 пудов соли ежегодно для своего содержания. Именно такое количество соли и поставлялось монастырю до революции из Троицкого солеваренного завода. Все промысловые зимовья в низовьях Енисея продали промышленнику Тубову «со товарищи» за 80 руб.[69] Ликвидация монастырского хозяйства привела к постепенному запустению промысловых зимовий в Мангазейском уезде. Во второй половине XVIII в. не нашлось сопоставимого с монастырем крупного предпринимателя, которые сумел бы обеспечить экономические потребности промысловиков.

---

[64] Александров В.А. Русское население Сибири... – С. 68.

[65] Ауэрбах Н.К. Заселение и развитие промыслов... – С. 17.

[66] Копылов А.Н. Русские на Енисее... – С. 108, 109; Ауэрбах Н.К. Заселение и развитие промыслов... – С. 17–18.

[67] Ауэрбах Н.К. Заселение и развитие промыслов... – С. 19.

[68] ам же. Заселение и развитие промыслов... – С. 17, 18; Шорохов Л.П. Корпоративно-вотчинное землевладение... – С. 54, 62.

[69] Ауэрбах Н.К. Архив Туруханского монастыря... – С. 214; Чаган В. От Дивногорска до Диксона... – С. 87.

Туруханская обитель и «иноверцы» Сибирского Севера

Мангазейский уезд был вторым по размерам территории в Сибири, уступая только Якутскому. Коренным населением этой обширной территории были малочисленные племена кочевников-оленеводов, охотников и рыболовов. Зоны тундры и лесотундры заселяли предки четырех современных этнографических групп северных ненцев и энцев — юраки, нганасаны, тундровые и лесные самоеды. В районе старой Мангазеи платила ясак кудасейская самоедь, «что кочует на Кудасее реке», «тидирисы», живших на Тидринском озере и юратская самоедь р. Пура. В районах Туруханска и Хантайского зимовья платили ясак туруханские и хантайские самоеды. Лесотундру заселяли предки современных кетов, селькупов и эвенков. В Инбатском зимовье платили ясак остяки и инбаки. Закаменного зимовья — закаменные енисейские остяки. В районе трех Тунгусок кочевали племена тунгусов.

Ненцы, энцы, нганасаны (самоеды-юраки, енисейские самоеды и самоеды-тавгийцы XVII — XIX вв.) и тунгусы Туруханского края уезда были кочевыми тундровыми и лесотундровыми оленеводами, охотниками и в меньшей степени рыболовами. Селькупы (лесные тазовские и туруханские самоеды), кеты и ханты (остяки) — оседлыми охотниками и рыболовами. Их социальная организация находилась на стадии патриархально-родового общества, система которого была основана на авторитарных началах. Прочная племенная организация у народов Мангазейского уезда XVII в. не сложилась. Только некоторые военные вожди и шаманы иногда объединяли несколько родовых групп. Основой социальной организации был род. Главой рода у самоедов-тавгов, пясидских самоедов и тунгусов был обычно шаман[70]

Кочевой быт коренного населения тундры и лесотундры, господство родового строя обуславливали межродовые конфликты, сопровождавшиеся грабежами и убийствами. Так, «неясачной самоядью» в 1635 г. были убиты восемь самоедов Мундутского рода, в 1638 г. — пять самоедов Тыдасидина Тягорева рода. В 1630-х г. в вооруженном конфликте верхотазовской и худосейской самояди погибло 10 ясачных. В 1654 г. на р. Большой Соболиной, левом притоке Таза, селькупы убили 11 верхотазовских самоедов и взяли в плен шесть женщин и ребенка[71]

Нападения «кровавой самояди» на русских людей были обычны для XVII в. и приводили к посылке целых военных отрядов для их «замирения». Уже отряд воевод Мирона Шаховского и Данила Хрипунова, посланный тобольскими воеводами в 1600 г. на р. Таз для основания Мангазейского острога, подвергся нападению и был частично уничтожен. В 1645 г. за р. Тазой «пуртовская воровская самоядь» напала на ясачных сборщиков и убила стрельца Савву Андреева. В том же году для поимки виновных были посланы казаки и стрельцы из тобольского и мангазейского гарнизонов, в 1646 г. — из тобольского и березовского. В 1679 г. «воровская самоядь» пыталась взять штурмом Верхотазовское зимовье (с 1648 г. находившееся в старой Мангазее). В 1695 г. на р. Таз «воровская самоядь» вновь перебила ясачных сборщиков[72]

Однако не конфликты определяли развитие этноконфессиональных отношений в Туруханском крае. Проникновение русских землепроходцев внесло изменения в приемы ведения хозяйства и промысла коренного населения. Широкое развитие получила торговля с «иноземцами». Например, в XVII в. ханты шили халаты-азямы из английского

---

[70] Долгих Б. О. Родовой и племенной состав... — С. 119–182; Он же. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. — М., 1970.

[71] Долгих Б. О. Очерки по этнической истории... — С. 160, 188, 193.

[72] РГАДА. Ф. 214. Стб. 1402. Л. 521–522, 426–428, 453–459; Бахрушин С. В. Научные труды. — Т. III, ч. 2. — С. 164; Долгих Б. О. Очерки по этнической истории... — С. 185, 189, 190; Никитин Н. И Служилые люди в Западной Сибири в XVII в. — Новосибирск, 1988. — С. 90.

сукна, купленного у русских торговцев [73] Народы тундры и лесотундры страдали от эпидемий и голода. Крупными бедствиями были эпидемия оспы 1630 – 1631, 1691 – 1692 гг.[74] Во второй половине XVII – XVIII вв. русская администрация систематически снабжало ясачное население хлебом в голодные годы. Братия Туруханской обители также оказывала такую помощь. В 1696 г. монастырь ссудил воеводским властям на различные расходы свыше 4,5 тысяч пудов муки и зерна [75] В 1733 г. по просьбе воеводской канцелярии монастырь выдал несколько тысяч пудов хлеба населению Мангазейского уезда, голодавшему после неурожая, неудачного охотничьего и рыболовного сезона [76]

С XVII в. коренное население стало интересоваться православием – основой культуры русских землепроходцев. Политеистический характер верований язычников приводил к тому, что святые, почитавшиеся русскими, могли стать объектом их почитания. Сибирский краевед и церковный писатель XIX в. А. Сулоцкий свидетельствовал, что на месте часовни в старой Мангазеи, где до 1670 г. находились мощи святого Василия, в любое время года можно было увидеть звериные шкуры. От путешественника Н. Кострова он узнал: «Это приношение бродящих вблизи юраков Тазовской орды и других инородцев, случайно заходящих в эту глушь. Они свято чтут память Василия и, отправляясь на лов зверей или после удачной охоты, всегда приходят к часовне и оставляют в ней какую-нибудь шкуру. Русские жители ближайшего селения Тазовского считают святотатством взять оттуда что-нибудь. В часовне находятся несколько образов»[77]

В начале XVIII в. митрополит Филофей с целью распространения православия совершил ряд поездок в земли кочевых самоедов Березовского и Мангазейского уездов. В 1704 г. он проповедовал православие в Обдорской волости. В 1714 г. ему удалось окрестить Алексея, сына обдорского князца Тайши. Миссионерская деятельность вызвала в крае напряженную обстановку. В 1716 г. самоеды, отказавшиеся принять крещение, предлагали остякам напасть на Сургут и Березов, перебить в них комендантов и русских жителей, «новокрещены» ответили отказом на это предложение. В 1717, 1718 и 1722 гг. «кровавая самоядь» совершила набеги на остяков Ляпинской, Куноватской, Сосьвинской и Казымской волостей. Несмотря на это кровопролитие, Филофей в 1719 г. совершил миссионерскую поездку в Мангазейский уезд, а в 1726 г. – в Обдорскую волость. Во время последней поездки самоеды во главе с князцом Тайшей Гындиным забросали судно архиерея стрелами. Но все же миссионерам удалось добиться некоторых успехов. В 1720-х гг. в Инбацкой волости Мангазейского уезда у «новокрещенных» была построена Успенская церковь. В 1726 г. православие принял обдорский князец Василий Тайшин [78]

Во второй половине XVIII в. миссионерская деятельность в землях самоедов стала более успешной, что объясняется развитием этнических контактов между русским и коренным населением Сибири. В экстремальных природных условиях Таймыра русские жители воспринимали наиболее рациональный для тех мест хозяйственно-бытовой уклад местных жителей – самоедов и якутов. В этой зоне сформировалась новая сибирская этническая группа долган, смешанного эвенко-якуто-русского происхождения [79]

Центром миссионерской деятельности в Туруханском крае была Троицкая обитель, в которой располагалось духовное правление. В конце XVIII в. в составе Туруханского

---

[73] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав... – С. 181.

[74] Долгих Б.О. Очерки по этнической истории... – С. 140.

[75] РГАДА. Ф. 214. Кн. 1031. Л. 28об. – 29об.; Александров В.А. Русское население Сибири... – С. 77.

[76] Ауэрбах Н.К. Заселение и развитие промыслов... – С. 18.

[77] ТФ ГАТюмО. Ф. 144. Оп. 1. № 52. Лл. 29–30.

[78] РГИА. Ф. 796. Оп. 15. 1734 г. Д. 483. Л. 16; Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. – Новосибирск, 1996. – С. 131–132.

[79] Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. – Новосибирск, 1981. – С. 194.

заказа были четыре приходские общины с Инбацкой, Хатангской, Усть-Тунгусской и Тазовской церквами. В архиве монастыря сохранились списки «новокрещенных», получивших подарки за принятие православной веры, донесения священников о состоянии их приходов[80]

В 1755 г. была крещена группа туруханских лесных самоедов общей численностью в 42 чел. (24 мужчины и 18 женщин). В том же году в Тазовской волости было «крещено самоядов асидского и селярского родов» 28 мужчин и 37 женщин «да наусицкого» 60 мужчин и 40 женщин. Миссионерская деятельность среди лесных энцев продолжалась и в 1760-х гг.[81] В 1780-х гг. игумен Туруханского монастыря Мисаил распространял православие в Красноярском уезде. Он писал тобольскому архиерею: «...имел я проезд... вверх по рекам Енисею и Абакану чрез ясашные волости даже к мунгальской стороне» и крестил «...мужеска полу 4, женска 7, малолетних мужеска 7, женска 6». В январе — феврале 1788 г. игумен Мисаил крестил 15 татар «в Качинской землице»[82]

В 1789 г. Сенат приостановил деятельность миссионеров на Севере Сибири. Причиной послужили волнения самоедов европейской России, среди которых распространился слух, «что их хотят крестить насильно»[83] В течение первой половины XIX в. случаи крещения язычников были единичны. Перелом в миссионерской политике произошел только в 40-х гг. XIX в.

В 1850 г. была открыта Туруханская духовная миссия. В 1863 г. при Туруханской обители красноярским золотопромышленником и меценатом М.К. Сидоровым было основано училище для детей «иноверцев»[84] В конце XIX в. миссионерами были открыты церковь в Ессее и часовня в Чиринде, двух факториях на севере Эвенкии. По свидетельству П.Е. Островских, культ Василия Мангазейского почитался эвенками и юраками, а тунгусы не упускали «случая, во время своих выходов из тайги к Енисею, посетить Троицкий монастырь и поклониться останкам блаженного Василия»[85] К началу XX в. лесные энцы обрусели, были крещены и считались православными. Из тундровых энцев формально приняло православие более половины. Фактически, что признавали и православные миссионеры, представления энцев о догматах православной церкви были чрезвычайно поверхностны. Все принявшие православие сохраняли комплекс языческих верований[86]

Заключение

Туруханский Троицкий монастырь был основан в «студеной тундре», где зимой «от мраза» птицы замерзали налету и падали на землю. Мечтой жителей этой суровой земли было краткое северное лето, когда «теплота солнечная велия» отогревала землю. Для того чтобы жить в этих местах недостаточно было мужества и физической силы, необходима была сила нравственная и вера. Именно это и дала жителям Заполярья и Приполярья православная обитель и почитаемый ими культ святого Василия Мангазейского. Став духовным центром огромного края, Туруханская обитель превратилась и в его культурный и хозяйственный центр. Большую роль в этнических взаимо-

---

[80] Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII в. — Новосибирск, 1990. — С. 233; Ауэрбах Н. Архив Туруханского монастыря... — С. 214.

[81] Долгих Б.О. Очерки по этнической истории... — С. 197, 199.

[82] ТФ ГАТюмО. Ф. 156. 1788 г. Д. 44. Л. 31, 33; Шорохов Л.П. Корпоративно-вотчинное землевладение... — С. 38.

[83] Югорск. От легенды до точки на карте. — Екатеринбург, 1997. — С. 106.

[84] Православная Богословская Энциклопедия. — Т. 5. СПб., 1904. — Стлб. 446.

[85] Житие Василия Мангазейского и повествование о начале Туруханского Троицкого монастыря /Под ред. П.Е. Островских. — СПб., 1910. — С. III.

[86] Долгих Б.О. Очерки по этнической истории... — С. 137.

действиях русского и коренного населения играла миссионерская деятельность монахов.

После установления советской власти, в мае 1920 г., Туруханская обитель была ликвидирована, а ее имущество национализировано[87]. Знаменитые колокола висели в звоннице туруханской церкви до конца 1920-х гг., но затем исчезли: возможно, их отправили в переплавку. В 1970-х гг. остатки монастыря находились в плачевном состоянии. Краевед и путешественник В. Чаган писал в эти годы: «Остатки каменного собора, разделенного на летнюю и зимнюю церкви, сохранились и поныне. Верхняя часть собора снята и заменена крышей, а в нижнем помещении, к сожалению, устроен склад»[88].

В 1968 – 1973 гг. историки-коммунисты попытались «разоблачить» культ Василия Мангазейского. Проводивший археологические раскопки на территории старой Мангазеи, М.И. Белов заявил, что им была обнаружена часовня и «мощи» Василия Мангазейского. Уже это утверждение противоречило документальным свидетельствам о перевозе тела в 1670 г. в Туруханск. Противоречивы были выводы и о самих «мощах». В 1972 г. Белов писал, что во вскрытом склепе «хранились три кости от разных людей, одна из них, черепная, возможно, часть того черепа, которой не хватило мощам мангазейской часовни»[89] В 1980 г., после находки рядом с часовней черепа, он заявлял, что в склепе были «кости собаки, мужчины и женщины», без упоминания черепной кости[90].

Православные люди в советское время продолжали помнить о Василии Мангазейском. Жители Туруханска хранили иконки святого и передавали их из поколения в поколение. В 1920 – 1970-х гг. происходили новые видения святого и связанные с ними чудеса. В 1977 г. в журнале Московской патриархии была опубликована статья священника Б. Пивоварова, посвященная культу Василия Мангазейского[91]. После краха коммунистической утопии произошло восстановление Туруханского монастыря. Святейший Синод дал на это благословение 22 февраля 1995 г.

---

[87] Доброновская А.П. Отделение церкви от государства в Енисейской губернии (1920–1922 гг.) // Сибирь в XVII–XX веках: Проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000 гг. – Новосибирск, 2002. – С. 111.

[88] Чаган В. От Дивногорска до Диксона... – С. 87.

[89] Белов М.И. Раскопки русского заполярного города // Летопись Севера. – М., 1972. – Вып. 6. – С. 172.

[90] Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. – Л., 1980. – С. 91.

[91] Житие святого праведного Василия Мангазейского. Подгот. Б. Пивоваров // Журнал Московской патриархии. – 1977. № 11. – С. 69–74.

И. Л. Манькова

ПЕЧОРА – ОБЬ – ЕНИСЕЙ: ПОИСКИ И ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАНСПОРТНЫХ ПУТЕЙ ЧЕРЕЗ СЕВЕРНЫЙ УРАЛ, ПОЛУОСТРОВ ЯМАЛ И НИЖНЕЕ ПРИОБЬЕ (XIX – НАЧАЛО XX вв.)

В силу своего географического положения Северный Урал, полуостров Ямал и Нижнее Приобье издавна привлекали внимание путешественников и торговцев как транзитная зона, через которую проходили северные пути сообщения Запада с Востоком. По рекам и волокам Северного Урала и Нижнего Приобья отправлялись русские дружины за мехами в Югру. По Баренцеву и Карскому морям от устья Печоры до северо-западных берегов полуострова Ямал, по ямальским рекам Мутной и Зеленой в Обскую губу на легких парусных судах прокладывали путь в устье Оби русские поморы. В XVI в. через северные моря и Обь стремились найти дорогу в неведомый богатый Китай европейцы.

С XVIII в. необходимость «сближения Сибири с внутренними губерниями» заставила государственные органы управления предпринимать меры по поиску наиболее удобных путей сообщения с территориями, расположенными за Уральским хребтом. Одним из важнейших направлений в этом деле стало «северное», т.е. разведка и открытие морских, речных и сухопутных дорог через Баренцево и Карское моря, реки, впадающие в северные моря и материковую часть севера Западной Сибири. В 1734–1737 гг. по заданию Адмиралтейств-коллегии участники Великой Северной экспедиции исследовали морской путь от Архангельска до устья Енисея. Двинско-Обский отряд экспедиции провел разведку морской дороги от Архангельска до устья Оби. На основе описей В.М. Селифонтова С.Г. Малыгиным и А.И. Скуратовым была составлена «Меркаторская карта Северного океана с назначением берега от р. Печеры до р. Оби с прилегающими островами и с частию Новой Земли» [1]. Второй отряд экспедиции – Обско-Енисейский – должен был пройти по Обской губе и проложить путь до устья Енисея. Только с четвертой попытки в 1737 г. лейтенанту Д. Л. Овцыну и штурману И.Н. Кошелеву удалось пройти из Обской губы в устье Енисея. Наблюдения, сделанные членами Обско-Енисейского отряда, вошли в «Генеральную карту северных и восточных берегов Российской империи», составленную Морской академией в 1746 г.[2] Таким образом, уже в первой половине XVIII в. была поставлена задача соединения морским путем трех великих северных рек – Печоры, Оби и Енисея, что позволило бы связать Европейскую часть России с ее азиатскими просторами и сделало бы более доступными для европейских рынков богатства Сибири. Деятельность Великой Северной экспедиции положила начало научному поиску путей сообщения через север Западной Сибири. На материалы этой экспедиции опирались последующие исследователи.

В XIX – начале XX вв. в деле поисков транспортных путей через север Западной Сибири можно выделить три составляющих: 1) разведка водно-сухопутного пути по речной системе через полуостров Ямал и прилегающую территорию; 2) изучение Обской губы и низовьев Оби; 3) исследование возможностей прохода судов через Карское

[1] Ямал – знакомый и неизвестный. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1995.С. 93.

[2] Ямал: грань веков и тысячелетий. Салехард «Артвид», СПб «Русская коллекция», 2000. С. 232.

море к устьям Оби и Енисея. В данной статье основное внимание будет уделено открытию сухопутно-речных путей и изучению Обской губы.

Еще со времен Петра I вынашивались планы создания сети внутренних водных путей, охватывающей всю страну. В XVIII в. на европейской части государства велось сооружение ряда водных систем, в том числе и Северо-Двинской, предназначавшейся для судоходства между Санкт-Петербургом и Архангельском[3]. Вопрос о водной системе, соединившей бы Поморье с севером Сибири, был лишь делом времени.

XIX век принес новое понимание места Сибири в мирохозяйственных связях. Потребности экономического развития, богатые природные ресурсы этого региона поставили на повестку дня вопрос о преодолении его изолированности через развитие новых транспортных путей. Трудности прокладки морского пути по северным морям, сомнения в возможностях прохода по ним торговых судов актуализировали вопрос о строительстве канала, соединившего бы устья Печоры и Оби. В 1806 г. инженер-подполковнику И. Попову было поручено изучить естественные водные пути сообщения между Карским морем и Обской губой, а именно водораздел между р. Юрибеем и р. Иой, и выяснить возможности строительства канала между Обью и Байдарацкой губой. Экспедицией были обследованы бассейн р. Юрибея от Обдорска на север параллельно западному побережью Обской губы, а также бассейн р. Собь, сделана топографическая съемка верховьев р. Юрибея. На основе проведенных исследований И. Попов высказал сомнение в целесообразности строительства канала и предложил соединить р. Собь и р. Усу [4].

К середине XIX в. необходимость прокладки удобных транспортных путей между Сибирью и Европой в полной мере стала осознаваться как крупными сибирскими промышленниками, так и мелкими торговцами. Как писал М. Смоленский в статье «О предполагаемом сообщении между реками Печорой и Обью», опубликованной в Тобольских губернских ведомостях в конце1857 г., «дело о северном пути в настоящее время начинает у нас (т.с. в Тобольске – И.М) принимать живое и сильное движение» [5]. По приведенному в этой же статье свидетельству тобольского купца, имевшего на Оби рыбный промысел, «во время ярмарок в Березовской округе русские, зыряне и остяки после торговых сделок обыкновенно ведут самый живой разговор о том, как бы открыть водяной путь из Оби в открытое Северное море, даже слухи носятся в Березовском краю, что некоторым зырянцам известен уже путь желанный» [6].

Вопрос о северной дороге активно обсуждался на страницах Тобольских губернских ведомостей. Публиковались статьи, в которых экономическая отсталость Западной Сибири объяснялась отсутствием короткой и удобной дороги, связавшей бы регион с Европейской Россией. Читатели знакомились с разными проектами прокладки северной дороги. Так, томский губернатор генерал-майор П.П. Аносов, занимавший эту должность в 1847 – 1851 гг., считал возможным соединить каналом Обь и Хампутырскую губу. Он предлагал послать офицера Генерального штаба для обследования пути по реке Соби до реки Кары, затем по Каре до впадения речки Соловы, а от нее к устью Коростухи, впадающей в Хампутырскую губу [7] Однако корреспондент Тобольских ведомостей М. Смоленский высказал сомнение, что Хампутырская губа удобна для судоходства, поскольку в ней может быть много мест, где скапливается лед подобно Карским Воротам. Он предлагал искать пути сообщения с более открытым морем [8].

---

[3] Ламин В., Пленкин В., Ткаченко В. Глобальный трек: развитие транспортной системы на востоке страны. Екатеринбург, 1999. С. 69.

[4] Пасецкий В.М. Русские открытия в Арктике. Ч.1. СПб., 2000. С. 384–385.

[5] Смоленский М О предполагаемом сообщении между реками Печорой и Обью // Тобольские губернские ведомости. Сотрудники и авторы. Кн. II. Тюмень: Мандр и К°, 2004. С. 23–27.

[6] Там же. С. 26–27.

[7] Там же. С. 27.

[8] Там же.

Известный промышленник и общественный деятель Василий Николаевич Латкин предложил свой проект северной водной транспортной системы [9]. Проплыв вниз по Печоре, он достиг р. Усы, далее продвигаясь по Усе, исследовал глубину, ширину, извилистость и каменистость реки и ее притоков Колвы и Лемвы. По ходу следования он обращался за информацией и помощью к местным жителям. С одним из опытных ижемских рыбаков он отправился по притоку Усы — реке Ельцу. Продвижение по ней было сложным, чтобы преодолеть быстрину, приходилось пользоваться шестами и бечевой. Однако В.Н. Латкин считал, что в большую воду сплав по Ельцу должен быть более удобным. Пройдя от устья реки около 20 верст, путешественники были вынуждены высадиться на берег, далее В.Н. Латкин отправился пешком к горам искать исток Ельца и Соби, впадающей в Обь. Недалеко от истока Соби В.Н. Латкин обнаружил озеро, в котором берет начало р. Симаруха — приток р. Ельца. Расспросив местных жителей об особенностях р. Соби, В.Н. Латкин пришел к выводу, что наиболее удобным будет соединение каналом (не более 3 верст) р. Соби и озера, из которого берет начало р. Симаруха, и устройство системы шлюзов. По его мнению, р. Елец была более удобна для сплава, чем Чусовая, и устройство судоходного пути через реки Собь, Симаруху, Елец и Усу вряд ли будет дорогим предприятием. И хотя по р. Собь около 100 верст пришлось бы идти против течения, тем не менее, В.Н. Латкин считал, что этот путь более выгоден, чем уже существовавшие. Он давал возможность за одну навигацию доставлять грузы со всей территории Западной Сибири по Оби, Иртышу и Тоболу до устья Печоры, а оттуда морским путем отправлять за границу и это обходилось бы, по мнению В.Н. Латкина, в четыре раза дешевле, чем везти по р. Чусовой к Петербургу. Далее он предлагал устроить порт в устье Печоры и транзитный пункт в Екатерининской гавани около города Колы [10].

Необходимость развития транспортных путей на севере Сибири понималась отдельными представителями местной администрации. Тобольский губернатор В.А. Арцимович, занимавший этот пост в 1854 — 1858 гг., предложил послать научную экспедицию для проведения исследований по этой проблеме. Была организована подписка по сбору средств для экспедиции, население горячо откликнулось на эту инициативу, за короткий срок было собрано около 2000 руб. Но на осуществление экспедиции необходимо было разрешение вышестоящих органов управления. Генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х. Гасфорт не поддержал это начинание. После перевода В.А. Арцимовича из Тобольска в Калугу, «проект заглох и добрая мысль, благое намерение потонули в неизмеримых пучинах бюрократизма» [11]. Поднимая вопрос об устройстве путей сообщения между устьем Печоры и устьем Оби, корреспонденты Тобольских губернских ведомостей призывали принять участие в этом деле промышленников и торговцев сибирских городов, не сомневаясь в том, что правительство и научные общества окажут необходимое содействие.

Большой вклад в развитие транспортных путей на севере Западной Сибири внес красноярский купец 1-й гильдии, золотопромышленник Михаил Константинович Сидоров. Как сказано в «Записке о промышленных и торговых предприятиях на Севере России красноярского 1-й гильдии купца М.К. Сидорова», составленной не позднее

«Проект Латкина В.Н. в Тобольск (относительно соединения притоков Оби с притоками Печоры)» (1868); Латкин В.Н. Дневник... во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах. //Записки Императорского русского географического общества. СПб., 1853. См.: http://www.emc.komi.com/02/11/010.htm.

[10] Смоленский М. О предполагаемом сообщении между реками Печорой и Обью... С. 28–31.

[11] Ильин В. Несколько сведений об экспедициях, предпринимаемых на севере Сибири для открытия водного и сухопутного пути в Европейскую Россию // Тобольские губернские ведомости. Сотрудники и авторы. Антология тобольской журналистики конца XIX — начала XX в. Сост. Ю. Мандрика. Кн. I. Тюмень: Мандр. и К°, 2004. С. 297.

1867 г., догадываясь о богатствах Сибири, он «не мог помириться с мыслию, да и теперь... не расстается с убеждением, чтобы не было возможности выработать там благосостояние обнищавших и голодающих обитателей его (т.е., сибирского края — И.М.), и чтобы из богатств этого края нельзя было извлечь значительных источников государственного дохода» [12].

С 1859 г. М.К. Сидоров регулярно направлял своих доверенных лиц для исследований природных богатств северных районов Сибири и Поморья, измерений фарватера устьев Печоры, Оби и Енисея, поисков удобных путей сообщения. Экспедициями, посланными М.К. Сидоровым, были открыты месторождения графита, точильного камня, каменного угля, железной руды, шпата, каменной и ключевой соли. На реках Нижней Тунгуске и Бахре он заложил 9 приисков по добыче графита. В 1859 г. в компании с В.Н. Латкиным, П. И. Крузенштерном и Волковым Сидоров начал рубку леса на р. Печоре, затем выкупил в 1864 г. паи своих партнеров и создал «Печерскую компанию». На собственных пароходах он поставлял лес в Петербург и Англию [13].

Как и предлагал В.Н. Латкин, в устье Печоры был построен порт, куда с 1860 г. стали заходить корабли [14]. Необходимость развития торговли графитом, найденным в Восточной Сибири, и открытие Печорского порта подтолкнули М.К. Сидорова к поиску удобной и экономически выгодной дороги от Енисея до Печоры. Очевидно, первоначально была сделана ставка на морской путь. Еще в 1849 г. компаньон М.К. Сидорова сын легендарного мореплавателя И. Ф. Крузенштерна, исследователь Коми края Павел Иванович Крузенштерн (1810–1881) построил для морских исследований шхуну «Ермак». В 1850–1852 и 1862 г. на этой шхуне проводились гидрографические работы в Белом и Баренцевом морях, в устьях рек Мезени, Индиги, Печоры вначале под руководством П. И. Крузенштерна, а затем его сына Павла Павловича (1834–1871) [15]. В начале сентября 1862 г. судно «Ермак» под командованием капитан-лейтенанта П.П. Крузенштерна при попытке пройти в устье Енисея для вывоза приготовленного М. К. Сидоровым графита было затерто льдами и выброшено на берег Ямала южнее мыса Белужий Нос. Благодаря помощи местного населения экипажу удалось спастись. Несмотря на неудачу были планы летом 1863 г. предпринять новую морскую экспедицию [16].

Предполагая, что открытие морского пути может затянуться, М.К. Сидоров инициировал поиски транспортного пути по материку от Енисея к Обской губе. Для разведки маршрутов будущих дорог он пригласил Ю.И. Кушелевского, в 1852 — 54 гг. служившего в Обдорске заседателем. Суть этого мероприятия весьма образно выразил сам Ю.И. Кушелевский в газете «Народный голос» (1867 г., № 97): «Я гонялся за полярной звездой, с компасом, подзорною трубкою, секстантом и буссолью в руках, с полными карманами сидоровских денег, с длиннейшею вереницею обоза, рабочих, по необозримым тундрам и водам Севера, от р. Енисея до р. Усы с 1862 по 1865 г.» [17]

Первая экспедиция была снаряжена Ю. Кушелевским осенью 1862 г. в Обдорске, затраты на ее организацию составили 15000 руб. Было нанято 24 рабочих из остяков и самоедов, 200 оленей, еще 450 оленей куплено. Вся экспедиция разместилась на 96 нартах. Найм работников оказался весьма сложным делом, потому что местные жители сочли задуманное Сидоровым и Кушелевским невозможным предприятием. По преда-

---

[12] Записка о промышленных и торговых предприятиях на Севере России красноярского 1-й гильдии купца М.К. Сидорова // Беседы о Севере России в 3 отделении императорского Вольного экономического общества по докладам В.Л. Долинскаго, В.Н. Латкина, М.К. Сидорова. СПб., 1867. С. 443.

[13] Г.Н. Сидоров Михаил Константинович // Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Т. 4. Кн. 1. Новосибирск: «РИПЭЛ плюс», 1997. С. 55.

[14] Записка о промышленных и торговых предприятиях на Севере России... С. 443.

[15] http://www.webcenter.ru/~tomovl/komi/kryzenshtern.html

[16] Ильин В. Несколько сведений об экспедициях... С. 297.

[17] Записка о промышленных и торговых предприятиях на Севере России... С. 445

ниям в тех местах, куда собиралась экспедиция, жили какие-то одноглазые люди, ездившие на медведях. С благодарностью за содействие экспедиции Ю. Кушелевский упомянул в своих путевых записках купцов А. Чечурова и А. Мамеева, мещанина В. Добровольского, священника Петра Попова, остяцкого старшину Ю.Ю. Ранымова [18]. Маршрут экспедиции пролегал почти по Полярному кругу на восток от Обдорска. Пришлось двигаться по совершенно пустынной местности, время от времени прокладывая просеки от 50 сажень до 1 версты по лесистым берегам рек. При этом мороз был такой, что ртутный термометр постоянно замерзал. Через 42 дня пути экспедиция достигла р. Таз, было пройдено более 800 верст и по дороге учреждено 26 станций, где был оставлен провиант для обратного пути. В последствии этой дорогой будет пользоваться и коренное население, отправляясь на рыбную ловлю на р. Пур. М.К. Сидоров нашел среди зажиточных крестьян с р. Ижмы Мезенского уезда желающих поселиться вдоль этой дороги для ее обслуживания [19].

Однако проложенная дорога в полной мере не удовлетворила Ю. Кушелевского, поскольку могла использоваться только зимой. К тому же он считал, что этот путь будет дороже водяного. Поэтому была предпринята вторая экспедиция для поисков речного пути от Обдорска до р. Таза через Обскую и Тазовскую губы [20]. Для выполнения задуманного зимой 1863/64 гг. Ю. Кушелевский заказал в Ахманайских юртах под Тобольском изготовление парусной шхуны, на которой предстояло отправиться новой экспедиции. В июне 1864 г. шхуна «Таз» была спущена на воду, и вниз по Иртышу отправилась к Оби. Ровно месяц понадобился экспедиции, чтобы доплыть до Обдорска, где к шхуне присоединилось небольшое судно. В качестве проводника согласился сопровождать Ю. Кушелевского до устья Надыма по Обской губе остяцкий старшина Юрий Ранымов. Благодаря ему и встречавшимся по пути остякам экспедиция благополучно миновала все труднопроходимые места на Оби и в Обской губе. В своих путевых записках Ю. Кушелевский весьма высоко оценил мореходские навыки остяков и самоедов, их способность учиться, любознательность и трудоспособность [21].

Экспедиция прошла до Тазовской губы и в середине августа высадилась в устье р. Таз у часовни во имя св. Василия Мангазейского, где в XVII в. стоял город Мангазея. Пройдя по р. Тазу и его притоку р. Худосею, далее по р. Покадке, системе озер и р. Туруханку экспедиция в трудных условиях наступающей осени добралась до Туруханска. В середине января 1865 г. она вернулась в Обдорск, где всю зиму Ю. Кушелевский лечился от цинги.

Весной 1865 г. оправившись от болезни, Ю. Кушелевский начал подготовку к новой поездке для разведки летнего пути от Оби через Уральский хребет к Печоре. Купив небольшую лодку, наняв рабочих и сделав запасы продовольствия, в июне экспедиция отправилась вверх по р. Оби до р. Войкар, по пути производя промеры реки. Ю. Кушелевским было сделано описание р. Войкар, составлены рекомендации как сделать эту реку судоходной. Затем с помощью карты и описания хребта Пай-хой, составленных горным инженером Н.И. Стражевским во время экспедиции 1848 — 1850 гг., Ю. Кушелевский на оленьей упряжке обследовал вершины р. Войкар до самого подножья Уральского хребта. Им был выбран маршрут, по которому можно было бы проложить дорогу между р. Милкеей, притоком Войкара, и р. Ленвой, притоком Усы. Добравшись на лодке до Усы, Ю. Кушелевский счел свою задачу выполненной, так как по Усе до Печоры путь был уже хорошо известен [22].

---

[18] Кушелевский Ю.И. Северный полюс и земля Ялмал. Путевыя записки. СПб., 1868. С. 3–4. Записка о промышленных и торговых предприятиях на Севере России... С. 444.

[20] Кушелевский Ю.И. Северный полюс и земля Ялмал... С. 7.

[21] Там же. С. 14–15.

[22] Там же. С. 37–39.

По открытым Ю. Кушелевским дорогам началась доставка сибирского графита. Первые пять тысяч пудов графита были переброшены из Туруханска на р. Таз, а затем 500 пудов были отправлены в Обдорск сухопутной дорогой, из Обдорска речным путем через Уральский хребет в Печорский порт, а затем морем в Лондон [23]. В 1864 г. на шхуне «Таз» были вывезены в Обдорск оставшиеся 4500 пудов графита.

Отношение к изысканиям транспортных путей на севере Сибири М.К. Сидоровым и К° было неоднозначным в обществе. Эти инициативы вызывали как сочувствие и поддержку, так и противодействие со стороны тех, чьи финансовые интересы могли пострадать в результате открытия новой дороги, а также местных властей и различных государственных ведомств. Путевые записки Ю.И. Кушелевского «Северный полюс и земля Ялмал» были опубликованы в 1868 г., т.е. спустя три года после поездок по Северу. В них многие негативные моменты, связанные с человеческими отношениями, были уже опущены, между тем они есть в письме Ю.Н. Кушелевского, присланном корреспонденту Тобольских губернских ведомостей Виктору Ильину в 1863 г., с еще свежими впечатлениями после первой экспедиции. Так рассказывая о подготовке первой экспедиции, путешественник упоминал не только тех, кто ему помогал, но и тех, кто мешал. Открытие транспортной дороги через западносибирскую тундру ударяло по доходам тех русских, которые вели «темную» торговлю в отдаленных тундровых районах. Поэтому несколько русских жителей Обдорска во главе с Алексеем Ч-вым пытались различными наговорами настроить коренное население против экспедиции Ю. Кушелевского. Также в письме путешественник писал: «Грустно, но должно сказать, что недоверчивость к предприятию нашему со стороны местного начальства была полная» [24]. Очевидно, это было связано с негативным отношением лично к М. К. Сидорову, а не к самой идее поисков удобных путей сообщений. Редакции Тобольских губернских ведомостей было известно, что тобольский губернатор предложил курганскому купцу Шишкину заняться исследованием пути из Оби в Печору, и тот обещал начать работы летом 1863 г. [25]

Из-за препятствий, чинимых М.К. Сидорову властями различных рангов, так и не удалось перевезти в Лондон из Обдорска 4500 пудов графита. С большими трудностями и издержками в Англию было отправлено только 500 пудов. Хотя графит, который М.К. Сидоров намеревался вывезти за границу, не облагался таможенной пошлиной, однако, когда первая партия в 500 пудов была доставлена в Печорский порт, ее вывоз был запрещен, так как в этом порту не было таможни. Поскольку вывозить грузы оттуда напрямую за границу было нельзя, предлагалось доставить графит сухим путем на Неву, а оттуда уже за рубеж. Только в ноябре М.К. Сидорову в результате усиленных хлопот удалось добиться вывоза 500 пудов с Печоры в Лондон, остальные 4500 пудов были обречены на гибель в зимнее время в Обдорске [26].

Начинания М.К. Сидорова вызывали разную реакцию и в прессе. Так на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» в 1867 г. был поднят вопрос о первооткрывателе пути к р. Печоре через Уральский хребет по р. Войкар. Некто Z утверждал, что первыми открыли эту дорогу крестьяне Артеевы. Автор «Записки о промышленных и торговых предприятиях...М.К. Сидорова» усмотрел в этой публикации злой умысел, имевшей целью дискредитировать заслуги промышленника и его партнеров. Он справедливо отметил, что путь по долине Войкара был известен с древних времен и не составлял секрета для местных жителей. Заслуга М.К. Сидорова состояла в том, что он первым решился использовать его для провоза грузов, исследовав и исправив пешеходный маршрут для транспортных целей [27].

---

[23] Записка о промышленных и торговых предприятиях на Севере России... С. 444.

[24] Ильин В. Несколько сведений об экспедициях... С. 298, 301.

[25] Там же. С. 303.

[26] Записка о промышленных и торговых предприятиях на Севере России... С. 452.

[27] Там же. С. 445–446.

В это же время по инициативе М.К. Сидорова велись поиски дороги через Уральский хребет южнее р. Войкар. Бывшему помощнику устьсысольского окружного начальника К.Е. Золотилову было поручено исследовать водораздел между рр. Щугуром и Сосьвой. Позже на средства М.К. Сидорова была опубликована карта с указанием дороги, идущей из Березовского округа от места впадения р. Маньи в р. Сосьву через Уральский хребет к р. Печоре ниже устья р. Щугура около дер. Концеборской [28]. В дальнейшем М.К. Сидоров сосредоточился на исследованиях северного морского пути, направляя на эти цели немалые средства. Его компаньон и единомышленник П.И. Крузенштерн еще дважды предпринимал попытки найти путь сообщения с Обью по материку. В 1874 и 1876 гг. уже в преклонном возрасте он совершил путешествие по Северному Уралу. Во время второй поездки П.И. Крузенштерн дошел до большого озера в верховьях, как он полагал, реки Лонгот-иоган на восточном склоне Уральского хребта [29].

С 1870-х гг. резко вырос интерес к изучению севера Западной Сибири. В первую очередь этот интерес стимулировали экономические цели: выявление сырьевых и промышленных возможностей данного региона и их коммерческое использование. Импульсом к активизации исследований северного пути стал успешный проход шведского профессора А. Норденшельда по Карскому морю до устья Енисея и обратно в 1875 г. Как писал исследователь севера Х. Даль, «такой успех не мог остаться без последствий; важность вопроса о соединении морским путем богатой Сибири с Россией и западной Европой необходимо обратила на себя внимание всех более или менее заинтересованных в сибирской торговле» [30]. К изучению возможностей развития транспортных связей этого региона с Европой активно подключились предприниматели как частным порядком, так и через различные организации, например, Общество для содействия русской промышленности и торговле, Общество для содействия русскому торговому мореходству, отделения Русского географического общества. Только в 1876 г. одновременно на севере Западной Сибири работало три экспедиции, чьи маршруты не раз пересекались в низовьях Оби. Тогда же Императорская Академия наук направила в Приобье зоолога И. Полякова для изучения животного мира, который прошел из Тобольска по Иртышу до низовьев Оби [31].

В конце 1875 г. в Комитете Общества для содействия русской промышленности и торговле была создана специальная комиссия для разработки программы и подготовки предложений по организации экспедиции, которой предстояло заняться исследованиями морского торгового пути в устье Оби и Байдарацкого перешейка. По представлению комиссии для проведения экспедиции требовалось около 35000 руб. На приглашение Комитета оказать содействие в снаряжении экспедиции откликнулись А.М. и К.М. Сибиряковы, П.И. Кузнецов, барон А.Л. Штиглиц. Их пожертвования составили 12000 руб., но этого было недостаточно. В марте 1876 г. Комитет Общества обратился к министру финансов и генерал-губернатору Западной Сибири с ходатайством выделить из казны 20000 руб. Для решения этого вопроса при министерстве финансов была создана специальная комиссия.

Не желая упускать возможность начать исследования в навигацию 1876 г. Комитет принял решение снарядить не имеющиеся средства экспедицию для изучения возможностей сообщения между р. Обью и Байдарацким заливом Карского моря по рекам Щучьей и Байдарате через южную часть полуострова Ямал. Также попутно экспедиция должна

---

[28] Записка о промышленных и торговых предприятиях на Севере России... С. 447.

[29] Баклунд О.О. Экспедиция бр. Кузнецовых на Полярный Урал летом 1909 г. // Известия Русского географического общества. СПб., 1910. С. 37.

[30] Даль Х. Описание двух экспедиций в реку Обь, снаряженных членами императорского общества для содействия русскому торговому мореходству графом А.Е. Камаровским, А.К. Трапезниковым, А.М. Сибиряковым, В.П. Собашниковым и И.В. Чернядевым в 1876 и 1877 годах. М., 1877. С. 5.

[31] Ямал: грань веков и тысячелетий. С. 243.

была собирать сведения «о промышленном состоянии населения низовьев р. Оби и вообще о производительности этого края» [32]. Открытие этого пути позволило бы существенно сократить дорогу к устью Оби, не обходя полуостров Ямал. В состав экспедиции входили член Общества для содействия русской промышленности и торговле технолог П.И. Матвеев и командированные генерал-губернатором Западной Сибири поручик корпуса военных топографов Орлов с женой, его помощник топограф Васильев, 6 казаков из Березова, знавшие остяцкий и самоедский языки. Тобольский губернатор Ю.П. Пелино снабдил экспедицию предписанием к местным властям об оказании ей содействия.

13 июня 1876 г. Матвеев и Орлов выехали из Тобольска на пароходе, шедшем в Томск. В Самарове на время экспедиции они взяли каюк и отправились к Обдорску. По распоряжению обдорского князя Тайшина экспедицию сопровождали остяцкий и самоедский старшина Мамру Юркин, М.А. Мамеев (помогал экспедиции Ю. Кушелевского) и проводники из местного населения, бывавшие на р. Щучьей и Байдарате. Во время следования по р. Щучьей членам экспедиции пришлось использовать три вида речных судов из-за изменений глубины реки, скорости течения, частых каменистых отмелей. Продвижение экспедиции к Байдарате через перевал осуществлялось на оленях, нанимавшихся в тундре по ходу следования экспедиции. Это оказалось весьма не простым мероприятием, потому что среди оленей начался падеж, и постоянно стояла проблема пополнения стада. Добравшись до устья Байдараты в первых числах августа, экспедиция в полной мере ощутила всю суровость северного климата. Сильный ветер не позволил провести полноценные исследования выхода в Байдарацкую губу. Топографы смогли спуститься по реке и сделать промеры только на 6 – 8 верст от устья реки. Лишь однажды топографу Васильеву благодаря мастерству проводника, ловко управлявшего лодкой, удалось достичь Байдарацкого залива, но далее они не решились идти из-за сильного ветра и волн. Точно определить устье реки и очертания берегов Байдарацкого залива также оказалось невозможным из-за того, что сам берег на расстоянии более 2 верст был покрыт вязкой тундрой, а его отлогая часть менялась дважды в сутки из морского прилива и отлива. Таким образом, исследователи могли только довериться свидетельству проводника Лакури, который переезжал залив во всех направлениях [33].

Простояв у устья Байдараты двое суток и не дождавшись благоприятной погоды, Орлов принял решение возвращаться к р. Щучьей. 19 августа экспедиция вернулась в Обдорск. Таким образом, экспедиция выполнила только часть задания Комитета. Была сделана съемка местности только по р. Щучьей. По мнению Матвеева, р. Щучья была не пригодна для судоходства. Позже полученные данные были сверены Орловым с материалами астрономических замеров, выполненных астрономом М.А. Ковальским во время Северной Уральской экспедиции 1847–1849 гг., которые подтвердили правильность сделанной съемки. Выполняя инструкцию Комитета Общества, Матвеев представил отчет о состоянии хозяйства, торговли, образе жизни, традициях, природных условиях, численности населения Обдорского края. Отчет был составлен на основе личных наблюдений Матвеева и сведений, полученных у земского заседателя в Обдорском участке, из бесед с местным населением. Также Комитет интересовался вопросом о продуктах и изделиях с низовьев Оби, которые могут быть востребованы на российском и зарубежном рынках. По мнению Матвеева, на рынках всегда найдут сбыт обская рыба, пушнина и продукция охотничьего промысла [34].

---

[32] Отчет экспедиции, снаряженной в 1876 году Обществом для содействия русской промышленности и торговле для исследования водяного и мухопутнаго путей сообщения Байдаратской губы Карского моря с рекою Обью через перешеек полуострова Ялмала. Членов экспедиции технолога П.И. Матвеева и корпуса топографов порутчика Орлова. СПб, 1877. С. без нумерации.

[33] Там же. С. 50–51.

[34] Там же. С. 10- 31.

Одновременно с этой экспедицией южную часть полуострова Ямал обследовала научно-исследовательская экспедиция, организованная Бременским обществом северополярных экспедиций. В ней участвовали немецкие ученые О. Финш, А. Брем и граф Вальдбург-Цейль. Перед экспедицией стоял довольно широкий круг исследовательских задач, в том числе и топографическая съемка. Исследователи на лодке проплыли вверх по р. Щучьей до порогов и на оленях прошли к верховьям Байдараты, где встретились с экспедицией Матвеева и Орлова.

От Обдорска до р. Щучьей Бременская экспедиция передвигалась в сопровождении судна «Москва», на котором отправилась изучать Обскую губу и устье Оби экспедиция под руководством преподавателя Гайнажского навигационного училища Христофора Даля. Как писал в своем отчете Х. Даль, «Брэму наше судно и поездки на нем показались так привлекательными, что он тотчас объявил о своем намерении быть нашим пассажиром до р. Щучьей; для меня это было тем приятнее, что давно уже я не имел удовольствия беседовать с таким известным ученым»[35]. «Москва» было необычным деревянным парусным судном. Оно было сделано специально для этой экспедиции с учетом трудностей продвижения и по мелководью, и через льды Обской губы. Экспедиция была организована Обществом для содействия русскому торговому мореходству. После плавания А. Норденшельда, развеявшего миф о непроходимости Карского моря, члены Общества решили организовать вывоз сибирских грузов на европейские рынки морским путем на специально построенном для этого корабле. Граф А.Е. Камаровский, купцы А.К. Трапезников, А.М. Сибиряков и В.Н. Сабашников назначили для этого эксперимента капитал в 30000 руб. Но прежде чем приступить к этому мероприятию, необходимо было убедиться в судоходности Обской губы. Дело в том, что на всех имевшихся к тому времени картах была показана незначительная глубина Обского залива. Имелись сведения, что в северной части залива по несколько лет стоят большие массы льда. Сначала Общество пыталось прояснить ситуацию через опросы местных жителей путем письменных запросов и по телеграфу, но это не внесло ясности, потому что поступавшие сведения были противоречивы. Тогда было принято решение отправить экспедицию сделать точные промеры и другие исследования Обской губы[36].

В своем отчете об этой экспедиции Х. Даль уделил много внимания ее подготовке, описанию строительства судна и тем трудностям, которые возникали из-за «человеческого фактора» — недобросовестного отношения тех, кого нанимали для обслуживания экспедиции, стремлении березовского купца Трофимова сэкономить при изготовлении судна и его снаряжении. Из-за опасения того, что в условиях крайнего севера будет невозможно обеспечить топливом пароход, организаторы экспедиции решили купить небольшое парусное деревянное судно с быстрым ходом. Построить судно в Тюмени и его снарядить взялся купец Трофимов за 3000 руб. Руководство строительством было поручено известному тюменскому пароходному мастеру И.Я. Капитонову, привыкшему работать с железом, и это сказалось при создании экспедиционного судна. В итоге судно «Москва» получилось не таким быстрым, как хотелось бы Х. Далю. Необходимые для исследований инструменты были арендованы в морском министерстве, Константиновском межевом институте и Московском политехническом музее[37]. За 53 дня экспедиция прошла от Обдорска до устья р. Щучьей, провела исследования фарватера Оби, сделала описание островов, берегов и мелей, определила широту и долготу 8 пунктов, провела метеорологические наблюдения. В отчете Х. Даля приведены статистические и другие данные о населении, промыслах, торговле в Березовском уезде, судоходстве в Западной Сибири. Еще одно любопытное поручение дали члены Общества Х. Далю.

[35] Даль Х. Описание двух экспедиций в реку Обь... С. 33.
[36] Там же. С. 5–6.
[37] Там же. С. 6–7.

Поскольку он знал финский и эстонский языки, то его попросили провести сравнительные лингвистические исследования этих языков с остяцким, выбрать сходные по звуку и смыслу слова. Провести тщательное исследование Даль не сумел, так как цель экспедиции и способ передвижения не позволили ему познакомиться с языком непосредственно у самих носителей. Он успел лишь сделать беглые наблюдения, воспользовавшись остяцко-русским словарем священника Петра Попова [38]. В 1877 г. Общество для содействия русскому торговому мореходству организовало еще одну экспедицию под руководством Х. Даля, которая на этот раз двигалась к Обской губе через Карское море.

В 1878 г. западносибирское купечество предприняло попытку отправить за границу северным водным комбинированным путем первую партию сибирской пшеницы. Это был своего рода эксперимент, довольно рискованное мероприятие, поскольку еще ни один речной пароход не рискнул идти в Надымскую губу. Несмотря на успешные путешествия А. Норденшельда, Х.Даля, Д. Виггинса по-прежнему были сомнения в существовании морского пути между Западной Сибирью и Европой. Инициатива этого коммерческого мероприятия принадлежала барнаульскому купцу Михаилу Егоровичу Функу, который заключил договор о взаимных поставках с гамбургским купцом Отто Бартнингом. В устье р. Надыма должны были встретиться пароход с 23500 пудами сибирской пшеницы, посланный М. Функом из Томска, и датский корабль с 15 000 пудами заграничных товаров, посланный О. Бартнингом из Гамбурга [39]. Благодаря публикации в «Морском сборнике» дневника участника этой поездки К. Евтропова стали известны многие детали этого весьма непростого путешествия. Экспедиция снаряжалась поспешно, многое не было продумано заранее. Так, никто из членов экипажа не бывал в Обской губе и Надымской бухте, представления об этих краях были смутные, на судне не было достоверной карты Оби. В итоге баржи с хлебом постоянно садились на мели. Путешествие осложнялось ненастной погодой, шквалистым ветром и большими волнами. Датское судно «Нептун» под командованием капитана Рассмюссена также, идя по Обской губе, страдало от многочисленных мелей, особенно южнее Тазовской губы. Участники экспедиции еще раз убедились в необходимости более тщательного обследования фарватера Обской губы и устройстве лоцманских станций. В начале августа суда «Сибиряк» и «Нептун» благополучно встретились в Линзете, устье Надыма. О значимости этого события свидетельствует приезд генерал-губернатора Западной Сибири Н. Г. Казнакова, который лично хотел осмотреть Обскую губу, чтобы иметь представление о месте устройства будущего порта, через который могло бы осуществляться северное судоходство. Для определения места пункта таможенного досмотра судов вместе с генерал-губернатором приехал служащий таможенного департамента В.А. Никитин. Он же произвел таможенный досмотр привезенных товаров [40]. Капитан датского судна отказался взять весь груз пшеницы в Надымской губе, опасаясь, что из-за мелководья Обской губы его корабль может не пройти с таким грузом. Расмюссен выдвинул условие, что он заберет всю пшеницу только от Осетрового мыса. Таким образом, «Сибиряку» ничего не оставалось делать, как проводить «Нептун», спустившись к северу еще на 100–150 верст. Это было рискованно, но у М.Е. Функа не было иного выхода, иначе предприятие стало бы убыточным. Ему пришлось дать расписку доверенному Тюфина, владельца судна, об его ответственности всем имуществом в случае несчастья с «Нептуном» и, постоянно преодолевая сопротивление представителя владельца судна, он двинулся за «Нептуном». В конечном итоге ситуация разрешилась благополучно благодаря тому, что ниже р. Яловой они встретили известного мореплавателя Виггинса и капитана английского судна «Warkworth» Шерифа, которые шли в Надым с грузом для тобольского купца Корнилова. Виггинс перешел на пароход «Сибиряк», его дель-

[38] Даль Х. Описание двух экспедиций в реку Обь... С. 104–113.

[39] Евтропов К. Плавание по реке Оби. Первый опыт сплава сибирской пшеницы за границу в 1878 году // Морской сборник. 1879. № 8. С. 117–154.

[40] Там же. С. 145.

ные советы и веселый нрав помогли выстоять «Нептуну» и его команде во время шторма. По разному отнеслись томские купцы к успеху этой коммерческой экспедиции. Были такие, кто считал, что новый путь может разорить всю местную торговлю и экономику края, поскольку из-за рубежа товары будут ввозиться беспошлинно, а следовательно будут дешевле отечественных. К. Евтропов в своей публикации о путешествии на «Сибиряке» полемизировал с этими купцами, доказывая, что морской путь удешевит доставку сибирских товаров, что поднимет на них спрос и соответственно и возрастет их цена на рынке. Рост цен на сельскохозяйственную продукцию, которая пока продавалась за бесценок, позволит крестьянству покрыть многочисленные государственные недоимки. Таким образом, по мнению К. Евтропова, открытие морского пути имеет большое государственное значение [41]. Проблема выгодности северной морской торговли тесным образом была связана с вопросом введения беспошлинной торговли в устьях Оби и Енисея. История введения порто-франко в этой зоне основательно исследована М.В. Шиловским [42].

Однако путь через Карское море удавалось преодолеть не всем судам. Трудности с использованием морского пути подтолкнули иркутского купца Александра Михайловича Сибирякова (1849–1933) к поиску дороги через материк. После неудачных попыток пройти через Карское море снаряженных А.М. Сибиряковым парохода «Оскар Диксон» (1880 г.) и корабля «Норденшельд» (1882–1885) вновь стала разрабатываться идея сообщения Сибири с Европой через Печору и Обь. Сибиряков связал Печору с Обью дорогой, проложенной по Щугорскому волоку, использовавшемуся еще русскими землепроходцами в XVI – XVII вв., — от с.Ляпин на р.Сыгве, притоке Северной Сосьвы, впадающей в Обь, до с.Усть-Щугор на Печоре. Она стала известна как Сибиряковский тракт на север. В 1884 г. по тракту было перевезено 20 тыс. пудов грузов, в 1888 г. — 210 тыс. пудов. Тракт успешно действовал до 1898 г. Успешное функционирование дороги позволило существенно снизить цены на хлеб в Печорском крае [43].

Зоной работ экспедиций Б. Житкова (1908 г.) и братьев Кузнецовых (1909 г.) стали территория полуострова Ямал и восточный склон Полярного Урала. Их маршруты неоднократно совпадали или пересекались с маршрутами предыдущих экспедиций. Карты, составленные экспедициями штурмана Иванова, Гофмана, Матвеева и Орлова, бременских исследователей, давали экспедициям начала XX в. ориентиры, уточнялись новым поколением исследователей. И хотя Русское географическое общество ставило перед экспедициями Б. Житкова и братьев Кузнецовых разнообразные исследовательские задачи, однако они так или иначе оказались связанными с проблемой путей сообщения через полуостров Ямал и Северный Урал.

Экспедиция под руководством Б.М. Житкова занималась определением маршрута древнего пути через Ямал, по которому поморы вели торговлю с Мангазеей. Б. Житков был убежден, что исследованные ими реки Сё-Яга восточная и Сё-Яга западная вместе с рекой Морды были теми самыми реками, которые на древних картах названы Мутной и Зеленой. По всем пройденным линиям была проведена маршрутная съемка, которая привязывалась к астрономическим пунктам и приметным точкам. В итоге географическая карта Ямала была существенно уточнена и дополнена [44].

Карская экспедиция сначала затевалась как экскурсионная для охоты по инициативе и на средства братьев Кузнецовых, но по почину доктора М.Г. Мамурского она пре-

---

[41] Евтропов К. Плавание по реке Оби... С. 153–154.

[42] Шиловский М. В. История введения порто-франко в устьях Оби и Енисея в последней четверти XIX – начале XX вв. // Уральский исторический вестник. № 12 (Ямальский выпуск). Екатеринбург – Салехард, 2005. С. 74–80.

[43] Соловьева Б А Александр Михайлович Сибиряков // Природа. 2000. № 9. Цит. по **http://www.ivki.ru/kapustin/journal/soloveva.htm#3.**

[44] Житков Б М. Краткий отчет о путешествии на полуостров Ямал // Известия РГО.Т. XLV. Вып. VIII. 1909. С. 479–497.

вратилась в научную. В подготовке ее исследовательской программы принимали участие Московский университет, Русское географическое общество, Российская академия наук. В состав экспедиции были включены топограф Н. А. Григорьев, зоологи Дж. Як. Вардропер и Ф.А. Зайцев, ботаник В.Н. Сукачев, коллектор по геологии и заведующий метеорологическими наблюдениями В.Г. Мухин. Возглавил экспедицию геолог О.О. Баклунд. Одним из отрядов экспедиции были проведены топографические работы на водоразделе р. Байдараты (Пыдераты) и Щучьей. У сопки Энзер-кеу они были прекращены, поскольку удалось связаться со съемкой Орлова. Далее по Малой Оби отряд добрался до Обдорска. В результате работы этой экспедиции на карту Полярного Урала был внесен ряд изменений, собран богатый зоологический материал, проведены наблюдения по тектонике и стратиграфии [45].

Докладывая об экспедиции на общем собрании Русского географического общества 17 февраля 1910 г., О.О. Баклунд упомянул, что «неоднократно экспедицию связывали с изысканиями железнодорожными Обдорск-Печора. Экспедиция фактически к этому предприятию не имеет никаких отношений, но она благодаря той гигантской работе, которую выполнил топограф экспедиции, может дать в этом вопросе несколько указаний» [46]. В конце XIX в. сибирский Север попал в орбиту проектов железнодорожного строительства. Появились работы А.Д. Голохвастова «Сибирское Общество торговли и Обской железной дороги. Обская железная дорога: Объяснительная записка» (СПб.: Тип. А.И.Траншеля, 1881) и «Проект соединения р. Оби железной дорогою с Хайпудырскою губою Северного океана» (СПб.: Печ. М.Алисова и А.Григорьева, 1880). По данным авторов монографии «Ямал знакомый и неизвестный», в 1887 г. правительство предоставило Голохвастову концессию на постройку и эксплуатацию Обской железной дороги, которая должна была соединить р. Обь с побережьем Северного Ледовитого океана [47]. В 1900 г. для рекогносцировки направления железной дороги была проведена экспедиция под руководством действительного статского советника, инженера путей сообщения П.Э. Гётте. Петр Эрнестович был опытным инженером-железнодорожником, под его руководством в конце 1880-х гг. была построена Псково-Рижская железная дорога. В 1901 г. была опубликована его брошюра «Полярно-уральская железная дорога и Северный Сибирский торговый путь», в которой был изложен проект строительства дороги от устья Соби на р. Обь до Медынского заворота длиною в 380 верст с одновременной постройкой речной гавани и морского коммерческого порта [48]. Но, как отметил О.О. Баклунд, эта экспедиция «не оставила следов в печати, кроме нескольких заметок в Тобольских ведомостях» [49]. Многие годы проекты железнодорожного строительства на севере Западной Сибири так и оставались проектами. Лишь в 1948 г. прошел первый поезд до ст. Лабытнанги по Полярной железной дороге [50].

Таким образом, к началу XX в. в основном были выявлены возможные маршруты прокладки водно-сухопутных путей через полуостров Ямал, Северный Урал и Нижнее Приобье. Проекты строительства каналов, соединивших бы Обский и Печерский бассейны, так и не были осуществлены очевидно из-за того, что они не были поддержаны правительством. Частный отечественный и иностранный капитал, различные общественные и научные сообщества, начиная с последней четверти XIX в., все больше внимания стали уделять исследованиям и организации северного морского пути.

---

[45] Баклунд О.О. Экспедиция бр. Кузнецовых на Полярный Урал... С. 49–51.

[46] Там же. С. 50.

[47] Ямал – знакомый и неизвестный С. 141.

[48] Там же.

[49] Баклунд О.О. Экспедиция бр. Кузнецовых на Полярный Урал... С. 37.

[50] Ямал: Энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа. Т. 1. Салехард; Тюмень, 2004. С.296.

С. В. Туров

ТРАДИЦИОННОЕ АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СТАРОЖИЛЬЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ОБДОРИИ

У русских старожилов Тобольского Севера в конце XIX – начале XX вв. рядовым типом **жилой постройки** были четырехстенные избы, соединенные сквозной холодной сенью с «горницей» посредством перерубов капитальных стен. Из сеней вели двери в избу и в горницу. Еще одна дверь, расположенная напротив входа в сени, выходила на «заднее крыльцо», то есть на двор. План избы и горницы был одинаков. Эти помещения разделялись вдоль массивной русской печью и дощатой перегородкой. Таким образом, отделялась «куть», часть помещения, выделенная для стряпни. Иногда горница оставлялась холодной. Обыкновенно в продольных стенах такого дома было по пять окон. Одно окно выходило на «куть» прямо против устья печи («цела»)[1]. Такой дом обычно называют «связным» («связь»). Подобные дома стоят и сегодня, например, в с. Мужи.

Еще одним типом жилой постройки являлся дом-пятистенок. В таком доме горница от кухни (кути) отделялась уже капитальной бревенчатой стеной. Кроме этого в горнице перегородкой выделялась небольшая «боковушка»[2]. Так, в 1923 г. в «местности Шурышкары» стояла «изба пятистенная, крытая тесом с 5 окнами и 4 рамами»[3]. В с. Мужи в 1926 г. М. Г. Коневой принадлежал «дом старый пятистенный с сенями»[4]. Прирубленные бревенчатые сени-кладовка («казенка») были обязательной принадлежностью жилого дома на Севере. (фото № 1 на цветной вклейке). Так строили дома русские и зыряне. Правда, Г. М. Дмитриев-Садовников находил, что зырянский дом «отличается от низовых русских домов. Это — зауральский тип, приближающийся к старинно-русскому»[5]. Дома-пятистенки можно видеть и сегодня в г. Салехарде и в сельской местности округа. (фото № 2 на цветной вклейке).

Следующий тип жилого дома, как правило, принадлежавший зажиточным хозяевам, «крестовый» («крестовик»), когда дом разделяли две капитальные стены, заведенные крестообразно, на четыре помещения. К такому дому также прирубались теплые бревенчатые сени. Например, два крестовика с прирубами находятся в с. Мужи. Старейший из них (построен около 1898 г.) стоит по ул. Юганской, № 23. Впрочем, он перенесен («перекатан») сюда с другого места в 30-х гг. XX века. Дом до революции 1917 г. принадлежал «купцу» Ануфриеву, коми-ижемцу, вышедшему из Архангельской губернии, в 80-х гг. XIX века. Первоначально дом, скорее всего, имел сени-прируб, но в настоящее время они утрачены и заменены на дощатые (фото № 3 на цветной вклейке). Впрочем, сени могли быть изначально «тесовые, крытые тесом», таковые были, например, у дома В. Б. Туркова в с. Хэ (1923 г.)[6]. Другой крестовик с. Мужи с прирубленными сенями стоит по ул. Республики, 48. Он построен коми-зырянами (ижемцами)

---

[1] Гомолецкий К. В. Демьянская волость // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века. Екатеринбург, 1998. С. 286-287.

[2] Швецов С. П. Очерки Сургутского края // Там же. С. 89.

[3] ГА ЯНАО Ф. 5. Оп. 1. Д. 49. л. 35.

[4] Там же. Ф. 28. оп. 1. Д. 34. Л. 2-3.

[5] Дмитриев-Садовников Г. М. Река Налым. Этнографический очерк // Ежегодник Тобольского губернского музея, 1917. С. 29.

[6] ГА ЯНАО Ф. 5. Д. 51. Л. 76.

Иллюстрации к статье В. В. Алексеева и В. П. Тимошенко: «Исторические исследования как ресурс устойчивого развития ЯНАО...»

Из 506 тыс. чел. населения ЯНАО в городах проживает 82,6 %.

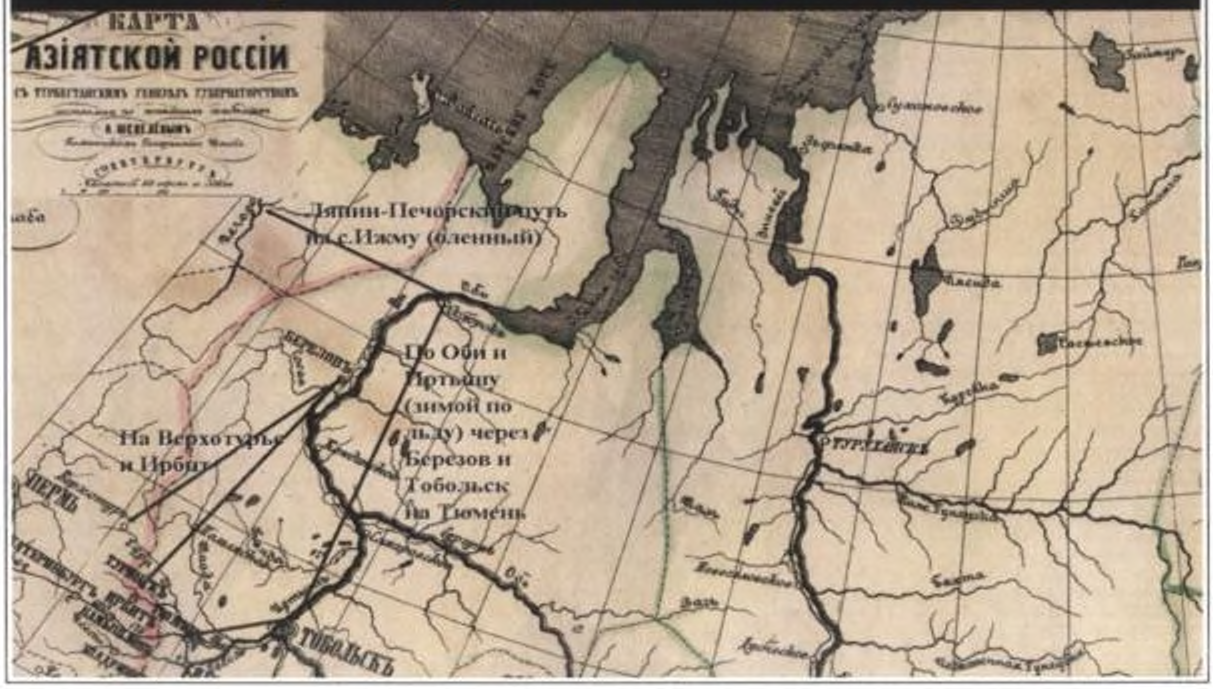
Преобладают системы городского расселения

Средняя плотность населения – 0,7 чел. на 1 кв. км

Из 34,5 тыс. чел. аборигенного населения 15 тыс. чел. ведут кочевой образ жизни

Проведение взвешенной политики по регулированию взаимодействия старожильческой и индустриальной групп населения ЯНАО необходимо на основе учета исторического опыта

Основные пути из Обдорского края в Сибирь и Европейскую Россию в XVIII-XIX вв.



Варианты создания новых транспортных путей между Обдорским краем, Сибирью и Европой в XIX - начале XX вв.
Налаживание транспортного сообщения между Обским Севером, Печорой и Архангельским портом
Соединение железной дорогой Оби с берегом Ледовитого океана (проект инж. Гетте)
Открытие пути из Европы к устью Оби через Карское море и Северный Ледовитый океан
Поиски водных и сухопутных путей от Енисея к устью Печоры через Обдорск
Проекты каналов между речными системами Оби и Енисея, между Обью и Байдарацкой губой

Первые мероприятия по развитию производительных сил Севера 1918–1920 гг.
Схема плавания Сибирской хлебной экспедиции 1920 г.
Радиостанции
Порты
Путь морских кораблей
Путь речных судов к северным морским портам
Обратное следование судов с хлебом
МУРМАНСК
АРХАНГЕЛЬСК
ПЕТРОГРАД
МОСКВА
Эффективное развитие Обского Севера предусматривалось через освоение северного морского пути из устья Оби в Европу

Русские географические открытия и исследования XVI–XVII веков
Многочисленные походы русских промышленных и служилых людей привели к географическому открытию Северной и Северо-Восточной Азии, омывающих ее морей и положили начало ее освоению
Остроги и зимовья, построенные землепроходцами, были основными центрами заселения Сибири

Северная научно-промысловая экспедиция ВСНХ 1920 г.
Мыдо-Сале
Обдорск
Березово
Тобольск
После Октября 1917 г. главным препятствием для эффективного хозяйственного развития Обского Севера признана его неисследованность
В годы Гражданской войны советское правительство предпринимало попытки комплексного исследования северных территорий
В марте 1920 г. с этой целью была организована Северная научно-промысловая экспедиция, преобразованная в 1925 г. в Институт по изучению Севера (с 1930 г. – Всесоюзный антарктический институт)

Природно-ресурсный потенциал

Ямальский Север сегодня переходит от узкоотраслевой специализации на добыче топливно-энергетических ресурсов к более сбалансированному, комплексному развитию, основанному на диверсификации отраслевой структуры регионального хозяйства, совершенствовании транспортной системы, повышении качества трудового потенциала, мобилизации научно-технологических и социально-культурных факторов прогресса

Ямал в составе Уральской области (1923-1934 гг.)

В ноябре 1923 г. в ходе административно-территориальной реорганизации Тюменской губернии Ямальский Север вошел в состав Тобольского округа Уральской области с центром в Екатеринбурге.

В ходе реорганизации не учитывались издавна сложившиеся хозяйственные связи северного региона, который был прикреплен к крупному промышленному центру больше из политических соображений

Ямал В Составе Омской Области

- В 1930-1932 г. Тобольский округ упразднен, вместо него сформирован Ямальский национальный округ с центром в Обдорске
- В январе 1934 г. в Ямальский округ был включен в состав Обь-Иртышской области с центром в Тюмени, а в декабре 1934 г. стал частью организованной Омской области с центром в Омске
- В 1944 г. Ямало-Ненецкий округ включен в состав Тюменской области

Пространственная организация территории ЯНАО

В эпоху глобализации Север как конгломерат разнообразных факторов резко усложнился, равно как и проблема регулирования здесь экономических, социальных и других процессов.

Изучение факторов, условий реализации, итогов и последствий применения тех или иных вариантов региональной политики, несомненно является ресурсом устойчивого развития региона

Иллюстрации к статье О. В. Кардаша: «Административные центры аборигенных «княжеств» Северо-Западной Сибири ...»

Рис. 1

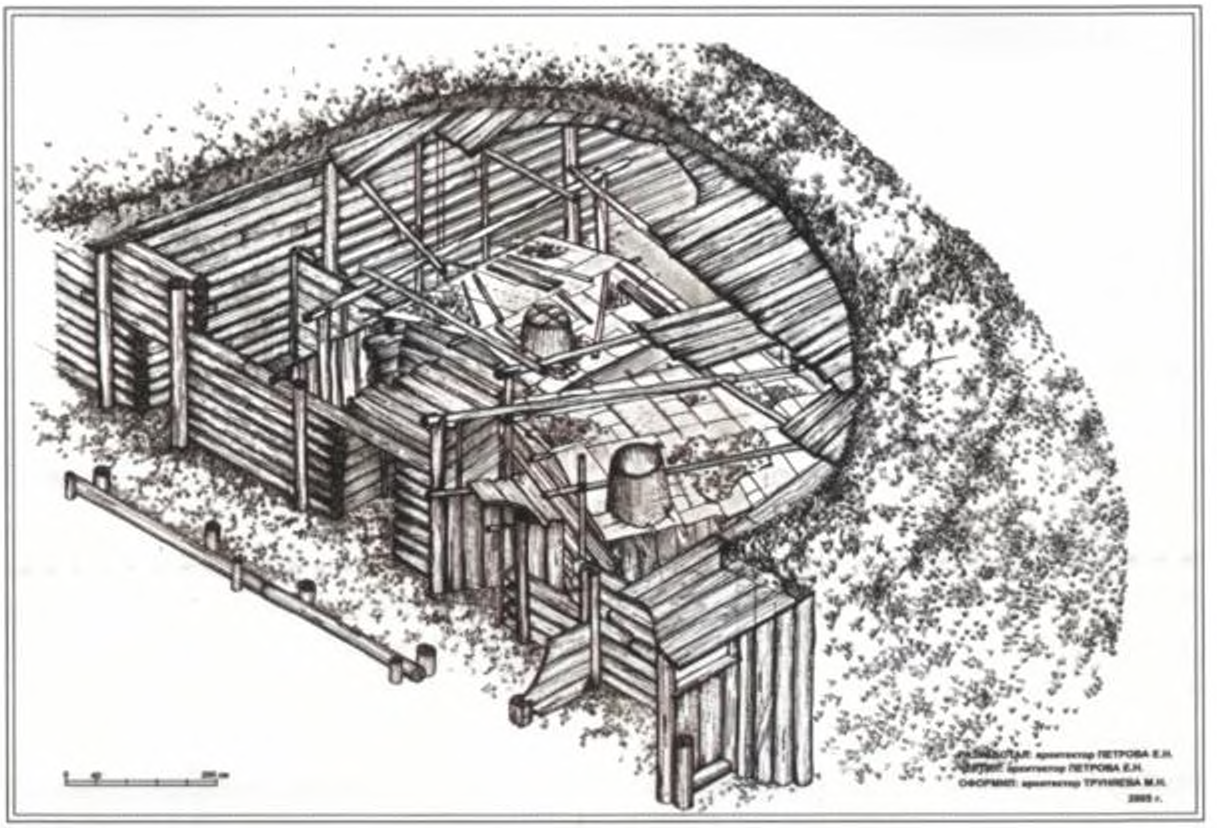


Рис. 2

Рис. 3

Иллюстрации к статье Е. М. Главацкой: «Уральская экспедиция Приполярной переписи 1926–1927 гг.

Снимки, сделанные участником Уральской экспедиции Л. Р. Суриным во время переписи 1926 г.:

1 – Семья вогулов. ГАСО. Фотофонд. Коллекция Сурина. Д. 798.

2 – Шаман гадает. ГАСО. Фотофонд. Коллекция Сурина. Д. 916.

3 – Праздник медведя у вогулов. ГАСО. Фотофонд. Коллекция Сурина. Д. 933.

2

3

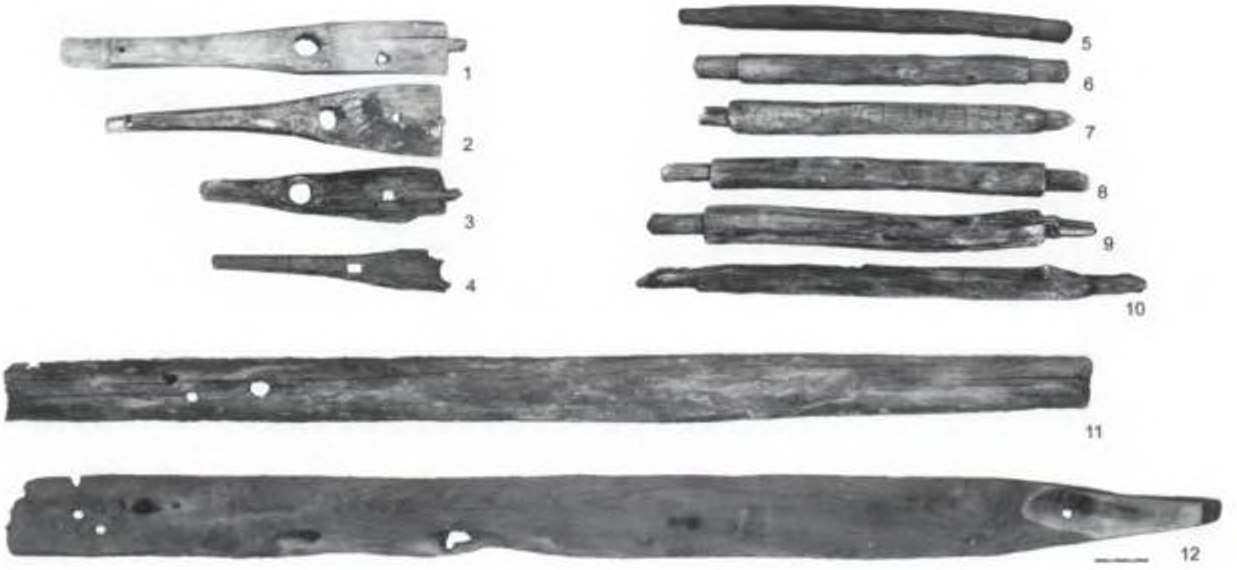


Рис. 1

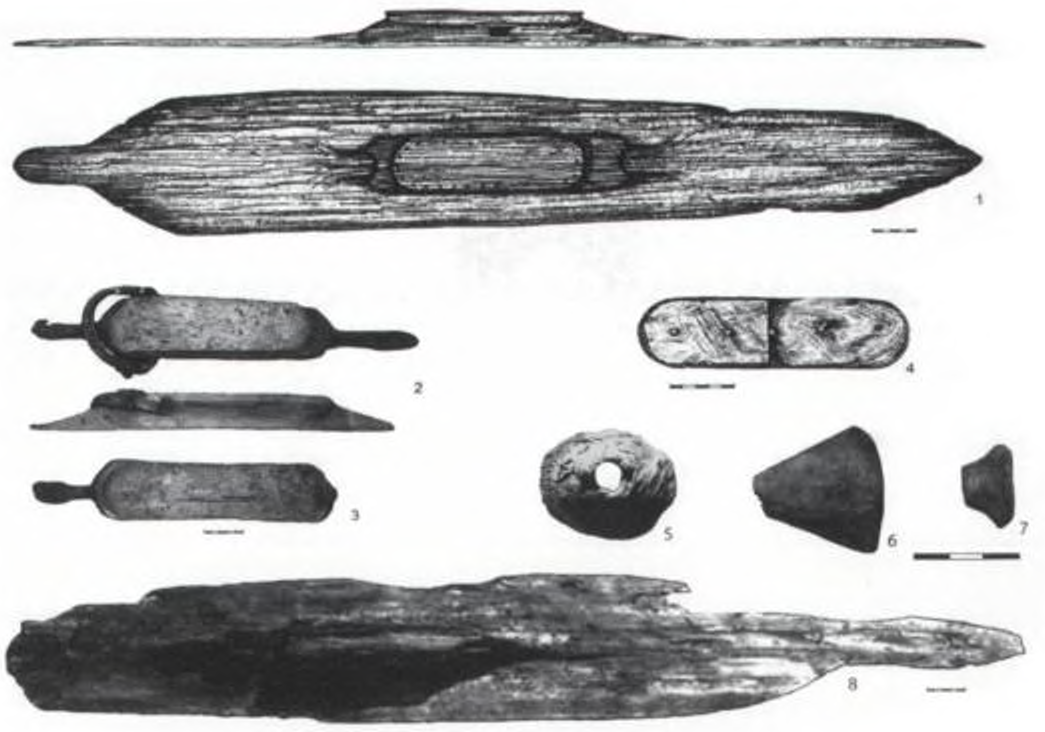


Рис. 3

Рис. 2

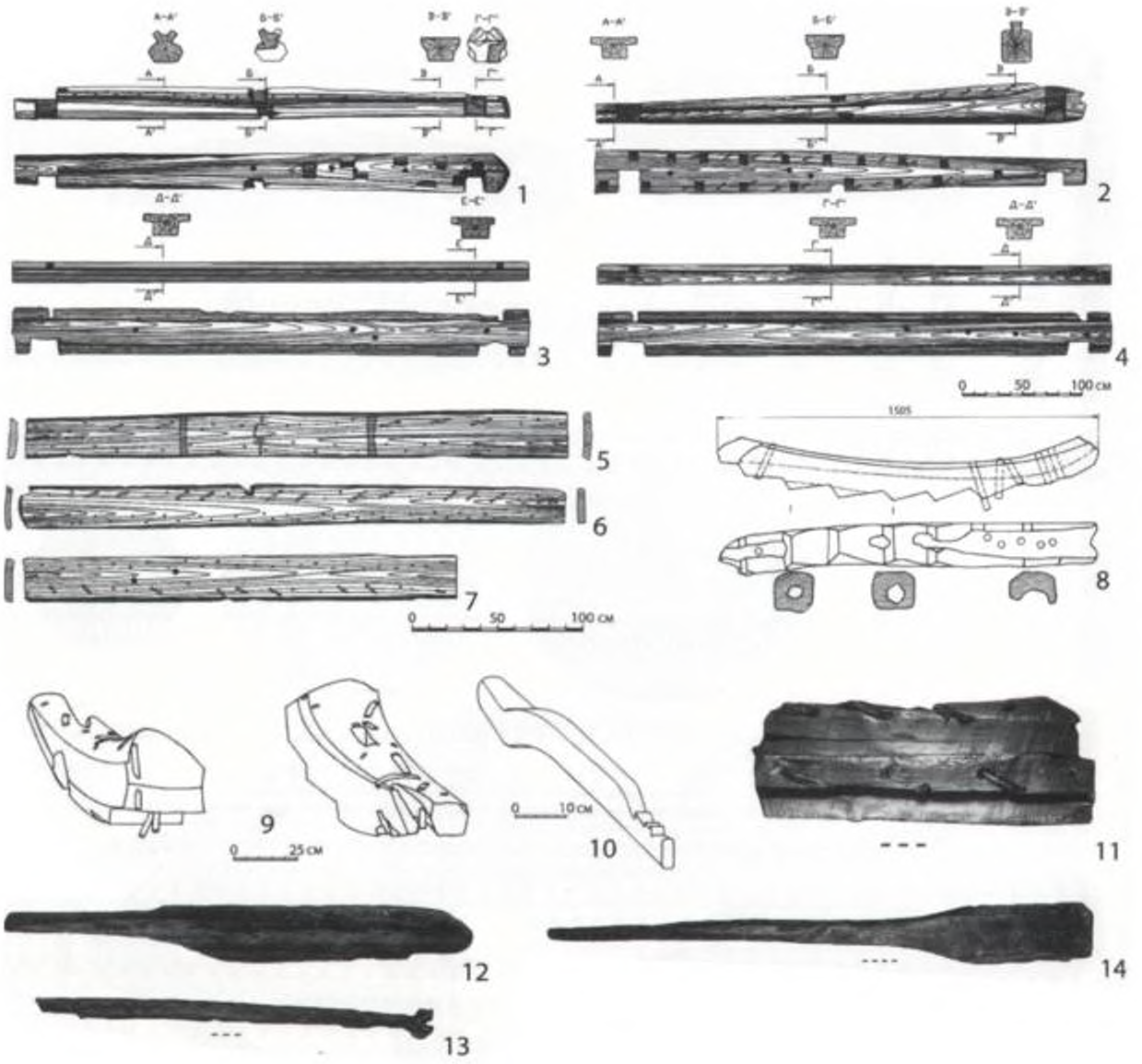


Рис. 4

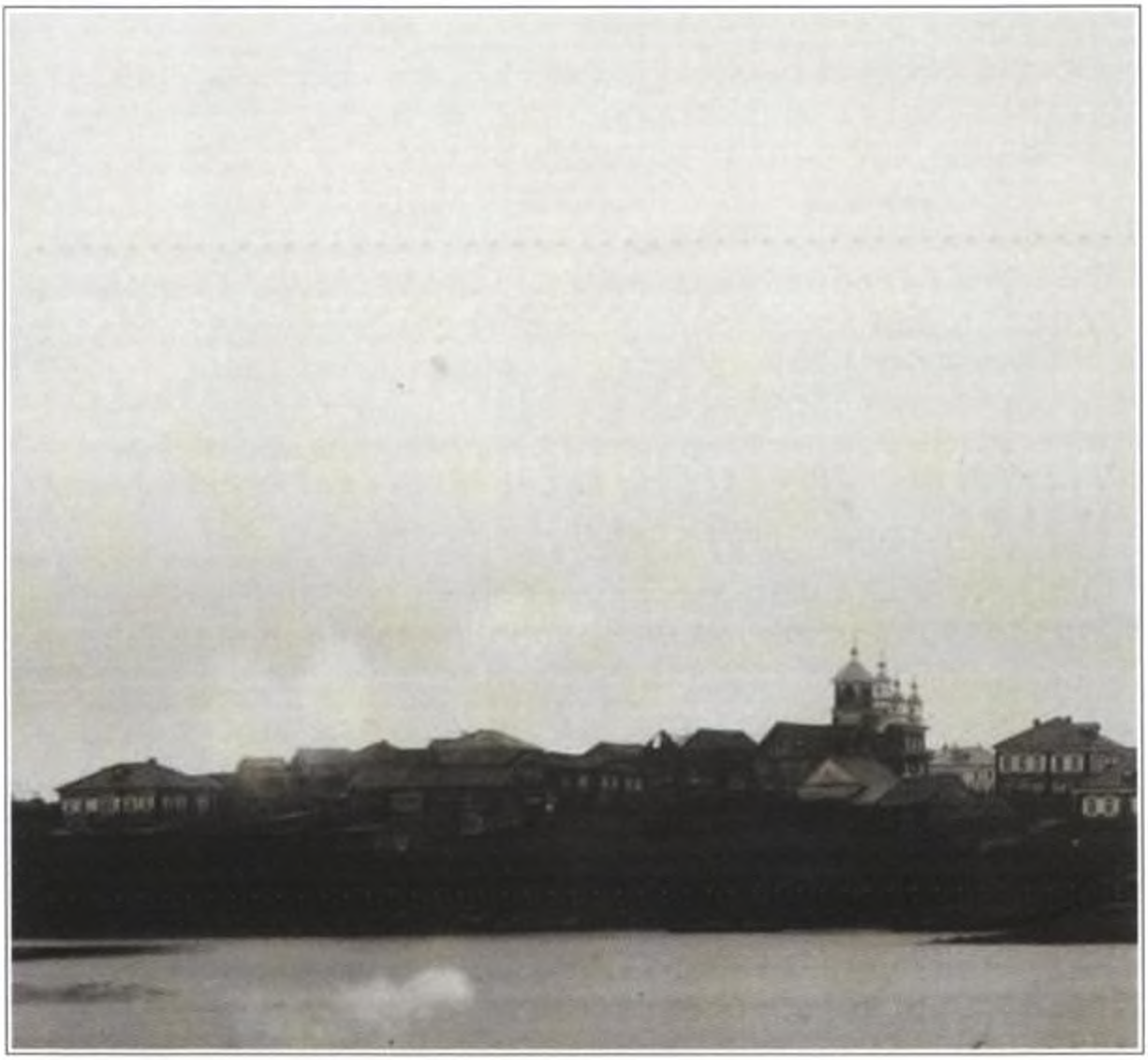
Иллюстрации к статье С. В. Турова: *«Традиционное архитектурное наследие старожильческого населения Обдории»*

1

2

3

4



10

11

12

13

14

15

16

17

Чупровыми в конце XIX – начале XX вв. и в настоящее время принадлежит их потомкам. Дом имеет внутреннюю круговую анфиладную планировку и многоскатную крышу (фото № 4 на цветной вклейке). В архиве Мужевского сельского совета депутатов трудящихся хранится редкий документ – это план дома, принадлежавшего в 1927 г. жителю с. Мужи Н. М. Терентьеву. На плане дом разделен двумя стенами на четыре помещения – «прихожая», «кухня», «общая и спальня», «зала». К дому прирублены сени. Из сеней двери ведут в залу и кухню. В свою очередь кухня соединяется дверями с «общей и спальней», а та с «залой». В доме имелось две печи. Причем одна из них была поставлена таким образом, что, находясь на пересечении внутренних стен, отапливала сразу все помещения, а вторая печь только «общую и спальню» и «залу». Дом имел 10 окон[7] В данном случае мы видим классический крестовик. (фото № 5 на цветной вклейке). Подобные схемы – крестовик с двумя печами и сегодня можно встретить в населенных пунктах Северо-Западной Сибири. Кроме с. Мужи дома-крестовики были и в других населенных пунктах Обдории.

Однако схема крестового дома имела ограничения в размерах, поэтому самые зажиточные обдоряне строили дома-«шестистенки». Классический шестистенок образовывали две внутренние капитальные стены, делившие дом поперек на три помещения. Судя по размерам, именно шестистенок принадлежал в 1920-е гг. жителю с. Хэ В. Б. Туркову: «Дом бревенчатый, крытый железом, ширина 7 $\frac{1}{2}$ сажен, длина 12 $\frac{1}{2}$ сажен. При доме русская печь. Сени тесовые крытые тесом в доме окон с двойными рамами 9». То же можно сказать о доме односельчанина В. Б. Туркова, В. И. Уженцева: «Дом, крытый железом, ширина – 5 сажен, длина – 6 сажен. Имеется при доме 2 двери, 3 печи и 1 камин. В доме 10 окон с двойными рамами в доме имеется 2 коридора и две двери»[8]. Упоминание двух коридоров может означать, что в данном случае мы имеем дело с развитым шестистенком городского типа. Такой дом имел поперечную перегородку («переруб»), в классическом варианте делившую его уже на шесть помещений, а если перегородок было две, они образовывали коридор, из которого двери вели в отдельные помещения различного назначения. В так называемом «доходном доме» такие помещения были изолированы и сдавались в качестве отельных квартир.

Для селения Обдорского были характерны как обычные, так и развитые шестистенки городского типа. Шестистенком, скорее всего, был, например, дом, принадлежавший в начале 20-х гг. XX в. И. И. Карпову: «Дом деревянный крытый железом, длина – 12 сажен, ширина – 8 метров, вышина – 4 аршина»

Один из развитых шестистенков с «прирубом» с. Обдорского (г. Салехарда) простоял до наших дней. Речь идет о доме по ул. Ламбиных № 1. Дом почти квадратный в плане (14,5 м. х 14,3 м.) имеет прирубленные сени с навесом под отдельной двускатной кровлей. Кровля самого дома выполнена на 4 ската. Дом имеет по 5 окон с двух сторон (Фото № 6 на цветной вклейке). Другой развитой шестистенок стоит по ул. Республики 19, раннее он принадлежал торговцу Чечурову. Хорошо сохранился, и в настоящее время отреставрирован, дом-развитой шестистенок, принадлежавший в начале XX в. И. А. Рочеву – Моторову: «Дом обитый тесом, крытый железом, длина и ширина – 306 квадратных аршин, вышина – 4 аршина»[10].

Чрезвычайно редко можно сегодня встретить на северо-западе Сибири двухэтажный деревянный старинный дом. Однако, судя по рассказам старожилов, а также письменным источникам и фотодокументам, такие дома были во многих населенных пунктах. Они зачастую принадлежали наиболее зажиточным селянам. Прежде всего, такие

[7] ГА ЯНАО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 28 а. Л. 87.

[8] Там же. Л. 64, 76.

[9] Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 45. л. 29 об.

[10] Там же. л. 29.

дома были характерны для с. Обдорского. Судя по фотографиям из фондов Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса им. И. С. Шемановского, в центральной части села в начале XX в. стояло несколько таких домов[11] (фото № 7 на цветной вклейке). А. А. Дунин-Горкавич в начале XX в. также отметил, что в с. Обдорском стоит «немного двухэтажных» домов[12]. Один из самых больших двухэтажных домов с. Обдорского принадлежал доверенному лицу купца Плотникова, пароходовладельцу Голеву-Лебедеву: «Почти весь его первый этаж занимали торговые и хозяйственные помещения, под которыми находился огромный подвал. Из залы на втором этаже открывалась дверь на выходивший на Царскую улицу балкон, обрамленный довольно изящным парапетом»[13]. Дом Голева-Лебедева, как и дома других богатых обдорян, был крыт железом[14] (фото № 8 на цветной вклейке). Еще один двухэтажный дом, «старый, обшитый», принадлежал в 1921 г. П. Тарасову[15]. Имел двухэтажный дом в с. Обдорском в начале 20-х гг. XX в. Е. Ерлыков. На фотографии-панораме с. Кушеват, хранящейся в фондах ТГИАМЗ, отчетливо видно двухэтажное здание на пять окон только на одной стене, что само по себе говорит о его внушительных размерах (фото № 9 на цветной вклейке).

Кроме жилых домов строились, разумеется, **здания общественные**. Так, еще в 1927 г. в с. Мужи стоял «Народный дом» 1860 г. постройки. К сожалению, мы ничего не знаем о его планировке. Зато известно, что построенные между 1890 и 1893 гг. почтовые станции в Елисей-горте, Войкаре и Киевате представляли собой простые «избушки»[16]

К настоящему времени исчезло большинство зданий традиционной застройки. Дома ветшали и их сносили. Старейшие из строений были снесены, по-видимому, еще в довоенные годы. Так, в 1928 г. было решено снести дом, в котором размещался Шурышкарский тузсовет: «...постройки 1876 г. из лиственного леса крытый тесом. Крыша вся сгнила. Углы дома сгнили и опали. Бревна стен, сгнившие от обложки фундамента до подоконников, бревна [...] сгнившие и один бок дома [...] на 5 сантиметров, так что получились трещины и развалились печки. В силу чего дом разваливается и жить невозможно, а также и ремонтировать нет никакого смысла»[17] Еще чаще, чем сносили, здания перестраивали и переносили на другие места или даже в другие населенные пункты. Так, в 1927 г. в Муженский сельсовет обратился с просьбой уже упоминавшийся выше житель с. Мужи Н. М. Терентьев: «В настоящем 1927 году я намереваюсь ныне стоящий мой дом разобрать и переставить его на новое место между школой и Рочевым Осипом Осиповичем»[18]. Примером того, что могло получиться в результате переносов и перестроек, является дом в с. Мужи по ул. Речной, 4. В 30-е гг. XX в. его построили для нужд сельской администрации, а вернее собрали из двух зданий, до того вполне самостоятельных крестовиков, соединив их рубленой связью. Деревянный дом в старину был не мыслим без декора. Ворота, сени, наличники, подоконные и подкровельные доски украшались резьбой и деталями, выточенными на токарном станке. Богато декорировались ворота. Ворота в крестьянской усадьбе несли не только утилитарную нагрузку, но и должны были отвечать определенным эстетическим вкусам. В силу этой задачи они часто украшались резьбой, деталями (колонками), выполненными на токарном станке. Точеные на токарном станке небольшие декоративные детали (навершия) укра-

[11] Ополовников А. В., Ополовникова Е. А. Древний Обдорск и заполярные города-легенды. М., 1998. С. 146-147.

[12] Известия РГО. Т. 55. 1919-1923 гг. Вып. 1. М.-Пг., 1923. С. 146.

[13] Ополовников А. В., Ополовникова Е. А. Указ. соч. С. 173-174.

[14] ГА ЯНАО Ф. 2. Оп. 1. Д. 45. л. 30 об.

[15] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 16.

[16] Там же. Ф. 28. оп. 1. Д. 28 а. Л. 149-150.

[17] Там же. Ф. 28. Оп. 1. Д. 35. Л. 72.

[18] Там же. Ф. 28. Оп. 1. Д. 28 а. Л. 86.

шали наличники окон. Сохранившаяся на сегодняшний день в г. Салехарде и с. Мужи домовая резьба выполнена в выпиловочно-накладной и выемчатой технике.

Среди **хозяйственных сооружений** выделяется группа складских строений промышленного типа. В прошлом эти склады-амбары принадлежали государственным структурам или частным лицам и служили для складирования различных товаров или инвентаря. Одна из сохранившихся примечательных построек такого рода находится в с. Мужи — это амбар купца Окунева, сделанный из барочного (баржевого) леса. (фото № 10 на цветной вклейке). Барочный лес, то есть лес, оставшийся от разобранных речных судов сплавного типа-барок (барж), широко применялся в строительстве, а также шел на различные хозяйственные нужды населения Нижней Оби. Характерной внешней особенностью этого строительного материала является наличие сквозных отверстий малого диаметра, служивших для деталей крепежа. Когда баржевой лес использовался в качестве строительного материала, эти отверстия заделывали деревянными пробками (фото № 11 на цветной вклейке). Барочный (баржевый) лес издавна широко применялся в строительстве на Нижней Оби. Вызвано это было, с одной стороны, отсутствием больших запасов строевого леса, а с другой — дешевизной изношенного с точки зрения корабельщиков, но еще вполне пригодного для строительных нужд, материала. Кочевой (коч-крупное парусное судно) лес активно использовался для строительства в Мангазее еще в XVII веке[19]. Первая обдорская церковь, Васильевская, частично была возведена из барочного леса в середине XVIII века[20]. В начале XX в. в с. Обдорском из барочного леса продолжали строить хозяйственные сооружения. Так, в усадьбе Т. Н. Карповой стояла «конюшня из баржевого леса, крыта тесом». Еще одна «конюшня из барочного леса, крытая тесом, длиной 11 сажен, шириной 3 сажени, вышиной 2 сажени» принадлежала И. И. Карпову. В этой же усадьбе стоял «амбар из баржевого леса, крыт тесом, длина — 5 сажен, ширина — 3 $\frac{1}{2}$ сажен, вышина — 4 аршина». Во дворе у И. Н. Корнилова стояли: кладовая, ледник, конюшня, «завозня с конюшней» и пекарня, сделанные из баржевого леса. В усадьбе Оленева имелся «амбар с вышкой (чердак — С.Т.) из «баржевого леса». Хозяйственные помещения строились не только из баржевого леса, их возводили из «круглого леса» (бревна), досок («однорезка», плахи). Чаще всего хозпостройки крыли тесом, но у богатых обдорян не только жилые дома, но и амбары, бани, пекарни и т.п. были крыты железом[21] Хозяйственные постройки были разных размеров. Внушительно выглядели двухэтажные амбары. Например, в усадьбе И. И. Карпова помимо прочих сооружений стоял двухэтажный амбар «длиной — 12 сажен, шириной — 3 сажени, вышиной — 8 аршин»[22]. Имелись двухэтажные амбары и в с. Мужи[23] Такие сооружения до нашего времени не дошли, во всяком случае, в первозданном виде. Единственный когда-то двухэтажный амбар сегодня стоит во дворе дома по ул. Ламбиных, 1 в г. Салехарде. Уцелел только первый этаж трехкамерной постройки (17,7 м × 7,5 м) (фото № 12 на цветной вклейке). Еще одним типом крупных хозсооружений были так называемые завозни. Завозней подобные постройки назывались потому, что в их ворота легко въезжали запряженные в телеги или сани лошади, а погрузка или разгрузка осуществлялась непосредственно в амбаре-завозне. Завозня в начале XX в. имелась, например, у жителя Обдорска И. А. Моторова, а у обдорянина И. Н. Корнилова во дворе стояло сразу две завозни[24]. Рядом с огромными амбарами могли стоять совсем

---

[19] Пархимович С. Г Новые исследования Мангазеи. Результаты, проблемы, перспективы // Научный вестник. Вып. 11. Обдория: история, культура, современность. Салехард, 2002. С. 20.

[20] НА ТГИАМЗ № 84. л. 2.

[21] ГА ЯНАО Ф. 2. Оп. 1. Д. 45. Л. 29 об.-31.

[22] Там же. Л. 29 об.

[23] Там же. Ф. 28. Оп. 1. Д. 28 а. Л. 150.

[24] Там же. Ф. 2 Оп. 1. Д. 45. Л. 29 об.-30.

небольшие постройки — кладовки и «амбарушки». «Три кладовые, крытые железом длиной — 12 аршин, шириной — 10 $\frac{1}{2}$ аршин и высотой — 4 аршина», стояли, например, во дворе И. Н. Корнилова. Во дворе инородческого пансиона Обдорской миссии имелась «амбарушка, крытая тесом, длиной — 8 аршин, шириной — 6 аршин, вышиной — 3 аршина» [25]

Надворные хозяйственные постройки, дошедшие до наших дней, чаще всего представлены именно такими небольшими амбарами. В с. Мужи нами выявлено два амбара постройки конца XIX – начала XX в. Один из них частично построен из барочного леса (фото № 13 на цветной вклейке), другой был в свое время переделан в небольшую избушку-врезаны окна (Фото № 14 на цветной вклейке). Амбары во дворе могли стоять отдельно, а могли входить в комплекс, когда их помещали в качестве второго этажа над «стайкой» (хлевом), где держали скот. Стайка, разделялась на отсеки — для лошадей, коров, овец. На второй этаж такого сооружения вела лестница. Здесь же располагался открытый сеновал, состоящий по сути только из жердей, призванных удерживать сено от раздувания его ветром. Сеновал не имел даже навеса, и сено находилось под открытым небом на протяжении всего стойлового периода. Под лестницей ставился туалет. Один из таких комплексов, построенный еще в 30-е гг., стоит ныне в с. Мужи во дворе дома по ул. Гагарина 2 (фото № 15 на цветной вклейке). На уже упоминавшемся плане усадьбы Н. М. Терентьева (с. Мужи, 1927 г.) амбар и «хлев с сеновалом» стоят отдельно [26]

Кроме амбаров, сараев и стаек во дворе обычно больше ничего не ставили. Даже баню часто выносили за пределы двора, ближе к реке. Отдельно к усадьбе пригораживался огород. «Классическая усадьба» русского населения Нижней Оби изображена на картине П. А. Гудкова (фото № 16 на цветной вклейке). Художник написал картину по памяти, взяв за основу усадьбу своих родителей в ныне не существующем с. Кушеват. Одна из хорошо сохранившихся традиционных коми усадеб находится в с. Мужи, по адресу ул. Гагарина, 2. Причем, каких-либо существенных отличий от русской не наблюдается.

Конечно, размеры и содержание усадьбы напрямую зависели от степени зажиточности владельца. Самые скромные усадьбы могли состоять из одного-двух строений. Например, усадьба А. К. Терентьева в с. Обдорском включала «дом новый, небольшой» и «конюшню с сеновалом». Примерно также выглядела в 1921 г. усадьба И. Рочева, еще одного обдорянина: «дом новый, небольшой; конюшня простая» [27]. Строение усадьбы отражало хозяйственную специализацию. Так, на юге региона, в с. Мужи, в рядовой усадьбе находились хлев с сеновалом, сарай, амбар и баня. Такие усадебные комплексы принадлежали, например, в 1927 г. жителям с. Мужи В. Е. Попову, П. И. Коневу, В. М. Кокоулину [28]. А вот в с. Хэ, на севере, во многих усадьбах помещения для скота отсутствовали, зато имелся «рыбосольный сарай». Такой была, например, усадьба П. И. Туркова. Кроме «рыбосольного сарая» в ней стояли: «дом, состоящий из 5-ти помещений (крестовый — С.Т.), прилегающие к нему сени и небольшой амбар ... баня». Торговая специализация хозяйства также отражалась на усадебном комплексе. Во дворе В. И. Уженцева в с. Хэ кроме дома стояли: «Склад в 3-х отделениях, ширина — 3 сажени, длина — 7 сажен 1 аршин, крытый железом; имеет 3 двери у склада, под навес, крыт тесом. Баня, ширина — 2 сажени 1 аршин, длина 2 сажени 1 аршин» [29]. Огромные усадьбы имели обдорские зажиточные торговцы. Так, в усадьбе уже упоминавшегося И. И. Карпова помимо большого дома стояли: пекарня, 2 амбара двухэтажных, 1 амбар одноэтажный, 4 лабаза, конюшня, баня, склад,

[25] ГА ЯНАО. Л. 30-30 об.
[26] Там же. Ф. 28. Оп. 1. Д. 28 а. Л. 87.
[27] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. л. 45, 46.
[28] Там же. Ф. 28. Оп. 1. Д. 28 а. Л. 149-154; Д. 20. Л. 2-5.
[29] Там же. Ф. 5. Д. 51. л. 58.

мельница. (См. Текстовое приложение) У И. Н. Корнилова, владевшего единственным каменным домом с. Обдорского, во дворе стояли: амбар, к которому примыкали 3 кладовки; завозня; кладовая; завозня с конюшнями и сеновалом; ледник; конюшня; пекарня; 2 лабаза; 3 склада. (См. Текстовое приложение) Усадьба, как правило, огораживалась «заплотом», то есть высоким мощным забором. Часть заплота могли составлять задние стены хозяйственных построек (фото № 17 на цветной вклейке). Сам заплот состоял из высоких до 2,5 м. столбов («прясла»). В столбах выбирались пазы, в которые вставлялись плахи. Плахи вставлялись в пазы либо вплотную, либо между ними ставились небольшие «чурочки», таким образом, между плахами оставались зазоры. Делалось это с тем, чтобы зимой во дворе не накапливался снег, а свободно выдувался с ветром. Заплот имел высокие сводчатые ворота. Рядом с воротами стояли столбы, снабженные кольцами («привязи»), к которым привязывали лошадей или оленей. Часто двор выстилался плахами или барочным лесом.

В сельской местности края большинство сооружений, скорее всего, жители строили самостоятельно. В 1925 г. сельский совет с. Мужи разрешил М. Ф. Артееву заготовить на строительство дома 100 бревен и 50 жердей. Столько же бревен на сооружение домов заготовили его односельчане И. И. Конев и П. А. Ануфриев. Правда, жерди им не понадобились[30]. В селении Обдорском имелись строители-профессионалы. Так, в 1915 г. здесь проживали 28 плотников, 3 столяра и 4 каменщика[31].

Старожильческое население Нижнего Приобья активно занималось рыбной ловлей. Способы и места лова зависели от сезонных миграций рыбного стада. Самым уловистым был летний неводной промысел на так называемых неводных песках. Именно на таких угодьях ставились стационарные **рыболовецкие станы**. Здесь стояло жилое помещение, а также различные подсобные и хозяйственные строения, призванные обеспечить переработку и хранение выловленной рыбы и различного инвентаря: сетей, бочонков, чанов и т.п. (см.: текстовые приложения № 2-4). Рыболовный стан на «песках Вандияз» в 1923 г. принадлежал «братьям Забелинским» и включал: избу, крытую тесом с 3 окнами без рам; кухню, крытую дерном, без пола, с русской печью и двумя окнами без рам; сарай и амбар, крытые тесом; соляной амбар; баню[32]. На «песках Истоминской яр» рыболовецкий стан состоял из «избушки с русской печью», амбара и сарая «без крыши с полкой для чистки рыбы». На песке «Ланцерском» рыболовецкий стан в начале 20-х гг. XX в. принадлежал «братьям Быковым» — «избушка, крытая тесом с тремя окнами кухня, крытая тесом одна половина, а другая землей, с русской печью ... сарай из мелких бревен, крытый тесом без пола и потолка для чистки рыбы ... сарай из мелких бревен ... амбар, крытый соломой, баня с земляной крышей»[33]. «В местности Шурышкары» на рыболовных песках в это же время стояли рыболовные станы Г. И. Ужинцева и М. И. Бурнашова. У первого здесь имелись: «изба пятистенная, крытая тесом с 5 окнами и 4 рамами ..., амбар из бревен, покрытый тесом с закромами, ...сарай из бревен, покрытый тесом с полками для чистки рыбы». У М. И. Бурнашова на стане были: «изба, покрытая тесом и с 4 окнами без рам ..., амбар из плах без потолка ...сарай из плах, покрытый тесом без пола и потолка ..., кухня без пола и потолка, с русской печью, в ней нары ... баня черная, покрытая дерном»[34]. Как видно из приведенных описаний, промысловики старались до минимума свести затраты при строительстве жилых и особенно хозяйственных и подсобных помещений, на что указывает использованный строительный материал — «тонкие бревна», дерн, солома,

---

[30] ГА ЯНАО Ф. 28. Оп. 1. Д. 8. Л. 31, 35.

[31] Туров С. В. Старожилы Обдории: Укоренение // Урало-Сибирский Север в развитии российской цивилизации. Екатеринбург, 2005. С. 94.

[32] Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 49. л. 36.

[33] Там же. л. 23-23 об.

[34] Там же. л. 35-35 об.

а также отсутствие полов и потолков. С другой стороны — минимальные жизненные удобства существовали — летняя кухня, баня.

Своеобразными проявлениями **малых архитектурных форм** являются намогильные памятники и обетные (памятные) кресты. Обетные кресты раньше стояли во многих населенных пунктах. Например, в с. Мужи обетный крест был воздвигнут в начале XX в. в ознаменование избавления от опасности, исходившей от сильного лесного пожара. По преданию, огонь отступил от села после того, как был совершен обход села с иконами-крестный ход. Характернейшим намогильным памятником у русского и зырянского населения Средней и Нижней Оби сегодня является восьмиконечный деревянный крест с закругленными навершиями на концах. Другой тип намогильных крестов также восьмиконечный, но прикрытый двускатной кровлей. Очень редко сегодня можно видеть старинные профессионально выполненные мраморные и чугунные надгробия. Местом изготовления этих памятников, иногда высокохудожественных, скорее всего был горнозаводской Урал. Подобные памятники в прежние времена имелись на многих сельских кладбищах Нижнего Приобья. В Шурышкарском районном краеведческом музее, в с. Мужи, хранится чугунная плита, установленная в конце XIX в. на могиле местного мелкого чиновника. Когда хотелось достойно увековечить память о близком человеке, но средств на это недоставало, являлись своеобразные подражания каменным надгробиям, выполненные в дереве. Несколько таких сооружений можно видеть на фотографии обдорского кладбища из фондов ТГИАМЗ (фото № 18 на цветной вклейке).

Таким образом, сохранились образцы всех типов домов, возводившихся в Нижнем Приобье в конце XIX – начале XX вв.: дом-связь, дом-пятистенок, дом-«крестовый», шестистенок, развитой шестистенок городского типа, двухэтажный дом. Особенностью жилых построек Нижнего Приобья являлось наличие прирубленных теплых сеней, которые, по существу, образовывали дом-связь.

Сохранившаяся хозяйственно-производственная застройка представлена в основном амбарами и стайками для содержания скота. Уникальными являются амбарные постройки из барочного леса, выявленные в с. Мужи. Традиционная усадебная схема конца XIX–начала XX вв. хорошо просматривается в современной планировке сельского двора.

Плохо сохранилась домовая резьбы и другие элементы архитектурного декора. Полностью утрачена одна из форм малой традиционной русской архитектуры — обетные кресты.

ПРИЛОЖЕНИЯ

№ 1

[Л. 29 об.] Список домовладений реквизированных органами советской власти в с. Обдорском в начале 20-х гг. XX века

№ п/п	Фамилия, имя владельца и наименования строения	Оценка		Кем эксплуатируется	Примеч.
		Р.	К.		
1.	**МОТОРОВА Ивана Афанасьевича** а) дом обитый тесом, крытый железом длина и ширина 306 кв.аршин вышина 4 аршина б) амбар 2-х этажный из круглого леса с поднавесом крытый тесом длина и ширина 190 кв. аршин вышина 7 аршин в) конюшня с сеновалом и к ним пристройка завозня из толстого леса крытого тесом длина и ширина 185 кв. аршин вышина 3½ аршин			РИК	
2.	**КАРПОВА Татьяна Николаевна** а) дом из круглого леса крыт железом длина 6 с. ширина 5 сажень вышина 4 аршин б) амбар 2-х этажных из круглого леса крыт тесом длина 5 с. ширина 3 с. вышина 3 аршин в) ледник из круглого леса крыт тесом длина 10 аршин ширина 6 аршин вышина 2 аршин г) конюшня из баржевого леса крыта тесом длина 10½ аршин ширина 4½ аршин вышина 4 аршин д) подгорный амбар из круглого леса крыт железом длина 18 аршин ширина 9 аршин вышина 6 аршин е) пекарня из круглого леса крыта тесом длина 15 аршин ширина 9 аршин вышина 3 аршин			РИК Милиция ГПУ	
3.	**КАРПОВ Иван Ильич** а) дом деревянный крытый железом длина 12 с. ширина 8 м. вышина 4 аршин б) пекарня обитая тесом крытая железом длина 5 с. ширина 4 сажен вышина 4 аршин				

(Продолжение)

3.	в) амбар 2-х этажный крытый железом длина 12 с. ширина 3 с. вышина 8 аршин г) лабаз крытый тесом д) амбар 2-х этажный крыт тесом длина 9 с. ширина 5 с. вышина 7 аршин е) пристройка к амбару лабаз из досок крыт тесом длина 3 с. ширина 2 ½ вышина 1 ½ ж) сзади 2-х этажного амбара лабаз под сеном из досок крыт железом длина 5 с ширина 3 с. вышина 4 аршин з) лабаз из тесу крыт железом длина 4 сажен ширина 3 сажен вышина 4 аршина и) конюшня из барочного леса крытая тесом длина 11 с. ширина 3 с. вышина 2 сажени к) баня из крупного леса крытая тесом длина 3 с. ширина 3 сажени вышина 1 сажень //[Л. 30] л) склад из круглого леса крыт железом длина 5 с. ширина 4 с. вышина 8 аршин м) лабаз крыт тесом длина 4 ½ с. ширина 4 с. вышина 4 аршин н) мельница из круглого леса крыт железом длина 3 с. ширина 4 сажен вышина 4 аршин о) амбар из баржевого леса крыт тесом длина 5 с. ширина 3 ½ с. вышина 4 аршин			РИК Школа	
	ИНОРОДНИЧЕСКАЯ УПРАВА а) дом из круглого леса крыт железом длина 7 с. ширина 5 ½ сажен вышина 4 ½ аршин б) амбар 2-х этажный из однорезки крыт тесом длина 3 сажен ширина 2 ½ с. вышина 5 аршин в) лабаз из тесу крыт тесом длина 3 ½ сажен ширина 3 с. вышина 4 аршин г) амбар из круглого леса крыт тесом длина 2 сажен ширина 1 ½ с. вышина 3 аршин			РИК Сельсовет КОВ	

(Продолжение)

5.	**ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА** а) дом из круглого леса крыт железом длина и ширина 212 кв. аршин вышина 4 аршин б) амбар с сеновалом из круглого леса крыт тесом длина и ширина 108 кв. аршин вышина 6 аршин в) баня из круглого леса крытая тесом длина и ширина 30 кв. аршин вышина 3 аршин			**Райиспол-ком Партклуб**	
6.	**КОРНИЛОВА Ивана Николаевича** а) дом каменный крыт железом длина и ширина 300 кв. аршин вышина 4 аршин б) амбар крытый железом длина 48 аршин ширина 12 аршин вышина 4½ на три отделения в) к нему три кладовыя крытая железом длина 12 аршин ширина 10½ аршин вышина 4 аршин г) завозня крытая железом длина 3½ с. ширина 3½ с. вышина 4 аршин д) кладовая из баржевого леса крытая тесом длина 3½ с. ширина 3 с. вышина 3½ аршин е) ледник из баржевого леса, крытый тесом длина 4 с. ширина 3½ с. вышина 4½ аршин ж) конюшня из баржевого леса крытая тесом длина 3 с. ширина 2 с. вышина 10 четвертей з) завозня с конюшнями и сеновалом, крытая тесом длина 21 аршин ширина 9 аршин //[Л. 30 об.] и) пекарня сделана из баржевого леса под тесом сени под железом длина 21 аршин ширина 9 аршин вышина 13 четвертей к) лабаз на пристани обшитый тесом закрытый железом л) лабаз на тесу крыт железом длина 4 с. ширина 2½ с. вышина 4 аршин м) склад деревянный крыт железом длин 19 аршин ширина 7½ аршин вышина 4 аршин				

(Продолжение)

	н) склад деревянный крыт тесом длина 13½ аршин вышина 3½ аршин ширина 9 аршин о) склад деревянный крыт железом длина 15 аршин ширина 9 аршин вышина 13 четвертей				
7.	**ГОЛЕВ-ЛЕБЕДЕВ** а) дом 2-х этажный деревянный крытый железом б) дом одноэтажный деревянный крытый железом длина 8 с. 2 аршин 11 в. ширина 3 с. 5 вер. в) 2-х этажный амбар с подновесом г) старая конюшня с двумя отделениями и сеновалом, крыт тесом длина 5 с. ширина 3 с. е) одноэтажный подгорный амбар крытый тесом				
8.	**ПАЖАРНОЕ ДЕПО** а) дом с каланчей крытый железом с пристройкой и конюшнями длина 7 сажен ширина 3 с. вышина 3½ аршин				
9.	**ЗЕМСТВО** а) дом 2-х этажный обшитый тесом крыт железом длина и ширина 310 кв. аршин б) амбар из баржевого леса крыт тесом длина и ширина 218 кв. аршин вышина 5½ аршин				
10.	**ИНОРОДЧЕСКИЙ ПАНСИОН** а) дом крытый железом длина 7 с. ширина 4 с. вышина 4 аршин б) амбарушка крыта тесом длина 8 аршин ширина 6 аршин вышина 3 аршин				
11.	**О-ВР МИССИОНЕРОВ** а) дом из круглого леса крытый железом длина и ширина 338 кв. аршин вышина 4 аршин б) баня из круглого леса крытая железом длина и ширина 54 кв. аршин вышина 3 аршин				
12.	**БЫВШАЯ БИБЛИОТЕКА** а) дом из круглого леса крыт железом длина и ширина 191 кв. аршин				
	//[Л. 31] **ОЛЕНЕВА** а) дом обшитый и крытый тесом длина и ширина 254 кв. аршин вышина 3½ аршин				

(Окончание)

13.	б) флигель угловой общ. и обитый тесом длина и ширина 66 кв. аршин вышина 18 четвертей в) флигель из круглого лесу крыт железом длина и ширина 66 кв. аршин вышина 3½ аршин г) конюшня с сеновалом крыта тесом длина и ширина 48 кв. аршин вышина 5 аршин д) амбар с вышкой из баржевого леса крыт тесом длина и ширина 270 кв. аршин вышина 5 аршин е) лабаз из плах длина и ширина 81 кв. вышина 4 аршин ж) баня из круглого леса крыт тесом длина и ширина 24 кв. аршин				
14.	**НАРОДНЫЙ ДОМ** а) дом круглого леса крытый железом с неокончаной пристройкой длина и ширина 307 кв. аршин вышина 4½ аршин				
15.	**МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ** а) дом тесовой крыша длина 5 с. ширина 4 сажен вышина 15 четвертей				
16.	**БОЛЬНИЦА** а) дом обшит тесом крытый железом длина 10 с. ширина 18 с. вышина 4½ аршин б) сарай с конюшней 2-х этажный из однорезки крыт железом длина 5 с. ширина 3 с. вышина 7 аршин в) баня и прачешная из круглого леса крыта железом длина 4½ с. ширина 3 с. вышина 3 аршин д) ледник из однорезки землянной				
17.	**БАРАК** Из круглого леса крыт тесом длина и ширина 173 кв. аршин вышина 3½ аршин				
18.	**ЯРЛЫЧКОВА** **Якова Антоновича** а) дом из круглого леса крыт железом длина и ширина 137 кв. вышина 4 аршин б) амбаров (три) из круглого леса длина и ширина [...] квадр. аршин 11-20 кв. аршин [...] кв. аршин вышина 3 аршин				

Предрайисполкома Мартьянов
Секретарь Миронков

//[Л. 37] правильным разрешение Березовским УИКом вопроса об освобождении от конфискации перечисленных зданий и противоречащих декрету Совета Народных Комиссаров «о конфискациях и реквизициях имущества частных лиц» от 28 марта 21 г. § 6 которого дела о возврате могли быть рассматриваемы лишь Губернскими революционными комитетами или Президиумами Исполнительных комитетов.

Со стороны Тюмгубисполкома или Губисполком никаких постановлений о возврате имущества не исходило, а потому все имущество означенных лиц Райисполком считает конфискованным и из списков конфискованного имущества не исключая и представляя список ходатайствует такой утвердить.

По существу прилагаемых списков в номерном порядке списка Районный Исполнительный комитет имеет сообщить следующее:

1. СТРОЕНИЯ ТЕЛЕЖКИНА

Общая оценка 10350 рублей. Владелец бывший довер. Н-ков Корнилова – имеет недвижимость в г. Тобольске, Обдорске и с. Мужи. Ни в Обдорске ни в с. Мужи за революционный период ни лично ни из членов семьи никто не проживает. Имущество сдает в арендное пользование госхозорганизациям. Непосредственного участия в бандитизме не принимал, выехав из Обдорска во время власти Колчака. Сын же гражданина Тележкина, как активный бандит расстрелян в с. Обдорске в 1921 г.

2. ТЕРЕНТЬЕВА А.Г.

Общая оценка 7800 рублей. Владелец дома разстрелян – за участие в бандитизме в 1921 г. Постановлением Обдорского Волревкома дом был конфискован в 1921 г. С 1920 г. в целом дом занят радио-станцией. Никакой платы за помещение радио-станцией не выплачивалось и не выплачивается.

3. ЧУПРОВОЙ М.А.

Общая оценка 13600 рублей. Владелец дома и часть семьи разстреляны в настоящее время – в доме проживает оставшаяся в живых семья сдающая основную часть строений в аренду Ц.А.Т.О. в 1920 г., как имущество крупного торговца был изъят из владения и в нем устроен детдом, в 1921 г. в доме помещалось милиция в целом с 1920 – по май 1922 г. дом был занят Военным революционным комитетом – после чего оставшаяся сама на основании постановления первоначально получила разрешение на временное проживание – а затем продолжает оставаться за неоформлением Райисполком своих прав.

4. ЕРЛЫКОВОЙ М.П.

Общая оценка 5000 рублей. Владелец бывший торговец за участие в бандитизме разстрелян. Дом был конфискован на основании приказа № 3 по Березовскому уезду УИК а возвращен и занят женой и семьей. // [Л. 38]

5. ЧЕЧУРОВА

Общая оценка 10000 рублей. Владелец бывший крупный торговец разстрелян за участие в бандитизме. Дом был постановлением Обдорским Волревкомом конфискован, но постановлением Березовского УИКа возвращен и занят семьей разстрелянного.

6. КАРПОВА М.С.

Общая оценка 6000 рублей. Владелец бывший торговец разстрелян, как участник бандитского возстания. Строения были конфискованы на основании приказа № 3 Тюмгубисполкома, но на основании постановления Березовского УИКа возвращены и заняты женой разстрелянного.

7. БРОННИКОВОЙ

Общая оценка 13000 рублей. Владелец бывший торговец – разстреляна, как участница возстания. Дом возвращен постановлениме Березовского УИКа.

8. ТАРАСОВА П.Г.

Общая оценка 4000 рублей. Владелец бывший торговец разстрелян, как участник бело-бандитского возстания, дом возвращен постановлениме УИКа и занят семьей.

Председатель ОБД Районного исполнительного комитета Мартьянов
Секретарь Миронков

ГА ЯНАО Ф. 2. Оп. 1. Д. 45. л. 29 об. – 31; 37 об. 38.

№ 2

[Л. 35] Акт

1923 года, 2 сентября, мы нижеподписавшиеся председатель Обдорскаго Волисполкома т. Кононов Георгий Никитич и представитель от Обдорскаго Волкома т. Капраитис Иван Константинович и счеттовод Шурышкарскаго отделения Акционернаго общества «Хлебопродукт» Иванов Вениамин Иванович, на основании предписания Березовскаго УЭКОСО от 23/XVII – 23 года за № 97 произвели проверку и сдачу имущества находящагося в местности Шурышкары приналлежащаго контр-агентам Область-рыбы гр. гр. Ужинцеву Г.И. и Бурнашевой, и братьям Забелинским, причем оказалось следующее:

№ № по порядку	Название предметов	Количество
Имущество бывшее Ужинцева Г.И.		
1.	Изба пятистенная, крытая тесом с 5 конами и 4 рамами	1
2.	Столов	3
3.	Табуретов	2
4.	Угловых столов	2
5.	Жаровень (ломаных)	1
6.	Кровать-нары	1
7.	Ухват	1
8.	Заслонок	1
9.	Амбар из бревен, покрытый тесом, с закромам.	1
10.	Корытьев	2
11.	Ящиков рыбных	3
12.	Боченков	1
13.	Решет	1
14.	Пил поперченых	1
15.	Трезубьев	1
16.	Сеток для носилок	5
17.	Сарай из бревен, покрытый тесом с полками для чистки рыбы	1

(Окончание)

18.	Боченков керосинных	12
19.	Боченков средних	2
20.	Кадушек зырянских	1
21.	Ларей	1
22.	Кадушек	1
23.	Корыт	1
Имущество бывшее Бурнашевой М.И.		
1.	Изба, покрытая тесом с 4 окнами без рам	1
2.	Столов	1
3.	Угловых столов	2
4.	Кровать-нары	2
5.	Железная печь	1
6.	Табуретов	2
7.	Амбар из плах, без потолка	1
8.	Кадок	2
9.	Лопат железных	1
10.	Ведер деревянных	3
11.	Ящиков пустых	3
12.	Корыт	1
13.	Гвоздодер	1
14.	Буравчик	1
15.	Ведер железных	3
16.	Носилок	1
17.	Лопаток рыбочистных	9
18.	Ковшей	3
19.	Сарай из плах покрытый тесом	1
20.	Получанков средняго размера	5
21.	Тоже малаго размера	1
22.	Корзинок	7
23.	Ящиков рыбных	8
24.	Корытьев	3
25.	Полубочек	1
26.	Бочек сороковок	1
27.	Ведер деревянных	1
28.	Сарай из плах, покрытый тесом без пола и потолка	1
//[Л. 35 об.]		
29.	Кухня без пола и потолка, с русской печью	1
30.	В ней нары	2
31.	Столов	2
32.	Баня черная, покрытая дерном	1
Имущество братьев Забелинских		
1.	Дом с 3окнами без рам, крытый тесом	1
2.	Сараев (одни без крыши, другой крытый дерном)	2
3.	Кухня с 3 окнами без рам	1

Примечание: Имущество Ужинцева и Бурнашевой передано в аренду Обдорскому «Хлебопродукту», а имущество братьев Забелинских только на хранение.

Все указанное в сем акте исключая имущества братьев Забелинских снято с акта составленнаго Мужевским Волисполкомом от 2/VII-23 года. Рыболовного инвентаря (как-то: лодок, неводов и т.д.) не оказалось последний был увезен нынешней весной первым караваном Областьрыбы по распоряжению заврайоном Н.Г. Быкова и где в данное время находится неизвестно, о чем и занесли в настоящий акт. Подлинник настоящаго акта направить Березовскому УЭКОСО, копию Обдорскому Волисполкому и конторе Акционернаго Общества «Хлебопродукт».

Председатель Обдорскаго Волисполкома	Кононов
Представитель Обдорскаго Волкома	Капраитис
Счетовод Шурышкарского отделения Хлебопродукт	Иванов

ГА ЯНАО Ф. 5. Оп. 1. Д. 49. л. 35-35 об.

№ 3

[Л. 36] Акт

1923 года сентября 3 дня мы нижеподписавшиеся председатель Обдорского Волисполкома т. Кононов Г.Н., представитель Обдорскаго Волкома т. Капраитис И.К., в присутствии представителя от Обдорскаго отделения акционернаго общества конторы «Хлебопродукт» т. Чупрова С.Ф. произвели поверку и сдачу имущества принадлежащаго братьям Забелинским на песках «Вандияз» причем оказалось следующее:

№№ по порядку	Название предметов	Количество
	Имущество братьев Забелинских	
1.	Изба, крытая тесом, ветхая, с 3 окнами без рам	1
2.	Кухня крытая дерном, без пола, имеет русскую печь, два окна без рам	1
3.	Сарай деревянный, крытый тесом	1
4.	Амбар деревянный, крытый тесом	1
5.	Соляной амбары, разрушенный, часть расхищен	1
6.	Баня без крыши	1
7.	Бочек под рыбу с деревянными обручами	3
8.	Получанков с железными обручами	2

Все указанное имущество братьев Забелинских временно передано конторе «Хлебопродукт», о чем и составлен настоящий акт.

Предволисполкома	Кононов
Представитель от Волкома	Капраитис
Приемщик акционернаго общетсва конторы Хлебопродукт	С. Чупров

ГА ЯНАО Ф. 5. Оп. 1. Д. 49. л. 36.

№ 4

[Л. 23] Акт

1923 года 12 июля мы нижеподписавшиеся член Мужевского ВИК Витязев Владимир Андреевич и зам. зав. Шурышкарским агенством Обдорского отделения Хлебопродукта Рочев Яков Федоров в присутствии граждан Семяшкина Александра Петровича, Канева Саватия и Артеева Ефема производили сдачу и прием имущества находящегося на песках: Истоминский Яр, Шурышкары и Лонцерский, принадлежащие Березовскому УЭКОСО, каковые арендуются Хлебопродуктом на летний рыболовный сезон 1923 г. причем оказалось принято и сдано следующее:

	I. Истоминский Яр	
1.	Избушка с русской печью	1
2.	Столов	2
3.	Кровать нары	1
4.	Ящик	1
5.	Амбар	1
6.	Получанков	2
7.	Бочек керосиновых	6
8.	Полубоченков	1
9.	Ящиков рыбных	3
10.	Лодка на 50 п.	1
11.	Якорь 3-х лап. 20 ф.	1
12.	Корытьев	2
13.	Корзинок	3
14.	Сарай без крыши с полкой для чистки рыбы	
	II. Лонцерский (бывшие братья Быкова)	
1.	Избушка крытая тесом с тремя окнами	1
2.	Стол крашеный	1
3.	Тоже угловой	1
4.	Табурет	1
5.	Нары	2
6.	Труба железная	1
7.	Шкафчик	1
8.	Гребей мал. колдан.	2
9.	Замков	2
10.	Кухня, крытая тесом одна половина, а другая землей, с русской печью	1
11.	Столов прибитых к стене	2
12.	Нары	1
13.	Кухонных столов	1
14.	Табурет	1
15.	Лопата хлебная	1
//[23 об.]		
16.	Сарай из мелких бревен крыт тесом без пола и потолка для читски	1
17.	Получанок на 50 п.	1
18.	Баклашка	1

(Продолжение)

19.	Бочек больших	5
20.	Бочек средник	6
21.	Бочек керосинных	8
22.	Корытьев	10
23.	Полубочек [...]	2
24.	Носилки	1
25.	Лопаток рыбочистных	3
26.	Сарай из мелких бревен	1
27.	Лодка колыданная	1
28.	Корзинок	2
29.	Боченок	1
30.	Полубоченок	1
31.	Амбар крыт соломой	1
32.	Ковш	1
33.	Решето	1
34.	Железная лопата	1
35.	Котлов железных	2
36.	Топор колун	1
37.	Баня с земляной крышой	1
38.	Городовушка	1
	III. Шурышкары (имущество бывш. Г.И. Ужинцева)	
1.	Изба пятистенная покрыта тесом с 5 окнами и 4 рамы	1
2.	Столов	3
3.	Табуреток	2
4.	Угловых столов	2
5.	Жаровня	1
6.	Кровать - нары	1
7.	Ухват	1
8.	Заслонка	1
9.	Амбар из бревен крыт тесом с закромой	1
10.	Корытьев	2
11.	Ящиков рыбных	3
12.	Боченок	1
13.	Решето	1
14.	Пила поперечная	1
15.	Трезуб	1
16.	Сеток для носилок	5
17.	Сарай из бревен крыт тесом с полкой для чистки рыбы	1
18.	Боченков керосинных	4
19.	Боченков керосинных средних	12
20.	Кадушек зырянских	2
21.	Ларь	1
22.	Кадушка	1
23.	Корыто	1

(Окончание)

	Имущества бывшее М.И. Бурнашова	
1.	Изба крытая тесом с 4мя окнами без рам	1
2.	Столов	1
3.	Столов угловых	2
4.	Кровать-нары	2
5.	Железная печь	1
6.	Табуретов	2
7.	Амбар из плах без потолка	1
//[Л. 24]		
8.	Кадок	2
9.	Лопата железная	1
10.	Ведер деревянных	3
11.	Ящиков пустых	3
12.	Корыто	1
13.	Гвоздодер	1
14.	Буравчик	1
15.	Ведер железных	3
16.	Носилок	1
17.	Лопаток рыбных	5 ш.
18.	Ковшей	3
19.	Сарай из плах крытый тесом	1
20.	Получанков	5 ш.
21.	Тоже	1
22.	Корзинок	7
23.	Ящиков рыбных	8
24.	Корытьев	3
25.	Полубочек	1
26.	Бочка сороковка	1
27.	Ведро деревянное	1
28.	Боченок маленький	1
29.	Сарай из плах без пола и потолка	1
30.	Кухня без пола и потолка с русской печью	1
31.	В ней нары	1
32.	Столов	5
33.	Баня черная без крыши	1

Сдал член Мужевского ВИК Витязев принял зав. зав. Шурышкарским агентством Хлебопродукт Рочев.

При сдаче и приеме присутствовали граждане Артеев, Семяшкин.

С подлинным верно делопроизводитель

ГА ЯНАО Ф. 5. Оп. 1. Д. 49. л. 23-24.

Е. М. Главацкая

УРАЛЬСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ПРИПОЛЯРНОЙ ПЕРЕПИСИ 1926 – 1927 гг.: ИСТОРИЯ ОРГАНИЗАЦИИ [1]

Приполярная перепись 1926-1927 гг. явилась небывалым по масштабам и поставленным задачам мероприятием Советского государства. Это была даже не перепись в традиционном понимании, а настоящая комплексная экспедиция на Север, сотрудники которой должны были подробно описать каждое «туземное» хозяйство, его состав, экономику и быт, детали материальной культуры и духовной жизни северян. Ничего подобного никогда не предпринималось ни одной из стран мира. Ценность исследования заключалась и в том, что оно проводилось в период, когда социалистические преобразования еще не коснулись народов Севера, и они во многом сохраняли традиционный образ жизни. Между тем, большая часть уникальных материалов Приполярной переписи до сих пор не введена в научный оборот, судьбы многих участников, совершивших научный подвиг, неизвестны [2]. Совсем недавно старанием историков Екатеринбурга был обнаружен значительный блок первичных материалов Уральской экспедиции, проводившей перепись на территории Северо-Западной Сибири. Ей посвящена данная статья.

Краткая предыстория

В 1925 г. молодое Советское государство готовилось к первой Всесоюзной переписи. Большим опытом в этом деле никто не располагал. Впервые все население Российской империи было переписано в 1897 г. — предприятие огромного масштаба, однако, если учесть, что в Швеции текущий учет населения был начат еще во второй половине XVII в., то событие это запоздало почти на 2 века. Заслуга проведения переписи принадлежала Министерству внутренних дел, что позднее дало повод для жесткой критики, поскольку осуществлялась она не специалистами-статистиками и этнографами, а администраторами. Около 150 000 регистраторов переписали население (по состоянию на 9 февраля (28 января) 1897 г.), которое в то время насчитывало 129 миллионов человек[3]. Помимо вопросов о гражданском статусе и доходах перепись содержала графы, касающиеся грамотности, родного языка, вероисповедания и сословной принадлежности граждан. При таком подходе представить точную картину национального и этнического состава страны было достаточно сложно, поскольку графы-вопроса о национальной принадлежности в переписи просто не было. В условиях кросскультурного и межэтнического взаимодействия и политики правительства, направленной на усиление этно-религиозной гомогенизации общества, религия и язык не всегда давали возможность судить о национальности. Между тем, национальный вопрос в России на рубеже веков, а

[1] Исследование проводилось в рамках проекта «Archival and Living Transcripts», поддержанного Британским советом по гуманитарным исследованиям, грант № B/RG/AN9129/APN16283; при поддержке гранта РГНФ № 04-01-00138а «Народы и религии Урала в XVII – XX вв.: опыт историко-этнографического картографирования».

[2] По истории Приполярной переписи начата публикация материалов лишь по Сибирскому краю. См.: Савоскул С. С. Впервые на Севере: Б.О. Долгих — регистратор приполярной переписи // Этнографическое обозрение 2004. № 4; Туруханская экспедиция Приполярной переписи: этнография и демография малочисленных народов Севера /Ред. Д. Андерсон. Красноярск, 2005.

[3] Cadiot J. Searching for Nationality: Statistic and National Categories at the End of Russian Inpire (1897 1917) // The Russian Review 64 (July 2005). P. 442, 447.

после революции 1905 г. — особенно, приобрел острое политическое звучание. При этом ясного представления о национальном составе империи ни у кого не было.

Обсуждение вопросов, связанных с проведением следующей переписи, началось уже в 1910 г. Статистикам и этнографам было очевидно, что в условиях Российской империи язык и национальность не обязательно совпадали. Поэтому при подготовке второй переписи, запланированной сначала на 1913, а потом 1915 гг., правительство вынуждено было считаться с требованиями регистрации не только языка, но и национальности граждан. В результате в работу по организации переписи включились специалисты — провинциальные статистики и этнографы. Было решено уделить большее внимание вопросам образования, производственной занятости и этнической принадлежности, так что общее количество вопросов уже превысило бы 20. Вместо графы «родной язык» появились три, различающие родной язык, язык общения и, наконец, русский, а также уровень грамотности (чтение и письмо) русской или иной и образование. Занятия, профессия, участие в торговле и другие виды деятельности разделялись на основные или вспомогательные для определения источников доходов. Таким образом, многие недостатки, допущенные во время переписи 1897 г., были учтены. Однако вступление России в Первую мировую войну нарушило планы проведения переписи и страна вынуждена была прожить еще долгие 12 лет не имея четкого представления о своем национальном составе. В 1920 г., правда, была предпринята отчаянная попытка провести перепись, однако она началась в условиях продолжавшейся гражданской войны и охватила лишь некоторые территории.

Между тем задачи дальнейшего экономического развития и его планирования требовали конкретных данных о народонаселении и хозяйственной деятельности. Страна была поделена на участки и Север, благодаря специфике территории и населения, был выделен в отдельный переписной район и только здесь, на Севере, помимо демографической переписи, было решено осуществить еще и обследование всех хозяйств и поселений, собрать сведения об их бюджете, торговле, промыслах, санитарном состоянии. Проведение переписи на территории Уральской области, в состав которой входили Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа, должна была осуществлять Уральская экспедиция. Подготовкой занимались основательно. Прежде всего, были сделаны запросы в районные исполкомы о количестве населенных пунктов и расстояниях между ними. Позднее, правда, выяснилось, что сведения эти не соответствовали действительности. Особенно значительные были расхождения по Сургутскому району: вместо указанных РИКом 135 селений, переписчики обнаружили 228, а маршрут движения экспедиции, определенный в 7420 верст, в действительности растянулся на 11371 [4]. Подобные ошибки встречались и в других районах, но Сургутский в этом смысле обошел всех. Безусловно, найти дополнительные средства в процессе проведения переписи не представлялось возможным, и проблема прохождения «лишних» верст, как, впрочем, и работа по регистрации неучтенных населенных пунктов, легла на плечи рядовых регистраторов. О том, что это были за люди — позднее.

Сотрудники комиссии по подготовке переписи основательно изучили опыт Первой Всероссийской переписи 1897 г. Как это ни парадоксально, но материалы по Тобольской губернии оказались в распоряжении статистиков Хабаровска, о чем те сразу сообщили коллегам из Уральского областного статистического бюро. Материалы были вскоре присланы и тщательно изучены [5]. Оказалось, что для подготовки переписи в 1897 г. в стране были образованы губернские и окружные переписные комиссии под председательством губернаторов и крестьянских начальников соответственно. Каждый город и округа губернии — Тобольский, Березовский и Сургутский, — делились на переписные участки, охватывавшие население от 7 до 15 тысяч человек, куда назначались заведующие для руководства работами. Переписные участки, в свою очередь, делились на счетные участ-

[4] ГАСО. Ф. 1812-р. Оп.2. Д.181. Папка 4. Л.1.

[5] Там же. Папка 3. Л.6-13.

ки, охватывавшие до 400 хозяйств с населением до 2000 человек. Тогда регистрация «инородцев» — аборигенного населения Тобольской губернии, проводилась на основании имевшихся в «инородных управах» списков, которые уточнялись путем опроса самих жителей, после чего полученные данные сверялись с метрическими выписками церквей и исповедными записями. Из отдаленных районов, куда переписчикам попасть было затруднительно, в города вызывались родовые старшины. Кочевое население переписывали во время ярмарки и сдачи ясачной повинности, с декабря до середины февраля [6].

Подготовка переписи

Организаторами переписи 1926 г. была избрана иная тактика. Прежде всего, для проведения переписи были созданы экспедиции, которые должны были, следуя по предварительно разработанному маршруту, лично переписать все население Тобольской губернии. Регистраторы должны были заполнить «Похозяйственную карточку» — бланк, состоявший из 405 граф-вопросов (это вместо планировавшихся 20), и «Поселенный бланк» — формуляр на 32 страницах, который включал сведения о местах и времени кочевания, хозяйственных занятиях, объектах и способах промыслов, традиционной медицине и религиозных традициях. Помимо заполнения основных форм переписи было решено собрать еще и сведения о бюджете кочевых хозяйств. Для этого была предложена шкала деления хозяйств оленеводов-кочевников на 5 групп в зависимости от их благосостояния. Оленеводы, имевшие более 1500 оленей, считались «богачами», хозяева стада свыше 500 голов — «зажиточными»; владельцы 100–500 оленей — «малооленными»; те, кто имел менее 100 оленей — «бедняками». Наконец в отдельную группу зачислялись «безоленные» — те, кто лишился стада вследствие стихийных бедствий и работал в целях восстановления своего оленеводческого хозяйства. При этом бюджетное обследование должно было проводиться каждой экспедицией не сплошняком, а выборочно из расчета 5 хозяйств богачей, 10 хозяйств зажиточных и по 15-20 малооленных, бедняков и безоленных [7] В итоге по Тобольскому округу было составлено 28 бюджетных описаний хозяйств жителей Обдорского, Березовского, Сургутского и Кондинского районов, в том числе 10 зажиточных, 11 середняцких и 7 бедняцких. Регистрировалось все имущество, от оленей и промыслового инвентаря — до одежды и кухонной посуды. Учету подлежали продукты промысла, рабочее время, затраченное на разные виды работ мужчинами и женщинами, обстановка в доме, пища и способы ее употребления — в сыром или вареном виде [8].

Безусловно, Приполярная перепись на Севере имела много особенностей, которые не учитывались в бланках, подготовленных для Всесоюзной переписи. В «Похозяйственную карточку» для народов Севера были введены специальные графы для учета оседлого и кочевого населения и мест сезонных стойбищ, а сотрудники Уральской экспедиции внесли еще категорию «полуоседлых», исходя из специфики хозяйства хантов и манси. К традиционной графе «ФИО» была добавлена «Прозвище», поскольку многие северяне продолжали сохранять свои традиционные имена. Графа «Название профессий» была заменена на «Название занятий». В разделе «скотоводство» верблюды, ослы, мулы и рабочие коровы были заменены оленями и ездовыми собаками и т.д.

Естественно стремление чужих людей выведать и зафиксировать на бумаге все детали хозяйства оленеводов могли вызвать негативное отношение к переписи с их стороны. Поэтому, обсуждая вопросы организации переписи, совещание при Тобольском окружном статистическом бюро постановило «признать необходимым ознакомление населения — каменных и низовых самоедов как с характером переписи, так и с ея задачами, а также и способом ведения. Учитывая крайнюю подозрительность и недоверие в

[6] ГАСО. Ф. 1812-р. Оп.2. Д.181. Папка 3. Л. 9 об.-11.
[7] Там же. Л. 38 об.
[8] См. ГАСО. Ф. 1812-р. Оп.2. Д.191.

этой группе населения ко всему новому и не понятному для них признано необходимым к переписи приступать с большей осторожностью, использовав для подготовки кочевников и инородцев дальнего Севера, по возможности, всех, кто пользовался ранее и пользуется сейчас доверием инородцев» [9]

Для осуществления переписи населения Полярного Урала, полуостровов Ямал, Гыданский, Ныдский и территории к северу по р. Надым, Пур и Таз, было предложено создать пять северных экспедиций: две Ямальские (позднее, все же, объединенные, вероятно, из соображений экономии), Обдорскую, Сургутскую и Пуро-Тазовско-Гыданскую и направить их в марте на оленях в районы летних кочевий. Однако из-за дороговизны экспедиций идею их организации Уральское статистическое бюро сразу забраковало. Им было предложено переписывать кочевников во время их перекочевки на зимние стойбища. В конце лета 1926 г. «Для уловления переселяющихся туземцев» должно было быть организовано 10 переписных отрядов в районе Обдорска и всех факторий на пути следования кочевников. Зная, что на ярмарку или фактории прибывали только главы семей и родов, в то время как остальные вместе с оленями располагались на небольшом расстоянии, организаторы планировали направлять к таким стойбищам небольшие экспедиции, заручившись поддержкой старшин, начальников родов и старост. Весь персонал переписи кочевого населения состоял из помощника начальника с резиденцией в Обдорске, 2 районных руководителей, 10 старших и 10 младших регистраторов и 20 переводчиков. Однако представители Тобольского окружного статистического бюро не могли согласиться с отказом от проведения крупномасштабных экспедиций. Они отчаянно искали способы сокращения расходов, например, за счет упрощения переписных бланков. Участники совещания в Тобольске, в частности, А.А. Дунин-Горкавич и В.М. Новицкий, считали, что результаты переписи на факториях «не будут иметь никакой ценности, будут не полны, не систематичны и будут носить характер случайных записей». Единственный путь избежать этого, по мнению тобольских специалистов, состоял в организации экспедиций, на чем они отчаянно настаивали [10].

В одном из документов, подготовленных организаторами переписи, обсуждались детали проведения летнего статистико-экономического обследования Березовского и Сургутского районов и рек Конда и Демьянка. В частности, предлагалось формировать экспедиции из двух регистраторов и переводчика. Автор записки мотивировал это тем, что «работа в одиночку в течение 2-3 месяцев среди инородческого населения тяжела и неудобна, возможны также случаи заболевания». Регистраторы, по мнению автора проекта, должны были передвигаться на собственной лодке, которая одновременно была бы и их «постоянным местопребыванием» в виду того, что «инородцы не всегда имеют удобные для переезда лодки» и «невыносимой в большинстве обстановки инородческих жилищ для культурного человека» [11]. Очевидно, это было мнение человека, знакомого с особенностями регистрационной работы среди аборигенного населения Тобольского Севера.

Первый опыт регистрации

В июле 1926 г. заведующий Тюменским музеем Леонид Рудольфович Шульц, назначенный ответственным руководителем переписи, выехал в Обдорск (современный Салехард) для проведения пробной регистрации в юртах Князевских. Сразу же выявились проблемы в заполнении подготовленных регистрационных бланков. По словам Л.Р. Шульца, малая величина граф «Похозяйственной карточки» «не была приспособлена для писания мало привычных к мелкому письму регистраторов», недостаточно места было выделено для описания кочевок. Позднее, вернувшись в Свердловск, Л.Р. Шульц настоял на переработке как «Похозяйственной карточки», так и «Поселенного бланка».

[9] ГАСО. Ф. 1812-р. Оп.2. Д.181. Папка 3. Л. 32 об. – 33.
[10] Там же. Л. 54 об. – 56 об.; 94–94 об.
[11] Там же. Л. 62.

Во время проведения пробной переписи было принято решение описать также фактории и рыболовные угодья населения, для чего были разработаны соответствующие бланки. Воистину, сотрудники Приполярной переписи не боялись переработать!

Несмотря на то, что организаторы подготовки переписи предвидели негативное отношение населения к переписи и предлагали принять меры по его смягчению, это предложение либо не было принято всерьез, либо проведенные меры оказались, увы, недостаточными. Во всяком случае, регистраторы столкнулись с этой проблемой сразу, как только началась регистрация. В официально распространявшуюся версию о том, что государство организует все это для того, чтобы улучшить снабжение в крае, верили не многие. Одно из наиболее распространенных среди северян, переживших ужасы гражданской войны, толкований причин переписи было то, что все это делалось для их привлечения к воинской повинности [12].

Проведение пробной переписи позволило снять ряд возникавших по ходу работы проблем в рабочем порядке. В частности, для того, чтобы избежать путаницы при регистрации, о которой предупреждали А.А. Дунин-Горкавич и В.М. Новицкий, было предложено «всем переписанным туземцам ...выдавать особые билеты, чтобы один человек не был записан дважды, что легко может случиться, вследствие кочевого образа жизни туземцев» [13].

Найти регистраторов для проведения переписи также оказалось делом не из простых. Вербовать сотрудников за пределами округа и перебрасывать их на Север было дорого, а на местах специалистов требуемой квалификации было мало. Чтобы решить эту проблему, обратились в Окружное Политуправление с просьбой разрешить нанять для проведения регистрации ссыльных. В письме от 31 мая 1926 г. П.Ф. Неволин, заведующий отделом переписей, писал: «Принимая во внимание, что вышеуказанные районы являются местами расселения ссыльных и среди них могут быть лица по своим познаниям и профессии удовлетворяющие цензу, который будет предъявлен к работникам переписи, было бы полезным для дела переписи и выгодным по финансовым соображениям использование ссыльных и тех именно из них, которые бы в отношении заданий им отвечали вышеуказанным требованиям, а с другой стороны — использование их не противоречило правилам надзора» [14]. Набрать штат и провести подготовительные работы было поручено руководителю Ямальской экспедиции Владимирцеву, однако надежды Л.Р. Шульца на то, что это будет сделано до его приезда, не оправдались. Позднее, в отчете о переписи Леонид Рудольфович в довольно сдержанной форме, но совершенно недвусмысленно высказал свое неудовольствие по поводу работоспособности коллеги, «не только не сумевшего руководить работой регистраторов, но и мешавшего ей своими сбивчивыми распоряжениями» [15].

Перепись на «промысловом» Севере

План проведения переписи состоял их двух частей: 1 — регистрации промыслового и 2 — кочевого населения Тобольского Севера. Территория «промыслового севера» была разделена на 5 переписных районов: Обдорский, Березовский, Самаровский, Кондинский и Сургутский, включавших по нескольку переписных участков. Кроме того, уже в ходе переписи было принято решение провести регистрацию населения северной части Уватского района — селений по рекам Демьянке и Салыму. Предполагалось выполнить этот план за зимний сезон 1926-1927 [16]. На самом же деле некоторые работы растянулись до начала мая.

---

[12] ГАСО. Ф. 1812-р. Оп.2. Д.181. Папка 4. Л. 2–2 об.

[13] Там же. Папка 3. Л. 95–96.

[14] Там же . Л. 109.

Там же. Папка 4. Л. 3 об.

Там же. Папка 3. Л. 50об.–51, 213.

В Березовском районе для руководства переписью был приглашен административно ссыльный Г.А. Горский, статистик по специальности, участник переписи 1920 г. После предварительного согласования его кандидатуры с райисполкомом и местным уполномоченным ГПУ, Г.А. Горский смог приступить к работе по организации переписи, но, сражу же, был от нее отстранен из-за отсутствия разрешения Тобольского окружного отдела ГПУ. На телеграфную переписку и пересылку документов ушел еще месяц [17] Сведений о маршрутах, местах и времени промыслов в Березовском районе заранее собрать не удалось, так что работа продвигалась чрезвычайно медленно. Большинство сотрудников, набранных для переписи, были из местных жителей, кроме того, удалось привлечь шестерых административно-ссыльных, четверо из которых работали в районе, а двое в самом Березове.

Еще двое были студентами-этнографами, имевшими опыт работы среди хантов и манси Березовского района. Один из них — В. Н. Чернецов впоследствии стал известным археологом. Его рукой заполнены многие «Похозяйственные карточки» и «Поселенные бланки» Березовского района. Часть его полевых дневников позднее была опубликована [18]. Всего штат Березовского переписного отряда состоял из Районного руководителя, двух инструкторов (один, приглашенный из Тюмени, оказался, по словам Л.Р. Шульца, «не вполне соответствующим своему назначению»), 12 регистраторов и 11 переводчиков. Многие из регистраторов владели местными языками и обходились без переводчиков, а переводчики часто исполняли обязанности возниц. Анализируя итоги переписи в Березовском районе, Л.Р. Шульц, скупой на похвалы, писал в своем отчете: «В общем надо считать перепись по Березовскому району проведенной успешно; приписывать это приходится, главным образом, районному руководителю Г.А. Горскому, которому в значительной мере приходилось лично пополнять и исправлять все недочеты, полученные вследствие недостаточно высокой квалификации персонала и его нехватки» [19]. Только бюджетное обследование по Березовскому району в планируемом объеме провести не удалось из-за нехватки квалифицированных кадров, поскольку ссыльным, которым можно было бы доверить это дело, органы ГПУ категорически запретили покидать Березово.

В Самаровском районе переписью руководил П.Н. Андреев, юрист по образованию, отбывший срок административной ссылки, во время которого имел возможность хорошо изучить район [20]. Благодаря его умелому и энергичному руководству перепись в районе была начата в срок, предусмотренный планом, 1 декабря и охватила почти 100% населения. Из 10 набранных на месте регистраторов, шестеро являлись местными жителями, остальные четверо — административно-ссыльными, с высшим или незаконченным высшим образованием. Кроме того, П.Н. Андреев привлек в помощь еще и 9 человек учащихся местных школ. В целом, штат Самаровского отряда был достаточно квалифицированным, пришлось заменять и переделывать работу только двоих регистраторов.

Перепись в Кондинском районе началась с опозданием из-за позднего установления санного пути. Начальник экспедиции С.И. Батурин, имеющий длительный опыт работ в области статистики на Тобольском Севере, по словам Л.Р. Шульца, проявил «исключительное усердие» и «умение руководителя». Несмотря на сложности в наборе сотрудников и «совершенную непригодность» к работе рекомендованного Тобольским Окрстатуправлением регистратора, чью работу пришлось переделывать, работа была проведена в полном объеме, включая бюджетное описание и перепись факторий [21].

В Сургутской район руководителем был назначен «работник по статистике» Э.Н. Курбатов. Вместе с приглашенным из Тюмени инструктором Н.С. Батуриным, им

[17] ГАСО. Ф. 1812-р. Оп.2. Д.18. Папка 4. Л. 9.

[18] Источники по этнографии Западной Сибири. Томск, 1987.

[19] ГАСО. Ф. 1812-р. Оп.2. Д.181. Папка 4. Л. 9–10.

[20] Там же. Л. 2–2 об.

[21] Там же. Л. 11.

удалось начать подготовительную работу с 11 ноября 1926 г. и своевременно набрать штат регистраторов и переводчиков. Уполномоченный ГПУ по Сургутскому району оказался менее сговорчивым, и задействовать ссыльных удалось только при регистрации населения самого Сургута. Основными сложностями при проведении переписи оказалось наибольшее, чем в остальных районах, расхождение предварительных данных и реального количества хозяйств (почти на тысячу!). Это резко увеличило объем работы. Кроме того, на уровне предварительного планирования работ никто не ожидал обнаружить на территории района значительного количества лесных ненцев. Решить проблему нехватки кадров Э.Н.Курбатов смог за счет того, что переводчики работали дополнительно в качестве ямщиков и многие регистраторы могли обходиться без помощи переводчиков. В итоге, оценивая результаты переписи по району, Л.Р. Шульц писал, что она «проведена все же удовлетворительно...и со стороны районного руководителя проявлено много энергии и распорядительности» [22].

Перепись кочевого населения Уральской области

К части «кочевого туземного населения» относились жители Полярного Урала, полуострова Ямал, Гыданский, Ыдский (Обско-Тазовская земля) и территорий к северу по р. Надым, Пур и Таз. Их регистрацией занимались 4 партии-экспедиции. ***Ямальская экспедиция*** состояла из руководителя Владимирцева и двух регистраторов — студентов экономического техникума, прибывших из Свердловска, Лебедева и Вознесенского, работу которых Л.Р. Шульц оценил довольно высоко. Правда, в первые же дни экспедицию постигла неудача. Сначала отряд вынужден был задержаться на два дня по техническим причинам, а после первого дневного перехода 28 ноября подвергся нападению волчьей стаи, разогнавшей оленей по тундре, что вызвало дополнительную задержку около 5 дней. Чтобы избежать потери рабочего времени, Владимирцев и один из регистраторов отправились дальше, к факториям в районе р. Щучьей, на одних легких нартах без чума. Здесь-то и проявился в полной мере недостаток регистраторов. Во время прохода кочевников через фактории там одновременно оказывалось столько людей, что регистраторы физически не успевали их переписать. В результате переводчику Зотову, оказавшемуся хорошим работником, поручили самостоятельную регистрацию, а для перевода наняли сотрудников факторий [23].

Начальником в ***Тазовскую партию*** был приглашен П.П. Иорданский, агроном по образованию, имевший опыт работы в области статистики в Тюменском Окрстатбюро. Руководитель переписи Л.Р. Шульц в своем отчете высоко оценил работу П.П. Иорданского. Регистраторами стали П. Бржезинский — юрист, из административно-ссыльных, и местный житель, зырянин Витязев. Л.Р. Шульц писал о нем: «хотя с писшим образованием, но хорошо знающий местные условия и после инструктажа вполне способный работать в должности регистратора» [24]. Против более масштабного привлечения административно-ссыльных, на что очень рассчитывал Л.Р. Шульц, неожиданно выступили местные профорганизации, поэтому руководителю переписи удалось нанять только двоих [25].

Начальнику партии П.П. Иорданскому сразу пришлось столкнуться с проблемой транспорта. Бушевавшая в районе эпизоотия не позволяла рассчитывать на легкость найма оленьих упряжек. Партии предложили использовать стадо, выделенное постановлением Обдорского РИКа для раздачи населению, пострадавшему от падежа оленей. Однако «государственные» олени, прибывшие в Хальмер-Саде, где их ожидали регистраторы, оказались настолько истощенными, что нуждались в продолжительном отдыхе

[22] ГАСО. Ф. 1812-р. Оп.2. Д.181. Папка 4. Л. 11об.

[23] Там же. Л. 6 об.

[24] ГАСО. Ф. 1812-р. Оп.2. Д.181. Папка 3. Л. 210-210 об.

[25] Там же. Папка 4. Л. 3 об.

или замене [26]. К несчастью, в самом начале работ регистратор П. Бржезинский получил сильнейший ожог, когда во время фотосъемки неожиданно вспыхнул магний. К тому времени, когда он оправился от травмы, олени госстада отдохнули, и отряд смог отправиться на них вверх по р. Таз до часовни Василия Убиенного [27]

Надымо-Полуйскую партию возглавляла сотрудница Российского музея этнографии в Ленинграде Раиса Павловна Митусова, прибывшая в Обдорск только во второй половине декабря 1926 г., так что регистраторы — студентка-этнограф Ленинградского госуниверситета Н.А. Котовщикова и корреспондент газеты «Уральский рабочий» — Юркевич вынуждены были выехать в тундру и приступить к работе самостоятельно. Правда, Н.А. Котовщикова задержалась в Обдорске до 5 декабря, ожидая возчика, опоздавшего из-за нападения волков. Двое нанятых местных жителя на своих оленях перевозили регистраторов Надымо-Полуйской партии, предоставляли им свои чумы для ночлега и работали переводчиками. Н.А. Котовщиковой поручили дойти по возможности до окрестностей озера Нумто, чтобы переписать хотя бы часть лесных ненцев. Остальных должен был переписать регистратор Тазовской экспедиции П. Бржезинский, поднявшись по Пуру до озера Пяконто. Трудно понять, чем руководствовались организаторы, посылая девушку в район священного озера Нумто, куда и сейчас не всякого мужчину пустят. Как бы то ни было, осуществить план регистрации лесных ненцев в полной мере не удалось. Реальные расстояния между населенными пунктами оказались значительно больше, чем предполагалось при планировании маршрута, а необычно снежная зима еще больше усложняла условия продвижения [28]. Руководитель партии Р.П. Митусова вскоре после выезда в поле тяжело заболела воспалением легких и, вероятно, так и не смогла вполне оправиться от болезни на протяжении всей работы по переписи. Из-за этого ей пришлось отказаться от выездов в тундру и ограничиться регистрацией кочевников, приезжавших на фактории Норэ и Хэ [29]. В результате болезни Р.П. Митусовой, ранения регистратора П. Бржезинского, многоснежной зимы и тому подобных обстоятельств, часть лесных ненцев, кочующих в вершинах Казыма, Агана и Тромъегана, всего около 15-30 хозяйств, так и не были переписаны [30]. Возможно, именно отсутствие данных по социальному и материальному положению лесных ненцев спасло их от катастрофы сплошной коллективизации и сопровождавших ее репрессий. Во всяком случае, именно эта группа ненцев оказала наибольшее сопротивление мероприятиям Советской власти в начале 1930-х гг. и активно участвовала в знаменитом Казымском восстании.

Наконец в составе **Сыне-Куноватской партии** находился всего один регистратор, который в то же время являлся и переводчиком. Местный житель, учитель по профессии Артеев был хорошо знаком и с зырянами, и с ненцами, так что проблем с передвижением по маршруту следования и наймом нарт от чума к чуму у него не возникало.

Каждый из сотрудников переписных тундровых партий снабжался определенным набором продуктов из расчета на месяц. Пакет включал мороженый хлеб, мясо, копчености, крендели, крупы, масло, чай, сахар, карамель, компот, горчицу, лавровый лист, перец, соль, уксус, махорку, курительную бумагу, мыло, лимонную кислоту и клюквенный экстракт от цинги [31]. Регистраторы часто делились выданными продуктами с теми, кого переписывали, и получали от них взамен свежее мясо и рыбу, что позволяло разнообразить рацион экспедиции [32]. Выдать сотрудникам партий рабочую одежду не уда-

[26] ГАСО. Ф. 1812-р. Оп.2. Д.181. Папка 4. Л. 4 об.
[27] Там же. Л. 6.
[28] Там же. Л. 5 об.
[29] Там же. Л. 3 об.
[30] Там же. Л. 6 об.
[31] Там же. Л.8.
[32] Там же. Л. 13.

лось, поскольку ее вовремя не закупили, а осенний рост цен на шкуры оленей сделал это невозможным. В итоге людям выдали по 160 рублей, чего, по словам Л.Р. Шульца, хватило для того, чтобы приобрести «хорошего качества малицу, гусь, две пары кисов и меховых чулок». Наконец, регистратор и переводчик получали на двоих бутылку хлебного вина и походную аптечку [33]. Позднее, в своем отчете о переписи Л.Р. Шульц отмечал по поводу аптечек: «...крайне желательно более обильное снабжение всего регистраторского персонала медикаментами, с расчетом их не только на собственное потребление, но и на оказание помощи (конечно только в простейших случаях) регистрируемым. Весьма часто такое снабжение лекарствами создавало сразу благоприятные условия для работы» [34].

Часть населения, как уже говорилось, настороженно отнеслась к переписи, но в целом, согласно отчету Л.Р. Шульца, регистраторов встречали вполне благожелательно, только в единичных случаях люди отказывались от переписи, но в конечном итоге их всегда удавалось убедить дать сведения о составе семьи, кочевках, потреблении и инвентаре. «Малооленные» охотно делились информацией и о численности стада, но имеющие большие стада старались скрыть реальное число оленей и выдавали малоправдоподобные сведения, которые приходилось корректировать на основании косвенных источников. Особенно большие сомнения вызывали сведения, полученные от русских и зырян — охотников и рыболовов, которые старались преуменьшить свою продукцию, опасаясь обложения сельхозналогом по повышенной норме, поскольку перепись некстати совпала с налоговой кампанией [35].

К весне 1927 г. Уральская экспедиция завершила работы, но неугомонный Л.Р. Шульц, зная, что часть населения могла остаться не переписанной, снабдил бланками переписи сотрудников Ветеринарно-бактериологического института, направлявшегося на все лето 1927 г. на Ямал и Северный Урал, поручил отслеживать незарегистрированных кочевников бывшему сотруднику переписи по Тазовскому району Витязеву, который был принят на должность секретаря в Тазовский сельсовет и в дополнении снабдил бланками и удостоверениями о регистрации начальника экспедиции Академии наук Б.Н. Городкова, отправлявшегося из Хальмер-Седэ в Гыданскую тундру.

Величественна и печальна судьба как самой Приполярной переписи, так и людей, посвятивших ей годы своей жизни. Впервые, как писали участники переписи, удалось провести похозяйственный учет всего населения Тобольского Севера в период с 26 ноября по апрель 1927 г. по единому формуляру и единому плану [36]. Руководителем переписи Л.Р. Шульцем все материалы по 6 административным районам были сданы заведующему отделом разработки переписи Севера Д.М. Бобылеву. Согласно ведомости материалы переписи представляли собой блок документов, представленный в таблице[37]

Во время регистрации были собраны уникальные материалы по этнографии народов Северо-западной Сибири, разработаны и применены новые методы регистрации кочевого населения, выявлены неучтенные поселения и составлены более точные карты. Приполярную перепись следует считать самой точной и полной из всех, осуществленных на территории страны до середины XX в. Впервые очень подробно была изучена семья. «Разработка» материалов переписи 1926–27 гг. была закончена в чрезвычайно короткий срок — к 1 сентября 1928. Предварительные итоги были опубликованы в 1927, краткие — в 1927–29, полные — в традициях мировой практики были изданы на французском языке в 56 томах в 1928–33 гг.

---

[33] ГАСО. Ф. 1812-р. Оп.2. Д.181. Папка 4. Л. 8–8 об.

[34] Там же. Л. 13 об.

[35] Там же. Л. 9 об.

[36] ГАСО. Ф. 677-р. Оп.1. Д.49. Л.171.

[37] При подготовке таблицы использованы материалы из отчетов Л.Р.Шульца ГАСО. Ф. 1812-р. Оп.2. Д.181. Папка 4. Л. 215-217об.

Материалы Приполярной переписи 1926–1927 гг.

Название района	Районные бланки	Списки населенных пунктов	Поселенные бланки	Списки домохозяев	Похозяйственные карточки	Бюджетные карточки	Промышленные карточки	Торговые	Фактории	Картографический материал (в листах)	Фотографии/ негативы	Графический материал, рисунки (в листах)
Березовский	18	8	296	298	2528	5	28	40	31	12	12	16
Кондинский	1	5	128	128	1359	8	7	19	12	2	–	–
Обдорский	1	12	138	178	3545	9	6	20	29	70	257	
Самаровский	1	10	81	77	3006	–	–	37	24	7	60	62
Сургутский	3	6	239	227	1305	–	17	–	5	1	–	–
Уватский		4	14	15	45	–	–	–	–	1	–	–
Всего	24	45	896	923	11788	22	58	116	101	93	329	78

Данные переписи 1926 г. были использованы при составлении первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. Однако большая часть первичных материалов Приполярной экспедиции осталась лежать в пыли архивных полок, многие до сих пор еще не обнаружены, что-то исчезло навсегда. Перепись жестко критиковали за отсутствие классового подхода в 1930-е гг., поэтому хранить ее не представлялось целесообразным. Подвиг участников Уральской экспедиции до сих пор не оценен по достоинству. Между тем, многие из них трагически закончили свою жизнь. Раиса Павловна Митусова за годы работы на Севере собрала уникальный материал по этнографии народов Сибири, часть которого до сих пор является украшением коллекций отечественных музеев. В 1937 г. она была арестована по сфабрикованному обвинению за «участие в контрреволюционной кадетско-монархической организации» и 7 декабря 1937 г. расстреляна в Новосибирске [38].

Наталья Александровна Котовщикова, студентка Ленинградского университета, также продолжила этнографические исследования на Севере. В середине июня 1929 года она трагически и нелепо погибла на Ямале, на побережье пролива Малыгина. Всех подробностей ее гибели установить так и не удалось. Известно, что она, будучи больна цингой в тяжелой форме, оказалась одна в «палатке», сделанной из паруса, наброшенного на нарты, ожидая скорого приезда коллеги. Но письмо, переданное исследователем через ненцев, опоздало, буран и последовавший за ним туман не дали возможности ее коллеге К.Я. Ратнеру, вовремя придти на помощь. Бурное таяние снега сделало прямой путь невозможным и еще более задержало продвижение спасательной экспедиции. Наталью Александровну нашли лежащей в снегу, в 30 метрах от палатки. До последнего момента она вела дневник и, понимая, что обречена, оставила прощальное письмо коллегам [39] Судьбы многих других регистраторов еще предстоит узнать.

---

[38] Карапетова И.А. Коллекция Р.П. Митусовой по аганским хантам в Собрании РЭМ// Обские Угры. Материалы II Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (12-16 декабря 1999 г., г. Тобольск). Тобольск-Омск, 1999. С. 229-231.

[39] См. Чернецов В. Наталья Александровна Котовщикова // Советский Север. 1930. № 1. С. 165–166.

А. Г. Оруджиева

АНАЛИЗ ИЗМЕНЕНИЙ БРАЧНОГО СОСТОЯНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX СТОЛЕТИЯ

Под брачным состоянием (статусом) понимают положение индивида по отношению к институту брака, определяемое в соответствии с обычаями или правовыми нормами той или иной страны. Вступая в брак, разводясь или овдовев, люди меняют свой брачный статус, переходя из одного брачного состояния в другое. На уровне всего населения эти случаи смены брачного состояния (а также случаи овдовения) образуют массовый процесс переходов, которые в своей совокупности представляют воспроизводство брачной структуры.

Брак – это санкционируемая и регулируемая обществом форма отношений между мужчиной и женщиной, определяющая их права и обязанности по отношению друг к другу и к их детям. Это правовая трактовка брака. В нашей стране действительным признается только брак, заключенный в органах записи актов гражданского состояния (загс). Обязательная государственная регистрация была установлена в декабре 1917 г. с принятием Декрета ЦИК и СНК РСФСР « О гражданском браке».

Нас интересует демографический аспект брачного состояния, поскольку брак выступает прежде всего как предусловие создания семьи и рождения детей, а также процессов рождаемости и смертности. С точки зрения воспроизводства населения важна не столько юридическая форма брака, сколько наличие действительных и эффективных брачных (супружеских) отношений независимо оттого, зарегистрирован брак или нет.

Брачность измеряется целой системой показателей, которые с разных сторон характеризуют тенденции ее формирования и изменения. Абсолютное число заключаемых браков зависит от общей численности населения и от его демографической структуры, т.е. от уже сложившихся пропорций в брачной структуре населения. Если говорить о стране в целом, то неустойчивый характер динамики общих коэффициентов брачности колеблется под влиянием изменений возрастной структуры населения и связан с изменением рождаемости в предшествующие периоды. В течение почти двух десятилетий – с конца 1970-х годов и до конца 1990-х интенсивность заключения брачных союзов в России снижалась и особенно в середине 90-х. Наименьший показатель брачности был зафиксирован в 1998 г. – 5.8 на 1000 населения (график 1).

Брачность измеряется целой системой показателей, которые с разных сторон характеризуют тенденции ее формирования и изменения. Абсолютное число заключаемых браков зависит от общей численности населения и от его демографической структуры, т.е. от уже сложившихся пропорций в брачной структуре населения. Если говорить о стране в целом, то неустойчивый характер динамики общих коэффициентов брачности колеблется под влиянием изменений возрастной структуры населения и связан с изменением рождаемости в предшествующие периоды. В течение почти двух десятилетий – с конца 1970-х годов и до конца 1990-х интенсивность заключения брачных союзов в России снижалась и особенно в середине 90-х. Наименьший показатель брачности был зафиксирован в 1998 г. – 5.8 на 1000 населения (график 1).

В районах нового промышленного освоения, к которым относится ЯНАО, то здесь на брачную структуру населения существенную роль оказал приток наиболее молодо-

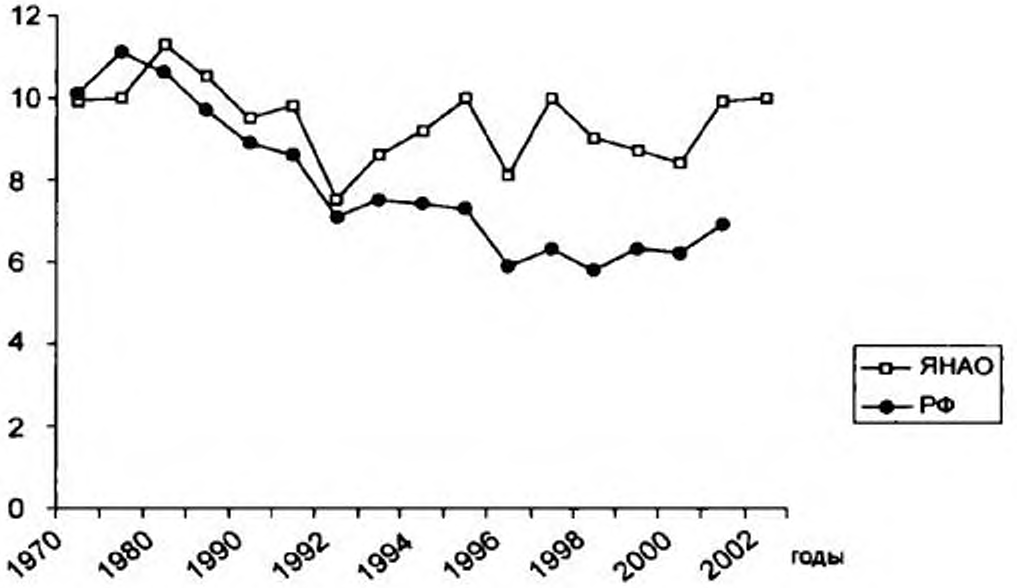


Рис. 1. Число браков на 1000 чел. населения*

го и дееспособного населения в 70– и особенно 80-е гг. По данным переписей 1979 и 1989 гг. на долю 20-34 – летних приходилось около 40% населения округа, тогда как в России – 22 %.

Динамика числа заключаемых браков в ЯНАО как в абсолютном отношении, так и относительно (на 1000 населения) возрастала по мере увеличения численности населения за счет новоселов. Если до середины 70-х годов общий коэффициент брачности в округе был ниже, чем по стране, то в дальнейшем произошел значительный рост. Число заключаемых браков в эти годы было бы еще выше, если бы не наблюдалось перекоса в соотношении мужского и женского населения в молодых возрастах (табл. 1). Ощущался большой дефицит невест, особенно в сельской местности. На начальном этапе освоения территории наиболее востребованной была мужская рабочая сила. А поселки первостроителей развертывались на базе сельских поселений или вблизи них. По мере роста численности населения они становились поселками городского типа и далее городами.

В 90-е годы показатели регистрируемой брачности в Ямало-Ненецком округе начали снижаться, но не в такой мере, как в России, а хронологические рамки были выражены иначе. Приток молодого населения в период интенсивного освоения и роста городов значительно повышал потенциал брачности и, соответственно, способствовал росту числа заключаемых браков в середине 80-х гг. Интенсивный отток населения в начале 90-х, явившийся следствием социально-экономических и, главным образом, политических факторов, сказался на показателях брачности. В 1992 г. он достиг своей минимальной отметки, приблизившись к общероссийскому уровню. Экономический кризис 1998 г. не оказал столь кардинального влияния на планы жителей Ямала относительно вступления в законный брак, тогда как для многих регионов России его последствия существенно повлияли на принятие столь серьезного в жизни людей решения. Почти две трети как мужчин, так и женщин вступают в брак впервые. Для ЯНАО характерна более высокая доля повторных браков, (34,5 % у мужчин и 35,2 % у женщин). В большинстве регионов России удельный вес вступающих в повторный брак не достигает30 %.

Источник:«Демографический ежегодник России 2002»: Стат. сб./Госкомстат России, – М., 2002, С. 119, 127.

Таблица 1

Соотношение мужского и женского населения ЯНАО по данным переписей населения (на 1000 женщин приходится мужчин)*

Возраст	1979		1989		2002	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село
20-24	1249	1360	1084	1146	1140	1065
25-29	1335	1550	1214	1345	1184	1178
30-34	1288	1518	1165	1211	1113	1153
35-39	1391	1598	1166	1250	1247	1147
40-44	1403	1570	1183	1217	1271	1176

* Рассчитано по данным переписей населения

Росту числа регистрируемых браков в начале XXI столетия способствовала благоприятная возрастная структура населения ЯМАЛА. Численность населения в возрастах максимальной брачности от 20 30 лет – выросла по сравнению с первой половиной 90-х годов почти на треть (следствие высокой предшествующей рождаемости). Но в 2004 г. показатель брачности вновь снизился.

Состав населения по брачному состоянию – это накопленный результат процессов возникновения и прекращения браков. Его оценка возможна только на основании результатов переписей населения или репрезентативных выборочных обследований, которые дают «моментальный снимок» текущего состояния. На таком «снимке» запечатлены последствия событий многих предшествующих десятилетий – изменения социокультурных норм, ситуации на «брачном рынке» и т.п.

В России XX в. все эти изменения были многочисленными и очень значительными, хотя их последствия ощущались и ощущаются сегодня по-разному. Многие изменения норм матримониального поведения, обусловленные необратимыми экономическими и социальными переменами, также необратимы. Распределение россиян по брачному состоянию никогда не станет таким, каким оно было во время переписи 1897 г., когда господствовала ранняя и почти всеобщая брачность, страна практически не знала разводов, и единственной причиной прекращения браков было овдовение.

Сдвиги в составе населения по брачному состоянию имеют преходящий характер. Это относится прежде всего к соотношении полов в бракоспособных возрастах, которое у нас было подвержено сильным колебаниям из-за резких перепадов в числе родившихся по календарным годам или из-за массовой гибели состоящих в браке людей и потенциальных невест и женихов в периоды социальных катастроф или массовыми территориальными перемещениями населения, носившими как добровольный, так и принудительный характер. Обусловленная такими катастрофами деформация половозрастной структуры населения России вызывала вторичные и третичные волны в ежегодном числе родившихся и вступающих в брак, порождала весьма специфическую российскую брачную структуру.

Общепринятая мировая практика всегда предполагала выделение четырех категорий этого состояния: состоящие в браке, вдовые, разведенные и никогда не состоявшие в браке. Соответствующие вопросы задавались и в России при всеобщих переписях 1897 и 1926 гг. Однако, начиная с переписи 1937 г. и кончая переписью 1970 г., советские переписи выделяли только две совокупности: состоящих и не состоящих в браке в момент переписи, что приводило к утрате весьма существенной информации. Без нее невозможно судить о том, как протекает процесс возникновения и распадения браков у разных

поколений людей. Не исключено, что в тот период власти были не заинтересованы в полной информация о брачном состоянии, ибо она могла указать на неприятные последствия социальных катаклизмов (слишком большое число одиноких женщин, вдов и т.п.). Наглядно это можно проследить по табл. 2.

Таблица 2

Распределение населения России и ЯНАО в возрасте 16 лет и старше по брачному состоянию в расчете на 1000 человек общей численности населения соответствующего возраста*

Годы переписей населения	Состоящие в браке		Никогда не состоявшие в браке		Вдовые		Разведенные и разошедшиеся	
	РФ	ЯНАО	РФ	ЯНАО	РФ	ЯНАО	РФ	ЯНАО
Мужчины								
1959	684	662	316	338	–	–	–	–
1970	716	702	284	298	–	–	–	–
1979	708	758	233	183	19	7	39	46
1989	718	757	196	182	25	7	57	46
2002	626	688	215	214	36	13	76	71
Женщины								
1959	501	559	499	441	–	–	–	–
1970	563	626	437	374	–	–	–	–
1979	569	781	158	105	198	43	74	67
1989	598	780	132	106	182	43	84	68
2002	525	654	146	157	180	67	110	111

* Численность и состав городского и сельского населения РСФСР по возрасту, состоянию в браке, национальностям, образованию и обучению по данным Всесоюзной переписи населения по состоянию на 15 января 1959 года. М.: ЦСУ, 1960, С. 98, 101; Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР (По данным Всесоюзной переписи населения). Ч. 1. М., 1991 С. 129; Возрастно-половой состав и состояние в браке (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.). Т.2. М., РИИЦ, 2004. С. 376-377.

Из приведенных данных видно, что в первые послевоенные десятилетия отмечалась крайне низкая доля женщин, состоящих в браке, что было связано с большими потерями мужчин в годы Великой отечественной войны. И только перепись 1979 г. позволила в полной мере выявить соотношение вдовых между мужчинами и женщинами. По России эта разница составила десять раз, по ЯНАО – шесть.

По мере того, как поколения, испытавшие на себе прямое воздействие этих кризисов, стареют и вымирают, возрастная и брачная структура населения постепенно «забывает» воздействия прошлых бурь и невзгод, стабилизируется, и ее эволюция во все большей степени начинает подчиняться глубинным изменениям в базовых социальных нормах. Уже перепись населения 1989 г. зафиксировала, что процесс нормализации брачного состава населения подходит к концу -вдовы и невесты, так и не нашедшие себе

женихов по причине войны, концентрируются в самых старших возрастах, а перепады в числе родившихся и диспропорция полов в основных бракоспособных возрастах, вызванные спадом рождаемости в военные годы, все меньше влияют на число лиц, никогда не состоявших в браке.

Перепись населения 2002 г. — первая, в которой распределение населения по брачному состоянию в основных возрастных группах (до 70 лет) не содержит поколений, принимавших непосредственного участия в боевых действиях в годы Второй мировой войны, а совокупность лиц в возрасте до 50 лет состоит только из поколений, родившихся после войны. Рубеж в 50 лет важен, поскольку в международной практике он рассматривается не только как верхний возраст для репродуктивного (детородного периода для женщины), но и как верхняя граница для расчетов среднего возраста вступления в первый брак, и как возраст, для которого оценивается доля окончательного безбрачия.

Восстановление в советских переписях с 1979 г. четырех вопросов о брачном состоянии позволило судить не только о самом процессе возникновения и распадения браков, но и о связи между брачным состоянием и другими демографическими процессами. Например, стал возможен дифференцированный анализ смертности по брачному состоянию, который показал, что смертность людей разного брачного состояния заметно различается: женатые и замужние живут дольше, чем вдовые, а те, в свою очередь, дольше, чем никогда не состоявшие браки

Надо иметь в виду, что действующий в настоящее время в нашей стране порядок учета брачного состояния создает некоторые методические трудности при сопоставлении данных переписей населения, с одной стороны, и текущего учета демографических событий, с другой. При проведении переписей населения действует принцип самоопределения и брачное состояние опрашиваемого записывается исключительно с его слов. С другой стороны, при регистрации рождений и смертей, а также во многих других случаях требуется документальное подтверждение брачного статуса. Поэтому данные из разных источников оказываются несопоставимыми.

В нашей стране пока еще господствующими является моногамные браки и по логике, число мужчин, состоящих в браке должно соответствовать числу женщин. Тем не менее, каждая перепись выявляет несоответствия. Например, по переписи 2002 г. в Ямало-Ненецком округе 131094 мужчин посчитали себя состоящими в браке. У женщин такой статус определило 124642 человека. Разница составила 6452 человека. У мужчин брачный статус оказался на 5 % выше, чем у женщин. И это касается прежде всего зарегистрированных браков. Среди живущих в гражданском браке различия несколько ниже. Причина в том, что перепись населения дает возможность определить фактический брак, независимо от того расторгнут он юридически или нет.

Брачная структура, так же как и возрастная, по данным переписей является моментной характеристикой. Обычно распределение по брачному состоянию комбинируют с группировками по полу и возрасту, получая тем самым брачную структуру как всего населения, так и населения разного пола, возраста, национальности. Расчет брачной структуры в межпереписные периоды практически невозможен из-за упомянутой несопоставимости данных о брачном состоянии по переписям и текущему учету. Тем не менее, знание брачной структуры населения необходимо для лучшего понимания процессов формирования и распада семей, тенденций изменения рождаемости, смертности, воспроизводства населения в целом. Ведь, как и любая другая моментная демографическая структура, распределение населения по брачному состоянию, с одной стороны, отражает на себе прошлую динамику демографических процессов (не только брачности и разводимости, но и рождаемости и смертности, а также миграции), а с другой, — позволяет прогнозировать их динамику, возможные уровни и изменения в будущем. Вот почему анализ брачной структуры является важным элементом изучения воспроизводства населения.

Структура населения по брачному состоянию говорит о значительных переменах, произошедших в XX столетии. С начала 90-х годов начинает расти доля лиц никогда не состоявших в браке, что дает основание судить об изменении российской модели брачности. Это подтвердила перепись 2002 г. Ямало-Ненецкий округ и по данным предыдущих переписей населения отличался более высоким уровнем брачности, чем в целом по России, и, соответственно, более низкой долей лиц никогда не состоявших в браке (см. табл.2). Благоприятная половозрастная структура способствовала росту числа заключаемых браков. Судя по возрастному составу населения Ямала по переписи 2002 г. брачный потенциал еще продолжает оставаться высоким, но доля никогда не состоявших в браке заметно выросла: у мужчин она приблизилась к общероссийскому уровню, а у женщин – даже превысила его.

Сравнение данных предыдущих переписей с последней свидетельствует о том, что вплоть до середины 1990-х годов в России и на Ямале сохранялась модель ранней, универсальной брачности. По данным переписи населения 1989 г. в России в возрасте 20–24 года никогда не состояли в браке менее 60% мужчин и менее 40% женщин, а в возрасте 25–29 лет оставались холостяками и девицами лишь 21–24% мужчин и 12–14% женщин.

Полтора десятилетия спустя после переписи 1989 г. ситуация существенным образом меняется: создание брачных союзов к возрасту 25 лет перестает быть нормой, разделяемой большинством. В соответствии с переписью 2002 г., доля никогда не состоявших в браке мужчин и женщин в возрасте 20–24 года составила в РФ, соответственно, 73,6 и 52,6 %.

В ЯНАО тенденции к ранним бракам изменялись не столь резко: доля не состоящих в браке в 20–24-летнем возрасте у мужчин и женщин находилась на уровне 67,3 и 40,8%. К 30 годам более чем каждый третий россиянин и более чем каждая пятая российская женщина все еще ни разу не состояли в браке! Это – очень серьезный поворот в матримониальном поведении россиян, особенно если рассматривать его на фоне тех изменений, которые наблюдались с начала XX в.

В ЯНАО доля мужчин в возрасте 25–29 лет по тем или иным причинам на вступивших в брак также возросла и составила 28,1 %. Большая часть женщин к этому возрасту состояла в браке, а 9,8 % даже успели развестись и только 10,9 не состояла в браке.

Новые тенденции пока не затронули уровня окончательного безбрачия. Доля лиц в возрасте 50–54 года, никогда не состоявших в браке, и у мужчин, и у женщин стабильна – около 4–5%. Что же касается ЯНАО, то здесь к 50–54 годам, то здесь этот показатель вдвое ниже.

В то же время, наблюдая за изменением интенсивности вступления в брак в молодых поколениях, нельзя не прийти к выводу, что в ближайшие десятилетия мы станем свидетелями существенного, по меньшей мере, двукратного повышения и этого показателя, казавшегося непоколебимым весь XX в.

Отказ увеличивающейся доли как мужчин, так и женщин от вступления в брак, все большее распространение так называемых «альтернативных» форм брака свидетельствуют о нарастании кризисных явлений в жизни семьи. И хотя многие авторы не видят в этом явлении ничего необычного и страшного, полагая, что тем самым мы приближаемся ко всему «прогрессивному человечеству», нельзя не видеть в бегстве от брака социальной проблемы, последствия которой могут быть весьма серьезными и тревожными.

Последняя перепись населения показала, что доля состоящих в браке в России низка, как никогда, причем доля женщин, состоящих в браке была намного ниже, чем у мужчин.

Число лиц, состоящих в браке – результат действия двух групп факторов, действующих в противоположных направлениях. Приращение замужних и женатых происходит за счет возрастания вероятности найти потенциального супруга и желания заклю-

чить с ним формальный или неформальный союз (в переписях населения фиксируется фактический по самоопределению, а не только юридический брачный статус).

Что же касается Ямало-Ненецкого округа, то здесь половые различия в брачном состоянии были выражены не столь резко, а в период интенсивного промышленного освоения, когда доля мужского населения значительно превышала число женщин, у последних появился больший выбор женихов. В результате, доля женщин, состоящих в браке была выше, чем у мужчин. Такое положение благотворно отразилось на росте рождаемости, который в 70–80-е годы намного превышал общероссийский уровень. Благоприятная возрастная структура населения, которая в свою очередь влияла на показатели смертности, и высокая рождаемость привели к накоплению мощного демографического потенциала, который способствовал естественному приросту населения округа в неблагополучные во всех отношениях 90-е годы.

Сокращение лиц состоящих в браке происходит за счет овдовения и прекращения устойчивых отношений между супругами по обоюдному согласию и/или решению суда. Вступление в повторный брак после прекращения предыдущего союза, естественно, способствует поддержанию числа людей, состоящих в браке, однако компенсирующая роль повторных браков не может быть полной, и с возрастом эта роль снижается, особенно для женщин (вследствие сокращения числа потенциальных брачных партнеров из-за более высокой смертности мужчин).

В 90-е годы данный фактор начал оказывать влияние на брачное состояние женского населения ЯНАО, но его значимость была менее существенной, нежели в среднем по России (См. табл.2).

Доля состоящих в браке в конкретной возрастной группе -результат противоречивого влияния разнонаправленных тенденций, наблюдавшихся в России в послевоенный период: высокая разводимость и рост смертности способствовали сокращению этой доли, а уменьшение половых диспропорций, уменьшение числа женщин, потерявших мужей на войне, и повышение склонности людей вступать в повторные союзы эту долю увеличивали. В результате в России тенденция изменения доли женатых мужчин и женщин по возрасту не просматривалась достаточно отчетливо, и от переписи к переписи, от возраста к возрасту наблюдались колебательные движения показателей.

Последняя перепись (2002 г.) впервые показала, что в России идет процесс сокращения доли состоящих в браке во всех возрастных группах у мужчин и в возрастах до 65 лет у женщин. По сравнению с данными переписи 1989 г., доля мужчин, состоящих в браке уменьшилась на 9,7 процентных пункта, у женщин на 7,3 [1]. Таким образом, абсолютное и относительное число людей, считающих себя женатыми и замужними, сокращается.

В Ямало-Ненецком автономном округе за период между двумя переписями населения доля состоящих в браке также имела тенденцию к снижению, но в меньшей мере, чем по стране в целом: доля мужчин, состоящих в браке, снизилась на 6,9 процентных пункта, а у женщин – всего на 2,6. Более подробно данные о брачном состоянии населения ЯНАО приведены в табл. 3.

Переписи 1989 г. зафиксировала огромную разницу в доле состоящих в браке мужчин и женщин в возрастах до 25: в возрасте 16–17 лет доля женщин, состоящий в браке, превышала соответствующую долю мужчин в 5 раз, в возрастах 18–19 лет и 20–24 года соответственно в 5 и в 2 раз. Перепись 2002 г. показала тенденцию увеличения доли женщин, состоящих в браке в более ранних возрастах. В результате разница в ранних браках у мужчин и женщин достигает семикратных размеров. Это говорит о том, что в более молодых возрастах женщины вступают в брак гораздо «охотнее», чем мужчины,

[1] Население России 2003-2004. Одиннадцатый-двенадцатый ежегодный демографический доклад /Под ред. А.Г.Вишневского. – М.: «Наука», 2006. С 226.

Таблица 3

Брачная структура населения Ямало-Ненецкого автономного округа по данным переписи населения 2002 г. в отдельных возрастных группах.*

Возраст	На 1 000 человек данного пола и возраста									
	Никогда не состояли в браке		Состоят в браке		Вдовые		Разведенные и разошедшиеся		Неизвестно	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Всего	214	157	688	654	13	67	72	111	13	11
16-17	972	949	4	28	0	0	0	1	23	23
18-19	943	792	30	186	0	1	1	6	25	16
20-24	673	408	296	535	0	3	14	42	16	13
25-29	281	109	645	858	1	11	61	98	11	11
30-34	109	49	703	790	3	17	85	119	10	7
35-39	58	32	834	794	5	30	93	129	10	5
40-44	37	30	853	778	9	46	92	140	9	6
45-49	26	21	863	749	14	74	89	142	7	7
50-54	18	22	856	701	23	114	93	152	9	10
55-59	16	28	841	605	42	201	88	154	13	12
60-64	19	31	777	438	90	352	100	166	14	13
65-69	21	37	701	327	175	491	87	130	14	15
70 и старше	22	50	572	140	345	723	49	77	12	10

* Возрастно-половой состав и состояние в браке (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года). Т.2. М.: РИИЦ «Статистика России», 2004, С. 376-377.

которые откладывают женитьбу до окончания вуза, возвращения из армии или до достижения необходимого с их точки зрения, уровня материального благополучия.

Если в 80-е годы соотношение мужчин и женщин, состоящих в браке выравнивалось к 30 годам, то в 90-е годы некоторый баланс устанавливается лишь к 35 годам. Именно к этому возрасту наступает период активного вступления в брак мужчин.

Брачная структура коренных народов Ямала имеет свои особенности. (табл. 4.) Во-первых, она отличается высоким удельным весом людей, не состоящих в браке. Правда, за период между переписями 1989 и 2992 годов произошло некоторое снижение.

Тем не менее разница между всем населением Ямала и коренным продолжает оставаться существенной: у мужчин она составляла полтора раза, у женщин — почти два раза. Эти различия обусловлены, отчасти, возрастной структурой населения коренных народов Севера. По данным последней переписи две пятых всего населения находилось в возрасте до 16 лет, тогда как на долю детей во всем населении округа приходилось 24,9 %, т.е. всего четверть.

Доля никогда не состоявших в браке остается высокой во всех возрастах. Если во всем населении к 35 годам на долю лиц, никогда не состоявших в браке приходилось всего 11 % мужчин и 5% женщин, то у ненцев к этому периоду почти треть мужчин и

Таблица 4

Брачная структура ненцев и хантов, проживающих в городской и сельской местности Ямало-Ненецкого автономного округа по данным переписи населения 2002 г. на 1000 мужчин и женщин указанного возраста*

Возраст	На 1000 человек данного пола и возраста							
	Никогда не состояли в браке		Состоят в браке		Вдовые		Разведенные и разошедшиеся	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Ненцы								
Городское и сельское население	381	299	561	522	43	141	22	34
Городское население	480	403	427	420	25	97	61	77
Сельское население	369	276	565	545	45	150	17	25
Ханты								
Городское и сельское население	389	251	532	567	42	132	29	50
Городское население	474	374	431	463	28	74	59	88
Сельское население	372	207	557	603	44	152	23	37

* Коренные малочисленные народы Российской Федерации. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года). Т. 13. _ М.: ИИЦ «Статистика России», 2005, С. 142-143 и С. 148-149.

пятая часть женщин не была связана узами брака. Крайне высок уровень окончательного безбрачия: к 50–54 годам 14,7 % мужчин и 10,5 % женщин никогда не состояли в браке, что в пять раз выше аналогичного показателя по всему населению ЯНАО. Следует также отметить, что среди ненцев и хантов, проживающих в городской местности, доля никогда не состоявших в браке, еще выше. Причем соотношение состоящих и не состоящих в браке практически одинаково.

Чтобы объяснить причины таких пропорций необходимо более глубокое исследование. На брачную структуру населения оказывают влияние группа факторов. Подавляющее большинство коренных малочисленных народов проживает в сельской местности (93 % в 2002 г.) Переезд в город у них чаще всего связан с продолжением учебы. Более половины из них девушки. Получив образование молодые специалисты из числа коренных народов остаются в городах и поселках городского типа. Среди них. как правило, преобладает женское население. Диспропорция полов создает трудности для формирования семей, особенно у ненцев. Исследования показывают, что смешанные браки у них встречаются реже, чем у представителей других народов.

Под влиянием городского образа жизни у коренных народов формируются как репродуктивные установки, так и отношение к браку. Удельный вес разведенных и разошедшихся, проживающих в городской местности втрое превышает аналогичный показатель в сельской местности. В то же время доля вдовых среди коренных народов в городских поселениях вдвое ниже, чем на селе.

Сравнение половозрастных показателей брачности всего населения Ямала и коренного (ненцев) свидетельствует и о более низких повозрастных коэффициентах брачности, которые рассчитываются как отношение числа состоящих в браке в возрасте «х» лет

к 1000 населения соответствующего возраста во всем населении. Рассчитывается отдельно для мужчин и женщин. (См. табл. 3 и 5). Исключение составляет возрастная группа 16–17 лет

Таблица 5

Брачная структура ненцев по данным переписи населения 2002 г. в отдельных возрастных группах (на 1000 мужчин и женщин указанного возраста)*

Возраст	На 1000 человек данного пола и возраста									
	Никогда не состояли в браке		Состоят в браке		Вдовые		Разведенные и разошедшиеся		Неизвестно	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.
Всего	423	296	507	522	40	140	25	38	3	3
16-17	982	938	0	46	0	0	0	0	18	16
18-19	964	825	34	172	0	1	0	0	18	2
20-24	769	557	220	424	0	7	6	9	2	3
25-29	472	274	502	699	4	26	20	35	3	1
30-34	309	202	653	699	9	50	28	47	1	1
35-39	206	131	723	717	21	89	49	62	1	0
40-44	181	125	742	700	28	111	49	64	1	0
45-49	147	101	764	655	45	172	44	70	0	1
50-54	136	98	759	609	54	231	49	60	0	0
55-59	95	105	751	393	123	294	31	48	0	0
60-64	69	78	670	419	169	520	18	47	3	0
65-69	47	80	625	333	319	579	9	1	0	0
70 и старше	27	70	612	209	352	709	8	8	0	1

Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 4, кн. 1, С. 834–8

Как показала перепись населения 2002 года абсолютное и относительное число людей, считающих себя женатыми и замужними, сокращается. Число, состоящих в браке не увеличивалось за счет прироста новых союзов. Как мы уже говорилось выше, молодежь не спешит обзаводиться семьями.

Среди новейших тенденций в стране, которые высветила перепись 2002 г., нельзя не отметить процесс быстрого распространения неформальных союзов.

Введение в программу переписи 2002 г. вопроса о том, зарегистрирован ли брак, в котором находятся люди, дало чрезвычайно ценную репрезентативную информацию, подтвердившую прежние прямые и косвенные наблюдения. Сравнение данных последней переписи и микропереписи 1994 г. по России свидетельствуют, что почти каждый десятый

брак в стране сегодня не имеет официального оформления. Прирост доли нерегистрируемых браков в молодых возрастах до 35 лет , увеличился за 8 лет в 2–3 раза! В возрастах до 20 лет каждый третий - второй, в возрасте 20–24 года каждый пятый брак – это партнерский союз, не зарегистрированный в органах ЗАГС. В следующей возрастной группе, 25–29-летних, 14% женщин и 16% мужчин заявили, что они свой брак не регистрировали. Приходится ли удивляться, что в России число детей, рожденных вне зарегистрированного брака, приблизилось к одной трети от общего числа новорожденных?

На протяжении послевоенных десятилетий внебрачная рождаемость была выше в сельской местности, что косвенно свидетельствует и о большем распространении там неформальных союзов, скорее всего, вследствие менее благоприятного соотношения полов в сельском населении. Сейчас распространенность незарегистрированных браков в городской и сельской местности принципиальным образом не различается, хотя на селе она все же чуть выше. Но соотношение полов и в городе, и в деревне сейчас намного лучше, чем после войны, так что распространенность нерегистрируемых браков имеет какое-то иное объяснение.

Причины, по которым люди меняют свое отношение к институту официального брака, мотивы, которыми они руководствуются в своем поведении, в нашей стране еще очень плохо изучены. Можно ожидать, что это новое явление привлечет внимание не только демографов, но и социологов, социальных психологов Исследования современных проблем семьи и брака получат новый импульс к развитию. «Многие люди отказываются от регистрации брака прежде всего потому, что не верят в его пожизненный характер и не хотят создавать себе сложности с разводом и последующим разделом имущества...Они хотят сохранить за собой полную свободу разрыва с партнером в случае, если любовь с одной или обеих сторон пройдет... Крайне сомнительны утверждения о том, что брак и семья в наше время просто принимают какие-то новые формы: такие формы отношений между мужчинами и женщинами существуют испокон веков и при этом никогда не. считались ни браком, ни семьей. Подобные «семьи» совершенно неспособны обеспечить ни воспроизводство населения, ни нормальное воспитание подрастающих поколений»[2].

Рост нерегистрируемых браков или сожительств наметился в 90-е годы. А сейчас уже каждая десятая супружеская пара в России состоят в гражданском браке. Реальный и эффективный брак, независимо от его юридической формы, связан с рождением детей, причем современная тенденция как в нашей стране, так и в странах запада состоит в увеличении числа детей, рожденных вне законного, легитимного, официально зарегистрированного брака.

Конечно, этот процесс происходит в нашей стране не столь быстро и дифференцирован по территориям. Тем не менее, в наиболее репродуктивных возрастных группах мужчин и женщин (до 39 лет) доля брачных пар не состоящих в зарегистрированном браке выше, чем во всем населении.

Распространенность незарегистрированных браков дифференцирована по территории нашей страны. Это связано прежде всего с религиозными убеждениями, традициями, сформировавшимся общественным мнением в легитимности тех или иных семейно-брачных отношений. Например, в республиках Северного Кавказа и, в частности, Дагестане, доля брачных пар не состоящих в зарегистрированном браке составляла всего 5,8% у мужчин и 6,2 % у женщин. А у коренных народов, населяющих эту республику доля лиц, состоящих в незарегистрированном браке еще ниже[3]. В ЯНАО этот показатель также ниже общероссийского уровня – 8,9 %., а в соседней высокоурбанизированной Свердловской области в гражданском браке находилось 12,8 % от общего числа состоящих в браке.

---

[2] Борисов В.А., Синельников А.Б. Брачность и рождаемость в России: демографический анализ. Моск-ва, 1995. С. 40.

[3] Возрастно-половой состав и состояние в браке. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года). Т.2. М.:ИИЦ «Статистика России». 2004. С. 342-343.

Материалы переписи 2002 года еще более подтвердили тенденцию роста нерегистрируемых браков, которая отмечается как по России в целом, так и в отдельных регионах, в том числе и ЯНАО (табл.6)

Таблица 6

Распределение населения в возрасте 16 лет и старше РФ и ЯНАО, состоящего в незарегистрированном браке, по отдельным возрастным группам по отношению к общему числу состоящих в браке по данным переписи населения 2002 г., % *

Возраст	Мужчины		Женщины	
	ЯНАО	Россия	ЯНАО	Россия
16-17	63,9	56,5	49,2	53,4
18-19	29,8	37,6	27,6	32,6
20-24	18,7	21,9	15,2	19,0
25-29	12,4	15,7	10,5	14,2
30-34	10,4	13,1	9,7	11,8
35-39	9,0	10,8	8,5	9,3
40-44	7,7	9,2	7,2	8,0
45-19	6,5	8,3	6,4	7,7
50-54	6,0	7,5	6,6	7,3
55-59	5,7	6,8	6,8	6,7
60-64	6,4	6,5	6,8	6,3
65-69	7,9	5,8	7,9	6,1
70 и старше	8.6	5,0	9,0	6,1
Все возраста	8,9	9,8	9,0	9,7

* Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. – Т. 2. М.:ИИЦ «Статистика России». 2004. С.376–377.

Сравнение как общих, так и повозрастных показателей нерегистрируемых браков говорят о том, что данная тенденция докатывается и до ЯНАО, но не столь быстрыми темпами, как в России в целом.

Об увеличении нерегистрируемой брачности можно судить по динамике внебрачной рождаемости. Доля внебрачных рождений, на протяжении 60–90-х гг. непрерывно увеличивается, достигнув к настоящему времени почти 30% всех рождений.[4]

Перепись показала, что неформальные брачные союзы широко распространены среди коренных жителей Ямала ненцев и хантов: в два раза превышает средний показатель по округу. Причем у проживающих в городской местности доля живущих в не зарегистрированном браке еще выше, особенно у женщин (график. 2).

[4] Статистический ежегодник России. 2002. Стат. сб./ Госкомстат России. – М., 2002, С. 150.

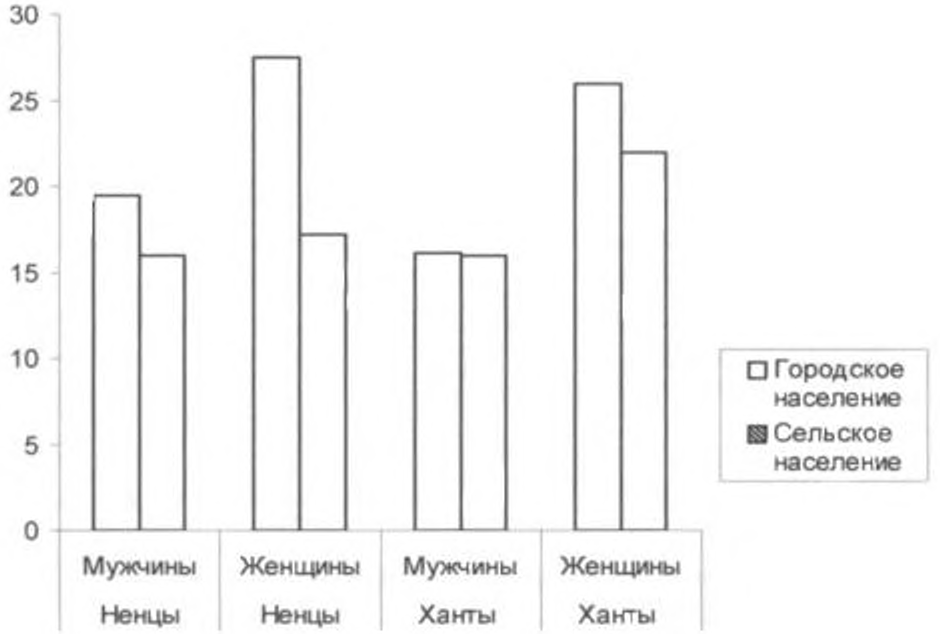


График 2. Доля ненцев и хантов, не зарегистрировавших свой брак, среди состоящих в браке по данным переписи населения 2002 г., %*

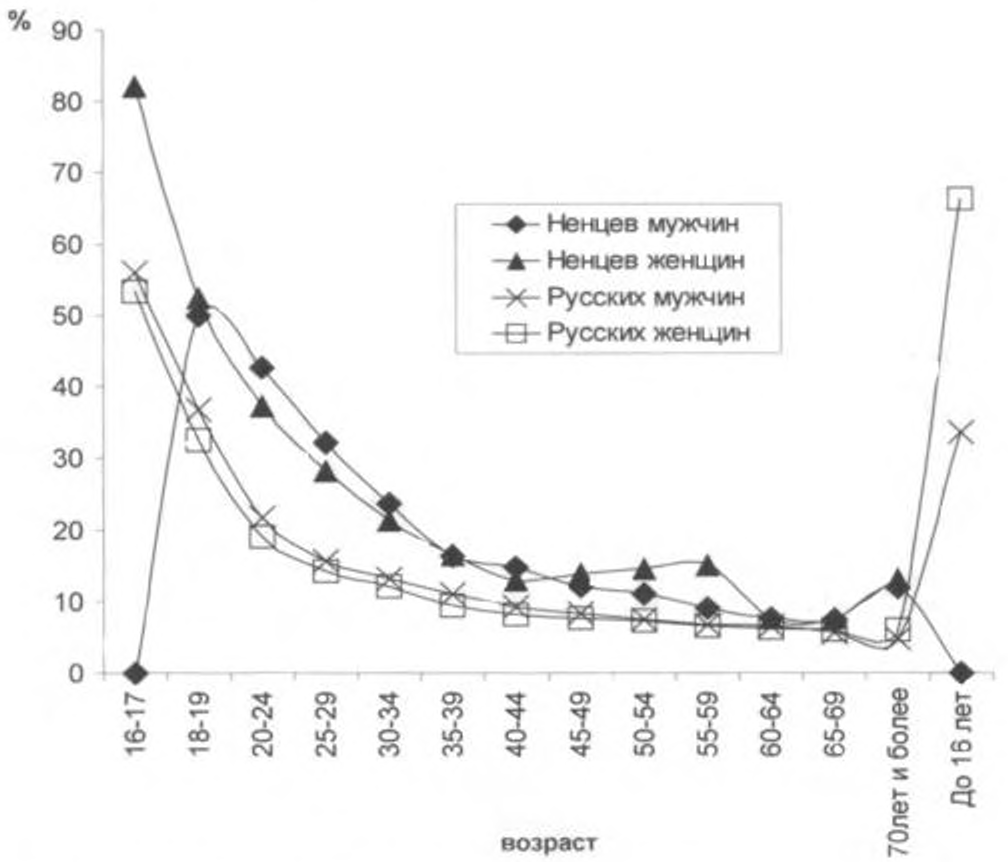


График 3. Распределение ненцев и русских, не состоящих в зарегистрированном браке по полу и возрастным группам по переписи 2002 г.

Материалы переписи 2002 года предоставили уникальную возможность выявить число детей рожденных женщиной за всю ее жизнь, среднее число рожденных детей на 1000 как всех женщин, так и (с помощью некоторых расчетов, о которых пойдет речь дальше) женщин никогда не состоящих в браке, то есть определить вклад внебрачной рождаемости в динамику общего процесса рождаемости. На материалах переписи можно рассчитать возрастные коэффициенты рождаемости женщин, суммарный коэффициент рождаемости (СКР), а также проследить динамику перехода от высокой рождаемости старших поколений к малодетной семье и росту внебрачной рождаемости, которая охватила молодое поколение людей.

Перепись дала возможность изменить сложившиеся стереотипы. Ребенок, родившийся у женщины, не состоящей в зарегистрированном браке, не обязательно воспитывается одной матерью. Он может воспитываться в семье, просто отношения родителей юридически не оформлены. Вопрос в другом, насколько прочны такие браки и могут ли такие семьи решиться на рождение второго и последующих детей. Наши исследования, проведенные на основании последней переписи, дают возможность сравнить результативность брачной и внебрачной рождаемости. Наметившиеся тенденции в рождаемости несомненно должны учитываться при в разработке мер демографической политики как страны в целом, так и отдельных территорий.

Как уже отмечалось, в целом по России отмечается положительная динамика роста числа детей, рожденных у матерей не состоящих в юридическом браке. Ямало-Ненецкий автономный округ по этому показателю находится в числе десяти регионов, где отмечается самая низкая внебрачная рождаемость наравне с национальными республиками, исповедующими ислам – на уровне 22- 23 % от общего числа родившихся.

В то же время однозначно интерпретировать абсолютный и относительный рост внебрачных рождений как рост рождаемости у одиноких матерей мешает одно важное обстоятельство: число рождений, зарегистрированных на основании заявления от обоих родителей, также растет.

В городской местности внебрачная рождаемость традиционно ниже (21,1 %), а в сельской заметно выше (34%)[5]. Как отмечает статистика, у коренных малочисленных народов Севера и Сибири внебрачная рождаемость достигает 50 и более %. У них же отмечается более высокий уровень семей с детьми, где родители официально не регистрируют свои отношения. Тем не менее, это не мешает им жить и воспитывать детей, а доля разошедшихся у них в три раза ниже, чем во всем населении (См. табл. 4 и 5.).

Немногим более половины детей рождается у матерей в возрасте до 24 лет, в том числе 50,1 % у городских жительниц, и 56,5% у сельских, причем, четверть всех детей, родилось у матерей не достигших 20-тилетнего возраста (табл. 7.).

Эти данные отчасти корреспондируются с показателями нерегистрируемых браков среди сельских жителей вообще, а у коренных народов, населяющих ЯНАО доля состоящих в незарегистрированном браке вдвое выше, чем во всем населении округа.

Статистика последних лет заставляет задуматься над тем, почему столь интенсивно растет внебрачная рождаемость в возрастах с максимальной вероятностью вступления в брак (20–29 лет). Сегодня можно утверждать, что внеббрачная рождаемость становится все более массовым феноменом и охватывает все возраста и все слои населения. (См. табл. 8 и 9).

Произведенные нами исследования не дают исчерпывающей картины, поскольку информация получена со слов опрашиваемых (принцип самоопределения, о котором уже речь шла), тем не менее, расчеты отражают общие тенденции и особенности репродуктивного поведения разных поколений женщин и кумуляцию детей, рожденных в браке и вне его, чего не могут дать данные текущего учета, хотя в первичных документах присутствует значительная информация, но она не полностью разрабатывается органами статистики.

[5] Демографический ежегодник России. 2003: Стат. сб./Госкомстат России. - М. 2004. С. 118-120.

Таблица 7

Родившиеся живыми у женщин ЯНАО, не состоявших в зарегистрированном браке, в % к итогу за 2002 г. *

Возраст матери при рождении ребенка	Всего родившихся	Родившихся в городской местности		Родившиеся в сельской местности	
		В % к итогу	На 1000 женщин данного возраста	В % к итогу	На 1000 женщин данного возраста
Всего	100,0	100,0		100,0	
В т. ч. у матерей в возрасте от 15 до 20 лет	18,6	18,6	12	25,0	26,1
20-24	33,9	34,9	22	31,5	39
25-29	25,6	26,1	15	24,3	32
30-34	13,7	14,8	9	11,1	19
35-39	6,4	6,4	4	6,5	8
40-44	1,7	1,6	0,7	1,6	1

* Рассчитано по данным Всероссийской переписи населения 2002 года. Т.2, С.212-214 и данным демографического ежегодника России, 2003. / М.:Госкомстат России. 2004, С. 118-120.

Таблица 8

Сравнение возрастных показателей брачной и внебрачной рождаемости женщин фертильного возраста по данным переписи 2002 года *

Возрастные группы	Общее число рожденных детей	Число детей, рожденных у матерей, состоящих в браке	Число детей, рожденных у матерей, никогда не состоящих в браке (1-2)	Удельный вес вдовых и разошедшихся	Число детей, рожденных у матерей, никогда не состоявших в браке (3- 3Ч4:100)	Уд. вес детей, родившихся вне брака к общему числу родившихся (3:1Ч100)	То же, что и графа 6, но с поправочным коэффициентом (гр.4) 5:1Ч100)
15-17	169	98	71	0,16	71	42,0	42,0
18-19	799	593	206	0,67	205	25,8	25,7
20-24	10011	8216	1793	4,5	1714	17,9	17,1
25-29	24303	20540	3763	10,9	3353	15,5	13,9
30-34	31628	27039	4589	12,6	3997	14,5	12,6
35-39	40020	33513	6507	15.9	5472	16,2	13,7
40-44	53987	43777	10210	18,6	8321	18,9	15,4
45-49	47001	36626	10375	21,6	8134	22,1	17,3

* Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 6. М.: РИИЦ, 2005. С. 299, 125; там же Т. 2, С. 377.)

Таблица 9

Среднее число рожденных детей на 1000 женщин некоторых возрастных групп *

Возраст	Состоящих в браке	Не состоящих в браке
20-24	810	211
25-29	1230	620
30-34	1620	957
35-39	1905	1243
40-44	2012	815
45-49	2078	1422

* Расчеты произведены на основании алгоритма, изложенного в табл. 8 и данных о численности женщин соответствующей возрастной группы.

В этой динамике проявляется, как и во многом другом, нарастание кризисных явлений в жизни семьи как социального института, отказ увеличивающейся доли как мужчин, так и женщин от вступления в брак, все большее предпочтение отдается, так называемым, «альтернативным» формам семейной жизни. И хотя многие авторы не видят в этом явлении ничего необычного и страшного, полагая, что тем самым, что мы приближаемся ко всему «прогрессивному человечеству»*, нельзя не видеть в бегстве от брака социальной проблемы, последствия которой могут быть весьма серьезными и тревожными.

От переписи к переписи в Ямало-Ненецком округе, как и в России отмечается рост числа разведенных мужчин и женщин. Причем, до начала 90-х годов уровень разведенных среди жителей Ямала был ниже среднероссийских показателей. Тем не менее, за период между переписями 1989–2002 гг. доля мужчин находящихся в разводе выросла с 4,6 % до 7,1 %, а доля женщин увеличилась с 6,7 до 11,1 %, т.е., почти вдвое. Наибольшее число разведенных женщин приходится на средние возраста (30–45 лет). По данным переписи 2002 г. доля разведенных и не вступивших в повторный брак женщин в полтора раза превышала удельный вес разведенных мужчин. (См. график. 4).

Как известно, компенсация разводов повторными браками у мужчин выше, чем у женщин, что и сказывается на различиях в вышеприведенных показателях. Так, согласно данным выборочного обследования, проведенного в России в 1985 г., через 10 лет после развода в повторный брак вступает около $\frac{2}{3}$ мужчин и $\frac{1}{3}$ женщин[6] Прирост доли разведенных за период после 1989 гг. очень весом, особенно у тридцатилетних мужчин и женщин. В то же время нельзя не заметить, что доля лиц, относящих себя к категории разведенных (разошедшихся), растет практически во всех возрастах и, соответственно, постепенно накапливается число не считающих себя состоящими в браке во всем населении.

Более высокий удельный вес разведенных женщин в старших возрастных группах (55 лет и старше) по сравнению с общероссийскими показателями свидетельствует о том, что ямальские женщины, разошедшиеся в более молодом возрасте, так и не вступили в повторный брак. То же самое можно сказать и о мужчинах преклонных возрастов, проживающих на Ямале.

[6] См.: Естественное движение населения в РСФСР / Госкомстат РСФСР. М., 1988. С. 361.

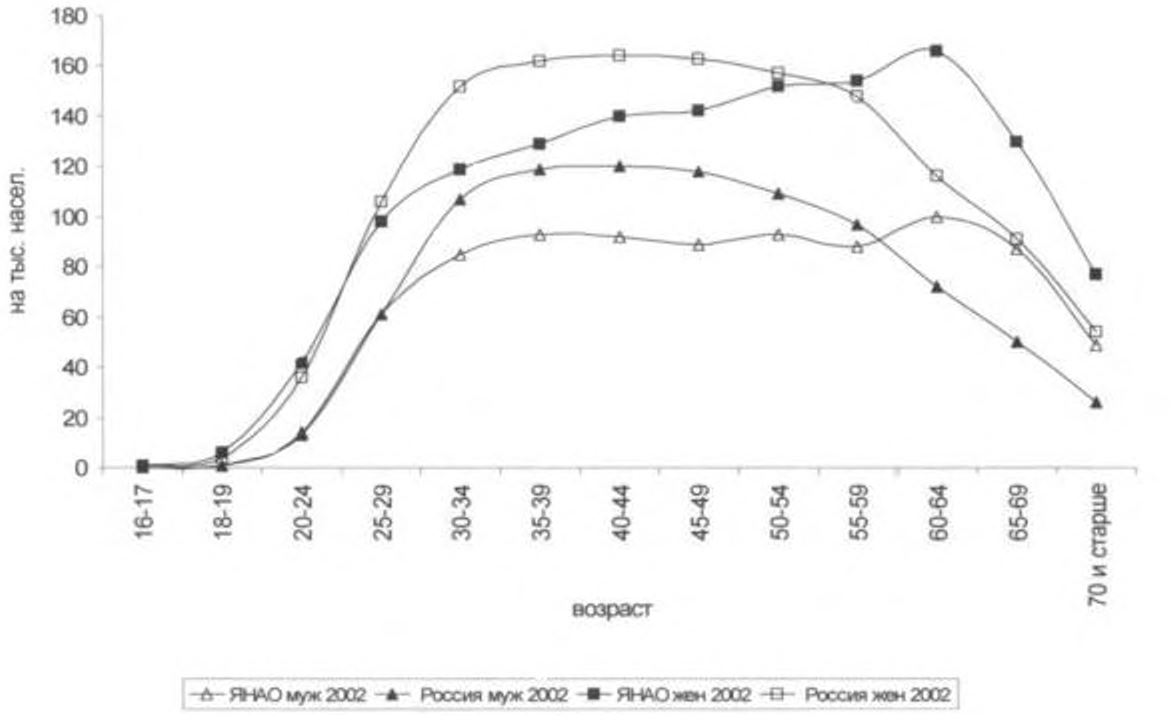


График 4. Доля разведенных и разошедшихся по данным переписи населения 2002 г. на 1000 мужчин и женщин указанного возраста

Но в целом половозрастные различия в удельном весе разведенных еще раз подтверждает тезис о том, что у мужчин гораздо выше стремление вступить в брак, нежели у женщин. К тому же в старших возрастах число мужчин резко снижется вследствие чрезвычайно высокой смертности и, как результат, более низкой продолжительности жизни.

На динамику брачного состояния населения, как известно, оказывают влияние такие демографические события, как заключение браков и их расторжение. Переписи населения как раз и отражают конечные результаты их взаимодействия.

Если говорить о России в целом, то за последние десятилетия динамика числа регистрируемых разводов пережила несколько всплесков и спадов. Как видно из графика 5, рост числа разводов наблюдался на рубеже десятилетий: конец 70х и начало 80-х гг.; конец 80-х и начало 90-х гг. Что же касается ЯНАО, то здесь, в силу специфики демографического развития, за рассматриваемый период наблюдался стабильный рост как абсолютных так и относительных показателей разводимости, причем эти показатели были выше, чем по России в целом как впрочем и показатели заключаемых браков – тоже. (См. график 1) Число браков и разводов по величине коррелируют друг с другом. Рост браков через один-два года сопровождается ростом числа разводов.

Резкий всплеск разводов как в России, так и на Ямале, приходится на начало XXI столетия. Последнее обстоятельство связано с изменением статистической практики регистрации этого события, в результате которого появляется вероятность двойного счета расторгаемых браков.

Демографы отмечают нарастающую деградацию официальной статистики разводов. В качестве примера они приводят резкое увеличение числа разводящихся мужчин и женщин «неизвестного возраста». Если в 80-х – начале 90-х годов нераспределенны-

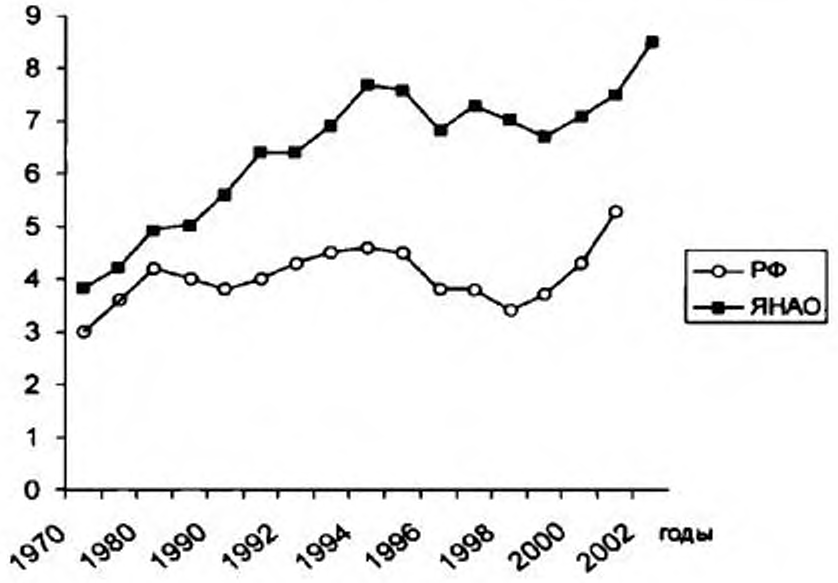


График 5. Число разводов на 1000 чел. населения

ми по полу и возрасту оставалось не более 2 % разведенных, то в 2004 г. при снижении общего числа разводов доля разведенных мужчин «неизвестного возраста» уже достигла 17 %, а женщин — 10,1 %[7] В ЯНАО удельный вес мужчин неизвестного возраста превысил общероссийский уровень втрое, женщин — вдвое.

Особенностью последних является снижение интенсивности расторгаемых браков в возрастах до 25 лет. Именно на эти возрастные группы приходится наибольшее число сожительств, а уж те, кто решился на столь серьезный шаг и оформил свои отношения официально, подходят к этому более ответственно. В то же время увеличилась разводимость в средних и старших возрастных группах. В последние годы каждая вторая распадавшаяся семья имела одного и более детей.

Одним из важных факторов, определяющих уровень разводимости, является брачно-семейное законодательство. Так, до 1917 г. в России разводы были, как известно, чрезвычайно редким явлением. И дело не только в том, что развод противоречил тогдашней морали и социальным нормам. Действовавшее в то время законодательство резко ограничивало саму возможность развода, допуская его по просьбе одного из супругов только при наличии одной из трех исключительных причин: доказанного прелюбодеяния мужа или жены или его (ее) неспособности к «брачному сожитию»; осуждения другого супруга к уголовному наказанию с лишением всех прав состояния или ссылке в Сибирь; безвестного отсутствия другого супруга. Никакие разводы по взаимному согласию не допускались. Как результат, например, в 1897 г. среди православных в России (70% всех лиц в возрасте 20 лет и старше) было зарегистрировано всего 1132 развода [8].

С другой стороны, известно, что во второй половине 60-х гг. в СССР наблюдался резкий скачок числа разводов и разводимости: если в 1965 г. общий коэффициент разводимости был равен 1,6%о, то в 1966 г. — уже 2,6%о. т. е. произошло почти удвоение этих показателей. Причина столь резкого скачка заключается в изменении законодательства

[7] Население России 2003-2004. С. 215.

[8] Волков А. Г. Семья — объект демографии. М., 1986. с 128-129.

о разводе, существенно упростившем эту процедуру После принятия в декабре 1965 г. соответствующего указа свой фактический развод оформили сотни тысяч человек, которые давно уже не жили вместе и, может быть, даже имели новые, но официально не зарегистрированные семьи.

Но, разумеется, основное место среди факторов разводимости принадлежит демографическим и социально-экономическим детерминантам. Анализ причин разводов выходит за рамки данной статьи, поэтому ограничимся изложенными выше историческими фактами.

Трансформация старых социальных связей, формирование новых, адекватных рынку гражданских отношений, присущих новому времени, не всегда способствуют поступательному развитию семейно-брачных отношений. С одной стороны, в переходный период семья проявляет себя «своеобразной психологической защитой в дезориентированном социальном пространстве, выступает консолидирующим фактором в разрозненной и разновекторной социальной и политической жизни российского общества»[9]. С другой стороны, как показывают социологические исследования, частью населения семья иногда воспринимается как нечто стороннее, препятствующее достижению жизненных ценностей: служебному и профессиональному росту, самореализации и т.п. Подобные изменения менталитета располагаются в той же плоскости, что и трансформация самого института семьи. Этот процесс имеет определенные региональные особенности, обусловленные социально-экономической спецификой региона, этническим составом населения и другими факторами.

Происшедшие изменения в семейно-брачных отношениях как в стране в целом, так и отдельных регионах, в том числе и ЯНАО, нашли наглядное подтверждение в материалах переписей населения и особенно последней — 2002 года.

Р. С. Туров

ТРАДИЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА

Традиции политической культуры – это наиболее устойчивая, постоянно воспроизводящаяся составляющая взаимоотношений общества и государства. Традиции являются структурным ядром политической культуры, вокруг которого происходит последующее развитие политики государства, и конкретных событий политической жизни общества.

В XVIII в. в юридической политике России наметилась линия определения сословного статуса коренного населения Сибири. Первым наиболее успешным решением этой проблемы была Сибирская реформа 1819-1822 гг. В процессе ее реализации была проведена кодификация регионального законодательства, нормативное урегулирование положения коренного населения Сибири. Определение правового статуса Сибири соот-

---

[9] Климантова Г И Государственная семейная политика современной России. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2004, С. 28.)

ветствовало идее формирования в условиях многонационального государства правовой системы, при которой общеимперское законодательство и местные узаконения были в необходимой степени согласованы. Причем по новому законодательству разрешалось использовать родоплеменные социальные институты и обычаи.

Структуру реформы составлял комплекс законодательных актов: Учреждение для управления Сибирских губерний, Устав об управлении инородцев, Устав о сибирских киргизах и др. В первом законе из этого списка коренное население было определено как «инородцы» и поделено на три разряда по виду хозяйственной деятельности и образа жизни:

1. оседлые инородцы, которые в основном занимаются торговлей или земледелием, малочисленные роды, обитающие смешанно с русскими, давно состоящие в работах у поселян (все они живут в городах или селениях;

2. кочевые инородцы, которые в основном занимаются земледелием и скотоводством и по времени года переменяют место жительства;

3. бродячие или ловцы, которые в основном занимаются звероловным и рыболовным промыслом и не имеют никакого места жительства, переходят с одного места на другое по лесам и рекам.

В соответствии с этими категориями организовалось административное управление: оседлые были в компетенции общего волостного управления; кочевые пользовались своим родовым управлением; бродячие за неимением, какого либо другого использовали семейное.

Следующий законодательный акт сибирской реформы «Устав об управлении инородцев» определил правовой статус коренного населения Сибири. Значимость этого нормативно-правового акта заключалась в следующем. Он придавал сибирскому коренному населению сословный статус. Устанавливал права и обязанности инородцев и государства. Сохранял возможность родовой организации управления («степные думы») и правового регулирования внутренних отношений с использованием обычаев: «кочующие и бродячие инородцы, как выше сказано, управляются по их собственным степным законам и обычаям» [1] Предоставлял права местным властям устанавливать размеры сборов с инородцев: «Местное Главное управление определяет, до какой степени кочующие инородцы долженствуют участвовать в сих повинностях» [2].

Основной идеей при создании устава была опора на родовую систему управления как наиболее понятную для восприятия коренного населения. Тем самым устав являлся эффективным инструментом регулирования политических взаимоотношений коренного населения с российским государством.

После 1917 г. советская власть определила коренные народы севера как не подготовленные для самоуправления. Были образованы специальные отделы и комитеты: «по охране и управлению», «содействию и развитию» и т.п. Хотя в последующие годы принимались меры по содействию самоуправлению и экономическому самообеспечению коренных народов.

В 1926 году законодательно был закреплен список из 26 «малых народов Севера». Он позволял отслеживать социально-экономическое развитие каждого из народов в отдельности друг от друга. При составлении списка за основу были взяты следующие критерии:

1) малочисленность;

2) ведение традиционных отраслей хозяйства;

---

[1] Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX века): Сборник правовых актов и документов / Редактор-составитель А. Ю. Конев. Тюмень, 1999. С. 90.

[2] Там же. С. 105.

3) полуоседлый кочевой образ жизни;

4) экономическое развитие ниже среднего уровня.

В 1926 г. советская административная система управления коренными народами севера начала возвращение к традиционному родовому управлению. «Временное положение об управлении аборигенных народов и племен северных окраин» объединило почти все коренные народы Севера (исключение составляли кеты, нганасан и юкагиры) в национальные сельские советы и районы. После двух с половиной лет ненецкий народ признали наиболее развитым среди других коренных народов Севера и в 1929 г. был создан Ненецкий национальный округ. В 1930 г. постановлением «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народов Севера» на основе национально-территориального принципа был создан Ямало-Ненецкий округ. Действующий в национальном округе совет состоял на 71, 3% из депутатов коренной национальности.

В 1935 г. с установлением авторитарного политического режима были упразднены Комитеты севера и распущены все национальные советы. Их функции стали осуществлять отделы краевых и областных исполкомов. Коренные народы вновь утратили возможности самоуправления в обмен на жесткий диктат новой власти, которую интересовало промышленное освоение новых территорий, а не социально-экономическое положение проживающих на этих территориях коренных народов: «...почти все постановления, касающиеся коренного населения Севера, ставили своей целью развитие территорий проживания народов Севера, а не развитие самих народов; в результате миллиарды рублей шли действительно на развитие территории и не попадали к коренным народам» [3].

Родовая система управления Северо – Западной Сибири базировалась на праве собственности на территорию и на принадлежность к определенным святилищам. Поэтому «первое, что интересует ненцев при знакомстве: Еркарар намгэ (какого ты рода)? Указание рода, с уточнением его ветви, включает в сознании ненца целую сеть ассоциаций относительно территории кочевий и святилищ, былых и ожидаемых контактов и конфликтов, дистанции родства и возможности брачных связей» [4].

Причем, право собственности на территорию принадлежало главным образом вотчиннику – главе хозяйственного объединения. Хозяйственное объединение состоит из представителей различных родов. Оно имеет временный характер и изменяет свой состав после истечения конкретного сезона или хозяйственного эпизода (например, зимняя загонная охота «таларава»). Выше сказанное подтверждает Б.О. Долгих, собравший воедино этнографические и статистические источники, в том числе данные Приполярной переписи 1926–27 гг. «Роды ненцев жили очень смешанно, и можно установить лишь преобладание отдельных родов в определенных участках, а отнюдь не исключительное владение ими территорией» [5]

Вотчинное право реализовывалось также с учетом представлений о верховной власти князей – вотчинников. В конце XIX в. в так называемых Князевских юртах, располагавшихся на берегу Оби, в 25 верстах на север от Обдорска, жил хантыйский князь Тайшин. В его непосредственном владении был рыболовный песок Аз-том-пан (Князевский), а также сенокосные угодья, располагавшиеся на противоположном от юрт Князевских берегу в обской луговой пойме. Но главное у князя был дворец (который больше напоминал караульню) где он творил расправу над своими соплеменниками. Если

---

[3] Соколовский С. В. Коренные народы и самоуправление: российская история и международный опыт // Ямал в панораме Российской истории. Материалы семинара «Теоритико-методологическое обеспечение исследований по истории Ямала». г.Салехард. 19–22 декабря. 2004 г. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2004. С. 73.

[4] Головнев А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. С. 48.

[5] Долгих Б. О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М.: Наука, 1970. С. 94.

какой либо рыбопромышленник хотел кортомить (арендовать) рыболовный песок в зоне, входившей в компетенцию князя, он должен был обратиться к князю как к верховному распорядителю всех инородческих угодий. Инородцы-вотчинники вынуждены были подчиняться князю, даже если принималось решение на не выгодных для них условиях. Например, «Осенью 1881 года двум рыбопромышленникам П. и Р. захотелось арендовать одно и тоже рыболовное место, принадлежавшее остякам. П. с помощью Тайшина арендовал место за 350 р. в год и этим способом оттягал рыболовное место у Р., который давал за это же место 750 р. в год и обещался в случае торгов, дать значительно более. Но Тайшин приказал остякам не соглашаться на это, и остяки, повинуясь ему, оставили место за П., отказавшись от торгов» [6] Другой пример власти князя: «у двух рыбопромышленников М. и П. возник спор о рыболовном соре. Тому и другому хотелось оттягать сор, остяки же, владельцы сора, разделились на партии: одни желали отдать сор М., а другие П. Перевес оказался на стороне П., потому что он обратился к князю Тайшину, а последний одного из инородцев, более других склонявшегося на сторону М., публично наказал розгами во дворе у П. само собой понятно, что П. не остался неблагодарным перед князем Тайшиным» [7] Отношения, связанные с оленьими выпасными угодьями были такими же. За подношения от зырян-олениводов князь Тайшин передавал им в аренду ягельные угодья по заниженным ценам. Эти действия были настолько часты, что самоеды Обдорской волости, потеряв терпение, прислали в Тобольск доверенных с жалобой на бездействие Березовских полицейских властей по поводу притеснения их архангельскими зырянами. Но даже выехавший по это поводу коллежский секретарь Брещинский ничего с князем Тайшиным поделать не смог, а только предложил «...теперь же прекратить...переселение в Березовский край архангельских крестьян — промышленников и кочевников» [8]

Итак, в дореволюционный период все промысловые угодья находились в собственности аборигенов края на условиях традиционного вотчинного права, которое, однако, было признаваемо государством, то есть, закреплено юридически. Коренные народы Северо-Западной Сибири всегда защищали свое право на собственность. Так во времена советского государства, когда происходили институциональные реформы, они сохранили наследственные права на использование участков пастбищных территорий и небольшие частные стада оленей. Делалось это следующим образом. В книге «Кочевники тундры: ненцы и их фольклор» А.В. Головнев пишет: «За порядковыми номерами колхозных бригад скрывались традиционные ненецкие родственно-соседские объединения нэсы, таноч, ханинеда...пастухи-ненцы не позволяли чужакам глубоко проникать в технологию оленеводства...Они изобрели нехитрые приемы сбережения оленьих стад от чиновников. Одним из таких приемов было смешение государственных и частных стад: молодые оленеводы, зарегистрированные как колхозные пастухи, пасли государственные стада, а их старшие родственники, формально записанные в «пенсионеры или «охотники», — частные» [9] Случалось, что недовольство ненцев советской властью выражалось в уходе в отдаленные тундры и вооруженные выступления. «С началом коллективизации ненцы резко изменили традиционный ритм сезонных миграций: в 1931 г. лишь половина оленеводов Ямала вернулась с северных летних пастбищ на юг, в зону административного контроля; в 1932 г. – десятая часть. В дальнейшем недовольство советской властью вылилось в ненецкое восстание (мандалада) 1934 г. Еще один антисоветский бунт вспыхнул в 1943 г., и его очаг находился на севере Ямала» [10]

---

[6] Шемановский И С Избранные труды. М.: Советский спорт, 2005. С. 236.
[7] Там же. С. 236.
[8] Перевалова Е. В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. С. 102.
[9] Головнев А. В. Кочевники тундры С. 92.
[10] Там же. С. 92.

Характерной чертой коренных народов Ямала, являются их устоявшиеся религиозные верования. Во взаимоотношениях с государством свои религиозные обычаи и традиции ханты и ненцы отстаивали самоотверженно. Даже, несмотря на политику активного распространения христианства, началам которой явился рубеж XVII и XVIII века [11]

Так в период всеобщей христианизации коренных народов Сибири первыми крещеными аборигенами были в основном лица знатные. Туземная элита делала это, желая сохранить и упрочить свою власть. Для большей привлекательности принятия другой веры, крестившиеся из простого народа, удостаивались льгот во всех государственных сборах и в «изделиях» на 3 года. Причем льготы распространялись не только на тех, кто принимал крещение после выхода соответствующего указа, но и окрестившихся до его вступления в силу. Все же добровольное, а за нередким случаем насильственное крещение привело к возникновению сопротивления на территории Северо – Западной Сибири, выразившимся в вооруженных набегах на принявших христианство аборигенов некрещеных «иноверцов».

Так, в 1716 г. князь ляпинской волости Семен Кушкирев в челобитной сообщал «...приходили из-за Камени воровская пустозерская самоядь и пограбили на 300 рублей и 300 оленишков отогнали, одного человека до смерти убили, а иных поимав взяли, и руки и ноги переломали и с собой возили, и нас рабов ваших угрожают смертным убойством. Ныне собираются вновь придти в Ляпинскую волость, оленей забрать и всех побить» [12] В феврале 1717 г. Казымские ханты жаловались березовскому воеводе на разбойные нападения ненцев. Об этом заявил хант Полновацких юрт Казымской волости: «пасхали в их Юинский и Помыцкой городки воровская низовская самоядь и отогнали у них 60 оленей... и одного пастуха забрали» [13]

Даже если отторжение христианства у коренных народов Ямала не выражалось в вооруженных выступлениях, то тогда оно принимало другую форму. Известны случаи, когда туземцы крестились для видимости, и не желали в дальнейшем привести свой образ жизни в соответствие с устоями православной веры. Так, настоятель Обдорской миссии Иринарх в начале XX в. указывал на внешний характер христианизации северных туземцев: «...почти все крещенные по обетам русскому Богу, а дети по воле родителей, остяки полагают непременным долгом крестить своих детей в младенческом возрасте; именуя себя христианами или попросту крещенными... Но в тоже время они всячески избегают похорон своих сородичей по православному обряду, уклоняются от венчаний браков, опускают исполнение долга исповеди в грехах и принятия святых тайн, не глушаются шаманских молений и во всех выходящих из нормы обыденной жизни случаях обращаются к шаманам, зачастую также именующимся христианами» [14].

Традиционные религиозные верования настолько устоялись в сознании коренных народов севера, что даже строительство церквей не приносило ожидаемых результатов. Почитая своих богов, они приносили жертву и своему новому Богу: «...как люди крещенные, носящие крест на шее, они не отказываются жертвовать и Великому Духу новой своей религии. Жертву свою, за отсутствием попа, они в простоте души приносят Богу непосредственно, без посредника, пряча приносимое в укромное место храма (под кровлей в водостоке и в других подобных, действительно только одному Богу известных местах)» [15] Известны случаи, когда при строительстве церкви местом ее располо-

---

[11] Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов. Екатеринбург-Салехард: РА АРТмедиа, 2005. С. 229.

[12] Памятники Сибирской истории XVIII в. Книга вторая. 1713–1724. СПб.: 1882. № 32. С. 107–108.

[13] Там же. С. 170–171.

[14] Туров С. В. Вместо предисловия // Путевой журнал миссионеров Обдорской миссии (60–70-е гг. XIX века). Тюмень: издательство Юрия Мандрики, 2002. С. 5–6.

[15] Там же. С. 6.

жения становились разрушенные священные объекты аборигенов. И если жителям поселения необходимо было устроить священный обряд, то они не обращали внимания на новое православное содержание ритуального места. Подобное произошло в 1899 г., на территории обдорской Петропавловской церкви: «...они в ограде той же церкви принесли в жертву оленя, воспользовавшись случившимся на ту пору безлюдьем, так как прихожане из числа русских и зырян в это время находились в церкви на литургии» [16] Этот случай не единственный в своем роде.

Изложенные выше факты дают основание определить ряд традиций во взаимоотношениях Российского государства и коренных народов ЯНАО:

1. Специфичность регионального законодательства, заключающаяся в использовании обычаев коренных народов;

2. Самоуправление, основанное на общинно-родовой организации;

3. Активная защита своего права на собственность коренными народами;

4. Устойчивость традиционных религиозных верований и активное противодействие коренных народов всем попыткам разрушения традиционных религиозных институтов.

Современная государственная политика Российской Федерации в отношении коренных народов севера, проживающих на территории ЯНАО осуществляется с учетом политических традиций. Институты федеральной власти предоставляют право регулировать взаимоотношения коренных народов на уровне субъекта (ЯНАО) в той мере, которая не противоречит федеральному законодательству. Федеральные законы предусматривают возможность правового регулирования некоторых отношений, касающихся малочисленных народов, не только законами, но и их обычаями и традициями. Так, Федеральный закон об общих принципах организации общин в статье 4, озаглавленной: «Законодательство Российской Федерации об общинах малочисленных народов», установил, что «решения по вопросам внутренней организации общины малочисленных народов и взаимоотношений между ее членами могут приниматься на основании традиций и обычаев малочисленных народов, не противоречащих федеральному законодательству и законодательству субъектов Российской Федерации и не наносящих ущерба интересам других этносов и граждан» [17]

Указание на возможность правового регулирования традициями и обычаями, а не только изданными государством правовыми актами, свидетельствует о том, что государство признает значение и устойчивость сложившихся в среде коренных малочисленных народов на основе их многовекового жизненного опыта обычаев и традиций.

Ярким примером значимости общинно родового управления является феномен потомка одного из древнейших родов Сергей Николаевич Харючи. Род Харючи входил в состав «Карачаевской орды» из которой происходили все главные старшины самоедов XIX века.

Сергей Николаевич родился 26 ноября 1950 года в поселке Тазовском Ямало-Ненецкого автономного округа в ненецкой семье потомственных оленеводов-рыбаков. Родители Сергея Николаевича, несмотря на удаленность от крупных населенных центров, были достаточно образованными людьми, пользовались уважением и авторитетом у земляков. Кроме обучения традиционному образу жизни они позаботились и об образовании сына.

---

[16] Туров С. В. Вместо предисловия // Путевой журнал... С. 6.

[17] Федеральный закон «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации от 20 июля 2000 г. № 104-ФЗ (с изменениями и дополнениями от 21 марта 2002 г., 22 августа 2004 г., 2 февраля 2006 г.) // Харючи С. Н. Коренные малочисленные народы: проблемы законодательства. Томск: Изд-во Томского университета, 2004. С. 250.

В 2000 году Сергей Николаевич Харючи избран председателем Государственной Думы Ямало-Ненецкого автономного округа третьего созыва. После выборов в Государственную Думу автономного округа, состоявшихся 27 марта 2005 года, на которых Сергей Харючи получил убедительную поддержку ямальцев, депутаты нового четвертого созыва вновь доверили Сергею Николаевичу возглавлять ямальский парламент.

В настоящее время он занимает ведущие общественные посты:

– член рабочей группы Комиссии при Президенте РФ по совершенствованию федеративных отношений и местного самоуправления;

– с 1996 года – Президент Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, имеющей консультативный статус при Экономическом Совете ООН;

– с 2002 года – Председатель Совета сторонников партии «Единая Россия»;

– с декабря 2003 года – Председатель Общественной палаты при губернаторе Ямало-Ненецкого автономного округа.

Значительней стала роль коренных жителей округа в политике. В соответствии с Уставом Ямало-Ненецкого автономного округа из 22 депутатов Государственной Думы три «избираются по единому многомандатному избирательному округу из числа коренных малочисленных народов Севера» [18]. Совершенствуется избирательная система применительно к образу жизни коренных народов: успешно апробированы методики досрочного голосования, проведения пропагандистских мероприятий в кочевых коллективах.

Традиция защиты вотчинного права поддерживается федеральным законодательством, а именно в Федеральном законе «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». В статье 2 этого закона, озаглавленной «Правовое регулирование отношений в области образования, охраны и использования территорий традиционного природопользования», указано: «Для целей настоящего Федерального закона правовое регулирование указанных отношений может осуществляться обычаями малочисленных народов, если такие обычаи не противоречат законодательству Российской Федерации, законодательству субъектов Российской Федерации» [19].

В окружном законодательстве так же проявляется традиция защиты вотчинного права. В соответствии с федеральным законодательством был принят окружной Закон «О регулировании земельных отношений в местах проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера на территории Ямало-Ненецкого автономного округа». В нем дается определение земель традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера: «используемые для ведения оленеводства и традиционных промыслов, нуждающиеся в особом правовом режиме, с исторически сложившимся образом жизни и формами традиционного хозяйственного уклада коренных малочисленных народов Севера и этнических общностей, могущие включать земли различных категорий, выделенных в земельном законодательстве по основному хозяйственному назначению, а также водные, лесные и другие возобновляемые природные ресурсы, являющиеся наряду с землей основой жизни и традиционной хозяйственной деятельности этих жителей».

На деле с интересами коренного населения в области использования территорий традиционного природопользования не все так гладко. Развитие газовой и нефтяной

---

[18] Устав Ямало-Ненецкого автономного округа от 11 февраля 2004 №4-ЗАО // Харючи С. Н. Коренные малочисленные народы: проблемы законодательства. Томск: Изд-во Томского университета, 2004. С. 288.

[19] Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ // Харючи С. Н. Коренные малочисленные народы: проблемы законодательства. Томск: Изд-во Томского университета, 2004. С. 262.

промышленности наложило свой отпечаток. Промышленное освоение территории ЯНАО нарушает экологическое состояние земель и влечет сокращение производства продукции традиционных отраслей хозяйства: «...число занятых в традиционных отраслях хозяйства не растет, а, напротив, сокращается... в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах в связи с освоением нефтяных и газовых месторождений безвозвратно потеряно 11 млн. га оленьих пастбищ, более 20 млн. га речных нерестилищ и нагульных участков, загрязнено более 100 больших и малых рек»[20]. На этой земле люди прежде жили веками. Промышляли зверя, ловили рыбу. Никто, конечно же, не против того, чтобы промышленные компании получали в долгосрочную аренду ту часть территорий, где расположены запасы стратегически важного углеводородного сырья. Но при этом должны защищаться интересы местного населения, не должно быть угрозы их исторически сложившемуся укладу жизни. В статье 30 Устава ЯНАО установлено право граждан из числа коренных малочисленных народов на компенсацию за причиненные потери, убытки и упущенную выгоду, в случае если эти граждане окажутся вынужденными покинуть места своего проживания и хозяйственной деятельности в связи с их промышленным освоением[21]

Государственная Дума Ямало-Ненецкого автономного округа направила целый пакет законодательных инициатив в Государственную Думу Российской Федерации по проблемам коренных малочисленных народов Севера Российской Федерации. Предлагается восстановить часть утраченных прав этих народов, а именно, права безвозмездно и постоянно (бессрочно) пользоваться землями, независимо от их категории, для осуществления сельскохозяйственного производства, сохранения и развития традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов коренных малочисленных народов Российской Федерации в местах традиционной деятельности и проживания этих народов. Тем не менее, Государственная Дума РФ не приняла законодательные инициативы к рассмотрению и возвратила их. Причиной отказа послужило предложение о разрешении проблемы на уровне субъекта Российской Федерации путем установления ничтожно минимальной ставки арендной оплаты за землю, например, 1 копейку за гектар. Данное решением вызвало негативную реакцию у депутатов Государственной Думы Ямало-Ненецкого автономного округа, защищающих интересы коренного населения. Чего стоит одна лишь реплика С. Н. Харючи: «Вот таким образом решается ключевой вопрос о земле при решении проблемы коренных малочисленных народов Севера законодательным органом государственной власти Российской Федерации, к чьим полномочиям относится регулирование и защита прав национальных меньшинств»[22]

Основной организацией представляющей интересы коренных народов Ямала является Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Ассоциация, учреждена на I съезде народов Севера в октябре 1989 г. Присутствовали 242 делегата, из них 52 — представители охотников, рыбаков и оленеводов. Целью является возрождение и защита культурного наследия народов, населяющих Ямало-Ненецкий автономный округ.

---

[20] Соколовский С. В. Коренные народы и самоуправление: российская история и международный опыт // Ямал в панораме Российской истории. Материалы семинара «Теоритико-методологическое обеспечение исследований по истории Ямала». г.Салехард. 19–22 декабря, 2004 г. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2004. С. 76.

[21] Устав Ямало-Ненецкого автономного округа от 11 февраля 2004 №4-ЗАО // Харючи С. Н. Коренные малочисленные народы: проблемы законодательства. Томск: Изд-во Томского университета, 2004. С. 283.

[22] Харючи С. Н. Государственная поддержка экономики традиционного хозяйствования коренных малочисленных народов Севера // Во имя севера (Статьи, доклады, выступления, интервью). Салехард: Красный Север, 2005. С. 185

В программе и Уставе Ассоциации определены основные направления ее деятельности: объединение энтузиастов, обеспокоенных судьбой своего народа, экологическим, и экономическим состоянием земель Севера; пробуждение национального самосознания; создание отделений первичных. организаций; создание собственной материальной базы путём организации кооперативов, предприятий, установление деловых контактов с зарубежными и международными объединениями. Первым президентом избран С.Н. Харючи, а в данный момент эту должность занимает А. Евай. В число организаторов ассоциации входят ненцы, Х.М. Езынги, В.Н. Няруй, Р.И. Ильина, Л.И. Худи, С.П. Яр, А.С. Сэроттэто, ханты В.П. Ругин, А.М. Сязи, Л.А. Тарагупта и др.

Ассоциация взаимодействует с органами государственной власти и местного самоуправления. Ее деятельность сосредоточена на сохранение среды обитания малочисленных народов Севера и учёт их интересов при промышленном освоении территорий проживания.

Ассоциация так же осуществляет свою деятельность на международном уровне: «представители этой организации принимали участие в заседаниях рабочей группы ООН по коренным народам (Женева), во встрече лидеров арктических народов, в работе крупных международных конференций, фестивалей, симпозиумов, в т.ч. международном конгрессе оленеводческих народов мира» [15].

В результате деятельности Ассоциации был подготовлен проект постановления Правительства Российской Федерации «О мерах государственной поддержки традиционных отраслей хозяйствования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока до 2009 года», который предусматривает: комплекс мер по использованию современных технологий при стабилизации и дальнейшем развитии традиционных отраслей хозяйствования; организацию производства конкурентоспособной продукции и государственной поддержки ее сбыта, в том числе экспорта; осуществление компенсации из федерального бюджета части процентных ставок по кредитам на пополнение оборотных средств и компенсации не менее 50% транспортных расходов для организаций и предприятий коренных малочисленных народов Севера, которые осуществляют сезонное снабжение населения, ведущих кочевой образ жизни, продовольствием, а также осуществляющим вывоз заготовленной продукции из мест сбора к местам ее промышленной переработки; предоставление на условиях долгосрочного лизинга предприятиям агропромышленного комплекса районов Севера современного технологического оборудования по переработке продукции традиционных отраслей хозяйствования.

Кроме этого постоянно проводятся заседания различных обществ занимающихся проблемами коренных народов. На которых обсуждаются вопросы, связанные с защитой прав коренных народов: дается оценка социально-экономического положения коренных народов, выявляются проблемы и предлагаются пути их решения.

Тем ни менее, эти рациональные предложения остаются без ответа. В настоящее время они получили поддержку только в ЯНАО. Власти округа профинансировали открытие предприятия по переработке оленины. Теперь оленеводы могут сдавать оленей в одни руки и не обременять себя последующей реализацией мяса. Мясо оленя пользуется спросом: «В Норильске оленину можно купить за 45 рублей, в Москве — за 300 рублей, а в Европе не дешевле, чем за 60 долларов» [13] Доступ на европейские рынки позволит коренным народам севера заработать на существование и улучшит атмосферу в межнациональных взаимоотношений.

---

[23] Ямал: энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа: В 3 т. Т. 3. Салехард; Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2004. С. 241–242.

[24] Харючи С. Н. Коренные малочисленные народы: проблемы законодательства. Томск: Изд-во Томского университета, 2004. 360 С. 147.

Промышленное освоение территории ЯНАО имеет колоссальное значение для экономики России. Но не стоит забывать о коренном населении, которое веками жило на этой земле. Через свои традиции коренные народы бережно хранят и используют богатства своего края. Эти богатства могут пригодиться и нам.

Современное социально-экономическое положение коренных народов ЯНАО указывает на необходимость дополнения традиционного государственного управления оперативными инновационными мерами. Это позволит исправить сложившуюся ситуацию в лучшую сторону. Избавит коренное население от ущемления их интересов и создаст базу для самофинансирования и активного участия в экономических процессах.

М. Б. Беков

К ВОПРОСУ О МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ЯМАЛО-НЕНЕЦКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ

После событий в Кондопоге (Карелия, 2006г.) проблема межнациональных отношений в Российской Федерации вновь стала актуальной. После этого последовали события, связанные с политикой Грузии по отношению к России и последующие «репрессии» по отношению к людям грузинской национальности в различных регионах РФ. Не вдаваясь в суть этих конкретных примеров, следует отметить, что проблемы в межнациональных отношениях в РФ существуют и их надо решать на государственном уровне.

Для каждого народа и отдельного человека большое значение имеет состояние этнических отношений в конкретном населенном пункте, регионе, стране, политические и нравственные установки общенациональной политики государства. Насколько эффективна будет такая политика, настолько легитимным будет и власть, и доверие народа к власти. Не дожидаясь очередных взрывов национальных конфликтов, власть обязана постоянно проводить взвешенную и обдуманную национальную политику. Игнорирование этического фактора – сути нашей государственности, превращают его в фактор националистический, этнополитический. Далеко за примером ходить не надо: одна из причин распада СССР – этнический фактор, переросший в фактор националистический, взрывоопасный.

Фондом общественного мнения проведен опрос населения в 40 субъектах РФ (9–10 октября 2004г.), который свидетельствует, что эта проблема стоит очень остро.

Так, 42% опрошенных показали, что в их регионах есть национальные группы, которые вызывают неприязнь, раздражение у большинства населения. 63% считают, что необходимо ограничивать въезд на свою территорию представителей некоторых национальностей. Более половины (52%) опрошенных россиян одобрили бы решение о выселении из своего региона представителей других национальностей.

Как видим, проблема гармонизации межэтнических и межкультурных отношений, профилактики проявлений ксенофобии и укрепления толерантности в стране актуальна как никогда. К сожалению, ситуация в 2006 году не улучшилась, о чем свидетельствуют данные социологических опросов, проведенных ВЦИОМ и Левада-центр в 2006 году. Исследования, проведенные ВЦИОМ в сентябре 2006 г. показали: 19% россиян отмечают, что межнациональные отношения в стране ухудшились.

Социальная напряженность в обществе возникает не только из-за экологических, политических и глобальных проблем, но также социальных проблем в широком смысле слова. Сюда можно отнести, как составную часть социального, и межнациональные отношения. Наряду с другими общественными явлениями – социальная напряженность на почве межнациональных отношений имеет свою специфику, объективные и субъективные факторы и условия ее порождающие. В конечном итоге социальная напряженность приводит к социальным конфликтам в различных его проявлениях.

Этнические конфликты – самый распространенный вид социальных конфликтов. Причины этнических конфликтов или проблемы, его порождающие – это территориальные споры, стремление создать независимое государство, распределение труда между этническими группами и др. Задача органов власти на всех уровнях – предупреждать возникновение социальных конфликтов всеми имеющимися у них ресурсами. В этой связи особое значение приобретает постоянный мониторинг социально-политической ситуации, своевременное реагирование на ситуацию. Сегодня становится понятно, что одним из наиболее уязвимых мест российской государственности являются вопросы межнациональных отношений, это проблема безопасности страны.

В настоящее время в ЯНАО относительно благополучная ситуация на фоне многих регионов, но это не дает оснований успокаиваться. Именно поэтому власти округа уделяют значительное внимание этой проблеме, в том числе проведением социологических исследований и постоянного мониторинга этносоциальной ситуации.

По данным Всероссийской переписи населения 2002 года, в ЯНАО проживают представители более 120 национальностей. Среди них наиболее многочисленные группы:

русские – 298359 чел.;
украинцы — 66080 чел.;
татары – 27734 чел.;
ненцы – 26436 чел.;
белорусы – 8989 чел.;
ханты – 8760 чел.;
башкиры – 7932 чел.;
коми – 6177 чел.

Также проживают на территории ЯНАО свыше 22000 представителей кавказских народностей, в том числе:

азербайджанцы – 8353 чел.;
кумыки – 2613 чел.;
чеченцы – 2222 чел.;
армяне – 1554 чел.

Этнокультурное многообразие ЯНАО является фактором устойчивого и поступательного развития региона. Но при этом не следует забывать, что в определенных условиях может стать и дестабилизирующим фактором, препятствующим общегражданской идентичности. Именно поэтому, этнокультурное развитие выступает как социально-экономическое, духовное, культурное развитие национальных сообществ региона вне зависимости от национальной и конфессиональной принадлежности.

В результате проведенного в 2005 году социологического исследования во всех муниципальных образованиях ЯНАО выявлен высокий уровень межнационального взаимодействия. Такое взаимодействие связано как с работой и учебой, так и с бытовой сферой, и это не вызывает у большинства опрошенных дискомфорта. Например, для

78,2% респондентов не имеет значения, в каком коллективе работать: однонациональном или многонациональном. И, что особенно важно отметить: среди этих респондентов не прослеживаются значимые групповые различия, то есть, данная точка зрения присуща для всех групп населения в равной мере.

По мнению экспертов, в автономном округе сложилась спокойная межнациональная обстановка. Исторические предпосылки формирования текущих межнациональных отношений на территории автономного округа лежат в специфике заселения северных территорий. И хотя большая часть экспертов считают, что межнациональная обстановка совершенно спокойная, часть из них отмечает, что на бытовом уровне существуют индикаторы нарушения межнациональной толерантности. В частности, это некое негативное отношение к представителям отдельных национальностей.

1.Отношение к представителям других национальностей

У населения автономного округа сложилась примерно одинаковое отношение к приезду в город (поселок) мигрантов из стран ближнего зарубежья и мигрантов – российских граждан из южных территорий (31% – положительно, 23% – отрицательно, 40% – нейтрально и 6% – затруднились ответить). При этом отсутствует какая либо доминирующая группа респондентов в зависимости от места проживания и социально-демографических характеристик.

На чем же основаны мнения и оценки респондентов? Однозначного ответа на этот вопрос мы не найдем, но из отдельных суждений и представлений опрошенных нами людей мы можем выявить круг проблем, связанных с этим явлением.

Так, например, 27,4% опрошенных считают, что приезжие негативно влияют на жизнь в автономном округе. Такая точка зрения присуща в большей степени людям старше 40 лет, преимущественно мужчинам.

Половина опрошенных считает, что в их населенном пункте существует неприязненное отношение к представителям различных национальностей: 19,1% высказали мнение, что это встречается достаточно часто, и 34,9% сказали, что это случается время от времени. 29,7% респондентов в то же время считают, что такое не встречается практически никогда. Чем моложе житель округа, тем более свойственным для него является данное мнение. В зависимости от социального статуса, данная точка зрения в большей степени типична для руководителей, специалистов с высшим образование и студентов. В зависимости от района проживания, сравнительно высока доля жителей Нового Уренгоя, которым присуще такое мнение.

Среди тех, кто отмечает, что неприязненное отношение существует, но встречается оно не часто, время от времени – заместители руководителей, руководители подразделений, жители Шурышкарского, Тазовского районов и Лабытнанги.

Мнение о том, что неприязненного отношения между представителям разных национальностей не существует, в большей степени присуще респондентам, имеющим среднее общее образование, учащимся и пенсионерам, респондентам имеющим низкий уровень благосостояния, жителям Шурышкарского района, Лабытнанги и Ноябрьска.

В ходе исследования выявлен широкий перечень национальностей, к которым чаще всего проявляется неприязненное отношение. Это, прежде всего, к представителям кавказских национальностей в целом, а в частности, к азербайджанцам и чеченцам.

В основном о неприязненном отношении к представителям различных национальностей опрошенные узнали из рассказов своих родственников и знакомых (59,9%). В большей степени этот источник информации типичен для заместителей руководителей и учащихся. В зависимости от района проживания – это жители Пуровского района. 36,7% были очевидцами такого отношения. В большей степени это типично для молодых респондентов (16–24 лет), имеющих неоконченное образование (неполное среднее

и незаконченное высшее), жители Муравленко и Ноябрьска. 26,75% узнали о таких случаях из сообщений в СМИ.

Чем меньше количество человек в семье респондента, тем более типичным для него является данный источник информации. В зависимости от социального статуса этот источник информации в большей степени используют квалифицированные рабочие. В зависимости от района проживания это в большей степени типично для жителей из Тазовского и Ноябрьска. 6,2% сами стали жертвами неприязненного отношения. В большей степени в такие ситуации попадали жители автономного округа в возрасте 45–54 лет, имеющие среднее общее образование, респонденты, имеющие низкий социальный статус (домохозяйки/временно неработающие и пенсионеры).

Основная часть опрошенных терпимо относится к представителям всех национальностей (78,8% опрошенных), 20,1% только к представителям некоторых национальностей относятся терпимо (а к некоторым – нет), и 1,2% негативно относятся к представителям других национальностей.

Нетерпимое отношение к представителям некоторых национальностей в большей степени типично для молодых опрошенных (16–24 лет), причем, чем моложе жители автономного округа, тем более они нетерпимы по отношению к представителей некоторых национальностей. В зависимости от уровня образования в большей степени негативно относятся к некоторым национальностям респонденты, имеющие высшее образование

В ходе исследования выявлено как положительное, так и негативное отношение населения автономного округа к представителям всех национальностей.

Причины негативного отношения к представителям различных национальностей неоднозначные. Например, негативное отношение к азербайджанцам и чеченцам чаще всего вызвано:

- в торговой сфере (это отношение только к азербайджанцам);
- нарушение правопорядка;
- неуважительное отношение к другим нациям и особенно к русским;
- чертами характера (ведут себя нагло, конфликтные, хитрые, двуличные и т.п.).

Анализ негативного отношения к другим нациям позволяет утверждать, что негативное отношение у респондентов вызвано прежде всего (и главное!) тем, что они нарушают правопорядок, не уважают законы РФ и сложившиеся нормы отношений в том или ином населенном пункте.

Так, например, результаты Всероссийского опроса, проведенного ВЦИОМ в сентябре 2006 года показали, что в основном претензии россиян к представителям других национальностей состоят в том, что «приезжие» не хотят считаться с обычаями и нормами поведения, принятыми в России (об этом заявили 23% опрошенных). В целом «кавказцы» и особенно чеченцы вызывают неприязнь и раздражение среди тех, кто испытывает эти чувства к представителям других национальностей.

2.Оценка межнациональных отношений в округе

Респондентов, по отношению к представителям хотя бы некоторых национальностей испытывающих негативные эмоции, просили оценить межнациональную обстановку в своем населенном пункте.

46,3% из них считают, что в их городе (поселке) сложились стабильные, спокойные межнациональные отношения. 16,5% оценили отношения как «ни то, ни другое» — ни спокойные и ни напряженные, и 25,1% считают, что в их населенном пункте существуют в той или иной степени напряженные, нестабильные межнациональные отношения.

Точки зрения о том, что в их населенном пункте сложились определенно спокойные и стабильные межнациональные отношения, в большей степени придерживаются респонденты 35–44 лет и 55 лет и старше, служащие без высшего образования и квалифицированные рабочие.

Считать, что в населенном пункте сложились скорее спокойные и стабильные межнациональные отношения, прежде всего, склонны жители автономного округа в возрасте 25–34 лет, квалифицированные специалисты с высшим образованием и студенты.

Среди респондентов, считающих, что межнациональные отношения в их населенном пункте нельзя назвать ни спокойными, ни напряженными, преобладают респонденты в возрасте 45–54 лет, имеющие неполное среднее, среднее общее и высшее образование, квалифицированные специалисты, учащиеся и пенсионеры.

Среди респондентов, которые считают, что у них в населенном пункте сложились нестабильные, напряженные межнациональные отношения, сравнительно высока доля жителей автономного округа со средним общим, незаконченным высшим образованием, квалифицированных рабочих, домохозяек и пенсионеров, с географической точки зрения – жителей Нового Уренгоя и Ноябрьска. Чем большее количество человек в семье респондента, тем более свойственно для него такое мнение.

Таким образом, можно заключить, что наиболее благоприятная межнациональная обстановка сложилась в Шурушкарском, Тазовском районах, Лабытнанги и Надыме, а наиболее неблагоприятная – в Новом Уренгое и Ноябрьске.

Респондентов, испытывающих негативные эмоции по отношению к представителям хотя бы некоторых национальностей, просили оценить динамику межнациональной обстановки в своем населенном пункте за последние 2–3 года.

26,7% из них считают, что межнациональные отношения были и остаются спокойными. Большее количество (32,5%), напротив, считают, что межнациональные отношения изменились в худшую сторону (были спокойными, но за последнее время стали напряженными). Только 3,9% ответивших на вопрос отметили положительную динамику (отношения были напряженными, но за последние годы нормализовались). 13,3% сказали, что межнациональные отношения были и остаются напряженными.

При этом следует заметить, что по опросам ВЦИОМ (сентябрь 2006г), 55% россиян считает, что межнациональные отношения остались такими же, как и год назад, а 19% считают, что ухудшились.

Таким образом, на Ямале доля тех, кто считает, что межнациональные отношения ухудшились в два раза больше, чем в целом по России. В большей степени данной точки зрения придерживаются опрошенные в возрасте 35–44 лет и 55 лет и старше, имеющие среднее специальное образование.

13,3% считают, что межнациональные отношения были и остаются напряженными. Это мнение в большей степени свойственно мужчинам, респондентам молодого возраста (16–24 лет), имеющим среднее общее и незаконченное высшее образование, служащим без высшего образования, рабочим и домохозяйкам/временно неработающим, опрошенным, имеющий низкий и выше среднего уровень благосостояния.

По мнению большинства опрошенных представители различных национальностей имеют равные условия жизнедеятельности:

В получении высшего образования – 76,9% считают, что представители различных национальностей имеют равные возможности, а 16,9% – не имеют равные возможности;

В бизнесе – 58,8% считают, что имеют равные возможности, а 32,9% – не имеют равных возможностей;

В трудоустройстве – 46,7% и 42,4% соответственно;

В продвижении по службе – 49,4% и 40,8% соответственно;

В возможности работать в органах власти – 48,2% и 41,2% соответственно;

При рассмотрении дел в суде – 58,8% и 31,8% соответственно;

При получении жилья – 47,5% и 41,6% соответственно;

В сохранении своей культуры – 72,9% и 19,6% соответственно;

В изучении родного языка – 48,2% и 36,9% соответственно.

3. Наличие и характер конфликтов на национальной почве

Говоря о примерах, демонстрирующих проявления межнациональной напряженности, некоторые эксперты привели единичные факты конфликтов между русскими (возможно, не только русскими, но и представителями других славянских национальностей, например, украинцами) и азербайджанцами. В то же время, эксперты подчеркнули, что конфликты не носили массовый, долговременный характер, не вызвали массового общественного резонанса, вылившегося в беспорядки или действия силового характера, направленные на представителей других национальностей, не стали причиной новых конфликтов. Как правило, конфликты самоурегулировались. Причинами конфликтов стали открытое пренебрежительное отношение представителей одной нации к представителям другой, нарушение «правил совместного проживания», культурных норм. Инициаторами конфликтов могли быть как представители одних, так и других национальностей.

36,9% тех, кто негативно относится к каким-либо национальностям, считают, что в их населенном пункте происходили конфликты на национальной почве. Примерно такое же количество (37,3%), напротив, придерживаются точки зрения, что конфликтов не было и 25,9% — затруднились ответить на данный вопрос.

В большей степени о наличии межнациональных конфликтов на территории округа осведомлены молодые жители автономного округа (16–24 лет), служащие без высшего образования, студенты и временно неработающие/домохозяйки, опрошенные с уровнем благосостояния выше среднего. В зависимости от района проживания – это, прежде всего жители Нового Уренгоя, Шурышкарского района и Ноябрьска.

Считать, что в их населенном пункте не было конфликтов на межнациональной почве, в большей степени склонны респонденты среднего и старшего возраста (35–44 и 55 лет и старше), жители Тазовского района и Надыма.

40% респондентов из числа тех, кто по отношению к представителям хотя бы некоторых национальностей испытывает негативные эмоции, считают, что в их населенном пункте существует (в той или иной степени) вероятность возникновения межнациональных конфликтов в ближайшее время. 34,5% придерживаются противоположной точки зрения. 25,5% не смогли оценить данную вероятность.

Старшее население в большей степени, чем молодое склонно придерживаться мнения, что в ближайшее время могут возникнуть межнациональные конфликты. В зависимости от района можно выделить Новый Уренгой, Шурышкарский район и Ноябрьск.

Придерживаться мнения о том, что конфликты не предвидится, в большей степени склонны жители Шурышкарского, Тазовского районов, Лабытнанги и Муравленко.

Большая часть опрошенных (79,2%) считает, что местные и окружные власти должны вмешиваться в конфликты, возникающие на межнациональной почве. 10,2% придерживаются мнения, что власти не должны вмешиваться, и 10,6% затруднились ответить на вопрос.

40,7% респондентов из числа тех, кто по отношению к представителям хотя бы некоторых национальностей испытывает негативные эмоции, не исключают возможности своего участия в межнациональных конфликтах и 48,3%, напротив, исключают возможность личного участия в конфликте, возникшем на национальной почве.

В большей степени склонны к конфликтам мужчины, молодые респонденты (16–24 лет), имеющие среднее общее и незаконченное высшее образование, студенты, рес-

понденты, живущие в семьях со средним уровнем благосостояния. В зависимости от района проживания можно выделить жителей Надыма и Ноябрьска.

Среди тех, кто исключает возможность своего участия в межнациональных конфликтах, сравнительно высока доля женщин, респондентов в возрасте 25–34, 55 лет и старше, жителей округа, имеющих высшее образование, жителей Нового Уренгоя, Тазовского района и Муравленко.

По мнению большей части респондентов, конфликты, в которых они бы приняли личное участие, могут возникнуть с лицами кавказской национальности (без уточнения конкретных национальностей), азербайджанцами и чеченцами. Каждый третий респондент затруднился назвать конкретную национальность.

Среди причин, которые могли бы подтолкнуть к вступлению в конфликт на национальной почве, наиболее часто респонденты указывали следующие: нанесение обиды, ущемление прав, интересов, как своих собственных, так и близких и родственников, неуважительное, пренебрежительное отношение к другим нациям, противоправное поведение.

Открытие на территории населенных пунктов автономного округа школ, ведущих обучение на национальном языке, а так же национально-культурные центры для представителей национальностей, проживающих в населенном пункте нельзя рассматривать как фактор, стабилизирующий межнациональные отношения, поскольку негативно к данной идее относятся 48,7% респондентов из числе тех, кто по отношению к представителям хотя бы некоторых национальностей испытывает негативные эмоции. Мужчины в большей степени, чем женщины являются противниками создания школ и национально-культурных центров. Так же негативное отношение к данной идее возрастает с ростом возраста респондентов: чем они старше, тем более типично для них негативное отношение.

Эксперты отмечают стабилизирующую, созидательную роль национальных объединений в сохранении межнационального баланса. По мнению экспертов, ни одно из зарегистрированных на территории автономного округа национальных объединений не ведет деструктивной работы, дестабилизирующей межэтнический баланс.

По мнению экспертов, миграция в ЯНАО из других регионов России, и особенно из ближнего зарубежья, вносит нестабильность в жизни постоянного населения, независимо от его национальности. Наиболее негативное влияние на социальную обстановку в целом и на межнациональную обстановку в частности оказывается нелегальной миграцией.

Эксперты отмечают, что органы власти способствуют дальнейшему развитию и укреплению уже сложившихся межнациональных отношений. В этой сфере ими осуществляется плотное взаимодействие с национальными объединениями в вопросах проведения национальных праздников, фестивалей, концертов, выставок и т.п. Поддерживаются инициативы национальных объединений по созданию возможностей для изучения родного языка для «малых» национальностей. Ведется работа по формированию в обществе мнения о равноправии всех наций, проживающих в регионе, по поддержке мирного сосуществования, негативного отношения к любым проявлениям и видам этнофобий. Политика, проводимая органами власти в межнациональной сфере, по мнению экспертов, действительно приносит свои плоды, и заслуживает высоких оценок.

Завершая анализ социологической информации, следует заметить, что динамика изменения межнациональной обстановки устойчиво позитивная: отношения были и остаются спокойными. Прогнозы экспертов относительно развития межнациональной обстановки в будущем так же положительные. Большая часть экспертов не видят никаких предпосылок для дестабилизации межнационального баланса. Некоторые эксперты смотрят на ситуацию несколько шире и отмечают, что обострения межнациональной обстановки в будущем возможны только в случаях планомерного, организованного раз-

жигания конфликта какими-либо серьезными националистическими, террористическими и т.п. группировками. Однако, таких хорошо организованных сил в настоящий момент в регионе не наблюдается, как не наблюдается и предпосылок для их создания. Кроме того, в случае их возникновения, окружные, городские, районные власти смогут своевременно и эффективно отреагировать на ситуацию и подавить зарождающийся конфликт.

А. С. Филатов

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И СОЦИУМ МАЛОГО СЕВЕРНОГО ГОРОДА

Развитие предпринимательства, ставшего с начала 1990-х гг. важным фактором социально-экономического развития российского общества, значительно дифференцируется в зависимости от происхождения и размеров бизнеса, отрасли, общих условий его становления — как определенной суммы благоприятных или неблагоприятных социально-институциональных факторов. Сами условия предпринимательской активности существенно разнятся в различных типах регионов и городов. Для городов российского Севера стимулирование развития предпринимательского сектора представляется особенно важным направлением социально-экономической политики, поскольку преодоление монопрофильного характера региональной экономики (нефтегазодобывающая промышленность), ее перспективная диверсификация невозможны без опоры на инновационные ресурсы предпринимательства. Особенно значимой эта проблема предстает в развитии малых северных городов Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов, к которым мы могли бы отнести городские поселения с населением до 50 тыс. чел., моноресурсным типом экономики (доминирование крупного градообразующего предприятия нефте— и газодобывающего профиля) и соответствующей ей социальной структурой. Они, как правило, исходно имеют меньше шансов на развитие предприятий альтернативных отраслей, и потому перспективы диверсификации их экономики зависят в основном от их предпринимательского потенциала.

Для всесторонней характеристики и оценки условий развития предпринимательства в городской среде целесообразно использовать уже апробированные методики оценки наиболее значимых факторов успешной предпринимательской деятельности. Американские экономисты Б.Берри и У.Гаррисон в своей известной работе 1958 г., посвященной т.н. теории «центрального места» (имеется в виду города, потенциально способные стать «полюсами» быстрого экономического роста), выделили параметры городской среды, которые существенны для развития предпринимательства и могут интегрально характеризовать благоприятные или неблагоприятные шансы городов на этом поприще:

(1) Наличие определенной **«критической массы»** (или «порога» численности) **населения** — в идеале, чем больше, тем лучше. Численность населения должна достигать таких размеров, чтобы в случае создания нового бизнеса даже случайный, «среднестатистический» спрос населения на его товар или услугу позволял бы вести этот бизнес на рентабельном уровне — прежде всего, за счет экономии масштаба. Это позволяет фир-

мам работать на неопределенный, гибко изменяющийся спрос и влиять на его формирование, т.е. более уверенно внедрять новые продукты и услуги, рассчитывая на то, что их будут потреблять. В небольшом поселении такого спроса может просто не быть, в то время как в большом городе с его дифференцированной социальной средой, большим разнообразием вкусов и потребностей вероятность формирования такого спроса гораздо выше.

(2) **Высокие доходы населения**, определяющие одно из главных условий успешного развития предпринимательства — наличие платежеспособного спроса.

(3) **Компактный характер города**, концентрация населения на относительно небольшой территории. Высокая «плотность» социальной среды, по общему правилу, сокращает необходимость развертывания широкой сети сбыта товаров и услуг, а также протяженность обслуживающих коммуникаций. В компактной среде повышается интенсивность оборота товаров и услуг существующей розничной сбытовой сети, что способствует росту конкуренции и, как следствие, повышению эффективности бизнеса и снижению цен на товары и услуги для потребителя.

(4) **Наличие производственной и социальной инфраструктуры**, позволяющей устойчиво развивать бизнес за счет существенной экономии на накладных расходах [1]

Экономист из Гарварда Р. Вернон отмечал, что размеры городского поселения определяют и другой важный фактор развития предпринимательства — «внешнюю экономию», достигаемую за счет того, что крупный город предлагает предпринимателю большое разнообразие партнерских фирм, поставщиков, рабочей силы разных профессий и квалификаций, разнообразные услуги и развитые объекты инфраструктуры. Предприниматель из этого разнообразия может выбрать то, что нужно для его бизнеса, по приемлемой, конкурентной цене. В небольших городах эти условия ведения предпринимательства особенно существенно лимитируют деловые возможности, поскольку цена вовлекаемых в оборот ресурсов определяется здесь не их конкурентной стоимостью, а остротой дефицита[2].

Эти общие закономерности, характеризующие условия и факторы развития предпринимательства в урбанизированной социальной среде, в малых городах Севера проявляют себя, как правило, с неблагоприятной стороны, лимитируя рост предпринимательства. К этим ограничениям добавляются специфически северные условия и факторы экономического и социального воспроизводства.

На севере Тюменской области масштабное экономическое освоение, связанное с развитием нефтегазодобывающей индустрии, происходило практически параллельно с первичным массовым заселением и урбанизацией территории, поскольку привлекаемые на Север трудовые ресурсы и составляли основную массу закреплявшегося здесь экономически активного населения. В большинстве возникших на Севере городов добывающие предприятия играли роль градообразующих и принимали на свой баланс всю их социальную инфраструктуру, автоматически погашая ее затраты. Узость производственно-отраслевой базы развития северных городов объяснялась, в свою очередь, повышенными затратами на организацию любой экономической деятельности, которая не могла рассчитывать на высокий уровень рентабельности и, следовательно, на крупные объемы внешних инвестиций.

Эта инерция существенно влияла на развитие северных городов и при переходе к рыночной экономике в 1990-е гг. Основным направлением рыночной трансформации на Севере явилась реструктуризация добывающих отраслей, выразившаяся в акционировании не только базовых корпораций отрасли, но и связанных с ними вспомогательных производств (строительные, транспортные, геологоразведочные и т.п.). Сохранение

[1] Berry B.L.J Garrison W.L. Recent Development of Central Place Theory // Papers and Proceedings of the Regional Science Association. 1958. No. 4. P. 107–120.

[2] Vernon R. Metropolis 1985. Cambridge (Mass.), 1960. P. 68–85.

высокой экономической конъюнктуры добывающих отраслей в трансформационный период способствовало стабилизации существующих трудовых коллективов и в целом основных пропорций социально-профессиональной структуры населения северных городов. В целом, в сфере занятости северных нефтегазодобывающих городов не наблюдалось таких значительных перемещений населения, какие имели место на «большой земле».

Расширение социальной потребности в развитии предпринимательского сектора на Севере было связано, прежде всего, с воздействием двух основных факторов: (1) стихийным ростом численности населения, в большинстве случаев превысившим первоначально запланированные размеры городов, что способствовало прогрессивному усложнению их социальной инфраструктуры и расширению социального спроса на товары и услуги; (2) необходимостью диверсификации экономической структуры добывающих городов, что обусловливалось обострением проблем занятости (в частности, для вторых членов семей, молодежи), а в перспективе, по мере истощения сырьевых ресурсов, будет обусловлено необходимостью развития замещающих производств. Можно сказать, что социальное развитие северных городов в трансформационный период в целом следовало — правда, более замедленными темпами — тем же тенденциям, что наблюдались в городах умеренной климатической зоны.

Между тем, развитие предпринимательского сектора на Севере сталкивается с гораздо более значительными трудностями, чем на «большой земле». Ю.Н.Бабец и В.Б.Маловецкий на примере севера Тюменской области выделяют следующие факторы, тормозящие развитие предпринимательства на Севере:

а) Неконкурентоспособность большинства производимых на Севере потребительских товаров и услуг (на уровне около 90% от всего объема). Их себестоимость существенно выше по сравнению с производимыми на юге — прежде всего, из-за повышенных расценок на зимние условия труда, поправочных коэффициентов к нормам выработки и более высоких (более, чем в 2,3 раза) средних норм оплаты труда (с учетом размеров районного коэффициента, «северных» льгот и т.п.). Весомым фактором удорожания производства товаров и услуг на Севере являются также высокие (в среднем вдвое выше, чем на юге) транспортные затраты и лимитирующие условия сезонного завоза-вывоза.

б) Ограничение конкурентоспособности товаров и услуг, производимых на Севере, лишь пределами узкого местного рынка, не дающего значительного эффекта экономии масштаба, в связи с чем и в создании замещающих производств можно рассчитывать лишь на местные рынки, обычно очень фрагментированные из-за очагового характера заселения. Реализация продукции предпринимательского сектора вне северных рынков жестко ограничена высокими транспортными затратами. В Тюменской области отмечена закономерность последовательного убывания конкурентоспособности товаров и услуг по мере движения с юга на север.

в) Высокий потенциал развитых производственных мощностей отраслей специализации (нефте— и газодобыча) и устойчивость связанных с ними популяций людей. Это объективно сужает социальное пространство для развития предпринимательства. Как правило, предложение рабочей силы для предпринимательского сектора резко ограничено в виду ее устойчивых профессионально-квалификационных параметров, ориентации большинства потенциальных работников на занятость в стабильно работающих базовых отраслях. Вместе с тем, высокий уровень заработной платы в базовых отраслях не создает достаточных стимулов для перемещения работников в ряды потенциальных предпринимателей[3].

[3] Бабец Ю.Н., Маловецкий В.Б. Особенности развития предпринимательства в Тюменском регионе // Социально-экономическое развитие регионов в переходный период. Материалы межрегионального научно-практического семинара (Екатеринбург, 5 апреля 2000 г.). Екатеринбург, 2000. С. 72–73.

К этим верным наблюдениям можно добавить еще три существенных фактора, которые по нашему мнению, существенно ограничивают потенциал развития предпринимательства на Севере:

— узость номенклатуры видов сырья и ресурсов, которые могут быть вовлечены в коммерческий оборот северных городов, или лимитирующие их использование повышенные нормы затрат на их освоение;

— низкая вероятность успеха организации наукоемких и нематериалоемких альтернатив в структуре производства северных городов (такие предложения высказываются), поскольку все такие производства будут терпеть неудачу из-за отсутствия соответствующей научно-образовательной среды, которая может формироваться только как результат длительных культурно-исторических накоплений;

— типичная для северных городов ситуация отложенного спроса, связанная с тем, что значительная часть их населения, занятая в базовых отраслях, ориентирована на аккумуляцию доходов с последующим приобретением товаров и услуг (прежде всего, дорогостоящих товаров длительного пользования и объектов недвижимости) в регионах с более благоприятными климатическими условиями и более развитой социальной инфраструктурой. Тенденция «вымывания» свободных денежных средств из северных регионов в столицы и другие крупные города — центры банковско-финансового оборота отмечается практически по всем северным регионам Российской Федерации (например, в Коми Республике с начала 1990-х гг. масштабы оттока свободных денежных средств населения в другие регионы достигали не менее 50% всего наличного оборота)[4].

Рассмотрим, как эти особенности развертывания предпринимательской активности проявляют себя в условиях конкретного северного города, на примере г. Лангепаса (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра), который относится к разряду малых городов. Лангепас, получивший статус города окружного подчинения в 1985 г., расположен на правом берегу Оби, в 545 км к востоку от окружного центра — г. Ханты-Мансийска. Не имея сельской округи и находясь на значительном расстоянии от других городских центров округа, Лангепас представляет собой классический пример северного города-«изолята». До настоящего времени социально-экономический профиль города определяется деятельностью градообразующего предприятия — ТПП «Лангепаснефтегаз» ООО «ЛУКОЙЛ – Западная Сибирь», на долю которого в 2004 г. приходилось 91% всего промышленного производства города[5].

1. **Численность постоянного населения** Лангепаса росла с 25,8 тыс. чел. в 1989 г. (итоги Всесоюзной переписи населения) и 30,2 тыс. чел. в 1992 г. (оценка)[6] до 37 182 чел. в 2002 г. (итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.) и 38 457 чел. (оценка на 1 января 2004 г.). Численность мужчин и женщин в составе населения распределялась примерно поровну (19 528 и 18 928 чел., соответственно)[7]. Небольшая численность населения и, как следствие, невысокий объем совокупного потребительского спроса допускают сравнительно быстрое его насыщение и даже избыточное предложение товаров, но они же являются самым существенным фактором, лимитирующим предпринимательскую активность, в виду незначительной экономии масштаба. Это обусловливает крайне низкую диверсификацию предлагаемых местным бизнесом товаров и услуг, а в некоторых случаях — полную несостоятельность отдельных направлений деловой активности.

---

[4] Проблемные регионы ресурсного типа: Экономическая интеграция Европейского Северо-Востока, Урала и Сибири. Новосибирск, 2002. С. 335.

Лангепас: итоги 2004 года. Интервью Главы муниципального образования И.В. Осипенко // Звезда Лангепаса (Приложение). 2005. 8 января. С. 4.

[6] Города России: Энциклопедия / Под ред. Г.М.Лаппо. М., 1994. С. 235.

[7] По данным Отдела сбора и обработки статистической информации Ханты-Мансийскстата в г. Лангепасе (15 февраля 2005 г.).

В отличие от крупных городов округа — в частности, Сургута, Нижневартовска (где численность населения в 7–8 раз выше), в Лангепасе крайне затруднена специализация в сфере производства и торговли — одно из главных условий повышения эффективности бизнеса. Как правило, здесь предпринимательская фирма для того, чтобы устойчиво развиваться, не может базировать свое производство на предложении какого-либо специализированного вида товара или услуг, но вынуждено развивать целый спектр направлений. Все эти трудности в значительной мере объясняются сравнительно небольшой численностью населения и, как следствие, низким уровнем диверсификации потребительского спроса.

2. Как важный и устойчиво функционирующий центр нефтедобычи в Среднем Приобье, город Лангепас характеризуется **сравнительно высоким уровнем доходов населения**, что является в целом благоприятным фактором для развития предпринимательства. При средней численности работающих в городе за январь–декабрь 2004 г. в 19145 чел., совокупный фонд начисленной заработной платы составил по городу более 4700 млн. руб., или в расчете на одного работающего — 21595 тыс. руб. в месяц (более 245 тыс. руб. в год). Всевозможные выплаты социального характера составили за этот же год чуть более 21 млн. руб. При этом оборот розничной торговли по городу за 2004 г. составил на душу населения 64175 руб., объем платных услуг — 16925 тыс. руб. (в т.ч. бытовых — 1306 руб.)[8]. Если исходить из цифры суммарных годовых доходов в расчете на душу населения в 122,8 тыс. руб. и суммарных расходов на оплату товаров и услуг в 81,1 тыс. руб., то получается, что в среднем каждый житель города тратит на приобретение товаров и услуг примерно 2/3 своего годового дохода, а 1/3, соответственно, характеризует объем отложенного спроса населения.

Однако даже эти суммарные средние цифры не могут достаточно точно характеризовать критически важный для развития предпринимательства объем **платежеспособного спроса населения**, поскольку в данном случае не учитывается ни фактор существенной дифференциации доходов по группам населения, ни структура потребления. Относительно высокий средний уровень заработной платы по городу формируется главным образом за счет работников градообразующего предприятия — ТПП «Лангепаснефтегаз». У других категорий работников она существенно ниже: по итогам 2004 г., средняя заработная плата работников бюджетных учреждений (с учетом единовременных выплат и премий) составила 11649 руб., работников муниципальных предприятий — 13247 руб. [9] Условно, по уровню доходов в любом типичном нефтедобывающем городе Тюменского Севера можно выделить высшую страту, составленную руководством городской администрации, начальниками муниципальных предприятий, руководством градообразующего предприятия, крупными, преуспевающими предпринимателями. Среднемесячные доходы этой страты варьируются в очень широких пределах — от 40 тыс. до 500 тыс. руб. Другая, низшая, страта состоит из рядовых рабочих (включая бригадиров и мастеров производства), врачей, учителей, служащих, мелких предпринимателей и т.п. Доходы этой страты колеблются в пределах от 5 тыс. до 40 тыс. руб. Наряду с группами населения, имеющими возможность делать крупные денежные накопления, существует немало семей, у которых баланс доходов и расходов сводится с большим трудом. Об этом косвенно говорят, например, такие факты: среди населения Лангепасе есть категория людей, средства которых позволяют им участвовать в аукционах по приобретению права на заключение договоров аренды земельных участков площадью более 1 тыс. кв. м, предназначенных под индивидуальное жилищное строительство[10], и в то же самое время есть те, кто не в состо-

[8] По данным Отдела сбора и обработки статистической информации Ханты-Мансийскстата в г. Лангепасе (15 февраля 2005 г.).

[9] Звезда Лангепаса. 2004. 25 декабря. С. 3.

нии оплачивать даже текущие услуги ЖКХ. Задолженность по оплате населением Лангепаса услуг ЖКХ составила на конец 2004 г. 26 млн. руб.[11] При столь существенных различиях в доходах, потребительский спрос на городском рынке формирует все-таки вторая из условно выделенных нами страт — и в количественном отношении (она во много раз больше первой), и с точки зрения притязательности к количеству и качеству предлагаемых товаров и услуг.

3. Город Лангепас в целом характеризуется **компактностью развития своей социально-жилой зоны**. Основная масса населения проживает на площади примерно в 6 кв. км; в этом периметре размещается практически вся социальная инфраструктура города (администрация города, офисы предприятий и фирм, магазины и другие торговые точки, предприятия сферы услуг, образовательные учреждения, спорткомплексы и т.п.). Производственные базы вынесены за пределы города (промзона). По этому параметру, условия развития предпринимательства в городе можно считать благоприятными. Наблюдается не только относительно высокая «плотность» размещения предприятий торговли и услуг в социально-жилой зоне города, но и известный эффект «перенасыщения» торговыми точками центра города. Это в целом имеет положительное значение для роста конкуренции и, соответственно, повышения качества предлагаемых населению товаров и услуг при сдерживании роста или снижении уровня цен. Сравнения, проведенные по 38 видам продовольственных и хозяйственных товаров повседневного спроса, показали, что по 33 из них в Лангепасе цены ниже, чем средние по округу (ноябрь 2004 г.)[12].

Однако этот положительный социальный эффект имеет противоречивые следствия. Высокая концентрация предприятий торговли и услуг в центре в значительной степени стимулируется администрацией города, которая в целях компенсации дефицита городского бюджета осуществляет торги по продаже муниципального имущества и земельных участков (чаще всего, в виде конкурсов на право аренды земли) для застройки под коммерческие цели в наиболее привлекательных частях города. При этом при проведении открытых аукционов наиболее ликвидные и ценные участки городской территории и здания, как правило, приобретаются уже состоявшимися в бизнесе, сильными предпринимателями, которые в результате расширяют зоны своего контроля и влияния. Сосредоточение в руках одного владельца 5, 10 или 15 значимых объектов социальной сферы (для города размеров Лангепаса — это заметная и часто достаточная для контроля над местным рынка величина) приводит к обратному эффекту — возможности отдельным предпринимателям диктовать свои условия местному рынку и устанавливать монопольные цены на реализуемые товары и услуги (что далеко не выгодно для широкого потребителя). Что касается предпринимателей-«аутсайдеров», то им уже приходится приспосабливаться к диктуемым условиям.

4. С точки зрения развития **городской инфраструктуры** как одного из параметров успешного ведения бизнеса, Лангепас нельзя отнести к числу преуспевающих городов. Можно говорить, прежде всего, о слабо развитой инфраструктуре рынка. Монопрофильная нефтяная ориентация города, его удаленность от источников промышленного сырья и рынков сбыта резко сокращают возможности появления альтернативной экономики. По этой причине развитие предпринимательства фокусируется, прежде всего, на строительстве и сфере торговли и услуг и, к тому же, не опирается в должной мере на формирование новых системных связей, индуцирующих возникновение смежных, подсобных и т.п. производств и услуг. По состоянию на конец 2004 г., из общего количества

[10] См., напр.: Звезда Лангепаса. 2004. 3 ноября. С. 3.
[11] Там же.
[12] Звезда Лангепаса. 2004. 6 ноября. С. 13.
[13] Там же. 22 декабря. С. 14.

малых предприятий по г. Лангепасу (89) промышленность представляли 13 (14,6%), строительство – 27 (30,3%), транспорт – 12 (13,5%), связь – 1 (1,1%), торговлю и общественное питание – 15 (16,8%), прочие виды деятельности – 21 (23,7%)[13]. Малые предприятия города, как правило, невелики по размеру: численность занятых на них на конец 2004 г. составила 610 чел., или в среднем 6,8 чел. на предприятие[14]. На деле, торговля и услуги представлены в структуре городского малого бизнеса гораздо весомее, поскольку эта сфера, помимо малых предприятий, объединяет множество индивидуальных предпринимателей без образования юридического лица, «полупредпринимателей», всевозможных «беспризорных» торговцев. Малый бизнес практически не проявил себя в таких преимущественно «квалифицированных» сферах бизнеса, как сельское хозяйство, информационно-вычислительное обслуживание, операции с недвижимостью, финансы, кредит, страхование, наука и научное обслуживание. Эта картина развития малого бизнеса в городе довольно стационарна и не отмечена за последние годы сколько-нибудь заметными структурными сдвигами.

Как правило, партнеров поставщиков местным предпринимателям приходится искать в других городах, рассчитывать на завоз всего и вся, а это, в свою очередь, мешает гибко регулировать объемы поставок и ассортимент товаров в ответ на динамичные изменения потребительского спроса. Существенную проблему представляет взаимодействие предпринимательства с местным рынком труда. Предложение рабочей силы для предпринимательства не отличается разнообразием специальностей и нужным уровнем квалификации. Среди ищущих работу основную массу составляют лица с невостребованными профессиями или низкой квалификацией. Притоку в бизнес кадров нужной квалификации препятствует, с одной стороны, мощная альтернатива в лице основного производства (нефтедобыча), где ставки заработной платы часто выше, чем доход мелкого предпринимателя, с другой – несоответствие профессионально-квалификационной структуры безработных вакансиям, имеющимся в предпринимательском секторе. Структура кадрового потенциала Лангепаса исходно в основном формировалась в условиях серьезного дисбаланса спроса и предложения на рынке труда, обусловленного монопрофильным развитием экономики. Численность работающих по отношению ко всему трудоспособному населению держится на уровне 70%; существует проблема занятости вторых членов семей, молодежи, включая выпускников учебных заведений, и ряда других категорий граждан[15].

Проведенный анализ позволяет придти к выводу о том, что предпринимательство в условиях малого северного города имеет низкие шансы к системному «самовоспроизводству», и поддержание успешной деятельности его «островков» в условиях монопрофильной структуры экономики представляет достаточно сложную проблему, требующую специальных управленческих подходов. Представляется также, что использованная нами схема анализа могла бы найти применение при «сквозном» исследовании развития предпринимательства в малых добывающих городах Севера Западной Сибири.

---

[14] Звезда Лангепаса. 2004. 22 декабря. С. 8.

[15] Пояснительная записка о выполнении «Прогноза социально-экономического развития города Лангепаса на 2002 год и параметрах социально-экономического развития города Лангепаса до 2004 года», за 2004 год и прогноз социально-экономического развития на 2005 г.

А. М. Незнаев

ЯМАЛ В СИСТЕМЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ПОЗИЦИЯ ВЛАСТИ И ОЖИДАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Стимулирование межрегиональной интеграции является сегодня одним из самых актуальных направлений региональной политики новой России. Свидетельство тому — наметившаяся в последнее время «объединительная» тенденция, воплотившаяся в проектах административно-политического слияния ранее самостоятельных субъектов Федерации с целью их укрупнения (что в свою очередь видится предпосылкой для совершенствования управления ими). В этом наглядно проявило себя представление о том, что административный фактор является едва ли не единственным и «самодостаточным» условием для решения всего комплекса интеграционных проблем. На деле же, развитие интеграционных связей между регионами представляет собой слишком сложную и многоаспектную задачу развития, чтобы она могла базироваться только на волюнтаризме политико-административных решений. Такая «поверхностная» интеграция (или «квазиинтеграция»), поощряемая и развиваемая лишь на уровне политических соглашений между властными инстанциями, как правило, оказывается малоэффективной. Административные изменения такого рода, по нашему мнению, будут результативными только в том случае, если они станут не импульсивными, волевыми решениями с неясными и плохо предсказуемыми последствиями, но закономерным завершающим оформлением реальных тенденций взаимовыгодного сотрудничества и сближения регионов в экономической, социальной и культурно-идеологической сферах. Жизнеспособная стратегия межрегиональной интеграции невозможна без отработки и «включения» механизмов усиления «низовых» экономических, социальных и культурных связей между региональными сообществами, поскольку ее социальная эффективность зависит от того, в какой степени и насколько точно в ее программах учтены интересы каждого из вступающих во взаимодействие регионов во всех важнейших сегментах — прежде всего, на уровне власти, населения, делового сообщества. Важным условием действенности курса на межрегиональную интеграцию становится также достижение консенсуса относительно ее стратегических целей и задач между региональной властью и населением региона, поддержание между ними эффективной «обратной связи».

В последнее время, в связи с переходом Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов на новую схему межбюджетных отношений с югом Тюменской области и разработкой областной целевой программы «Сотрудничество», призванной объединить ресурсы для реализации «дальнейшего развития интеграционных процессов в экономике и социальной сфере» трех регионов «на основе наличия общих интересов и общей задачи обеспечения достойной жизни граждан»[1], закономерно встает вопрос о том, насколько далеко должно идти такое интеграционное взаимодействие, какие принципы и целевые установки должны лежать в его основе. С целью выяснения этого вопроса нами было в мае 2006 г. предпринято массовое социологическое исследование в Ямало-Ненецком автономном округе, призванное выявить позиции населения региона и его экспертного сообщества (фактически, отражающего позицию властного истэб-

[1] Постановление Совета губернаторов Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа «О механизме реализации мероприятий областной целевой программы «Сотрудничество» № 156/СГ от 14 марта 2006 г.

лишмента округа) по вопросу отношения к межрегиональной интеграции и ее роли в социальном развитии округа [2].

Результаты диагностической стадии массового и экспертного опросов, призванной выявить текущее состояние и степень социального развития Ямало-Ненецкого автономного округа (как возможную исходную базу формулирования целей и направлений межрегиональной интеграции), показали, что подавляющее большинство населения региона рассматривает его преимущественно как вполне «благополучный» (72%). Еще 2% респондентов отнесли округ к разряду «очень богатых» регионов, а 14% — просто «богатых». При этом две трети опрошенных экспертов округа отметили также, что в межрегиональном обмене ЯНАО выступает в роли региона-«донора», т.е. перераспределяет свои доходы в пользу других регионов.

Однако это не означает, что жители округа с большим положительным перевесом или вообще позитивно оценивают уровень его социального развития. По таким определяющим его направлениям, как «наличие эффективной многоотраслевой экономики», «хорошие условия для досуга, спорта и туризма», «уровень доходов населения», «удовлетворенность уровнем жизни населения» преобладают негативные оценки. Очень незначителен перевес положительных оценок в ЯНАО по таким направлениям социального развития, как «наличие многопрофильной и многоуровневой системы образования», «наличие достаточного ассортимента социальных услуг».

По результатам социологического исследования, нами были выделены и ранжированы (за основу ранжирования взяты оценки населения) десять приоритетных для населения и экспертов социальных проблем Ямало-Ненецкого автономного округа (см. табл. 1):

Таблица 1

Приоритетные социальные проблемы ЯНАО (в % от числа ответивших)

Ранг проблемы	Проблема	Оценка населения	Оценка экспертов
1	Борьба с распространением наркотиков	66	67
2	Организация свободного времени молодежи	53	69
3	Трудоустройство и переобучение безработных	56	55
4	Снижение цен на товары и услуги	54	35
5	Эффективная диагностика и лечение граждан, санитарная безопасность	52	57
6	Справедливое распределение квартир	52	37
7	Обеспечение качественным образованием	48	57
8	Социальная помощь и поддержка инвалидов	47	29
9	Обеспечение безопасности граждан и их семей	46	38
10	Своевременная выплата пособий, пенсий	45	19

[2] Программа социологического исследования была разработана при участии автора кафедрой социологии и управления общественными отношениями Уральской академии государственной службы под руководством д.с.н., проф. В.Г.Попова. В Ямало-Ненецком автономном округе, согласно выборке, отражающей основные социально-демографические параметры населения региона, было опрошено в ходе массового опроса 1100 респондентов в городах Салехарде, Надыме, Новом Уренгое, Муравленко, Губкинском, Ноябрьске, Ямальском и Шурышкарском районах. Участниками экспертного опроса стали 180 экспертов, представляющих государственных служащих федеральных и региональных органов управления, депутатов всех уровней, глав муниципальных образований, специалистов региональных органов управления, лидеров общественных, профсоюзных и религиозных организаций региона.

Характерно, что в «десятку» самых значимых социальных проблем региона проблем не попали защита коренных народов и сохранение национальных культурных традиций (20% и 36% в оценках населения и экспертов, соответственно), приобщение к физкультуре и спорту (35% и 38%), сокращение числа безнадзорных и беспризорных детей (32% и 23%), регулирование нелегальной трудовой миграции (21% и 41%), развитие малого и среднего бизнеса (18% и 59%) и др.

Обращает на себя внимание и известное расхождение в оценках значимости ряда социальных проблем в глазах населения и экспертов. Со стороны массового респондента отмечается тенденция придавать большее значение, по сравнению с экспертами, решению текущих острых проблем социального благосостояния населения Ямала (своевременная выплата пособий, пенсий, социальная помощь и поддержка инвалидов, справедливое распределение квартир, безопасность граждан, сокращение числа безнадзорных детей, снижение цен на товары в торговой сети), имеющих явный «потребительский» уклон. В то же время оценки экспертов ЯНАО большее значение придают решению социальных проблем, имеющих системное и перспективное для развития округа измерение и не затрагивающих непосредственно жизненный уровень рядового жителя региона (обеспечение качественного образования, организация свободного времени молодежи, регулирование нелегальной трудовой миграции, развитие малого и среднего бизнеса, защита коренных народов и их традиций). В этих расхождениях оценок отражены, на наш взгляд, различия в перспективном горизонте и глубине аналитического осмысления социальных проблем, характерные для региона, находящегося в фазе активного освоения. Здесь вполне понятны и доминирование текущих социальных проблем в глазах населения, и опережающий их разрешение системно-проективный подход местной власти к развитию региона. Объективно, недостаток консенсуса между представителями региональной власти и населения в оценке ряда приоритетов социальной политики на Ямале затрудняет выработку ее оптимального, согласованного во всех аспектах курса.

Как бы то ни было, этот комплекс нерешенных социальных проблем ЯНАО, теоретически, мог бы служить отправным моментом для формулирования позиции округа относительно тех своих региональных интересов, которые могли бы быть удовлетворены за счет ресурсов межрегиональной интеграции. По крайней мере, пять из десяти обозначенных выше приоритетных социальных проблем округа могут быть эффективно решены только при опоре на тесное сотрудничество с другими, прежде всего, сопредельными, регионами. Однако общая конфигурация социальных проблем Ямала на поверку оказывается такова, что скорее провоцирует настроения «самодостаточности» и изоляционизма: ряд нерешенных социальных проблем в этом контексте воспринимаются скорее как временные издержки, неизбежно сопутствующие стадии первичного ресурсного освоения и могущие в принципе быть преодолены силами самого региона за счет доходов от добычи природного газа. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что 76,7% экспертов ЯНАО оценили реализуемую в округе стратегию регионального развития как оптимальную или близкую к таковой. В то же время вся инерция предшествующего исторического развития Севера, когда он практически безвозмездно отдавал свои богатства стране, подкрепляет серьезные опасения населения относительно ухудшения своего социального положения в результате принятия курса на тот или иной вариант более тесного, чем сейчас, межрегионального взаимодействия. Боязнь утраты регионом более или менее стабильного социального положения превалирует над ожиданием возможных выгод от интеграции.

Очевидно, что гораздо более выраженную позитивную ориентацию на интеграцию и даже на полное административное поглощение более сильным «соседом» можно было бы ожидать в случае, если бы речь шла о «бедных», неблагополучных регионах, как это и было зафиксировано в ходе прошедших по стране в последнее время региональных

референдумов (в Коми-Пермяцком, Таймырском, Эвенкийском и Усть-Ордынском бурятском автономных округах). В пользу неслучайности выявленной нами позиции жителей ЯНАО относительно интеграции говорит тот факт, что в этом северном регионе к настоящему времени в основном сформировался консолидированный региональный социум, отождествляющий свои интересы с данной территорией. По результатам нашего опроса, на 80% население округа сегодня состоит из тех, кто проживает в округе более 10 лет, т.е., фактически, является постоянным жителем Севера. Можно предполагать, что доминирование временных работников в структуре населения региона благоприятствовало бы установке на поддержание как можно более тесных связей с «большой землей»; для людей же, постоянно проживающих в северном регионе, вполне естественным становится отстаивание своих особых социально-территориальных интересов при настороженном отношении к любым возможным изменениям в системе связей региона с «югом». Ямал в оценке его жителей воспринимается исключительно в позитивном контексте как регион, обладающий положительным имиджем, сформированной системой управления, оптимальным демографическим балансом, высоким уровнем занятости, развитой системой здравоохранения, низкой степенью социальной и межнациональной напряженности.

Все это в сильнейшей степени влияет на представления населения и экспертного сообщества Ямала относительно необходимости развития межрегиональной интеграции в условиях Севера. На вопрос «Необходима ли интеграция для развития Вашего региона?» население и эксперты ответили следующим образом (см. табл. 2):

Таблица 2

Мнения населения и экспертов ЯНАО относительно необходимости межрегиональной интеграции для развития региона (в % от числа ответивших)

Ответы	Население	Эксперты
Да	35	19,3
Скорее да, чем нет	16	30,7
Скорее нет, чем да	10	26,7
Нет	21	17,3
Затрудняюсь ответить	18	6,0
ИТОГО	100	100

Обращает на себя внимание тот факт, что оценки респондентов, представляющих население, оказались более определенны и категоричны: в частности, более трети респондентов определенно высказались в пользу интеграции, одна пятая — против. Значительна оказалась пропорция тех, кто затруднился с ответом на этот вопрос (почти одна пятая). В целом же в том или ином виде более половины респондентов склонны поддержать курс на межрегиональную интеграцию, около трети — скорее бы отказались от нее. В разбросе ответов экспертов и позитивная, и негативная оценки необходимости межрегиональной интеграции гораздо менее определенны; основная пропорция ответов отражает колебания между нетвердой позицией «за» и такой же позицией «против». Среди экспертов минимальна доля тех, кто не сформировал своего отношения к проблеме. Такое распределение ответов весьма показательно. С большой вероятностью можно объяснить более определенное положительное отношение к интеграции среди населения тем, что значительная его часть имеет родственные и иные тесные связи с «большой

землей», с другими регионами России и стран СНГ и была бы заинтересована в их нарастающем развитии. В позиции экспертов отчетливо проявляется уже сугубо политический момент. Более половины их выражают не вполне определенное отношение к интеграции при невысокой доле ее последовательных сторонников. Можно говорить о том, что в структуре мнений представителей властных и общественных структур Ямала в большей степени выражены стремление к «автономности» региона, склонность не считать вопрос о необходимости целенаправленного развития интеграционных процессов предрешенным.

Недостаточно сформированную позицию регионального сообщества Ямала в отношении необходимости межрегиональной интеграции в какой-то степени объясняют ответы населения на вопрос о том, почему Ямал не нуждается в интеграции с другими российскими регионами. В этой части опроса в полной мере выявились те опасения и риски, которые население округа связывает с наращиванием интеграционных связей: это — опасения по поводу усиления негативных явлений в социальной сфере (31%), перенаселенности и роста безработицы (38%), потери управленческой самостоятельности (48%), ухудшения социально-экономического положения региона (37%), ухудшения условий для решения жилищных проблем (26%). Отметим тот примечательный факт, что гарантии своего социального благополучия без малого половина респондентов связывает именно с сохранением управленческой самостоятельности автономного округа. В гораздо меньшей степени опасения населения по поводу негативных социальных последствий интеграции коснулись таких составляющих социального благополучия, как условия для досуга и отдыха (2%), возможности в сфере культуры, образования и медицинского обслуживания (11%), условия развития малого бизнеса (10%). И это неслучайно, поскольку данные направления региональной социальной политики объективно затрагивают те параметры регионального образа жизни, которые могут только выиграть от интенсификации межрегиональных связей.

Постановка вопроса о необходимости и желательности интеграции в несколько иной смысловой плоскости — с точки зрения заинтересованности населения Ямала в межрегиональной интеграции — дала в целом похожие результаты. Только треть респондентов выразила в той или иной мере свою заинтересованность в развитии межрегиональной интеграции, причем доля категоричных позитивных ответов составила только 18% от общего числа опрошенных. Однако, баланс положительных и отрицательных ответов на вопрос оказался в целом отрицательным: 42% опрошенных определенно заявили о своей незаинтересованности в интеграции, еще 13% ответов склонились скорее к этой же позиции.

Для определения позиции регионального сообщества в отношении интеграции принципиально важным является выяснение того, какое содержание вкладывает его экспертное «ядро» в понятие «межрегиональная интеграция». В ходе исследования обнаружилось, что более двух третей экспертов в ЯНАО (69,3%) предпочли бы сегодня рассматривать интеграцию в самом широком, до известной степени «факультативном» смысле — как налаживание контактов, развитие экономического, социального и культурного взаимодействия регионов. При этом каждый седьмой-восьмой эксперт в округе (12%) связывает интеграцию с необходимостью восстановления традиционных и развития новых межрегиональных связей внутри и вне Российской Федерации. В последнем случае, вероятнее всего, имеются в виду регионы Ближнего Зарубежья — бывшие республики СССР, выходцы из которых участвовали и участвуют в освоении Ямала.

Совершенно отчетливо продемонстрировано экспертным сообществом Ямала неприятие на данный момент любых форсированных — прежде всего, административно-политических — вариантов межрегиональной интеграции, связанных с разного рода слияниями, объединениями регионов, поглощением одним из них другого. Только каждый десятый из экспертов ЯНАО согласился рассматривать интеграцию именно в таком

ключе. Еще меньше экспертов (4% от числа ответивших) поддержали ту или иную форму объединения регионов в русле общего усиления централизации управления Россией. Лишь примерно 3% ответивших экспертов затруднились назвать предпочтительный для них вариант межрегиональной интеграции.

Можно обоснованно говорить о том, что недостаток позитивного восприятия межрегиональной интеграции на Ямале связан в первую очередь с тем, что населением она видится, прежде всего, в свете тех или иных административно-политических решений по изменению статуса региона, утраты им управленческой самостоятельности в результате объединения. К такому пониманию интеграции население подталкивают, конечно, и прежний опыт развития ЯНАО под административным управлением Тюменской области и то, в какой преимущественно форме мыслятся и обсуждаются сегодня в Российской Федерации варианты межрегиональной интеграции (административно направляемая «объединительная» тенденция).

С этой точки зрения важно понять, как и по каким каналам формируются представления населения Ямала о межрегиональной интеграции. Исследование этого вопроса позволило установить, что имеет место неадекватное, а иногда и спекулятивное информационное воздействие на население по вопросам межрегиональной интеграции. Выяснилось, что в ЯНАО население в основном не информировано об этих проблемах: две трети практически незнакомы с такой информацией, каждый четвертый респондент встречается с ней редко и лишь каждый десятый считает себя вполне информированным в этом вопросе. В подавляющем большинстве случаев источником информации о межрегиональной интеграции выступает в округе телевидение, в меньшей степени — газеты, в то время как велика доля таких неформальных информационных источников, как разговоры, слухи на работе и дома (27% от числа ответивших). 15% респондентов ориентируется на выступления руководителей как на источник информации по вопросу. В этой связи представляется, что развертывание интеграционных процессов на Севере должно опираться на соответствующее им по интенсивности, а также, по возможности, объективное и регулярное информационное обеспечение в масштабе всех взаимодействующих регионов.

Исследование также показало, что для жителей Ямала их текущее отношение к межрегиональной интеграции не есть отношение к интеграционным процессам вообще, а, скорее, выражает отношение к тем конкретным формам и последствиям интеграции, с которыми до сих пор сталкивался северный регион. Об этом говорит тот факт, что население округа в целом положительно воспринимает происходящие в мире и в стране интеграционные процессы — от европейской интеграции до создания Уральского федерального округа. Об этом наглядно свидетельствуют и наиболее типичные экспектации, реализации которых население хотело бы видеть в развитии межрегиональной интеграции (в порядке их ранжирования): повышение уровня жизни населения (68%), улучшение социально-экономической ситуации (44%), рост образования и культуры (42%), сокращение «лишнего» населения (34%), больше возможностей для решения жилищных проблем (30%). Следовательно, в центре внимания населения Ямала — в основном ожидание решения тех злободневных проблем, которые связаны с привлечением ресурсов из других российских регионов — дополнительных финансовых инвестиций, использование их возможностей для развития системы образования и сферы культуры, жилищного строительства. Большие надежды северяне связывают с сокращением населения, прежде всего, организацией переселения тех из них, кто хотел бы, но сегодня не в состоянии, вернуться на «большую землю» по материальным и иным причинам. Очевидно, что программы переселения, в частности, пенсионеров с Севера в другие российские регионы невозможно осуществить без взаимодействия управленческих систем, готовности социально-экономической инфраструктуры, формирования положительного отношения к этому местного населения и др.

В том, что касается наиболее предпочтительных географических векторов и связанных с ними форм интеграционного взаимодействия, позиции населения и экспертов дали следующую картину (см. табл. 3):

Таблица 3

Оценка населением и экспертами ЯНАО наиболее предпочтительных географических направлений и форм межрегиональной интеграции (в % от числа ответивших)

Формы интеграции	Население	Эксперты
Слияние в единое административно-территориальное образование	16	7
Активное и взаимовыгодное взаимодействие с пограничными регионами Урала и Сибири	18	27
Сотрудничество с югом Тюменской области	28	15
Экономическое, социальное, культурное и политическое сближение со всеми регионами России	29	45
Другое	0	2
Затрудняюсь ответить	8	4
ИТОГО	100	100

Как видно из таблицы 3, оптимальным вариантом для развития интеграционных связей Ямала его население, а в еще большей степени — эксперты считают экономическое, социальное, культурное и политическое сближение и взаимодействие со всеми регионами России, однако довольно значительна и доля тех, кто высказался за приоритетное сотрудничество с югом Тюменской области. Последний показатель, как мы отмечали выше, отражает тесные исторические и человеческие связи населения округа с югом области, который долгое время выступал опорной базой освоения богатств Ямала. Однако, примечательно, что у экспертов, компетентно отражающих позицию региональной власти, этот вариант интеграции набрал значительно меньше голосов и переместился на третье место. Лишь на общем третьем месте по значимости находится пространственно ограниченный вариант взаимодействия с пограничными регионами Урала и Сибири. Это косвенно отражает тот факт, что ЯНАО по диапазону и масштабу своего воздействия на страну перерастает узко региональные рамки. Наконец, фактически не находит массовой и экспертной поддержки вариант слияния округа с другими регионами в единое административно-территориальное образование.

Приоритетными способами и каналами интеграции и население, и эксперты Ямала видят, прежде всего, усиление экономического взаимодействия между предприятиями (53% и 52%, соответственно). Важное направление интеграции население видит также в реализации программ, направленных на выравнивание социального положения во взаимодействующих регионах (35%) — позиция, которую эксперты разделяют в меньшей степени (23%). Очень важными в глазах населения, а еще больше — экспертов являются задачи формирования общего информационно-коммуникативного пространства взаимодействующих регионов (18% и 36%) и их духовно-культурной общности (18% и 23%). Вместе с тем, явно низкий рейтинг занимают задачи организации любых

форм политического сотрудничества (8% и 11%) как содержащих угрозу утраты регионом собственного политического лица.

Проведенный анализ в целом показал, что межрегиональная интеграция потенциально является очень важным направлением региональной политики на Севере и может в реальности стать таковым, если будет опираться на строгий учет интересов и ожиданий населения взаимодействующих регионов и не будет связана с искусственным форсированием интеграционных процессов, опережающим достижение их первых позитивных результатов.

М. В. Нежина

СИСТЕМА ОБЩЕСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО И КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИАМУРСКОГО КРАЯ
(вторая половина XIX – начало XX вв.)

Система общественного управления крестьянского и коренного населения Приамурского края, сложившаяся в дореволюционный период, является малоизученной в отечественной исторической литературе. Не будучи до настоящего времени темой специального исследования, она представлена фрагментарными сведениями о структурных элементах, вопросах компетенции, проблемах и направлениях функционирования сословного самоуправления земледельцев и аборигенов в обобщающих изданиях главного переселенческого управления и общеземской организации[1], фундаментальных трудах по истории Сибири и Дальнего Востока[2], работах П.Ф. Унтербергера, А.И. Крушанова, Л.М. и И.Л. Дамешек[3] и других. Некоторые аспекты преобразования общественного управления нашли отражение в ежегодных отчетах приамурских генерал-губернаторов[4] и военных губернаторов областей[5].

В данной статье представлены результаты исследования по изучению исторического опыта формирования системы общественного управления у крестьян и коренных жителей Амурской и Приморской (материковая часть) областей в дореволюционный период. Комплексное использование разнообразных источников, введение в научный

---

[1] См., например: Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. Люди и порядки за Уралом; Живописная Россия. СПб., 1895. Т. 12. Ч. 2.: Восточные окраины России. Приморская и Амурская области; Приамурье. Факты, цифры, наблюдения. М., 1909.

[2] См., напр.: История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1968. Т.3; История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII – февраль 1917 г.). М., 1991.

[3] См., напр.: Унтербергер П.Ф. Приморская область 1856–1898 гг. СПб., 1900; Он же Приамурский край. 1906–1910 гг. СПб., 1912; Крушанов А.И. Октябрь на Дальнем Востоке. Владивосток, 1968. Ч. 1; Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – нач. XX в.). Иркутск, 1986; Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Управление народами Сибири и дальнего Востока (XVII – нач. XX вв.) // Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII–XX вв. (к 350-летию начала похода В.Д. Пояркова на Амур). тезисы докладов и сообщений. Владивосток, 1993. Вып. 1. С. 20–22.

[4] См., напр.: Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Духовского. 1893–1895 гг. СПб., 1895; Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора Гродекова. 1898–1900 гг. Хабаровск, 1901; Отчеты Приамурского генерал-губернатора за 1883–1885, 1886–1891, 1896–1897, 1898–1900, 1901–1902, 1906–1907 гг.

[5] См., напр.: Всеподданнейший отчет военного губернатора Амурской области за 1912–1913 гг. Благовещенск, 1915; Всеподданнейший отчет военного губернатора Приморской области генерал-лейтенанта Чичагова за 1900 год. Владивосток, 1901; Всеподданнейшие отчеты военного губернатора Приморской области за 1907–1908 гг.

оборот новых, преимущественно архивных, документов (материалы делопроизводства общественных учреждений), позволяют в значительной мере восполнить теоретический пробел в истории регионального самоуправления.

В современной общественно-политической ситуации характерной ростом этнической и региональной идентичности в статье выявляется специфика становления и развития общественного управления, в том числе коренного населения. Результаты исследования могут представлять интерес для обобщающей работы по проблемам современной взаимоадаптации пришлого и коренного населения в масштабах Сибири или отдельных ее регионов с ярко выраженной коренной этнической составляющей.

Процесс формирования крестьянского общественного управления на территории Приамурья и Приморья начался в середине XIX в., одновременно с открытием и освоением региона. Создание общественных структур у местного земледельческого населения вызывалось практическими задачами скорейшего обустройства и народнохозяйственного использования вновь присоединенного пограничного края. Однако значительным препятствием, как в становлении системы крестьянского самоуправления, так и в решении колонизационных проблем, стало отсутствие необходимых условий (прежде всего демографических и экономических). Эволюция института самоуправления амурского крестьянства в дореволюционный период включает несколько этапов, различающихся изменением его правового статуса:

1. 1856–1882 гг. — появление первых элементов общественного управления в процессе крестьянского переселения и начального освоения берегов Амура.

2. 1882–1902 гг. — преобразование общественного управления приамурских крестьян на основании Общего Положения о крестьянах (19.02.1861 г.).

3. 1902 – февраль 1917 гг. — усиление административно-полицейского контроля над крестьянским самоуправлением. Введение института крестьянских начальников в Амурской и Приморской областях.

В рамках первого этапа на основаниях, признанных на первое время «удобоприменимыми к краю и достаточными для управления», сложилась упрощенная структура крестьянского общественного управления[6] Низшим звеном являлось сельское общество, образуемое причисленными в местные крестьяне земледельческими переселенцами, проживающими на территории одного поселения (не менее 15 дворов)[7] На сельском сходе крестьяне избирали на трехлетний срок главу общества — начальника (старосту, старшину), кандидатура которого утверждалась военным губернатором области[8] Состав, предметы, пределы власти и ответственность сельского управления определялись общими правилами Сибирского Учреждения, подготовленного генерал-губернатором Сибири М.М. Сперанским и высочайше утвержденного 22 июля 1822 года. Надзор за деятельностью общественного управления осуществляли полиция и военный губернатор. Постепенно планировалось распространить на регион и волостное правление, представленное мирским сходом старшин селений, входящих в волость, волостным головой и писарем[9] Однако волости, как территориальные единицы, появились в дальневосточных областях только в 1880-е годы.

---

[6] Высочайше утвержденное Положение об управлении Приморской области Восточной Сибири // Дальний Восток России в материалах законодательства. 1856–1861 гг. Владивосток, 2002. С. 6–18; Высочайше утвержденное Положение об управлении Амурской области // Там же. С. 54–63.

[7] Живописная Россия. М.; СПб., 1895. Т. 12. Ч. 2. С. 361; Краткий очерк Приамурского края (по официальным данным). СПб., 1892. С. 13; Романов В.Ф. Дальний Восток // Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 520.

[8] РГИА ДВ. Ф. 704. Оп.1. Д. 1. Л. 25.

[9] Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. В 2 т. СПб., 1872. Т. 2. С. 255; История Сибири. В 5 т. Л., 1968. Т. 3. С. 72.

Отмена крепостного права в 1861 г. потребовала унификации общественного устройства и управления российского крестьянства. За основу были взяты принципы самоуправления, сложившегося у государственных крестьян европейской части страны по реформе П.Д. Киселева (1838 г.). Все земледельческое сословие передавалось в ведение общих губернских и уездных учреждений, одновременно создавалась двухуровневая система общественного управления: волостное и сельское. Преобразования осуществлялись в регионах страны не единовременно, а индивидуально, с учетом местных особенностей и возможностей. Так, в Европейской России оно началось указом 18 января 1866 г., в Западной Сибири – 29 ноября 1879 года. В Приамурском крае, до 1884 г. являвшегося составной частью Восточной Сибири, образование сельских обществ и волостей, а также сельского и волостного управлений на основаниях, изложенных в Общем Положении о крестьянах 19 февраля 1861 г. и в дополнительных к нему постановлениях, официально разрешено императорским указом 27 мая 1882 года. По мнению Совета главного управления Восточной Сибири, возможность проведения реформы крестьянского управления в регионе имелась еще в 1871 г., поскольку крестьяне находились в ведении общих губернских и уездных учреждений «существующим положением дела»[10] Основные принципы Положения 19.02.1861 г. без затруднения могли быть применены к крестьянскому населению Амурской области, проживающему по р. Зее и ее притокам, которое в 1871 г. состояло из 27 селений, расположенных на расстоянии 200 верст с населением в 2300 душ мужского и 2112 душ женского пола. В Приморской области, где малочисленное крестьянское население было разбросано на больших расстояниях, а также в крестьянских селениях Амурской области, находящихся вверх и вниз по Амуру от Благовещенска, полное применение указанного Положения не представлялось возможным. В виду этого, Совет вышел с предложением предоставить право руководствоваться данным законодательным документом губернским и областным начальствам в управлении крестьянами, «насколько позволят местные обстоятельства», с предварительного разрешения генерал-губернатора. Однако, изучив мнение местной администрации относительно возможности и целесообразности применения начал Положения 1861 г. к земледельческому населению Приамурья и Приморья, правительство отложило принятие решения до начала 80-х гг. XIX века.

Процесс преобразования крестьянского общественного устройства и управления в Приамурском крае сопровождался рядом особенностей[11] Во-первых, пределы отдельных волостей, как по числу жителей, так и по наибольшему расстоянию отдельных селений от центра волостного управления, устанавливал генерал-губернатор, предварительно рассмотрев дело сначала в губернском Совете, а затем в Совете главного управления Восточной Сибири. Во-вторых, наблюдение за общественным управлением крестьян, рассмотрение жалоб на действия должностных лиц сельского и волостного управления и наложение на них административных взысканий в случае нарушения ими служебных обязанностей, возлагалось на земских заседателей и особые присутствия. В Благовещенске особое присутствие учреждалось сначала под председательством окружного судьи, в составе чиновника особых поручений при военном губернаторе (он же – заведующий крестьянами), окружного стряпчего и казначея. С 1898 года его состав несколько изменился: председательствовал в присутствии вице-губернатор Амурской области, а с введением в Приамурском крае податной инспекции, уездных казначеев заменили податные инспектора[12] Жалобы на постановления крестьянских присутствий в Амурской области приносились губернатору. Одновременно вводилось две должности земских заседателей с назначением им содержания по 600 руб. в год. Из них одна поло-

[10] ГААО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 3.
[11] Там же. Ф.15-и. Оп. 1. Д. 45. Л.1.
[12] РГИА ДВ. Ф. 712. Оп. 1. Д. 23. Лл. 2-а об., 3, 4.

вина суммы выдавалась в виде жалованья, а другая — в виде столовых. Помимо этого, каждому заседателю полагалось по 300 руб. в год на канцелярские расходы. Государственное финансирование содержания земских заседателей в области началось с 1 января 1883 года[13] После 1887 г. содержание чиновников по крестьянским делам относилось на счет земских сборов. С введением штатов Амурского окружного полицейского управления, с 1 апреля 1889 г. должности земских заседателей и чиновника, заведовавшего крестьянами, упраздняются, а на их место учреждаются должности начальников округов с канцелярией и трех участковых приставов. К ним перешли обязанности по наблюдению за общественным управлением крестьян[14] Как справедливо отмечал по этому поводу в своем отчете Приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской: «Возложение обязанностей мировых посредников на чиновников полиции, у которых и по их прямой должности всегда бывает много дел, в то же время на них лежали обязанности судебных следователей, было крайне неудобным для крестьян и обременительным для чиновников» [15]

Создание учреждений крестьянского общественного управления и последующее их функционирование строилось на основе специально разработанных в главном управлении Восточной Сибири документов (инструкций, правил), отражающих особенности регионов[16] Руководство преобразованием общественного устройства и управления восточносибирских крестьян возлагалось на губернаторов, и рекомендовалось производить постепенно, учитывая местные условия.

Крестьянское общественное управление на началах Общего Положения 1861 г. в Приамурском крае формировалось в процессе реализации его в Амурской области. К началу реформ на ее территории находилось 5 сельских обществ, расположенных на небольшом расстоянии друг от друга, уже устроенных на началах указов 19 февраля 1861 года. Предполагаемое общественное устройство должно было распространиться на 7800 душ обоего пола[17] Формирование волостного и сельского правления в Приамурье отложилоья в архивных документах того времени. Детальное изучение содержания материалов делопроизводства крестьянского общественного управления позволяет выделить в нем несколько последовательных этапов[18] Подготовительная работа началась в конце 1882 г. и включала два основных направления: избрание доверенных на сельских сходах, составивших особое собрание под началом заведующего крестьянами Амурской области, где и решался вопрос об образовании волостей и сельских обществ в соответствии с законом, а также сбор необходимых сведений, обеспечивающих учет местной специфики в процессе осуществления реформы. К их числу относились: сведения о численности населения, количестве дворов, расстоянии межу селениями и от каждого из них до г. Благовещенска, о состоянии дорог от селения до селения и т.п. Этап практической реализации крестьянского законодательства начался 1 декабря 1883 г., когда, по распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири из существовавших в Амурской области сельских обществ было образовано 6 крестьянских волостей: Амурско-Зейская, Томская, Черемховская, Ивановская, Гильчинская и Завитинская[19] Важ-

[13] ГААО. Ф.15-и. Оп. 1. Д. 45. Л. 1–1 об.

[14] РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 216. Лл. 1–3.

[15] Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Духовского 1893–1895 гг. СПб., 1895. С. 137.

[16] Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Иркутск, 1883. Т. VI. Вып. 1. С. 102.

[17] Журнал Главного Комитета об устройстве сельского состояния (1 и 15 февраля 1882 г. № 3) // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Иркутск, 1883. Т. XVI. Преобразование общественного управления государственных крестьян Восточной Сибири. Вып. 1. С. 78.

[18] ГААО. Ф. 15-и. Оп. 1. Д. 45. Л. 3.

[19] Там же. Л. 10.

но, что при проектировании разделения волостей, губернаторам областей предписывалось принять во внимание интересы сельских жителей и приступать к новому разделению не иначе, как с их ведома и согласия на сходах. Учитывались также и финансовые возможности крестьянских обществ. В частности, относительно отдаленных поселений генерал-губернатор отмечал, что дальность расстояния от центра волости не может служить главным основанием для образования отдельных сельских обществ (взамен волостей). Хотя последнее и допускалось, но при этом следовало обратить особое внимание на то, «могут ли эти общества численным составом своего населения удовлетворить выбору должностных лиц сельского управления и суда, и не будут ли для них непомерно тяжелы расходы на содержание вышеупомянутых лиц, писаря и проч.»[20]. В каждом конкретном случае данные обстоятельства следовало подробно разъяснить обществу.

До 1889 г. волости находились в ведении особого чиновника, заведующего крестьянами и двух заседателей, после — окружного начальника и трех участковых приставов [21] Постепенно, с увеличением количества волостей, возрастало и число приставов. Так, в 1899 г. в Амурской области было уже 8 волостей (Ивановская, Гильчинская, Завитинская, Песчаноозерская, Амуро-Зейская, Краснояровская, Бельская, Томская), делами которых ведали начальник округа и четыре участковых пристава[22]

Одновременно с созданием волостей шло формирование органов общественного управления. В каждой деревне сельскими старшинами созывались сходы, где крестьянам предлагалось избрать сельского старосту и, если найдут нужным, других должностных лиц. Здесь же назначались выборные (десятидворные) на волостной сход (от каждых 10 дворов по 1 человеку). В свою очередь, волостной сход (сельские старосты и десятидворные) собирался для выборов волостного старшины и других должностных лиц волостного правления. Общественные приговоры об избрании волостных старшин необходимо было представить заведующему крестьянами области не позднее 15 декабря 1883 года. Таким образом, преобразование общественного управления крестьян Амурской области на основе Положения 1861 г. ограничивалось двухнедельным сроком (от момента создания волостей). Кандидатура волостного старшины утверждалась в должности военным губернатором. Круг обязанностей должностных лиц сельского и волостного правлений, как и компетенция крестьянского самоуправления, определялись Общим Положением о крестьянах, без каких-либо особенностей и ограничений.

Относительно самостоятельности в действиях перечисленных выборных органов, примечательно, что еще на подготовительном этапе преобразований главное управление Восточной Сибири обратило внимание губернаторов на то, что «с введением у крестьян общественного управления на началах высочайших указов 19.02.1861 г., всякое вмешательство администрации в дела, предоставленные ведению общественных крестьянских учреждений, должно быть, безусловно, устранено»[23] Однако данная рекомендация оказалась малоосуществима на практике, поскольку само законодательство закладывало механизм административного вмешательства, осуществляемого посредством утверждения в должности избранных кандидатов общественного управления, приговоров, принимаемых сходами крестьян, составления различного рода Инструкций и Правил для организации надлежащего функционирования правлений сельских обществ и т.п. В целом, в пределах компетенции, предусмотренной действующим законодательством, сельские и волостные правления в Приамурском крае ведали широким кругом

[20] Цит по: Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Иркутск, 1883. Т. VI. Вып. 1. С. 128.

[21] Обзор Амурской области за 1889 г. Благовещенск, 1890. С. 1; Волости и населенные места. Амурская область. Благовещенск, 1893. Часть 2. С. 3–7.

[22] Обзор Амурской области за 1899 г. Благовещенск, 1900. С. 3–4.

[23] Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Иркутск, 1883. Т. VI. Вып. 1. С. 113.

хозяйственно-культурных вопросов без каких-либо ограничений. Источники финансирования многих проблем, касающихся компетенции общественного управления, определялись его органами самостоятельно. В этом отношении показателен тот факт, что в Амурской области уже в 1885 г. «для удовлетворения местных потребностей волостных и сельских обществ сами общества установили денежный сбор с работника 16 — 55-летнего возраста в размере 6 — 8 рублей»[24]

В целях организации грамотной и эффективной работы выборных должностных лиц крестьянского общественного управления, административные власти позаботились о снабжении их информационными, разъясняющими и руководящими материалами. Так, считая крайне полезным ознакомить волостные и сельские управления с законоположениями по крестьянским делам, Главное управление Восточной Сибири обратилось к губернаторам с просьбой указать им для добровольной подписки, следующие сочинения[25]:

1. Свод узаконений и распоряжений правительства по устройству быта крестьян 1861–1879 гг.

2. Руководство для крестьян, волостных судов и уездных и губернских по крестьянским делам учреждений к постановлению, обжалованию и отмене решений по делам, подсудным волостному суду (изд. 1879).

3. Сборник узаконений и распоряжений правительства о правах и обязанностях сельских обывателей об их управлении и поземельном устройстве (изд-е 2-е, 1873).

Многогранная и сложная деятельность учреждений крестьянского общественного управления фиксировалась в материалах делопроизводства. При каждом волостном правлении велись книги, предусмотренные ст. 90 — 91 Общего Положения о крестьянах: приказов, приговоров волостного схода, оценок и договоров, решений волостного и третейских судов. Во всех волостях были заведены однообразные формы книг на печатных бланках, составленные в главном управлении Восточной Сибири. Чтобы справиться с большим объемом канцелярских дел, в некоторых сельских и волостных правлениях Приамурья писарь брал себе помощника (с назначением жалованья). Вообще, в условиях безграмотности основной массы крестьян региона, роль писаря в сельских и волостных правлениях была очень высока.

На других территориях Приамурского края: в Приморской области, во Владивостокском губернаторстве, а также в тех местностях Амурской области, где вследствие разбросанности селений на значительном друг от друга расстоянии было бы затруднительным образовать волости, генерал-губернатору предоставлялось право разрешить устройство сельских обществ и их общественного управления применительно к началам, изложенным в ст. 38 — 115 Положения о крестьянах Закавказского края. В ходе преобразований вышеупомянутое право нашло применение на практике. Приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской во всеподданнейшем отчете за 1893 — 1895 гг. отмечал, что в Приморской области «крестьяне ведаются чинами полиции, которые руководствуются в своей деятельности утвержденной генерал-губернатором инструкцией, составленной применительно к положению о крестьянах Закавказского края»[26] Сущность указанных начал Закавказского Положения состояла в том, что по нему особого волостного устройства и управления не устанавливалось, и сельское общество являлось не только хозяйственной, но вместе с тем и административной единицей, причем вместо крестьянского волостного суда учреждался сельский. По воспоминаниям приморского военного губернатора П.Ф. Унтербергера, «крестьянское население области первоначально пользовалось общественным управлением на основании Закаспийского положе-

[24] Обзор Амурской области за 1885 год. Благовещенск, 1886. С. 17.

[25] Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Иркутск, 1883. Т. VI. Вып. 1. С. 107.

[26] Цит по: Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта С.М. Духовского 1893–1895 гг. СПб., 1895. С. 137

ния, впоследствии, в 1891 г., на него было распространено деление на волости и введено волостное самоуправление» [27]

Должностным лицам волостных и сельских управлений крестьян Восточной Сибири присваивались те же отличительные знаки, которые устанавливались во внутренних губерниях России. Так, волостной старшина, его помощники, волостные заседатели и сельский староста носили особые знаки из светлой бронзы, на лицевой стороне которых был изображен герб губернии (области), с надписью вокруг согласно должности: «волостной старшина», «сельский староста» и пр. На оборотной стороне — вензелевое изображение имени императора Александра II, с надписью вокруг него: «19 февраля 1861 года». Эти знаки носились на особых бронзовых цепях волостными старшинами на шее, а прочими должностными лицами на груди [28] Расходы на изготовление таких отличительных знаков относились на счет мирских сборов каждой волости и сельского общества по принадлежности.

Таким образом, в начале 80-х гг. XIX в. на области Приамурского края распространились основы Общего Положения 1861 г., за некоторыми особенностями, продиктованными местными условиями. В процессе создания системы крестьянского общественного управления соблюдались принципы целесообразности и последовательности, а также учитывались численность, интересы и материальные возможности сельского населения. Одновременно, в целях осуществления руководства и контроля за самоуправлением крестьян создавалась целая система административных крестьянских учреждений (земские заседатели, особые присутствия), усиленная в последующем законодательстве о крестьянах (90-г. XIX в.): крестьянские начальники, их уездные съезды, присутствия. Структура и компетенция общественного управления крестьян Приамурского края не претерпели существенных изменений вплоть до 1917 года. Включение основной массы местного населения в систему самоуправления позволило решать сложные задачи хозяйственного и культурного развития региона преимущественно за счет общественных, а не государственных финансов, что не могло не сказаться на низких темпах и эффективности данного процесса.

В рамках исследуемого периода численность коренных местных жителей, проживающих в южных районах Дальнего Востока, постепенно сокращалась. По сведениям А.И. Крушанова, в 1897 г. их было 17,9 тыс. человек, в 1912 г. — 17,2 тыс., в 1916 г. стало 15,9 тысяч[29] Тенденция к снижению численности аборигенного населения обусловлена ухудшением условий их жизни, поскольку с приходом русских переселенцев, занимавших самые лучшие земли и места промысла, аборигены уходили в другие районы, где было меньше рыбы и зверя. Так, на севере Дальнего Востока, куда не так охотно переселялись русские и почти вовсе не проникали китайцы и корейцы, численность коренного населения не только не сократилась, но и увеличилась. Н.В. Турчанинов в статистическом очерке о населении Азиатской России приводит сравнительные данные о соотношении численности русских и инородческих жителей: в 1897 г. на ДВ зарегистрировано русских — 235484 чел., или 63,3 %, коренных инородцев 54466 человека (14,6 %). К 1911 г. в регионе проживало всего 855 тыс. душ об. п. (ок. 0,4 чел. на квадр. версту). На долю русских из этого числа приходилось 632500 душ, или 74 %, на долю коренных инородцев — 45800 душ, или 5,4 %[30]

---

[27] Цит по: Унтербергер П Ф Приморская область 1856–1898 гг. СПб., 1900. С. 274.

[28] Сборник узаконений и распоряжений правительства об устройстве сельского состояния и учреждений по крестьянским делам в Амурской и Приморской областях. Благовещенск, 1901. С. 112.

[29] Алексеев А.И., Морозов Б Н. Освоение русского Дальнего Востока (конец XIX в.–1917 г.). М.: Наука, 1989. С. 13.

[30] Турчанинов Н.В. Население Азиатской России. Статистический очерк // Азиатская Россия. Издание переселенческого управления и главного управления землеустройства и земледелия. СПб., 1914. Том 1. Люди и порядки за Уралом. С. 67.

В соответствии с типом хозяйствования коренное население в Российской империи делилось на три разряда: оседлых, кочевых и бродячих. Большая часть дальневосточных аборигенов относилась ко второму из них. В Амурской области, по данным на начало 1890 г., числилось около 3000 душ кочующего населения, занимающегося звериным промыслом, и только 200 чел. работали на приисках[31] Перепись инородцев области в 1900 – 1901 гг. определила их количество в трех горно-полицейских округах в 1157 человек[32] Приморская область, за исключением Уссурийского края, по оценке Н.В. Турчанинова, к 1914 г. практически не была затронута русской колонизацией и составляла область перекочевок немногочисленных инородцев тунгусского племени. Все народы Дальнего Востока причислялись к податному сословию «инородцев».

Управление кочевыми и бродячими инородцами в Приморской и Амурской областях возлагалось на военных губернаторов, и осуществлялось в соответствии с особыми законоположениями о коренных народах Сибири и Дальнего Востока, «соображаясь при том с обычаями разных племен, вошедших в состав области, и с местными условиями»[33] Основными законодательными актами являлись Устав и Положение об управлении инородцев, принятые в 1822 г. и действовавшие без существенных изменений до начала XX века. Ко времени присоединения Приамурья к Российскому государству их основные положения устарели, поскольку не учитывали изменений, произошедших в общественном строе аборигенов. С 1880-х гг. в правительственной политике прослеживается тенденция к унификации системы управления русского и инородческого населения. В дореволюционной историографии данное стремление трактовалось как «мудрая политика равного попечения о нуждах и пользах всего населения империи, без различия отдельных, входящих в состав его народностей»[34] В советской и современной исторической литературе расценивается как политика русификации без учета национальных особенностей[35]

Первыми шагами в преобразовании управления инородцев Сибири и Дальнего Востока в 80-е гг. XIX столетия стали: ликвидация степных дум, функции которых передавались областной администрации, и учреждение управления старшин, подчинявшихся волостным управлениям. Одновременно министерство внутренних дел разрабатывало полномасштабную административную реформу, имевшую целью унификацию управления русского и инородческого населения указанных регионов.

В соответствии с законоположением о крестьянских начальниках, высочайше утвержденном 2 июня 1898 г., которое было приведено в действие в Амурской и Приморской областях в силу закона 27 мая 1902 г., инородцы, за исключением мелких племен, не оставивших еще бродячего образа жизни и потому не соответствующих началам гражданственности, приравнивались к крестьянам. Вместо родового управления инородных управ вводилось сельское управление по крестьянскому образцу. Собрание коренных жителей избирало старшину, утверждаемого в должности военным губернатором. Следующей, более крупной единицей местного управления становилась волость,

---

[31] Обзор Амурской области за 1889 год. Благовещенск, 1890. С. 2.

[32] ГААО. Ф. 8 и. Оп. 1. Д. 57. Л. 6.

[33] Высочайше утвержденное Положение об управлении Приморской области Восточной Сибири. 31 октября 1856 г. // Дальний Восток России в материалах законодательства. 1856–1861 гг. Владивосток, 2002. С. 12–13; Высочайше утвержденное Положение об управлении Амурской области. 8 декабря 1858 г. // Там же. С. 60.

[34] Сборник законов об устройстве крестьян и инородцев Сибири и Степного края / Сост. Г.Г. Савич. СПб, 1903 С. XI.

[35] См., напр.: Дамешек Л.М Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX–начало XX в.). Иркутск, 1986; Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Управление народами Сибири и Дальнего Востока (XVII – начало XX в.) // Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII – начале XX вв. Материалы междун. конф. (к 350-летию начала похода В.Д. Пояркова по Амуру). Тезисы докладов и сообщений. Владивосток, 1993. Вып. 1. С. 20–22.

образованная из нескольких сельских обществ. Обязанности должностных лиц сельского и волостного управления аборигенами принципиально не отличались от аналогичных функций лиц крестьянского управления. Для осуществления административного контроля за их деятельностью создавались крестьянские и инородческие начальники, уездный съезд крестьянских и инородческих начальников.

Особенностью развития системы крестьянского общественного управления в Приморской области стало создание смешанных составов ее структурных компонентов, причем в некоторых волостях с преобладанием аборигенного населения (Мариинско-Успенской, например). Несмотря на численное превосходство и равное пользование всеми угодьями (лесными, рыболовными), размер волостных повинностей для коренных народов устанавливался вдвое меньше, чем с русских земледельцев, которые несли и другие платежи (губернский, церковный сборы и пр.). Подобная практика раскладки общественных повинностей вызывала недовольство крестьян и нередко становилась предметом бескомпромиссных дискуссий на сходах, а затем объектом разбирательства крестьянских административных учреждений.

К 1916 г. было разработано и частично введено в действие «Положение об управлении инородцами Приамурского края», в соответствии с которым, большая часть народов Дальнего Востока окончательно приравнивалась к крестьянскому сословию. Преобразование общественного устройства и управления аборигенного населения региона на началах законоположений о крестьянах второй половины XIX столетия, с одной стороны, ускорило прогресс в их социально-экономическом развитии, с другой — способствовало дальнейшей русификации коренных жителей, стиранию национальной индивидуальности, забвению традиций.

В. Н. Введенский

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

При обсуждении гносеологических проблем часто противопоставляют естествознание и социально-гуманитарное знание. Это противопоставление малопродуктивно, поскольку таким путем трудно выявить, что собственно характеризует специфику научного знания об обществе и человеке. Более продуктивно анализировать соотношение социальных и гуманитарных наук, с одной стороны, и естественных наук, с другой.

Оба вида научного познания имеют как сходство, так и различие. Их сходство определено тем, что это — две разновидности научного познания. Их различие коренится в специфике их предметной области и методов исследования. В социальных и гуманитарных науках предмет включает в себя человека, его сознание, и часто выступает как текст, имеющий человеческий смысл. Фиксация такого предмета и его изучение требует особых методов и познавательных процедур. Однако при всей сложности предмета социально-гуманитарных наук объективность исследования является существенной характеристикой научного подхода. Установка на получение объективного знания и установка на рост этого знания присущи любому научному исследованию, будь то науки о природе или науки об обществе и человеке.

Принято выделять следующие три основанных компонента социально-гуманитарных наук:

— картина социальной реальности, которая задает целостное системно-структурное представление о предмете социально-гуманитарного исследования;

— система идеалов и норм исследования (объяснения и описания, доказательности и обоснования знаний, строения и построения знаний);

— философские основания, обеспечивающие состыковку картины социальной реальности (схема предмета), идеалов и норм социально-гуманитарного исследования (схема метода) с базисными ценностями культуры соответствующей исторической эпохи[1]

Первые шаги к конституированию социальных наук в особую сферу дисциплинарного знания были сопряжены с модернизацией образов, заимствованных из механической картины мира. Уже О. Конт, признанный одним из основоположников социологии, включал в создаваемую им картину социальной реальности представление о ее историческом развитии, которое полагал фундаментальной характеристикой общества. Далее в его концепции общество начинает рассматриваться не как механизм, а как особый организм, все части которого образуют целостность[2]. В этом положении отчетливо про-

---

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. — М., 1995.

Большой энциклопедический словарь. — М., 1997.

слеживается влияние на контовскую социологическую концепцию биологических представлений.

Дальнейшее развитие этих идей было связано с разработкой Г. Спенсером общей теории эволюции и представлений о развитии общества как особой фазе эволюции мира. Г. Спенсер не просто переносит на область социальных наук идеи биологической эволюции, а пытается выделить некоторые общие принципы эволюции и их специфические конкретизации применительно к биологическим и социальным объектам[3]. Идея общества как целостного организма, согласно Г. Спенсеру, должна учитывать то, что люди как элементы общества обладают сознанием, которое как бы разлито по всему социальному агрегату, а не локализовано в некотором одном центре.

Следующие шаги, связанные с перестройкой первичных парадигмальных образов, перенесенных из естествознания в социальные науки, были связаны с дискуссиями относительно методологии социального познания идеалов и норм исследования в науках об обществе и человеке. Эти дискуссии продолжаются и в наше время, и в их центре стоит тезис о принципиальном отличии наук о духе и наук о природе. Обозначились два крайних полюса в трактовке идеалов и норм социально-гуманитарных наук: первый полагал их идентичность с идеалами и нормами естественно-научного исследования, второй — их резкое противопоставление. Но реальная научная практика развивалась в пространстве между этими полюсами. В этом развитии выявлялись общие для естествознания и социально-гуманитарных наук черты идеала научности и их спецификации применительно к особенностям изучаемых явлений. Рефлексия над научной практикой порождала методологические подходы, снимающие резкое противопоставление объяснения и понимания, индивидуализации и генерализации.

Проблема противопоставления индивидуализации и генерализации требует уточнения. Индивидуально неповторимые события существуют не только в истории общества, но и в процессах исторического развития природы — истории жизни на Земле, истории нашей Вселенной. На уровне отдельных эмпирически фиксируемых событий и общественные, и природные явления индивидуально неповторимы. Но наука не сводится только к эмпирическим констатациям неповторимых событий. Если речь идет об исторических процессах, то цели науки состоят в обнаружении тенденций, логики их развития, закономерных связей, которые позволили бы воссоздать картину исторического процесса по тем «точкам-событиям», которые обнаруживает историческое описание. Такое воссоздание исторических процессов представляет собой историческую реконструкцию.

Наука предполагает наличие теоретических знаний. Они связаны с построением системы идеализаций (теоретических конструктов, абстрактных теоретических объектов), посредством которых выделяются существенные связи и отношения исследуемых реальных объектов и процессов. Развитые социальные и гуманитарные науки в этом смысле не являются исключением. В них можно выявить системы абстрактных объектов, которые образуют теоретические модели исследуемых социальных процессов. Относительно таких моделей формулируются теоретические законы.

Разумеется, каждая теоретическая схема и сформулированный относительно нее закон имеют границы своей применимости. Формулировка новых теоретических законов позволяет расширить возможности теоретического описания исследуемой реальности. Но для этого каждый раз нужно вводить новую систему идеализаций (теоретических конструктов), которая образует в своих связях соответствующую теоретическую модель.

Даже в самых «мягких» формах теоретического знания, к которым относят обычно такие гуманитарные дисциплины как литературоведение, музыковедение, искусст-

[3] Спенсер Г. Основания социологии. — СПб., 1998.

вознание, можно обнаружить слой абстрактных теоретических объектов, образующих теоретические модели исследуемой реальности. Так, В. М. Розиным были проанализированы тексты работ М. М. Бахтина и Б. И. Бурсова, посвященные творчеству Достоевского, тексты теоретического музыковедения и текст искусствоведческой работы В. А. Плугина, в которой анализируется живопись Андрея Рублева. Во всех этих ситуациях автор выявляет слой теоретических знаний и показывает, что движение исследовательской мысли в этом слое основано на конструировании идеальных теоретических объектов и оперировании ими [4]. В частности, основные теоретические выводы М.М. Бахтина, касающиеся особенностей «полифонического романа» Достоевского, были получены благодаря конструированию теоретической схемы, элементами которой выступают такие идеальные объекты, как «голоса героев» и «голос автора», вступающие в диалогические отношения. Таким образом, можно заключить, что идеальные теоретические объекты и построенные из них целостные теоретические модели выступают существенной характеристикой структуры любой научной теории, независимо от ее принадлежит к сфере гуманитарных, социальных или естественных наук.

При исследовании исторически развивающихся систем возникает особый тип теоретического знания — исторические реконструкции. В них также применяются абстрактные объекты, а саму историческую реконструкцию можно интерпретировать как особую теоретическую модель того или иного уникального исторического процесса.

Теоретические конструкты, применяемые в реконструкциях, не отделены в явном виде от объясняемых ими фактов, а как бы сплавлены с ними. Они выстраивают факты в определенной логике исторического развития и демонстрируют эту логику, подобно тому, как замысел скульптора демонстрирует его скульптура. Теоретические конструкты, например, социально-психологические характеристики профессии, онтологизируются, приписываются реальности и представляют реконструируемый исторический процесс как саму реальную историю, а не как одну из ее моделей. Эта особенность исторических реконструкций часто приводит к их неправомерному отождествлению с эмпирическими описаниями.

Разумеется, существует специфика исторических реконструкций в естественных и социально-гуманитарных науках. Когда исследователь реконструирует те или иные фрагменты духовной истории, то он сталкивается с необходимостью понять соответствующий тип культурной традиции, который может быть радикально иным, чем его собственная культура. В этом случае на передний план выходят процедуры понимания, движения по герменевтическому кругу, когда понимание многократно переходит от части к целому, а затем от целого к части, постигая особенности иной культурной традиции.

При изучении общества и человека весьма часто встречаются ситуации, когда накопление эмпирических фактов происходит тогда, когда еще не созданы конкретные теоретические модели изучаемой предметной области. В этом случае эмпирический поиск направляет картина исследованной реальности. Она представляет собой особую форму теоретического знания, которая определяет цели эмпирического поиска и может развиваться при обратном воздействии на нее полученных эмпирических фактов.

Взаимодействие «картина мира — опыт» есть и в естествознании, и в этом смысле не является специфическим для социально-гуманитарных наук. Здесь так же, как и в естествознании, можно обнаружить конкуренцию различных представлений о реальности, каждое из которых ставило свои задачи эмпирическому исследованию.

Итак, в исторической науке XX столетия предложенные картины социальной реальности (например, картина общества, отстаиваемая сторонниками классического марксизма) выдвигали различные типы задач при исследовании конкретных исторических ситуаций.

---

[4] Розин В. М. Личность и ее изучение. — М., 2004.

Картина социально-исторической реальности, предложенная П. А. Сорокиным, акцентировала внимание на исследовании фундаментальных ценностей, которые определяют тип культуры и соответствующий ей тип социальных связей[5]. Здесь основная задача состояла в выявлении фактов, обосновывающих типологию культур, соответствующую, трем основным типам мировосприятия: чувственному, рациональному и интуитивному. Историки и социологи, разделявшие эту систему представлений, сосредотачивали усилия на анализе того, как проявляются фундаментальные ценности в различных состояниях религиозной жизни, в философской и этической мысли, в политике и экономических отношениях.

Признается, что в настоящее время смена общественного строя повлекла смену статуса социально-гуманитарных наук, их методологических и метатеоретических оснований, ориентаций, целей, задач, критериев. Сегодня многое делается для того, чтобы отношения соборности, коллективности, взаимной помощи и поддержки сменить на индивидуализм, обособленчество, эгоизм, противопоставить людей друг другу, индивида — коллективу, коллектив — социальной группе, группу — обществу[6]. Наиболее частой критике подвергается тезис о служении индивида общим целям и интересам, коллективу, обществу, Родине. Данное положение подается как антигуманное, ограничивающее свободу индивида, противоречащее его натуре, ущемляющее его права.

В рассуждениях такого рода человек рассматривается предельно обособленно, изолированно, единично. Индивид — атом, индивид — одиночка. Собственные интересы у него всегда на первом плане и всегда выше общественных. Последние никогда не являются его содержанием, его личным устремлением. Фактически игнорируется зависимость человека от экономических, социальных, духовных и политических связей, а также то, что его культурно-историческая сущность, его личностные черты и свойства во многом определены и обусловлены социальной средой и микросредой. При этом о нравственных категориях практически не вспоминают.

Как отмечал Макс Шелер, несмотря на большое количество знаний о человеке все же никто не знает, кто такой человек. Отвечая на вызов времени, человек должен сам осознать свое назначение в мире. Эта неспециализированность и незавершенность человека, отличающая его от вещи, означает и нечто позитивное, а именно — открытость миру[7]. Это утверждение, связанное с появлением учения о человеке, охватывающего все его особенности, способствовало становлению философской антропологии как дисциплины. В ней определяется дуальность природы человека. С одной стороны он подчиняется физическим и биологическим условиям жизни, а с другой — определяется социальными нормами, обладает сознанием свободы и стремится к исполнению духовных идеалов добра, справедливости, красоты и истины.

В числе сложных вопросов, затрудняющих философско-антропологическую концепцию смысла жизни, по мнению В.В. Шаронова, и вопрос о том, «связан ли смысл жизни с общечеловеческими ценностями или обретаем в единичных, индивидуальных ценностях каждого отдельного человека»[8]. Ответы на подобные вопросы чаще склоняются в сторону индивидуальных ценностей, реже — общественных. Одни исследователи акцентируют внимание на единичном, частном, особом; другие — на коллективном, совместном, общем. Первые аргументируют свои суждения ссылками на полную свободу личности, вторые — исходя из необходимости гармонии интересов, подчеркивают,

---

Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992.

[6] Камынин И.И. Социально-гуманитарные науки в России: смена вех // Социально-гуманитарные знания. — 2000. — №1. — С. 36–52.

[7] Шелер М. Избранные произведения. — М., 1994.

[8] Шаронов В.В. Основы социальной антропологии. — СПб., 1997. С. 143.

что интересы группы, коллектива, общества столь же важны и ценны, как интересы индивида, а в ряде моментов значимее и приоритетнее их.

Состояние фундаментальной социально-гуманитарной теории, многих ее функций – от познавательно-прогностической до мировоззренческой – предмет серьезной озабоченности научной общественности. Об этом говорится на научных конференциях и симпозиумах, в специальных публикациях и неформальных контактах ученых. Ведь слишком велик разрыв между тем, над чем сегодня работают исследователи, к каким выводам и предложениям они приходят, и тем, что являет наша сегодняшняя действительность. «Налицо сегодня острые противоречия между социально-гуманитарным знанием, образованием и реальной действительностью, между знанием и политическими решениями, между знанием, образованием и массовыми действиями. Наука, например, да и образование научились приспосабливаться к жизни... Уровняв достижение всеобщей истины с получением частной пользы, они заменили идеалы, цели и смыслы человеческой жизни»[9].

Процесс объективной социальной детерминации убедительно прослеживается по отношению к большим общностям людей: профессиональным группам, слоям и т.д. В каждом частном случае, применительно к отдельному человеку, эта обусловленность носит неоднозначный, а в чем-то и вероятностный характер. Ведь в каждом конкретном случае побудительные силы могут быть самыми различными, от сугубо чувственно-эмоциональных до рафинированно-возвышенных. Объективная детерминанта не ликвидирует свободу выбора и самостоятельности индивида, а наоборот человек самим смыслом своей жизни волен поступать вариативно, не воспринимать судьбу фатально. Человек свободен в применении своих сил, в отношении к другим людям, к самому себе. Свободен в ответственности за себя и других, в желании быть человеком, вести достойный образ жизни.

Все вышесказанное определяет необходимость изучения социально-гуманитарных наук как целостного социального института в единстве всех его структурных компонентов и направлений деятельности. Здесь необходимо отметить, что еще в 1972 году И.И. Лейман обосновал целесообразность исследования науки как социального института[10].

Сегодня наиболее распространенной является трехаспектная модель науки. Во-первых, наука – это особого рода деятельность, включающая особые цели, методы их достижения и т. п. Во-вторых, наука – это совокупность знаний, объединяющих различные концепции, теории, категориальный аппарат и т. п. В-третьих, наука – это социальный институт, включающий отдельных ученых и их формальные и неформальные объединения, организации и т. п.

Среди социологов широко распространена точка зрения, что институты – одна из базисных дефиниций, характеризующих общество, что они сопутствуют самой сущности упорядоченной социальной жизни. Институциональный аспект функционирования социума является традиционной областью интересов социологической науки. Он находился в поле зрения мыслителей, с именами которых связывается ее становление (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, М. Вебер и др.).

Институциональный подход О. Конта к изучению социальных явлений вытекал из философии позитивного метода, когда одним из объектов анализа выступал механизм обеспечения в обществе солидарности и согласия. О. Конт рассматривал основные социальные институты с позиций их включения в процессы социальной интеграции и выполняемых при этом функций. Социальная статика О. Конта опиралась на положение о том, что институты, верования и моральные ценности общества функционально взаимосвяза-

---

[9] Миронов А.В., Андреев Э.М. Социально-гуманитарное знание и образование в новом измерении // Социально-гуманитарные знания. – 1999. – №1. С. 5.

[10] Лейман И.И. Наука как социальный институт. Л., 1972.

ны, и объяснение любого социального явления в этой целостности подразумевает нахождение и описание закономерностей его взаимодействия с другими явлениями.

Свое продолжение институциональный подход к исследованию общественных явлений получил в трудах Г. Спенсера. Именно он впервые в социологической науке употребил понятие «социальный институт». Определяющими факторами в развитии институтов общества Г. Спенсер считал борьбу за существование с соседними обществами и с окружающей природной средой[11].

Соответственно, социальный организм состоит из трех главных систем: регулятивной, производящей средства для жизни и распределительной. Г. Спенсер различал такие виды социальных институтов, как институты родства, регулирующие и экономические. Итак, всякий социальный институт складывается как выполняющая определенные функции устойчивая структура социальных действий.

Рассмотрение социальных институтов в функциональном ключе продолжил Э. Дюркгейм, придерживавшийся идеи о позитивности общественных институтов, которые выступают важнейшим средством самореализации человека.

Э. Дюркгейм высказался за создание особых институтов поддержания солидарности в условиях разделения труда — профессиональных корпораций. Он утверждал, что корпорации, неоправданно считающиеся анахронизмом, на самом деле полезны и современны. Корпорациями Э. Дюркгейм называет институты типа профессиональных организаций, включающих работодателей и работников, стоящих достаточно близко друг к другу, чтобы быть для каждого школой дисциплины и началом, обладающим престижем и властью.

В школе структурно-функционального анализа понятию «социальный институт» принадлежит одна из ведущих ролей. Т. Парсонс строит концептуальную модель общества, понимая его как систему социальных отношений и социальных институтов. Причем последние трактуются как особым образом организованные «узлы», «связки» социальных отношений. В общей теории действия социальные институты выступают и в качестве особых ценностно-нормативных комплексов, регулирующих поведение индивидов, и в качестве устойчивых конфигураций, образующих статусно-ролевую структуру общества. Институциональной структуре социума придается важнейшая роль, поскольку именно она призвана обеспечить социальный порядок в обществе, его стабильность и интеграцию.

Следует отметить, что нормативно-ролевое представление о социальных институтах, существующее в структурно-функциональном анализе, является достаточно распространенным как в отечественной, так и в западной литературе.

В институционализме (системно-структурный подход) социальное поведение людей изучается в тесной связи с существующей системой социальных нормативных актов и институтов, необходимость возникновения которых приравнена к естественноисторической закономерности. К представителям этого направления можно отнести П. Блау, С. Липсета, Дж. Ландберга и др. «Каждый социальный институт, входящий в определенную социальную структуру, организуется для выполнения тех или иных общественно значимых целей и функций»[12].

Структурно-функционалистские и системно-структурные трактовки понятия «социальный институт» не исчерпывают представленных в современной социологии подходов к его определению. Имеют место и концепции, опирающиеся на методологические основания феноменологического или бихевиористского плана. Психологическую традицию в русле бихевиоризма продолжил Дж. Хоманс. Он дает такое определение

---

[11] Спенсер Г. Основания социологии.

[12] Осипов Г.В., Кравченко А.И. Институциональная социология // Современная западная социология. Словарь. М., 1990.

Таблица 1

Основные подходы к определению понятия «социальный институт»

№	Научный подход	Автор(ы)	Сущность понятия «социальный институт»
1	Функциональный	О. Конт	Рассматривается с позиций его включения в процессы социальной интеграции и выполняемых при этом функций
		Г. Спенсер	Устойчивая структура социальных действий, выполняющая определенные функции
		Э. Дюркгейм	Выступает важнейшим средством самореализации человека, служат поддержанию солидарности в условиях разделения труда
2	Структурно-функциональный	Т. Парсонс	Рассматривается, как особым образом организованные «связки» социальных отношений и образующие статусно-ролевую структуру общества. Институты выступают и в качестве особых ценностно-нормативных комплексов, регулирующих поведение индивидов
3	Системно-структурный	П. Блау, С. Липсет, Дж. Ландберг и др.	Входят в определенную социальную структуру, организуются для выполнения общественно значимых целей и функций. Необходимость их возникновения приравнена к естественноисторической закономерности
4	Психологический	Дж. Хоманс	Относительно устойчивые модели социального поведения, на поддержание которых направлены действия многих людей

социальных институтов: «Социальные институты – это относительно устойчивые модели социального поведения, на поддержание которых направлены действия многих людей»[13]. По существу, Дж. Хоманс строит свою социологическую интерпретацию понятия «институт» опираясь на психологический фундамент.

В энциклопедической литературе понятие «социальный институт» рассматривается в узком и широком смыслах. «Социальный институт – первоначальное обозначение совокупности норм права, регулирующих социально-правовые отношения в различных сферах общества; в широком смысле – элемент социальной структуры, исторической формы организации и регулирования общественной жизни – совокупность учреждений, норм, ценностей, культурных образцов, устойчивых форм поведения»[14].

Иногда наблюдается отождествление понятий «социальный институт» и «большая социальная группа». На самом деле, между понятиями «социальный институт» и «социальная группа» имеется существенное внутреннее различие. Ведь группа (сообщество) – это всего лишь совокупность взаимодействующих индивидов. Поэтому рассматриваемые понятия находятся в родо-видовом соотношении.

Сведем воедино основные подходы к определению понятия «социальный институт» (табл. 1).

---

[13] Homans G. S. The sociological relevance of behaviorism//Behavioral sociology. Ed. R. Burgess, D. Bus-hell. N. Y., 1969. P. 6.

[14] Большой энциклопедический словарь. – М., 1997.

Таким образом, имеет место значительный массив трактовок и дефиниций понятия «социальный институт». Они различны в понимании, как природы, так и функций институтов. Поиск ответа на вопрос, какое из определений верно, а какое ошибочно, на наш взгляд, методологически бесперспективно. Ведь социально-гуманитарное знание — мультипарадигмально. В рамках каждой из парадигм возможно построение своего непротиворечивого, подчиняющегося внутренней логике понятийного аппарата. Исследователь сам определяется с выбором парадигмы, в рамках которой он намерен искать ответы на поставленные вопросы. Мы придерживаемся подходов и логики, лежащих в русле системно-структурных построений.

Анализ зарубежной и отечественной научной литературы показывает, что и в рамках выбранной парадигмы в понимании социального института существует широкий набор версий и подходов. Так, большое число авторов считают возможным дать понятию «социальный институт» однозначную дефиницию, опирающуюся на одно ключевое слово. Н. Коржевская пишет: «Социальный институт представляет собой общность людей, выполняющих определенные роли на основе их объективного положения (статуса) и организованных посредством социальных норм и целей»[15]. Есть и другие попытки дать однозначную дефиницию, исходя из норм и ценностей, ролей и статусов, обычаев и традиций и др. С нашей точки зрения, подходы такого рода не являются плодотворными, поскольку сужают понимание такого системного понятия, каким выступает социальный институт, фиксируя внимание только на одной, представляющейся тому или иному автору важнейшей его стороне.

Нам представляется целесообразным рассмотрение социального института в качестве системы, содержащей рассмотрение различных аспектов его многосторонней деятельности. В качестве этих аспектов целесообразно выбрать, рассмотренные нами, функциональный, структурно-функциональный, системно-структурный, психологический, а также исторический подходы к определению понятия «социальный институт».

Для выявления остальных признаков социального института представляет интерес социологическая теория Дж. Хоманса о типах объяснения и обоснования социальных институтов. Ученый выделяет 4 таких типа. Первый — психологический тип, исходящий из того, что любой социальный институт есть психологическое образование, устойчивый продукт обмена деятельностью. Второй тип — исторический, рассматривающий институты как конечный продукт исторического развития определенной сферы деятельности. Третий тип — структурный, доказывающий, что каждый институт существует как следствие своих отношений с другими институтами в социальной системе. Четвертый — функциональный, опирающийся на положение о том, что институты существуют, поскольку выполняют определенные функции в обществе, способствуя его интеграции. Два последних типа объяснений существования институтов, которые преимущественно применяются в системно-структурном и структурно-функциональном анализе, Дж. Хоманс объявляет неубедительными и даже ошибочными[16].

На наш взгляд, два последних типа аргументации Дж. Хоманса являются убедительными, эффективными и работающими для современных обществ. Именно системно-структурный подход к определению понятия «социальный институт» является для нас максимально приемлемым. Ведь смысл и значение любой деятельности можно понять, только рассматривая ее как систему, сквозь призму объективно данных социальных функций. Важность функционального анализа отмечается как с социологических, так и с психологических позиций. «Поскольку индивидуальная деятельность есть лишь составная часть деятельности общества, — отмечает Б.Ф. Ломов, – ясно, что и

---

[15] Коржевская Н. Социальный институт как общественное явление (социологический аспект). – Свердловск, 1983. С. 11.

[16] Homans G. S. The sociological relevance of behaviorism...

анализ ее должен начинаться с изучения функций этой индивидуальной деятельности в системе общественной жизни»[17]

На основе проведенного анализа можно выделить 7 основных признаков социального института. Он должен:

— являться многоаспектной системой;
— выполнять социально значимые функции;
— образовывать статусно-ролевую подструктуру общества;
— содержать связи с другими социальными институтами;
— иметь внутреннюю структуру;
— иметь свою историю становления;
— обладать обособленным комплексом социальных действий и психологических характеристик.

С.С. Фролов выделил пять институциональных признаков: 1) установки и образцы поведения; 2) символические культурные признаки; 3) утилитарные культурные черты; 4) кодекс устный и письменный; 5) идеология[18]. Все эти признаки либо дублируют приведенные выше, либо являются условием их существования. Так, первый и четвертый признаки дублируют представленную выше идею о статусно-ролевой подструктуре общества, а пятый признак в полном объеме исчерпывается первыми двумя из приведенных нами признаков. Второй и третий институциональные признаки являются условием наличия обособленного комплекса социальных действий и психологических характеристик.

Таким образом, перечисленные выше семь признаков могут быть взяты за основу определения сущности социального института. Они могут являться критериями уровня развития социальных институтов. Слабая выраженность этих признаков может свидетельствовать о том, что данный социальный институт либо находится на начальном этапе своего культурного развития, либо — в состоянии кризиса, упадка.

Эти признаки не являются нормативно закрепленными. Они скорее вытекают из обобщения аналитических материалов о различных институтах современного общества. У одних из них (формальных) признаки могут фиксироваться четко и в полном объеме, у других (неформальных либо только создающихся) — менее отчетливо.

На основе вышесказанного нами предлагается рассматривать социальный институт как исторически сложившуюся систему внутренних и внешних связей, включающую социальные, психологические и специфические компоненты, образующую статусно-ролевую подструктуру общества и направленную на удовлетворение социально значимых потребностей.

Таким образом, исследование объектов с позиций социального института целесообразно проводить по основным его признакам. Предлагаемая нами структура обоснования и изучения социального института состоит из шести этапов. Все, кроме сущностного, являются его признаками. При этом первые два этапа служат для обоснования (или опровержения) институционального характера изучаемого феномена.

Первый этап (функциональный). Если будет доказано, что функции какого-либо изучаемого феномена являются общественно значимыми, что их структура и номенклатура близки к структуре и номенклатуре функций, которые выполняют в обществе социальные институты, это будет важным шагом в обосновании его институциональной природы.

Следующий этап (структурный) обоснования институциональной трактовки выбранного объекта — это анализ способов его включения в различные сферы социальной жизни, взаимодействия с другими социальными институтами, доказательство того, что

[17] Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. — М., 1984. С. 9.
[18] Фролов С.С. Социология. — М., 1994. С. 169.

он является неотъемлемым элементом какой-либо одной сферы общества, либо их комбинации, и обеспечивает ее (их) функционирование. Ведь рассмотрение того или иного института невозможно без соотнесения его деятельности с деятельностью других институтов, а также систем более общего порядка.

На третьем этапе (сущностном), следующим за функциональным и структурным обоснованием, определяется сущность изучаемого института. Здесь формулируется соответствующая дефиниция, на базе анализа основных институциональных признаков. Затем выделяется его специфика, тип и место в системе институтов общества, анализируются условия возникновения институционализации.

На четвертом этапе (историческом) рассматривается история формирования и развития этого социального института.

На пятом (системно-структурном) этапе выявляется внутренняя структура института, даются характеристики основных его элементов, обозначаются закономерности его функционирования и развития.

На шестом (психологическом), заключительном этапе, выявляется характер и специфика объективации, интернализации и экстернализации процесса развития социального института.

Все социальные институты обычно подразделяют на главные и неглавные. Вторые скрываются внутри первых, представляя собой более мелкие образования. Например, внутри института семьи и брака находятся и институты материнства и отцовства, родовой мести, побратимства, наследования социального статуса родителей и т.д. Помимо деления институтов на главные и неглавные, их классифицируют и по иным критериям. К примеру, институты различаются временем своего взаимодействия и продолжительностью существования, жесткостью применяемых санкций за нарушение правил, условиями существования.

По мере развития (и усложнения) общества умножается, дифференцируется, развивается, трансформируется система социальных институтов. Мы живем ныне в высоко институционализированном обществе. Институты семьи, образования, охраны здоровья, материального и духовного производства, досуга, обеспечения безопасности членов общества и многие другие образуют систему, обуславливающую функционирование социального организма.

В периоды нормального развития общества институты остаются достаточно стабильными и устойчивыми. Их неэффективность, рассогласованность действий, неспособность удовлетворить общественные интересы, наладить функционирование социальных связей, минимизировать конфликты и упредить катастрофы — признак кризиса института или общества в целом.

Поскольку образование, культура и наука остаются престижными и одновременно самыми бедными институтами общества, то представители других институтов борются между собой за право диктовать им свою волю. Политики, фонды, благотворительные организации, партии выступают в роли спонсоров, промышленные корпорации подбирают себе кадры чуть ли не со школьной скамьи, проводя рекламные кампании и организуя профессиональную ориентацию школьников и студентов. В итоге институт образования становится ареной состязаний между другими институтами общества.

Институциональная конкуренция может существовать в рамках одной и той же сферы общества, между родственными институтами. Например, в культуре подчас идет непримиримая борьба. Институт телевидения отбирает аудиторию как минимум у трех институтов культуры — кино, театра и чтения. Телевидение, киностудия и театр представляют собой разновидность социальной организации, а чтение — социальной практики. У первых есть свои органы управления, статьи финансирования, кафедры и вузы, газеты и журналы, а чтение — это коллективная привычка образованных людей получать информацию, сопереживая событиям и анализируя информацию. Хотя все инсти-

туты различны, между ними могут существовать отношения не только взаимодополнения, но и взаимной конкуренции.

Определившись с сущностью понятия «социальный институт», их типологией и признаками перейдем к исследованию процесса образования и развития социальных институтов, т.е. институционализации.

В словаре иностранных слов, институционализация трактуется как «учреждение каких-либо новых социальных институтов, правовое и организационное закрепление тех или иных общественных отношений»[19], институциональный — это «связанный с социальными институтами, имеющий отношение к ним»[20]. Данные понятия важны для понимания того, что существующие социальные институты не есть что-то один раз заданное и неизменное. Изменения, происходящие в обществе, неизбежно ведут как к их модификации, так и к возникновению новых социальных институтов и институциональных форм. Указанные выше понятия важны также для понимания того, что индивиды не просто следуют предписанным образцам поведения, а обладают определенной свободой «выработки ролей» в своем взаимодействии с другими индивидами.

Подробно процесс институционализации рассмотрен С.С.Фроловым. Данный процесс он представляет последовательностью семи этапов.

1. Возникновение потребности, удовлетворение которой требует совместных организованных действий;

2. Формирование общих целей;

3. Появление социальных норм и правил в ходе стихийного социального взаимодействия, осуществляемого методом проб и ошибок;

4. Появление процедур, связанных с нормами и правилами;

5. Институционализация норм и правил, процедур, т.е. их принятие, практическое применение;

6. Установление системы санкций для поддержания норм и правил, дифференцированность их применения в отдельных случаях;

7. Создание системы статусов и ролей, охватывающих всех без исключения членов института[21].

В связи с трансформацией российского общества многие социальные институты испытывают проблемы с принятием и практическим применением индивидами установленных норм и правил поведения (пятый этап институционализации). В основе этого психологического аспекта институционализации лежит процесс опривычивания (хабитуализации). Ведь любое действие человека, которое часто повторяется, становится образцом, впоследствии оно может быть воспроизведено с экономией усилий и осознано как образец его исполнителем. Кроме того, опривычивание означает, что рассматриваемое действие может быть снова совершено в будущем тем же самым образом и с тем же практическим усилием. Это в полной мере касается деятельности в социально-гуманитарной сфере.

Конечно, действия, ставшие привычными, сохраняют для индивида свой многозначительный характер, хотя значения, которые они содержат, включаются в качестве рутинных в общий запас знаний, считающийся само собой разумеющимся и наличным для его планов в будущем. Важным психологическим последствием опривычивания оказывается уменьшение различных выборов. Хотя в теории могут существовать десятки способов проектирования рабочего урока, в процессе опривычивания они сводятся к одному. Это освобождает индивида от бремени всех этих решений, принося психологическое облегчение.

---

[19] Словарь иностранных слов. — М., 1989. С.200.

[20] Там же

Фролов С С Социология. — М., 1994. С. 166.

Опривычивание предусматривает специализацию деятельности, которой недостает биологическому аппарату человека, ослабляя тем самым аккумуляцию напряжений как следствия ненаправленных влечений. Предусматривая стабильную основу протекания человеческой деятельности с минимумом затрат на принятие решений в течение большей части времени, хабитуализация освобождает энергию для принятия решений в тех случаях, когда это действительно необходимо. Обобщенно это утверждение П. Бергер и Т. Лукман сформулировали следующим образом: «задний план опривыченной деятельности предоставляет возможности переднему плану для рассуждения и инновации»[22].

Благодаря опривычиванию становится необязательно определять каждую ситуацию заново, шаг за шагом. Огромное разнообразие ситуаций может быть отнесено к разряду тех определений, которые были даны раньше. И тогда можно предвидеть действия, которые нужно совершить в этих ситуациях. И даже альтернативным вариантам поведения можно придать стандартные значения.

На практике опривычивание человеческой деятельности сопряжено с процессом институционализации, его зачатки появляются в каждой социальной ситуации, продолжающейся какое-то время. И тогда зададимся вопросом: как же возникают социальные институты?

Институционализация имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода. Иначе говоря, любая такая типизация есть институт (в широком смысле). Типизации опривыченных действий, составляющих институты, всегда разделяются; они доступны для понимания всех членов определенной социальной группы, и сам институт типизирует как индивидуальных деятелей, так и индивидуальные действия. Институт исходит из того, что действия типа Y должны совершаться деятелями типа Y. Например, институт образования устанавливает, что развитие обучающихся будет осуществляться особым способом в особых условиях и делать это будут определенные типы людей (представители специально созданного для этого института педагогической профессии).

Как было отмечено выше, институты предполагают историчность и контроль. Взаимные типизации действий постепенно создаются в ходе общей истории. Они не могут быть созданы моментально. Институты всегда имеют историю, продуктом которой они и являются. Невозможно адекватно понять институт, не понимая исторического процесса, в ходе которого он был создан.

Кроме того, институты, уже благодаря самому факту их существования, контролируют человеческое поведение, устанавливая предопределенные его образцы, которые придают поведению одно из множества возможных направлений. Важно подчеркнуть, что этот контролирующий характер присущ институционализации как таковой и еще до того, как созданы какие-либо механизмы санкций, поддерживающих институт. Совокупность этих механизмов составляет то, что обычно называют системой социального контроля. Сказать, что часть человеческой деятельности была институционализирована, — уже значит сказать, что часть человеческой деятельности была подвергнута социальному контролю.

Предположим, что две личности начинают взаимодействовать. Говоря слово «личности», мы предполагаем, что два индивида сформировали «свои Я», что могло произойти лишь в социальном процессе. Назовем их просто А и В. По мере того как А и В взаимодействуют каким бы то ни было образом, типизации будут создаваться довольно быстро. А наблюдает за тем, что делает В и приписывает мотивы его действиям. Глядя, как действие повторяется, А типизирует мотивы как повторяющиеся. В то же время А в состоянии допустить, что В делает то же самое по отношению к нему. С самого начала А и В допускают эту взаимность типизации. В ходе их взаимодействия эти типизации бу-

[22] Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности...

дут проявляться в специфических образцах поведения. То есть А и В будут играть роли по отношению друг к другу. Это будет происходить даже в том случае, если каждый продолжает совершать действия, отличные от действий других. Появится возможность принятия роли другого по отношению к одним и тем же действиям, совершаемым обоими. Несмотря на то что эта взаимная типизация еще далека от институционализации, ясно, что последняя уже начинает формироваться.

На этой стадии можно спросить, что нового приобретает каждый индивид при этом? Наиболее важным приобретением является то, что теперь каждый может предвидеть действия другого. Значит, их взаимодействие становится предсказуемым. Это значительно ослабляет напряжение обоих. Они берегут время и усилия не только при решении внешних задач, в которое они вовлечены порознь или сообща, но и в терминах своих индивидуальных психологических затрат. Теперь их совместная жизнь определяется более обширной сферой само собой разумеющихся рутинных действий. Многие действия теперь не требуют большого внимания. И любое действие одного из них больше не является источником удивления и потенциальной опасности для другого.

Напротив, повседневная жизнь становится для них все более тривиальной. Это означает, что два индивида конструируют задний план, в указанном выше смысле, который будет способствовать стабилизации как их раздельных действий, так и взаимодействия. Конструирование этого заднего плана рутинных действий в свою очередь делает возможным разделение труда между ними, открывая дорогу инновациям, которые требуют более высокого уровня внимания.

Благодаря разделению труда и инновациям открыта дорога для новых хабитуализаций и расширения заднего плана деятельности. Иначе говоря, социальный мир (в том числе и зачатки расширяющейся институционализации) будет находиться в процессе конструирования. Таким образом, получение принципиально нового знания крайне затруднительно (а практически — невозможно) без наличия постоянно расширяющегося заднего плана рутинных действий. Это означает, что любой научный поиск включает институциональную составляющую.

Более того, наука как таковая сама представляет собой социальный институт. Одним из первых высказал и обосновал это утверждение Р. Мертон. Его вклад в становление социологии науки состоит не в изобретении системы норм науки или утверждении принципа, согласно которому нормы — основа всякого социального института, а в применении этих представлений в качестве основы теоретической модели науки при рассмотрении ее как социального института. Р. Мертона принято считать основоположником институциональной социологии науки, так как наука для него, прежде всего, социальный институт. А любой социальный институт — это, прежде всего, специфическая система ценностей и норм поведения.

Правила, регулирующие поведение в науке, не имеют статуса юридических законов. Их действенность связана с ориентацией членов научного сообщества на определенный комплекс ценностей и норм, который характерен для этого «социального института». Нормы выражаются в форме позволений, запрещений, предписаний, предпочтений и т.п. Эти императивы, передаваемые наставлением и примером, подкрепленные санкциями, составляют исторически сложившийся этос науки — основу профессионального поведения, профессиональной этики.

Императив универсализма порождается внеличностным характером научного знания. Поскольку утверждения науки относятся к объективно существующим явлениям и взаимосвязям, то они универсальны и в том смысле, что они справедливы везде, где имеются аналогичные условия, и в том смысле, что их истинность не зависит от того, кем они высказаны. Надежность нового знания определяется по внеличностным критериям: соответствию наблюдениям и ранее подтвержденным знаниям. Ценность научного вклада не зависит от национальности, классовой принадлежности или личных ка-

честв ученого. Эти характеристики не могут служить основанием для определения истинности научного знания, его признания или непризнания.

Императив коллективизма имеет явно директивный характер, предписывая ученому незамедлительно передавать плоды своих трудов в общее пользование. Научные открытия являются продуктом социального сотрудничества и принадлежат сообществу. Они образуют общее достояние, в котором доля индивидуального «производителя» весьма ограничена и ему следует сообщать свои открытия другим ученым тотчас после проверки свободно и без предпочтений. Потребность ученого как-то воспользоваться своей интеллектуальной «собственностью» удовлетворяется только через признание и уважение, которые он получает как автор открытия.

В силу своей историчности институциональный мир воспринимается в качестве объективной реальности, ведь он существовал до рождения субъекта и будет существовать после его смерти. Сама эта история, как традиция существующих институтов, имеет характер объективности. Индивидуальная биография воспринимается как эпизод в объективной истории общества. В этой связи институты оказываются для индивида внешними, сохраняющими свою реальность, независимо от того, нравится она ему или нет. Индивид не может избавиться от них. Институты сопротивляются его попыткам изменить их или обойтись без них. Социальные институты имеют над индивидом принудительную власть и сами по себе, благодаря силе своей фактичности, и благодаря механизмам контроля, которыми располагают институты.

Объективная реальность институтов не становится меньше оттого, что индивид не понимает их цели и способа действия. До тех пор, пока институты существуют как внешняя реальность, индивид не может понять их сущность посредством интроспекции. Для этого он должен изучить их так же, как он изучает природу. В этом смысле хорошим примером социального института является человеческий язык.

Важно иметь в виду, что объективность институционального мира — сколь бы тяжелой ни казалась она индивиду — созданная человеком, сконструированная объективность. Процесс опредмечивания, превращения в объект принято называть объективацией. При этом происходит опредмечивание экстернализированных продуктов человеческой деятельности. Институциональный мир — это объективированная человеческая деятельность. Иначе говоря, несмотря на то, что социальный мир отмечен объективностью в человеческом восприятии, он не приобретает онтологический статус, независимый от человеческой деятельности, в процессе которой он и создается. Важно подчеркнуть, что взаимосвязь между человеком — создателем и социальным миром — его продуктом, является диалектической, и будет оставаться таковой. То есть человек (конечно, не в изоляции, но в своей общности) и его социальный мир взаимодействуют друг с другом. Продукт оказывает обратное воздействие на производителя.

П. Бергер и Т. Лукман выделяют три момента непрерывного диалектического процесса: объективация, интернализация и экстернализация[23]. Именно в этой последовательности, образуя фундаментальную взаимосвязь трех диалектических моментов социальной реальности они представляют психологический аспект процесса институционализации. Каждый из этих этапов соответствует существенной характеристике социального мира. Поэтому очевидно, что анализ социального мира, который исключает хотя бы один из этих трех моментов, будет неполным и искаженным. Можно также добавить, что лишь с передачей социального мира новому поколению (т.е. с интернализацией его в процессе социализации), фундаментальная социальная диалектика приобретает завершенность.

Посредством интернализации объективированный социальный мир переводится в сознание в ходе социализации. Ощущение интернализирует, делает своим то, что объек-

[23] Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности...

тивировано мыслью. Как замечает П. Рикер, ощущения это не просто внутренние состояния, но интернализированные мысли[24]. Таким образом, ощущение не противоречит мысли, оно — мысль, ставшая нашей.

В рамках психологического аспекта институционализации возможно разобраться с проблемой взаимосвязи личности и социальных институтов. Так, в процессе экстернализации личность открывает себя для общества, активно включается в его динамику. А процесс интернализации может быть охарактеризован как феномен первичной социализации личности. Усваивая социальные значения, учась понимать других людей, расшифровывая внутренний мир других людей, человек обретает способность жить в обществе. Далее происходит уже вторичная социализация — каждое новое вхождение индивида в различные сферы объективного мира общества.

Итак, между структурой социального мира и структурой личности всегда происходит процесс взаимного приспособления. Со стороны личности — это социализация, т.е. объективное и субъективное вхождение в социум, привыкание к определенному структурному порядку. Со стороны общества это — институционализация отношений, конституирование системы норм и принципов, с которыми личности будут согласовывать свое индивидуальное поведение. Личность и общество взаимно обуславливают свое бытие.

В связи с историчностью и объективностью институтов становится необходимостью разработка специальных механизмов социального контроля. Отклонение от институционального образа действий оказывается вероятным, как только институты становятся реальностями, оторванными от первоначальных конкретных социальных процессов, в контексте которых они возникают. Иначе говоря, более вероятно, что отклоняться индивид будет от тех программ, которые установлены для него другими, чем от тех, которые он сам для себя устанавливает.

Перед новым поколением встает проблема выполнения существующих правил, и для ее включения в институциональный порядок в ходе социализации требуется введение санкций. Институты должны утверждать свою власть над индивидом (что они и делают) независимо от тех субъективных значений, которые он может придавать каждой конкретной ситуации. Должен постоянно сохраняться и поддерживаться приоритет институциональных определений ситуации над попытками индивида определить их заново. Чем более поведение институционализировано, тем более предсказуемым, а значит, и контролируемым оно становится. Если социализация была успешной, то откровенно принудительные меры применяются выборочно и осторожно.

Так как хорошо социализированный индивид знает, что его социальный мир представляет собой связное целое, он будет вынужден объяснять его хорошее и плохое функционирование в терминах этого знания. В результате исследователю любого общества очень легко предположить, что социальные институты действительно функционируют и осуществляют интеграцию должным образом.

Но их интеграция не есть функциональный императив для социальных процессов, в ходе которых они создаются. Скорее, интеграция социальных институтов имеет вторичный характер. Если интеграцию институционального порядка понимать лишь в терминах «знания», имеющегося у его членов, это означает, что анализ этого знания является существенным для анализа, рассматриваемого институционального порядка.

Важно отметить, что ни одна часть институционализации деятельности не может существовать без определенного знания, которое было создано обществом и объективировано по отношению к этой деятельности. Быть педагогом и воспитывать — значит

[24] Рикер П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение. Теория метафоры. — М., 1990.

вести такое существование в социальном мире, которое определяется и контролируется этой системой знания.

Исследуя любой конкретный институциональный порядок, можно задать следующий вопрос: каковы границы институционализации в рамках всей совокупности социальных действий данной общности? Иначе говоря, на сколько велик сектор институционализированной деятельности в сравнении с сектором неинституционализированным? Понятно, что по этому вопросу нет исторического единообразия, так как разные общества допускают большие или меньшие возможности для институционализированных действий.

В эвристическом смысле было бы полезно поразмышлять в терминах идеальных крайностей. Можно представить общество, в котором институционализация является полной. В таком обществе все проблемы — общие, все решения этих проблем социально объективированы и все социальные действия институционализированы. Здесь нет или почти нет специфическо-ролевого распределения знания.

Эту эвристическую модель полностью институционализированного общества можно слегка видоизменить, представив, что все социальные действия институционализированы, но не только вокруг общих проблем. Хотя стиль жизни, предписываемый членам этого сообщества, был бы столь же суровым, все же здесь была бы больше степень специфическо-ролевого распределения знания. Нет необходимости говорить, что ни такой модели полностью институционализированного сообщества, ни ее модификации мы не обнаружим в истории.

Общества, существующие в действительности, можно рассматривать лишь в терминах их приближения к этому крайнему типу. Тогда можно сказать, что примитивные общества приближаются к этому типу в гораздо большей степени, чем цивилизованные. Можно даже сказать, что в развитии архаических цивилизаций заметно прогрессивное движение в противоположную от этого типа сторону.

Его крайней противоположностью было бы общество, в котором существует только одна общая проблема и институционализируются лишь те действия, которые связаны с этой проблемой. В таком обществе почти не было бы общего запаса знания, так как практически всякое знание — специфическо-ролевое. Если говорить о макроскопических обществах, то даже приближений к этому типу не существует в исторической реальности.

Подобный эвристический вымысел полезен в той степени, в какой он помогает прояснить условия, благоприятствующие приближению к нему. Наиболее общее условие — определенная степень разделения труда с сопутствующей дифференциацией институтов. Любое общество, в котором увеличивается разделение труда, движется в сторону, противоположную от вышеописанного первого крайнего типа, т.е. деинституционализируется.

Другое общее условие, тесно связанное с предыдущим, — наличие экономических излишков, позволяющее определенным индивидам или группам заниматься специализированной деятельностью, непосредственно не связанной с поддержанием жизни. Наличие этих специализированных видов деятельности приводит к специализации и сегментации общего запаса знания. Это дает возможность знанию стать чистой теорией.

Однако институционализация не является необратимым процессом, несмотря на тот факт, что однажды созданные институты имеют тенденцию сохраняться. По многим историческим причинам границы институционализированных действий могут уменьшаться, а в отдельных областях социальной жизни может иметь место деинституционализация.

Следующий вопрос, от решения которого будут зависеть различия исторических институциональных порядков, — какова взаимосвязь различных институтов друг с другом на уровнях действий и значений? Что касается первого крайнего вышеуказанного типа, то здесь налицо единство институциональных действий и значений в каждой

субъективной биографии. Весь социальный запас знания актуализирован в каждой индивидуальной биографии. Каждый делает все и знает все. Проблема интеграции значений является исключительно субъективной. Объективный смысл институционального порядка представляется каждому индивиду как данный, общеизвестный и само собой разумеющийся в качестве такового. Если здесь вообще существует какая-либо проблема, то лишь вследствие субъективных трудностей индивида, связанных с интернализацией социально принятых значений.

Чем большим будет отклонение от этой эвристической модели (в реально существующих обществах), тем большими будут модификации данности институциональных значений. На первые две мы уже указывали: сегментация институционального порядка, когда определенные типы индивидов совершают определенные действия и социальное распределение знания, когда специфическо-ролевое знание закреплено за определенными типами.

По мере их развития возникает новая конфигурация на уровне смысла. Теперь проблема относительно интеграции значений в рамках всего общества становится объективной. Эта проблема совершенно иного рода, чем субъективная проблема, связанная с приведением в соответствие смысла, который индивид придает своей биографии, с тем смыслом, которым ее наделяет общество.

Мы выяснили, что институциональная составляющая в науке проявляется как задний план рутинных действий, являющийся необходимым условием процесса познания; аспект рассмотрения самой науки; сложившийся этос науки. Одним из важных аспектов институционализации является психологический. Опривычивание предопределяет институционализацию как объективную реальность. Процессы взаимодействия субъектов и распределение труда определяют процесс опривычивания, который характеризуется наличием специализации и образца действий. Объективация, интернализация, экстернализация представляют собой последовательность психологических этапов институционализации. Анализ социальных институтов должен включать эти этапы в их диалектическом единстве.

В социологической литературе выделяется два способа развития уже сложившихся социальных институтов: за счет внутренней дифференциации, специализации связей, функций, учреждений; за счет его перерегулирования. Во втором случае основные участники социального института стремятся кардинально изменить принципы регуляции, не уничтожая при этом сам институт, так как потребность в нем сохраняется. Так, например, институт образования в постсоветском обществе, который после распада СССР стал нуждаться в изменении самой концепции образования, создании новых образовательных учреждений, совершенствовании структуры и содержания образования и т.п., которые должны быть переориентированы на современные потребности общества и предстоящие изменения на рынке труда.

Необходимо отметить, что изменения социальных институтов могут происходить как эволюционным, так и революционным путем. Социальный характер эволюции мира также закономерен, как предыдущее и последующее. Каковы же общие закономерности эволюционирования биологических и социальных систем? Что можно найти общего между основными элементами этих систем — клеткой и человеком?

Во-первых, бросается в глаза то, что они практически не меняются в процессе эволюции систем. Действительно, ни клетка, ни человек не претерпели существенных изменений на всем протяжении биологической и социальной эволюции. Развитие систем шло путем усложнения взаимодействия основных элементов, а не за счет их принципиальной модификации.

Во-вторых, в ходе эволюции систем наблюдается специализация основных элементов в пределах их морфологической и функциональной целостности. Биологические клетки благодаря специализации способны выполнять различные функции в биологи-

ческих организмах. Специализация человека обеспечивает его профессиональное участие в функционировании различных социальных структур – предприятий, институтов и т.п.

В-третьих, эта специализация элементов не закрепляется абсолютно, а выявляется лишь в ходе их становления. Все разнообразие клеток живого организма формируется из универсальной стволовой клетки. Человек также рождается потенциально готовым занять любую профессиональную нишу.

Институциональный подход наряду с синергетическим, процессуальным, рефлексивным и др. подходами является концептуальным основанием более конкретных методологических предписаний, основу которых составляют соответствующие научные методы. Использование институционального подхода позволит исследователю расширить рамки научного познания, взглянуть на предмет исследования по-новому, внести социальную составляющую в гуманитарное исследование.

Е. А. Курлаев

ПОИСКИ РУД В ПУСТОЗЕРСКОМ УЕЗДЕ И НА ПОЛЯРНОМ УРАЛЕ ДО НАЧАЛА XVIII вв.

Толчком и основой для написания данной статьи послужил документ, обнаруженный в РГАДА, при просмотре фонда № 137 «Боярские и городовые книги». Он называется «Книги езду из Пустозерского острогу за Камень тундрою на Усу и на Хай реки для всяких руд, и слюды и камени-хрусталю подьячего Федора Попова с товарыщи» и впервые описывает маршрут геологической экспедиции по Большеземельской тундре вдоль побережья Баренцева моря от Пустозерска до Уральских гор в мае-октябре 1672 г.[1] Документ находится в фонде, в неподходящем по логике соседстве: среди дел г. Владимира. Взяв за основу публикацию источника, мы решили сделать обзор горных поисков в Пустозерском уезде, т.к. помимо использовавшихся ранее в ряде публикаций первоисточников, нами было обнаружено несколько новых документов, относящихся к данной проблематике.

Освоение территории Пустозерского уезда и Полярного Урала связано с неоднократными и многочисленными военными походами, отправлявшимися для сбора дани не позднее, чем с XI в. сначала Новгородом, а потом Москвой. Сведения о военных отрядах и сборе дани в этих краях известны под 1096, 1187, 1193, 1364, 1483, 1499 гг. и др. За пушниной и другими богатствами Крайнего Севера отправлялись и группы торговцев-промышленников. Одним из основных путей, по которому экспедиции достигали р. Печоры и далее — Уральских гор, был водный маршрут через Пезско-Цилемский волок по р. Цильме.

В конце XV в. недалеко от устья р. Печоры появился центр по сбору дани — Пустозерский острог, а на р. Цильме в 20 км от впадения в нее р. Космы была найдена медная руда. Об обстоятельствах открытия неизвестно ничего, но, очевидно, все происходило также как и в последующие годы. Сначала на берегу реки встретили необычные камни с зеленью, которые привезли в Москву, испытали и выплавили медь. В 1491 г. по приказу Ивана III сюда была организована экспедиция для поиска и разработки медной и серебряной руды во главе с детьми боярскими В.И. Болтиным, И.К. Коробьиным, А. Петровым с участием греческих и французских (немецких) мастеров. В экспедиции участвовало более 350 человек устюжан, двинян, пинежан, пермян и вычегжан. Это была первая известная в России попытка разработки руд цветных и драгоценных металлов в промышленном масштабе. Неизвестны обстоятельства, сроки и результаты этих работ, но по одному из источников там было получено и некоторое количество золота. Но, как и позже, горные работы, проводившиеся на большом удалении от освоенных

[1] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Владимир. Д. 13а. Лл. 138–144.

территорий, не оправдалась из-за трудностей с обеспечением рабочей силой, продовольствием и охраной.

После этих событий прошло более 100 лет. В 1618 г. в район Соликамска за золотой, серебряной и медной рудами была послана экспедиция во главе с московским дворянином Чулком Бартеневым и подьячим Гаврилой Левонтьевым[2] В ней участвовали рудознатцы Яков Литвинов с сыновьями Моисеем и Василием, но поиски в этом районе они оказались безуспешными. Тогда Ч. Бартенев и Г. Леонтьев послали рудознатцев и серебряника Митьку за серебряной рудой на Печору. По их оценке, от Чердыни до Цильмы было около 3000 верст. С Цильмы Литвиновы привезли 15 фунтов камня, подобранного на бечевнике, «где было копано преж сего» (Скорее всего, во время экспедиции 1491 г. – Е.К.). Одновременно, вдоль Цильмы на протяжении 400 саж. копали шурфы. При опытной плавке из 11 фунтов руды получилось 11 золотников меди, а из другого образца весом в 4 фунта – 1 фунт меди без 10 золотников. Результаты обнадеживали: «если выйти на слой – будет прибыль».

По результатам проб из Москвы пришел указ: Ч. Бартеневу и Г. Леонтьеву ехать на Цильму для продолжения поисков. В августе 1620 г. они сообщали, что, прибыв на место, они копали в трех местах на глубину от 2 до 7 саж., но рудного слоя не обнаружили. В нескольких местах были найдены лишь отдельные куски руды по 2-3 фунта (всего 28 фунтов). Из 16 фунтов такой руды получилось 1,25 фунта меди. В итоге горные работы, на которые истратили 944 руб., было решено свернуть. Группа прибыла в Москву 14 декабря 1620 г. Длительные поиски выявили только признаки богатой медной руды, промышленных запасов найдено не было[3]

Новый интерес к этому району возник в 1660–70-х гг. В 1661 г. в арктические районы России была направлена группа под командованием дьяка Василия Григорьевича Шпилькина. Поиски серебряной руды охватывали Канин Нос, Югорский шар, Новую Землю, другие территории и продолжались до 1664/65 гг. Отряд должен были организовать и испытания медной руды на р. Цильме[4] В 1667 г. царь распорядился направить на поиски руды на р. Цильму, «где в прежних летах из той руды медь делали», посадского человека Фому Кыркалова и плавильщика Гаврилу Иконника. Им предписывалось использовать инструменты, приготовленные в свое время для экспедиции Романа Неплюева[5] Ранее Ф. Кыркалов участвовал в экспедициях Р. Неплюева и В.Г. Шпилькина[6]

В 1674 – 1676 гг. последовал целый ряд челобитных с просьбой разрешить поиски золотой и серебряной руды в центральных и северных районах России, Прикамье. Заявки подавались в приказ Тайных дел и Посольский приказ от челобитчиков, образовавших поисковые группы единомышленников. Все они были опытными плавильщиками или рудознатцами. Им, одним из первых, разрешались частный розыск драгоценных металлов, меди, железа и строительство не только железоделательных, но и медеплавильных заводов. Одну из таких групп образовали владелец доменных заводов голландец Петр Марселис (после смерти его заменил сын Кристиан Марселис), Еремей Фандергатен, Еремей Традел и рудознатец Лаврентий Андреевич Нейдгарт (Нейтгарт, Нейтарт, Нейтор, Кехтер. Правильно Neidhart – Е.К.)[7] В августе 1674 г. Еремей Фандергатен и

---

[2] Более подробно о работе экспедиции на Каме и Печоре: Кузин А.А. История открытия рудных месторождений до середины XIX в. М., 1961. С. 54–58, 60–62. Введенский А.А. Дом Строгановых в XVI–XVII вв. М., 1962. С. 180. Курлаев Е.А., Манькова И.Л. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII в. у истоков российской промышленной политики. М., 2005. С. 98–135.

[3] РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 1. Л. 13–15.

[4] Там же. Д. 12. Л. 7, 41.

[5] ДАИ. Т.V. С.172–174.

[6] РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 13. Л. 24.

[7] ДАИ. Т.VI. С. 158–169.

Лаврентий Нейдгарт занимались организацией рудокопного промысла на Мезени, в Пустозерском уезде и на Цильме.

Последние попытки использовать залежи медных руд на Цильме отмечены нами в начале XVIII в. в связи с деятельностью Рудного приказа. В 1702 г. в который уже раз с р. Цильмы прибыл «изветчик» Лука Агафонов с рудой. По свидетельству греческих мастеров «та руда — медная, самая добрая и прибыльная». В марте этого же года для организации медеплавильного производства вместе с изветчиками Л. Агафоновым и Федором Кузнецом туда послали трех дворян (Федора Огарева, Петра Каблукова, Федора Корабанова), 2 рудосыскных греческих мастеров (Семена Григорьева и Вельямина Левандиана), подьячих и солдат. Руду искали и копали по р. Цильме «на старых местах и вокруг на 10 верст рвами, и подкопами и колодезями», выкопав около 600 саж. Для выплавки меди была построена печь, где к 6 марта 1705 г. получили 3 пуда 30ф. Имеющиеся в наличии люди на себе издалека таскали лес по глубокому снегу. Для продолжения работ требовалось дополнительно не менее 30 работников. Первоначально руда попадалась хорошая, но по мере углубления в землю, прожилины с медью стали исчезать. Кроме того, дождевая вода затекла в подкопы и замерзла. «Да и впредь де они, Семен не чают быть настоящим рудам для того, что страна холодная во все лето земля замерзла». 21 марта 1705г. по приказу главы приказа Рудных дел окольничего А.Т. Лихачева все работы на Цильме были прекращены, а люди вывезены. На организацию работ, продолжавшихся с 1702 г. по март 1705 г., было истрачено 802 руб.[8]

Кроме района Цильмы, поиски драгоценных и цветных металлов распространялись далее на восток Пустозерского уезда до Уральских гор. По морю вдоль побережья они достигали Новой Земли, Югорского Шара, о. Вайгач и далее к Ямалу. Особенно привлекали известия о неведомых землях и находках камней, содержавших серебро. Вот одно из таких сообщений 1667 г. «Ведомо великому государю учинилось, что в Пустозерском остроге есть гора. А течет из середины той горы руда белая, подобна серебру или олову. И что выжимается, то само и садится, да ис той же горы в двух местах. А чают ис той руды быти серебру или олову. Да есть гора великая, а у той горы слюда, и той де слюды и на верху той горы много...»[9] Столь высокая активность в поисках серебра на северных территориях в XV–XVII вв. позволяет заново обратить внимание на летописные упоминания о «серебре закамском». Возможно, тогда речь шла о неком месторождении серебряной руды, находившимся за волоком, соединявшим верховья р. Камы с бассейном р. Печоры.

Из череды геологоразведочных экспедиций, посылавшихся в Арктику, остановимся на походах воевод Неплюевых к Новой Земле. Впервые обстоятельства экспедиции Романа Наплюева на Новую Землю за серебряной и золотой рудой в 1651–1653 гг. на основании одного найденного архивного дела, рассмотрел профессор А.А. Зворыкин[10] Собранные им данные стали основой в оценке развития геологоразведочных работ в Арктике[11] Для нас наиболее важными стали документальные сведения о зимовке экспедиции, поскольку, удалось установить точное место зимовья и смерти Р. Неплюева и других участников похода.

В 1651 г. по указу царя Алексея Михайловича на Новую Землю для поиска серебряной и медной руд была послана экспедиция во главе с Романом Неплюевым. Ранее, в 1630-х гг., он был пустозерским воеводой. На Мезени и Кулое отряд должен был сделать кочи, набрать людей и плыть вдоль берега на восток. Итог первого похода неизвестен, но в следующем 1652 г. Роман был послан вторично с племянниками Иваном, Данилой и

[8] РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 606. Л. 2–4.

[9] Там же. Ф. 151. Оп. 1. Д. 13. Л. 13.

[10] Зворыкин А.А. Пионеры изучения Арктики. Природа. 1946. № 12. С. 79–83.

[11] Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. История открытия и освоения Северного морского пути. Т. I. М., 1956. С. 62–66.

Микулой Неплюевыми, 2 рудознатцами, 1 кузнецом и 1 серебряником. Из Холмогор и Архангельска в эту группу включили 2 попов, 50 стрельцов, 14 «тюремных сидельцев», 6 кормщиков. Всего на Новую Землю на трех лодьях и двух кочах отправилось 83 человека. Основная задача оставалась прежней: поиск золотых, серебряных и медных руд.

Экспедиция вышла в море 3 июля 1652 г. До этого плыть мешали морской ветер и лед. Из рассказа части вернувшихся участников следовало, что один коч со стрельцами и припасами отнесло в сторону, и он вернулся в Холмогоры. Остальные из-за «противных (встречных) ветров» не сумели достигнуть Новой Земли. От нескончаемых штормов у них испортились запасы продовольствия, сгнила одежда. Р. Неплюев с племянниками Микулой и Данилой, 2 попами, 2 рудознатцами, 4 кормщиками, 25 стрельцами, 14 заключенными, кузнецом (всего 55 человек) были вынуждены остановиться и переждать непогоду на побережье с твердой уверенностью весной-летом отправиться к Новой Земле. «А как Бог подаст на весну и он зимовные избы и остаточные запасы положа в суды пойдет на Новую Землю. И на Новой Земле, устроя избы, пойдет по Новой Земле для всяких призначных руд и узорочнго каменья»[12]. Другую группу, состоявшую из 20 стрельцов и пятидесятника, во главе с племянником Иваном, Р. Неплюев отправил из зимовья «за платенною скудостью» назад в Холмогоры.

В марте 1653 г. Р. Неплюев извещал о трагическом положении зимовщиков. С 15 ноября 1652 г. по 9 марта 1653г. от цинги в зимовье умерли Микула Неплюев, поп и 12 человек стрельцов и заключенных, остальные лежали больные. К возвращению в зимовье Ивана умерли Роман и Данила Неплюевы. В июле 1653 г. племянник Иван Неплюев сообщал в Москву, что с последними оставшимися в живых 3 человеками, он ожидал в зимовье очистки рек ото льда и возможности выбраться морем на Мезень.

Очевидно, воспоминания именно об этой экспедиции сохранились в записках Н. Витсена. Он пишет: «Некоторое время назад некий русский господин, в искупление за совершенное преступление, заявил двору в Москве, что на Новой Земле имеется серебряная руда. Его тогда послали туда, но он безрезультатно вернулся назад. Во второй раз он отправился туда с очень многими рабочими и никогда не вернулся, а все погибли. Считалось, что они слишком долго оставались на берегу, что море вокруг замерзло, и что они умерли от холода или погибли в море[13]

В последнем своем донесении в Москву Р. Неплюев сообщал о невозможности достигнуть Новой Земли зимой «... в зимнюю пору темнота бывает великая недель 10 и больше, а ветры и снеги великие не выпустят недели три и четыре». Он описал местность от зимовья до Новой Земли: «земля Бурлов берег островами Долгим и Матвеевым и Вайгачем сошлись с Новой Землею блиски...». В другом случае говорилось, что И. Неплюев ехал с Москвы «на Бурлов берег к Песчанке реке в зимовье и он Роман поставил зимовье до весны подле Меденской губы на Бургове (Бурловс — Е.К.) берегу у речки Пещанки... А от Пещанки до Новой Земли морского ходу 1 день...»[14]

Точное местонахождение зимовья, где встретил последние дни Роман Неплюев с остатками экспедиции, восстанавливается по атласу А.Ф. Маркса и современной географической карте. Все вышеупомянутые названия, за исключением «Бурлов берег», на них можно найти. Но и «Бурлов берег» можно определить по имеющимся данным на карте. Неподалеку от побережья и р. Песчанки на современной карте до настоящего времени сохранилась точка: «изба Роман яга». Несомненно, в этом названии запечатлена память о месте зимовки экспедиции (рис. 1,2). Окончательную точку в поиске остатков зимовья могут поставить археологические исследования.

[12] РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 12. Л. 29.

[13] Witsen N. Noord en Oost Tartarye. Amsterdam, 1705. Цит. по Ясинкси М.Э., Овсянников О.В. Пустозерск. Русский город в Арктике. СПб., 2003. С. 148.

[14] РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 12. Л. 17, 18, 29, 30.

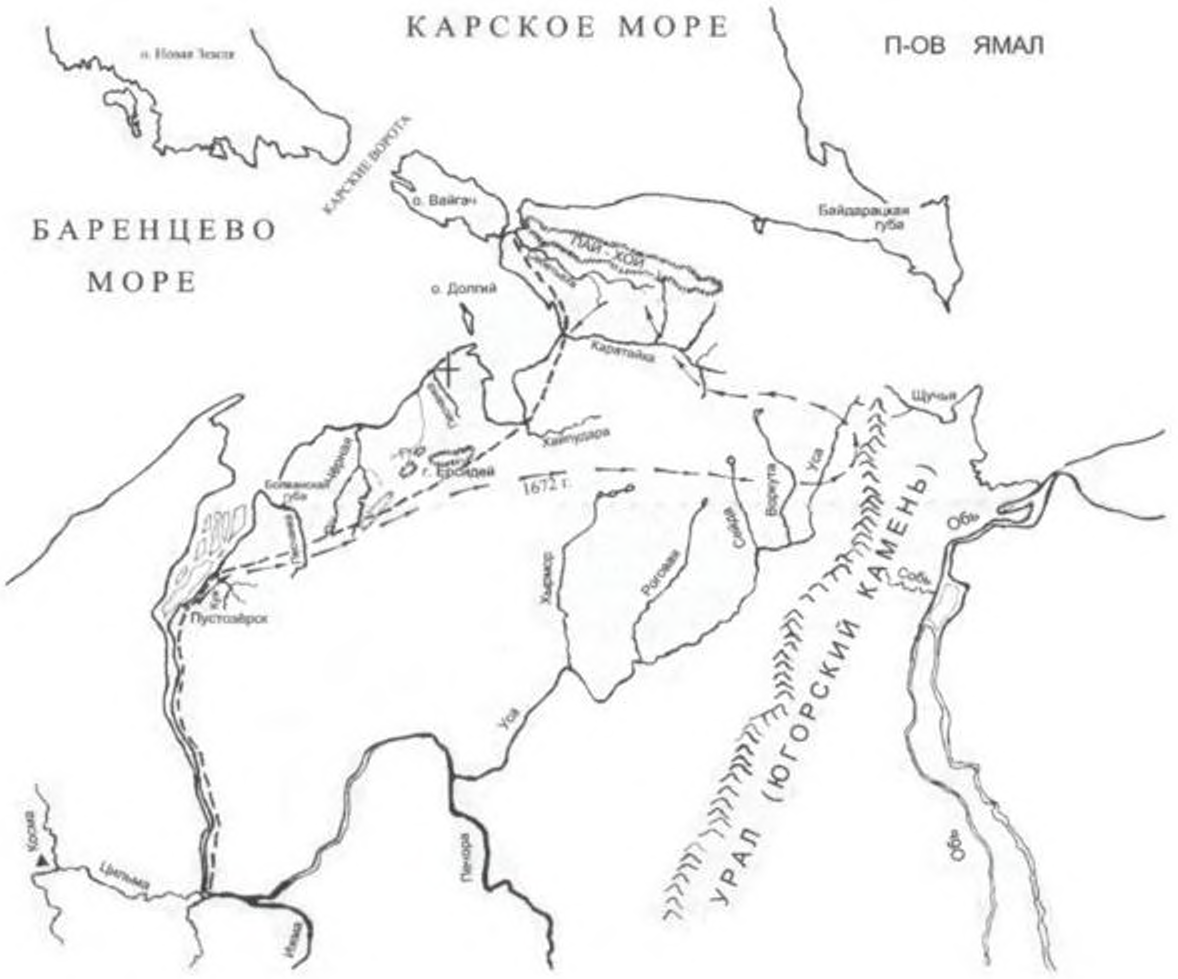


Рис. 1. Схема маршрута экспедиции подъячего Ф. Попова из Пустозёрска к Уральским горам в 1672 г.

┼ – место зимовки и гибели экспедиции Р. Неплюева в 1653 г.

– зимник

Следует отметить, что одновременно с развитием русского мореплавания на Арктическом Севере, походами промышленников и государственных экспедиций на Новую Землю и в Мангазею в XVI – XVII вв., через полярные моря в Сибирь проникали западноевропейские купеческие и правительственные компании. В организации северных экспедиций наибольшую активность проявляли Англия и Голландия.

В документе 1652 г. была вклеена «роспись ходу на Новую Землю», где говорилось: «А жилых людей на той Новой Земле никаких нет. И морские промышленники сказывали, что никаких людей на той Новой Земле не видали. Окроме того, в прошлых давних летех видали в Маточкине шаре и в иных губах не по один год немецкой караул.

Рис. 2. Место зимовки и гибели экспедиции Р.Неплюева в 1653 г.

А чают де оне, немцы хаживали для сыску серебра и иных призначных руд. А после они морские промышленники никаких немецких людей на Новой Земле не видали»[15]

И действительно в книге Н. Витсена имеются воспоминания голландских мореплавателей о поиске серебряной руды на Новой Земле. В 1675 г. один из шкиперов сообщал, что на берегу Новой Земли он увидел горы из камня, блестевшего как серебро или золото. Он приказал нагрузить им корабль и повез в Голландию[16]

Через 20 лет после гибели Р. Неплюева новую экспедицию на Новую Землю возглавили его сын-стольник Леонтий Романович Неплюев и участник похода 1651–1653 гг. племянник Иван Яковлевич Неплюев. В январе 1672 г. оба были направлены воеводами в Пустозерск. Отрывочные сведения об этих событиях были выявлены П.А. Филином в 6 делах фонда № 159 РГАДА (Приказные дела новой разборки)[17] По оценке автора открытия документы в основном повествуют либо о подготовительном этапе похода в 1672 г., когда была поставлена задача идти на Новую Землю на поиски руды, либо о заключительном – в 1676/77 гг., когда описывались припасы, оставшиеся от отряда. Исследователь не нашел сведений об этапах, ходе и результатах этой экспедиции.

Нам удалось пополнить этот скудный багаж сведений еще 4 новыми документами РГАДА. Два из них были обнаружены в фонде № 143 (Аптекарский приказ), один в фонде № 159 и, упомянутый в начале статьи документ, в фонде № 137. Три первых документа связаны с личностью известного медеплавильного и рудознатного мастера Лаврентия Андреевича Нейдгарта, длительное время работавшего на медеплавильном заводе вблизи Казани.

В 181 г. (1672/3) г. Лаврентий находился в Мезени. Это был год начала экспедиции И. Неплюева на Новую Землю и, несомненно, Л. Нейдгарт должен был принять в ней участие. Это предположение подтверждает и наличие у мастера подорожной от Мезени до Пустозерска. На съезжем дворе он говорил пустозерскому воеводе о разрешении царя временно по личной нужде задержаться в Мезени. Далее из отписки И. Неплюева следовало, что, несмотря на неоднократные напоминания о скорейшем выезде в Пустозерск, до января 1676 г. Лаврентий там так и не появился[18]

В другом документе Л.А. Нейдгарт выступает в неожиданной роли. Он возвращает в Аптекарский приказ оставшиеся лекарства, которые, как говорится в документе, были посланы в 180 г. (1672/73 г.) из Аптекарского приказа с Иваном Неплюевым на Новую Землю. Передача лекарств происходила в июле 1675 г., очевидно, в год завершения похода.

---

[15] РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 12. Л. 25.

[16] Ясинкси М.Э., Овсянников О.В. Указ. соч. С. 148.

[17] Филин П.А. Экспедиция пустозерских воевод Леонтия и Ивана Неплюевых на Новую Землю для поиска серебряной руды в 70-х гг. XVII века // Полярный архив. Т. I. М., 2003. С. 208–210.

[18] РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 593. Л. 1.

Документ раскрывает одну малозаметную, но важную особенность крупных геологоразведочных экспедиций, организованных государством. В составе многих из них имелся врач с набором лекарств. В экспедиции В.И. Стрешнева и В. Сергеева (1633–1634 гг.) был лекарь англичанин Матвей Кинфин, в экспедиции Я.Т. Хитрово (1672–1673 гг.) — лекарь Дмитрий Никитин с двумя подводами лекарств из Аптекарского приказа. Пока трудно представить, что, будучи потомственным и профессиональным рудознатцем и плавильным мастером, Л. Нейдгарт мог быть одновременно и аптекарем. Но, как подсказывает следующий документ, одновременно с основной профессиональной деятельностью он мог быть переводчиком у лекаря.

Перечень передаваемых лекарств достаточно многообразен. В нем 26 наименований, из которых часть имеют латинские окончания, часть плохо понимаемы. В списке перечислены различные духи со скляницами (колхеярин, сансама), масла (скипидарное, можжевеловое, розмарин), мази (басиинум, митридацум), пластыри (обсединмум и др.), порох от кровавого поноса, водки, патока, сахар [19]

Другое дело может иметь лишь косвенное отношение к экспедиции. Из него следует, что в мае 1671 г. Л. Нейдгарт был на 5 месяцев временно назначен толмачем к доктору Л. Блюментросту на Новый Аптекарский двор с годовым окладом в 5 руб. и месячным кормом в 2 руб. Кроме того, он получил 10 руб. за изготовление неких аптекарских образцов. Очевидно, это были какие-то приспособления, изготовленные из меди [20]

В четвертом документе впервые подробно описывается маршрут подьячего пустозерской съезжей избы Федора Попова с кузнецом, слюдником и проводниками по Большеземельской тундре. Это — первое подробное описание прибрежной части Северного Ледовитого океана от Пустозерского острога до Уральских гор (см. Приложение). Несомненно, этот поход — часть мероприятий по выполнению царского указа, поиску руд и «узорочного каменья», организованных пустозерскими воеводами Л.Р. Неплюевым и И.Я. Неплюевым в 1672 г. одновременно с организацией плавания к Новой Земле. Маршрут пути Ф. Попова и место зимовки Р. Неплюева устанавливались по атласу А.Ф. Маркса дореволюционного издания, где сохранились многие названия, упомянутые в XVII в., и современной карте края [21] (рис. 1.)

Как показывают документы, вся история освоения и открытия русскими Арктики неразрывно связана с геологическими поисками в суровом окружении холода, льдов, вечной мерзлоты, темноты и короткого полярного лета. Несомненно, в архивах лежит еще немало документов, которые бы помогли более детально осветить обстоятельства освоения Полярного Урала и Ямала. В этом исследовании необходимо привлечь и методы археологического поиска, начав с выявления и обследования места зимовья Р. Неплюева. Оценивая упорство, с каким государство возрождало горные работы на Цильме, в более чем трехсотлетний период, считаю, что, как и в XVIII в., в начальный (более богатый) период эксплуатации месторождения там действовало не менее одной медеплавильной печи. Можно ли считать, что в 1491 г. здесь возник первый в России медеплавильный завод? Полагаю, что можно.

---

[19] РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 105 Л. 1–1 об.

[20] Там же Д. 1004. Л. 1.

[21] Маркс А.Ф. Новый настольный атлас. Спб., 1904. № 17, 18. Карта Европейской России. Л. 3–4. Архангельская область, Ненецкий автономный округ. Карта административно-территориального устройства. СПб., 2005.

ПРИЛОЖЕНИЕ

(л.138) 1672 г. — Книги езду из Пустозерского острогу за Камен[ь] тундрою на Усу и на Хай реки для всяких руд и слюды и камени-хрусталю подьячего Федора Попова с товарыщи.

(л. 139) 180-го (1672) году мая в 14 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича [м.т.] указу и по наказной памяти стол[ь]ника и воеводы Леонт[ь]я Романовича, Ивана Яковлевича Неплюевых. Пустозерского острогу съезжей избы подячей Федор Попов да слюдник Прохорко Леонт[ь]ев, кузнец Фет[ь]ка Синицин с самодийцы, с Юлтиском до с Силком с товарыщи, из Пустозерского острогу за Камен тундрою на реки на Усу и на Хай и в Югорской камен[ь] для всяких руд и слюдного, и камени-хрусталя промыслов ездили, и в котором месте // (л. 139 об.) слюду и хрусталь нашли. И что от Пустозерского острогу до слюдных и до хрустал[ь]ных мест и до реки до Усы и до Хаи и до Оби ходу и скол[ь]ки недели и что по той езду реке, то писано в сех книгех.

От Пустозерского острогу -река Куя. От реки Куи – лес заледей. От лесу заледей — река Пещаница, велика и рыбна, падет в море в Болванскую губу. От Пещаницы река Черная[1] падет в море.

л. 140. От реки от Черной — река Урерь[2], падет в реку в Черную. От реки Урера — река Точва[3], вершиною от моря, падет в реку Усу. От реки от Точвы — горы высокия, камен[ь] мелкий с песком. Меж тех гор озера великие рыбные. Прозванье тем горам — Ерудец[4] И у тех гор жыли два дни. По образцам руд искали, и кроме простого камени и песку ничего отличного нет.

От Ерудца гор Хаю Пыдора[5] река падет в море через Бурлов берег, а по скаске // (л. 140 об.) самоедца от Пустозерского острогу до слюдных мест река Хаю Пыдора наполовину.

От Хаю Пыдора реки — река Хырмур[6], вершиною от моря падет в Усу реку.

От реки Хырсмура — холм гораздо высок, словет прозваньем Тадебыева. А из пот того холма текут две реки: река Харденог[7] — падет в Усу реку; река Коротаива[8] — падет в море в Коротаиву губу к Опскому морю.

От рек и от холма — озеро верстах на двадцат[ь], прозваньем Лиственичное. Из озера падет в Усу реку. Над тем над // (л. 141) озером — горы высокие.

От озера и от гор — озеро рыбное Долгое. Из озера речка Сей[9] падет в Усу.

От Сею реки падет река Воркутей[10], падет в Усу.

От Воркутеи реки река Уса. И реку Усу перешли через, а падет та река вершинами от моря в реки в Печеру выше Пустозерского острогу верст за 400.

От реки от Усы выше правые вершины среди высокого Югорского камени озеро Уское, а из с того озера подо восток // (л. 141 об.) пошла река Хай[11], падет в реку Об[ь] Великую.

---

[1] Реки Куя, Песчаница, Черная; Болванская губа сохранили свои названия и атласе А.Ф. Маркса и на современной карте.

[2] В атласе А.Ф. Маркса — р. Саареда.

[3] Очевидно, это — р. Колва.

[4] В атласе А.Ф. Маркса — г. Ерсидей.

[5] В атласе А.Ф. Маркса — р. Хайпудара.

[6] В атласе А.Ф. Маркса — р. Хырмор.

[7] Возможно это — р. Роговая.

[8] р. Каратайка.

[9] В атласе А.Ф. Маркса — р. Сейда.

[10] р. Воркута.

[11] Аналог названия реки не найден, но возможно это одно из названий р. Собь, где издавна проходил волок.

От Уского озера — озеро Рыбное, от Усы реки в правой стороне. По извету Ситка, от того озера ход прямо до реки до Усы. Да от того же озера до слюдных гор пешим ходом шли ден[ь], и приехали к слюдным горам августа в 7. И слюдник Прохорко сказал, что в тех горах слюда есть, и на тех горах слюду промышляли. А сед[ь]маго числа августа по 15 число и у промышляли с люд[ь]ми, и которая была снасть — о камен приломали. А кузнецу починиват[ь] нечем было, потому что // (л. 142) угол[ь]я добывать не на чем и не с кем. А водяной пут[ь] от тех слюдных гор озером Уским — пять ден малыми лодками, потому что порожнего. А изъехав пять днищ мочно идти по Усы реки обласками до Печеры.

Да по извету Ситкову, что он сказывал про камень блиско тех же слюдных гор, и у того камени под[ь]ячей и слюдник были и место в горе — знак, что камене имано. А остаточное камен[ь]е блиско того камени — мало, прилично и хрусталю. И того камени для обрасца взято.

// (л. 142 об.) А в которых числех на тех горах промышляли слюду и в тех числех приехали к нам на станы с реки Великие Оби самоедцы — ослядцкие[12] пастухи, осляка[13] Васки Ермакова и самоедцов, которые с нами были, и нам говорили. Знаем мы слюду посреди горы.

И в нынешнем во 180-м (1672) году, прежде вас незадолго присыланы были из с Тобол[ь]ска, а какова чину тово не ведамо. Да с ним з Березова пустозерец Никифорко Гаврилов, да пустозерец самоядин Тюрголко Ланов с товарыщи. И на тех де горах имана де слюда и // (л. 143) камен[ь] хрусталь. А что сказывал про слюдную гору, они самоедцы учинилис[ь] нам сильны, горы не указали.

А слюда найдена по извету Ситка на двух горах, а ходом пешим от тех гор будет по днищу.

А от Пустозерского острогу из Ыжемской слободки по Печере и по Усы рекам вверх недель пять ходу.

А до Березова по скаске самоедцав водяным же путем ходу неделя.

// (л. 143 об.) И сентября в 17 от слюдных гор приехали на реку Коротаиву, и на той реке ...хали с самоядцы на ма..., которой быль насыпан с Феткою ...рью и Маетко извещал нам [на]шол де он Маетко в горах на реке на Сыбыте[14] по горам в берегах камен[ь], от простых отличен каменей.

И по тому Маеткову извету Федор Попов с реки с Коротаевой с Маетковым изветом с Мадориском на Сыбыть реку ездили, и у той реки в берегах в розных местех камен[ь]-хрусталь находили меж белым каменем. И те хрустального камени // (л. 144) пожилины в гору простали в камен[ь]. А много взять было неким, потому что де снасти у слюды приломили.

Да от реки Сибыти в нис на реку на хрустал[ь] имали же, а каков хрустал[ь], и тому взят образец, а у тех гор ... два дни.

И сентября в 23 поехали с реки с Ыбыти через ту ж реку Коротаиву, и приехали в Пустозерской острог октября в 22.

л. 144 об. А от слюдных мест до реки Сыебити три дни, оленьим ходом шли три недели.... верстали. Число верст с пол... реста.

РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 13а. Владимир. Лл.138–144. Подлинник.

[12] остяцкие.

[13] остяка.

[14] Очевидно, это р. Себетьяха на Югорском полуострове у хребта Пай-Хой.

А. Г. Сапожников

УРАЛЬСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О ВЕЛИКОЙ СЕВЕРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Настоящим подвигом первопроходцев, исследователей Русского и Сибирского Севера, Дальнего Востока и омывающих эти рубежи России морей и океанов была Великая Северная экспедиция (1733–1743 гг.). В ней наряду с учеными и организаторами, такими, как В. Беринг, Г. Миллер, И. Гмелин, С.П. Крашенинников, Делиль де ла Кройер участвовали десятки отважных морских офицеров, геодезистов, сотни матросов, казаков, ряд горных специалистов.

Имена многих из них остались в истории освоения Севера, на его картах: это лейтенанты Д.Л. Овцын, Х. и Д. Лаптевы, М. Прончищев, Бестужев, Муравьев, Павлов, С.Г. Малыгин.

В государственном архиве Свердловской области хранятся документы, относящиеся к времени Великой Северной Экспедиции, в которых раскрываются любопытные подробности исследования побережья северных российских морей от Архангельска до Оби. Прежде всего, это промемория лейтенанта и штурмана С.Г. Малыгина. Выпускник Московской навигацкой школы с молодых лет постигал морское дело. Вместе с другими курсантами Навигацкой школы он каждое лето служил на кораблях, зарабатывая себе на жизнь и учебу в школе. Стал превосходным специалистом-штурманом, «выдающимся русским штурманом», как охарактеризовал его известный историк географии и картографии Лео Багров[1] В 1731 году он написал первое русское навигационное руководство. Участник Великой Северной экспедиции, которому было поручено исследование «морского проходу от Архангельского города в реку Обь».[2] В 1737 г. суда Малыгина прошли первыми пролив между о. Белый и северной оконечностью полуострова Ямал. Этот пролив носит имя Малыгина[3]. По окончании Великой Северной экспедиции С.Г. Малыгин был определен преподавателем и руководил обучением всех русских штурманов[4].

Промемория Малыгина, подписанная им 3 декабря 1737 года в г. Березове, и упоминание о нем в подорожной, выданной поручиком Антоном Щуклиным 2 декабря того же 1737 г., позволяет исследователю выявить новые факты деятельности отряда Великой Северной экспедиции, изучавшего побережье Севера России и Западной Сибири.

Среди задач, поставленных перед отрядом кораблей под командой Малыгина (изучение северного морского пути, составление лоций, картографирование побережья и островов, рек, прибрежных поселений и крепостей), была еще одна: поиск металлов и минералов на побережье. В экспедицию «по силе присланного из Коммерц-коллегии указа» и «определению генерал-поручика господина Геннина... для прииска металлов и минералов и проб оных и описания мест» с Пыскорского завода были командированы штейгер – иноземец Элиас Кристиан Шель (Илиас, Илья, Кристиан – имя Шеля варь-

---

[1] Багров Лео История русской картографии. М., Центрополиграф. 2005. С. 399.

[2] Государственный архив Свердловской области, ф.24, оп.1, д.704, л.л. 272, 273.

[3] Географический энциклопедический словарь

[4] Багров Лео Указ. соч. С. 399.

ируется в разных документах) и гиттенфервалтер Дмитрий Одинцов.[5] Вместе с горными офицерами был направлен солдат Василий Полуектов, сопровождавший Шеля не только в экспедиции, но и в последующих его поездках, в частности в Мензелинск, к В.Н. Татищеву.

23 августа 1733 г. Шель, Одинцов и солдат Полуектов отправились в Архангельск, где были зачислены в команду «морского флота поручиков Павлова и Бестужева.[6] Из имевшихся в нашем распоряжении документов ГАСО, неизвестно, чем посланные уральскими горными властями офицеры были заняты в период времени с прибытия в «команду» до мая 1736 г., когда на одном из морских ботов отряда Малыгина Элиас Шель и солдат Полуектов отплыли в опасное полярное морское плавание, в котором, как пишет Шель, он «принял труд немалой».[7]

В следующую навигацию (1736 г.) экспедицию возглавил С.Г. Малыгин. Ему удалось пройти весь путь от Архангельска до Оби. Эта экспедиция продолжалась 1 год и 10 месяцев. В декабре 1737 г. участники уже находились в г. Березове. Известно, что в море ему помогал лейтенант Скуратов, геодезические работы на суше вел геодезист Селифанов, прошедший на оленьих упряжках все побережье Ямала и определивший координаты северной оконечности полуострова.[8]

Э. Шель занимался своим делом, прилагая «труд немалой» к отысканию металлов и минералов. Как свидетельствует в своей промемории к «Благородному Господину команду имеющему в Екатеринбурге» (в 1737 г. им формально оставался В.Н. Татищев, но фактически заводскими делами занималась коллегия — Л. Угримов, И. Юдин, Н. Клеопин, Т. Бурцев. Татищев же был загружен делами Комиссии башкирских дел), Шель нигде не нашел признаков руд и других минералов.

О результатах этих изысканий штейгер составил «при репорте» через Малыгина донощение в Государственную адмиралтейскую коллегию: «что оных металлов и минералов отыскивал и нигде к тому признаков не нашлось, да и быть де в таком климате холодном невозможно понеже земля в лето неглубоко тает а более все места в тундре мокрые...».[9]

Таковы были итоги первого геологического исследования северных прибрежных территорий. На иной результат штейгер Шель вряд ли мог рассчитывать, поскольку вел разведки ограниченным числом рабочих рук (солдат Полуектов, да, возможно, малое число матросов из команды бота), простейшими инструментами рудознатца и горщика, которые он привез в Архангельск с Урала и вернул в Екатеринбург через 3 с половиной года, по окончании экспедиции.

А экспедиция С.Г. Малыгина в декабре 1737 г. действительно была официально закончена, хотя геодезические съемки побережья от Архангельска до Мезени, от мыса Канин Нос до Карского моря продолжались и позднее. В 1739-1741 гг. их проводили лейтенанты Сухотин, Бестужев и В. Ванков, но уже вне рамок Великой Северной экспедиции.[10]

---

[5] ГАСО, ф. 24, оп.1, д.704, л.283.

[6] Лейтенант Бестужев известен как составитель карты Кольского залива (См. Багров Лео, Указ. соч. С. 399).

[7] Там же, л.275. Возможно, навигацию 1734 и 1735 гг. Шель плавал на судах под командой лейтенантов Павлова и Муравьева, которые в 1734 г. описывали морское побережье от Югорского Шара до Ямала, а в следующем 1735 г. достигли Карского моря, где встретили и мощные льды, помешавшие им выйти к устью Оби, но сам Шель не упоминает об этих морских походах. (См. Багров Лео. Указ. соч.).

[8] Багров Лео. Указ соч., л. 399.

[9] ГАСО, ф. 24, оп.1, д.704, л. 272.

[10] Багров Лео. Указ. соч., С.399. Автор указывает также, что описание сектора от Оби до Енисея проводила другая группа Северной экспедиции под командой Д.Л. Овцына. Осенью 1737 г. партия Овцына достигла Енисея. После — в 1738-1741 гг. другим командирам — Минину и Стрелегову не удались попытки обойти морем полуостров Таймыр, и Адмиралтейств-коллегия велела прекратить все попытки (С. 399-400).

В начале декабря 1737 г. Малыгин решает отправить прикомандированного к его отряду штейгера Шеля и солдата Полуектова в Екатеринбург с промеморией, где, кроме указания о службе Шеля в экспедиции, отмечает, что оба служивых получили жалованье по декабрь 1737 года — один денежное, другой — хлебное[11]

Согласно выданной в Березове подорожной, скрепленной печатью города Березова («о три узолка»),[12] Шель на трех подводах через Самаровский, Демьяновский ямы, Тобольск, прибыл в Екатеринбург и 13 января 1738 года «явил» в Канцелярии Главного заводов правления промеморию лейтенанта Малыгина и подорожную.

Как дальше складывались судьбы Элиаса Шеля — участника Великой Северной экспедиции?

В своем доношении в Канцелярию Главного заводов правления Шель по традиции делопроизводства того времени кратко напомнил историю своего путешествия, указал, что давно уже не получал положенного ему по контракту жалованья и выразил твердое желание ехать к В.Н. Татищеву. Шель мотивировал необходимость явиться к Татищеву тем, что он должен «пространно» ему донести «о бытности своей в экспедиции и о нуждах своих», поскольку здесь, в Канцелярии за незнанием русского языка он «исправно донести не может»[13].

Коллегия горных управителей Канцелярии посчитала информацию об экспедиции важной и отправила Шеля к генерал-лейтенанту и тайному советнику В.Н. Татищеву в Мензелинск вместе со старым спутником штейгера — солдатом Полуектовым.

Аудиенция у Татищева состоялась. К сожалению, мы не располагаем документами о ее содержании. Но 3 марта 1738 года Татищев лично подписал Шелю подорожную на две подводы с приложением личной печати до Екатеринбурга, куда Шель и Полуектов благополучно вернулись.

Можно предположить, что Татищев выслал также распоряжение своим коллегам в Канцелярию Главного заводов правления о продлении контракта с Шелем, причем с повышением в чине до обер-штейгера и солидным окладом, поскольку штейгер настаивал на включение в контакт обер-штейгерства.

Контракт с Шелем был заключен после почти месячного согласования его условий. Горные управители несколько умерили желания иноземного специалиста: он не получил чина обер-штейгера и 200 рублей жалованья в год (согласились на 168 руб.). Но Шель все-таки выговорил некоторые условия: служить он будет «в комиссии» Татищева или прочих местах, «кроме Нерчинска», получает «казенную квартиру», проводника и прогонные деньги при служебных поездках. А по окончании службы волен он, Шель, выехать за границу России на казенный счет. Кроме всего, штейгер обязывался «безкрытно», т.е. без утайки мастерства обучать русских учеников.

Другой участник Великой Северной экспедиции, солдат Василий Полуектов, по возвращении его из Мензелинска был определен снова «к ротным делам», т.е. в воинскую команду.

Судьбу отправленного одновременно с Шелем гиттенфервалтера Д. Одинцова прояснить не удалось. Шель же, вернувшийся в Екатеринбург, заявил, что он не ведает, где обретается Одинцов и не сообщил о нем никаких сведений.

[11] ГАСО, ф.24, оп.1, д.704, л.272.
[12] Там же. Л.274.
[13] Там же. Л.276.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. 1737 декабря 3. Промемория лейтенанта Малыгина в канцелярию Главного правления Сибирских и Казанских заводов

Промемория
Благородному Господину команду имеющем в Екатеринбурхе от флота
от лейтенанта Малыгина

В команде моей был рудознатель Илья Шель на боту следующем морем во изыскании проходу от города Архангельского в реку Обь, который по силе данной мне инструкции где случаи имели быть у берегов оной Шель металлов и минералов отыскивал и нигде признаками к тому не показалось и оной Шель предложил мне при рапорте в доношении для предложения в Государственную адмиралтейскую коллегию что оных металлов и минералов обыскивал и нигде к тому признаков не нашлось. Да и быть де в таком климате холодном невозможно.

Понеже земля в лето неглубоко тает, а более все места в тундре мокрые. А по присланному указу из государственной адмиралтейской коллегии повелено иметь их рудознателей до окончания экспедиции и ныне та экспедиция та окончилась. Того ради оной рудознатель Илья Шель отпущен в прежнюю команду, в Екатеринбурх и с ево инструменты и при нем обретающийся солдат Василей Полуехтов.

Выдано Илье денежное жалованье по двойному окладу по декабрь месяц сего 1732 году. Тако ж и солдату Василью Полуехтову выдано (?) хлебное жалованье декабря по первое число сего 1737 году. И об оном да благоволите учинить по Ея Императорского величества указу.

декабря 3 дня 1737 году
от флота Лейтенант Малыгин

ГАСО, ф.24, оп.1, д.704, л.272.

2. 1738 января. Доношение штейгера К. Шеля в канцелярию Главного правления Сибирских и Казанских заводов

В канцелярию Главного правления Сибирских и Казанских заводов
Всепокорнейше донесение,

Доносит штейгер иноземец Кристиан Шель о последующем.

1. в прошлом 1733 году послан я, нижайший, из Екатеринбурга з гитенфервалтером Дмитрием Одинцовым к городу Архангельскому, где по прибытии явить в назначенной экспедиции в команду морского флота порутчиком Павлову и Бестужеву. И при оных был в той экспедиции на морских судах для прииску металлов и минералов 1737 г. по декабрь месяц, где себе принял немалой труд,

2. в бытность мою в оной экспедиции мая с 1 числа 1736 по декабрь месяц 1737 году итого на один год и десять месяцов по окладу моему недодано мне тамо денежного жалованья тридцати восьми рублев неведомо для чего в чем мне есть небезобидно,

3. по окончании оной экспедиции из Березова от флота лейтенанта Малыгина отпущен я обратно в Екатеринбурх з данною мне от него Малыгина промеморией которая мною в канцелярию Главного заводов правления и подана,

4. в тот путь оттуда дано мне на платеж прогонов и при мне солдату Василью Полуехтову на три подводы на которые заплачено мною толь ко четырнадцать рублев пятьдесят копеек затем у меня в остатке тридцать рублев пятитесят копеек и оные издержал я в пути на свои нужды да со мною сюда привезены оставшиеся наличные горные инструменты,

5. Еще желаю я нижайший отсюда ехать к его высокопревосходительству тайному советнику Василью Никитичю Татищеву где он изволит обретаться и о бытности моей в оной экспедиции и о нуждах своих пространно о всем донести понеже я здесь об оном канцелярии Главного заводов правления за незнанием моим руского языка исправно донесть не могу.

И канцелярии Главного заводов правления всепокорно прошу да повелит высоким и милостивым своим рассмотрением наличных инструменты у меня принять в казну а оставшие прогонные за расходом деньги мне зачесть во означенное недоданное число мне жалованья к томуж достальные и заслуженное за декабрь месяц 1737 году денежное жалованье мне выдать и отпустить меня к его высокопревосходительству и за незнанием моим руского языка отправить при мне прибывшего со мною из экспедиции солдата Полуехтова и для того дать мне подорожную и прогонные деньги на три подводы и на сие мое всеподданнейше(е) доношение милостивое решение учинить.

Генваря... дня 1738 году

Подпись

* Скрепа: «кре-тья»

** Резолюция: Записать припасы написанные в сем доношении принять в здешнюю заводскую контору

ГАСО, ф.24, оп.1, д.704, лл. 245, 246.

НАШИ АВТОРЫ

АКИШИН Михаил Олегович — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Новосибирской государственной академии экономики и управления

АЛЕКСЕЕВ Вениавмин Васильевич — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, директор ИИиА УрО РАН

БЕКОВ Михаил Бексултанович — доктор философских наук, профессор, Администрация ЯНАО

ВАНУЙТО Валентина Юрьевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник, заведующая научной лабораторией «Гуманитарные исследования» Тобольского государственного педагогического института им. Д.И. Менделеева

ВВЕДЕНСКИЙ Вадим Николаевич — доктор педагогических наук, зам. директора Ямальского филиала ИИиА УрО РАН

ВЕРШИНИН Евгений Владимирович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

ВИЗГАЛОВ Георгий Петрович — директор Центра историко-культурного наследия (г. Нефтюганск)

ГЛАВАЦКАЯ Елена Михайловна — доктор исторических наук, доцент Уральского государственного университета им. А.М. Горького

ЗАГРЕБИН Алексей Егорович — кандидат исторических наук, заведующий отделом этнологии и социологии УИИЯЛ УрО РАН

ЗУБКОВ Константин Иванович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

ИЗОСИМОВ Денис Анатольевич — сотрудник научно-исследовательской части (НИЧ) Пермского Государственного университета, аспирант Института истории и археологии УрО РАН

КАРДАШ Олег Викторович — заместитель по науке директора ООО НПО «Северная археология - 1» (г. Нефтюганск)

КУРЛАЕВ Евгений Анатольевич — кандидат исторических наук, докторант Института истории и археологии УрО РАН

ЛАР Леонид Алексеевич — кандидат исторических наук, докторант кафедры археологии, этнологии и вспомогательных исторических дисциплин Уральского государственного университета им. А.М. Горького

МАНЬКОВА Ирина Леонидовна — кандидат исторических наук, ученый секретарь Института истории и археологии УрО РАН

МИНЕНКО Нина Адамовна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой археологии, этнологии и вспомогательных исторических дисциплин Уральского государственного университета им. А.М. Горького

НЕЖИНА Марина Владимировна — аспирантка кафедры истории Благовещенского государственного педагогического университета

НЕЗНАЕВ Анатолий Михайлович — соискатель кафедры социологии и управления общественными отношениями Уральской академии государственной службы

ОРУДЖИЕВА Адель Григорьевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

ПОБЕРЕЖНИКОВ Игорь Васильевич — кандидат исторических наук, заведующий отделом истории России XVI – XIX вв. Института истории и археологии УрО РАН

САПОЖНИКОВ Александр Георгиевич — кандидат исторических наук, заместитель директора по научной части Государственного архива Свердловской области

ТИМОШЕНКО Владимир Петрович — доктор исторических наук, профессор, директор Ямальского филиала ИИиА УрО РАН

ТУРОВ Ростислав Сергеевич — аспирант кафедры философии Тюменского государственного университета

ТУРОВ Сергей Викторович — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Тюменского государственного университета

ФИЛАТОВ Андрей Сергеевич — соискатель кафедры социологии и управления общественными отношениями Уральской академии государственной службы

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДСТАВЛЯЮ НОМЕР 3

Статьи и сообщения

К.И.ЗУБКОВ. Российский Север в геополитической динамике XV–XVII вв. 5

В.В.АЛЕКСЕЕВ, В.П.ТИМОШЕНКО. Исторические исследования как ресурс устойчивого развития Ямало-Ненецкого автономного округа 16

И.В. ПОБЕРЕЖНИКОВ. Крайний север Западной Сибири в конце XV – начале XX в. (обоснование концептуально-методологических рамок исторического исследования) 26

Д.А. ИЗОСИМОВ. Реконструкция мифо-ритуальной практики древнего населения горно-лесной полосы Приуралья 48

А.Е. ЗАГРЕБИН. Ф.И. Страленберг и В.Н. Татищев у истоков этнографического изучения финно-угорских (уральских) народов 59

Н.А. МИНЕНКО. Женщина в ненецкой семье (XVIII – начало XIX в.) 69

Л.А. ЛАР. Религиозные представления о рождении человека в традиции ненцев 85

В.Ю. ВАНУЙТО. Эмпирические знания народов Обдорского Севера 98

Е.В. ВЕРШИНИН. Бегство к свободе: русская колонизация и сибирские самоеды в XVI–XVII веке 110

О.В. КАРДАШ. Административные центры аборигенных «княжеств» Северо-Западной Сибири в конце XVI – первой трети XVIII вв. (по материалам раскопок Надымского и Обдорского городков) 128

Г.П. ВИЗГАЛОВ. Транспортные средства жителей города Мангазеи (по материалам новых археологических исследований 2001–2005 гг.) 131

М.О. АКИШИН. Туруханский Троицкий монастырь в XVII–XIX веках 137

И.Л. МАНЬКОВА. Печор-Обь-Енисей: поиски и исследования транспортных путей через Северный Урал, полуостров Ямал и Нижнее Приобье (XIX – начало XX вв.) 156

С.В. ТУРОВ. Традиционное архитектурное наследие старожильческого населения Обдории 168

Е.М. ГЛАВАЦКАЯ. Уральская экспедиция Приполярной переписи 1926 – 1927 гг.: история организации 187

А.Г. ОРУДЖИЕВА. Анализ изменений брачного состояния населения Ямало-Ненецкого автономного округа второй половины XX столетия 197

Р. С. ТУРОВ. Традиции политической культуры Ямало-Ненецкого автономного округа 215

М.Б. БЕКОВ. К вопросу о межнациональных отношениях в Ямало-ненецком автономном округе 224

А.С. ФИЛАТОВ. Предпринимательство и социум малого северного города 231

А.М. НЕЗНАЕВ. Ямал в системе межрегиональной интеграции: позиция власти и ожидания населения 238

Компаративные исследования

М.В. НЕЖИНА. Система общественного управления крестьянского и коренного населения Приамурского края (вторая половина XIX – начало XX вв.) 246

Теория и методология

В.Н. ВВЕДЕНСКИЙ. Институциональный подход в социально-гуманитарных науках 255

Публикации

Е.А. КУРЛАЕВ. Поиски руд в Пустозерском уезде и на Полярном Урале до начала XVIII в. 273

А.Г. САПОЖНИКОВ. Уральские свидетельства о Великой Северной экспедиции 282

НАШИ АВТОРЫ 287

Научное издание

УРАЛЬСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК № 13
(Ямальский выпуск)

Рекомендовано к изданию
Ученым советом
Института истории и археологии УрО РАН

Технический редактор *Н. Гощицкий*
Редактор цветной вклейки *Е. Мухина*
Корректор *В. Рагозина*
Вёрстка *Г Сусловой*

Подписано в печать 18.10.2006 г. Формат 70×100\1/16
Гарнитура Petersburg. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. листов 18,25.
Тираж 300 экз. Заказ №
Цена договорная.

Отпечатано с диапозитивов издательства «Гощицкий»
в типографии «Циркон», г. Реж, ул.Олега Кошевого, 16